

СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ

ДЛЯ ОПИСАНІЯ

МѢСТНОСТЕЙ И ПЛЕМЕНЪ КАВКАЗА

Изданіе Управленія Кавказскаго Учебнаго Округа.

ВЫПУСКЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ТИФЛИСЬ,

Типографія: Канцелярія Главнначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ
Лорисъ-Меликовская ул., д. ваз. и Козловскаго, Голов. просп., д. Читахова.

1894.

Оглавленіе.

Отдѣлъ первый.

	<i>Стр.</i>
Мингрельскія народныя пѣсни. Записаль съ указаніемъ напѣва, снабдилъ переводомъ и словаремъ <i>Хр. Гроздовъ</i>	1—58
Мингрельскіе тексты. Собралъ и снабдилъ подстрочнымъ переводомъ <i>И. Петровъ</i>	59—90
Сванетскіе тексты:	
а) Записанныя <i>Г. Нижерадзе</i>	91—100
Пѣсня о Мирангулѣ. Преданіе о началѣ зимъ въ Сванетіи.	
б) Переведенныя <i>Ив. Нижерадзе</i>	101—132
Сказка о Ростомѣ.	

Отдѣлъ второй.

Вардаваръ. Пѣсни записаль и перевелъ <i>А. Калашевъ</i>	1—36
Татарскіе тексты. Пѣсни, загадки, пословицы записаны <i>А. Калашевымъ</i> и <i>А. Иоакимовымъ</i>	37—74

Отдѣлъ третій.

Изъ быта и вѣрованій мингрельцевъ.	
Сообщ. <i>Я. Тепцовъ</i>	1—26
Мингрельскія сказки (въ русскомъ переводѣ). Записаны <i>Ш. Ломинадзе</i>	27—48

Эрамъ-Хуть и святыня джварцевъ. Со- общ. <i>Б. Г. Хорава</i>	49—58
Айсорскія легенды и сказки. Собралъ <i>П. Эйвазовъ</i>	59—109
Варташенскіе евреи. Очеркъ ихъ быта; легенды и сказки сообщ. <i>М. Бежановъ</i>	110—227
Изъ области народной фантазіи и быта Тифлисской и Кутанской губ. <i>М. Машурко</i>	228—410

ОТДѢЛЪ I.

СБОРНИКЪ
МИНГРЕЛЬСКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ,

ЗАПИСАННЫХЪ

Хр. Гроздовымъ.

№ 1.

Болыбельная.

(Сел. Цашии, Зугидск. у.).

1. Сі міхуті, нана сѣуа, || до ма ѓаї гіѓурчула... Нанінаніна! ¹⁾
2. Ѓурѓі меурс шарасуа, || баба сѓаніші набурчула.—Нанінаніна!
3. Мубѓімінаѓ, сѣуа нана? || Ѓурѓеѓі ваморінуана:
4. Кос іріѓелс(м) мідудана, || укулі гіѓашѓвїдуана.
5. Цохолеше ѓурѓеѓі до || увоhole мїзанеѓі;
6. Гакорѓес(а) нївѓеѓі до || данчхїрс дочвес ѓїцареѓі.
7. Баба сѓані аѓї варе,— || чѓи бтѓобуѓ(у) Урѓасїа.
8. Баба сѓані уѓваїчаре || ѓурѓеѓс мїшабурсансіа.
9. Уладѓас(м) догічїн(а), || малас гімаѓунасіа.
10. Чїче рді, мара ѓогїчїн(а), || ена ваг(м) зурасїа...
11. Анѓарї сѓано хазнїріле: || гіаѓунї чѓарасїа;
12. Лурѓа холо казіріле: || догіхвама шарасїа...
13. Мара, сѣуа, гочїнї ѓес(м), || рѓѓхоре іро-ѓоршндасї...
14. Очіші вїѓїра дѓас(м) нѓерс(м), || оші ѓекорѓхоз(м)дасї!

¹⁾ Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

№ 2.

Наставленїе.

(Сел. Цашии.—Сел. Хунци, Сенанск. у.).

1. Боші каѓас гарїгенѓ(м), || —нана, нано!—чѓеверї вочїші дебѓераѓї. Нана, нанано ¹⁾.
2. Чѓнїнїѓ вамомѓонуана, || —нана-нано!—сібошеѓ(м) гевше-раѓї.—Нана-нанано!
3. Аѓе чѓуа мїѓуданї, || ѓарїбіс(а) око ѓара.
4. Асе холо ѓомїчїзна, || мушенн мїс оѓоѓана.
5. Марѓалїре, мїсхунуна || аѓе дѓашї гілаѓала;
6. Мара ваматарїненна || машїна гілангара.

¹⁾ Припѣвъ въ каждомъ стихѣ повлѣ зн. || и въ концѣ стиха.

1. Ты усни, мой родной, а я здѣсь буду тебѣ пѣть. Баюш-ки-баю!
2. Турокъ идетъ по дорогѣ, израненный твоимъ отцомъ.
3. Что намъ дѣлать, мой родной? Турки не даютъ покою:
4. Отнять, обыкновенно, все у человѣка, и потомъ повѣ-сять его.
5. Впереди турки, позади-низамы;
6. Подѣлили вещи, а домъ сожгли въ огнѣ.
7. Твоего отца здѣсь нѣтъ,—мы скрываемся на Уртѣ.
8. Твой несчастный отецъ рубится, окруженный турками.
9. Въ день выхода изъ дому онъ заповѣдалъ тебѣ поскорѣе послѣдовать за нимъ.
10. Ты былъ еще малъ, но онъ уже увидѣлъ въ тебѣ не труса...
11. Оружіе твое готово: послѣдуй поскорѣе за нимъ;
12. Конь также осѣдланъ: я благословлю твой путь...
13. Но, сынокъ, я тебѣ заповѣдую и прошу тебя о томъ, чтобы ты всегда помнилъ меня...
14. Никогда не показывай спины врагу, хотя бы цѣлая сотня гналась за тобою!

-
1. Мы наставляемъ молодежь повиноваться старикамъ.
 2. Насъ никто не похвалитъ, если мы во дни юности будемъ бѣситься.
 3. Мы должны имѣть умъ, чтобы сообразить, что бѣдному нужны деньги.
 4. Теперь, по крайней мѣрѣ, мы знаемъ, кого за что называютъ ссылкой.
 5. Несомнѣнно—намъ хочется жить;
 6. Но мы такъ и доживемъ до послѣдняго оплакиванія, не дождавшись лучшей участи.

7. Моконї сурулї васрулазі, || мара заламі чїлаза ре:
8. Мечаруа-мочаруа,— || чьмні гїлацїорї ле.
9. Арџо тарїші екуна до || чквїндіші гїлацїонї ре;
10. Мужанс шурї романџхуванї, || уккулї бџуванџ нїорї ле-
11. Аџе цалї моџмедеба || егїмакєпїші хїолї ре.

№ 3.

Рекрутская.

(Сел. Цаиши.—Сел. Чкадуаши, Зугид. у.).

1. Ава сі реџмшо, алмасї реџмшо;—нана! абрешумошо-
атцазіреџмшо.—Нана!—Дедав, декав, мебдінево, чїмі
пода!
2. Мус морџмнанї, вамацїнеџмшо...—Нана!—Ѓоделахенї ва-
мазіреџмшо;—Нана!—Дедав, декав, мебдінево, чїмі
пода!
3. Орчоџанїшо-вамантїнеџмшо: || варї шхвапашо вамандїне-
џмшо... (Въ середивѣ каждаго стиха, послѣ зн. ||
употребляется приѣвъ: „Нана!“, въ концѣ стиха—
приѣвъ: „Нана!—дедав, декав...“ и т. д.).
4. Екїші гвалашо маџалї рєнїшо,— || џїша цвандіша амалї-
ренїшо.
5. Анцї уладџа амарї лєнїшо,— || ма садлаџошо вамалїне-
нїшо.
6. Сџанї гамашо чїмо мїренїшо? || Сџанї 8ороџа харамїре-
нїшо,
7. Іро гурїша аламїренїшо; || гымашїненї-мангармненїшо.

7. Мы хотимъ исполнить наше желаніе, но это величайшій самообманъ:
8. Идущая между нами сглаженная переписка всёмъ известна, какъ будто мы явно ходимъ другъ къ другу.
9. Очень легко поднять брови и чихнуть;
10. Но когда понюхаемъ, то послѣ скажемъ, что это — чеснокъ, (т. е. это дѣло сдѣлать такъ же легко, какъ поднять брови и чихнуть, но послѣдствія его дурны, какъ чесночный запахъ).
11. Это дѣло будетъ на радость лишь дьяволу.

Примѣч.—Смыслъ этой пѣсни довольно тѣмный; несомнѣнно, она составила по какому нибудь частному случаю, и въ тѣсномъ кружкѣ, имѣвшемъ свои тайны. Болѣе интереса представляетъ ея музыкальная сторона, именно — странная, относительно мелодіи, ритмика аккомпанимента въ первой половинѣ музыкальной фразы.

1. Передай ей: ты единственная, ты алмазъ; ты шелкомъ блистаешь предъ моими глазами.
2. Ты не видишь, что со мной дѣлаютъ... Если ты заболѣешь, то я не въ состояніи буду повидаться съ тобою;
3. Если тебя возьмутъ въ неволю, то я не смогу устроить твоего бѣгства: другому я не могу тебя довѣрить...
4. Гора Эки высока, — по ея вершинѣ намъ нужно пройти.
5. Скоро день выступленія, а я не могу пойти въ солдаты...
6. Въ замѣнъ тебя — кто для меня? Моя любовь къ тебѣ безгранична,
7. И постоянно находится у меня въ сердцѣ, какъ вспомню о тебѣ, то поневолѣ заплачу.

Припѣвъ: Ахъ, я пропаду несчастный!

Примѣч.—Напѣвъ этой пѣсни настолько популяренъ среди мингрельцевъ, что почти вытѣснилъ изъ употребленія всѣ другіе, выполняемые хоромъ. Иногда, лишь съ нѣкоторыми незначительными видоизмѣненіями, онъ расгѣвается въ настоящее время въ соединеніи съ текстомъ самаго различнаго содержанія. У меня въ настоящемъ случаѣ приведены тѣ слова, съ которыми пѣсня эта, какъ

Цѣсня утопленника.

(С. Цашин).

1. Во, донцѣвілі обішхас.—Нана, нано!
Вадіб шѣвідо ма цѣарсі—Нана, чѣім'цода, на!
Ѓомурзѣумуд чѣімі дѣас,
Ѓозі буаші звас.
2. Цѣарі шѣвіда зоце, марѣ
Чѣім' цалі ваѣоламу шхвас.
Чаѣѣулаѣ мѣѣалат(а), варѣ
Іѣібленді холо згас.
3. Ураѣ кварті зегимашѣѣ,
Ѓемшмоѣоѣ(а) мѣ шѣадіхас.
Оргіаѣ цѣгиро вегимашѣѣ
До зобсѣнді попорі цѣарс.
4. Чілі дочоѣілі пунс...
Чѣара чѣвілі чѣімі дус:
Гегілом(у) зѣі хус;
Чѣімі гурс(а) зѣна чунс.
5. Муѣ маѣолині-зучѣмдас,
Мучоѣі ваѣзірнісі дѣас,—
Гамісоѣанс чѣла зѣас
До гурчѣвідо домінгарс.
6. Чѣімі дінаѣілі шурсѣ
Жіні боріа моміганс,—
Іші зѣвалі до чіламурсѣ
Ошѣреѣіша моміганс.
7. Ѓѣна рѣно марѣбулі?
Ахаваі, чѣімі дѣас!
Чѣімі зоѣі до лекурі
Емері зігілабу шхвас.

говорять, впервые появилась на свѣтъ въ 1887 году, когда среди населенія Закавказскаго края была введена общая воинская повинность.

1. Ахъ, въ проклятую нятницу
Я утонулъ въ водѣ!
Насталь роковой для меня день,
И я сталъ добычею моря.
2. Тонули, бывало, люди, но
Ни съ кѣмъ не случилось ничего подобнаго.
Чувяки мнѣ измѣнили, а то
Я вышелъ бы на берегъ.
3. Необъявленная лошадь лягнула меня
И отбросила меня въ пучину.
Я не могъ справиться съ волной
И застрялъ въ пучинѣ.
4. Я имѣю просватанную за меня невѣсту...
Для меня моя судьба пропала:
Моя невѣста спала съ моихъ плечь;
Мое сердце сожигаетъ то, что я лишился своей суженой.
5. Если-бы она знала, что случилось со мною;
Если-бы она знала, что никогда не увидитъ меня,—
То истерзала-бы свою бѣлую щеку
И горько оплакивала-бы меня.
6. На мою пропащую душу
Подуетъ холодный вѣтеръ,
И рыданія и слезы моей суженой
Онъ донесетъ до рая.
7. Развѣ этому суждено было случиться?
О, горе моей участи!
Мои ружье и шапка
Висятъ уже на другомъ.

8. Ахаваі, муз мабор!
Ма амарі зімкмабор!
Чзімі мазхозіна догор,
Емері шхвас(і) гїацїор.
9. Шхва мізіні анці нгараз...
Вара муше ма мінгарс?..
Зороцїлецїші гамоз
Чанді міцоленс(а) зарс.
10. Зелі чхомз(н) очвумудо,
Звалі енвохмбу згас;
Чзімі зїа дочвімудо...
Бїацобхваді чзімі дзас!

№ 5.

Пїсня узника.

(С. Цанши).

1. Мікоблурсу, умінцурсу, хеша гіламїз(а) лудї.
2. Жї гемобу цачві хусу, кучхїс емїз діді хунді.
3. Зїу-зїуз ібза шурсу, піс(у) мумоцору будї.
4. Візі цана амарї урсу, гале вамїзїр(н) цунді.
5. Мучо зашї блурсї зешї гемозїру чзімі цхенї.
6. Іс муза шн чзімі хешї, вортцез мучо шхва гехенї.
7. Мушіз квазндесї дьерї-чзімі лекурї, чзімі цана—
8. Чзімі мобалате-нтерї арзас цошїбу гама.
9. Бумбуліші мангїоро, зудо гїбдервелмз цолс(у).
10. Набору зїрі шоро тверї ділабденс(н) золс(у).
11. Ма маборенс іро оро: дзас вавортцез азї кос(у).
12. Сїзмарї чзімі боро гомопїнанс чзімі дрос(у);
13. Хес марзакї, хус набаді: „heї-нарало-зарала“!..
14. Вамоворд(н) ішїрагаді, созїні ормїда нцарала,—
15. Езї цілізї цхенїші, гїлазуна цїрецїші.
16. Дасанцармдн нтерїші чзімо золї інецїші.

8. Ахъ, что случилось!
Вотъ сюда меня занесло вѣтромъ!
Мой преслѣдователь отыскалъ себѣ
Другого пріятеля, и вонъ тамъ кружится по вѣтру.
9. Теперь кто нибудь, мнѣ чужой, будетъ меня оплакивать...
Но чего ради онъ будетъ меня оплакивать?...
Вмѣсто моихъ близкихъ—
Муха пропоетъ мнѣ погребальную пѣснь.
10. Рыба уже съѣла мое мясо,
Кости на морскомъ берегу свалены въ кучу;
На мою долю пошелъ дождь...
Я встрѣтился со своимъ жребіемъ!

-
1. Я прикорнулъ, всѣми оставленный, подоживъ голову на руку.
2. Плечи у меня связаны дѣпью, на ногахъ тяжёлые кандалы.
3. Я едва дышу, и мой ротъ прикрываетъ шапка.
4. Десять лѣтъ уже проходитъ, какъ я не видалъ на деревь росы.
5. Въ такомъ положеніи моего сна мнѣ чудится мой конь.
6. Конь забылъ мою руку, и на немъ сидитъ уже другой.
7. Мои саморѣзы-кинжалъ и шашка—
8. Все это досталось моему измѣннику-врагу.
9. Вмѣсто перины, я ворочаюсь съ боку на бокъ на полу.
10. Подобно вѣтру сыплется снѣжная пыль въ мои глаза.
11. Напрасно меня обольщаетъ сновидѣніе: адъ въ мнѣ и челодѣ въ мнѣ не вижу.
12. Глупый сонъ напоминая мнѣ мое былое время.
13. Въ рукѣ нагайка, на плечѣ бурка, — я выкрикиваю: „гей-гаразо-гаразо“.
14. Мнѣ не нужно было говорить, гдѣ празднество.
15. Гдѣ метанье копья на конѣ и прогулки съ дѣвками.
16. Глаза дѣвницъ возбуждали въ моихъ соперникахъ зависть до мнѣ.

17. Созіні гамвобрчїндїда, діха чабула, ца буді.
18. Мето вегїмоскїндїда, джаша муше ма мабуді?!..

№ 6.

О крестьянскомъ возстанїи.

(С. Цаши).

1. Усмарзоба ашінозе Одішурі алагес.
2. Патонобаџ гїнілуні. Мус збуана саманцелс?
3. Патонеџі ночвуме халхіші зїа цамагірс,
4. Халхірїгї гџцу, земвобуна Лакаденс.
5. Усамарзо патонеџі шуро музас абаденс.
6. Халхі дџ мупі патонеџ(и) Наџїтхоус геканџхес.
7. Патїнеџу еподес(у), вара дуцу зеглуквазандес.
8. Шїшіс зурелї патонеџі екі земїоцадандес;
9. Шїренїші зурелеџс(у)—зуд'ша сер'ша вамарзес.
10. Зуде мучо зозїресї, чїче гурзу демаргес.
11. Мунеџїші мадлосанеџі цванелс гїокавандес;
12. Гурмешїрілі патонеџі мїндорс земцодртїндес.
13. Марїа до Кесарїас сум' дудел' зумї зџцудес.
14. Очамреша мїзулїна, сзасерс зейзївваудес.
15. Чхварїа ваночзедес(и) до арзїанїша зџтвезудес.
16. Кажугї меутахїдес, хеше гегцолаџудес;
17. Камутеџїші нотехеџі кучхїс зегланџхаџудес.
18. Онцворешї гурїшенї вочї земкунчаџудес;
19. Мучо шхаџїлі верїцало, мунеџі зейзїцваџудес.
20. Мунеџїші зомолї патїнеџі цхвелїс зейшатахїндес.
21. Ёора залалаџунанї, ортцаџї зомуртцаџудес.

17. Гдѣ-бы я ни появлялся, для меня земля была чувствами,
а небо шапкой (т. е. вездѣ мнѣ было „море по колѣно“).
18. Зачѣмъ, счастье, я обладалъ тобою до сихъ поръ, если
мнѣ пришлось тебя лишиться?!..

-
1. Какъ видно, надъ Мингральской страдой тяготѣло беззаконіе.
 2. Барское иго кончилось. Какую причину нашего освобо-
жденія придумаютъ господа?
 3. Господа, оказывается, съѣдали народный заработокъ,
 4. И народъ возстаетъ поголовно и направляется по гористой
части Мингреніи.
 5. Беззаконники-баре рѣшительно ничего у крестьянъ не ос-
тавляютъ.
 6. Народъ и его господа столкнулись въ деревнѣ Напичхоу.
 7. Крестьяне сжалились надъ господами, а то могли-бы от-
рѣзать имъ головы.
 8. До смерти перепуганные, господа едва тащились вверхъ;
 9. Умершіе отъ голоду, они до ночи не могли придти домой.
 10. Они немного легко вздохнули лишь тогда, когда добрались
до дому.
 11. Ихъ госпожи-супруги толкли вареную зелень;
 12. До тошноты голодные господа на полянѣхъ передъ домомъ
глotalи эту зелень не жуя.
 13. У помѣщицъ Маріи и Кесаріи уродилось три колоса гоми;
 14. Онѣ ночью вошли въ сарайчикъ и тамъ это гоми молотили.
 15. Молотить, оказывается, онѣ не умѣли и ударили другъ
друга по головѣ.
 16. Свои деревянныя била онѣ поломали и выронили изъ рукъ;
 17. Обломки этихъ билъ ударились имъ о ноги.
 18. Отъ стыда онѣ нибого въ себѣ не впускали,
 19. И отъ гнѣва чавкали подобно разъяренному кабану.
 20. Ихъ господа-мужья пошли въ лѣсъ ломать хворостъ.
 21. Животы у нихъ подвело, и они подтянулись поясами.

22. Буму лібу Софуна ндо нозурс зейлабабандес;
23. Біді вауңірндес(н), зеші бенурзвандес.
24. Хварчіні вашібудесні, хезмці гоўчабудес;
25. Кіраа вашібудес(н): до кізїз земшепахудес.
26. Хварчіні вашібудесні, бірцхаз додугабудес.
27. Бірцхаші днагесці бумус патїшець' ваурзвандес.
28. Кізї мечвалі патощець(н) грїлі щарс товезабудес.
29. „Іро заші ібініа!..“ нгара доуччабудес.

№ 7.

Цьсоня кн. Гуту Аманіа.

1. Чзімі дуді ма бцогмні, — зеші муше гамандірі?
2. Ёе джа заші мобзиджа, джана муше вагамцілі?
3. Самардалі, вамікїзхес, вамігорес ганчінеба.
4. Нана, муше гимнашіне чзімі дудіші ганчінеба?!..
5. Гачінеба зес(н) цохо; асе мемехварі, цїма!
6. Хасїлас(н) канї вегебз(а), дїцарїші генанціра.
7. Залїз морїна, вара самардалїз варе рдїна.
8. Арї шарас дабабндї курганїші сацалоз.
9. Усамарзобау гомочзу нтерецїші саццалоз.
10. Кучхі рїназ домїчкадес, хе вамїу сензалоз.

22. Гоми вышло жидкое, и онѣ снова начали просѣвать шелуху,
23. Да и ту не просѣвали, а просто высыпали ее въ котель.
24. Лопатки, оказывается, онѣ не достали, и сглаживали гоми рукою;
25. А когда не достали палочки для мѣшанія гоми, то тыкали въ него пальцемъ.
26. Когда не достали лопатки, то гоми изъ котла выцарапывали ногтемъ.
27. Ногтемъ вынутое гоми господъ не насытило,
28. А обожженный барский палецъ пришлось обливать холодной водой.
29. „И это всегда такъ будетъ съ нами!..“ —всплакались господа.

Примѣч.—По объясненію старика крестьянина, пѣвшаго эту пѣсню, описываемое событіе произошло лѣтъ 30 тому назадъ; слѣдовательно—должно думать, что въ пѣснѣ изображенъ одинъ изъ эпизодовъ крестьянскаго возмущенія, происходившаго въ Мингрелии въ 1857 году при владѣтельницахъ Екатеринѣ Мингрельской.—На этотъ же напѣвъ, лишь въ весьма незначительными, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, измѣненіями, тѣмъ же крестьяниномъ была пѣта и слѣдующая пѣсня, дополненная и снабженная вариантами въ сел. Киція, Сенакскаго уѣзда.

-
1. За что Ты, Господи, такъ меня обидѣлъ, что я себя превираю?
 2. Если меня ожидалъ такой черный день, то зачѣмъ Ты до сихъ поръ не уничтожилъ меня?
 3. Правосудія они (т. е. моуравы, управляющіе владѣт. князя) не соблюли и не обратили вниманія на судебное постановленіе.
 4. Ахъ, зачѣмъ мнѣ приходится на умъ мое безвыходное положеніе?!
 5. Вотъ что, именно, называется несчастіемъ,—и теперь ты помоги мнѣ, братъ!
 6. На бокахъ у меня истерлась кожа отъ лежанья на голой доскѣ.
 7. Они преодолеваютъ меня насиліемъ, но по закону—это не побѣда.
 8. На жизненномъ пути я могъ быть такимъ же значительнымъ человѣкомъ, какъ и тѣ, которые меня преслѣдуютъ.
 9. Беззаконіе обратило меня въ такого несчастнаго, что меня созагнѣютъ даже враги мои.
 10. Мои ноги заковали въ желѣзо, и

(Вар.—Ірїцелї арѣо кїрїлї маѣу, хе ваїѣу сазалоѣ).

11. Цудї насхунаѣ муза мерг(м),—муѣї ренї цїгїрїш метѣ?
12. Ђудонѣ муза мумехвар(м),—самарѣалї жїнїшї метѣ.
13. Цоцохезї мїѣ іхїр(м) хорѣїело, чѣмї метѣ?
14. Хорѣїс цоѣорс цочана ндо шурс Ђоронѣї адїденс.
15. Ешїмавеѣї маѣухенс(м), Ђоронѣї ваїмаѣаѣмїденс.
16. Хе до вучхїс цешї бкїрїна, кочї муѣунс вабкїѣхенс.
17. Мїѣас нелї(м)цодуеѣо, саѣаѣалї чѣмї чїлїшї мет'с.
18. „Гуѣуѣ цїхас івт(а), мара цоморѣ(у), до хес цопуна“.—
19. Ва мѣрсї-їс му учїрс, цомѣрсї-їс очоѣуна.

(Вар.—Мїѣї цомурсї-муза учїрс, мїѣї мїдурс(ї)-очоѣуна.

20. Ешелена-дочарїна, гїмелена-досоѣуна.
21. Холо Ђоронѣѣ нумолас(м) гїмарѣїнеѣ Росѣо Ђула!
22. Ма чоѣуа ваѣхвалїд, —чѣмїѣ вордї мондебудї.
23. Морчїлеба уѣгуна —мїшеѣ гамїгонебунї.
24. Шхвас(м) мус(у) вондурѣ(м), дудї дамїѣоревунї?
25. Ђавадобас осѣудуо оборвалїшї іѣохуна?
26. Росѣоѣ Грїголс мѣшїн—Аѣѣїашї самарѣалї че цулас(м)
цопоѣуна.

№ 8.

Пїсоня о ранней зїмѣ.

(С. Цаншї.—М. Самгбро, Зуд. у.—С. Кїцїл, Сенакск. у.).

1. Во, Бурѣа до Бурѣавода, че цїрїмудї рчанс!
2. Двас(у) мїс(у) гагонебу шѣа гїмас(м) зїра? рчанс(м)!

руки мои лишены силы. (*Вар.*—Всѣ члены у меня связаны; не имѣю руки, чтобы пустить ее въ ходъ). 11. Дурныя мѣры не помогли моему избавленію,—развѣ помогутъ только хорошія мѣры. 12. Земной законъ не помогъ,—остается развѣ только небесный законъ. 13. Какой живой человѣкъ, кромѣ меня, испыталъ на себѣ, что значитъ адъ? 14. Если мое тѣло отдадутъ на съѣденіе собакъ, то все-таки мою душу Богъ прославить. 15. Дьяволы меня мучаютъ, но Богъ не погубить моей души. 16. Меня вяжутъ по рукамъ и по ногамъ, и настолько признаютъ виновнымъ, что не даютъ объясниться. 17. Видно—никто не сожалѣлъ обо мнѣ, кромѣ моей бѣдной жены. 18. „Гуту,—говорятъ враги,—бѣжалъ изъ крѣпости, но добровольно вернулся, и теперь онъ въ нашихъ рукахъ“. 19. Кто находится въ бѣгахъ, съ тѣмъ ничего не могутъ сдѣлать, а ловятъ того, кто явится добровольно. (*Вар.*—Кто добровольно вернется, тотъ будетъ помилованъ, а кто убѣжить, того схватятъ). 20. Что у себя наверху напишутъ, то, сойдя внизъ, изорвутъ (по всей вѣроятности—указывается на непостоянство и противорѣчія въ государственныхъ и судебныхъ рѣшеніяхъ, вслѣдствіе чего узнику приходилось страдать). 21. Дай Богъ, чтобы еще остался законодателемъ Ростомъ Хромой! 22. Не слѣдовало меня ловить, такъ какъ я покорился добровольно. 23. Отъ кого я ни слышалъ, всѣ говорятъ: покориться лучше. 24. Незачѣмъ мнѣ роптать на другого (т. е. виновника моего несчастія), когда я самъ въ немъ обманулся. 25. Развѣ княжескому достоинству къ лицу сидѣть въ кандалахъ? 26. Ростомъ доложилъ Григорію, что судъ надъ Апакіею совершенъ несовсѣмъ справедливо.

Примѣч.—Кн. Ростомъ Чиговани, вслѣдствіе своего физическаго недостатка носившій въ народѣ прозвище «Хромой», считался знаткомъ законовъ и игралъ первенствующую роль въ управленіи страной при владѣтеляхъ—Леванѣ и потомъ Давидѣ, до самой смерти послѣдняго, т. е. до 1853 г. Имѣя въ виду, съ одной стороны—то, что Ростомъ,—на котораго, какъ на своего ходатая, Гуту Апакія возлагаетъ свои надежды,—умеръ (по показанію его родственника—кн. Мануч. Чиговани) ок. 1857 г.; съ другой стороны

3. Ђуму ікорџеле—во-да, џеці гамурсајнс.
4. Ђурзениша џомкурін(а) џоџор до турас.
(*Вар.*—Ђурзенис џкміош(н)хйна џоџорі до тура).
5. Тура, аца-баца-о-да соша міоцаца?
6. Сі міџ мерч(н) озкрато муш'ода до џацхџ?
7. „Маргалеџіші осуреџі џоџомс іварана;
8. „Даба мінмашџвіџіа—џобџіра до варо?
(*Вар.*—Даба џоџунс(н) до вари-џіша мевобаца).
9. „Мініџібруліа-о-да, гіноџіворулеі
(*Вар.*—Міноџ вірулеі-о-да гіноџ ворулеі)
10. „Шху-шху-шху-шху дадулеџі, шеџаші кихілеі.
11. „Сџані Урмашіа (*вар.*—Уруміа)—о-да геміџваџінеі:
12. „Га-до-гас(н) гівосхаџі до гініџчіліџеі.
13. „Сџані латџваџіа-о-да геміџваџінеі:
14. „Відіџебрџхеліа-о-да, гініџчіліџеі.“
15. Асеџані патоненџ(н) муноџ гесурасі,
16. Око рсуребудаскні мозіскаре нтері:
17. Хоці доуџвілі-о-да, џуџі геуџіні.
18. Курџхус кнноџваранс(н) удідолн гіні.
19. Паті џџіві міџџыдн до дуді момџондмні,—
20. Геџані вамікіџхесіа џурелі до џелі.

№ 9.

Мать и дочь.

(С. Цаши.—С. Чкадуаши).

1. Сі џоулі, ма доміталенџо;
2. Сџані охвенс ма геміталенџо.

—то, что своему деверю кн. Григорію,—къ которому Апакія, чрезъ Ростома, апеллируетъ какъ къ высшему лицу въ странѣ,—владѣтельница (со смерти своего мужа Давида) Екатерина ввѣрила управление Мингреліею лѣтомъ 1856 года (по случаю своего отъѣзда въ Петербургъ),—должно полагать, что описываемое въ пѣснѣ событіе, т. е. заключеніе Апакіи, произошло въ промежутокъ времени 1856—1857 г.г.—Свѣдѣній о личности Гуту Апакіи и о его провинности, за которую онъ подвергался преслѣдованію,—добыть не удалось.

1. Ахъ, Бурга, Бурга, побѣлѣла твоя борода! (Если принять то объясненіе, что словомъ: бурга обозначается одинъ изъ видовъ вьющихся растений, цвѣтущей бѣлыми цвѣтами, то конецъ этого стиха придется перевести такимъ образомъ: твоя борода еще бѣла, т. е. твои цвѣты еще бѣлы, еще не отцвѣли).

2. Развѣ слыхано когда нибудь, чтобы среди жатвы (или октябрю) шель снѣгъ? 3. Гоми повалилось,—свинья его поѣдаетъ.

4. Къ винограду подошли собака и шакаль. (*Var.*—Собака и шакаль обступаютъ виноградъ). 5. Куда ты, шакаль, вращешься?

6. Кто тебѣ позволилъ собирать дань съ дома и съ шалаша?

7. (Слова шакала): „Крестьянки говорятъ, что у нихъ нѣтъ ни курицы; 8. А ну-ка выпустите меня—найду я или нѣтъ? (*Var.*—Я хочу узнать, есть или нѣтъ, а потому и подварадываюсь).

9. Я забѣжалъ во дворъ и бѣгомъ протащилъ (*Var.*—Я забѣжалъ туда и вытащилъ оттуда). 10. Толстыхъ-претолстыхъ вуръ и молочныхъ поросятъ. 11. Натравляй на меня свою собаку: 12. Я помчался по холмамъ и увернулся отъ собаки. 13. Пусть стрѣляетъ твое дрянное ружье: 14. Я вувырнулъ и увернулся отъ пули“. 15. Если нынѣшніе господа (т. е. дворяне-помѣщики) посѣтятъ насъ, 16. То это будетъ посѣщеніемъ заклятыхъ враговъ: 17. Закололи быка, да еще съ придачею коровы. 18. Въ углу мычитъ лишившійся матери теленокъ. 19. Я думалъ, что я угостилъ ихъ, и этимъ гордился, 20. Но спустя нѣкоторое время они уже не узнавали насъ,—не знали, кто изъ насъ живъ, и кто умеръ...

Примѣч.—Описываемая въ пѣснѣ ранняя зима, повлекшая за собою крестьянскую голодовку, была очень давно: по словамъ однихъ

3. Чоцілі вореџ, зовілі вореџ: вагоміталенџо?
4. Діхазурга сарвілі, до Саџанцо мунаџілі: сџуа досџіладілі,
до діанџілі џунаџілі...
5. Доміталенџі, момінталенџо!
6. Вара укулі ваміваренџо?
7. Валірі вореџ, халірі вореџ: вамкмоталенџо?
8. Гаџілі гечілаџілі, до чілаџірі цураџілі: сџуа досџіладірі,
до діанџілі џунаџілі...
9. Сі џоулі, ма доміталенџо.
10. Чоцілі вореџ, зовілі вореџ: вагоміталенџо?

№ 10.

Застольная.

(М. Зугдиды.—С. Чкадуаши).

1. Гешвіа, гешвіа ахалі до цвешіа!
2. Учардіа, уча вочі, вашундіадушя морџі?
3. Уча воді харкалѐ ашо момічакалѐ!
4. Алі кула рѐ, дѐ алі кула рѐ! (Пауза—при гвніи).
5. Міџі звінс(м) гешунснї, вочі џіна ре.
6. Вара геџшваџіа-о-да, вара обчџомаџ(і),
7. Вара џоло рхіні-о-да мевіџіруаџ(і).
8. Рхіні сумаренс(м)-о-да, џолі мѐнзелс(м);
9. Муџі уџгушї, уџгушї ренї,—маділосаненс(м).

№ 11.

Застольная прибаутка.

(С. Куцїа).

1. Цџарісінді цџарс(м) гехе, мікордѐвокобѐ. Пої!

—лѣтъ 200 тому назадъ; по словамъ другихъ—лѣтъ не менѣе 100 тому назадъ; по словамъ третьихъ—«это было еще тогда, когда въ Мингрели, кромѣ гоми, никакого другого хлѣба не сѣяли».

1. Ты выходишь замужъ, а меня оставляешь и сажаешь на свое мѣсто. 2. Я теперь въ семьѣ связана и стѣснена: не освободишь ли ты меня? 3. Деревня Дихазурга ясна, а гора Сатаджо облачна: дочь остается въ семьѣ, а теща выдана замужъ... 5. Ты меня оставляешь,—пожигаетъ меня огнемъ! 6. Можетъ быть, ты потомъ откажешься предъ судомъ Божиимъ отъ своего грѣха? 7. Я увяла, я сожжена горемъ: не излѣчишь ли меня? 8. Бывшая въ хорошихъ условіяхъ жизни (говорится о дочери) переходитъ въ худшее положеніе (такъ какъ теперь, безъ матери, на нее одну будутъ взвалены всѣ домашнія заботы), а бывшая въ тяжеломъ положеніи (т. е. мать) становится (благодаря выходу замужъ) въ положеніе лучшее: дочь остается въ семьѣ, а теща выдана замужъ. 9. Ты выходишь замужъ, меня оставляешь. 10. Я въ семьѣ связана, я стѣснена: не освободишь ли ты меня?

1. Пей, пожалуйста, вино и молодое и старое!
 2. Учардія, черный человѣкъ! Если ты не пилъ, то почему пришелъ?
 3. Пригатайка-ка сюда черное звенящее ведро!
 4. Пурпуровая вула, пурпуровая вула!
 5. Кто выпьетъ вино, тотъ, дѣйствительно, человѣкъ.
 6. Или выпьемъ, или скушаемъ чегонибудь,
 7. Или же только глазами полюбуемся на пирь.
 8. Веселье гостямъ, удовольствіе хозяину,
 9. А что лучше—то для барынь.
-

1. На водѣ сидитъ дикая утка, а поодаль чайка.

2. Боші, мус(у) міціверѣ(ы)? егебас говорде?
3. Шуро беді зогіцунда, егеб вадыговордѣ.

№ 12.

Отрывокъ.

(С. Чкадуашн).

1. Моводас, мімучанс(ы) Дадіхе ціра Нівуцас(і)?
2. Мучо зюлі узіцанс(ы)-боші, егеб говодас(і)?

№ 13.

Отрывокъ.

(С. Чкадуашн).

1. Міѳорснн мін оре?
2. Сзүвамн ціра Ніворе.
3. Аюшкаше гіпоре,
4. Че бжалара міоре.

№ 14.

Любовь.

(С. Цашн).

1. Зороцас(о) іро бчқале, Зороцас(о) іро бчқале, гурі шеметцубуні,—зариһарале!—гурі шеметцубуні;—зариһарале!
2. Іріцелс(а) зис вабрале, музї вемехуцубуні.
3. Кезебулі зїна зюце, міс Зороца обедыні;
4. Іна зїшо рїна зюце, мїзї чоцуас зобедыні.
5. Моѣ добсзүдї зїш' урчзїнцо—хеѣ(у) вамачоцедынї?
6. Вара зїші інахвенцо—зоберї вамазобедыні,
7. Варз' ічоце чїті цало, варз' ізобе іш' зоберї?

2. Юноша, что ты смотришь? может быть, желаешь меня?
 3. Если ты имѣешь хоть немного счастья, то, может быть,
я и буду твоею.
-

1. Даже если бы я захотѣлъ, то может ли мнѣ достаться
дѣвица Дадіани Нинуца?
 2. Когда она смѣется, тогда ты, юноша, может быть же-
лаешь ее?
-

1. Кто та, которую я люблю?
2. Это—красивая дѣвушка Нина.
3. Она стоит и смотритъ черезъ окно,
4. И яркій солнечный свѣтъ обливаетъ ее.

Примѣч.—Остальныхъ словъ этихъ двухъ пѣсенъ не знала пѣвшая ихъ крестьянка, отъ которой онѣ записаны.

1. Я всегда проклинаяю любовь, когда у меня страдаетъ
сердце;
2. Во всякой неудачѣ въ жизни я обвиняю ее.
3. Тотъ истинно счастливъ, кто счастливъ любовью;
4. Она счастье для того, кто наслаждается ею.
5. Почему я не зналъ, что рукою нельзя поймать ее?
6. Или почему мнѣ было неизвѣстно, что я не могъ сплести
ограду, чтобы удержатъ ее;
7. Что ее ни поймать нельзя, какъ птицу, ни построить за-
бора для ея огражденія?

8. Солеурсі цїті цало—вагаші ім' дхобелі.
9. Міарос(о) цєрі аџу, мучо маламо до фони,—
10. Міарос(о) втері аџу, мучо аргуні до чқоні;
11. Мізїнешо іна шхва ре,—оску, мучо 8удес варі,—
12. Мізїнєс ділааре, мучо дварас дїабарі.
(Повторенія и прип'євъ—такъ же, какъ и въ первомъ стихѣ).

№ 15.

Любовная.

(С. Киція).

1. Ма до сзвам'цїрас(н) сїтқва мїзудеск,—соџелі соџелс(н)
гілавевзіре, гілавевзіре.
2. Хес(н) хе зїмеџчі,
Ђолс(н) жуаџуні,
Ђолс(н) чїламури
Ђогоу8уне (2 р.).

№ 16.

Любовная.

(С. Киція).

1. Горонзїше дынабаді сі режні заші око.
2. Мїзкз гзжрмнї—џоџуруна: сїцоцхлє-авас вѣко.
3. Учїлє бошенс заџра 8вїлннс, чїламс авас чїлі вѣко.
4. Моџ добуџї осуреџї,—моџ зїміні сѣрако?
5. Кочї, осурї рагаданс(н), шаџарело мїзї орд,
6. Уметашо осуреџї: „Асешах(н) ена сорд“?
7. Чжн атдыне мїс вовоџ(н)? Чжннї чїро муџ(у) морд“?
8. Гегїноџїу осуренџ(н) арзаџ арзо, мїзї орд.

8. Не найдешь и развѣдчика, чтобы узнать, куда, подобно
молніи, улетитъ она.
 9. Для нѣкоторыхъ любовь—словно цѣлебная мазь и сало,
 10. А для нѣкоторыхъ она такой же врагъ, какъ топоръ
для дуба;
 11. Для нѣкоторыхъ она служитъ украшеніемъ, какъ ворота
для дома,
 12. А для нѣкоторыхъ она острая боль, засѣвшая въ желу-
докъ.
-

1. Мы съ красивой дѣвушкой дали другъ другу слово, и вѣсть
о нашей помолвкѣ я разносилъ изъ деревни въ деревню.
 2. Я отдалъ ей свою руку, поцѣловалъ ее въ глазъ и заста-
вилъ ее прослезиться.
-

1. Созданіе Божіе должно быть именно таково, какъ ты.
 2. Кто только увидѣлъ тебя—умираетъ: жизнь въ такомъ слу-
чаѣ никому не нужна.
 3. Холостыхъ молодыхъ людей производимое тобою впечатлѣ-
ніе убиваетъ, а женатые при видѣ тебя забываютъ о
своихъ женахъ.
 4. Почему ты погубила женщинъ,—почему ты совершила нѣ-
что сказочное?
 5. Всѣ говорятъ,—какъ мужчины такъ и женщины, которые
были въ собраніи,
 6. А большею частью женщины: „Гдѣ она до сихъ поръ была?
 7. Послѣ этого кому мы нужны? Что воспитало ее на наше
горе“?
 8. Женщины, какія были,—всѣ сразу разбѣжались.
-

№ 17.

Любовная.

(С. Киция.—С. Чкадуаши).

1. Ма матанце мус гивеџенс?
 2. Вара піле мус гергеб?
 3. Дохзуреџі цамалс морт(н),
 4. Мчана, мара мус гергеб?
 5. Івенџ муџунс вемехвад(н),—(вм. множест.: вемехвадес).
 6. Му пілннс(н), му мергеб.
 7. Гігоруанс шурі чџімі;
 8. Усџанеџ(н) вемерцхеб
-

№ 18.

Любовная.

(С. Киция).

1. Сџані чірі чџімі дус(у)!—Наріалале!
 2. Сџані чарцха гурс(у) бчунс(у);—наріалале!
 3. Ваворез(н) чџімі хус(у);
 4. Іро мавашуаџу ндо
 5. Мангарінуаџу гурс(у).
 6. Сџані чірі чџімі дус(у)!
 7. Сџані цалі шхвас міс џунс(у)?
 8. Шурс зварако шерціренџ до
 9. Гогілуа хе до дус(у).
-

№ 19.

Любовная.

(С. Цаши).

1. Сџан' санџело! Сі џоршино, вучхіс вучхі гілардгіні?—На-на, наніана, хоў вінана! Нананіна.

1. Что пользы тебѣ меня мучить?
2. Или какая тебѣ выгода убить меня?
3. Доктора лѣчатъ меня,
4. Даютъ мнѣ пить лѣварства,—но что отъ этого пользы?
5. Они ничего не отгадали,—
6. Они не сумѣли угадать, что меня убьютъ, и что выль-
чить.
7. Душа моя взываетъ къ тебѣ;
8. Я и умереть не могу безъ тебя.

-
1. Да падеть твоя болѣзнь на мою голову!
 2. Разлука съ тобою тревожитъ мое сердце;
 3. Я не могу успокоиться;
 4. Я безпрестанно вздыхаю
 5. И плачу сердцемъ.
 6. Да падеть твоя болѣзнь на мою голову!
 7. Кто другой имѣетъ подобную тебѣ?
 8. Я приношу тебѣ въ жертву свою душу,
 9. Свою руку и голову.

Примѣч.—Слова этихъ трехъ послѣднихъ пѣсенъ приписываются кн. Ант. Георг. Дадіани, хотя они теперь стали вполне народнымъ достояніемъ.

-
1. Свѣчой готовъ сгорѣть за тебя! Ты помнишь ли—я своей ногой нажалъ твою ногу?

2. Мосвасвілі, моквантілі, жі балконс(н) гілардіні;
 3. Ма еўлірі боші ворді, сі уціцулі ціра рдіні.
 4. Тіна вара вагічумно, чзімі гуріп' вчла рдіні?
 5. Шурі чзімі шуладіло машвандебелі біна рдіні.
 6. Ђол'ша вамоміолмрдіні сі чзімоу(н) діна рдіні.
 7. Діо холо іменді ре, чічес вара ўоршуде.
 8. Шхваша іро ўомісхунуў, сі данчхмс(н) ўобчунде,
 9. Атарамо мукурде чзімі зісхмс(у) ўоршунде;
 10. До ма іро діна моко, іро гурс(у) ўорчунде.
 11. Данчх'ро гоулірі вореў. Ноте ціхас вондуде!
 12. Вара діхас, вара цас(н)—солеїні вончуде;
 13. Вара чзімо, вара шхвашо—ноте муўунс ворўмде!
 14. Вара ўурелс, вара ўелс(а)—акас муўунс воргуде.
 15. Ђена цода мучо варе, ўедалс кос(у) орўуде?
 16. Мара ена муў мімочў(н), увулі вадмокормде?
 17. Ђура дбаша ўогіцінеў, гвало вагйгочқормде.
 18. Гурс(у) вара вадорчунсо, усўанеў(н) бчқормде?
 19. Іна ўоронўў мум ўімін(у), ма сі вагоцодуде!
- Прип'ѣвъ—какъ въ первомъ стихѣ.

2. Наряженная и изукрашенная, ты стояла на балконѣ;
3. Я былъ юношей, ты была еще дѣвицей.
4. Помнишь ли, что ты была обладательницей моего сердца?
5. Для моей усталой души ты была приютомъ отдохновенія.
6. Если бы ты упала мнѣ въ глазъ, то я не почувствовалъ бы.
7. Есть надежда, что ты хоть немного помнишь меня.
8. Я буду любить тебя больше, чѣмъ другую, хотя бы даже
ты жгла меня въ огнѣ,
9. Хотя бы ты стояла и изъ чашки пила мою кровь;
10. И я всегда того хочу, чтобы ты жалѣла меня.
11. Въ моей душѣ кипитъ огонь. О, если бы въ моемъ серд-
цѣ осталась хоть капля надежды!
12. Я въ такомъ затруднительномъ положеніи, что не могу
найти выхода;
13. Я живу безъ пользы и для себя и для другого,—
14. Хоть бы комунибудь я былъ полезенъ—живому или
мертвому.
15. Развѣ не грѣхъ такъ поступать съ человѣкомъ?
16. Но все это я не поставилъ бы ни во что, если бы зналъ,
что впоследствии буду обладать тобою.
17. Если ты окончательно забудешь меня, то я тебя буду
ждать хоть по день своей смерти.
18. Не пожалѣешь ли ты меня сердцемъ, если я буду поги-
бать безъ тебя?
19. Не дай Богъ, чтобы ты обо мнѣ не сожалѣла!

СЛОВАРЬ.

А.

Абаденс (музас)—ничего не оставляютъ.—Бадеба. Абрешумі—шелкъ. Адіденс—прославить.—Дідеба. Аѣі—здѣсь. Ака—одинъ, единственный. Акошка—окно. Акошваше—черезъ окно, въ окно. Алагі—страна. Алагес—въ странѣ. Алалаца—втянуться. Аламіренішо—находится.—Еларіна. Алі—пурпуровый, красный. Алмасі—алмазъ. Амагыренішо—надлежитъ взобратъся.—Амұла. Амарі—здѣсь. Амұла—взойти, взобратъся. Анцарі—оружіе; сѣкира. Анці—теперь; въ скорѣйшемъ времени; въ будущемъ. Аңу—доводится кому нб. чѣмъ нб. Аргуні—топоръ.	Арза—весь. Арзау (нар.)—разомъ, всѣ вмѣстѣ. Арзас (нар.)—всѣмъ. Арѣі—одинъ. Арѣіаніша (нар.)—другъ друга. Арѣо (нар.)—съ одной стороны; вмѣстѣ. Асе—теперь; такъ. Асеіані—нынѣшній, настоящій. Асесах—до сихъ поръ. Атарі—деревянная чашка. Атарамо—съ чашкой. Аѣе—этотъ. Аѣе цалі—такой, подобный. Ахаваї!—междом. горя. Ахалі—новый; молодой (о винѣ). Аца-баца—звукоподражательное слово, обозначающее звуки шаговъ крадущагося осторожнаго животнаго (напр. кошки, шакала и т. п.). Ацмазіреуышо—блистаетъ предъ моими глазами.—Ацозіраца—блистать предъ глазами. Ацѣне—послѣ этого. Ашінозе—(обязывается) лежало, находилось.—Ашодвала. Ашо—сюда.

Ашодвала—находиться; лежать
среди чего нб.

Б.

Баба—отець.

Бадеба—оставлять.

Балконі—балконъ.

Бацуа—итти, красться на цы-
почкахъ.

Баѳуа—просѣвать.

Беді—счастье.

Бжалара—солнечный лучъ.

Біна—пріють.

Бірцха—ноготь. Бірцхаші—ног-
темъ.

Бкырмна—вяжутъ меня.—Кы-
руа.

Блурсі—сплю.—Лурі.

Боріа—вѣтеръ.

Боро—глухой, пустой.

Боші—мальчикъ, юноша.

Бралеба—винить.

Бтқобуѳ—скрывается.—Тқобуа.

Бѳуанѳ—скажемъ.—ѳбуала.

Бумбулі—перина.

Бурѳа—по одному объясненію—
название козла, быка; по дру-
гому—собств. мужское имя;
по третьему—вьющееся рас-
тенья съ бѣлыми цвѣтами.
Болѳе вѳроятія заслуживаютъ
два послѣднія объясненія,

какъ принадлежація боль-
шинству и старикамъ.

Бурчулуа—изсѣчь, изрубить
(отъ бурчулі—топоръ).

Бчқдале—проклиная.—Чқала.

Бчқордыдѣ—буду погибать.—
Чқвадуа.

Бчунс—тревожить.—Чуа.

В.

Вабзірмысі—не увидить.—зіра-
ца.

Вабкіѳхенс—не спрашиваетъ.—
Кіѳхірі.

Вабрале—вино. Бралеба.

Ваворѳѳеѳ—не нахожусь.—Ріна.

Вавортқреѳ—не вижу.—Ртқеба.

Ваг (глаго.)—не похожь.—Геба.

Вагамтцілі—не уничтожилъ (2 л.)
меня.—Гантцілеба.

Вагаші—не достанешь.—Шіба.

Вагѳгочқордыдѣ—если бы ты
не забывалъ (относ. къ буд.
вр.).—Гочқолада.

Вагичѳмно—не знаешь; не по-
мнишь.—Чѳмна.

Вагоміталенѳо—не отпустишь ли
меня.—Готалеба, готѣба.

Вагоцодудѣ—чтобы меня не со-
жалѣлъ (2 л.).—Цодеба.

Ваголаму—не случилось.—ѳо-
лама.

- Вадмокордмѣ — если ни лишусь
тебя. — Даркеба.
- Вадорчунсо — не сожалѣешь ли.
- Ваджгокордѣ — не лишишься ме-
ня. — Даркеба.
- Вазіра — не показывай. — зіраца.
- Вѣо (ва + око) — не нужно.
- Валірі — обожженный молнією;
попорченный. — Валуа — сжечь
молнією.
- Вамазобедні — не могъ (1 л.)
сплести. — Ёбуа.
- Вамацинеушо — не видишь. —
Ціна.
- Вамазіреушо — не могу видѣть.
— зіраца.
- Вамаліневішо — не могу пойти.
— Ула.
- Вамандінеушо — не могу довѣ-
рять. — Ндеба.
- Вамантінеушо — не смогу уст-
роить твое бѣгство. — Нтіна.
- Вамарѣс — не могли (3 л.) прят-
ти. — Мѣла.
- Ваматарінена — не можемъ про-
длить. — Тареба.
- Вамачоѣдні — что я не могъ
ловить. — Чоцуа.
- Ваміваренѣо — не откажешь ли
мнѣ (въ чемъ нб.). — Вареба.
- Вамігорес — не обратили (3 л.)
вниманія. — Горуа.
- Ваміду — не имѣю. — Ёуна.
- Вамізір — не видѣлъ (1 л.). —
зіраца.
- Вамікіѣхес, вамікіѣхесіа — не
соблюдали; не спрашивали
(3 л.). — Кіѣхірі.
- Вамкмоталенѣо — не изгѣчишь
ли меня. — Мукоталеба.
- Вамокорд — мнѣ не нужно было.
— Коріні.
- Вамоміолѣрдні — не поставилъ
бы (1 л.) ни во что. — Молаца.
- Вамомцонуана — насъ не похва-
ляютъ. — Мотонаца.
- Ваморіуана — не даютъ жить. —
Ріна.
- Вамурс — не придетъ. — Мѣла.
- Ваночѣдес — (оказывается) не
умѣли. — Рѣбіна.
- Ваѣхвадм(ма) — мнѣ не слѣдо-
вало. — Хвадуа.
- Вара — а то; или; по крайней
мѣрѣ; хотя.
- Варе — нѣтъ.
- Вареба — отказать въ чемъ лб.
- Варі — и не; или нѣтъ.
- Варіа — отказываться.
- Варзі — и не.
- Васрулазі (мокона) — желаемъ
исполнить. — Срулеба.
- Ваурзаѣудес — не насытили
(3 л.). — Рѣца.
- Ваѣдірмдес — не просѣяли (3 л.).
— Ціруа.

Ваціматқынденс — не погубить меня, моей души. — Цатқвін- да.	Воргуде — помогаль бы (1 л.). — Ргеба.
Вашібудес — не достали (3 л.). — Шіба.	Ворді — былъ (1 л.). — Ріна.
Вашібудесыні — (оказывается) не достали (3 л.). — Шіба.	Вореф — есмь. — Ріна.
Вашундіда — если не пиль (2 л.). — Шума.	Ворзиде — дѣлаль бы (1 л.). — Рзума.
Веgebз — не находится. — Гедвала.	Ворулеі — выбѣжалъ (1 л.). — Рула.
Вегімосыдыдіда — если не могъ (1 л.) владѣть. — Гесылада.	Вортцеф — вижу. — Ртцеба.
Вегымашфу — не могъ (1 л.) уда- рить. — Гешфумала.	Г.
Вемерцхеб — не растается. — Чарцхеба.	Га — холмъ. Га-до-гас — по хол- мамъ.
Вемехвад — не догадался (3 л.). — Мехвалама.	Габедеба — осмѣливаться.
Вемехуцебуні — мнѣ не нравит- ся. — Хуцеба.	Гагона, гагонеба — слышать.
Вемкунчафудес (жочи) — никого не допускали (3 л.). — Мі- кончафа.	Гагонебу — у насъ есть. — Гагона.
Вірулеі — забѣжалъ (1 л.). — Рула.	Гакорзес — подѣлили (3 л.). — Рзуала.
Візі — десять.	Гале (нар.) — на дворѣ.
Во! — междом. горя.	Гама (нар.) — въ замѣнъ.
Вокоф (глаго.) — мы нужны. — Ко- рынеба.	Гаманцірі — обидѣль (2 л.). — Гантіреба.
Вондуде — не довѣряю. — Ндеба.	Гама, гамашо (сзвані) — въ за- мѣнъ тебя.
Вондуроз (глаго.) — я недоволенъ. — Ндуреба.	Гамігонебуні — слышалъ (1 л.). — Гагонеба.
Вончуде — доставаль бы (1 л.). — Нчафа.	Гамісоцанс — оторветъ. — Соцуа.
	Гамеобрчқиндыдіда — если являл- ся (1 л.). — Муворчқина.
	Гамоз — въ замѣнъ.
	Гамурсанс — разрываетъ. Мур- сафа.

Ганцілеба — уничтожать.
Ганціреба — обижать.
Ганчінеба — постановлять; постановленіе.
Гаца — дуть (о вѣтрѣ); строить; направляться по прямому пути.
Гацлі — направленный по прямому пути. — Гаца.
Гара — плакать.
Гарігенз — наставляемъ. — Дарігеба.
Гачіреба — безвыходное положеніе.
Гашереба — бѣситься, сходить съ ума.
Гвала — гора.
Гвало — совсѣмъ.
Геба — походить, быть похожимъ.
Гебумаца — навѣсить.
Гевшеразі — будемъ бѣситься. — Гашереба.
Гегілмол — свалился, спалъ (3 л.). — Гілалаца.
Гегцолацудес — выронили (3 л.). — Гыцолаца.
Гегыноціу — убѣжалъ (3 л.). — Гіноцнма.
Гефаві — послѣ завтра; спустя нѣкоторое время.
Гедвала — лежать; находится.
Гезіна — добавлять.

Геканзхес — столкнулись (3 л.). — Еконзхаца.
Геміталензо — меня оставляешь (на чемъ лб.). — Геталеба.
Геміткважінеі — стрѣляй. — Тткважінаца.
Гемітцацінеі — натрави на меня (напр. собаку). — Ццаціні.
Гемобу — на мнѣ висить. — Гебумаца.
Гемозіру — мнѣ чудится во снѣ. — Мозіраца.
Генанціра — оттого что я лежалъ. — Генціра — лежать на чемъ нб.
Гецзіораца — крутится по вѣтру.
Гецшвазіа — выпьемъ. — Шума.
Гергеб (мус) — какая тебѣ выгода. — Ргеба.
Гесуылада — оставаться.
Гесурасі — если посѣтятъ. — Суреба.
Геталеба — оставлять на мѣстѣ часть чего нб.
Геузіні — добавь. — Гезіна.
Гехе, гехені — сидить. — Гехуна — сидѣть на чемъ нб.
Гѣцу — возсталъ (3 л.). — Ецнма.
Гечілаза — сбиться съ пути.
Гечілазілі — сбившійся съ пути. — Гечілаза.
Гѣшвіа — пей (выражаетъ просьбу, съ приблизительнымъ зна-

- чениемъ: пожалуйста—пей).—
 Шума.
 Гешѣваца, гешѣумала—ударить,
 ударять.
 Гешунскні—выпьеть.—Шума.
 Геѣуна—слѣдовать за кѣмъ нб.
 Гѣжрыні—увидѣль (3 л.).—ѣи-
 раца.
 Гѣаціор—врутится по вѣтру.—
 Геѣіораца.
 Гѣаѣуни—послѣдуй.—Геѣуна.
 Гѣберкельнѣ—ворочаюсь съ бока
 на бокъ.—Керкелі.
 Гѣвосхаѣи—бросилъ, полетѣль
 вскачь (1 л.).—Схаѣуа.
 Гѣгоруанс—взываетъ.—Горуа.
 Гѣгурчула—буду тебѣ пѣть.—
 Бурчулі.
 Гѣвѣзѣнс (мус)—что пользы бу-
 деть тебѣ.—Кѣѣба.
 Гѣлабумаца—висѣть.
 Гѣлавезіре—разносилъ (1 л.)
 молву.—Гѣлавезіруа—разно-
 сить, распространять мол-
 ву.
 Гѣлаѣала—проводить.
 Гѣладвала—положить.
 Гѣладгма—поставить, поло-
 жить что нб. на что нб.; на-
 ступить (ногою).
 Гѣлалаца—скатиться, свалиться,
 спастъ съ чего нб. (о предм.
 неодушев.).
- Гѣламіз—у меня лежитъ.—Гѣ-
 ладвала.
 Гѣлангара—послѣднее оплаки-
 ваніе (по покойникѣ).
 Гѣланѣхаца—упасть.
 Гѣлаѣіорі—перелетать или бы-
 стро перебѣгать взадъ и впе-
 редъ между двумя точками.
 Гѣлаѣрдгні—что я наступилъ.—
 Гѣладгма.
 Гѣлардгні—стояль (2 л.).—Гѣ-
 ларіна—стоять на чемъ нб.
 Гѣлаѣѣхаца—упасть (объ одушев.
 предм.).
 Гѣлаѣіоні—сморкаться; чихать;
 сморканье; чиханье.
 Гѣлаѣуна—прогуливаться.
 Гѣлаѣуца—обводитъ кругомъ.
 Гѣлаѣунасіа—чтобы послѣдовалъ
 (2 л.) за нимъ.—Геѣуна.
 Гѣмелена—сойдутъ внизъ.—Гѣ-
 мѣла—сходитъ внизъ.
 Гѣні—теленокъ.
 Гѣнілуни—перешель (3 л.).—Гѣ-
 нѣла.
 Гѣніѣѣліѣѣі—увернулся (1 л.).—
 Гѣночліѣѣаца.
 Гѣноре—стоитъ и смотритъ.—
 Гѣноріна—стоять и смотрѣть.
 Гѣнорулаца—бѣгомъ протащить
 что нб. за дворъ.
 Гѣноѣ—сюда.
 Гѣноѣіворулеі—бѣгомъ прота-

- щиль (1 л.) сюда.—Гінору-
лаца.
- Гіноцма—разбѣжаться; исчез-
нуть.
- Гіночілізаца—увернуться отъ
брошеннаго въ меня предмета
такъ, чтобы онъ пролетѣлъ
у меня надъ головою.
- Гінула—перейти.
- Гіовакандес—толкли (3 л.).—
Какуа.
- Гізапшвідуана—его повѣсятъ.—
Шввідаца.
- Гішатахуа—ломать, выломать.
- Гобума—обливать.
- Гогілуа—обвожу кругомъ.—Гі-
луаца.
- Гоцогаца—презирать.
- Гоходес (егеб)—можетъ быть-
желаешь.—Коріна.
- Говордѣ—желаешь меня.—Ко-
ріна.
- Гомочу—меня обратилъ (3 л.).—
Гочзумала.
- Гомошіванс—напоминаетъ.—Го-
шіна.
- Горуа—искать; отличать; отмѣ-
чать; честь, почестъ.
- Госфьлада—застрять между чѣмъ
нб.; не имѣть возможности
двинуться ни туда ни сюда.
- Готалеба, готѣба—отпускать;
выпускать изъ рукъ.
- Гозеабундес—обливали (3 л.).—
Гобума.
- Гоулірі—я превращень.—Гу-
ла.
- Гочабуа—сглаживать.
- Гоучабудес—(оказывается) сгла-
живали.
- Гочіна—даю тебѣ заповѣдь, за-
повѣдую.—Чіна.
- Гочзумала—превратить.
- Гоччоллада—забывать.
- Гошіна—вспоминать; напоми-
нать.
- Гозунаца—окружить, обнести
(напр. частоколомъ).
- Грігол—Григорій.
- Грілі—холодный.
- Гула—превратиться во что нб.
- Гурі; гурсу, гурѣй (кось. пад.
въ предлож.)—сердце.
- Гурішені—ради, по причинѣ;
во избѣжаніе.
- Гурішіпіруа—проголодаться до
тошноты.
- Гурмешірілі—голодный до тош-
ноты.—Гурішіпіруа.
- Гузу—собств. мужск. имя.
- Гымарчѣне—законодатель.—ез
—лемъ.
- Гыма—обтябрь (мѣсяць гоми);
жатва.
- Гымашіне—это мнѣ вспоминает-
ся.—Гошіна.

Гымашінені—какъ вспоминаю.—

Гопіна.

Гыцолаца—выронить изъ рукъ.

Гышатахуа—ломать хворостъ
въ лѣсной чащѣ.

Б.

Бала, бвала—имѣть; нести.

Балатеба, балаті—пзмѣнить.

Барібі—объдныи.

Бва—щека.

Бвіно—вино.

Бепі—свинья.

Бобері—плетень, заборъ.

Бобуа—плести.

Болама—случиться.

Бореба—обманывать.

Боровзі—Богъ. — зіше—Бога
(род).

Булас—криво; несправедливо.

Буму—гоми.

Буна—имѣть (какой нб. пред-
метъ неодушевл.).

Бупуа—погубить.

Бура—умереть.

Бурелі—умершій.—Бура.

Бурчулі—пѣть.

Д.

Даба—а ну-ка; если.

Дабабунді—былъ (1 л.) достато-

чень (т. е. достаточно ве-
ликъ, достаточно значительнъ
и т. п.).—Дабагеба.

Дабаг—довольно.

Дабагеба—хватать, доставать.

Дабадеба—сотворить.

Дагореба—обмануть.

Дадіхе—фам. Дадіани, въ со-
единеніи съ женск. именемъ
(русск. приблизит. Дадіаниха).

Дадулі—курица (самка).

Дацера—вѣрить; слушаться.

Далахеба—заболѣть.

Дамаргеба—окрѣпнуть.

Дамігоробуні—обмануль (1 л.).—
Дагореба.

Данцареба—быть завиднымъ.

Данчхрї—огонь. Данчхрс—
въ огнѣ. Данчхрро (нар.)—
въ огнѣ.

Дарігеба—наставлять.

Даркеба—лишаться, терять.

Дасандариди—былъ (2 л.) за-
виденъ.—Данцареба.

Дѣа—день; судьба, жребій,
участь. Дѣас—косв. пад. въ
предлож.;—никогда; когда нб.

Дѣаша—до сего дня. Бура

дѣаша—по день смерти.

Дебцеразі—чтобы слушались.—
Дацера.

Дедав, дедав!—междом. горя.

Демаргес—окрѣвило.—Дамаргеба.

- Діанзілі—теща.
 Дідеба—увеличить; прославить.
 Діді—большой.
 Ділааре—засѣдаетъ.—Діларіна.
 Ділабценс—сыплется.—Ділацц-
 ма.
 Діларіна—засѣдать.
 Ділаццма—сыпаться.
 Дінаѣа—пропастъ.
 Дінаѣілі—пропачій.—Дінаѣа.
 Діо—пока.
 Діха—земля.
 Діхазурга—название деревни въ
 Самурзакани, на берегу Ин-
 гура.
 До, ндо (иногда послѣ гласн.)—
 и; а.
 Добсунді—остался (1 л.).—До-
 сунлада.
 Догаѣа—вынимать изъ котла
 гоми и власть на столъ.
 Догіхвама—благословлю.—Хва-
 ма.
 Догічін—вамъ заповѣдалъ (3 л.).
 —Дочіна.
 Догор—отыскалъ (3 л.).—Горуа.
 Добуці—погубилъ (2 л.).—Бу-
 пуа.
 Домінгарс—будеть оплакивать.—
 Нгара.
 Доміталенці—что оставляешь.
 Доміталенго—меня оставля-
 ешь.—Доталеба.
- Домічквдес—оковали (3 л.).—
 Чкадуа.
 Донцqvілі—провалившійся; про-
 клятый.—Нцдуала.
 Доѣерцхелі—кувыркается.
 Досѣіладілі,—дірі—оставленный.
 —Досунлада—остатся.
 Досоѣуна—изорвутъ.—Соѣуа.
 Доталеба—оставляютъ кого нб.
 или что нб. уходя или уми-
 рая.
 Доучѣаѣудес—уже начали.—
 Дочѣаѣа.
 Доуѣвілі—неминуемо должно за-
 колотъ.—Ѣвілуа.
 Дохуна—сидѣтъ.
 Дочіліѣаѣа—увернуться; про-
 махнуться.
 Дочіна—заповѣдать.
 Дочармна—напишутъ.—Чаруа.
 Дочвес—сожгли.—Чуала.
 Дочѣаѣа—начать.
 Дочвімудо—пошелъ дождь.—
 Чвіма.
 Дочоѣілі—пойманный; просва-
 танный.—Чоѣуа.
 Дро—время.
 Дуделі—колосъ.
 Дуді—голова. Дуцу (прав. дус)—
 головѣ.
 Дынабаді—сотворенный.—Даба-
 деба.
 Дынагеѣі—вынутый.—Догаѣа.

Е.

Егеб, егебас (нар.)—можетъ
быть.

Едвала—надѣтъ на ноги.

Еѣи—тамъ (при указаніи не-
опредѣл. мѣста).

Екі—вверхъ; на подъемъ.—Эки,
гора въ сѣверу отъ Ново-
сенакъ, въ 3-хъ верстахъ
разстоянія отъ послѣднихъ.

Евонѣхаѣа—столкнуться.

Екуна—поднять; поднятіе.

Еларіна—находиться возлѣ.

Емері—тамъ.

Еміз—у меня на ногахъ на-
дѣтъ.—Едвала.

Ева—этотъ, онъ.

Ецодес—сжалились (3 л.).—

Цодеба.

Ецма—возстать.

Ецохвамілаѣа—встрѣтиться.

Ешелена—пойдутъ наверхъ.—

Ешѣла.

Ешімакі—дьяволь.

Ешѣла—пойти, войти наверхъ.

Еѣлірі—юный.

Ж.

Жі—наверху.

Жіні—верхній; небесный; вос-
точный; холодный (о вѣтрѣ).

Ц.

Цамагірі—жалованье; зарабо-
токъ.

Цачві—цѣпь.

Цвеші—старый.

Цгмро (нар.)—хорошо.

Цілізі—игра въ метанье конья.

Ціма—братъ.

Ціна—смотрѣть, видѣть; ждать.

Ціха—крѣпость. Ціхас—въ крѣ-
пости.

Цогмні—презираю.—Гоцогаѣа.

Цогор, цогорі—собака.

Цоцохеѣі—адъ.

Цохо—называется.—захіві.

Цуна—цѣловать.

З.

Заѣра—сильное впечатлѣніе,
ударъ.

Зарі—погребальная пѣснь (обря-
довая).

Зваракі—жертва, жертвенное
животное. Зварако—въ жертву.

Зѣва—море.

Зісхмірі—кровь.

Зура—трусъ. Зурасіа—на труса.

Зыруа—собирать дань.

З.

Зала, залі, нзали—сила, насиліе.
Заліз—силою, насильно.

заламі—очень.
захіні—звать, называть.
звалі—кость.
зга—берегъ. згас—на берегу.
зелі—мясо.
зіраца—смотрѣть, видѣть, уви-
дѣть.
зіу-зіуэ — еле-еле, чуть-чуть.
зіца—смѣяться.

I.

Іба—несу. Іба шурсу—ды-
шу.—Бала.
Іварана—отказываются.—Варіа.
Ізобе (варзі)—нельзя сплести.—
Бобуа.
Ікібленді—вышелъ бы (1 л.).—
Ікѹла.
Ікорза—повалиться.
Ікортеле—повалилось.—Ікорза.
Ікѹла—выйти.
Іменді—надежда.
Іна—тотъ, онъ. Іші—его (род.).
Інеці—они. Івенэ—имъ.
Інахвенцо — чтобы заключить
(т. е. лишить свободы).—Іно-
хуна.
Інорѹваца—всплать въ котель.
Інохуна—быть заключеннымъ.
Інт—бѣжалъ (3 л.).—Нтеба,
нтіа.
Іріцелі—все. Іріцелс—всему.

Іро—всегда, постоянно.
Іс—онъ. Дат.—іс.
Ізохуна—сидѣть подъ чѣмъ нб.
Іхір—украль (3 л.).—Хіруа.
Ішаѹзама—бросать вверхъ.
Ішірагаді—говорить, сказать.
Ічоѹе (варзі)—нельзя поймать.
Чаѹа.
Ізініа—будеть.—Ріна.

K.

Казілі—осѣдланый. Казіліре и
казіріле—осѣдланъ (3 л.).—
Казуа—осѣдлать.
Какуті—било, на подобіе мо-
лотка, для молотбы гоми.
Какутеціші—билъ (род. мн.).
Кані—вожа, вожица.
Карі—дверь, ворота.
Каза—люди. Боші каза—моло-
дежь.
Кашуа—вдыхать.
Квакуа—бить; молотить.
Кварті—ляганье.
Кваѹа—рѣзать. Кваѹмндесі—
сами рѣзали (3 л.). Въ поэтич.
рѣчи употребляется, какъ
эпитетъ, со значеніемъ: са-
морѣвы.
Керіцало—подобно кабану.
Керкелі—катиться по землѣ, по
полу; ворочаться съ боку на
бокъ.

Кеџеба—дѣлать что нб. полезное, приносит пользу.

Кеџебулі—счастливый.

Кіраа—палочка, которою мѣшакуютъ гоми.

Кірілі—связанный.—Кыруа.

Кізі—палець. Кізіџ—пальцемъ.

Кіџхірі—читать; спрашивать.

Коді—ведро, сдѣланное изъ цѣльнаго куска дерева,—употребляется для муки и на пирахъ для вина.

Кокобѣ—чайка.

Коріна, корінеба, коріні—желать, хотѣть.

Корнеба—быть нужнымъ.

Кочі—человѣкъ. Кос—человѣку. Чквері кочі—старикъ.

Кула—особый деревянный сосудъ, употребляемый въ Закавказьѣ исключительно для питья вина.

Куртані—вьючное сѣдло.

Курџху—уголь. Курџхус—въ углу.

Кучхі—нога, ступня. Кучхіс—на ногу. Кучхіс кучхі—ногой на ногу.

Кыла—включь.

Кыноџварѣнс—мыть.—Кыноџваруа—мыть.

Кынохыбу—свалено въ кучу.—

Кынохыбуа—свалить въ кучу.

Кыруа—вязать.

Ѓ.

Ѓалалаџунані—втянулся (3 л.).—Алалаџа.

Ѓарі—вѣтеръ; острая желудочная боль.

Ѓаџобхваді—встрѣтился (1 л.).—Еџохвамілаџа.

Ѓвара, џора—животъ. Ѓварас—въ животѣ.

Ѓегланџхаџудес—упали (3 л.).—Гіланџхаџа.

Ѓеглуџваџандес—отрѣзали бы (3 л.).—Кваџуа.

Ѓегымашџу—ударилъ (3 л.).—Гешџваџа.

Ѓеіџікџваџудес—молотили (3 л.).—Кџваџуа.

Ѓеіџіџџваџудес—чавкали (3 л.).—Чџваџіні.

Ѓеішабаџиндес—просѣвали (3 л.).—Баџуа.

Ѓеішатахнндес—ломали (3 л.).—Гішатахуа.

Ѓеџорџхџвасі—хоть будутъ гнаться.—Ѣхџовіні.

Ѓеіміџаџандес—едва всползли.—Ѣаџаџі.

Ѓемџџуна—идутъ по.—Міџџџуна.

- Ѕемцоцмртиндес—глотали (3 л.) не жуя.—Цмртуа.
- Ѕемшецахудес—тыкали (3 л.) пальцемъ.—Цахваці.
- Ѕенурѳваѳудес—всыпали (3 л.) въ котель.—Інорѳваѳа.
- Ѕешмовоѳ—отбросилъ (3 л.) меня.—Ішаѳоѳама.
- Ѕігілабу—висить.—Гілабумаѳа.
- Ѕідібѳебрцхеліа — перекувырнулся (1 л.).—Доѳерцхелі.
- Ѕімеѳці—отдалъ (1 л.).—Мечама.
- Ѕімін (Ѕоронѳѳ мум)—не дай Богъ.—Ѕімінуа.
- Ѕіміні—сдѳлать (2 л.).—Ѕімініуа—дѳлать, поступать, совершать.
- Ѕікммабор—меня занесло вътромъ.—Мікмаборуа.
- Ѕобедні—осмѳливається. Габедеба.
- Ѕобзіра—увиджу. Ѕобзіра до вара—увиджу или нѳтъ.—зіраѳа.
- Ѕобѳміді—застрѳлъ (1 л.).—Госѳмлада.
- Ѕобчундѳ—хотя будешь меня зечь.—Чуала.
- Ѕогіѳунда—если имѳешь.—Ѕвала.
- Ѕогіцінеѳ—буду ждать.—Ціна.
- Ѕогічіа—узналъ (3 л.).—Чінеба.
- Ѕогоѳунс — обнесъ; окружилъ (3 л.).—Гогоунаѳа.
- Ѕоѳуруна—уже умирають.—Ѕура.
- Ѕоделахені—если заболѳешь.—Далахеба.
- Ѕодугаѳудес—вынимали и вляли на столъ (3 л.).—Догоаѳа.
- Ѕозіресі—увидѳли (3 л.).—зіраѳа.
- Ѕоманѳхунані — понюхаемъ.—Нѳхаѳа.
- Ѕомісхунуѳ—дорожу тобою.—Схуна.
- Ѕомічѳуна—знаемъ.—Чѳуна.
- Ѕомѳурін—пристали (3 л.).—Муѳоріна.
- Ѕомолі—мужчина, мужъ.
- Ѕоморѳ—пришелъ (3 л.).—Мѳула.
- Ѕомѳрсі—кто придетъ.—Мѳула.
- Ѕомуртѳаѳудес — (оказывается) опоясались.—Мортѳаѳа.
- Ѕемурѳумуд—(оказывается) пришелъ (3 л.).—Мѳула.
- Ѕоні—сало.
- Ѕопоѳуна—намъ случилось.—ѳоѳа.
- Ѕопуна—у насъ есть.—ѳуна.
- Ѕора—см. ѳвара.
- Ѕорчундѳ—чтобы у тебя по мнѳ сжигалось сердце.—Чуала.

Боршуде—помнишь.—Шина.

Боршунде—будешь пить.—Шума.

Боршидасі—помнить.—Шина.

Боршмяно—помнишь.—Шина.

Босфьлада—быть въ безвыходномъ положеніи.

Бозі—и, также.

Бозомі—курица (общее названіе).

Бозлі—идешь.—Ула.

Бозтвеѣудес—ударилъ (3 л.) по головѣ.—Твеѣуа.

Бочанандо—дадутъ ѣсть.—Чама.

Бозібу—досталось.—Шіба.

Бозунс—имѣется, водится.—Гуна.

Буацуні—поцѣловаль (1 л.).—Цуна.

Буаші—приобрѣтенъ, сталь (1 л.) добычею.—Шіба.

Буді—шапка.

Була—хромой.

Бучьдас—если бы зналъ (3 л.).—Чына.

Буміошхына—обступаютъ кругомъ.—Мешхыуа.

Ч.

Чацаѣі—едва тащиться.

Чама—винжалъ.

Чартуа—глотать не жуя.

Д.

Даклада—верхняя часть страны; поватость горъ; гористая часть Мингрелии.

Даткважіа—дрянное ружье.

Де (вм. ре; употребляется послѣдъ слога, начинающагося звукомъ р, какъ диссимиляція послѣднему)—есть. Дешшо—вм. реншо.

Декурі—пашка.

Дібу—жидкій, негустой.

Дурца—имя лошади.

Дурі—спать.

М.

Ма—я; меня.

Магалі—высокій.

Магол—случилось.—Болама.

Маболмні—случилось со мной.—Болама.

Маборенс (ма)—меня обманываютъ.—Бореба.

Мадіосані—барыня, госпожа, дама. Мадіосанеѣі, Мадіосанеѣі—госпожи (им. мн.).

Мад(і)осаненс—госпожамъ.

Макашуаѣу—вдыхаю.—Кашуа.

Маламо—лѣчебная мазь.

Малас—скорѣе.

Мангарінуаѣу—плачу.—Гара.

- Мангармвенішо—поневогѣ за-
плѣчу.—Гара.
- Мангіоро (нар.)—въ замѣнѣ.
- Маѣу—у меня есть; мнѣ дово-
дится.—Пуна.
- Маѣуді—доводился (2 л.) чѣмъ
нб.—Пуна.
- Мара—но.
- Маргалі—мингрелецъ; крестья-
нинъ.
- Марзалі—правда.
- Марзахі—нагайка.
- Марзебулі—слѣдуемое, долж-
ное.
- Матанце (ма)—если будешь ме-
ня мучить.—Танѣба.
- Маѣхозіна—преслѣдователь.
- Маѣухенс—меня мучать.—Цу-
хеба.
- Машванда—отдыхъ.
- Масванѣбелі, машвандебелі—
назначенный для отдыха.
- Машіні—доложилъ (3 л.).—Мо-
шіна.
- Машіна—получимъ.—Шіба.
- Мабдінево—о, если я пропаду!—
Дінаѣа.
- Мевзіруаѣ—посмотримъ, погля-
димъ.—зіраѣа.
- Мевобаѣа—иду на цыпочкахъ,
врадусъ.—Баѣа.
- Мемехварі—помоги.—Мохвара.
- Мензелі—хозяинъ.
- Мерг (муѣа)—мнѣ нисколько не-
помогъ (3 л.).—Ргеба.
- Мергеб (мус)—какая мнѣ вы-
года.—Ргеба.
- Меріна—пристать; отдавать, об-
ливать.
- Мерч—далъ (3 л.).—Мечама.
- Мерчѣіна—считать кого чѣмъ,
ставить кого во что.
- Мечама—давать.
- Меті—большій, больше. Метс,
мету—кромѣ.
- Мето—если не болѣе.
- Меурс—идеть.—Ула.
- Меутахидес—поломали (3 л.).—
Тахуа.
- Мехвалама—догадаться.
- Мечама—отдавать.
- Мечаруа-мочаруа—идущая меж-
ду нами оживленная пере-
писка.
- Мечвілі—обожженный.—Чуала.
- Мешхимуа, мешхмна—обсту-
пать кругомъ.
- Мі, міѣ (восв. пад. въ предлож.),
міѣ, мін, міѣмъ—кто. Міс—
кому. Мішеѣ—отъ кого.
- Міаро—много; нѣкоторые.
- Міѣлат—измѣнилъ (3 л.).—
Балатеба.
- Мідаѣала—отнимать.
- Мідубана—по обыкновенію от-
нимуть.—Мідаѣала.

- Міудані—если будемъ имѣть.—
Буна. Міоре—обдаеть, обливаеть.—
Міудес—намъ было дано.—
Буна. Міоцаца — подкравдываешья.—
Цацаці.
Міцінеру—смотришь.—Ціна.
Мізани—низамъ (турецъ. сол-
даты). Місхунуна—дорожимъ.—Схуна.
Мікоблурсу—прикорнулъ (1 л.).
—Міколури.
Мікоборуа—занести вѣтромъ.
Міколури—прикорнутъ; лежать
или спать не раздѣвшись и
скорчившись.
Мікоячаца—прикоснуться; до-
пускать.
Мікордѣ—поодаль, подалше.
Мікозуна—итти по чему нб.,
вдоль чего нб.
Мімоцу—считаю.—Мерчѣна.
Мімучанс—кто дастъ (безлич-
но).—Мечама.
Мінгарс (ма)—меня будетъ оп-
лакивать.—Нгара.
Міндори—поляна (обычн. передъ
домомъ). Міндорс—на поля-
нѣ.
Мінізібрулі (ао—пѣсен. добавл.)
—забѣжалъ (1 л.).—Мізо-
рула.
Мінмашѣвізіа — впустите.— Мі-
ношфумала.
Міноре—кто есть.
Міноу—туда.
- Міношфумала—впустить.
Міоре—обдаеть, обливаеть.—
Меріна.
Міоцаца — подкравдываешья.—
Цацаці.
Місхунуна—дорожимъ.—Схуна.
Міѣа, мізіні—нието; кто нб.,
нѣкоторый. Мізінешо—для
нѣкоторыхъ. Мізінес—нѣко-
торымъ.
Міѣорула—забѣжать куда нб.
Міѣулна—вошли (3 л.).—Мі-
ѣула.
Міхугі—спи, усни (ласкат.;
соотв. русскому: баюшки-
баю).—Хугіні.
Міцоленс—скажетъ мнѣ.—Ра-
гаді.
Мічудн—полагалъ (1 л.).—
Чудна.
Мішабурсансія—рубится окру-
женный.—Мішабурсуа — ру-
бится, боротся, вертѣтся
будучи окруженнымъ (напр.
врагами).
Мішаѣоама—забросить туда,
гдѣ брошенный предметъ
исчезаетъ изъ глазъ.
Міѣорснн—тотъ, котораго люб-
лю.—Ѣоріні.
Моміганс—подуетъ.—Гаца.
Мобзидыда—мнѣ было сужде-
но.—Мозыма.

Моґала — приносить.
 Моґалате — измѣняикъ.
 Моґисхаре — заклятый.
 Моґираґа — чудиться во свѣ.
 Моґыма — быть суждену.
 Моґмедеба — дѣйствовать; дѣй-
 ствіе.
 Моқвантілі — изукрашенный. —
 Моқванцуа — наряжаться, у-
 крашаться.
 Моко — хочу. — Коріні.
 Мокодас — даже если бы захо-
 тѣлъ. — Коріні.
 Мокона — хотимъ. — Коріні.
 Молаґа — находится предъ гла-
 зами; моментально предстать
 предъ глазами.
 Моласуа — зачеркивать, стирать.
 Момібанс — принесеть. — Моґала.
 Момінталенґо — пожигаешь меня
 огнемъ. — Монталеба.
 Момічавалѣ — притащи сюда. —
 Чакалі, чакалуа.
 Момтонднві (дуді) — гордился
 (1 л.). — Моцонеба.
 Мондеба — покориться.
 Мондебулі — поворившійся. —
 Мондеба.
 Монталеба — зажигать.
 Моцоруа — прилегать, пригры-
 вать снаружи.
 Морд — воспитать (3 л.). Муґ
 морд — что воспитало. — Рдуала.

Моріа — преодолевать.
 Мортцаґа — опоясаться.
 Морзі — пришель (2 л.). — Мула.
 Морзманні — со мной дѣлають. —
 Булама.
 Морүна — преодолевають. — Мо-
 ріа.
 Морчілеба — покориться, подчи-
 ниться; покорность.
 Мосвасвілі — наряженный. — Мо-
 свасуа — наряжаться.
 Моґ — почему.
 Моула, мұла — притти.
 Мохвара — помогать.
 Моцонаґа — похвалить.
 Моцонеба (дуді) — гордиться.
 Мошіна — доложить.
 Му, мус (восв. пад. въ предлож.),
 муґ (косв. под. въ предлож.).
 Муше — за что; зачѣмъ. Муґ
 — чѣмъ. Муша (нар.) — поче-
 му. Муші — его, свой. Мушіґ
 (косв. пад. въ предлож.) —
 самъ. Муґа — ничто, ничего.
 Музі — что; все что. Мунеці
 — они сами. Мунеціші — ихъ.
 Мушені — за что. Муґуні, му-
 зунс (восв. пад. въ предлож.)
 — ничто, ничего; что нб.
 Мубзімінаґ — что намъ дѣлать. —
 Бімінауа.
 Мужанс — когда.
 Мукоріна — подойти; пристать.

Муворчзіна—являться, предста-
вляться.
Мукоталеба—лѣчить.
Мукурдѣ—ты будешь стоять.—
Мукоріна.
Мум—не.
Мумехвар—помогъ (3 л.).—Мо-
хвара.
Мумоцору—прикрываетъ.—Мо-
цоруа.
Мунацілі—облачный.
Мунофъ—скуда.
Мурсаца—рвать, терзать.
Мучо—какъ. Мучозі—какъ;
что (союзъ).

Н.

Набаді—бурка.
Набору (нар.)—какъ отъ вѣтра.
Набурчула—изсѣченный.—Бур-
чулуа.
Нана — мать. Употребляется
также какъ припѣвъ въ пѣс-
няхъ и въ значеніи между-
метія горя.
Наніна—припѣвъ въ волюбельн.
пѣсняхъ (баюшки-баю).
Націхоу—название деревни въ
гористой части Сенавскаго
уѣзда,—мѣсто жительства
дворянъ Пичхайя.
Насхуна (—у—ковс. пад. въ
предлож.)—рѣшеніе.

Нгара—плакать; плачь. Нга-
рафъ—плачемъ (твор. пад.).
Ндеба—довѣрять.
Ндо—см. до.
Ндуреба—быть недовольнымъ.
Нивзі—вещь. Нивѣці—вещи
(им. мн.).
Нінуда—Нина (собств.).
Ніорі—чеснокъ.
Нцарала—собраніе, празднество.
Нофцодуефо—сожалѣлъ (3 л.).—
Шецодеба.
Ноте—о если бы (междом.).
Нотехі—обломокъ.—хеці—об-
ломки.
Ночкуме — овазывается — фда-
ли.—Чкумуа.

Нофурі—шелуха.
Нтеба, нтіна—бѣжать, убѣжать;
устроить бѣгство.
Нтері—врагъ.—рс — врагу.—
реці—враги.—реціші—вра-
говъ.
Нухаца—нюхать.
Нумолас—да не сотреть.—Мо-
ласуа.
Нчаца—доставать.

О.

Обедні—тотъ, кому везетъ
счастье; удачливый.
Обішха—пятница. Обішхас—въ
пятницу.

Оборвалі, — ліші (ковс. пад. въ предлож.) — кандалы.
 Обчвомаз — скушаемъ. — Чвомауа.
 Ода — домъ.
 О-да, во-да — припѣвъ, присоеди-
 няемый въ пѣсняхъ къ кон-
 цу словъ.
 Одіші — Мингрелія. Одішурі —
 мингрельскій.
 Озырало — чтобы собрать дань. —
 Зыруа.
 Ово — нужно, должно. — Ис ово —
 ему нужно, онъ желаетъ.
 Онцворе — стыдъ.
 Оргіа, — ъ (ковс. пад. въ предл.)
 — равномѣрные перемежные
 взмахи рукъ при плаваніи.
 Орд — былъ (3 л.). — Ріа.
 Оро — тѣнь.
 Ортцацу — поясъ.
 Орзуде — если такъ будешь дѣ-
 лать. — Ёімінуа.
 Орчофанішо — если тебя возъ-
 мутъ въ неволю. — Чоцуа.
 Осуу — украшаетъ. — Сувамеба.
 Осуудуо — развѣ подобало. — Суве-
 ба.
 Охвенці — мѣсто, на которомъ
 кто нб. сидѣлъ или находил-
 ся. Охвенс — на мѣстѣ.
 Очамуре — сарайчикъ, въ коемъ
 помѣщается деревянная посу-
 дина для молотбы гоми.

Очіші — спина.
 Очвумудо — съѣлъ (3 л.). — Чву-
 муа.
 Очоцуна — поймають, задер-
 жать. — Чоцуа.
 Оші — сто.
 Ошуреці — рай.
 Озована — теряють. — Зозама.

П.

Паті — угощеніе.
 Патоні — господишь, баринъ. —
 — неці и патывнеці — господа.
 Патоноба — барское иго; барщи-
 на.
 Піці — ротъ. Піс — во рту.
 Піле — если убью. — Звілуа.
 Пілнис — убиваетъ. — Звілуа.
 Полі — полъ. Полс — на полу.
 Попорі — пучина.
 Пунс — имѣю (какой нб. пред-
 метъ одушевл.). — Зуна.

Ц.

Цара — деньги.
 Цацха — шалашъ, хата.
 Цері — такой, подобный.
 Ціті — молнія (употр. только въ
 поэзи).
 Ціцарі — доска. Ціцареці — дос-
 ки; домъ, строеніе. — ріші —
 досокъ; дѣма.

Цримулі—борода.

Цуці—корова.

Цуна—быть; доводится кому чѣмъ.

Ццині—угостилъ (1 л.).—Ццима—угощать.

Р.

Рагаданс—разсказываетъ.—Рагаді, рагадуа—говорить, разсказывать.

Ргеба—помогать, доставлять выгоду.

Рді, рдіні—быль (2 л.).—Ріна.

Рдуала—воспитывать.

Ре—есть. Ренишо—есть-де.—Ріна.

Реушо(сі)—передай ему: ты еси.—Ріна.

Реуни—тотъ который находится теперь.—Ріна.

Рені—сущій, существующій, находящійся. Музі рені—что есть.—Ріна.

Рѣгіна—побѣда.

Рзбаца—насытитъ кого лб.

Ріна—быть; бытъе.

Ркіна—желѣзо.—з—желѣзомъ.

Роззо—Ростомъ (собств.).

Рсуребудасми — посѣщаютъ.—Суреба.

Рзуала—дѣлать.

Рзума—дѣлать.

Рзхоре—прошу.—Тхуала.

Рула—забѣгать куда нб.

Рхіні—веселье, пирь, свадебный пирь.

Рцгеба—видѣть.

Рчанс—у тебя виситъ.—Чана.

Рчзіна—знать, умѣть.

С.

Садлазі—солдатъ. Садлазошо—въ солдаты.

Саманцелі—предлогъ, поводъ.

Самарзали—законъ; судъ.—з—закономъ.

Санзалоъ, сазалоъ—силою, насиліемъ, насильно.

Санзели—свѣча. Сзани санзело—неперевод. ласкат. выраженіе, приблизительно означающее: готовъ сторгѣть для тебя свѣчой, готовъ принести себя въ жертву за тебя.

Санцқали, сатцқали—нищій, бѣдный; несчастный. Санцқалоъ—несчастливымъ (твор. ед.).

Сарако—свадочный.

Саркілі—ясный (о погодѣ).

Сатанцо—название горы близъ Дихазурги, деревни въ Самурзакани, на границѣ Зугдидск. уѣзда.

Сацалоу — въ замѣнъ тяжести
одного изъ двухъ перемет-
ныхъ мѣшковъ (цали).

Сері — ночь. Серіша — до ночи.

Сі — ты.

Сібоше — молодость. Сібошеу —
молодостью.

Сізмари — сонъ.

Сітква — слово.

Сіцоцхлѣ — жизнь.

Сѣвані — твой. Сѣвано — для тебя.

Усѣаноу — безъ тебя.

Сѣасерс — въ полночь.

Сѣвамеба — украшать.

Сѣвами — красивый.

Сѣвеба — подовать, приставать.

Сѣуа — дитя; сынъ; дочь. Нана
сѣуа — мой родной.

Соле — куда. Солезіні — куда нб.

Солеурсі — куда полетитъ (со-
ле + ула).

Соѣелі — деревня. Соѣелі соѣелс
— изъ деревни въ деревню.

Соѣуа — рвать, отрывать.

Сорд — гдѣ былъ (3 л.). — Ріна.

Созіні — гдѣ нб.

Соша (нар.) — до какого мѣста.

Срулеба — выполнять.

Сумарі — гость. Сумаренс — гос-
тямъ.

Сумі — три.

Суреба — посѣщать, навѣщать.

Сурүлі — желаніе.

Схаѣуа — свавать, плясать.

Схуна — дорожить.

Схунуа — совѣтовать.

Т.

Тандѣеба — мучить.

Тареба — длить.

Тахуа — ломать.

Твеѣуа — ударять твердымъ пред-
метомъ о что лб. хрупкое и
пустое.

Твері — пыль.

Тѣважінаѣа — стрѣлять неудачно.

Тѣобуа — скрываться.

Толі — глазъ; удовольствіе: Толо
— глазомъ.

Тура — шакаль.

Ѣ.

Ѣавадоба — вняжеское званіе,
вняжеское достоинство.

Ѣаѣі — здѣсь.

Ѣарі-нарале! — гѣсенн. пригѣвъ.

Ѣаші — такъ.

Ѣвалі — плачь, рыданія.

Ѣе, Ѣена — этотъ. Ѣес — ему.

Ѣелі — живой, здоровый, непо-
врежденный.

Ѣецалі — такой.

Ѣеші — такъ, итакъ.

Ѣіа — часть, доля.

Ғағарі — острая желудочная
боль.

Ғағі — что она.

Ғаға — тотъ, онъ. Ғағі — его.

Ғағі — ғарі.

Ғағ — ему. Ғағо — для него.

Ғағі — и то.

Ғаға — повтому.

Ғағала — говорить, сказать.

Ғағана (мус) — что скажутъ. —

Ғағала.

Ғағілі — связанный. — Ғағуа —
связать (отъ Ғағі — веревка).

Ғағі — глазъ.

Ғағі — ружье.

Ғағо — внизу; на полу.

Ғағоні (о всякомъ предметѣ),
Ғағонғ (косв. пад. въ предлож.,
о предм. одушевл.) — земной.

Ғағрғі — турокъ.

Ғағобелі — лазутчикъ.

Ғағозіні — гнаться, преслѣдовать.

Ғағуала — просить.

Ғағра — свѣжить (въ предлож.:
чтобы свѣжило). — Ғағ(і)рі —
свѣгъ.

У.

Удідолы (прилагат.) — безъ ма-
тери.

Удцуніа — говорятъ — это лучше.

Удцунші — лучший, лучше.

Удцанс — смѣется. — зѣца.

Укоhole — назади.

Укұла — выйти.

Ужулі — послѣ.

Ула — ятти; летать.

Уладға — день ухода. Уладғас —
въ день выхода изъ дому.

Уметапо — большею частью.

Умінцурі (прил.) — безъ хозяина,
не имѣющій хозяина.

Ура — необвѣзженная лошадь.

Урмашиа — собств. имя собаки.

Урсу — проходить. — Ула.

Урза — гора близъ сел. Цаиши,
Зугд. у. Урзасіа — на Уртѣ.

Уруміа — собств. имя собаки.

Урчғинці — на знающій, не вѣ-
дающій. Урчғинцо — находясь
въ неизвѣстности, не будучи
вразумленъ.

Усамарғо — незаконный. Уса-
марғоба, усмарғоба — безза-
коніе.

Усғанеғ — см. сғані.

Удццулі — дѣвственница, дѣви-
ца.

Уча — черный.

Учардіа — собств. мужск. имя
(буквально: ты былъ чер-
ный).

Учіле — холостой.

Учїре — препатствуетъ. — Чїреба.

Уғваїчаре — несчастный.

Х.

Хазірі—готовый. Хазіріле—
готово.

Халірі—сожженный.—Халуа—
сжигать.

Халхі—народъ. Халхіші (косв.
пад. отъ суц.)—народный.

Халхіцізі—и народъ.

Харкалѣ, харкалі—звукъ, про-
изводимый деревяннымъ пред-
метомъ, ударяемымъ о что лб.
твердое; употребляется какъ
эпитетъ деревяннаго ведра
(воды).

Хасіла—ребра, бокъ.

Хвалуа—долженствовать.

Хвама—благословлять.

Хварчіні—лопатка для мѣшанія
гоми и его выборація изъ
котла.

Хе—рука. Хеше—изъ руки.

Хес—въ рукѣ. Хезъ—рукою.

Хезмізі—и рукою.

Хіюлі—радость.

Хіруа—воровать.

Хоці—быкъ.

Холо—тоже; еще; теперь. Асе
холо—сейчасъ.

Хорці—мясо. Хорціело—тѣлес-
но.

Хуцеба—нравиться.

Хуці—плечо.

Хунді—вапеанъ; вандалы.

Хутіні—засыпать.

Ц.

Ца—небо. Цас—на небо.

Цалі—подобный, похожий; одинъ
изъ двухъ переметныхъ мѣш-
ковъ, въ которыхъ на лошади
возится тяжесть въ 5—6
пудовъ въ каждомъ.

Цало—какъ, подобно.

Цахваці—тыкать пальцемъ.

Цацаці, цаціні, цацуа—подера-
дываться.

Цацқвінда—погубить душу.

Ціра—дѣвица.

Ціруа—просѣвать.

Цода—грѣхъ. Чжімі цода!—ме-
ждометіе горя.

Цодеба—созжалѣть, сжалиться.

Цохолеше—впереди.

Цуді—дурной.

Цувді—роса.

Цхвекі—сухіе сучья, хворостъ.

Ц.

Цана—годъ.

Царі—бровь. Царіші—брови
(род.).

Цванді—верхняя часть, вер-
хушва.

Цванелі—кушанье, состоящее
изъ вареной, въ густомъ видѣ,
зелени (крапивы, свеклы, шпината).

Цваѣіні—тявкать, лаять.

Цқарі—вода; рѣка.

Цқарісінді—дикая утка.

Цқуала—провалиться.

Цқураѣа—направить, показывать
дорогу. Цқураѣілі—направленный.

Цқуба—страдать, мучиться.

Ч.

Чакалі, чакалуа—тащить кого
нб. (напр. козла или быка за
рога, человѣка за уши и т. п.;
употребляется относит. предм.
одушевл.).

Чама—дать кому нб. ѣсть.

Чана—висѣть.

Чаѣула (ед. ч.)—чувяки (обувь).

Чарцха, чарцхеба—разставлять;
разставаніе.

Че, чела—бѣлый.

Чіламі—женатый. Чіламс—же-
натоу.

Чіламури—слеза. Чіламурсѣ—
слезѣ.

Чілаѣа—ошибаться; ошибка.

Чілаѣірі—сбившійся съ пути.—

Чілаѣа.

Чілі—жена, супруга.

Чіна—поручать; заповѣдовать.

Чінеба—узнавать.

Чіові—чихать; сморкаться.

Чіті—птица.

Чіварасіа—немедленно.

Чіваѣіні—чавкать.

Чімі—мой. Чіміѣ—самовольно,
добровольно. Чіміо, чімі-
моѣ—для меня.

Чімі—мы.

Чіміна—знать; понимать; думать,
полагать.

Чіміні—нашѣ.

Чіваруа—молотить.

Чівінді—носѣ.

Чіхомі—рыба.

Ч.

Чанді—муха.

Чара—судьба.

Чаруа—писать.

Чвілі—сгорѣвшій.—Чуала.

Чвіма—дождить; дождь.

Че—немного.

Чіреба—препятствовать.

Чірі—болѣзнь. Чіро (чміні)—
на наше несчастье, въ на-
шему горю.

Чіче—маленькій; немного.

Чікуа—умѣ.

Чівадуа—ковать.

Чквері—умный. Чквері вочі—
старикъ.

Чкумуа, чкумуа—ѣсть, съѣсть.

Чдала, чдуала—проклинать.

Чдвадуа—погибать.

Чдоні—дубъ.

Чоцілі—задержанный. — Чоцуа
—поймать, ловить; ловля. Чо-
цуас—ловль.

Чуа—тревожить, беспокоить.

Чуала—жечь; сожалѣть. Чунс—
жжетъ.

Ш.

Шакарелі—собранный. — Шака-
руа—собирать.

Шара—путь, дорога. Шарасіа
(косв. пад.)—путь (вин.). Ша-
расуа—по дорогѣ.

Шемепухебуні—страдаетъ. — Цу-
хеба.

Шецъаші вахі—молочный поро-
сенокъ. Шецъаші вахілеі—
молочные поросята.

Шерціренѣ—приношу въ жер-
тву, посвящаю. — Шеціреба—
приноситъ кого нб. въ жер-
тву.

Шецодеба—сожалѣть.

Шіба—приобрѣсти, достать, до-
бывать; получать.

Шіна—помнишь.

Шіші—страхъ. Шішіс—отъ
страху.

Шѣа—середина. Шѣадіхас—въ
середину.

Шѣвіда—утонуть.

Шѣвідаца—повѣситъ.

Шѣірені—голодь. Шѣіреніші—
отъ голоду.

Шоро—подобно.

Шулада—устать. Шуладілі—
уставшій. Шуладішо—для
уставшаго.

Шума—пить; питье.

Шурі—душа, духъ; запахъ. Шу-
ро—совсѣмъ (букв.: за ду-
шою). Шурс—косв. пад.

Шхаділі—разъяренный. Шха-
цуа—разъяриться.

Шхва—другой, чужой. Шхваша
—для другого. Шхвас, шхва-
шашо—другому.

Шху—толстый. Шху-шху-шху-
шху—толстый-претолстый.

Шм—помнить. Іс муѣа шм—
онъ ничего не помнить. —

Шмяа—помнить.

Һ.

Һарамі—ненасытный; безгра-
ничный, безмѣрный.

Һей-Һарало-Һарала!—выкрикъ
при верховой ѣздѣ; пѣсенный
припѣвъ.

8.	(напр. родственникъ). Зороці- леці—возлюбленные.
Звілуа—убивать; закалать. Зві- лннс—убиваетъ.	Зозама—терять; бросать; стрѣ- ляютъ.
Зоца—быть; случиться; уродить- ся. Зоце—бывало; оказывается есть. Зоцудес—оказывается уродилось. Зоцуна—ока- зывается было.	Зуде—домъ. Зудеша—домой. Зуна—имѣть (какой нб. пред- метъ одушевл.); быть; нахо- диться; чему нб. водиться у кого нб.; Зунс—водится.
Зоріні—любить.	Зунацілі—взятый.—Зуна.
Зороца—любить; любовь. Зоро- цілі—возлюбленный; близкій	Зурзені—виноградъ.

МИНГРЕЛЬСКІЯ СКАЗКИ,

СОВРАННЫЯ

И. Петровымъ.

Нді до кочіші арікі.
Великанъ и человекъ сказка.

Ндісм меецаділы кочіші зірацауы до тзуу: „ішені-
Великану захотѣлось человекъ увиданіе и сказалъ: „непре-
шені кочі око зобзірееве“, мідарѣы кочіші огорыша; іды,
мѣнно человекъ хочеть увидѣть“, пошелъ человекъ отысканія; шелъ,
іды, іды до турауы бацохвады, ндіѣы тімучірінуу турасм
шелъ, шелъ и лиса встрѣтилась великанъ (п. п.) протянуль лисѣ
хе, очоѣу до уцуу сі реѣо кочі? „Вары ма ваворезы
рука, поймалъ и сказалъ: ты еси человекъ?—„Нѣтъ, я ве есмь
кочі“ уцуу турауы, аба кочі око бумозіре. Турауы
человекъ“ сказалъ лисаца но человекъ долженъ показать. Лисаца
уцуу: „коцы бумозіра, мара сіѣі дорѣвілныцы до маѣі“ —
сказалъ: „человекъ покажу, но и тебя убьетъ и и меня“
„Мушені“? уцуу ндіѣы „мушеніда іѣгура размонікі баанас
почему сказалъ великанъ „затѣмъ что такой разбойникъ міру
музуні варе,“ уцуу турауы. Ндіѣы уцуу: вагашпурінасм
ничего нѣтъ,“ сказалъ лиса. Великанъ сказалъ: не бойся
сі ороны шоріше бумозірі кочы до ма увулі рогітеенуы.—
ты только издалека покажи человекъ и я потомъ отпущу.—
„Цігірі“, уцуу турауы до мідарѣесы жіріхолоѣы цоро, ідесы
„Хорошо“, сказала лиса и пошли двое вмѣстѣ, шли
ідесы до бацохвадесы діді зікамі мумулы. Ндіѣі
шли и встрѣтились съ большимъ гребнемъ пѣтухъ. Великанъ
зѣхы турасм: „ѣена рено кочі?“ Турауы уцуу: „вары,
спросилъ лисѣ: „этотъ естъ ли человекъ.“ Лиса сказалъ: „нѣтъ,
есы узахына мумулы; кочі ѣвілныцы есы до чкунунцы.“
этому зовутъ пѣтуха; человекъ убиваетъ его и ѣсть.“
„Че цымікынесі бацохвадесы чхууы. Ндіѣы кѣхы ту-
Немного двинулась встрѣтились корова. Великанъ спросилъ ли-

раск: жена рено кочи? Туражи уцуу: варн, існ уза-
 сѣ: зготъ есть ли человекъ? Лиса сказала: нѣтъ, этому зо-
 хна чхуусм до мужанцыѣ сачіро ііііні Звілуна до чкумуна.
 вуть коровѣ и когда нуженъ будетъ убиваютъ и ѣдятъ.
 Ідесн, ідесн до мішеелесн арѣі діді удабуно тѣаша. Туражи
 Шли, шли и зашли одинъ большой дремучій лѣса. Лиса
 Зудецѣі гаадзверінуу. Ндііжн кізхн: „муоренія?“ Тура-
 уши выпрямилъ. Великанъ спросилъ: „что такое?“ Ли-
 жн уцуу: „какаѣісн зірчѣілеко?“ Ндііжн уцуу: „зібрчѣі-
 са сказала: „стукотно слышшь?“ Великанъ сказалъ: „слы-
 лежн.“ Аба еѣіна кочіре, до ма гісхуну вееда, вара
 шу.“ Такъ тотъ человекъ (есть), и я совѣтую не ходи, а то
 дорѣвілннсн.— „Існ вавазвілежн ма, оѣон сі шоріше бн-
 убеть. „Ему не можетъ убить я, только ты издалека по-
 мозірі.“ Цымівынесн че до туражн уцуу: „ее кочі,
 важи.“ Двинулись немного и лиса сказала: „вонъ человекъ,
 мара *) вееда еѣі, жураша гурі вагаѣунда.“ Ндііжн уцуу:
 не не ходи гуда, смерти сердце не хочетъ если.“ Великанъ сказалъ:
 „зіна пілннсо ма?! існ геунчіра кучісн до гобчѣілітн, сі
 „тотъ убеть я?! ему нажму ногамъ и раздавлю, ти
 золісері гоконда, шоріше міціні.“ Ндііжн ідн, ідн до
 удовольствіе хочешъ если, издалека смотри.“ Великанъ шелъ, шелъ и
 зі кочіша кімерѣжн; коцн аргупі укевгу до дінѣасн кѣа-
 тотъ человекъ дошелъ; человекъ топоръ держитъ и дровъ ру-
 дннцн. Ндііжн цохоле бетцуудірѣжн кочжн бозірнві гезгві-
 бить. Великанъ впереди сталъ задро-
 рондн до зѣмажн геучірѣондн, діхаша дінорѣасо муѣіміна-
 жаль и волосъ дыбомъ сталъ, земли зайти (ли) что дѣ-
 сі ваучжн. „Сі реѣо кочі?“ Кізхн ндііжн. Кочжн
 лать не знаетъ. „Ты еси ли человекъ?“ Спросилъ великанъ. Человекъ
 мідгн шурі до уцуу хонарі маѣало: „ма вореѣ кочі!
 вздохнулъ духъ и сказалъ голосъ высоко: „я есмь человекъ!
 Ндііжн уцуу: арѣі маруоре ма сі ргорннжн до варзірі.“
 одинъ недѣля (есть) я ты ишу и не нашель.“

*) Видите! онъ знаетъ, но вниманія не обращаетъ.

Кочѣм уцуу: „ма муше бгоринді? Муше да ма до сі око-
Человѣкъ сказалъ: „я зачѣмъ искалъ? и ты хо-

ѣбринаѣі.“ Мучо варм уцуу кочѣм, сі амарі арзі
чегъ боротся:“ какъ нѣтъ сказалъ человекъ, ты вотъ одинъ

маруоре жунобадебуеѣ чѣмі оркінеѣ; ма амарі лаѣаче
восьмой естъ собирался мой для борьбы; я здѣсь обезоруженный

кочі мѣзвореѣм дѣпѣаші окваѣмси до сі око геркінево; чѣмі
человѣкъ дровъ рубить и ты хочешь боротся; мой

сачхубарі іараѣ іріѣелі ѣудесм мѣу, тѣнеѣс ѣмііѣѣа до укулі
для драки оружье все дома нѣтъ, тѣмъ привесу и потомъ

геркінебуѣм. Ндііѣм уцуу: „Цгірі, меу до ѣмііѣі сѣані іараѣѣі“
буду боротся. Великанъ сказалъ: „Хорошо, нди и привеси твой оружье“

„Іараѣѣѣсѣм ѣмііѣѣа, мара чѣмі муулаѣа сі іртебуѣм до ѣіѣ-
„Оружьямъ привесу, но мой прихода (до) ты убѣжишь и тог-

кала ма око геѣѣѣале.“ „Ѣа! варм, Ѣоронтиме, веѣбртебуѣм.“
да я хочеть съ ума сойти.“ „О! нѣтъ, ей Богу не убѣгу.“

„Варм ѣуѣіс вегенѣѣбуѣм,“ уцуу кочѣм. „Аѣа мучо?“
„Нѣтъ клятѣѣ не повѣрю,“ сказалъ человекъ. „Ну какъ,“

уцуу ндііѣм. „Мучо да ѣндгоѣмра до укулі егебу вагар-
сказалъ великанъ. „Какъ да привяжу и потомъ можетъ быть не

тѣвасі,“ уцуу кочѣм. „Цгірі уцуу ндііѣм.“ Ѣе кочѣм
убѣжишь,“ сказалъ человекъ. „Хорошо сказалъ великанъ.“ Этотъ человекъ

гаміѣіѣѣу батѣарі ухахале мукаѣірѣдѣмі ндііѣс кучхісѣм еуѣунуу
отѣзѣалъ веревка зади привязанный великану ногѣ началъ

до дудіша ѣігіѣошѣбу. „Аѣа, асе муѣі ѣѣшегіѣлебуні діісоѣѣе,“
и головы намоталъ. „Ну, теперь что и можешь рванисъ,“

уцуу кочѣм. Діісоѣуу ндііѣм, мара муѣунѣм ваѣѣмініѣм.
сказалъ человекъ. Рванулся великанъ, но ничего не могъ сдѣлать.

„Ізаребуѣм сі, вара ес госоѣунѣм до іртебуѣм“ уцуу кочѣм.
„Обманываешь ты, а то это разорвешь и убѣжишь“ сказалъ человекъ.

„Муѣі ѣѣшегіѣлебуні діісоѣѣе.“ Діісоѣуу ндііѣм, мара вагаасоѣу.
„Что и можешь рванисъ.“ Рванулся великанъ, но не разорвалъ.

Ѣіѣѣкала е кочѣм геѣѣѣѣѣу аргуні до ѣохаѣ дудѣ; ндііѣм
Тогда этотъ человекъ взялъ топоръ и стукнулъ голову; великанъ

уцуу: „мусуре орзубі?“ Кочуи уцуу: „гілазаузу“. Їохаки
сказалъ: „что дѣлаешъ?“ Человѣкъ сказалъ: „шучу“. Стукнулъ

мажѣра, — ндіиъ міоборуу до діичи соѣаѣі, мара музунѣи
другой, великанъ заревѣлъ и началъ рваться, но ничего

ваазімінн. Тура гере шорсы до увіжнннци коцы: вігіашві
не сдѣлалъ. Ласа стоить далеко и кричить человѣку: бей

езі размонікіси, вігіашві, іѣи вадаміѣери ма! Кочуи хакаѣі
тотъ разбойнику, бей, онъ не повѣрилъ мнѣ! Человѣкъ стукъ

хакаѣіѣ дуді обутахы до укулі муші саѣнмеші кеѣеба діічѣи.
стукомъ голова поломаъ и потомъ свок дѣла дѣлать началъ.

Ѓума зезі ворді, амусері ѣаѣи мобрзі, сумі ушѣурі,
Вчера ночью тамъ былъ, въ эту ночь адѣсь пришелъ, три яблоко,

сумі берѣулі Ѓоронѣи нумоміласасы сѣані хеші мотулі.
три гравать Богъ не лишитъ твой руки пріобрѣтенное.

(Записана въ сел. Котіанети Сенакского уѣзда со словъ дворянина Григо-
рія Джели).

Аріві віѣожірі цімалеѣіші.

Сказка двѣнадцать братьевъ.

Короѣена віѣожірі ціма ваѣа; укулаші цімаси поѣохобуе
Были (оказыв.) двѣнадцать брать люди; меньшей брату назывался

Даѣа. Даѣа ѣоѣе заламі кочі; аѣе віѣожірі ціма

Дата. Дата былъ (оказ.) очень хорошіи человѣкъ этотъ двѣнадцать брать

ваѣаси нокобуена віѣожірі да осуреѣіші зхуала чіло. Арѣі-
людямъ хотѣли (оказ.) двѣнадцать сестра женѣ женоу. Од-

шахн, аѣе ваѣаѣи мідарѣси огорыша; аѣе борѣіси вѣзреси
нажды, этотъ люди (п. п.) пошли исканіа этотъ времени увидѣли

ѣані цінци арѣі кочі вігіѣоре зудо до жі цасы ѣууці-
дерева корню одинъ человѣкъ (подъ) стоить подъ и вверхъ небу смо-

не; Даѣаѣи уцуу: „гамарѣеба, цігрі сѣані,“ зі кочуи
ргить; Дата сказалъ: „здравствуй, хорошіи твой,“ тотъ человѣкъ

уцуу: „гоморзгуа, цігірі свані.“ — „Муси уцінеґи жи цаси?“
сказаль: хорошій твой. „Чему смотришь вверхъ небо?“

— „Мучо муси уцінеґи? готоси ґасагані воґоґі жи цаси
„Какъ чему смотри? прошлому году роґъ-стріла бросилъ вверхъ небо
до діо холо вегималаґе“. Даґаґи уцуу: „кочі сі ґоґереґи,
и еще не упалъ“. Дата сказаль: „человѣкъ ты

готоси ґасагані оґоґі до ты ґіси уцінеґиґи“. ґі ценма
прошлому году роґъ-стріла бросилъ и теперъ ему смотришь“. Тотъ

ґіґи уцуу: „ма варі кочі ґіна ре, намусуґі Даґа цохо,
онъ сказаль: „я нѣтъ человѣкъ тотъ, которому Дата называется,
віґоґірі цімаші укулаші рені“. Даґаґи уцуу: „ма вореґи Даґа“
дґвѣнадцатъ брата меньшей что есть“. Дата сказаль: „я есмь Дата“

до моларґі чґімі цґала. Аґе кочґи ґекаґуну Даґаси. Ідеси,
и поиди мой вмѣстѣ. Этотъ человѣкъ пошелъ Датъ. Шли,

ідеси до дґкіілеси арґі цґарі піци до ґоґіреси арґі кочі
шли и зашли одинъ вода берегу и увидѣли одинъ человѣкъ

міґідені цґарци аріцоро ґошунцу до ґіізахн: „ваі, діда, доб-
кто-то водѣ совсѣмъ пьетъ и кричитъ: мать умеръ

ґурі, пуненци“ Даґаґи уцуу: „кочі сі ґоґереґи ціма
жажду Дата сказаль: „человѣкъ ты братъ

цґарци арґо ґаасґируандо, ізахнґи оґуменси“. Кочґи, намусуґі
воду совсѣмъ высушиваешъ, кричишь жажду“. Человѣкъ, который

цґарци оскґируанди, ґіґи уцуу: „кочі ма варі ґіна ре, на-
воду высушивалъ, онъ сказаль: „человѣкъ я нѣтъ тотъ есть, ко-

мусуґі Даґа цохо“ Даґаґи уцуу: „аба, ма вореґи Даґа до
торому Дата называется“ Дата сказаль: „ну, я есмь Дата и

уґа ґекаґуні“. ґіґіаґуну ґі кочґи. Ідеси до ідеси цохоле
сади послѣдуѣ“. Послѣдовалъ тотъ человѣкъ. Шли и шли предъ

ґацховадеси арґі коци — віґоґірі уґу камечі ґуубуду до хо-
встрілиси одинъ человѣку—дґвѣнадцатъ армо буйволъ запряженъ и ца-

нынди діхаси; нахона діхаси қітинди до ізахнди: „ваі! деда
халъ земля; вспахенный землѣ проглоталъ и кричалъ: „ой! мать

добґурі шґиренци“. Даґаґи уцуу: кочі сі ґоґереґи; наму
умеръ голоду“. Дата сказаль: человѣкъ ты еси; что

діха ізібоценцині, арзоси сі қінтини до ізахни: „џшџренци“.
земля высыпается, все ты глотаешь и кричишь: „голодаю“.

Діхақінтуу кочџи уцуу: „кочи ма варі зіна ре, намусџі
Землеглотатель человекъ сказалъ: „человекъ я вѣтъ тотъ есть, которому

Даџа прохо“.— „Аба, ма вореџи Даџа,—моларџі чџімітцала“.
Дата зовуть“.— „Ну, я есмь Дата, — пойдџи со мною“.

Аџе кочџи џекаџуну. Ідеси, ідеси, аџе борџіси џацохвадеси
Этотъ человекъ пошелъ. Шли, шли, этотъ времени встрѣтили

арџі кочџи, намусуџі меуџуду ца, діха, џуа, ца до холо
одинъ человекъ, который несъ небо, земля, камень, дерево и еще

џімеџваранди: „веебхаргіа“. Даџаџи уцуу: кочи сі џоџереџи,
кричалъ: „не нагрузили“. Дата сказалъ: человекъ ты еси,

іріџелі арџо џімегіџун до ізахни: „муџуні вемеміџу“ — „Ко-
все вмѣстѣ несешь и кричишь: „ничего не несущ“ „Чело-

чи ма варі зіна ре, намусуџі Даџа прохо“.— „Аба Даџа ма
вѣкъ я вѣтъ тотъ есть, которому Дата зовуть“.— „Ну, Дата я

вореџи,—моларџі чџімітцала“. Аџе кочџи десџанахму. Ідеси
есмь, — иди со мною“. Этотъ человекъ согласился. Шли

ідеси до шара піци џозіреси џуџіцалі чіче кочи. Даџаџи
шли и дорога лицу увидали какъ ухо маленькій человекъ. Дата

уцуу: „гамарџеба, цігірі сџані; аџи муси орџиџи“?—Аџе
сказалъ: „хорошій твой; здѣсь чему дѣлаешь. Этотъ

кочџи маашіни: „цџицџитіенци бџқішніді до, охері жірі вара
человекъ доложилъ: „муравьевъ пасъ и два

ваміре, согіда ідесні“.— „Кочи сі џоџереџи, ціма, цџицџіті-
вѣтъ куда ушли“. „Человекъ ты еси, братъ, муравьевъ

еџци чџішні“.— „Ма варі, кочи зіна ре—Даџаси узахи-
пасешь“. „Я вѣтъ, человекъ тотъ есть—Датѣ зовуть“.

нані“.— „Аба, Даџа ма вореџи,—моларџі чџімітцала“. Ёе
„Ну, Дата я есмь, — пойдџи со мною“. Этотъ

кочџи Даџаси ухахале џекаџуну до ідеси, ідеси, цџері борџіси
человекъ Датѣ позади послѣдовалъ и шли, шли, такой времени

џозіреси бірџуліші магнџза кочи, намуџі цурдгелеџци чџі-
увидѣли колџна длинн человекъ, который зайцевъ пасъ,

шмиди, Дазаџи уцуу: „вочи сі 8оџереџи 8урзелеџци чџи-
Дата сказагь: „человџкъ ты зайцевъ на-

шмиди“.— „Ваи! ма вари, кочи Даџа ре“.— „Аба, ма вореџи
сешь“. Я нѣтъ—человџкъ Дата ешь. „Ну, я ешь

Даџа, моларџи ашо“. Ёе кочџи дееџанахми. Идеси до идеси
Дата, поиди сюда“. Этотъ человџкъ согласнися. Шли и шли

џозіреси нџи. „Гамарџеба“—„гогиморџгвас“ уцуу нџиџи
увидали великанъ. сказагь великанъ

„со меурџи“?—„Со меуџида виџожірі џіма каџа вореџи до
„куда идете“? „Куда идемъ да дѣвнадцать братъ люди ешь и

мокона осуро іџџуаџи виџожірі да осуреџи“. Нџиџи уцуу:
хотимъ женоу дѣвнадцать сестра женщины“. Великанъ сказагь:

„амшви осури сџуа џопунџу до шхваси антџи гавакеџе, момі-
„шесть женщина имѣю и другимъ сџџаџ, подо-

џадіџи іџџма ханџи“. Дазаџи—варіа—маашини. Идеси, идеси, џи-
ждете столько времени“. Дата — нѣтъ — доложнѣ. Шли, шли, при-

мерџеси маџира нџиша; іџџџи мучоџи џохолени нџиџи џеші
шли другой великана; и онъ каџъ прежнїй великанъ такъ

уцуу: „чхоро џопунџу моміџадіџи виџожіріші меџебаша“. Дазаџи
сказагь: „девятъ имѣю постойте дѣвнадцати докончанія“. Дата

вamuуцади. Идеси, идеси џери борџиси, џаџохвадеси масума
не подождатъ. Шли, шли такой времени, встрѣтили третїй

нџиџи Дазаџи віџџи нџиџи: „муда џіра-сџуа рџунџа“.
великанъ Дата спросилъ великану: „сколько дѣвџца имѣешъ (гов.)“.

Нџиџи уцуу: „виџожірі“. Дазаџи уцуу нџиџи: „џџи вореџи
Великанъ сказагь: „дѣвнадцать“. Дата сказагь великану: „ми ешь

виџожірі џіма каџа до мокона іџџуаџи осуро виџожірі далџџи;
дѣвнадцать братъ люди и хотимъ женоу дѣвнадцать сестры;

ма вореџи Даџа“. Нџиџи мидеџуну аџе виџожірі џималеџи мушї
я ешь Дата“. Великанъ взялъ этотъ дѣвнадцать братья свой

џудеша до гаанџуу вамианія; аџе борџиси, џмџіџџеси нїрџеба
дома и устроилъ компания; этотъ времени, начали спорять

нїрџи шїџимедирџимџи џіша, намда нџи орџігананџида џіра-сџуа-
споръ возникатъ того, что великанъ побџдалъ если дѣвџџ

лецьци вемечанды. Даџа до муші цімалецьці орцігандесыда, ціра-
не даваль. Дата и свой братья побѣждали если, дѣви-
сзуалецьці око зімечыко. Цымахи деенірзесы мізъм умосі звінцы
цы должень дати. Сначала заспорили кто больше вина

шунды. Ндіізм зіміізм арці діді ушвелелері гуда звіні; Да-
пиль. Великанъ принесь одинъ большой пребольшой бурдюкъ вино; съ Да-
џаџала ордесы зі каџа, намунельцунці шарасы аухвадесніні.
той были тѣ люди, которые дорогѣ встрѣтили.

Ццары-цінтуу вочыи геечоџу гуда звіні до гецінды арцоро,
Водо-глотатель человекъ взялъ бурдюкъ вино и проглатилъ вмѣстѣ,
бундііччы звараџі: „момііцізм звіні, бџуменцы“. Ндіісм муџунџи
началь кричать: „принесите вино, жажду“. Великану ничего

вагуурџм. Аџенеро орцігын Даџаџи ндіісм. Ндіізм
не. Такемъ образомъ побѣдилъ Дата великану. Великанъ

маџираша деенірзы бункіші џоџамаша бундадгінесы спорі аканцы
другой разъ заспорилъ стрѣльбы далекій стравѣ

бунці до зідіічдесы џасаганіші џоџама, мара ндііші џуренцы
и начали рогъ-стрѣлы стрѣлять, но великана

вамаахвамліесы џасаганџм бункіша му еџері еџадесы. Даџа
не попали рогъ-стрѣла что какъ старалась. Дата

џуренџы, намукцізі џасагані жі цаша оџоџи до цаші џудо
который рогъ-стрѣла вверхъ неба бросалъ и дерева полѣ

гіџордны, зіізм геечоџу џашџвілі до џасагані оџоџы бункісмы
стоялъ, тотъ взялъ рогъ-стрѣла и рогъ-стрѣла бросилъ

до бунмахвамліуу. Орцігесы ндіісм до муші маџалецьцы. Масу-
и попалъ. Побѣдили великану и его товарищамъ. Третій

маша деенірзесы хорціші чџумуаша. Ндіізм доџвілн бџеџеџі,
разъ заспорили мяса ѣды. Великанъ убилъ свиньи,

дохашы до табакісы зіглаанцкарм. Даџаші моџвенці, намузі
сварилъ и столу положилъ. Дата проводилъ, который

діхасы хонынды віџоџірі уџу хоџеџізм до нахона діхасы ціп-
землѣ пахалъ дѣнаддаты армо быками и вшаенный землѣ гло-

тыдны, зіізм арцоро хорці гецінты, бундііччы звараџі: „добгурі
таџ, тотъ совѣзмъ мясо проглатилъ, началь кричать: „умеръ

шкыренизи“. Ндіізи муучи хорцеці, мара ішені музази ешвели.
голодомъ. Великанъ привесь мяса, но все же ничего помочь.

Ндіізи ваурабулу до холо деенірэн маоджапа. Маангжапа
Великанъ не согласился и еще заспорилъ четвертый разъ. Четвертый разъ

рулаша деенірэсы до маруле гамвѣіунеск мушупі ганіше.
заспорили и стороны.

Дазази 8урдгеліші мацқішалі до 8аарулеск маруле. 8урдгеліші
зайца пастухъ и Зайца

мацқішалзи п8а шарасы 8іглеету муші 8абуні маруле. Ма-
пастухъ среди дорогъ оставилъ свой

хуза, 8імшаа8аческ ар8іанци 8ері до 8умуші какалі деенірэсы
с8исли междусобой ячень и зерно заспорили

какаліші гішант8уалаша 8еріші какалі зохи до 8умуші ме-
зерна разбора ячень зерно отдѣльно и от-

лахк цгкцгкціаші мацқішалі кочзи ар8і цувци гегішаант8уу
дѣльно муравья пастухъ человекъ одинъ секунду разобралъ

мелакх-мелакх. Мегі музази маахерхінм ндііск, укулі о8а-
по отдѣльности. Больше ничего не могъ ухитрить великану, потому во-

лнші е8о8уаша деенірэн. Дазаші ганіше гышеелм 8і кочзи,
за взятія заспорилъ. Дати стороны вышель тотъ человекъ,

намусу8і ца, дѣха, 8уа до ца меу8удуні 8ізи; ге8о8уу
которому небо, земля, камень и дерево несъ (кто) тотъ; подналъ

ндііші хоруа махороба до 8ала кудууч8ы. Ндіізи уцуу:—
великана и началъ.

егварі са8ымеск нымм б8ола до ч8імі ціра-8уалеці мемічаму
такой дѣлу не сдѣлай и мой дѣвнцы далъ

8еванда сачіло8ія Дазази де8занахму: 8ена оводи іск8і.
вамъ женою (говор.) Дата согласился: это хотѣлъ и ему.

Моле8уну ві8ожірі-холо далеці до 8і8о 8ыккнхунеск 8і8о
Валъ двѣнадцать сестры и каждый каждый

цімалец8ы.
братья.

(Записана въ с. Банза Сенакскаго уѣзда со словъ двора Іосифа Габунія).

Аркі җомонци до чіліші.

Сказка мужа и жени.

Ковоҗена арҗи чілі до җомонци каза, ванопапусна муҗуни,
Были одинъ жена и мужъ люди, не имѣли ничего,
арҗи җомолі сҗуаші меті. Арҗиша, арҗи җешхасы е коци
одинъ мужина сына кромѣ. Однажды, одянъ воскресенію этотъ человекъ
тіруаша мідурҗымн. Осурі оцахісы җыдосыладе. Боші ві-
обѣдни пошелъ (оказ.). Жена семейству осталася. Мальчикъ двѣ-
җожірі баҗанеці тѣкма нолаҗауе, аҗе борҗисн герды е
надцать мальчики вмѣстѣ игралъ, этотъ времени волку этотъ
боші җуухвамилуауу. Дідасы амбее җешууткевебу, уркіу, унга-
мальчикъ схватилася. Матери вѣсть узналъ, кричалъ, пла-
ры брелі. Мумасы җешаатқвінеесн; мума тіруасы герды до
далъ много. Отцу дали знать; отецъ обѣдию стоялъ и
җууу: тіруа веміатеене, амдҗа уквіре до чҗімі бедіші җо-
сказалъ: обѣдня не могу оставить, сегодня праздникъ и мой счастья есть
рендa, вaмідынн. Тіруаҗн геҗууу, ноціруенцы җе кочҗн
если, не пропадетъ. Обѣдня окончилася, послѣ обѣдни тотъ человекъ
мучоҗі шхваҗн җеші сазумо гінцкуу җері борҗисн шхва
какъ другой такъ приготовилъ такое времени другіе
вазаҗн уцуу: „Боронҗі гичҗормно, мусн орҗынн“, аҗе
люди (пов. п.) сказалъ: „Богъ разгнѣвалсн, чему дѣлаешъ“, этотъ
кочҗн малшінн: „амудҗа җешхаре чҗімі бедіші җоренда, чуме
человекъ доложилъ: „сегодня воскресеніе мой счастья есть если, завтра
бгорн“. Муші җіша җыморҗн җе кочҗн; чілҗн дудіші
попщу“. Свой дома пришелъ этотъ человекъ; жена (пов. п.) головы
җвілуа міндому. „Мусн орҗынн му Боронҗі гичҗорн“
убіеніе покусилсн. „Чему дѣлаешъ что Богъ разгнѣванъ на тебн“
уцуу җомонцы чілҗн. Осурҗн саділі вадахвамилуу, җомонҗн
сказалъ мужу жена. Жена обѣдъ мужъ
хасіла метахн саділі мушені ваднмохвамілеева; чҗімі бедіші
ребро поломалъ обѣдъ заҗымъ мой счастья
җоренда, чуме бгорндо до орзолі гаҗнмомінтқііа. Осурҗн
есть (если), завтра искать буду и припасъ приготовить (говор.). Жена

орволи гегмаантвуу. Мажіра джасы е кочум орзоламо
ярнасы приготовилъ. Другой дню этотъ человекъ съ запасомъ

мідарум огорниша; ідм, ідм, музі баалінедм зина ідм, гішеелм
пошелъ вскаты; шелъ, шелъ, сколько могъ итти тотъ шелъ, вышелъ

арзі діді міндоріша; цымацінм цыміі до розіры арзі кочі
однѣ большой поля; посмотрѣлъ впередъ и увидалъ однѣ человекъ

нцорсм зігехендо чандіші машхвазы біміізіре. Ідм, ідм до
катуру сидятъ и мужи видѣтсѣ. Шелъ, шелъ и

затохвадм азе коцы. „Гамарцеба, ціма, сғані! Со меурум
астрѣтисѣ тотъ человекъ. братъ, твой! Куда идешь

абуре?“ Сарало зѣ кочум маашіны муші саыме. По-
зъ эту сторону? Жалостный этотъ человекъ доложилъ свой дѣло. На кате-

рамі кочум уцуу: „сі мума охері амуджа горинцыні, го-
рѣ сидящій человекъ сказалъ: „ты отецъ сегодня ищешь, что

за соорді до вара абуре му гово. Сумі джа до сері муурзу
вчера гдѣ былъ и что хочешь. Три день и ночь иду

до муза іпалуу. Сарало кочум уцуу: „зузумі гебшвазіа“.
и ничего Жалкій человекъ сказалъ: „табакъ покуримъ“.

Бузумі гешвеск; цорамум уцуу мазі сғані цѣала урбу до
Табакъ покурили; сказалъ и я твой вмѣстѣ иду и

бгоразы. Ідесм, ідесм ондуасы тчасм гішеелесм до арзі
будемъ вскаты. Шли, шли вечеру гѣсу вышли и однѣ

заламі махоро коцы біміодірзесм царцы сері гымозана цѣ-
отенъ человекъ двери ночь

ежіа уціісм. Нцорі одіареша гуутесм до зидеэбінееск; азе
сказали. Катеръ пастыбы пустили и этотъ

махоро кочіші зіск. Нцоріші мінцеги маашіны мензелцы азе
человекъ Катера хозяинъ доложилъ хозяину этотъ

сабрало кочіші амбеэ. Сулелі Зоѣе мігідарені; гоѣа суза
жалкій человекъ обстоятельство. сынъ

нгерум мідуурм до амуджа горинцы; жешка реніа до вагорм
вокъ отпалъ и сегодня ищеть; воскресеніе есть гов. и не искалъ

гоѣа; мензелум уцуу: „мусузі баартцегіе, арзо уѣві
вчера; хозяинъ сказалъ: „что и видишь (говор.), все праздника

дзаші навезбуренія арзі светіші метіа“. Азе светісы нцорамі
дня сдѣлано одного столба кромѣ“. Этотъ столбу

кочѣн марѣахі зумкабунуу. Мажіра дзасы мідардзесм огоруша;
человѣкъ кнутъ повѣсялъ. Другой день пошли исанія;

зімертѣс арзі нцаші цінціша, цѣрі борцісы мазрахізи зыга-
пришли одинъ дерева корня, такой времени кнутъ припом-

шінн. — „Цімалоба зорцанціада марѣахі зумомізіа“. Мідардзѣ
наляс. — „Братство вѣришь (если) кнутъ принесли (говор.)“. Помель

е кочѣн до фозірни іріцелі арѣо дочвере, светі до мазра-
этотъ человекъ и увидѣлъ все вмѣстѣ спорѣлъ, столбъ и кнута

хіші меті. Марѣахі молееѣн мінцесы зумууѣн до іріцелі
кромѣ. Кнутъ понесъ хозяину принесъ и все

гаремоеба маашіны. Нцоріші мінцезѣн уцуу: „аба му аболеди,
обстоятельство доложилъ. Катера хозяинъ сказалъ: „ну что

музі заапалудуні іріцелі уѣві дзаші насазварн нѣзве“ —
что имѣлъ все праздниѣк дня дѣланы имѣлъ“

„зїціненѣо сзани сзуасы“, уцуу марѣахіші мінцезѣн. — „Коова“.
„узнаешь твой сыну“, сказалъ кнута хозяинъ. „Да (гов.)“.

— Аба гышелі трасы зїчіна сзани сзуада. Намдвіло зѣ
Ну выйди дѣсу узнаешь твой сынъ (если). Дѣйствительно этотъ

кочѣн фозірни муші сзуасы нгерезї улаѣаѣу анці до боші
человѣкъ увидѣлъ свой сыну волки играетъ и мальчикъ

мініша арзісм зїгехе, мініша мажірасы. Еламу — „ѣо“ патнві
иногда одному сидитъ, иногда другому. „да“ баринъ

амарі ре, мара мі міоѣнанціа дузахесы бошісм; бошіѣн зы-
здѣсь есть, но кто позвади мальчику; мальчикъ при-

морѣн. Нцорамі кочѣн уцуу бошіші мумасы сі діді пода
пель. человекъ сказалъ мальчикъ отцу ты большой грѣхъ

гізудуа до сзани сзуа зїшені іхвамілууа нгерѣн; сзани
имѣлъ (говор.) и твой сынъ потому скватилъ (говор.) вилкъ; твой

дасаѣеба Боронцы оводуа, мара чапатуа сзани сзуа зїшені,
наказаніе Богъ хотѣлъ (гов.), но пошадилъ твой сынъ потому,

намда сі тіруасы гердіа до сзани сзуаші дінаѣа зїмерігесіа,
что ты обѣдно стоялъ и твой сына пронаденіе принесли (гов.),

шурі вагіґалініа: амудґа ішені узвіреніа до чзімі бедіші
духъ не переводилъ (гов.): сегодня всеже празникъ (гов.) и мой счастья
ренда чуме Ђорензі ґнмозіранціа. Моларґн сууамо до
есть (если) завтра Богъ. Пошелъ съ снвомъ и
сқідндеси чілі до сууамо.
жили жена и съ снвомъ.

(Записана въ сел. Бандва Сенакского уѣзда со словъ Іосифа Габуніа).

Сумі цімаші арікі.

Три брата сказка.

Ѓоцоґеніа зоцоґеніа сумі ціма кочі; жірі унчаші ціма-
Были были три братъ человекъ; два старшіи братья
леці діндарі зоґена да арзі укулаші ціма ґарібі. Аґе укулаші
богатый были и одинъ меньшой братъ бѣдний. Этотъ меньшой
цімаґн іцїрґн: „мушені ма ґесхіцн ґомубшенґн до холо
братъ (пов. п.) подумалъ: „почему я столько работаю и еще
ґарібі вореґіе до чзімі цімалеці ескїлцн вамушена, діндарі
бѣдний есмь (гов.) и мой братья столько не работають, богатый
ореваніе, мідурґн до ґобґїїнґн Ѓоронцн“. Гедирґн до мідарґн;
суть (гов.), пойдю и попрошу Богу“. Всталъ и пошелъ;
ідн, ідн до ґешехвадн арзі герґн. „ґамарцеба сґані,
шелъ, шелъ и встрѣтился одинъ волкъ (пов. п.) твой,
цірі кочі!“ уцуу ґгерґн. „ґогїморзґу Ѓоронґн“, уцуу
хорошіи человекъ!“ сказалъ волкъ (п. п.) Богъ (пов. п.), сказалъ
манґїорі кочн. „Созїахн меурзу цірі кочі?“
взагнн человекъ (пов. п.) „До куда идешь хороший человекъ?“
кїґхн нгерґн. „Ѓоронзіша“ уцуу кочн. Герґн кїґхн: „му
спросилъ волкт. „Бога“ сказалъ человекъ. Волкъ спросилъ: „что
сзїме кїґу Ѓоронзіцнма?“ Кочн уцуу: „бкїґхе мово,
дїло нкїґешъ Богъ кїґстѣ?“ Человекъ сказалъ: „спрошу хоту,
мушені ґесхісм ґомубшенґн до холо ґарібі вореґнн“. Герґн
почему столько работаю и еще бѣдний есмь (гов.)“.

утцу: „Цірі кочі Ђоронціге, ава чжімішені холо фокіѳхѳе
сказалъ: „хорошіи человекъ! о мнѣ еще спроси

Ђоронци, мушені іро фопчкуну, мара чжімі рзацаѳаѳи
Богу, почему всегда кушаю, но мой насыщеніе (пов. п.)

дѳаси вееѳуу до іро цѳѳіренціе“. Укулі гаггимеѳуу кочѳи
дню не былъ и всегда голодаюсь“. Потомъ простился человекъ

герци до мідарѳи ішо, ідѳи, ідѳи до ѳімерѳѳи арѳі діді
волку и пошелъ дальше, шелъ, шелъ и пришелъ одинъ большой

ѳѳаріша; гііціни ішо ашо ѳе ѳѳарі піѳи, ѳозіри ѳѳарци
води; разсмотрѳлъ туда сюда этотъ вода лицу, увидѳли водѳ

ѳѳгоѳи чхومی, дуѳи ѳуасы узепуандѳні. „Мушені ре дуѳи
пролегаеть рыба, головѳ камню ударалъ. „Почему есть головѳ

ѳуасы узепуандѳнѳні?“ кіѳѳи кочѳи чхомѳи. Чхомѳи уѳуу:
камню ударяешь? спросилъ человекъ рыба. Рыба (пов. п.) сказалъ:

„дуѳи маѳу до ѳішені ре“. Укулі мукаарѳѳи чхомѳи коѳи
„головѳ болитъ и потому есть“. Потомъ обратился рыба (пов. п.) человекъ

до кіѳѳи: „Цірі кочі согішаѳи урѳи?“ Кочѳи уѳуу:
и спросилъ: „хорошіи человекъ до куда идешь?“ Человекъ (п. п.) сказалъ:

„Ђоренѳіша“ Чхомѳи кіѳѳи: „му саѳѳиме гіѳу Ђоронѳі ѳѳкала?“
„Бога“ Рыба спросилъ: „что дѳло имѳешь Богѳ выѳстъ?“

„Бѳіѳхе Ђоронци“, уѳуу чхомѳи коѳи: „мушені чжімі ціма-
„Спрошу Богу“, сказалъ „почему мой братья

леѳі брелѳи вамушена, мара ішені дімдарірена до ма іро
многому не работаютъ, но всеѳѳ богати суть и я всегда

мубшеѳи, мара ішені ѳарібі вореѳіе“. Чхомѳи уѳуу: „ѳаартѳѳѳи
работаютъ, но всеѳе бѳдѳнии есмѳ“. Рыба сказалъ: видишь

чжімі гаѳіребаси до Ђорендіге Ђоронци фокіѳѳи мушені дудіші
мой несчастію и Богу спроси почему головѳи

ѳуаѳи ѳаші іѳѳвалѳебуѳіе, до му ѳамалі мулені“. „Цірі“,
болью такъ мучаюсь (говор.), и что лѳѳкарство „Хорошо“.

уѳуу кочѳи до мідарѳи ішо ідѳи, ідѳи до даболоси ѳімаѳп-
сказалъ человекъ и прошелъ дальше шелъ, шелъ и конѳу проголо-

ѳѳренѳи; гііціни ішо до ашо, ѳозіри хентѳиѳѳеші баѳѳа ѳур-
дался; разсмотрѳлъ туда и сюда, увидѳлъ царя садъ вино-

зеніць до шхва до шхва. хілецьцо ецьша. Даачым ула до зі-
градомъ и другой и другой фруктами поминь. Началъ ятти и при-
меръи 8урзеніші, озхууша мебарчеша до уццу: „шумренци
мель винограда, прошенія садовника и сказалъ: „голоду

бобурудуа до ака 8урзені боцьча“. Мебарчези уццу:
умирад (гов.) и виноградъ дай ёсть (говор.)“. Садовникъ сказалъ:
„8урзенци мучо варчанья, мара коло рен-до веечвоменія;“
„винограду какъ не дамъ ёсть, но горькій ёсть и нельзя кушать;“

укулі мукааръи до кізхи: „сошахи меуръи цгрі кочи“.
потомъ обратился и спросилъ: „до куда идешь хорошій человекъ“.

Кочъи уццу мангіорі мебарези: „8оронзішава.“ „Му садъиме
Человекъ сказалъ вьамъиъ садовнику: „Бога (говор.)“. „Что дѣло

норъве 8оронзі тцала?“ мебарези кізхи. Кочъи уццу: „бкѣз-
имъешь Богъ вѣтотъ?“ садовникъ спросилъ. Человекъ сказалъ: „спро-

хе 8оронци, мушеніе ма запі зарібі ворежіе“. Мебарези
шу Богу, почему я такъ бѣдный есмь“. Садовникъ (пов. п.)

уццу: „цгрі кочи ака 8оронци вѣкізхі, мушеніе зе
сказалъ: „хорошіи человекъ Богу спроси, почему ётотъ

8урзені колореніе“. Кочъи мідаръи ішо ідм, ідм до зімеръи
виноградъ горькій ёсть“. Человекъ пошелъ дальше мель, мель и пришелъ

арзі діді здаша до вѣзіри тчаси арзі сірмаші гонтцілі
однѣи большой лѣса и увидѣлъ лѣсу однѣи поуumenta обшитиѣи

кочи зімзорені. „Гамарцеба сѣвані!“ уццу сірмаші гонтцілі
человекъ стоимъ. твой сказалъ поуumenta обшитиѣи

кочъи. „Гогіморзту 8оронъи“ уццу мангіорі қазахіѣи. „Со-
человекъ. Богъ сказалъ вьамъиъ крестьянинъ. „До

зішахи меуръи цгрі кочи?“ кізхи сірмаші гонтцілі кочъи.
куда идешь хорошій человекъ“, спросилъ поуumenta обшитиѣи человекъ.

„8оронзішава уццу еѣи мангіорі“. Сірмаші гонтцілі кочъи
„Бога сказалъ ётотъ вьамъиъ“. Поуumenta обшитиѣи человекъ

уццу: „ма вореѣи 8оронзі до мѣціи му садъиме гѣву чѣмі-
сказалъ: „я есмь Богъ и скажи что дѣло имъешь мой

тцалава“. Кочъи уццу: „мушеніе іро вѣмубшеенъи до зарібі
амѣтотъ“. Человекъ сказалъ: „почему всегда работаю и бѣдный

ворезіе?“ Ђоронѣм уцуу: „меу ђудеша до ма зімерча шараси есмь (гов.)?“ Богъ (пов. п.) сказаль: „иди дома и я дамъ дорогъ сѣані сарчоси“. Увулі кочѣм мукарѣм Ђоронци до кѣѣхи: твоей прокормленіе“. Потомъ человекъ обратился Богу и спросилъ:

„мушеніе герцы іро шѣренціе до му осѣлідуанци зѣси шѣі- „почему волю всегда голодаеть и что выздоровѣеть ему голо- ренішева?“ Ђоронѣм уцуу „вірі чѣомасіа до укулі досѣдннїа да отъ?“ Богъ сказаль „осегъ ѣсть пусть и потомъ выздоровѣеть

шѣренішева“. Кочѣм кѣѣхи: „мушеніе чѣомци дѣци ачуніе?“ голода отъ“. Человекъ спросилъ: „почему рыбъ головъ болить (гов.)?“

Ђоронѣм уцуу: „іси дѣвараша алмасі алузїнїа, намѣѣі Богъ сказаль: „ему жївога алмазъ внутри лежить (гов.), которїй

зїри сумі соѣелїшеве до зїси гекаѡѡанціе—дудїпі чѣуаше стонть три село (гов.) и этому выбросить (говор.) головн боли отъ

досѣдннїа“. Кочѣм кѣѣхи Ђоронци холо: „мушені ре хентцї- выздоровѣеть“. Человекъ спросилъ Богу еще: „почему есть царя

цѣші баѣчаси ђурзені іночанци до коло реніе?“ Ђоронѣм саду виноградь растеть и горкїй есть (гов.)?“ Богъ

уцуу: „баѣчаси ђудо хазїна дѣхорнїа до мужанци зїси ге- сказаль: „саду подъ казна варить и когда этому ви-

шарѣвананіе ђурзені дегїмуанебунїа“. Укулі чѣерцїм кочѣм бросать (говор.) виноградь сдѣлаеться сладкїмъ“. Потомъ растался человекъ

Ђоронци до моларѣм апо. іды, іды до зїморѣм хентцїцѣші Богу и пошелъ (сюда) сюда, шелъ, шелъ и пришелъ царя

баѣчаша; еѣнї кїні мебаѣче ѡзїрїи: „гамарѣеба сѣані цїгїрі!“ сада; онъ опять садовникъ увидѣль: твоей хоронїй

уцуу мебаѣчѣм. Гогїморзгу Ђоронѣм уцуу кочѣм: „му сказаль садовникъ. Богъ сказаль человекъ: „что

амбее? кѣѣхи мебаѣчѣм; е кочѣм уцуу баѣчаси хазїна вѣсть спросилъ садовникъ; зтотъ человекъ сказаль саду казна

дѣхорнїа до мужанци зї геїорѣвананіе ђурзені дегїмуанебунїа“. варїта и когда выпить виноградь сдѣлаеть сладкїмъ“.

Мебаѣчѣм ена мучо зїгеннїи хаѣе холо мїдерулу до зѣечуу Садовникъ зтотъ какъ услышалъ тотчасъ еще побѣжалъ и рассказаль

хентцыцесн. Хентцыцези мушеці молаашу. Мушенуи гешану-
царю. Царь рабочіе послалъ. Рабочіе (п. п.) вырми

хоресн улуу . орфо до варчхлі; зігідгнесн арзі діі
ненсчериный золото и серебро; поставилъ одинъ большой

кало до хентцыцесн зуудцісн. Хентцыцези муші кучхїзи моларзи
гумно и царю сказалъ. Царь свой ногою пошелъ

хазінаша. Мужанци фозірні, гуувїрды до укулі мукаарзи
казны. Когда увидѣлъ, удивился и потомъ обратился

Боронзиша іднї зі коци до уцуу: „радганн сі те
Бога пошелъ (кто) тотъ человеку и сказалъ: „такъ какъ ты этотъ

цгура сазнме фозіміні, е хазіна сѣанда мїчузебу до фoorда
такой дѣло сдѣлалъ, этотъ казна тебѣ дарую и булъ

зази“. Кочзи уцуу: „ма му сачіро мацу сѣані хазіна—ма
здѣсь“. Человекъ сказалъ: „я что твой казна — мнѣ

ішені фомучанци Боронзи чзімі сарчосіа“ до мідарзи вїшо.
всетаки дасть (гов.) Богъ мой пропятаніе“ и пошелъ дальше.

Ідн, ідн до зімерзи діі ццаріша, намусузі чхомі гознї.
Шелъ, шелъ и пришелъ большой воды, который рыба пролегалъ.

Ццарци знгаахвілуу холо чхомі знгозндо дутци зуасн зуу-
Водѣ засталъ еще рыба пролегаетъ и головѣ камню уда-

рецуанцині. Зімерзи холоша чхоміша до уцуу: „гекаазозі
рлетъ. Пришелъ ближе рыби и сказалъ: „збрось

алмасі, намусузі звараша алагізні до досвідвзіа“. Чхомзи ге-
алмазъ, который живота лежитъ и выадоровѣшь“. Рыба вы-

каазози алмасі до дудіші чуа зімутуу. Чхомзи уцуу
бросилъ алмазъ и головѣ боль пересталъ. Рыба (пов. п.) сказалъ

воци: „радганци сѣауа цгїробуа зоброліе меті муза мїбу
человеку: „такъ какъ такой добро сдѣлалъ больше ничего не

сѣані мїочамалі до фовара те алмасі мідезіа“. Кочзи уцуу
мнѣ что дасть и этотъ алмазъ бери (гов.)“. Человекъ сказалъ

чхомци: мушо моконіа ма сѣані алмасі—ішені фомучанци ма
рыбѣ: начто хочу (гов.) я твой алмазъ — всеже дасть я

Боронзи сарчосіа; іна зекзи відітуу до моларзи ашо. Ідн,
Богъ прокормленіе; этотъ тамъ оставилъ и пошелъ сюда. Шелъ,

ідм до зімерзми нгеріша. „Му амбее цірі кочі, Боронзѣм
шелъ и пришелъ волкъ. „Что вѣсть хорошій человекъ, Богъ
му амбее момічінн?“ вїзхн нгерѣм. Кочѣм уцуу: „Боронзѣм
что вѣсть передалъ?“ спросилъ волкъ. Человекъ сказалъ: Богъ
могічінн вірі чкоміа до досуднїзїа“. Укулі мукаарѣм нгерѣм
оселъ кушай и выздоровѣшь“. Потомъ обратился волкъ
кочѣм до уцуу: „сі му гіцуу Боронзѣм?“ Кочѣм уцуу нгерѣм
человѣку и сказалъ: „ти что сказалъ Богъ?“ Человекъ сказалъ волку
мангіорі: „шарасм зімерчангїа сзани сарчосм до укулі мукаарѣм
взамѣнъ: „дорогѣ дамъ (говор.) твой пропитаніе и потомъ обратился
кочѣм до іріцелї веечуу нгерѣм мучо орѣо до варчхїлі ва-
человѣкъ и все рассказалъ волку какъ золото и серебро не
гіцуѣм хентцїцесмні до алмасї чкомцїні; герѣм вїзхн: „му-
отнялъ царю что и алмазъ рыбѣ что; волкъ спросилъ: „по-
шенї вагіцууѣа?“ Кочѣм уцуу: мушо могодн ма інава:
чему не отнялъ (говор.)?“ Человекъ сказалъ: на что хотѣлъ я втотъ:
„Боронзї ішенї зомучанцїа сарчосм“. Герѣм уцуу: „сзани
„Богъ всеже дастъ (гов.) пропитанїю“. Человекъ сказалъ: „твой
умосї вірі вѣзана озїленї холо вамаашїніа“. Даарѣм; даарагу
больше оселъ свѣтъ обойти еще не достану (гов.)“. Обратилъ;
новалїлъ-
нгерѣм кочї до очкому.
волкъ человекъ и скушалъ.

(Записана въ сел. Чоги Зугдидскаго уезда Ефимїемъ Карчава).

Хентцїѣ Чаїсменї до іші сзуа Цїмушіерїпі арїкі.
Царь Чаїсмени и его сынъ Джимушіера сказка.

Рдм арѣї заанас арѣї чїламї хентцїѣ сахело Чаїсменї.
Былъ одїнъ стравѣ одїнъ женатїй царь во имени Чаїсмени.
Дїрчїнесн чїлі до зомонцїм до сзуа ваѣундесн. Раханцї Чаї-
Состарїлїс жена и мужъ и сынъ не імѣлн. Такъ какъ Чаїс-
сменї рдм дїдї дїндарї хентцїѣнї, цїрѣндн, мїсм ашааскн-
мени былъ большой богатїй царь то думалъ кому доста-
днїа чїмі балава. До чїлі до зомонцї зїзїма мотцїнацїлі
вется мой імѣвіе (гов.). И жена и мужъ столько унмїлн.

рдесм, намда гозіціні інеціші звіраасм ішірди. Арзіша,
были что рассказы их редко бываь. Разь.

Чаісменіші дохореша буморьм сумаро галені бванаші хентці-
Чаісмена двора пришезь гостю заграничній міра царь

цьбем до возіри хентціце до іші чілі заламі мотцінаціліні;
и увидьзь царь и его жена очень скучный (когда);

кізхм сумарьм Чаісменци: „мушені ре цаші чілі до бомонці
спросилъ гость (п. п.) Чаісмену: „почему есть такъ жена и мужъ

мотцінацілі резіе“. Чаісменьм уцуу: „вара му мохіолмна,
скучный есте“. Чаісмень сказалъ: „а что радуеть,

намда чілі до бомонці вїбрчїнуузь до сууаьм вамашїісія;
что жена и мужъ старьемся и сынъ (п. п.) не нїземъ (гов.);

чзїні бала мїсм ашаасьмди чзїні укуліні замїчбмнанїа“.
нашь нїтїне кому достанеться насъ послъ не знаемъ (говор.)“.

Сумарьм іцїрьм чеханци до збуу: „суа танамотцанаша бм-
Гость подумалъ немного и сказалъ: „сынъ когда до ро-

гашїінанїа марава...“ Чаісменьм гагїзеевїди до збуу: „мара“
дїтєя (гов.) но...“ Чаісмень (п. п.) и сказалъ: „но“

мушені гїозакї сзїні рагадїснї, гемїнцїа-до бїмваахвїлім
почему сказалъ твоей говору то, объясни (гов.) и присталъ

сумарї. Сумарьм збуу: „зѣва суа бмдїгебадебуна танамо-
гость. Гость (пов. п.) сказалъ: „вы сынъ родїтєя когда

панаша, сахело бїгїодвїзм Цїмушїерїа; зї бошї зїнерї
до именемъ дайте Джїмушїерї (говор.); тотъ мальчикъ таков

масурїші дабадебулї ішіїніа, намда кверцкї бванзіріада, хаѣ
рождень будеть, что лїцо покажешь если, тотчасъ

готеенци шурцїа до сахелї „кверцкї“ зїгегонївада, мушї
пустїть духъ (говор.) и нїа „лїцо“ услышїть если, свой

чара зїна ренїа, намда муре зє кверцкїні зїсм решїб-
тотъ есть (гов.), что что есть влоть лїцо тому у-

зквенцїа збуасїа до зїсм зїгїодїнасїа, „мара“ зїшенї
наю (говор.) скажеть (говор.) и тому пропадетъ, „но“ потому

зѣвїїа, намда гагїчїрдїна зѣва зї бошїші шенахава
сказалъ (говор.), что вы тотъ мальчикъ сохраненїе (гов.)

Хентцѣ до муші чілцѣмъ ъмгеогесѣмъ енані, ішеніцѣмъ заламѣмъ
Царь и его жена (пов.) услѣшали это, всежъ очень
ахіолесѣмъ до сумарі даацѣресѣмъ, намда чѣмні зонѣбасѣмъ гіноб-
обрадовалѣсь и гостѣмъ убѣдѣли, что нашъ имѣнію отло-
дванцѣмъ чѣмні сууаші мосахварѣзіа до ваводіуанцѣзіа. Увулі
жѣмъ нашъ сына помощью и не дамъ пропастъ (гов.). Потомъ
сумарі патііцемѣло гуутѣесѣмъ. Цаномо цанаші мувуулаша Чаі-
гостѣмъ почтѣво пустили. Года прохода до Чанс-
сменіші чілцѣмъ бошіцѣмъ ѣмдѣебадѣмъ; боші амулѣарені, іші
жена жѣмъ мальчикъ родѣлѣсь; мальчикъ сегодня есть что того
уцѣгуші чѣмнані ре; чѣмнані рені іші уцѣгуші геѣані ре
лучшій завтра есть; завтра есть что того лучшій послѣ завтра есть
до ірі сахентцѣцѣосѣмъ голы хѣммаѣмъ, намда хентцѣмъ Чаісменцѣмъ
и всякіі царстау раздалѣсь голосъ, что царь Чансмену
мосарікебелі бошіцѣмъ дѣебадѣмъ. Місѣмъ маарѣдѣмні міахвѣман-
сѣвасочѣмъ мальчикъ родѣлѣсь (гов.). Кому могъ прѣтѣмъ поѣдра-
дѣсѣмъ хентцѣцѣесѣмъ е баѣванасѣмъ. Коцѣмъ ваурагадуні цѣші мѣзі
вѣли царю этотъ младенцу. Человѣкъ не говорилъ этого кто
муурцуні Цімушіерцѣмъ узѣхѣмъ ахалі дѣнабаді чѣмчѣмсѣмъ; ена
прѣдѣтъ Дѣммушіеру зовѣтъ новѣмъ рожденнѣмъ младенцу; этотъ
хентцѣмъ до муші чілцѣмъ набѣтанцѣмъ уквѣна. Чаісменцѣмъ
наръ и его жѣмъ слишкомъ удѣвѣляются. Чансменъ (пов. п.)
гегіночѣмъ зоѣуа, намда Цімушіерцѣмъ кверцѣмъ мѣзіцѣмъ ваѣзі-
вѣдалъ приказаніе, что Дѣммушіеру лѣдо кто (пов. п.) не пока-
рѣмѣоні до варѣзі сахелі гаагонѣмѣоні. Хентцѣмъ до муші
залъ чтоѣмъ и ни нѣмъ далъ услѣшать чтоѣмъ. Царь и его
чілі діді мѣіарулебаші зѣдо цѣхорѣндѣсѣмъ. Арѣзіа, Чаісменцѣмъ
жена больші радости поѣмъ жѣли. Однажѣмъ, Чансменъ (п. п.)
мідарѣмъ оѣінууша до вѣнѣохѣмъ Цімушіері вѣзіріші сууа цѣмѣма
пошелъ на охоту и послѣ Дѣммушіері сынъ вѣгѣстъ
бурѣзісѣмъ ілаѣаѣуду. Ѓааѣоѣесѣмъ арѣзіа бурѣзіні, Цімушіерцѣмъ
мѣчку игралъ. Бросѣли разъ мѣчикъ ѣгда Дѣммушіеру
орѣгѣмъ вѣзіріші сууаѣмъ. Ѓааѣоѣесѣмъ мажѣраша бурѣзіні,
ноѣбѣдѣлѣмъ сынъ. Бросѣли другой разъ мѣчикъ (когда)

холо везіріші бошім орцігінм. Цімушіерци гурэм зыморэм
еще мальчикъ побѣдилъ. Джимушіеру сердцу (п. п.) пришель
до лебі цало гініірэм, му зміннжкони ваучымды. Везіріші
и образомъ обратился, что сдѣлать не зналъ.

сзуади уцуу: „боші ө цгура гурі ннми мугаленіа, вара
сынъ сказагъ: „мальчикъ этотъ таковой сердце не придетъ, а то
кверцхі цало гохорцѣнжіа“. Цімушіерэм уцуу везіріші
ляцо образомъ разорвешься (говор.)“. Джимушіеръ сказагъ

сзуаск: „мусн цохо боші кверцхіа“. Везіреці лажацісм
сыну: „чему зовуть мальчикъ ляцо (говор.)“. игръ

уціведеснн зыгеогонесн до зувіісм: „діібзупіжіа“!—Боші ве-
смотрѣли когда услышали и сказали: „погибли“ мальчикъ

зіріші хаѣ чуузінеесн Цімушіерци. Цімушіерэм геезалн:
тотчасъ отвели Джимушіеру. Джимушіеръ (п. п.) взоѣснлсн:

„зымозіріжіа мусн цохо кверцхіеве“,—мара кверцхі жаазіре-
„поважите (гов.) чему зовуть ляцо (гов.)“, но ляцо показать

сыкони, Цімушіері дозуруду, вари геезалн гвало до вадемар-
если, Джимушіери умеръ бы, нѣтъ взоѣснлсн совсѣмъ и не могли

гінн до гінолаѣа міндому. Везіреѣжн до Цімушіеріші дідажн
успокоить и пропаданіе покуснлсн. и Джимушіера мать

ісхунесн азіані Цімушіеріші зураша віпоіані гінолаѣа до
пожелали здѣшній Джимушіера смерти тудашній пропаденіе и

даанебесн арзі арзопі уцгураші; зымнуудгесн онагері рашіша.
уступили одинъ всѣхъ лучшій конь; поставили сѣдло на конѣ

Цімушіерэм зымнаасхапу рашісм, зігіашву марѣахі до гініілж
Джимушіеръ наскочнл коню, ударнл кнутъ и перешелъ

арзі гвала, мажіра гвала гініілж, масума гвала гініілж, дошурду,
одинъ гора, другой гора перешелъ, третій гора перешелъ усталъ,

гімеелн рашісм до зымкїіндїрн міндорци. Раші Цімушіеріші
сошелъ коню и прилежъ полю. Конь Джимушіера

ѣері рділі ре, ванда нанартісм еуѣунанцннї. Дѣа ре цїгірі.
такой ученый есть, что желанію исполнялъ что. День есть хорощій.

Цімушіерэм зымкїірулуунї говалн. Муоре ѣе валннціадо
Джимушіери заснулъ (только что) Что есть этотъ молніа в

зесм зішіібтвендіа. Їмнаасхапу Цімушіерди кіні рашісн до
этому узнаю (говор.). Насьочналь Джимушіеръ олять коню и

гівіілім арзі гвала, гівіілім мажіра гвала, гівіілім масума гвала,
перешель одиць гора, перешель другой гора, перешель третій гора,

дошурду, гімеелм рашісн до зелееңдірм міндорди; цєрі бордісн
усталъ, сошелъ коню и прялель полю; такой времени

говалм. Два цігірі ре му ре зе валнціа до Цімушіерди
День хороший есть что есть этотъ и Джимушіеръ

гауквірди. Міоцінні, фозіри арзі малазоні тдургілеша зіму-
удивилса. Посмотрѣль, увидѣль одиць монахиия роднииа идеть

урци тдаріші еіобумушані; кізкм Цімушіерди зе малазонци:
води черпать что; спросилъ Джимушіеръ этотъ

„му оре зе мунаца цасы вемікохе до валнцінні?“ Мала-
что есть этотъ облако небу не пристаеть и

зонѣм уцуу: „сѣуа ена сі варн мінецьди шіітқуні зінецьди
сказалъ: „сннъ этотъ ти нѣтъ кто узналъ нмъ

вешуутқвевудуко нотева. Цімушіерди зімбаахвілім малазоні:
не узналъ бы желательно. Джимушіери присталъ

зомітціа ішені до ішені. Малазонѣм гууцхадм болосм Ціму-
скази (гов.) всежъ и всежъ. объявилъ наконецъ Джиму-

шіерци: „зе до зе діхасм реніа арзі ціра; жі гіно-
шіеру: „этотъ и этотъ землю есть (гов.) одиць дѣвица; вверхъ сидитъ

хеніа одасм до зіна акопкаше хесм мукуувалуанціе зітціма
(гов.) доху и тотъ съ окна руцъ замахнеть (гов.) тогда

гоназцінціа до валі зіна реніа“. Боші казақм, намуне
засвѣтитъ (гов.) и молвіа тотъ есть (гов.)“. Мальчикъ человекъ, который

цізі зі ціраші оѣхууша меурціе, ово геентқасіе ціра
тотъ дѣвици прошенія идеть (гов.), долженъ объяснить дѣвица

мусузі уцоленціе зіна; геіантқмда, чіло мідааѣунуніа, варіа-
что и скажетъ (гов.) тотъ; объяснить если женою выйдеть (гов.), а нѣтъ

да, дуді око меквадасіе. Муда овеші масареці зореніе
если голова долженъ отрѣзать (гов.). Сколько двора колья есть (гов.)

сумі масаріші метісн арзосн зымогн тізо кочіші дудіа.
три колья большему всему каждый человекъ голова (гов.).

Цімушіерґм гурци зуу: зі ціра око зіібзуеґе чіло.
Джимушіерґ (гов. л.) сердцу свазаль тотґ дѣвица долженґ женоу.

Гамеєдуу малазонци, ґимнаасхапу рашісґ до гініілі арзі
Простілія наскочілі коню и перешелґ одіаґ

гвала, гініілі мажіра гвала, гініілі масума гвала. Аґаші
гора, перешелґ другой гора, перешелґ третій гора. Таґ

шарасґ візожірі ґана ґоре зіґимаре Цімушіері до ґверсеґо
дороґѣ дѣнаґдцатґ лѣтґ естґ стоітґ Джимушіерґ и пребоішннґ

гінііерґм. Міоцівннн, арзі діді ода ґіґедґннн ґозірі. Міанчн
сѣґаласґ. Посмотрѣлґ, одіаґ боішой домґ стоітґ что увидѣлґ. Приблнзлсґ

Цімушіерґм ґе одасґ, мара озе арґо ганаґебулі-ре зі
Джимушіерґ зтоґтґ дому, но дворґ весь осѣщенґ естґ тотґ

ціраші сінаґеґм ґаші, намда ґолеґґм ваґаанґцінн; мучоґм
дѣвнцы свѣтомґ таґлґ, что глаза не открылі; баґлґ

рліні, мнннлі Цімушіерґм одаша. Ціраґн гегґмаазады, мара
былґ, вошелґ Джимушіерґ дома. Дѣвнца встрѣталґ, но

е боішнн венаґціннн мучо бґашанн. „Муша морзі
зтоґтґ мальчнку не могґ посмотрѣтґ баґлґ соннца. „Затѣмґ прншелґ

боіа?“ віґхн ціраґн боішнн. Цімушіерґм уґуу: „гоґґвандесн
мальчнкґ?“ спрослґ дѣвнца мальчнку. Джимушіерґ сказаль: „хвалелн

сі залаґнцн до сґанн оґзууша мобрзіа“. Цірасн ґеєґороґу
тн оченґ и твої прошенн прншелґ (гов.)“. Дѣвнцѣ влюблсґ

Цімушіерґм до уґуу: „боші, моцодннм набеґанґціа, мара му
Джимушіерґ и сказаль: „мальчнкґ, жалґ слншкомґ, но что

бґмінава!“ Чґмі мума до дідаше дочнелн мнґунн до маґн
сѣґлатґ (гов.)!“ Мой отецґ и отґ матери заґѣчанґ ннґю и нн

ґуасн гернелн вореґнн, чічіе ґордасннн зісн ваґуневе чіло,
камнґ столвншн есґм (гов.), ннцій буґеґтґ хотґ тому вннті женоу,

міґм емінґґннціе: „гуріші варді до гуріші дарді му оренне“.
кто в обґясннть (гов.): „сердца роза и сердца тоска что естґ (гов.)“.

Аґенасн мнґм вемннґґннціеве, дудн око мебґваґеве; сіґн
зтоґму кто не обґясннть (гов.), голова долженґ отґрѣзатґ (гов.); и тн

ґаарґґеґннн сумн масаріші метн кочіші дуднм мобша маґу
внншн (гов.) трн коґля боіше человекґа головою пополненн ннґю

озеші масареція; мара радганы сі ўаші ўзмеборотіе вадасы
двора коля (гов.); но такъ какъ ты такъ полюбіся сроку

мерча гавіўха до гаўіръашісія танамотанасія, танамотанаша
дажъ спросъ и обдуманія (гов.) годъ (гов.) года до

сі вегавтцуанда, місмѣі еіантцені, ўісм мідваўнуўу чілова.
ты не обьяснйшь если, кому обьяснить тому вѣду женою (гов.).

Сі ўогінеўн танамотанасія. Цігірія, — утцу Цімушіерўн до
Ты смотрѣть буду годъ (гов.). Хорошо (гов.) сказаць Джимушіеръ и

іўірън: вемантцінмвада, шуро вамуурѣія; гамееўхуу е
подумалъ: не обьясню если совсѣмъ не приду (говор.); простися зтогъ

цірасн до мідарўн; іды, іды до гверді танасн кіміішн до
дѣвнцѣ и пошелъ; шелъ, шелъ и половина году шелъ и

арѣі гареше сахентцѣоша мішеелн. Шарасы іро меўіръенци,
однѣ вѣѣ царства вошелъ. Дорогѣ всегда думалъ

му ре ўе гуріші варді до гуріші дардіа, мара муўаша
что есть зтогъ сердца роза и сердца тоска (гов.), но ничего

ачіны гурўн. Болосн міоціннын ўозіры арѣі хентцѣеші дохо-
угадало сердце. Концу посмотрѣлъ увидѣлъ однѣ царя двора

ресн ца до ўезанаші кіміобаргн озеші карцы, озеші чіш-
цу небо и земли при расположились двора двери, двора во-

карі гонцамілі ўоре; хентцѣе ўваша ўітохуанци до ўінгарци;
рота отворенный есть; царъ лба удараеть и плачетъ;

аўуреше ўіміангара ірі ваўа; хііцало ўоре чкумуа шумуа до
отсюда всякій люди; есть ўда нитье и

мушені інгарані дуді вемечѣн кіўхн е бошіўкні уціісн,
почему плачуть что голова непримѣтна спросилъ зтогъ мальчикъ сказаши,

намда вішоіані мінуулаші неба варенія до ўаші дуді веме-
что тудашній входа право нѣтъ (гов.) и такъ голова не при-

чѣнні ўеші мівангарѣія. Хентцѣесн ваако муўн аўолнні
мѣтенъ такъ Царю не хочеть что случилса

гаацхадасіе до мідн шіітвенціе доўвілннци хаўеева. Ціму-
обьявить и кто узнаеть (гов.) уьеть тотчасъ (гов.). Джиму-

шіерўн гуурўу рапсісн до мівіілія міві хентцѣеші озеша.
шіеръ махнулъ коню и вошелъ внутрь царя двора.

Хентццѣрцм музуні ваутцуу Цімушіерцм. Онцуасм хентццѣрцм
Царь ничего не сказаль Джимушіеру. Вечеру царь

уцебу карі озеши докѣлуу. Цімушіерцм мінілм хентццѣрцм
мругъ дверь двора залворилъ. Джимушіеръ вошелъ карі

дохореша, розіры жи димеобу відожірі дудамі ндеміші
дворца, увидѣль вверкъ вкентъ дѣлладать головні веллвана

дуді; карцм арві че ціарі вігерани; жи міаміко зігілахе
голова; двери одинъ блані лагавал лежита; вверкъ соколь сидитъ

до зодцм вавууцауандіні зеші ндеміші дудм дѣлцінені.
такъ веллвана головні смотритъ что.

Цімушіерцм заламі геєдвіруу до хентццѣрцм мунілм кізхм
Джимушіеръ очень удивилса и царь вошелъ спросилъ

Цімушіерцм муна морзіа. Цімушіерцм мааЗуну до зеечуу
Джимушіеру затѣмъ привеза (гов.). Джимушіеръ началъ и рассказалъ

гуріші варді до гуріші дарді муорені зіші іонццммуша ворежм
сердца роза и сердца тоска что есть того. объясненія есмъ

гілацірія. Хентццѣрцм уцуу: „сува ваарццѣрціа зе озеєцъ кара
прошаніа. Царь ... сказаль: „снѣъ виднѣъ (гов.) этотъ двору ладі

іореніе зінеццм мунуулаші неба вауудесіа, мара ну
стоятъ (гов.) нѣъ входа позволеніе не нѣлъ (гов.), но что

онгаралі мочнвіе зіші нлотвевбуша муурціа; гуріші варді
плаченнѣй случилаа того узнаніа; идеть (говор.); сердца роза

до гуріші дарді ндацм реніа. Мізм ісхунуандіа зеші нлет-
и сердца тоска адѣъ есть (гов.). Это предметъ этого узнаніа

зевбасм зурамаве геунццмнціа до розі хаже докѣлнціа
нѣъ смерти (говор.) объясню (гов.) и тотчасъ убью (гов.)

радгамм вавоко гымаснмасіеве ма зі гарнмебагіа; мізі
такъ нѣлъ не хоту а тогъ обстоятельство (говор.); кто

зуранга риваси ісхунуандіеве зацм ішіі цана зе жамішава.
смерти бытѣ предметъ адѣъ будетъ годъ этотъ времени.

Цана зе борцісм сабатнні двасм нгара ішіно карцм гувон-
Годъ этотъ времени оубста днѣъ пачъ будетъ двери отворо

цанцмні вішо мідгарвеніа. Асе наму гіскуну сувава, кіз-
котда туда можель войти. Тешеръ что желель снѣъ (гов.), спро-

хи хентцмъедм Цімушіерци. Цімушіерци уцуу: „вешібрве
онгъ царь Джимушіеру. Джимушіеръ сказалъ: „узнаю

до увулі доббурені зомісхунунія“. „Аба, цігірія“ хентцмъедм
и потомъ умру что предпочитаютъ“. „Ну, хорошо (гов.)“ царь

збуу: „ма дудіші оввазалци зумібзандія“ до мідарум. Ёе
сказалъ: „я голови рѣзалу принесу (гов.)“ и пошелъ. Этотъ

борціси рашіци уцуу Цімушіерци: сі ними гашбуріне сі зм-
прешени конь сказалъ Джимушіеру: ти не бойся ти

маргіада ма езоси зомісхалундіа; му борціси зумнжмоскапаніе
я двору перепрыгну (гов.); что времени наскочишь гов. на меня

еѣері еѣері марзакі зігмашувія, намда арзі шорті тѣебі арзі
такой: такой кнутъ удари (гов.); что одинъ: кожа одинъ

Зуре гемонтціа до мажіра Зуре мажіра шорті тѣебі гемон-
сторомъ сними и другой сторомъ другой кожа снн-

тціа. Бсхілі ханци хентцмъедмзі зуморум до зндодги дудіші
ми (гов.). Столько времени царь и пришелъ и оставилъ головы

оввазали. Маабуну хентцмъедм до ічуу: „ма заламі дідари
рѣаки. Началъ царь и рассказалъ: „я очень богатый

хентцмъе вордіа; осурі зіібздіа еѣеріа, намда мучо бжани
царь билъ; жена такой, что какъ ослице

венгацінінедмва; да пунду зисмнахеше холо уцгушіа,
не могъ смотрѣть; сестра имѣлъ красавица еще лучшій (говор.)

бсзидиді бедінеро до ма вавібудуа гуріші вардіа. Чзімі осурци
жилъ счастливо и я не имѣлъ сердца роза (гов.). Мой женѣ

зууѣороцуацу візожірі дудамі ндеміа до зіна алнвоценія;
полюбилъ двѣнадцать головиі великанъ и тотъ

ена зешуутѣебу чзімі зисмнахе дасіа до іци ма зоміцууа;
это узналъ мой красавица сестрѣ и онъ я сказалъ (гов.);

ндемі обчоѣі мавз дуді мѣевазіа до заарцѣедм емері му-
великанъ поймалъ я (гов.) голова отривалъ и видннъ тамъ и-

вомібууніе. Чзімі даси ена зешуутчу, чзімі дасіе дочѣууа
снть. Мой сестрѣ этотъ узналъ мой сестрѣ (гов.) прокладъ

до гааччу че тіарова, заарцѣедм емері вігепаннніе, азе
и обратилъ бѣлий латавои, виднннъ тамъ лажитъ (гов.), этотъ

берієм мазі чімі чілі гвало вапіліа до доб'чсеева до гінвор-
времни и я мой жена совсімъ не убилъ и продалъ (гов.) и обра-
зінеева мімінозіа. Мучо мімінози гінпірзуве, емері біглазю-
тязь (гов.) соколомъ. Какъ соколомъ обратился, такъ нале-
рінуа до зі ндемі зіеммаси зууборціа, намда золі зіша апу
тязь и тотъ великанъ столько любитъ, что глава тому иміеть.
мечемебуліа. Адези веебуаво чімі гуріші дардізіа; авці ірі
Это не было ли мой сердца тоска (гов.); теперь каж-

панаси арзі сабатніні дзаси чімі кадаси ібчануанзіа.
дні году одинъ суббота дню мой людямъ призову (гов.).

Очумареші евуело онгуаша варі мазіі гонцамілі оешіа
Утра начавъ (до) вечера дверь буду иміеть ошарши дворъ (гов.).

до ма імгарқи—інеці мумангараніа. Азе цгурақи ма маболні
и я плачу онк плачуть (гов.). Тотъ такой я слышалъ что

вамоко гимасмеве, адепони міснці кивочіебуқи зе гармеба-
не хочу объявить, потому кому расказу тотъ обстоятель-

снці дошілнціа. Гаазуу хентціцезқи сачіарі, асе Цімуші-
ство (гов.) убилъ (гов.). Окончилъ царь расказъ, теперь Джимуші-

ерци дуді око меквадаснці. Цімушіерқи валіні мамаласи
еру голова долженъ отсѣчь. Джимушіеръ молніи скороотъ

зимнасхалу рашіси, бігіашбуу меле до моле марвахі до зірі
раскочилъ коню, ударилъ и инулъ и два

холо зуре зізо шорті здебі геіонтці. Діінцірқи рашіқи до
еще сторовѣ каждый кожа снялъ. конь и

восхалу оеші кверсемі ціхаси. Дозуру хентціцезқи мара, му
пригнулъ двора пребольшой ярности. Обмеръ царь но что

кімі-нмво. Цімушіерқи гуурзуу рашіси—ідм, ідм до ціраші
дмать долженъ. Джимушіеръ махнулъ коню шель, шель и діваци

до хореша зиморқи. Ціраси озені масареці вочіші дудіқи
и двора пришелъ. Діваци дворъ коня человека головой

муубшапуду до кізқи Цімушіерқи гармебані, еқи геунціқи
вополнилъ и спросилъ Джимушіеру обстоятельство, зотъ объяснилъ

гуріші варді до гуріші дарді му рені,—цірақи геехарқи до зо-
сердца роза и сердца тоска что есть діваци обрадовалъ и му-

монцо видеекмиши Цімушіері. Їорена заші міаре ханціні,
жонъ взыль Джимушіеръ. Суть такъ много времени когда,

Цімушіерѣмъ вѣдхы цѣраси: „заши вордазні зѣна гѣсхунуніа
Джимушіеръ спросилъ дѣвицѣ: „адѣсь были (чтобъ) тотъ предпочтаемъ

до вѣшо маѣуневе“. Цѣражи зѣуу: „вѣшо гаѣунуніа“ гегми-
мии туда итти“. Дѣвица сказала: „туда койду (гов.)“ пригото-

ивтѣіісѣмъ мауларо: цѣражи па до зѣзанаши цѣгірі до сѣвामी
взыль дѣвица небо и (земли) міра хорошия и красивныя

уремци зѣгивонтѣкарн до моларѣсѣи. Ідесн, ідесн до чхоро гвала
арѣъ покожнѣ и вошли. Шли, шли и девять гора

гивіілесн. Маанчесн Чаісменіші дохореша. Чаісмені до муші
лерешли. Приблизилъ Чаисмена дворца. Чаисменъ и его

чѣлі учѣзди гонѣерлі хена Цімушіерѣмъ гегминаалмні укулі; ве-
жена траурой сядѣтъ Джимушіеръ пронаѣ что носѣ;

зѣреѣі аарзо гегминахоресн. Арѣша, маацінесмні, зѣзіресн цѣ-
вѣъ переселили. Однажды, посмотрѣли увидѣли дѣ-

ра до боші зѣмуулані, мара веечнесн. Цімушіері до муші
внца и мальчикъ идуть, но неузнали. Джимушіеръ и его

чѣлѣмъ ешеелесн до зѣидодоходесн. Цімушіерѣмъ вѣдхы муші
жена вошли и сѣли. Джимушіеръ спросилъ свой

дѣдасн, муѣуре мугѣдѣнесн патнѣіеве. Їе борѣісѣмъ Чаісме-
матеръ что наскужалъ баринъ (гов.). Этотъ времени Чаисме-

ніші чѣлѣмъ уѣуу муші зѣомонци: „Їе бошісѣмъ рагаді Ціму-
на жена сказалъ своему мужу: „Этотъ мальчикъ говоръ Джиму-

шіеріша погуевеніа до дѣсн дуумтѣкаѣзіа чѣіні зѣнебава“.
шіера похожъ (говор.) и этому утвердилъ мой имѣніе (гов.)“.

Цімушіерѣмъ замазѣнінімъ до зѣуу: „ма вореѣмъ сѣвані сѣуава“.
Джимушіеру не потерѣилось и сказалъ: „я есмь твой сынъ (гов.)“.

Чаісмені до муші чѣлѣмъ гачендесн набетані хіоліше до укулі
Чаисменъ и его жена остолбенѣли санѣжомъ радости отъ и потомъ

срѣбаша зѣморѣсѣмні гаѣѣунесн до гаасхупесн Цімушіері до
памяти пришли когда подѣловали и обняли Джимушіеръ и

муші чѣлѣмъ. Цімушіерѣмъ амбее зѣсечуу іріѣелі муші дѣда
его жена. Джимушіеръ обстоятельство рассказалъ все своему матъ

до мумасм. Ібуу діара до харебади. Везіреці віні гварзіне-
и отпу. Случнаса ширь и радость. опать возврати-
есм до укулі бедінеро цхорендесм. Чаісмені до муші цілі, му-
ли и потомъ счастливо жили Чаісменъ и его жена, сво-
неціші сбуа до носа цкима.
его сынъ и невѣстка вмѣстѣ.

Сумі ушқурі, сумі бертулі, Ёронзди нинни моміласасо
Три зблока, три граната, Богъ не лишеть

ззвані хелі молдуулі.
твой руки приобрѣтенное.

(Записана въ с. Чаквинджи Зугдидскаго уѣзда со словъ Елены Хубулама).

Гордеціші лерці.
Лягушекъ стихотвореніе.

Гоѳа Хезасм ¹⁾ гохолмді, гоѳа сері Чаладідци ²⁾.

Вчера Хетѣ былъ вчера ночь Чаладидѣ;

Оѳхі гордісм гинулебу оѳхі холо абрагісм;

Четыре лягушекъ пошли четыре еще разбойникамъ.

Інеѳцим узіміннани іна теріші алагісм.

Имъ сдѣлали (что) это врага странѣ.

Цігірі цхененцим гехепандо меурѳена марѳахісм.

Хорошіі лошади сядять и машуть ануту.

Цхені шуро вагіѳочди інеѳціші шонурі набадісм.

Лошадь совсѣмъ не виденъ ихъ буркѣ;

Муда вучхісм медгннани, діхасм ментѳуна алабісм.

Сволько ногѣ ставяють землѣ вбивають аршину;

Соде гіочішуанани, зѳеѳи чуна ѳалакісм.

Гдѣ догоняють тамъ жгутъ городу.

Созм аѳохвадннани, зѳеѳи рчуна қазахісм;

Гдѣ встрѣтятся тамъ грабять крестьянина.

Му еѳері вочі рде вагішеѳа рагадісм.

Что такой человекъ былъ бы не вынесешь говору.

¹⁾ Названіе селенія.

²⁾ Тоже.

Гордецьї дошагаренандо вѣзакшна моларзїсм.

Лягушка собралсь и кричать—идите.

Гордецьци лазутї дутахшна, вазухена калазїсм.

Лягушка кукураза паломали сядять (похъ) корзинѣ.

Гордецьци шагаруа поўве гасархулї шга мартїсм.

Лягушка собранїе имѣли весна средь мартѣ.

Хезурї гордї Хоргасм до Хоргулї гордї Чаладїдци.

Хетскїй лягушка Хоргѣ и Хоргинскїй лягушка Чаладїдѣ.

Гордецьци кїзхесм со урзїе царци цшунзїа Цоразїсм ¹⁾.

Лягушка спросили куда идете воу пьемъ Кората.

(Записана въ с. Чаквинджи Зугдидского уѣзда).

¹⁾ Названїе рѣки.

СВАНЕТСКІЕ ТЕТСТЫ.

А) Записалъ и перевелъ Г. Никсерадзе.

Пѣсни и сказки.

1. Во сабрело Мірангула,
Дедес ісгва сі гар хордѣс!
Нѣнкѣбош мурқмѣш шулувас хордѣс,—
Саді-вахшѣмс ечре ціѣлах....
5. Цѣсен хаба цімшіш нѣбѣс:
Мірангула десет амбѣга!
Мѣчхѣѣр загѣр мецѣсѣ малқріш
Мірангулас чу хоѣаца;
Чхара қвѣл ханс далахбіша.
10. Чхара сѣвѣр цѣдѣсд харвѣчк.
Цѣсѣ лнхшѣдн барцас хасдѣн;
Іешхві цѣсшгмав мад лѣсгѣда,—
Ара чхара цѣсѣѣр аткѣѣр,
Мѣчхѣѣр жѣбен амхеделі.
15. Цѣдѣс ахчѣмх зуралѣреш,—
Мін цѣнѣѣре, мін урцѣлѣр....
Шване лѣмвурс не хецхемі,
Чі шванѣрес цѣрс охгемі,
Кырцінд хвамні ушгүлѣ шацтисі!
20. Дѣеба Ламріѣ Ушгүлѣшисі!
Ушгүлѣш бапѣр Сѣвс ігвчардах,
Бапѣр сѣвѣрс чоѣирмалах,—
Вѣрѣлс качуш хѣѣабурех,
Табмд сеѣсѣверд кырцінс хадіх.
25. Бапѣр сѣвѣрс чув хѣѣадах;

- Мачхъар загърд амхеделих, —
Мірангус лндгърс хаганнах.
Чхара фвїл мїча ханаре
Бапърд адїех Ушгулазе.
30. Дїдеба, Ламрїа ушгулашїс!
Ушгул соџел лагвїнс хачо,
Чубехевзе захїбжїнех,
Барбал долїш нїдвїрс хашдба:
Нїдвїре мїча ханаре—
35. Лапсқалд загър пїанџувїлх;
Іедер бапър їнворїлех;
Ленпър җїрсїш сеџсверо андех.
Дїдеба, Ламрїа Ушгулашїс!
җїрсїш сеџсвер 'сі мадгешгдї,
40. Квецнїш цаву Іурсадмїш;
Шда Ушгулїш уклавалї,
Лакїїв еча Атвер загър,
Латдрем лїнїав Мушур загър,
Лапїра мїча Ғвезнулд загър.
45. Дїдеба, Ламрїа Ушгулашїс!
Шванес җвїнал мадма твїнда,
Зедїш їсгвї маї гвероле?
Мешха зуҗвас берїр ївгех,—
Едїїрс җвїнал буталїш хегнїх;
50. Ечав дївненс җаалвнїд,
Ғвїнал зедїшс зуҗвас анїде.
Апїхаз хокер Ілорїсга
Цїгїрїг сгвепї мївїр лїхмїш,
Іешхвї ханїс ца гвацванї,—
55. Іешхвї мїчв оҗвреш хероїе,
Мерме мїчв алмїсїш хера,
Сгїшхїн гвешї цвїд санмелїн.
Дїдеба, Ламрїа Ушгулашїс!

- Шване башар маг адзоранх,
 60. Шване лахмар маг анмаранх
 Ушгулан махши Амбрегани
 Чубехеш махшис атди
 Гварид еча Царгвелани.
 Хев і хмежд маг лузвер лі,
 65. Ушгулс лагван алчевмелі.
 Маспвелс дарбаз деш,—
 Марей вобашв аддавшөні.
 Шване лавзур нав гвамзирі!

Примечанія. 1—5. Во сабрело, о, несчастный. Ср. во бедвиріи, о счастливый. Сабрал,—бѣдный, несчастный,—Дедес дат. н.; деде, мать.—Тегва ф. прят. мѣст. ісгві, твой, употребляемая при существ. —Сі, ты.—Гар, только.—Хордас: мі хордас, сі хордас, еча арда; ты былъ у него. У матери твоей ты только былъ.—Нанаўбош, пад. причины, орудія; нанаўбі, род.—і, осторожность.—Мурқвмаш. Мурқвам, башня; роқ.—вмѣ.—Шдулвас дат. н.; шдул, род. шдулвѣ; амбразура башни. Изъ осторожности ты былъ въ амбразурѣ.—Садіс, обѣдъ; ўахшам, ужинъ; здѣсь в. садіс, ўахшамс.—Ечзе, туда.—Ціхдах (х=k); ліхе, принести; іпрегѣ. мі хвїхдас, я приносилъ (вообще); мі хохдас—я приносилъ ему, мі ціхдас—тебѣ.—Обѣдъ, ужинъ туда тебѣ приносили. Цісев=цісе + ув. Цісе, смола. Хаба; лібде, лить. Іпрегат. ув хаба, да залей. Цімшіш, род. отъ цімаш, среда. Нѣбов, вечеръ.—Да залей смола вечеръ среды (проклятіе).

6—10. Демег, нигдѣ (=деме Вольн. Сван.). Ср. амег, здѣсь (=амечу Вольн. Сван.). Анбѣгв,—отъ лібегв, находитъ. Мі онбѣгв, сі анбѣгв, еча анбѣгв, находился.—*Миранула нидѣ не нашелся (оказывается).*—Загѣр, перевалъ, гора. Мечхпарскій пер. между ушгульскимъ и болгарскимъ обществами. Мецвез, пастухъ (цвез, стадо). Малқар (q=k), Балкаръ (горское общ. Терс. области).—Чу + хохаца; хаца, ги-

бель; ліхце, погубить.—*На Мечнарскомъ перевалѣ Мирангуль убилъ болгарскаго пастуха.*—Чхара, девять.—Цвіл (л=1), штука.—Хѣнс; хѣн, быкъ (един. число дат. пад. при числительномъ). Ыалахбіша; лібше, отнять.—*Завватилъ девять штукъ быковъ.*—Сѣвѣр, осетины; мисѣв, осетинъ. Ыадѣс; цадѣ, погоня; ліцдасі, гнать. Харвічх; лігвеч, гнаться, преслѣдовать. Ргаес.—*Девять осетинъ съ погоною бробоются* (погоною гонятся).

11—15. Ывѣцъ, ружье. Липхѣдм (к=k) окованный, оправленный; ліпхѣді, ковать. Барцас. Барц, плечо. Хасдѣн; ліді, положить; масдѣн, цасдѣн, епас-хосдѣн.—*Ружье съ оправаъ лежало на плечѣ* (у Мирангула). Пешхві, одинъ разъ. Ывѣпгмав, назадъ. Мад, не. Лѣйсгид; лісгді, смотрѣть; мі лѣхвсгді, сі лѣхсгді, епа лѣйсгид.—*Назадъ онъ ниразу не смотрѣлъ.*—Ара, 8. Ативѣр; лігване, стрѣлять. Мі оѣаквр, сі аѣаквр, епнем ативѣр. *Восемь-девять (разъ) онъ оострѣлялъ изъ ружья.*—Жібен, на, вверхъ. Амхѣде+лі; ліхед, втти, подняться.—*На Мечнарѣ поднялся.*—Ахчѣмх; лічем, гнаться; мі охвечм, сі охѣчм, епа ахчам. Зуралѣреп; вурал, женщина. *Погоня женщинъ преслѣдуетъ* (женщины гонятся за нимъ).

16—20. Мін, тѣ. Ыїнѣ; неряшливый.—*Тѣ нечистыя, тѣ невѣрныя.*—Лѣмзур, жертва; лімзпрі, принести жертву. Пе, если. Хецхені, fut.; ліцхане, предпочитать.—Охгені; лігне, ставитъ. Кырцпн, кислый (невкусный) хлѣбъ (у осетинъ, болгаръ). Хванні, лімне, дать ѣсть. Шаѣат, булава.—*Если сванетскій Богъ (жертва) желаетъ, приобрѣту славу* (цвѣтокъ поставлю) *вспѣмъ сванетамъ, вмѣсто болгарскаго хлѣба дамъ ушкульскій. Слава Ушкульской Богородицѣ!*

21—25. Сѣв, Осетія. Ывѣчардах; лігвчар, покупать, торговать. Мі хвѣвчардас, сі хвѣвчардас, епа ігвчарда. *Ушкульскіе священники торговали съ Осетіи.*—Чозирмалах; лірмі, задержать. Мі чвамирма (одного),—чвамирмала (многихъ), сі чвапирма,—ла, епас чозирма,—ла. *Священниковъ осетины*

*задержали (арестовали). Варе, борода. Качуш, стоя. Бач лігне, стоя стоять, кач есен, поставь стоймя (качар=кач даб, пахотное поле на мѣстѣ покатоми). Хацабурех, ліцбуре, брить; ргаес.— Стоя (держа на ногахъ) борода имъ брѣютъ. Табил, род.— блѣ; хлѣбъ, который даюгъ священнику за исполненіе требъ, совершеніе богослуженія. Сеѣсквер, род.— і,—просфора.— Хахдих, ліфді, дати. *Вмѣсто хлѣба, просфоры, даюгъ кирджинъ. Чувхачадах, лігед, убѣжать. Регі. Священники успѣли убѣжать отъ осетинъ.**

26—30. Амхеделих; ліхед, придти. *Пришли къ Мечнар. перевалу. Лидгар, мертвыи. Хагѣнах, лігне, стоять. Миранула нашли мертвыми. Адіех; ліі, угнати, взяти, брати. Мі оѣхва, сі оѣхва, епнем адіе. *Десять штукъ его быковъ священники увели въ Ушкулъ. Слава Ушкульской Богородицы.**

31—35. Лагван, поминки. Лілгвані, устроятъ поминки. Лігвані, плакати. Хачо, лічме, сдѣлати. Мі хвачо, сі хачо, еѣа хачо. Ргаес. *Ушкулъ село дѣлаютъ поминки. Ғахѣбѣнех, лібѣне, дати знати. Затъмъ, въ Чубежевы даюгъ знати. Нѣцвѣр, пожертвованіе; лінцварі, дѣлати подарокъ. Хашдба, ліштѣб, дѣлати, готовить. *Варвара Дольская приготавливаетъ подарокъ. Подарки ея—быки. Лапсдал, пастбище въ Еперскомъ обществѣ. Ліцанцунѣл, итти переваливаясь. Ргаес. *На Ланскальской горѣ ходятъ переваливаясь.***

36—40. Лінзоре, собирать; лінзорал, собираться. *Въ Ецерахъ священники собираются. Ғірс, чечевица. Въ Ленджеррахъ пекутъ просфору изъ чечевицы. Слава Ушкульской Богородицы! Мадцешгді, тебѣ не подобаеги. Чечевичная просфора не подобаеги Тебѣ. Квецен, пшеница. Тебѣ пристойна пшеничная (просфора) изъ Иерусалима.*

41—45. Шда, колось. У-евава-лі, ліквалі, молотити. *Колось ушкульскій не молотится. Атевер, имя соб., пастб. въ Ушкульскомъ обществѣ. *Мѣсто для его молотыбы Аткверская гора.—Мушур, зимній перевалъ изъ Вольной Сванетіи**

въ Лечхумскій уѣздъ Бутанс. губ. Ліцвремі, лініаві, провѣять. *Мѣсто для вянія — Мушурская гора. Лаѣра, ліѣре, сушитъ. — Мѣсто для сушки его — Тетнулдъ гора. Слава Ушкульской Богородиць.*

46—50. Цвѣнда, ліцване, показывать. Въ Сванетіи вина не было. Мѣи—вакой. Какое для Тебя у насъ вино (что употребить при совершеніи литуріи)? На Черномъ морѣ монахи живутъ, — у нихъ вино въ кутанъ (ковшикъ, деревян. сосудъ) стоитъ. Туда псаломщика пошлемъ! Каалъвзід, лізіі Fut.

51—55. Вино для литуріи по морю принесетъ. Повер, ковецъ. Лихмѣш, сильный. Мавѣр, очень. Лісгці, приказать. Міс гвечи, я есмь (о себѣ говоритъ важное лицо). Въ концѣ Абхазіи въ Илорахъ св. Георгій очень могущественный. Ліцвані, пожертвовать, помогать. Fut. — *Одного быка онъ намъ пожертвуетъ. Мічв, рогъ. Одинъ рогъ у него (быка) будетъ золотой.*

56—60. Другой рогъ—алмазный. Ісга, внутрь. Ісгѣн, внутри, внутренность. Гоші, полный. Цвѣд, воскъ. *Внутри полный воска—ладана. Слава Ушкульской Богородиць! — Лізври, собираться. Сванетскіе священники все собрались. Лахван, церковь; ліхвані, кланяться, благодарить. Въ Сванетскихъ церквахъ всемъ были жертвы принесены. Лімзмі, принести жертву.*

61—68. Махвші, старшина, глава; лімхош, быть старшимъ. Ушкульскій глава Амбреіани. Ачхі, лічхі, приглашать. Гвѣр, родъ, фамилія. Чубехеви проситъ къ себѣ главу (старшину), — фамилія его Парвѣани. Хѣв, общество. Хмелед, сухое мѣсто. Все селеніе собрано. Въ Ушкулѣ поминки совершены. Мѣспзел, хозяинъ. Азгѣча, лігеч, держаться. Лідшаві, погибнуть. У хозяина верхній этажъ не выдержалъ (полъ провалился); погибло много людей. — Провидѣніе (Богъ) Сванетіи насъ да благословитъ!

Ред.

Проданіє.

Хункві ¹⁾ дрѡвс Швѧн бѧр ²⁾ лймѧр, і амжі мусоб ³⁾ мама лймѧр; маре, цїсев хаба холам хопѧлс!—Ламурѡвамс лймзмгелі ⁴⁾ ешхві гун дїдѧр ⁵⁾ мезге ⁶⁾ ал мезге лймѧрех хехвѧш і міне їорі гезал—чїнт і діна. Хехвѧш ізгах ацгваї агіз, ере чї ладеѡ іхмашолх ⁷⁾ і звешгїнпїлс ацї адхамшѧнх, ере Ушгулс бѧгѧр ⁸⁾ азгаднех ⁹⁾ кумшїш і нѧмшавѧш ¹⁰⁾ чїмш: міне ѡр лаѡва лехдаханѡ ¹¹⁾ меїшеда ¹²⁾ нѧзїс хаѡддах ¹³⁾. Ам дрѡвс міне гезліерд і жїанцхех ¹⁴⁾ і їерѡндѧш ацгвѧр мусгвен ¹⁵⁾ ахцѧсх ¹⁶⁾ ере амсудѧш гезліерд цод ¹⁷⁾ лѧсхв, і цодул хехвѧшс міне гезлѧ ішгѧнѡ ¹⁸⁾ лїцвіле ахмачрѧнх ¹⁹⁾ і міне чїнт і хехвд лїдданї анскорех ²⁰⁾. Ашхв ладеѡ діна лашѡвдіелѡ ²¹⁾ адзмвех

Въ прежнее время Сванетія была теплой страной, и такого (какъ теперь) продолжительнаго снѣга не было; но, да залей смола нехорошихъ предковъ! На мѣстѣ, гдѣ построена башня, былъ одинъ очень богатый домъ, въ этомъ домѣ были сунруги и ихъ двое дѣтей—сынъ и дочь. Супруги жили въ такомъ мѣстѣ, что каждый день дѣлались сильнѣе и, наконецъ, такъ усилились, что въ Ушкулѣ поплину наложили на скоть и всякія жизненныя припасы: съ провозимаго мимо ихъ двора на западъ брали десятую часть. Въ это время ихъ дѣти выросли, и оба выпли такіе хорошіе, что грѣшно было ихъ назвать человѣческими дѣтьми (человѣка дѣти грѣхъ были) и грѣш-

¹⁾ Хункві, хунквіш, прежній, по прежнему. ²⁾ Бѧр, теплый (ср. тебдї, теплоѡ; азвї, жаръ) ³⁾ Мусоб, время выпаденїя снѣга; мус, снѣгъ. Ср. жамоб, время чумы (жѧм, чума); мѧїдоб, время голода (Мѧїд, голодъ) ⁴⁾ Лймзмгелї, жиль. ⁵⁾ Дїдѧр (—дѧр), богатый. ⁶⁾ Мезге, дымъ, домъ, жилье; р. и. мезгемї. ⁷⁾ Лїхмаше, Ішрї; дѣлаются сильнѣе. ⁸⁾ Бѧгѧр,—р. бѧгрі, поплина; ⁹⁾ Лїдданї, наложить (о поплинѣ). ¹⁰⁾ Нѧмшав, жизнен. припасы. ¹¹⁾ Лїхде, возить съ везеннаго. ¹²⁾ Меїшеде, десятый. ¹³⁾ Лїхед, взимать. Мїхвалѧдс, аѡа хаѡдда. ¹⁴⁾ Лїцхем, рости. Ацем ацдхе. ¹⁵⁾ Мусгвен, красивый. ¹⁶⁾ Лїцѧс, получить, выйти. ¹⁷⁾ Цод, грѣхъ, подїан,—цодул (нижн. Сван.), грѣшный. ¹⁸⁾ Ішген, другой. ¹⁹⁾ Лїмчїре, лѧвнѣтся, нехотѣтъ. ²⁰⁾ Лїскоре, задумать. Ацнем ад(в)скоре. ²¹⁾ Лїшѡвді стїрать.

лице-лазра ²²⁾ муқ. Ец дрѡвс мин хехвчѡшд і міне чқінт қорәр быгід ²³⁾ анчвмнх ²⁴⁾ ецра, ере діна лах ²⁵⁾ анхдені, қор мод оукарах ²⁶⁾, воде ецра нѡбс ²⁷⁾ до левні, міча рѡмлѡ ліхахвіш. Нѡбовс діна лашқвдіеліхан анхад і қорс лахагѡн, міча буршѡрс і лхтвіл ²⁸⁾: „қор ѡмваред, адо скархал мадгарі“. Ді-муд һер мад лхтнх, і рѡміл адзызех қор муқ дачврѡ лазвісгд: „қорс рѡкре, һе сі хехв хіра і мі ісгві чѡшв“. Ечѡас дінад лігвні адбіне, і маг чвѡнтнм; ма-ре скархалд гарц оххідлаз демзе хад,—і дачрас ахцхане рѡмлѡ лічѡшв. Рѡмілс хазв: „чвѡмкѡр қор; мі хехв і сі чѡш“. Ечѡас қор чвазкаре рѡмілд,—діна ісгаачад, маре Һерзем ацжі чвемін, ере вод рѡміл дачвір подс ічодах, ламурқвамс хун жібав хезар і знгир чубав. Мін нехвчѡш, міне іорі гезал, міне конѡб ²⁹⁾ —маг бурс азнахѡнх ³⁰⁾. І мі-

ные супруги дочь ихъ за друго-го не хотѣли выдать и за-думали сватать ее въ жены сы-ну. Однажды они послали дочь стирать бѣлье въ тому мѣсту, гдѣ пьютъ воду. Въ то же время эти супруги и сынъ врѣпко заложили двери, съ тѣмъ, чтобы, когда дочь прій-детъ, дверь не отворять, пока она не попроситъ и не ска-жетъ, что она будетъ женою брата. Вечеромъ дочь пришла со стирки и стала у двери, и своимъ домашнимъ крикнула: „дверь отворите, а то градъ меня убьетъ!“ Родители (мать отецъ голосъ) не отвѣтили и брата послали къ двери ска-зать сестрѣ: дверь тебѣ отво-рю (отворяю), если ты будешь женою, а я мужемъ. Тогда дочь начала плавать и всее себя исцарапала; но градъ прину-дилъ—прохода не было,—и смерти предпочла замужество съ братомъ. Брату сказала: „отвори дверь; я жена и ты

²²⁾ Мѣсто гдѣ пьютъ воду. Лазра, сосудъ, которымъ пьютъ. ²³⁾ Крѣпко. ²⁴⁾ Лічвме, сдѣлать, заложить. ²⁵⁾ Когда. ²⁶⁾ Лікре, отворить; мод оукарах, не отворили-бы. ²⁷⁾ Нѡб, позволеніе, лімба, позволить. ²⁸⁾ Ацнем лхтнл, крик-нула. ²⁹⁾ Һонѡб, имущество; лізнабе, обогатиться. ³⁰⁾ Лінахе, задавить, набить.

не наламжі ³¹⁾ ладі логдід ³²⁾ зуге гар ламурцвамс іме чува. Лежа лагва мезалах жинна і гзѣвр мѣг ушкѣ старвінс ірені і Ғермаз, цведіан маремі мнѣца, ³³⁾ дідѣс хадлех ³⁴⁾. Цісраў ламурцвамѣ хехвчѣш ешкві под ід хочмінах зѣл Швѣане лахцад. Хунві дровжі Швѣанс мусоб мама лимарлі; маре ал хехвчѣшс ламурцвамс іешдіар колець ісга семі шдавал хагнѣнах і зѣліцшде мад хѣшдѣнах, і ешкві нѣбовс цісраї зуралс міча чқінтд залохода колцѣр; чқінтс аціар чозьвара, шдавѣяр зазчадах і шшцд лімсві озбіна. Ачунро албінелі Швѣанс лінзѣв. Амнѣза маї адчвемнел хоша і хохвра Швѣанс? Мѣг лінзѣві мѣца хоцьсі. Сі швідба і мшгва шдмѣт ліхед! Ғермез цалтиндес, цацвлідес мѣшд, і чігар хоча лірде цера, маре мѣг цалтинс і чі-ханѣа хоча цедрані.

мужь". Тогда братъ отворилъ дверь, дочь вошла; но Богъ такъ сдѣлалъ, что пока братъ и сестра грѣхъ дѣлали, мѣсто, гдѣ башня, ввержъ дномъ стало (фундаментъ верхомъ сдѣлался и гребень дома внизъ). Тѣ супруги, ихъ двое дѣтей, ихъ имущество— всѣ въ домѣ задавлены были. И на мѣстѣ ихъ жилья теперь видимъ только курганъ (холмъ): на востокъ и западъ проходящіе рабочіе и путешественники каждый (всѣ) на лицо крестное знамя кладутъ (пишутъ) и возносятъ славу Богу, губящему грѣшнаго человѣка. Проклятіе! Супруги содѣлали грѣхъ для гибели цѣлой Сванетіи. Прежде въ Сванетіи времени выпаденія снѣга не было; но тѣ супруги въ 12 ящикахъ 3 ласточекъ держали и не позволяли летать, и однажды вечеромъ — проклятіе! — женщина передала своему сыну ящикъ; сынъ ихъ открылъ, ласточки вышли и скоро снѣжить начало. Потомъ въ Сванетіи на-

³¹⁾ Наламж, жалье, жалице. ³²⁾ Логдід, видѣть. ³³⁾ Ліхце, губять.

³⁴⁾ Ліцле, говорить.

(Курганъ пытались разры- чалась зима. Кроме этого что
вать; но какъ приступали къ могло случиться большаго или
работамъ, — всегда начинался меньшаго въ Свистѣи? Все
дождь или градъ и работу зиму сдѣлали проклятиемъ. Бо-
превращали). га любви и бояся Его и всег-
да жить будетъ хорошо, всѣхъ
любви и отъ всѣхъ хорошо бу-
детъ.

(Записано въ Волчьей Свистѣи, въ Иларѣ, с. Богрещъ, ро. сковь Кузьми
Хорговани).

Б) Сказка о Ростомъ *).

Ростомі цыгін.

Алагіріш і Қоранжезі муцьсні-хән ох'ад Ростомс маре; 1
ал лыззе марем х'аѳв: „Ростом, мі мішгва цуснем амzone
ісгвазе: д'ав і х'ец аѳсгурда міча маѳв'анс і сі міча машедд
ечхав цехрі"! Гу-жі мама лохвцх'ан ала Ростомс,—маре мав

1. Алагіріш, род. пад.; Алагір.—Қоранжезі отъ Қоран-
жез (ср. гр. Софоре—назв. горы).—Муцьсні-хән: х'ан-отъ; муць-
сні, *владелец* (ср. цусд, господинъ; аналогич.: лізре, учитъ—
музрі, *учитель*; лімурці, *помогать*—мумурці, *помогатель*,
помощник).—Ох'ад, Perf. гл. ліхед.—*пришелъ къ нему*. Ох-
вехд, я *пришелъ*, ахехд, ты—,ох'ад.—Ростомс, дат. п.—
Маре, *человекъ*.—Ал, *этотъ*.—Лыззе, part. pr. pass. *по-*
сланный, отъ гл. лізі.—Марем—твор. пад.; подл. при про-
шед. сов. переходящаго гл.—Х'аѳв (а—мягкое а, в среднее
между у—в=ў.) отъ гл. лізвісг, *сказать*; perf. мі хвезар,
сі хезар, ацнем х'аѳв.—Мі, я; зд'сь въ знач. *меня*.—Міш-
гва, мой. Если отд'льно отъ сущ., то мішгві.—Цуснем
отъ цусд.—Амzone, perf. отъ ліzone, *указывать*, *наста-*
влять, *посылать*. Мі озвен, сі озвен, ацнем озzone: я, ты
онъ *послалъ его*; амzone, ты, онъ *послалъ меня*.—Ісгва-зе,
движ. пад.: къ *тебѣ*.—Д'ав, *дивъ*, *чудовище*.—Х'ец, *звѣрь*.—
Аѳсгурда, *стѣль*, *овладѣль*, perf. гл. лісгвре: мі озсгурд, сі
аѳсгурд, аца аѳсгурда ачас, я, ты, онъ *посадилъ себя на*
него (овладѣль); мі озсгвир, сі аѳсгвир, ацнем аѳсгуре аца,
посадилъ его.—Міча, его; міч.—Маѳв'анс дат. п.: (*имѣніемъ*),

*). Сказка записана была для покойнаго Услара. Она прочитана и разо-
брана при участіи Ив. Нижерадзе. Значеніе словъ приведено въ прим'чаніяхъ; нѣ-
которые пропущены: ихъ значеніе см. въ Словарь, помѣщенномъ въ X вып. Сбор-
ника.

5 чомін? „Мішгві хехв“,—Ростомд хѣв: „Алагір-хѣн і Қоран-жеѣ-хѣн маре амхѣд мешедд мѣрїх мїнеш,—хеквес ере оче!“ Хѣхвем лахтїх: „мїшгва лївжалѣл-ув сї ѣа імѣ аче, ѣо мїшгвїв цод цар“.—„Мѣ чомїна; наузі ешї мама мар і he сї чвѣзѣважен; чѣнт he ѣдѣѣненс, ѣо мїхїанад мугв ахзїв,

имѣнїю, на имѣнїе.—І, и.—Сї, ты; тебя.—Машедд, какѣ помощь, вѣ помощь. Машед отѣ гл. лїшед, помогать.—Еч-хав, туда (амхав, сюда).—Цѣрї, зоветь тебя. Ргаес. отѣ лїher (лїhrїне).—Гу-жі: гу, *сердце*, жі,—на.—Мама, не.—Лохв-цхѣн, регї., предпочлось; гл. лїцхане.—Ала, этотѣ (безѣ сущ.); ал, этотѣ (сѣ сущ.).—Марѣ, но.—Мав: мѣ-ув, что-де; ув показываеѣ, что вопросѣ задаеѣ не разказчикѣ, а Ростомѣ.—

5. Чомїн: мї чвемн, сї чвемн, ацнем чомїн; регї. гл. лїчвме, дѣлать.—Мїшгвї, мой, моя (ср. мїшгва цуснем).—Хехв, жена.—Амхѣд: регї.; пришель во мнѣ (ср. оххад, къ нему).—Мѣрїх, зовуть мѣня.—Мїнеш, ихѣ: зовуть мѣня на помощь ихѣ.—Хеквес: сопї. вѣ зн. непремѣнности, должно; отѣ лїквед, хотѣтъ.—Ере, что.—Оче: мї оче, сї аче, ацнем ачес; сопї. отѣ лїзі, итти. (Необходимо, что(бы) я пошелѣ, непремѣнно пойду, я долженѣ пойти. Сосл. для выраженїя необходимости).—Хѣхвем=хѣхвд, отѣ хѣхв или хехв.—Лактїх: регї. отѣ лїтхе; отвѣтилѣ.—Лївжалѣл, время рожденїя. Лївжалѣл муц хваї мївлїа, до времени рожденїя много остаеѣся.—Імѣ: куда-нибудь; ср. ім.—ѣа-аче, вышелѣ извнутри.—ѣо, то.—Мїшгвїв =мїшгвї ув. Ув—(желанїе). Ср. Носаѣ аццха, да не выростешѣ ты!—Цод, грѣхѣ.—Цар, еѣтъ у тебя (мар, у мѣня): мї мар лѣцрїсдал, у мѣня еѣтъ крещенїе (у мѣня кого-нибудь крестятѣ).—Чомїна, 1 и 2 л.; 3 л.: ацнем чомїнас. Сопї. для выраженїя сомнѣнїя.—Наузі, отѣ гл. лїзі, итти: наузі мама мар, я долженѣ непремѣнно итти. Ср. наузі мама мар, *непремѣнно* долженѣ жать; леѣї мар, долженѣ жать. Навчамїу мама мар, *непремѣнно* долженѣ свосить.—Чвѣзѣважен; (ж

he дiна i ʒo чвер; чqнтс жахад ув аʒжāх Зураб; мiча ша- 10
 нас, роʒв, чу хоцвре i hēса мiч чвāʒрāгс i Зурабс мiчāш—
 муq лiзi охунбесес, ечґа ал шана ґаqва кāцхс ув лахбе,
 вод мiчāш-муq до анхес, ґа носа ув āдцiшг“. Ростомд ачāд.
 Мiча хехвс чqнт āхґāнāн; мiча хāхвем мхiанад мугв адзiмзе;
 маре анхāдх ґацiār i мугви мнґац чвер лохцāдх: чвер ачāд 15
 Ростомiш-муq i лāрґāн барцхāн есаґāн. Ростомд ала мад

мягкое, е долгое). Лiґвжāл, рожать. Соґj.—āґґāненс, ес-
 ли у тебя родится (предположение).—Чqнт, мальчикъ.—
 Мхiанад, какъ посла, вѣстникомъ. Мхiане part. гл. лiхi-
 ане, сообщать *радостное*. (Ср. муґнуне, извѣщающiй, вѣст-
 никъ вообще).—Мугв, голубъ.—Ахзiс imperat. отъ лiзi, посы-
 лать. Perf. охзiс, ахзiс, ацнем авзiмзе.

10. He, если.—Дiна, дочь.—Чвер, ворона.—Жахад: жахе,
 имя; род. жахемi. По имени, именемъ.—Аʒжāх отъ лiґхенi,
 называть. Пов. накл.: ув аʒжāх (желанiе).—Мiча, свое.—Ша-
 нас: шана=зiв, отдѣльные предметы, изъ коихъ составляется
 ожерелье.—Роʒв, *de, рече*.—Чу, внизъ; здѣсь значенiе вре-
 мени, которое будетъ послѣ.—Хоцвре, оставляетъ. Pґаес.
 Мi хоцвре. Perf. Мi оццвд, ацнем оццвiр. Мi хвацвре,
 я оставляю *ему*.—Hēса: he еса, если что, если же.—Мiч,
 онъ.—Чвāʒрāгс, imperf. гл. чулiраге, опоздать. Ачас чвāʒ-
 рāгс.—Мiчāш-муq: муq-у, мiчаш род. отъ мiч.—Охунбесес,
 если онъ сможетъ. Лiнбāце, быть въ состоянiи.—Кāцх, вер-
 хушка.—ґаqв, шапка.—Ув лахбе, пусть привяжетъ.—Вод,
 пока.—До, не.—Анхес, дойдетъ. Лiхед, дойти. Мi онхве,
 ацнем анхес.—Носа, *не* при imperat.—ґа—āдцiшг отъ лiц-
 шге, отваивать.—Ув āдцiшг,—imperat.—āхґāнāн perf.—Ад-
 зiмзе perf. отъ лiзi: озiмз, аʒзiмз, адзiмзе.—

15.—Лохцāдх отъ гл. лiцадi, подмѣнять. Лохцāд, лохцāд,
 ацнем лохцāд—perf.—Лāрґāн, лѣвый.—Барц, плечо.—Есаґāн
 perf. лiґне, стоятъ. Мi есаґн, сi есаґн, аґа есаґāн, сѣлъ.—

20 **А**дцирве і твібразе лабралд ачад і рэзв: „не есер міча хяхв
 чқінт ахцаненс і жо лыцашв-ув есгвэшлэна твот, не моде
 і жо ніцвш!“ **Е**сқіне ісга твот, і, твіцд, лыцашв есгвэшлэн
жі. **А**чувжо Ростоме ецзаі і чқінт-жі хардэна гезал і амцаі.
Аргіс міча гезал Зураб каміне ладез лимцхамјун і йарв цхо-
 лэ лэзвш. **Е**дгваі чабігв жа ахцаса, ере піртқві чангус ашхв
 лежа хатқціна і мерма леэва. **К**эсарша мылцас вохріарс шмқв—
 жі хацзурна і беткэрс цхум-жі і амжі чі набозс мегвэнэл

Мад, не (при изъяв. н. прям. пред.).—**А**дцирве: *perf.* лідраві,
 вэрить. **М**і адцирав, сі адцирав, адцем адцирве, повэригь.—
Твібра, лужа.—**Л**абралд, прич. оть лібрал, умываться.—**Р**эзв
perf. лізвісг, сказать. **Р**эзв, сказаль *самз-себт*; лэвар, лэвв,
 сказаль (вообще); хвеар, хэвв, сказаль *кому-нибудь* (ему).—
Есер, де.—**Л**ице, молоко.—**Ж**о, то.—**Е**сгвэшлэна оть лігвшулі,
 наполнить. **У**в есгвэшлэна, да наполниться.—**Т**вот, рука.—**М**-
 де, вэть (при не, услов.).—**Н**іц, вода.—**Е**сқіне *perf.* ліқне,
 погружить.—**Т**віцд, дэіствительно.—**Е**сгвэшлэн *perf.* наполнился.

20. Жі, доверху.—**А**чувжо, потомъ.—**Е**цзаі—амцаі, тагь
 и сягь, навэрное, непременно.—**Х**ардэна оть лірде. *Perf.*
 Оказывається имэль.—**А**ргі, домъ.—**К**аміне, падень.—**Л**адез,
 день.—**Л**имцхамјун, оказыв. я росъ. *Imperf.* **Л**ицхем, рости.
 —**Ц**холе, палець.—**Л**езъ, ночь.—**Е**дгваі, такой.—**Ж**а ахцаса
 оть ліцэс, сдэлається, стать. **М**і амцаса, оказ. я дэбался.—
Пірїутқв, животное.—**Ч**ангв, стадо.—**А**шхв, разъ.—**Л**ежа, на
 востокъ.—**Х**атқціна, оть ліцер, бить. **М**і хатқціна, оказыв.
 я билъ.—**Л**еэва, на западъ.—**М**ылца, водоносица.—**В**охіар,
 уохаръ (въ формэ боченка съ 2 обручами (беткэр), соед. руч-
 кой, служитъ ведромъ).—**Ш**мқв, спина.—**Х**ацзурна оть ліц-
 зуре, разбивать. *Imperf.* оказ. я разбиваль: хвацзурна.—
Бетк, ободокъ, обручь.—**Ц**хэім, голова.—**А**мжі, тагь.—**Ч**і, вся-
 кій, всь.—**Н**абоз, вечеръ.—**М**егвэнэл, *им. мн. Part.* мегвнї
 оть лігвнї, плакать.

алмаз ліх аргізе; амхедх милца і лахчведнах ашхв мечі дедбе- 25
 рілс, ма есер чвемінах, амжі есер деш хогічх Зурабс. Ечџа
 дедберс есвџона милцад: хоча роџв чабігв не хі, нішгве ца-
 хан мадма цар лецври і ісгві му ацжі аџарван, ере де лежа
 анмехран і де леџва: аџа роџв аџіцвир амі мџаџ. Милцад
 ала чу еснаџхех. Зурабд милцас ам ід хаџер, хамва хоџра 30
 чігар. Ечџа лахтвілх Зурабс, хамва мечі дедберд есџоне аџжі.
 Зурабс ала лах хасмда, џхвім аџнікв і аргізе ачџд; аргіс мі-
 ча діс хџџ: „каџе оџвеш і џуџ амнџџ“. Діем лахтнх: „діаш,
 џуџ чу цірі, сер маі цар?“Мад ахвід хаџ, вџд џа до ах-

25. Елмазліх отъ лізі, пойти. Мі елмаз хві, оказыв. я
 шель.—Амхедх, ліхед, придти.—Лохчведнах отъ лічвед, спро-
 сить. Мі лохчведна, оказ. я спросилъ. Perf.—Мечі, ста-
 рый.—Дедбері, старушонка.—Чвемінах отъ лічвме, дѣлать.
 Conj.—Деш, не.—Хогічх. Мі хогіч, я терплю, сношу. Отъ
 гл. лігеч. Мі деш мігіч чџџ—не вынесетъ меня лошадъ.
 —Есвџона; мі емџона, еџџона, ачас есџона, оказывается
 научилъ.—Лецври, то, что должно быть отомщено; отъ гл.
 ліцври, мститъ.—Аџарван. Perf. отъ гл. ліџраві, поте-
 рять.—Анмехран, отъ гл. лімхері, узнатъ; оказывается онъ
 узналъ; аммехран, оказывается я узналъ. Ача дагра анме-
 хран, его смерть узналась.—Аџіцвир отъ гл. ліцвре, оста-
 вить.

30.—Еснаџхех. Мі есвнџџ, сі еснаџџ, аџнем еснаџџе.
 Отъ гл. лінџџџе, запомнить.—Хаџер. Мі хваџр, сі хаџр, аџнем
 хаџер. Perf. гл. ліџріне, сдѣлать.—Хамва, каџџ.—Хоџра. Мі
 міџра, сі ціџра, ачас хоџра. Отъ гл. ліџріне, сдѣлать.—Чи-
 гар, всегда.—Лохтвілх. Мі лохтул, сі лахтвул, аџнем лахтвіл.
 Отъ гл. літулі, крикнуть.—Хасмда (ачас) отъ гл. лісім, слы-
 шать. Мі масмда гер, я услышалъ голосъ.—Аџнікв, perf.
 лінкве, викнуть, нагнуть. Аџнем аџнікв.—Ачџд; лізі, итти.—
 Аргіс, Dat.; аргі, домъ.—Ка, камень.—Оџвеш, fut. вџ см.

- 35 наqvне жуз і ісга лохчоvне жулър-ісга міча діс: „Мішгві ді, аvхе жулър-жі емсгвір!“ — „Діас лоххад ісгві мавг! ладді ім-ва хішддб аджі, ере доса річvміна?“ Жіессгvре жулър-жі. Жуз жі лдібіхв Зурад і лусвър ісга лахтqп і хавв Зурад: „Діа мішгві, мів ацдагра, адо ро лусвърс. цашхі, не ва дом
- 40 лăхвїше јед іша гезал хві, јед мішгва мус ма хеqар?“ Міча

повел.; лішве, разводить огонь. — Амнăq, испеки мнѣ; лінqе; охвнаq, — ему; регf. мі охвнаqа, сі охвнаq, ацнем охвнаqас. — Діаш; ласкательное: родной; діа, мать. — Жуз, пироq. — Ці-рі, мірі, хорі, — у тебя, меня, его есть. Сер ма цар — на что тебѣ больше? Мі амсер деш хваї — я больше этого не беру (немогу взять). — Ахкід; лівед, взять. Мад ахкід нац, не даль повою, не отставалъ; наца лівед хаку, совсѣмъ оставитъ, не обращать вниманія. Мі охвакд, сі ахакд, ацнем ахкід.

35. Ја — ахнаqvне; лінqvне, заставить испечь. Охнаqvн, ахнаqvн, ацнем ахнаqvне, — заставилъ испечь. — Ісга лохчоvне; лічvові, стать на колѣни. — Жулă, колѣно. — Емсгвір. Imperat.; лісгvре, сидѣть; посади. — Лоххад; мі ламхад, сі лацхад, ачас лоххад; вѣ знач. повел.: пусть придетъ къ ней, къ нему. — Мавг, болѣзнъ; род. мавгі. Гл. лізіг. — Хішддб. Мі хвїшддб, сі хішддб, аца ішдаб. Раес. Сі холамд хішддб ладді, ты не хорошо ведешь себя сегодня; лїшддб, дѣйствовать, поступать. — Есгv(в)ре, посадилъ; лісгvре; регf. мі есгвїр, сі есгвїр, ацнем есгvре. — Лдібіхв: лăхвїбхв, лăхїбхв, ацнем лдібіхв; снялъ верхушку. — Лус, сосокъ. — Літqе, прилѣпнть; регf.: лохватqп, лахатqп, ацнем лахтqп.

Ацдагра, пусть я умру тебѣ. Лідгарі, умереть. Мі оздагра, сі аздагра, ацав аздагра, пусть я, ты, онъ умретъ у него. — Цашхі, тебѣ сожгу; лішхі, сжечь. Хвашхі, хашхі, аца хашхі — вѣ зн. fut..

40. Лăхвїше; лівше, сказать что-либо скрытое, объя-

діем есвцѣд: „Мішгві цод нов хѣшдха, јардва сі ала цѣѣв!
 Діаш, му хама мод цердуел. Латѣх ісгві му Ростом, марѣ қо-
 ланжері лашгѣрѣ ачѣд і ечхѣн деса антѣх“. — „Јаѣо мі еѣѣаі
 ѣурі муве лаѣхелѣе і амѣаі“. Міча діем ѣдсѣсдке ала, маре
 еші мама оѣчѣд сѣвѣд. Сер лах мома ешурне, анмаре чіѣ мі- 45

вить, сознаться. Лѣхвѣше, лахвѣше, аѣа лаѣвѣше, fut.;
 ргаес хвѣвше, хѣвше, іѣвше; регf. лахвѣвш, лѣхвѣвш, аѣ-
 нем лаѣвѣш. — Хеѣѣр; лѣѣер.; іпрегf. мі меѣар, сі ѣекар,
 ачас хеѣар. Случилось. — Есвцѣд ліѣаді, регf.; перемѣнить, от-
 вѣтить. Мі есвцѣд, сі есвцѣд, аѣнем есвцѣд. — Хѣшдха; ліш-
 дех, истоѣцаться. Мі нов мѣшдха, цѣшдха, ачас нов хѣшдха
 — пусть у него не истоѣцается! (желаніе); безъ нов: у меня
 истоѣцался. — Јард цѣѣв, кто тебѣ сказаль. — Цердѣл=цердуел,
 былъ бы у теѣя. — Латѣх, хваленный. — Лашгѣр, войско. —
 Ечхѣн, оттуда. — Анѣх; літех, возвращаться; регf. мі онѣх,
 сі антѣх, аѣа антѣх; ргаес. мі твехні, сі техні, аѣа техні. іпргf.
 мі твехендах. — Еѣѣаі — амѣаі — и то и сѣ; непремѣнно. —
 Ђурі, отъ гл. лізі; fut. ѣурі, ѣурі, аѣа ѣурі; ргаес. мі есѣврі,
 есѣврі, есѣврі; регf. мі одѣвер, сі адѣер, аѣа ачѣд. — Лаѣхелѣе —
 отъ ліѣхелі, искать; чтобы искать. Лаѣхел, чѣмъ нужно ис-
 кать. — ѣдсѣсдке отъ лісдѣе, сердиться. Регf.: аѣвсѣсдіѣ, аѣ-
 сѣсдіѣ, аѣнем ѣдсѣсдке.

45. — Еші, все такн — Оѣчѣд; лізі; регf. амѣд, аѣчѣд, ачас
 оѣчѣд. Лічед, уйти. Мі оѣчѣд ачас — я ушелъ отъ него. —
 Свегд, впередъ. — Ешурне; ліфнарі, слушать. Регf. ешунар,
 аѣнем ешурне. — Анмаре, лімаре, готовятъ. Регf. мі ох-
 мѣр, ахмѣр, аѣнем анмаре. — Цхві, цхвемі; стрѣла. — Хѣмѣд,
 лукъ. — Анѣѣѣе, ліѣѣѣе, натянуть; регf. ахвѣѣѣ, аѣнем ан-
 ѣѣѣе. — Чіл, зубецъ; род. чілі. — Жохѣѣѣѣ, ліѣѣѣѣ, перетянуть;
 регf. охѣѣѣѣѣ, аѣнем охѣѣѣѣѣ. — Му(веш) сер, кромѣ отѣа; чіл сер,
 хѣн сер. — Дешѣр, никто. Ср. дар арі амечу, никого нѣтъ здѣсь.
 Дешѣр аі алас, никто не въ состояннн взять это. Дар аі

ча муве цхві—хемад; ѡнбѣце жи хемад і ашхв чіле жохѣцѣ.
 —“О, діас лоххад ісгві мазмг! алас ісгва мувеш сер дешар
 ічода. Аѣхе сер не еші дом хіжвме лізіс, ал ісгва муве ша-
 на ѣаѣвѣ кѣцхс лѣхіб і аш носа чоміне, ере ала ѣеса аѣ-
 50 ѣмше, вѣд ісгва мувеш-муѣ до адхе: амнош аѣѣорне чу”.
 Сер ѡмарѣн і ачад. Шув-жі ѣветвнад лѣмаре ѣаѣяр лах-
 хвїдх і есвцадвнех ушхвар: „О, ма ѣабїгв лі, не зуралѣ лебем
 мод хабїдес”. —Аѣіарс ѣѣѣаб і тѣрнїд лѣмаре ѣаѣяр лаххвїдх:
 аѣіард амжі ід хѣѣвх. Ала мама ід лѣїсімне і Ростомїше—
 55 ісга іхїдалда; аѣѣа месмамд мешхад лѣмаре лаххвїдх. Сер

алас, нїето не беретъ ѣтого (*не хочетъ*).—Ічода, іmperf; ліч-
 вме, дѣлатъ. Мі хвїчодас, хїчодас, ічода.—Хїжвме, ргаес. ліж-
 вме, нарушїть. Мі хважвме ѣорс—я нарушаю домъ (т. е.
 проїзвожу безпоряѣки дома). Дом хїжвме лізіс, не отстапаетъ,
 чтобы итти.—Лѣхіб, іmpt., привяжи; лібем.—Чоміне, іmpt;
 лічвме; дѣлай. ѣеса=ѣа+еса.

50.—Аѣѣмше; fut въ зн. іmpt; ліѣмше, отвязать.—Мї
 аѣѣмше, сі аѣѣмше, аѣнем аѣѣмшес.—Мувеш муѣ; діаш
 муѣ, Гегїш муѣ, ачаш муѣ; но хан муѣ, мухвба муѣ.—Аѣхе,
 conj. въ зн. іmpt; отъ ліхед, дойти. Одхве, адхе, адхес.—Ам-
 нош, ѣтимъ, при помощи ѣтого; ала.—Аѣѣорне; ліѣер, узнатъ.
 Мі оѣѣорне, оѣѣорне, аѣа аѣорне. Perf. оѣѣр, аѣнем аѣїр.—
 ѡмарѣн; лімаре, прїготовить. Perf. ѡхварѣн, ѡхмарѣн, ѡм-
 марѣн, я прїготовїлся. Лѣмаре, part. прїготовленнїй, наря-
 женнїй.—Лоххвїдх; ліхвїе, встрѣчатъ. Perf: лоххвїд, сі лах-
 хвїд, аѣа лаххвїд(а).—Есвцадвнех; perf; ліцадвне, сказать
 другъ другу, промежъ себя. Есцадвїн, есцадвїн, аѣнем ес-
 цадвне.—О, ма ѣабїгв лі, о ѣаѣкой силачъ.—ѣѣѣаб=ѣа+оѣ-
 ѣаб; perf; ліѣабї, прїйти мїмо.—Лѣїсімне, perf; лісімне, слу-
 шать. Лѣхвсімін, лѣхсімін, аѣнем лѣїсімне.

55.—Іхїдалда, іmperf; ліхїдал; хвїхїдалдас, хїхїдалдас,
 іхїдалда,—прїблїжался.—Месмамд—месме, третїй, третїй

охвшгунда Зурабс лахе маг і чїаг шгвїрзе ісга акванах і аѣхада; „Ѣав лгчаѣ лі, ма-ѣен амї лібем аш шгвїр лі, ала мїцнем ѣа мод адѣмшгес“. Ҕанзгвїб, чулікванес хомурѣїна, маре ача цахїн мердад мад аѣвїбех і метїрс аѣбех,—епї анне і аду Ростомї соѣелзе ісга. Лїхцадх стобїн ѣаѣїар і Ростомїшѣ ачадх і ачас хїѣвх: „Буї! ѣа лежрї аѣхїдв хвїї хоча намаргв хоѣвїра і хвїї жахїрїанд хошала, маре лїдї

60

разь.—Охвшгунда; лїшгвїр, стьдїться. Амшгунда—мнѣ стьдно стало; аѣшгунда; охвшгунда.—Шгвїр,-ї, стьдѣ.—Акванах —їпрегї; лїкване, бросать. Хвакванас, хакванас, аквана.—Ачас аѣхада, онѣ сказаль, говорїль.—Ѣав=ѣа + ув.—Лгчаѣ —part.; лгчѣе, проклинать; пусть я буду провлять.—Ма-ѣен что, еслї.—Мїцнем—онѣ самѣ. Гегїд мїцнем адїе мїча ѣвѣц.—Гегї самѣ ввїлѣ свое ружье.—Адѣмшгес, лгчшге, отвязать; сопї вѣ зн. їпрегат.—Ҕа + анзгвїб, регї; лгзгвбе, оторвать.—Чулікванес; лїкване; Dat.—Хомурѣїна, їмрї; лїмурѣїне, намѣреваться; хомурѣїнас, хомурѣїнас, хомурѣїна.—Мердад—pl. отѣ мерде; бывшїе.—Аѣвїбех, регї; лїнбѣ, уступить; позволить. Оѣнеб, аѣнеб, аѣнїбе.—Аѣбех, лїбем, привязать; регї.

60. Анне, регї; лїнї, достигнуть, дойти.—Охвїн, ахїн, аѣнем анне.—Лїхцадх, регї. Ахвцад, ахцад, аѣа ахцад; лїцїд, забѣжать впередѣ, обогнать.—Лїжрї, жалѣть; лежрї—достойнїй сожалѣвїя, несчастнїй.—Аѣхїдв, до сїхѣ порѣ.—Намаргї(в); лїмарг; дѣлаль (одерживаль верхѣ). Маре нїцїсга деш їмарг, человекѣ вѣ водѣ не вѣ состоянїи дѣлать что-либо.—Хоѣвїра; лгѣвре, оставить; мїѣвїра, цїѣвїра, ачас хоѣвїра.—Хвїї, много.—Жахїрїанд, похвально; жахе, имя.—Хошала; лїшїл, ссориться, бороться.—Мїкрїм—хїн, откуда-то.—Хоѣїах; лгѣх, уйти, уступить мѣсто.—Ішв, плоть, тѣло.—Мїндес, цїндес, хондес. хочеть.—Мї мїнї, я согласенѣ. Мї мїнї Гегї лїзї лїѣхварзе—я согласенѣ, чтобы Гегї ушелѣ на охоту.

ачазан чабігв амхеделі мврәмхән, ере шпшд ув хогіах ім-
ваде хондер, адо міча ішвс і ақліне і ціцвс. „Јабо сер епі
65 цвідд мар,—Ростомс азхад: „Ладдід демзе моп одзвер і ладді
імзе озатві міч лімачв ладер јарважен лі?“ Ечхән лапәрх і
Зурабішзе ачадх і ачас хадвх: „Сі чабігв, ам зведана-ісга
аш маре арі, ере шпшд назв-ісга звестгд не дом, техні есер,
70 бо ісгва ціцвс і ақлені і ішвс і“. Зурабс азхад: „Ашхв лх
амав анхвд әргізе мішгва муве уцадвд мәі вен медрені, ерцаі,
дем твехні і амцаі“. Сер лахе жац і һашмәр Ростомс і Зу-
рабс ушхварнеісга холам гар хотхах, ецфа Ростомд охчїре,
јабо есер епі дом не харх зав аншәлх. Зурабс азхад, міча
му носа ув лес ішгән роув ва әхшалі, јабо роув ім ічо. Ме-
75 цзулард хадвх Зурабс: міча му аме завш дәс хотца і лесмад

65. Моп: ладді десама моп чвемн, я сегодня ничего не могъ дѣлать (сожалѣніе).—Озатїи, сопј; літуне, прогонять. Озатїи, адатвас(віс). (Вопрось).—Лімачв, въ старости.—Лапәр, регф; ліер, летѣть,—Назв, рагт; лізі.—Техні, праес.; літех, воротиться.—Ақлені; ліқлені, истолочь. Праес. Хвақлені; регф. оқал; fut. оқліне.

70. Анхвд; ліхед; Регф. Мі анхвд, сі анхд, аца анхад. Уцадвд; ліцед, видѣть; не узнавъ, безъ вѣдома.—Медрені, Fut.; ліцер, случаться. Праес. медрені. Регф. медр. —Һашмәр —дьяволы; һашмә.—Хотхах, іпрегф; літхе, отвѣгить.—Охчїре, регф; лічре, связать кому-нибудь, чтобы онъ передалъ другому. Охчїр, охчїр, ацнем охчїре.—Харх, праес.; ліре. Мі мар, сі цар, ачас хар.—Аншәлх, лішәл, спорить.—Ішгән, другой.—Әхшалі; лішәл, ссориться. Fut. Мі ахвшәлі, сі ахшәлі, аца ахшәлі. Праес. Мі хвешәл, сі хешәл, аца хешәл. Регф. Мі ахвшәл.—Ічо; лічвме, дѣлать. Праес. Fut. мі хвїчо. Регф. мі чвемн, ацнем чомін.

75. Мецзвїл, посредникъ.—Ғе, земі, зес, зеде (зәнзвє), зантв (завш).—Хотца; гл. ліцед; Іпрегф. мі мїтца, хотца.

дас хасма. Сер аш амжі ушхвар ахгәнех. Оўсгїда Ростом мїча, лебом шян хабмдес ув еса; маре деса хецад. Сер лахе мїча гезалд мома азїр, нахе жохкѣбх і сер ушхвар хозгѣрх. Ібмргїелх і ланвузхаѣе-жі Ростом хаѣвѣе Зурабс і буларѣе жі Зураб Ростомс. Амжі ібмргѣлдѣх лѣдї ладѣѣ, маре чу дехдѣшнем ѣндех; еѣа лахе дохда ахѣїндах ушхвар чѣвдѣулу-рѣнх і мерва лѣдїшд аскїбх. Мерва ладѣѣ аш ід ібмргѣлх, маре дехдѣшнемд ѣндех; чуд аскїбх месма лѣдїшд. Анхѣадх ѣаѣїр і оўсїмнех Ростомс: „Сабра, жі ѣѣѣре і ѣадавше! Оў-

80

Perf. хвецд, аѣа хецад.—Хасма; іmperf; лїсміне, слыхать.—Ахгәнех; perf; лїгне, ставить. Мї охвген, аѣнем ахгәне.—Оўсгїда, perf; лїсгдї, смотрѣть. Мї оўсгї, сї оўсгї аѣа оўсгїда.—Азїр, perf; гл. лїѣер, узнатъ. Мї оўмр, сї азмр, аѣнем азїр.—Нахѣ, оружіе (винжалъ, сабля, топоръ и вообще все, что рѣжетъ).—Охкѣбх отъ лїзбенї, запретить. Perf. охокб, охокб, аѣнем охкѣб.—Хозгѣрх, perf; гл. лїзгер, сталкннваться, набрасываться. Мї хвезтр, аѣа хозгѣр.

80. Ібмргѣлх; лїбмргѣл, боротъся. Ргаес. Хвїбмргѣл. Perf. Ахвбмргән. Іmperf. Хвїбмргѣлдѣс, ібмргѣлдѣ.—Хаѣвѣе; ргаес; лїѣвѣе, втыкивать. Perf. Мї оѣаѣѣ, сї аѣаѣѣ, аѣнем аѣвїѣ.—Дехдѣшнем; дехда; нїкто *изъ нїлх*; нїкторый.—Ѧндех, perf; лїдї, свалить. Мї ахвїд, сї ахїд, аѣнем ѣнде.—Ахѣїндах; лїѣре, поборотъ. Мї охѣїнд, ахѣїнд, аѣа ахѣїнда.—Ѧдѣулу-рѣнх, perf; отъ гл. лїѣлуре, разошлись, отошли другъ отъ друга.—Аскїбх, perf; лїсѣбе, условитьсѣ. Мї оскїб, аскїб, аѣнем аскїб; отложили.—Анхѣад; лїхѣд, прїйти. Мї оўвер, сї аѣер, аѣа анхѣад.—Оўсїмнех; лїсміне, внушать. Мї оўсїмін, аѣнем оўсїмне.—Сабра, несчастный; лїсбралї, сожалѣть.—ѣѣѣре; ргаес; лїѣре.—ѣадавше, ргаес; лїдавше, погубить.—Оўгул, іmperat; лїтулї, кричатъ.—Буасѣѣе (еѣа) на тотъ свѣтъ. Чубе буасѣѣе—нїжнїй свѣтъ.—Нозав,—можетъ быть (сѣ выраженїемъ желанїя).—Ѣасвѣдеб,—взатїе за руку, условїе.—

- 85 тул еча буасдѣ Їрисдес, ноѳав міча ѳасвдеб ацхвѣшне⁶.
 Сер жи анхѣд Ростом і лахе еш гарц хад, чу ешурне алиѣрс;
 ачѣд і оѳтвил: „Їрисде Іѳуст, міча ѳасудеб жив оххвѣшне!“
 Лѣхцадх ѳаціѣр чуѳван і Їрисде мѣѳаѳ лахтвилх: „Хвашіп
 ув цар!“ Ечѳа анхѣд Ростом і ханѳѣр есчхне ланкуѳха-чу
 90 і месмам ладеѳ аѳжи анхѣд лѣбнргѣлѳе. Чвѣднѣзорѣнх і хѣѳ-
 хечх ушхвар і лѣіцхвіп Ростомд ханѳѣр, і ечхѣн мегмѣрд ад-
 бінех лінбвѣл: „Мѣі му-гезал хецвділіх ушхвар; еі мін марѣл,
 гім і мегѣм есер мѣг іпгѣн-жі інбвѣл, холамд носама ув хе-
 ѳѣрх“. Ечхан амхѣн есвѳѣдх меѳулард: „Сабрал, жи меѳѳе цар

Ацхвѣшне, ліхвашне, раскаяваться, получить прощѣніе грѣ-
 ховѣ. Амхвашне, ацхвѣшне, оххвѣшне; сѳ ноѳав выражаеть
 желательное предположеніе.

85. Гарц, трудъ;—ѣ.—Мі мад, сі цад, ачас хад, мнѣ,
 тебѣ, ему естѣ.—Ешурне; гл. ліѳнарі. Perf. Мі ешурін,
 ацнем ешурне.—Оѳтвил, perf; літулі. Мі оѳтул, ацнем оѳ-
 твил.—Лѣхцадх; ліцаді, уйти впередѣ, обогнать. Perf. Мі лах-
 вцад, сі лахцад, аѳа лѣхцѣд, вмѣсто него я пошелѣ. Мі
 ахвцад, я обогналѣ, зашелѣ впередѣ.—Хвашіп, согласіе, про-
 щеніе. Хвашіп ламо, дай согласіе (руку въ знакѣ согласія).—
 Есчхне; лічхне, заткнуть. Perf. мі есчхін, ацнем ес-
 чхне.

90. Аднѣзорѣн; лінзорѣл, собраться. Perf. нѣ аѳвнзорѣнд,
 сгѣ аѳноваранд, аѳіар аднѣзорѣнх.—Хѣѳхечх; ліѳхче, схватить.
 Perf. Мі хвѣѳхч, сі хѣѳхч, ацнем хѣѳхеч.—Лѣіцхвіп; ліц-
 хвпе, вынуть сразу, выхватить. Perf. Мі лѣхвіцхп, сі лахіцхп,
 ацнем лѣіцхвіп.—Мегмѣр, pl.; мегѣм, дерево.—Адбінех; лібне,
 начать. Мі ѣѳвбін, сі ѣѳбін, ацнем ѣдбіне.—Лінбвѣл, говорить
 (ср. лінбве, рассказать). Ргаес хвінбѣл, інбвѣл.—Хецвділіх,
 ргаес.; ліцвділе, мучить. Мі хвецвділі, мучаюсь. Хвацвділе,
 другого мучаю.—Хецѳѣр, ліѳрне.—Мегѳе цар сі—ты слабѣ, не
 въ силахѣ. Ліѳеѳ—перейти за предѣлѣ.

і магалвш мѣг цесмі, адо нѣ десама несмі". — "Де сгѣ ма- 95
рѣл, ацѣаі ахвбиргі і амѣаі. Сер ъал лімѣчв ладеѣ деш імѣе
хвету." Сер ібиргіелх і чвеѣѣ-жі есріѣв Зурад Ростом, еч-
ѣа лѣнцвпн ханѣр Ростомд і хадв-ісга хазгер. "О, дедес есер
і муас міча мѣі хадѣна дагра! Міча му Ростомс куһнѣ. һеса
хегні і чвадквіһе, міча ішвс і адрліне і ціѣвс і. Ростом лѣх- 100
чведда: „Іаѣо Ростомі гезал һе хі, шан іме цуѣгва ачѣш?"
— „Іа, лохѣвѣне ув нѣрліаш чуѣван!" Лохѣвѣна і ешкві чуѣав
лаіреѣ і мерве жіѣав. „Ісгва амі амечу мнѣемс гвішгве іарвмі
ѣод нов хашѣха!" Есвѣмѣне діввенс: „Һад! мав до ціѣвміна,
укудаві ніѣѣе аѣкін і хашгвем вѣсѣрс мпшгва іанід". Діввенд 105

95. Магалвш, — магал страхъ; ліѣл, страшиться. — Цес-
мі; лісміне; мі месмі, мнѣ слышно. Ргаес. — Ахвбиргі, Fut;
лібиргмел, бороться. Ргаес. Мі хвѣбиргел. — Ъал (если обра-
щаються съ просьбою къ старшему). — Лімѣчв, старость. —
Хвету; літу, убѣгать. Ргаес. Мі хвету, хету; реѣ. мі аѣуть,
аѣа адіѣада. — Чвеѣ, колѣно. — Есріѣв; лірѣве, повалить. Реѣ.
мі есарѣв, аѣнем есріѣв. — Хѣд, животь; хаді. — Хазгер; ліз-
гріне, вовзатъ. Реѣ. мі хвазгр, хазгр, аѣнем хазгер. — Хаг-
дѣна; лігдане, долженствовать. — Куһнѣ, вѣсть (ліѣхуне, дѣть
знать, извѣстять).

100. Хегні, Fut.; лігне, стоять. — Чвадквіһе, Fut.; лівһе,
узнать. Мі аѣвһе, сі аѣвһе, аѣа адквіһе. — Мі лахчвед, сі
лахчвед, аѣа лахчведда. Реѣ. — Цуѣва; ргаес.; ліѣване, імѣть.
— Лохѣвѣне, імреѣ.; ліѣване, показатъ, смотрѣть. — Нѣрліаш,
мышка. — Лохѣвѣна: ламѣвана, сі даѣѣвана, аѣас лохѣвѣна,
оказывається посмотрѣль. Реѣ. — Лаіреѣ; лірѣне, ударить. Реѣ.
лахвирѣ, аѣнем лаіреѣ. — Іерві, два; ген. іарвмі — Есвѣмѣне —
ліѣмѣне, приказатъ. Мі есвѣмѣн, сі есвѣмѣн, аѣнем есвѣмѣ-
не. — Ціѣвміна; ліѣвме, сдѣлатъ. Мі мѣвміна. Імреѣ.

105. Укудаві, безсмертній. — Аѣкін, імреѣ.; лігне, прѣѣѣ-
жатъ. Хашгвем, імреѣ.; лішгвем, просить. — Іанід, вмѣсто мена.

чиг шед лѣимізе, маре амі мизез мама лахвем і адѣне, сер
 кѣсѣрдѣ адхад. Амечу кѣсѣрд хѣв, аміс есер ѣа лаході, ма-
 ре лѣдѣ дѣб ѣргіс есер ер ѣа ачес, ачѣа чув адкушуре і аш
 110 і чу ѣмкушуран. Адчомне дѣввенд і мѣг аш чомін, хал кѣ-
 сѣрд адшгуране. Аѣаѣ лахвем шед і аѣаѣ еш чомін, ѣерві
 лѣдѣ дабі назміс ѣа-д ачѣд, чуд адкушуре аѣа; месмамд ѣад
 лахвем Ростомд шед і вод-емчѣа шѣѣр-ісга хѣбша Ростомс,
 лѣѣѣпире чѣшхѣр і адкушуре. Еш ісга лахдагѣн шѣѣр-ісга
 115 Ростомс мѣа гезал Зураб. Анхад сер Ростом і ѣешдѣерві хѣл

Мішгва ѣанід хекар ачас, вмѣсто меня попроси его.—Шед, со-
 судъ.—Лѣимізе, лѣмзезі, находитъ причину. Лѣхмізез, сі лах-
 мизез, аѣнем лѣимізе.—Мизез, причина.—Лохвем; лѣдѣ, датъ.
 Мі лохо, сі лохо, аѣнем лохвем. Fut. лоході.—Адѣне, лѣвне,
 прибѣжать. Мі озѣн, сі аѣѣн, аѣнем адѣне—Ачес; мѣі.
 Соѣ. Мі оче, аче, аѣа ачес.—Адкушуре; лѣквшуре, разбитъ.
 Мі озѣшѣр, сі аѣѣшѣр, аѣнем адкушуре.—Есвтѣх; лѣтхе, пе-
 редать. Мі есотх, сі есотх, аѣнем есвтѣх.—Лѣмѣпирѣн; лѣѣпире,
 поскользнуться. Perf. Сі лѣѣѣпиран.—Мі есерѣв, есерѣв,
 аѣа есраѣв, повалился.

110. Чуѣмкушуран, меня разбился.—Адчомне; лѣчвме, бѣ-
 гать. Perf. Аѣѣчомін, аѣѣчомін, аѣнем адчомне.—Адшгуране;
 лѣшгврані, наставлять. Perf. Мі озшгурѣн, аѣшгурѣн, аѣнем
 адшгуране.—Назмі (лѣзме, мѣрять), размѣръ.—Водемчѣа, по-
 ва не.—Хѣбша, отъ лѣбше, давать. Imperf. Мі хѣѣбшѣс.—
 Лѣѣѣпире, perf. лахѣѣпир, лахѣѣпир, аѣнем лѣѣѣпире.—
 Лахдагѣн; лѣдгарі. Мі ламдаган, лаѣдаган, ачас лахдаган, онъ
 убилъ (по не по своей волѣ). Мі лохвадгн, сі лахдагн, аѣа
 лахдаган(да), онъ убилъ; аѣа адган—онъ умеръ.

115. Аѣшдхѣѣрвне; лѣшдхѣѣр, вырыть. Мі озшдхѣѣрвн,
 аѣшдхѣѣрвн, аѣнем аѣшдхѣѣрвне.—Саплѣв, могила; gen. са-
 плѣві.—Адѣе; лѣі, взять. Мі озхѣа, сі аѣѣхѣа, аѣнем адѣе.—

тхріл аґшдхвәрвне міча гезлӓ саплӓвд; ісга адіе амхавґе-ісга
 лндгӓр і цаі ісга ачӓд; їешдїерві зӓ лндгӓр ґулӓр-жі хосдӓн;
 жесґшӓн аґжі, ере ґошґнпїлс ґхумї һаґӓр чӓнгї һаґӓрд
 ансґе, меґрӓр і маквшдаґӓр чанґї меґрӓрд, вӓре міча ґїлӓрд
 лаїбе. Ешхві дошдул махе гар хоклїн Ростомс міча гезлӓ лі- 120
 селваґе-ґа; адвїн ала кӓсӓрд і рӓґв, жі есер һеса анселві
 Ростомї Зураб, аґґа мїнс лїрде деса херах і охґонвех ув ма?
 Зґнд жмрд ув бац хар, їердваїд Ростомс ечӓн-жі ліґїш їард-
 ма хасґн(в)мас. Чвалнӓзорелї маґвӓн; дешӓс оґґӓшвдїӓла,

Лндгӓр,-і, мертвець. — Ца-і, и самъ. — Хосдӓн; ліді, ложить.
 Імреґf. Мі мїсдӓн, ґїсдӓн, хосдӓн. — Есґшӓн; ліґшї, рвать.
 Імреґf. емґшӓн. — Ўаґӓр, баклага (изъ тыквы). — Чӓнг, бала-
 лайка (однострунный инструмент). — Ансґе. Реґf; лїсґї, сдӓлать.
 Аґнем адсґе аґїар, онъ помирилъ ихъ. — Маквшдаґӓр, нижняя
 часть ноги (отъ колѣна до ступни). — Цїлӓр; ґїл, струна. (Цї-
 лїӓн чӓж — непослушная лошадь).

120. Лаїбе, лібем, привязать. Лахвіб, сі лахіб, аґнем
 лаїбе — къ своей (балалайкѣ); лаїбе гӓч лартсґс — къ своему поя-
 су; адбе — къ себѣ. — Дошдул махе, мӓсяцъ (время). — Хок-
 лїв; лікїе, остаться. Мі мїкліа гвешї лїсрулӓлд семї наґзі,
 мнӓ остается до окончанїя дӓла три недѣли. — Ліселваґе-ґа;
 до оживленїя; лїсӓлве, оживить. — Ўеса, если не. — Анселві,
 Fut. — Херах; Fut; отъ лїре, быть — Охґонвех ув-ма?; лїґновї,
 сдӓлать, устроить, придумать худое что-нибудь. Мі охґонав,
 сі охґонав, аґнем охґонве. Реґf. — Зґнд, очень. — Жмр, ми-
 лость, благодать. — Бац обӓщанїе; бац хар — обӓщано будетъ.
 Аґас бац хохал і ліґдї мама, онъ обӓщанїе знаетъ (обӓщаетъ)
 и не даетъ. — Ліґїш; лїґї, выводитъ, вывести. — Ўардма, кто. —
 Хасґнмас; лїсґме, помочь, одолжить, сдӓлать одолженїе. Хва-
 сґнма, хасґнма, аґнем хасґнмас. — Чвалнӓзорелї; лїнзорї.
 Чвалнӓзорелї халх, собрался народъ. — Оґґӓшвдїӓла; лїґшвдїел
 хвалить.

- 125 дошгннїлс мечї дедберїлс оуцаївдіала, ачас есер ца̄ аніці. Лебце убца кяс̄арс дедберїшд ма̄г оубаца Ростомї жї ліці-жїн. Амхед дедберїл і чвелг̄анелї сацл̄ав-жї і оутула сацл̄ав-зе-їсга: „Ростом, меџвре і медубе, гезл̄а дагр̄а, іме харї?“ Ростомд латхтх чуџан-жї: „ма̄ цаку мечї дедберїл, імза мачо, ма̄ маг̄ад?“— „Хама ма̄ цегді“, дедберїлд хабв: „їешдїерві з̄а цар аме-їсга, гезал бул̄ар-жї ец̄уш̄ан, сі ачндранџо хїцвділ̄а амеїсга ісгва амхв̄а лехїадд; ісгві з̄хвїм і чу аццведїл і гезал і мама ахс̄ал̄ав“.— „їаџо ма̄ чомїна, мїшгві дедберїл?“— л̄ах-чведда Ростом.— „Хама ма̄ чомїна? Ж̄ахг̄а і маремї чжїм л̄ах-ген! Аз̄х̄адв ма̄г хошам Ростомс цаqlа, і чї ісгов хаqlвїнда;

125.—Лебце, что будетъ общано.—Амхед, ліхед. Perf. Мї анх̄вд, сі анх̄д, аца анх̄ад. Амхедхві, хї, (амхед=амхеделї).—Чвелг̄анелї; лігне. Чвелганехві.—Оутула, Perf; (оказывається); літулі, крикнуть. Мї атула.—Меџвре, гнилой (гл. ліџвер, гнить, гноиться; ліџвре, гноить).—Медубе, совс̄ьм̄ гнилой, перегнившїй. Лїдубе—лїдуб. Ацнем чвад̄їб діар—онь сгноилъ хл̄бь.—Мачо, мн̄в д̄лаешь.

130.—Маг̄ад, ліг̄ад, быть должнымъ; мегді, цегді, хегді. Praes.—Ец̄уш̄ан, ліџші, разложиться, разорваться. Perf. Ачндранџо—с̄ь давнихъ пор̄ь.—Хїцвділ̄а, страдаешь; ліцвділ̄а, страдать.—Амахв, врагъ.—Лехїадд, на (для) радость. Лехїад амбав амх̄ад, пришло къ намъ радостное изв̄єстіе.—Аццведїл, пострадалъ; ліцвділї, быть причиною страданїй другого. Мї оццведїл, сі аццведїл, ацнем адцведде.—Ахс̄ал̄ав, оживилъ; лісалве. Мї оксад̄ав, сі ахс̄ал̄ав, ацнем аяс̄ал̄аве.—Ж̄ахг̄а, вставай; лігне. Охг̄а, я всталъ, ахг̄а, аца аныг̄ан.—Л̄ахген, іmperat.; лігне. Л̄ахген, сі л̄ахген, ацнем л̄аг̄ане. Мї л̄ахген сацл̄а, я приставилъ къ себ̄ь трубу.—Чжїм похожъ; сі маремї чжїм мама цаг—ты совс̄ьм̄ не похожъ на человек̄а. Ачас аз̄ке езар чжїм хаг—пополнил̄ь.

135.—Цаqlа, называли. Іmperf. Мї хваqlас, сі хаqlас, аца

амеісга лісгвре мнѣць, бази Ѓеѣаоз кѣсѣрс лѣпрісдал хар
чѣнтреш, ѣа адѣер ечхав і зхумѣр ушхвар лохжѣмбін і ачун-
ѣо ѣнѣд і ѣарва сѣѣ ушхвар несга (мугезалс) холам цѣсмінех,
ачѣш чімі цѣвр жі ѣхішд,—ачѣѣ цѣрі во Зураб лнцвер і аѣхе
мама; амеісга хіцвділѣл цвідд“.

140

Ростомд лѣх ала і ала мѣг жі ѣнѣурне, жі лапѣр хал
мнѣцлѣві, чѣч чу апід, жѣнрѣѣвѣн і ханцѣр жесрек і Ѓеѣаоз
кѣсѣрс цѣрс лахѣгѣн, ісга ачѣд. Амечу Ѓеѣаоз кѣсѣрс чѣнтре
лѣпрісдѣл хар: ешкві мѣрсгвенхѣн хосгур і мерме мѣрсенхѣн,—
ісга хаѣхчч Ростомд аліѣрс і зхумѣр ушхвар лохжѣмбне і 145
хѣѣв кѣсѣрс: „мѣгвѣр гѣм цѣр аѣхе аміс, амжі гѣм мад міі
мішгва Зурабі даграс!“ Ѓѣ антѣх ечхѣн і жѣннѣзоре мѣг—

хаѣла ісгов—тебѣ (вм. ісгві).—Хаѣѣ(в)лннда; ліѣѣл, бояться.
Імрѣгѣ.: Мі маѣѣлннда; сі цѣѣулннда.—Лохжѣмбін, імрѣ.; сі
жѣмбне, размѣжнть (сочное бнть, чтобы мѣвро стало).—ѣнѣд,
імрѣгѣ.; ліхѣд. Пов. н.—Цѣсмінех, сообщаютъ; лісміне, слы-
шатъ.—Цѣѣр, скорѣѣ, печаль. ѣхішд, імрѣгѣ.; лішде, бросатъ.
Цѣѣр жі ѣхішд—отомствн, причинн скорѣѣ.—Лнцвер, отом-
центъ; лнцврі, мствнть.

140. ѣнѣурне рѣгѣ.; ліфнарн, выслушатъ; ахвѣунар, аѣнем
ѣнѣурне.—Лапѣр, рѣгѣ.; допѣр, аѣа лапѣр; ліпер, летѣтъ.—Мн-
цѣлѣві, бродѣщнй; лнцлѣві, броднть.—Чѣч, отропценіе волосѣ по
умершемъ; чѣч чуапід, пересталъ отращнвать волоса (сбрнлъ).
Жѣнрѣѣвѣн, одѣлсѣ; лірѣве.—Жесрек, рѣгѣ.: аѣнем есрек; лір-
кнне, повѣснть.—Мѣрсгвен-хѣн, сѣ правой стороны.—Хосгур,
З рѣгѣев.; лісгвре, сндѣтъ.

145. Мі хаѣхчч, сі хаѣхчч, аѣнем хаѣхчче. Рѣгѣ. Ліѣхчче,
схватнть.—Лохжѣмбне, ударнлъ.—Мѣгвѣр, каѣой.—Гѣм,
вкусъ.—Мі онѣх, сі антѣх, аѣа антѣх; літѣх, вернутьсѣ.—
Жѣннѣзоре, собралъ (аѣнем).—Філ, катѣрь.—Оѣлѣц, аѣлѣц,
аѣнем аѣлѣц, привѣзалъ; лілѣенн, врѣпѣо, плотно привѣз-
нвать.

- мецвълър, дїквен і мечі дедберїл; анхїд філ лахвхән і шмқ-
хән філіш мецвълър азлїц, ечхән—амхән дїквен і мечі дед-
150 берїл, зхум берца шанз есде і азхад Ростомс: „Не дѣвѣр
хесд і зо сѣх лацввенх аджїн ув озввїцад мїшгва ханцѣрс,
не моде і зо нома“. Охвсіпа жї і мїне мецвцажїн їешдїерві
гїмі озввіла. Сер ала Ростом і алцарвелї і Зураб і. Мїне лелче
мазвѣнс дав і хец азсгурѣнѣ. Ацѣа ѣнмарѣнх Ростомї мухвбе
155 Гурген і мїча нїбѣшїн, Бїві гезал, Бежан, царвшв і ачѣдх,
їмваї Ростом арда, ац дзвечанад, а мечу мазвѣнс, мѣї зн(б)мї
хад, ачас чу лѣхшѣдх. Ростомїш і Зурабїш дешма ѣнмехрех
і амжї дзешгд есчвенх. Шуквжїн вѣлур хамї цвегс ѣзлакх;
Гургенс аш азвѣлїнда, ере ал вѣлур хамре набїнцїсга ѣз-
160 пѣж чу. Бежан ѣзчн(б)д хамї цвегс і мѣг жанхвїт. Гурген жї

150. Шанз, раскаленная полоса желѣза.—Есде, положи-
жилъ; лїдї.—Азхад, связаль онъ (ачас).—Берца, желѣзный.—
Дѣвѣр, виновный.—Хесд. сопј.; вы есте.—Мї сѣх ламбо ісгве
хан дзѣрс, мнѣ слѣдуетъ получить отъ васъ деньги. Сѣх лац-
ввенх, какъ слѣдуетъ.—Озввїцад, да порѣжетъ; лїзвце, рѣзать.
—Охвсіпа, размахнулся; мї амсіпа, сі адсіпа, ачас охсіпа,
оказывается размахнулся; лїспе.—Мецвцажїн, по разрѣзу; мецв-
це, порѣзанное мѣсто.—Озввіла, оказывается раздѣлилъ; лїцвле.
—Алцарвелї, оказывается потерялся; лїзравї, потеряться, про-
пасть.—Лелче, охраняемое; мїне лелче, что они охраняли; лїл-
че.—Азсгурѣнѣ, оказывается сѣлъ; лїсгвре.—ѣнмарѣнх, при-
готовились; лїмаре.

155. Нїбѣшїн, племянинъ. Дѣмі, тяжесть. Дѣмі мар, мнѣ
тяжело.—Лѣхшѣдх; аца лѣхшѣд, онъ помогъ.; лїшед.—ѣн-
мехрех; аднем ѣнмехре; лїмхерї, узнать.—Есчвенх; аднем ес-
чвен; лїчонї, воротиться.—ѣзлакх, регг; мї озелк, сі аззелк,
аца ѣзлак; лїлак, наткнуться. Азвѣлїнда, испугался; лїцѣл.
—Набїнц, вырытое; лїбїунцївї, рыть.

160. ѣзпѣж, спрятался; лїпез. Регг озецж, азецж, аца

мехванзо гар лаїзѣнѣн хамре набінцвѣхѣнѣа. Бежанд ділар
 ґа аґвѣуре; аміс Гурген лѣхбішд чі. Аґхе есер чув арда
 амечу, Бежанс аґхад і ґа (ґуранмла муґвам—ісга оґвре Ма-
 ниґѣя ґрі) ачас хѣхвд хоґі. Ачсер хоча нов ґѣґра вод аґа
 хѣхвд до аміґа. Гурген чу адшгуране мічаш ур есер амхѣнѣа 165
 барх номґе ув лаібарх. Лапѣр Бежан і еш лѣхґарвѣн оґвре
 Маниґѣяшґе. Ала хал ґа есцвѣне, Гурген лапѣр і аргіґе ачѣд.
 Имвале Бежан і адхад ечав, амечу отцївре оґвре Маниґѣя. Хе-
 цѣд аш чабіґве і ечхав оґвре Маниґѣя аґвац, малатвш і ам-
 хав Бежан. Аґквїн ала оґвре Маниґѣя маґвѣнд і мецвїл лох- 170
 змзе оґвре Маниґѣас, Бежан носав ув лахґваве, адо мїч есер
 чу ашхї маґвѣн,—і мецвѣлѣр-ґї мецвїл хаґ ґуранмлс, амї
 буба Ростомс есер ларда деса хочвїна, ала есер ходрамд і
 ічмуні,—аґґа чув есґѣдх аміс. Аґґа сер ісга аґґе ґуранмлд

аґґѣж.—Аґґѣд, вмѣшался; лічїд, вмѣшаться, войти.—Хамї
 цвевс, стадо свиней.—Жанхвїт, истребилъ; ліхвте.—Мехвт-
 анзо, послѣ истребленія.—Лаїзѣнѣн, perf.; лізне, показаться.
 —Аґвѣуре вырвалъ; ліґцуре, вырывать, ліґце, вырвать.—
 Лѣхбішд, у него взялъ; лібішд, взяли у него, лібше, да-
 вать другому.—Хоґі, праес. въ знач. fut.; приведетъ ему.
 Нов ґаґра, пусть не будетъ; ліґер, случиться.

165. Мічаш ур, безъ него.—Барх, шагъ.—Номґе ув лаї-
 барх, пусть не шагнетъ; лібархї.—Есцвѣне, увидѣлъ (аґнем).
 —Отцївре (аґнем); ліцївре, смотрѣть прищуривая глаза.—
 Хецѣд, perf; ліцед, увидѣть.—Аґвац, perf (аґа); лівацї, упасть.
 —Малат, любовь; малатвш, отъ любви.

170. Лохзмзе, perf. (аґнем); лізві, послать.—Лохґваве, im-
 perf.; perf: аґнем лахґваве; ліґваве, оставить.—Ашхї, праес.
 въ зн. fut. аґа ашхї; лішхе, жечь.—Буба (біза), дядя.—Хо-
 драмд, хуже.—Есґѣдх, да погубять; ліґденї; упасть (послѣ
 измѣненія положенія).—Аґґе, perf.; ліґґї, пригласить.

- 175 Бежан і ам лезу бранг лахашх і аґжі быгид жанкулзхвех; лірһалзе аніацх жі і зор гопі лимарлі моулатшв; аґза есзинзхале і лакулзханар маґ жесчкора і моулат маре хамваі хатцдах амис, маґ еш і аш алітуліх; ачунзо лахчведнах Маница і міча зоршар: Бежан, мін ув аздагра, за мод хавес, амзум
- 180 хамша імеіста хог. Бежанс хоґва оґзре Маницашд, ца зацш есер лі зурал і леуравлд, міч дем азаре. Мад охвида һац і за хоґва, цібіста есер зезвне ґіп хорі, ача бед есер хар амзум хамша; аца (мі цаґвнине) ец ґіп сер мома міґче. Аґза Маницад за есвтіх соґелс і аніацх і ац лезу чу адбингвех
- 185 жан і ец ґіпш жанкулзхвех; і мерва ладеу аніацх жі, есцрінцале, маре дешма хаґер; аґза ахшндх іста і маґ дагра даграс твілдах; маре йервале мечі дедберілі аніацх і амнем реу: чу нома аддаград, адо амі буба Ростом һеса адквиһе, зведанас һаґрс азґені. Аніацх аґза і йешдйерві хал ґім ашд-

175. Бранг, напитокъ (ранг, медъ напитокъ).—Лохашх, напоили.—Быгі, вѣпкій;—д, вѣпко.—Жанкулзхвех, связали (ацнем); лікулзхані.—Лірһал, разсвѣтъ.—Аніацх, проснулся; ліецх.—Моулат, измѣнивше, врагъ; ліґлаті, грабитъ.—Есзинзхале, реґ; лізвнзхал, вертѣтся, вырывается, освобождается.—Лакулзхан, чѣмъ связываютъ; лікулзхані.—Жесчкора, реґф., оказывается разорвалъ; лічевре, разорвать.—Хатцдах, какъ только оказывается увидѣли.—Алітуліх, оказывается убѣжали.

180. Хог; міґ, ціґ, хог, стоять, находитъ.—Хамша, сила. Азаре, праес.; лізаре, беречь.—Ісґві бед мар, амзум чір, ты былъ причиною, что я столько пострадалъ.—Міґче, праес. въ знач. fut.; ліґче, задерживать.—Есвтіх, реґф. (ацнем); літхе, перевести, пересказать.—Адбингвех; лібингаві, опьянить; мі отбингав, азбингав, ацнем адбингве.

185. Есцрінцале; ліцрінцал, высвобождаются.—Ахшндх, реґф.; лішід, бросаться.—Твілдах; іпреґф.; літулі, вричать.—Ашдхәрх (ацнем); лішдхарі, провозить канавку.

хърх і аџа зхрїлзѳеїсга адгәнех; сачїнелв чалї гурна жїбан 190
 озуїлх. Манїцї мїсдїлнад есвгәнех. Сер анмаре цїр і анхїд
 Бежанї лїмшїдалзѳе; сгебнав Гїв і Гурген аднїзе, маре депша
 лїхшїадх; ачунзѳо ца анмарїан зхумшв. Азхе зїав хевзх, їме
 роув арї Бежан. Ачза ансгїдда озвре Манїцї мурвамхїанзѳа і
 мїндвер лїтгїне лї царшв; ачза лахтвїл Бежанс Манїцїд: 195
 ацїжї цїр мїрам хїн-зїа анхїд мїндверзѳе—їсга, ере мїг гошї
 лї. Бежанс азқалвїнда. „Мїї цїаца, Бежан?“—„Мїма, лазу-
 зїашв їсгва цїзвїарс хвїцдїан.“ Їсгахїн анхїд ешхвї чабїгв і
 ацїз лахтвїл Манїцїд: Бежан, азхе мї цїаца сер? Азхе лазу-
 зїашв їсгва нїчвїарс хосгїддед. Їсга анхїд надурд Манїцї мурвмї 200
 зїрзѳеїсга Ростом і жї лїкїд цїбхїанжї лїїр,—ала Бежанс ув
 азбїшех; чу азбїшех, зїа адчодїаннїве Бежанд і азчон. „Азхе
 есер ешї мї хоча? Азхе есер надурд зїа хїцда мїча нїчвїарс“.

190. Сачїнел, огромный.—Гурна, круглый камень. • Озуїл
 (ацїнем), лїзле, давить.—Мїсдїлне, тоть, кто носїть (подаетъ)
 обїдъ работающимъ; лїсдїлне, подать обїдъ; садїл, обїдъ.—
 Есвгәнех, приставили; лїгне.—Лїмшїдалзѳе. Лїмшїдїл, помо-
 гать.—Сггебнав, прежде, впередъ.—Лїхшїадх, регї.; лїшед, по-
 могать.—Анмарїан, приготовился.

195. Мїрам, покажу.—Цїаца; лїчоне, радоваться.—Азқал-
 вїнда, испугался.—Лазузїашв, какъ будто.—Хвїцдїан, оказы-
 вается выдаль; їнрегї.—Їсгахїн анхїд, подошелъ внутрь (но
 не совсїмъ).

200. Нїчв, лицо.—Хосгїддед, праес. сопї.; лїсгдї, видѳть.
 —Надурд, совсїмъ.—Мурвмї зїрзѳеїсга,—въ основанїю башнї.
 —Лїкїд, регї.; лївед, вынуть.—Азбїше; лїбше, передать; орт.
 пусть передадутъ.—Адчодїаннїве(їе), регї.; лїчданнїве, читать.
 —Азчон регї.; лїчоне, обрадоваться.—Ешї, все таки.—Мї
 хоча? что лучшее сдѳлать?—Хїцда, регї.; оказывается уви-
 дѳль.—Адрнїан, регї.; лїрне, разсвїтать.—Ахчвад; лїчвад,
 дружно и скоро работают.

- Чу адрнһән мерва ладез і лашгӑр—маре ахчвад сачинел гур-
 205 нӑ лесгӑе лагврӑнс, маре дешма хадерх, ачӑа хаӑхеч Ростомд і жі лӑивӑд, Ёуранмла муравамс ӑа аӑӑад і сачинелв ча-
 лӑисга хмл аӑӑанда; сер Бежан жі антих ӑхрилхӑнжі; оӑчв-
 енх ӑвешгд і ачӑдх мӑг аш ӑвӑбд; Ростом і Бежан чу ад-
 210 ӑурдах ӑахӑн мӑндверӑсга і лашгӑр сгобӑн аӑӑушвдх, чу лыр-
 һанӑо лаӑсгӑдах ӑарӑӑр чуӑанӑа, ала ӑа ахчемах лашгӑр, ере-
 мӑг гопӑі лі; лапӑр жі Бежан і лаӑцхвӑп мӑча бубӑ ханпрӑл-
 жі і ӑӑрӑі—мара кӑнчхар ӑа оӑшмдыре ачунӑо аӑдбӑнех лізі і
 аргӑі пӑлд адхӑдх; Бежан лахчведда Ростомс: „буба?“ — „Мӑі
 215 ӑаву?“ — „Мӑі Гургенӑшӑеӑсга амжі ӑа усмарӑлад дем ӑурӑі; ашхв-
 вӑсгвс хвӑӑушде і хвадле: һе ече момӑрг і вӑлур хамре мух-
 теӑі мӑі лимӑрхвес, ӑо ал вӑсгв мехдуд хаӑха і һа модо-ӑо-
 вӑсгвд. Ахӑӑшвд вӑсгв Бежанд, ечӑа Ростомд і реӑв, һе
 есер ал лӑцвӑлӑдӑр мӑча тӑр харенх мӑг, Гурген, ӑо самвр-
 ӑӑл—ув лахһена; вӑсгв мехӑі ӑӑндӑд ессӑда і Гурген чу

205. Лесг, ребро, бокъ; въ сторону. — Лагврӑне, чтобы скатить. — Ёа аӑӑад, черезъ промахнулся, перебросилъ; лӑдденӑ. — Хмл, звукъ (отъ удара). — Аӑӑанда, раздался; perf.; лӑгне. — Антих, вывелъ; perf.; лӑтхе. — Оӑчвенх, вернулись; лӑчонӑ. — ӑвӑбд, вмѣстѣ. — Адӑурдах, легли; perf. — Аӑушвдх, отпустили; лӑӑшвде.

210. Лырһанӑо, послѣ разсвѣта. — Лаӑсгӑдах, увидѣли. — ӑарӑӑ, бурья. — Ахчемах, гнались; лӑчем. — Лаӑцхвӑп, выхватилъ; лӑцхе. — Кӑнчх, шея. — Оӑшмдыре, отрубилъ; лӑше, бросить. Усмарӑлад, безъ рѣшенія суда. — Ёурӑі, иду.

215. Хвӑӑушде, брошу. — Ече, тамъ. — Момӑрг, быть дѣйствующимъ; лимӑрг, удачно дѣйствовать. — Мухте, истребляющій. — Хаӑха, оказывается попалъ. — Мех, ударъ молніи. — Вӑсгв, яблоко. — Лӑцвӑл, ссориться; лӑцвӑлӑд, небольшая ссора. — Тӑр, черезъ, изъ. — Самврӑл, рѣшеніе (во имя правды). — Лӑхе, догнать; ув лахһена, пусть долетитъ до него.

адгър. Ачунџо аргіџе анхадх і лăхедал чомінх; амжі сер чвăд 220
гезлăнх і Ростом чвăд-мечăн; маре імі зџмі хар? Бежанс езър
меџхвър ахџас і ашхв ладеџ Бежан деса әрі аргіс; дăв ми-
рамхăн анхад і Ростомс лахтвїл: Ростомулунџвс меџбе, Ростом
меџвре џа унџвс, домебиргел. Мав чомін Ростомд. Ахбиргăн џа
і чвăнде дăвд Ростом. „Дăв, аџхе нома амдагра!“ Ростомд хăџв: 225
џо мнххър амжі меџха һамс ід аџер і џо џа џебиргїел і һе чвам-
десгї, џо мїшгва ханџърс џа лаџведне і мї марад лăџчемнї.
Сер амжі чу аскїбх мерва лăдџїшд. Еџ меџ ісгезї она-џа
Бежан і анхад і џа охонбве мăг аш і аш Ростомд Бежанс.
Сер мерва лăдџїшд Бежан анмарăн дăвă лăбиргăлџе. Памс 230
анхад дăв і лăхшомда Ростомс, еџа џа ачадџ Бежан. Дăв
лăхчведда: „лаџунџвс мечї хасв, ладџї імнем аџмахв. Ала нă
чі махе дошдулџї хвїмхїд гвард.“ Сер анбиргăнх џа і Бежанд
уџхмул ангăне дăв. Аџа дăвд хăџв: нома унџвс амдагра. Ма-
ре аџа мама лаісімне, аџа чвадгър і мїнд хоча лїрде әдхїдх.

220. Лахедъл, радостный пирь. — Чвăдгезлăнх; лїгәелї, расплодиться; родилось много дѣтей. — Чвăдмечăн, состарѣлся; лїмче. — Ахџас, сдѣлался; лїџас. — Меџбиргїел, ты борешься со мною.

225. Чвăнде, повалиль (аџнем); чулїдї; чвамдесгї, fut. Лăџчемнї, пойду съ тобой. — Аџмахе, обновило тебя.

230. Лăхшомда, perf; поввалъ. Лїшвем, отдохнуть. Мї хвїшвем, я отдыхаю; мї хвешмї, я зову; аџхе лїшвем хаку, теперь нужно отдохнуть, аџхе џалїшвем хаку ачас, теперь нужно позвать его. — Гвар, фамилия, родъ. Уџхмул, внизъ головою.

Ростомъ.

Отъ владѣтеля Алагира и Коранжета пришелъ человѣкъ къ Ростому и сказалъ: „Ростомъ, мой господинъ прислалъ меня къ тебѣ. Дѣвы и звѣри овладѣли его владѣніями. Онъ зоветъ тебя на помощь къ себѣ!“ Не хотѣлось Ростому,—но что же дѣлать?!—„Жена моя“,—сказалъ Ростомъ, „пришелъ ко мнѣ человѣкъ изъ Алагира и Коранжета,—зовутъ меня на помощь, и я долженъ итти!“ Жена отвѣтила: „Мнѣ придется родить безъ тебя!“—„Но что же дѣлать? я непремѣнно долженъ итти. Если ты родишь мальчику, то пришли ко мнѣ вѣстникомъ голубя, если же дѣвочку, то—ворону“. Сказалъ это Ростомъ и прибавилъ, чтобы сына она назвала Зурабомъ, что для него онъ оставляетъ свой амулетъ (шан-шар); если онъ, Ростомъ, опоздаетъ и Зурабъ сможетъ прийти къ нему, то пусть привяжетъ шанъ къ шапкѣ и не отвязываетъ пока не подойдетъ къ нему.

Ростомъ ушелъ. У его жены родился сынъ; она послала радостнымъ вѣстникомъ голубя, но пришли діаволы и замѣнили голубя ворономъ. Воронъ пошелъ къ Ростому и сѣлъ на лѣвое его плечо. Ростомъ не повѣрилъ; пошелъ къ лужѣ умыться и сказалъ: „если у моей жены сынъ родился, то пусть рука моя наполнится молокомъ, если же нѣтъ, то—водой“. Погрузилъ руку, и она, дѣйствительно, наполнилась молокомъ; послѣ этого Ростомъ увѣрился, что у него родился сынъ. Дома его дитя Зурабъ быстро росъ: днемъ—на пядень, ночью—на два пальца, и такимъ силачомъ сдѣлался, что сбивалъ однимъ замагомъ цѣлое стадо на востокъ, а другимъ—на западъ; раз-

бывалъ ведра *) на спинахъ, а ободки на головахъ царскихъ водоносицъ. Каждый день водоносицы съ плачемъ возвращались домой. Онѣ спросили у одной престарой старухи, что имъ дѣлать, такъ какъ онѣ не могутъ больше переносить побоевъ отъ Зураба. Старуха посовѣтовала водоносицамъ связать Зурабу: если ты настоящій силачъ, то тебѣ не за что намъ мстить; твой отецъ пропалъ и не извѣстно, гдѣ онъ, — вотъ ты отомсти за это вмѣсто того, чтобы насъ обижать. Водоносицы запомнили этотъ совѣтъ. Зурабъ опять обошелся съ водоносицами попрежнему, — тогда онѣ крикнули Зурабу, какъ научила ихъ старуха. Какъ услышалъ это Зурабъ, поникъ головой и домой пошелъ. Дома онъ связалъ своей матери: разведи огонь подъ плитой **) и спеки мнѣ пирогъ (съ сыромъ). Мать отвѣтила: „родной мой, пирогъ есть у тебя, на что еще тебѣ?“ Ростомъ не отставалъ, пока не заставилъ испечь пирогъ; [сталъ на колѣни предъ матерью и сказалъ: „мать моя, теперь посади меня на колѣни“. Мать сказала: „Зачѣмъ ты сегодня поступаешь такъ, какъ никогда не дѣлалъ?“ и посадила его на колѣни. Зурабъ снялъ верхушку пирога, пригвѣпилъ ее къ сосцамъ матери и сказалъ: „Мать моя, сожгу тебѣ соски, если ты не скажешь, чей я сынъ, что случилось съ моимъ отцомъ!“ Мать отвѣтила: „Пусть падетъ грѣхъ на того, кто сказалъ тебѣ это родной, какъ не быть отцу у тебя? Славный твой отецъ — Ростомъ; но онъ пошелъ на войско воровжетское и не возвратился.“ — Зурабъ: „я непременно пойду искать отца!“ Мать разсердилась, но изъ это ничего не вышло: Зурабъ не послушался, приготовилъ стрѣлу и лукъ своего отца и натянулъ лукъ на одинъ зубецъ. — „О, этого никто не могъ сдѣлать, кромѣ твоего отца! Если ты рѣшилъ итти, то привяжи шан (шар) твоего отца къ

*) Уохаръ служить вмѣсто ведра: боченокъ изъ дѣльнаго дерева съ двумя ободками, соединенными деревянной ручкой.

**) Каменная (шиферная) плита, на которой пекутъ хлѣбъ.

верхушкѣ шапки и не отвязывай ее, пока не прійдешь къ отцу: по ней онъ тебя узнаетъ." Приготовился Зурабъ и пошелъ. На дорогѣ встрѣтились наряженные въ бѣлое діаволы и другъ другу сказали: „О какой молодець, еслибъ только не было на немъ женскаго украшенія!" Зурабъ прошелъ мимо. Встрѣтились діаволы, одѣтые въ красное; они сказали, какъ и первые бѣлые, Зурабъ не обратилъ и на это вниманія; онъ приближался уже къ Ростому. Встрѣтились діаволы черные. Стыдно стало Зурабу: „если это привязывать такъ позорно, то—да проклять я буду, если я самъ не отвязую!" — Сорвалъ и намѣревался бросить, но бывшіе съ нимъ не позволили и привязали шан (шар) къ рукѣ. И такъ лишь только онъ пришелъ въ деревню Ростомъ, діаволы обогнали его, пошли къ Ростому и сказали: „ай-ай (увы), онъ достойный сожалѣнія, до сихъ поръ онъ оставилъ много хорошаго сдѣланнаго (прослав., заслужилъ похвалу) и много разъ боролся, но сегодня такой силачъ пришелъ откуда-то, что пусть Ростомъ уйдетъ сейчасъ, куда хочетъ, а то онъ истолчетъ ему тѣло и кости. Ростомъ сказалъ: „До настоящаго дня я нигде не уходилъ, и теперь на старости дней, куда убѣгу отъ него, кто бы онъ ни былъ?" Въ это время (тотчасъ) они быстро убѣжали и пошли къ Зурабу и сказали: „ты, силачъ,— въ этой странѣ такой есть человѣкъ, что если сейчасъ же слѣдомъ не вернешься назадъ, то онъ истолчетъ твою плоть и кости. Зурабъ отвѣтилъ: „разъ сюда пришелъ, не узнавъ о моемъ отцѣ, не возвращусь ни за что, чтобы ни случилось". Когда діаволы посѣяли дурное между Ростомомъ и Зурабомъ, тогда Ростомъ велѣлъ передать Зурабу: „если не такъ, то они поборются! Зурабъ сказалъ: „да не будетъ это мой отецъ, а съ другимъ поборюсы!" И такъ что дѣлается? Посредники сказали Зурабу, что его отца здѣсь никто не видѣлъ (глазами), не слыхалъ (слухомъ), и такъ поставили ихъ другъ противъ друга. Ростомъ посмотрѣлъ, нѣтъ ли привязаннаго его амуле-

та, и не увидѣлъ, не призналъ своимъ сыномъ; безъ оружія бросились другъ на друга. Борятся: Ростомъ вбиваетъ Зураба въ землю по ремень на ногѣ а Зурабъ Ростому по колѣно; боролись цѣлый день и никто не свалилъ другого. Когда никто изъ нихъ не поборошь, они разстались и отложили на другой день. На другой день опять борятся,—но никто не побѣждаетъ; отложили на третій день. Пришли діаволы и внушили Ростому: „несчастный, онъ тебя побѣдитъ и убьетъ; крикни на тотъ свѣтъ Христу,—можетъ быть, Онъ подастъ тебѣ руку, поможетъ“. Ростомъ послушалъ, пошелъ и крикнулъ: „Христось, Господь мой, помоги мнѣ!“ Подсмѣялись діаволы внизу и вмѣсто Христа крикнули: „да простятся тебѣ твои грѣхи!“ Пришелъ Ростомъ, заткнулъ за ремень кинжалъ и въ такомъ видѣ пошелъ въ третій день бороться. Сошлись, схватились, Ростомъ выхватилъ кинжалъ, а деревья съ той стороны начали говорить: „какіе могучіе отецъ и сынъ мучаютъ другъ друга; люди, земля и деревья всѣ о другомъ (т. е. что другіе дерутся) говорятъ, не случилось бы чего дурного“. Съ этой стороны посредники отвѣтили: „несчастный, ты ослабѣлъ и съ испуга тебѣ все слышится, а мы ничего не слышимъ“. Ростомъ: „о, вы люди, непремѣнно буду бороться! Некуда на старости уходить мнѣ!“ Борятся и Зурабъ повалилъ Ростому на колѣно, Ростомъ вынулъ кинжалъ и вонзилъ его въ животъ Зурабу.—„Зачѣмъ ты убилъ меня. Если вѣсть объ этомъ дойдетъ до моего отца Ростому и онъ узнаетъ, онъ истолчетъ твои кости и плоть“.—„Если ты сынъ Ростому, то гдѣ его шар (шан)?“ — „На, посмотри подъ — мышкой.“ Посмотрѣлъ и вверхъ и внизъ ударился.—„Кто тебѣ это здѣсь привязалъ, пусть онъ отвѣтитъ за нашъ грѣхъ.“ Приказалъ дьякону: „какъ умѣешь, побѣги за бессмертной водой и попроси отъ моего имени у кесаря!“ Дьяконъ сначала на немнѣіе сосуда указалъ,—но Ростомъ не повѣрилъ, и онъ побѣжалъ въ кесарю. Кесарь сказалъ, что онъ дастъ, но пусть онъ,

дьяконъ, какъ пойдетъ по нивѣ, разобьетъ и пусть передастъ Ростому, что ноги—де скользнули (спотынулся), упалъ и башкинь разбилъ. Побѣждалъ дьяконъ и все сдѣлалъ такъ, какъ весарь наставлялъ. И еще далъ сосудъ и еще такъ сдѣлалъ: прешель почти черезъ все поле и опять сосудъ разбилъ. Ростомъ въ третій разъ далъ сосудъ; дьяконъ, передавая въ руки Ростому, скользнулъ и опять сосудъ разбилъ.

Сынъ Зурабъ умеръ на рукахъ Ростому. Вырылъ Ростомъ въ 12 саж. канаву для могилы. Положилъ въ нее сына и самъ вошелъ туда. Двѣнадцать лѣтъ трупъ лежалъ у него на колѣняхъ; изорвалась одежда; черепъ головы сдѣлалъ черепомъ балалайки, руки и ноги сдѣлалъ рукой и бочками сдѣлалъ, бороду его струнами сдѣлалъ; оставался одинъ только мѣсяць до оживленія. Узналъ объ этомъ весарь и сказалъ: „если Зураба Ростомъ оживить, тогда намъ житья не будетъ,—что бы сдѣлать? Много милостей общаю тому, кто поможетъ вывести Ростому оттуда“. Всѣ собрались, никто не брался, наконецъ, старая баба похвалилась, что она-де общаетъ вывести Ростому. Весарь старушкѣ все общалъ. Пришла старуха къ могилѣ и крикнула въ нее: гдѣ ты, совершенно сившій, убившій сына Ростомъ? Ростомъ отвѣтилъ снизу:—„чего хочешь, старуха?—„Ты 12 лѣтъ здѣсь гноишь сына на колѣняхъ, страдаешь на радость врагамъ; но самъ пострадалъ и сына не оживилъ.“—Что же мнѣ дѣлать? спросилъ Ростомъ.—„Какъ, что дѣлать? Встань и будь похожъ на человѣка. До сихъ поръ Ростому всѣ называли великимъ, всѣ боялись. Чѣмъ здѣсь сидѣть, иди къ весарю: у Кекаоза сегодня крестины сыновей, — разможи головы другъ другу, и потомъ прійди и кто между вами (отцомъ и сыномъ) дурное посѣялъ (сообщилъ), имъ всѣмъ скорбь причини. Тогда и Зурабъ отомщенъ будетъ, а теперь напрасно только страдаешь.“ Выслушавъ это, Ростомъ воспрянулъ, пересталъ отращивать волосы, одѣлся, княжалъ привѣсилъ и предсталъ предъ

дверью Кекаоза, — вошелъ. Тутъ у Кекаоза царя сыновей крестятъ; одинъ сидитъ съ правой, а другой съ лѣвой стороны, — схватилъ Ростомъ, ударилъ другъ о друга головами и сказалъ кесарю: „какъ тебѣ это пріятно, такъ и мнѣ была смерть моего Зураба.“ Вернулся, собралъ всѣхъ посредниковъ, дьякона, старуху; привелъ съ пастбища катера, привязалъ къ его спинкѣ посредниковъ, а по сторонамъ дьякона и старуху, на голову положилъ желѣзный шан (шар) Ростомъ сказалъ: „кто изъ васъ виновенъ, то—такъ ему и нужно—да порѣжется о мой кинжалъ, а если нѣтъ, то не порѣжется“. Размахнулся и..... разрѣзалъ и землю раздѣлилъ. Ростомъ исчезъ, не стало Зураба. Всѣмъ, что они охраняли, овладѣли дѣвы. Приготовились братъ Ростомъ Гургенъ и племянникъ его Бежанъ, сынъ Биви; пошли войскомъ въ ту страну, гдѣ Ростомъ былъ, съ тѣмъ, чтобы помочь народу въ томъ, что тяжело было. О Ростомѣ и Зурабѣ ничего не узнавъ, такъ и возвратились. По дорогѣ наткнулись на стадо свиней; Гургенъ испугался и спрятался, а Бежанъ врубился въ стадо и всѣхъ свиней истребилъ. Гургенъ явился только тогда, когда свиньи были уничтожены. Бежанъ вырвалъ влыкы, а Гургенъ всѣ ихъ себѣ взялъ. Бежанъ сказалъ, чтобы Гургенъ здѣсь остался, а онъ жену приведетъ (въ Туранской крѣпости есть золотая Маниджа). Гургенъ не надѣется, что Бежанъ приведетъ. Бежанъ сказалъ, чтобы Гургенъ безъ него отсюда ни шагу не дѣлалъ. Бежанъ ушелъ къ Маниджѣ. Гургенъ, увидѣвъ это, ушелъ домой. Бежанъ, наконецъ, пришелъ, прищурившись посмотрѣлъ на Маниджу. Какъ увидѣла Маниджа такого богатыря, то упала отъ любви,—и сюда Бежана. Узнали объ этомъ жители и послали посредника къ Маниджѣ, чтобы она не оставляла у себя Бежана, а то все будетъ уничтожено. Посредники за посредниками являются изъ „Туранылу“,—дядя де этого, Ростомъ, мучилъ, а этотъ еще хуже будетъ дѣлать; погубимъ—де его. Тураныль пригласилъ Бежана и напоилъ его

ночью. Крѣпко связали. На разсвѣтѣ проснулся Бежанъ: домъ наполненъ измѣнниками; освободился: чѣмъ былъ связанъ, все разорвалъ. Какъ увидѣли это измѣнники, разбѣжались въ разныя стороны. Маниджа и ея домашнія спросили: Бежанъ, пусть мы умремъ, если ты не скажешь, гдѣ находится твоя такая сила. Бежанъ сказалъ золотой Маниджѣ: ты сама женщина діавола, кого нужно обмануть—не пощадишь! Она не отстала и онъ сказалъ, что въ карманѣ—де у него есть бѣлая нитка,—она и причина такой силы. Маниджа передала объ этомъ деревнѣ (народу). Пришли, напоили ночью Бежана, связали его тою ниткою. Проснулся на другой день и ничего не могъ подѣлать. Всѣ набросились и закричали: смерть, смерть! Пришла какая-то старуха и сказала: не убивайте, а то, если дядя его, Ростомъ, узнаетъ объ этомъ, наложить на всѣхъ контрибуцію. Пришли и (канаву) въ 12 саж. *) выкопали и его въ яму положили; огромнымъ рѣчнымъ камнемъ сверху заложили. Приставили Маниджу, чтобы она обѣдъ ему подавала. Снарядилось войско и Бежану пошло на помощь. Впередъ отправили Гива и Гургена, но они не помогли,—потомъ онъ самъ лично приготовился (пошелъ). Теперь пусть скажутъ, гдѣ именно находится Бежанъ. Выглянула тогда изъ башни золотая Маниджа, а поле войскомъ занято. Маниджа сказала Бежану: откуда-то войско пришло на поле и все заполнено. Бежанъ испугался(?)—Чему смѣешься, Бежанъ?—Ничего! Какъ будто я увидѣлъ твои волосы.—Подошелъ одинъ молодецъ и Маниджа опять спросила: Бежанъ, теперь чего радуешься? Теперь какъ будто лицо твое вижу. Маниджа подошла совсѣмъ къ основанію башни, и Ростомъ вынулъ письмо изъ кармана; передай это Бежану. Передали; прочелъ Бежанъ и обрадовался. Что лучшее теперь сдѣлать? Теперь совсѣмъ я увидѣлъ твое лицо. Второй день начался (разсвѣтать) и войско дружно работало, чтобы въ сторону отвѣтить огромный камень,

*) (хѣл, веревка около сажени, по длинѣ раскрытыхъ рукъ и груди).

но не могли. Ростомъ взялъ, поднялъ и перебросилъ его черезъ башню: въ рѣкѣ раздался гулъ отъ удара камня. Вывелъ Бежана изъ ямы. Возвратились назадъ и такъ вмѣстѣ всѣ пошли. Ростомъ и Бежанъ легли подальше въ полѣ а войско пустило впередъ. Когда разсвѣло, увидѣли изъ—подъ бурокъ, что за ними гонится такъ много войска, что все заполнено. Бежанъ вскочилъ, выхватилъ кинжалъ своего дяди и онъ—рубилъ шею воинамъ; потомъ начали идти и пришли къ своимъ границамъ. Бежанъ сказалъ Ростому: „дядя?“—Чего хочешь? — „Безъ рѣшенія третейскаго суда я не пойду къ Гургену. Брошу одно яблоко и скажу: если я тамъ отличился, и истреблялъ дикихъ кабановъ, если я былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, пусть это яблово долетитъ пулею, а если нѣтъ—то ябловомъ. Бросилъ Бежанъ яблоко, Ростомъ сказалъ: если всѣ ссоры черезъ него, Гургена, были, то пусть его провидѣнiе накажетъ. Яблово въ пулю—молнiю превратилось и убило Гургена. Пришли домой, устроили радостный пиръ. Много сыновей родилось и Ростомъ состарѣлся. Но что ему тяжело (чего не достаетъ)? Бежанъ сдѣлался хорошимъ охотникомъ (пристрастился къ охотѣ). Не было какъ-то (въ одинъ день) Бежана дома: пришелъ откуда-то дѣвъ и крикнулъ Ростому: „Ростомъ совсѣмъ сгнившій, иди со мной бороться!“ Что было дѣлать? Поборолся и повалилъ дѣвъ Ростомъ. „Дѣвъ, теперь не убивай меня“, сказалъ Ростомъ: „завтра, когда такое чистое небо будетъ утромъ, опять приходи, и поборимся: если повалишь, то отдамъ тебѣ свой кинжалъ и, какъ слуга (человѣкъ), пойду за тобой“. Такъ и условились относительно слѣдующаго (другого) дня. Въ полночную пору пришелъ Бежанъ. Ростомъ обо всемъ ему рассказалъ. На другой день Бежанъ приготовился съ дѣвомъ бороться. Пришелъ утромъ дѣвъ и когда позвалъ Ростомъ, вышелъ Бежанъ. Дѣвъ говорить: „Вчера старикомъ былъ, а сегодня что обновило тебѣ (отчего помолодѣлъ)?“ — „Наша фамилiя (родъ) такъ во всякое

новолуніе (махе дошдул) обновляется. Вышли на борьбу и Бежанъ внизъ головой поставилъ дэва. Дэвъ сказалъ: „не убивай!“ Но не послушалъ этотъ (Бежанъ) и убилъ его и сами стали хорошо жить.

- Опечатки:* 1) На стр. 93, 66 строкъ слѣдуетъ читать:
Мăспзелс дарбăз деш азгеча, —
- 2) На стр. 100 слѣдуетъ читать: (Записано въ Вольной Сванетин, въ Ушкулѣ, со словъ сторожика Тапсава Нижерадзе).
-

ОТДѢЛЪ II.

ВАРДАВАРЪ.

(селъ Чайкендъ, Елисаветпольской губерніи).

О происхожденіи праздника „Вардаваръ“ (вардаваръ=розы сіяніе) въ книгѣ „Хайсмавуръ“ (Վայցակառք) говорится: „Въ древнія времена армяне, будучи язычниками, устраивали 6-го августа празднество въ честь богини Афродиты, о которой говорили, что она дѣва, рожденная изъ морской пѣны и крови; ее (Афродиту) называли розоперстной (շարդաման) и золоторучной (սպի ձեռք) и приносили ей въ жертву розы. Самый праздникъ называли „Вардаваръ“. Въ настоящее время праздникъ 6-го августа называютъ Вардаваромъ по той причинѣ, что Христось до Своего Преображенія былъ подобенъ розѣ въ бутонѣ и во время Преображенія на горѣ Фаворѣ изъ Его тѣла разлилось и загорѣлось *розовое сіяніе*, которое имѣлъ и Адамъ въ раю и которымъ Онъ (Христось) показавъ славу и величіе Творца“.

Объ этомъ праздникѣ въ Армянскомъ Календарѣ на 1871 годъ (изд. въ Константинополѣ) читаемъ слѣдующее замѣчаніе, извлеченное изъ древняго сочиненія „Исторія Арменіи“: „Греческая богиня Афродита, которая по-армянски называлась Астгіеъ (Астгіеъ=звѣздочка), а по-латыни Венера, какъ видно изъ мифологіи, родилась изъ пѣнистыхъ морскихъ волнъ и, по красотѣ своей, называлась царицею цвѣтовъ. Ее изображали самою красивою изъ богинь, опоясанною дугообразнымъ кушакомъ и сидящею въ колесницѣ, сдѣланной изъ жесткой кожи морскихъ четвероногихъ и запряженной двумя голубями, что весьма художественно изображено Гомеромъ. Во время язычества древнихъ потомковъ Гайковъ, ежегодно, 6-го августа,

въ честь этой богини устраивали празднество и убирали храмъ разнообразными цвѣтами. Капище Астріѣ было построено въ гор. Ашдишадѣ, въ Арменіи, и называлось также комнатою Вагагна (арм. царя); оно было въ большомъ почетѣ у армянъ и потому блистало золотымъ убранствомъ. Въ день Варда-вара, 6-го августа, древніе набожные потомки Гайка, въ память выхода Ноя изъ ковчега, имѣли обыкновеніе выпускать голубей. Въ періодъ язычества въ этотъ день въ честь боги-ни Астріѣ устраивали торжество, которое въ позднѣйшее вре-мя св. Григорій, просвѣтитель Арменіи, замѣнилъ праздни-ствомъ Преображенія Господня*.

„Вардаваръ“ и понынѣ является у армянъ любимѣйшимъ празднествомъ, которое сопровождается, смотря по мѣстности, различными обрядами; такъ, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Нухин-скаго уѣзда въ субботу, наканунѣ Вардавара, дѣвушки и юно-ши отдѣльными партіями отправляются на поля, гдѣ соби-раютъ цвѣты, изъ которыхъ готовятъ небольшіе букеты. На слѣдующее утро, въ день Вардавара, они съ букетами въ рукахъ ходятъ по домамъ и поютъ пѣсни „гүлүма“*), при-чемъ даютъ по одному букету хозяйкѣ каждаго дома. За это они отъ хозяекъ получаютъ подарки въ видѣ яицъ, масла, фруктовъ и т. п. съѣстныхъ продуктовъ, а юноши получаютъ и вино. Въ тотъ же день дѣвушки и юноши отдѣльными пар-тіями располагаются въ какомъ нибудь саду и устраиваютъ себѣ гуляніе. Этимъ почти и оканчивается торжество праздника.

Совсѣмъ не то въ селеніи Чайкендѣ. Еще за нѣсколько дней до наступленія Вардавара, изъ гор. Елисаветполя и окрестныхъ селеній въ Чайкендѣ стекается масса народу съ семействами—кто верхомъ, кто на арбѣ, а кто и въ фэтонѣ. При этомъ каждый изъ пріѣжающихъ обязательно везетъ съ

*) „Гүлүм“ (по-татарски—роза моя) есть, по объясненію мѣстныхъ армянъ, татарское названіе именно того цвѣтка, въ честь котораго въ день Вардавара поютъ пѣсни, которыя также называются „гүлүм“.

собой внушительныхъ размѣровъ бурдюкъ съ виномъ и одного или нѣсколькихъ жирныхъ барановъ съ цѣлью жертвоприношенія. Все это въ день Вардавара выпивается и съѣдается подъ звуки зурны, сопровождаемые шумомъ и крикомъ веселящихся богомольцевъ.

Дѣвушки и юноши сел. Чайкендъ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ наступленія Вардавара. Въ субботу, наканунѣ Вардавара, они собираютъ цвѣты и готовятъ одинъ общій букетъ. Вечеромъ того же дня, часовъ въ 9—10, располагаются или на церковномъ дворѣ, или за селомъ, на полянѣ подъ деревьями; приготовленный букетъ дѣвушки поручаютъ кому нибудь изъ присутствующихъ стариковъ, а сами садятся въ кружокъ. Юноши слѣдуютъ ихъ примѣру и тоже, нѣсколько поотдавъ отъ дѣвушекъ, усаживаются въ кружокъ, послѣ чего между обѣими партіями, т. е. между дѣвушками и юношами, начинаются переговоры или, лучше сказать, диспутъ въ пѣсняхъ. Между дѣвушками не должно быть ни одной замужней женщины; между юношами же нерѣдко можно встрѣтить и женатыхъ. Очень часто дѣвушки, пользуясь темнотою ночи, въ своей средѣ прячутъ какою нибудь старуху, отличающуюся знаніемъ извѣстныхъ уже четверостишій, пригодныхъ для этого случая. Если юноши узнаютъ о такой прятаннѣй дѣвушекъ, то обязаны обнаружить ее и потребовать удаленія старухи не иначе, какъ въ пѣсняхъ, такъ какъ переговоры между обѣими партіями на обыкновенномъ разговорномъ языкѣ строго воспрещаются.

Большая часть пѣсенъ импровизируется поющими. Нерѣдко поются стихи и на татарскомъ языкѣ; въ этомъ случаѣ дѣвушки обыкновенно пасуютъ, такъ какъ вообще женская половина армянскаго населенія татарскимъ языкомъ владѣетъ хуже, чѣмъ мужская.

Стихи обыкновенно поются речитативомъ; припѣвы однообразны и крайне монотонны.

Этот диспутъ въ стихахъ между дѣвушками и юношами нерѣдко тянется до самаго разсвѣта и превращается только тогда, когда одна изъ сторонъ окажется побѣжденной, т. е. не въ состояніи уже продолжать диспута. Тогда побѣдители торжественно получаютъ букетъ, и всѣ расходятся по домамъ (въ этомъ году побѣда осталась за дѣвушками).

Въ случаѣ побѣды дѣвушекъ, на другой день юноши обязаны купить разныя сладости и послать дѣвушкамъ, которыя, получивъ такимъ образомъ дань отъ побѣжденныхъ, толпой отправляются въ какойнибудь садъ и тамъ въ теченіе цѣлаго дня поютъ, танцуютъ, играютъ на гармоникѣ, качаются на качеляхъ и вообще весело справляютъ свою побѣду надъ юношами; для послѣднихъ же этотъ день не представляетъ никакихъ радостей, и они обыкновенно стараются не показываться народу на глаза, чтобы избѣгнуть колкостей и шуточекъ. Если же побѣдителями окажутся юноши, то уже дѣвушки имъ посылаютъ не сладости, а закуску и вино; въ такомъ случаѣ юноши цѣлый день кутятъ съ зурной и проказничаютъ въ деревнѣ, а дѣвушки отъ стыда прячутся по домамъ.

Въ настоящемъ году я присутствовалъ на описанномъ празднествѣ и записалъ нижеприведенныя пѣсни подъ самое пѣніе дѣвушекъ и юношей.

Послѣ каждаго стиха пѣсни обязательно поется одинъ изъ слѣдующихъ припѣвовъ:

1) Цан, гүлүм, цан, цан!

Душа, роза моя, душа, душа!

2) Озүн шірванні, Султанни зызі (2 раза); јерін
чічагі, гѳгүн улдузі.

Сама ты ширванская, Султана дочь (2 раза); зем-
ли цвѣтошь, неба звѣзда.

3) Мер баумы, баумы, шамамнеры зауумы (2 раза).

Нашемъ въ саду, въ саду, хита (хито—особый
сортъ дынь) на стеблѣ (2 раза).

Пѣніе начинаютъ юноши на татарскомъ языкѣ:

1. Вырзіворы галацафды, цан, гүлүм, цан, цан!

Сүзрәни салацафды; цан, гүлүм,... и т. д.

Һарбәсін жары јохты,

Бәјәнүз, алацафды.

Вардаваръ придетъ,

Сватерть постелить;

У кого возлюбленной нѣтъ,

Полюбнвъ, возьметъ.

Дѣвушки отвѣчаютъ:

2. Чардахта озыманам,

Јаман сөз гөзүмәнәм;

Лган вырса, дағзас,

Сәннән әл гөзүмәнәм.

Въ сараѣ не сяду (не стану жить),

Дурного слова не приму;

Знѣя если укусить, сгнѣешь,

Отъ тебя руки не сниму (тебя не оставлю).

3. Ю. Аравнан гәлдәм јалғыз;

Голун бонымнан сал, ғыз!

Һамы цүз-цүз јазаллар:

Мән нецә јазым јалғыз!?

Со степи пришелъ я одинокій;

Рукой шею мою обвей, дѣвица!

Всѣ парами-парами спать:

Я какъ же буду спать одинъ!?

4. Д. Архалығын ігі ғаз:

Бірін сахла, бірін сағ.

Ағәр мәнім јарымсан,

Гецә гәл, гонымда јаз.

Архалукъ твой двойной:

Одинъ оставь, одинъ продай.

Если мой возлюбленный ты,

Ночью приди, въ объятіяхъ моихъ засни.

5. Ю. Булағын башы мәнәм,
Ічіндә даши мәнәм;
А сова гәлән зәр җылар!
Геҗә јолдашы мәнәм.
Родника начало я,
Внутри (находящійся) камень я;
Эй, за водой идущія свѣжія дѣвицы!
Ночью товарищемъ твоимъ я самъ.

6. Д. Озырыңсан даш ұста.
Галәм кашым каш ұста.
Сән һавах гөз ёйладын,
Мән демәдәм: „баш ұста!“
Сидишь ты камня наверху.
Перо (перомъ проведенная) бровь моя брови
на верху.
Ты когда глазъ сдѣлалъ (мигнулъ),
Я не сказала: „голови наверху (съ удоволь-
ствиемъ)!“

Далѣе поютъ уже на армянскомъ языкѣ.

7. Ю. Һунзым арел, неҗацел;
Кетным мытел, лыҗацел;
Оз оран хәстәјем,
Җич тесалым, сыҗацел.
Жатву я сдѣлалъ, усталъ;
Въ рѣчку вошелъ, выкупался;
Восьмидневный калѣва я,
Немножко увидѣлъ я, выздоровѣлъ.
8. Д. Арар-варар шытарар
Кананч җиса харар.
Јес зу нанін һыренацу,
Ту ім нанін җысацу.
Разливающеся (полное) сито

Зеленый кисеть мѣшокъ (твой кисеть превра-
тился бы въ мѣшокъ).

Я твоей матери будущая невѣстка,
Ты моей матери будущій зять.

9. Ю. Гяңцу ныстаѣ ханеры,

Мер модалін панеры.

Авчѣк, хрек ајин-ојин хоса:

Ѓу герна ім ханеры.

Елисаветпольскіе сядящіе ханы,

Нашего мотала (шкуру) сыръ.

Дѣвушка, поменьше пустяковъ говори:

Твой отецъ мой тестъ.

10. Д. Зерѣн савунзі ұысак.

Енуцан жекін, һысан.

Ен оріи матау кинім,

Выр жес у ту ұинау ұысак.

Въ рукѣ его смолы мѣшечекъ.

Сзади пришли, настигли.

Тому дню жертвой сдѣлаюсь,

Въ который я и ты пойдемъ на вѣнчаніе.

11. Ю. Ѓо вотнеры ма́са,

Кылхінит ма́рма́р хаса.

Адер, бу карѣин матау!

Хѣ асумыс ұыһаса?

Твоихъ на ногахъ месы (чуствы),

На твоей головѣ мраморная (шелковая) кисетъ.

Батюшка (свящ.), твоему сану жертва (я)!

Почему говоришь родство есть?

12. Д. Гу́двин еркан џеры.

Ѓис кині сырвы теры;

Сырвы теры һунц ані:

Аран тер һыры меры.

Плуга длинный бонецъ.

Плохо бываетъ влюбленному;
Влюбленному что дѣлать:
Виноваты отецъ и мать (несоглашающіеся на
ихъ бракъ).

13. Ю. Танзі царін зуш кині,
Сызні царін цош кині;
Јернак ѓн јарін кині,
Јары јарін зуш кині.
Грушевомъ на деревѣ птица бываетъ,
Боярышника на деревѣ колючка бываетъ;
Счастливъ тотъ влюбленный бываетъ,
Возлюбленный съ возлюбленной согласенъ бы-
ваетъ.

14. Д. Ту мін кангнаџ сарес,
Мін ымбараш јарес;
Дардыс цаніз вер каџем,
Каралчыс дѣрмѣн џарес.
Ты (есть) одна стоящая гора,
Одинъ неуживчивый возлюбленный ты;
Горе свое на душу твою свалю,
Не сможешь лѣкарства достать ты.

15. Ю. Ёџуц орџата—паса.
Їоџинџ ырџаџи заса.
Тертер, бу карџин матаџ!
Хе асумыс џынаса?
Завтра пятница—постъ.
На груди твоей (находящееся есть) серебряный
стаканъ.
Батюшка (свящ.), твоему сану жертва (я)!
Почему говоришь родство есть?

16. Д. Норі царін нор мынац;
Асту'азаниц зор мынац.
Ысор ми сірун тыџа теса,

Вьевыс јетан ђоѢ мынаѢ.

Вербовомъ на деревѣ гранать остался;

Огъ Бога дождь остался.

Сегодня одного красиваго юношу увидѣла я,

Шея моя за нимъ навлеенившешюся осталась.

17. Ю. ЈеріиенѢ јуріи гѣмин,

ЛечаѢѢ тані јагин.

Есор ми ахцїѢ теса,

АѢѢ мынаѢ ми Ѣагин.

Полеземъ Курь въ лодку,

Покрывало твое (головное) пусть унесеть вѣтеръ.

Сегодня одну дѣвушку увидѣлъ я,

Глазъ мой остался одной косъ ея.

18. Д. Мі ноѢи онім ѢысѢаранѢ,

Чорс коѢмна ѢыспаранѢ;

ѢыспаранѢѢ тѢѢ ѢысѢѢ,

СераѢ јаѢис инз ѢысѢѢ.

Одинъ гранать имѢю таганъ (треножникъ),

Четыре стороны его посланиѢ;

ПосланиѢ мое по назначенію дошло бы,

Любимый возлюбленный мой мѢѢ достался бы.

19. Ю. Мі ноѢи онім нахшаѢѢ,

НахшаѢ чи, ѢѢѢшаѢѢ;

Ахпер овид, ту'а веч:

СераѢ јаѢис бахшаѢѢ.

Одинъ гранать имѢю разукрашенный,

Не разукрашенный, вызолоченный;

Братъ попросилъ, я не отдалъ:

Любимую возлюбленною моею подаренный.

20. Д. Тоным шинел, таѢ нама.

ЈѢѢѢис ѢѢѢѢѢѢ ѢѢѢѢѢѢ.

НанѢ! хрек хыхрот то:

ѢѢѢѢѢ ѢѢѢѢѢ таѢѢ хамѢ.

Домъ я построила, пока сырой.
Въ рукѣ моей серебряная чаша.
Матушка! поменьше притѣсной:
Новый зять пока дикій.

21. Ю. Ныстаѣ вторыс варѣа.

Ерѣцы сажмус выкарѣа.

Мін дѣзѣ жарым цырнел,

Почеры нырнѣану варѣа.

На которой сажу крыша ровная.

Священникъ псалтирь прочтетъ.

Одну новую возлюбленную я поймалъ,

Локоны (которой) базилика (Осугум basilicum)
розы (цвѣты).

22. Д. Бұлбұл бағумын іні,

Вотнеры шағумын іні.

Мін воскі шамдаи піті:

Ім жарі уғағумын піті.

Соловей въ саду пусть будетъ,

Ножи въ росѣ пусть будутъ.

Одинъ золотой подсвѣчникъ была бы (я):

Моего возлюбленнаго въ комнатѣ была бы (я).

23. Ю. Бағавы кағнец жарін;

Кытудна кармір арін.

Дағыстан јесір піті:

Ім сіраѣ жарін арін.

Куропатка стала на камнѣ;

Клювъ ея красная кровь.

Въ Дагестанѣ плѣнникомъ былъ бы я:

Мою любимую возлюбленную взяли.

24. Д. Бұлбұл бағавы арі,

Вотнеры шағавы арі.

Ес коғмы ұлымызала:

Шоғ то, ен жолавы арі.

Соловья въ садъ сдѣлала (погнала),
Ножки его росой сдѣлала (намочила).
Эта сторона шумная:
Повернись, той стороной приди.

25. Ю. Зеѣым аѣел лѣсацу,
Канач харар зѣсацу.
Јес зу нанѣн цѣсацу,
Ту ѣм нанѣн һырсацу.

Масло (деревянное) купилъ для свѣта,
Зеленый шелкъ (матерія) для кисета.
Я твоей матушкѣ будущій вять,
Ты моей матушкѣ будущая невѣстка.

26. Д. Ѓаѣкан шѣран, теѣецѣн;
Иѣз цѣрдумы кеѣецѣн.
А тыѣа! ѣн орѣн матаѣ,
Мѣн теѣ зѣнанѣ јеѣецѣн.
Иѣз города (Тифлиса) привезли, отравили;
Меня ва занавѣской сирѣтали.
Эѣи юноша! для того дня я жертва,
(Въ который) вмѣстѣ поѣдемъ въ церковь (вѣн-
чаться).

27. Ю. Катѣјѣн кѣвѣ цѣѣѣ.
Ѓолум дерсалым цаѣѣ.
ѣн орѣн матаѣ кѣвѣм,
Вар кѣлхынерѣс тѣнен цаѣѣ.
У кошки бываетъ котенокъ.
Въ лѣсу сложилъ я колючки.
Тому дню жертвой буду,
Въ который на наши головы надѣнутъ вѣнецъ.

28. Д. А тыѣа, ту пѣлес, нашѣ?
Цѣрѣѣзѣнт капѣ, машѣ.
ѣм нанѣн рѣз талѣс чѣ:
Каци һу хехѣ-хехѣ јѣшѣ.

Эй юноша, ты безумный, (или) глупый?

Черкеску свою надѣнь, износи.

Моя мать тебѣ не дастъ (меня за тебя не вы-
дастъ):

Оставайся и жалко-жалко смотри.

29. Ю. Ахчі, анумыз Зарі;

Зер зїїн кытас кѣрі.

Ытненц пѣнеры асіл мї;

Пѣнцыс мыхрѣ сѣрсѣрі.

Дѣвушка, имя твое Зара;

Вашей лошади отдашь ячмень.

Такихъ вещей не говори;

Какъ-будто ты немного глупая.

30. Д. Сазіс козін кір кірім;

Воты кац, кінї пірім;

Корныс чытавыт танім,

Цыгваѣ хелзыт тон пірім.

Балалайки моей на рукояткѣ письмо напишу;

Подожди, вино принесу;

Руку мою за шею твою понесу (обниму),

Помѣшанный умъ твой домой принесу (отрез-
влю тебя).

31. Ю. Сазіс козы сазана;

Мехраѣ колыт мазана.

Мї зѣзѣ жарым цырнел,

Божи охты кѣзана.

Балалайки моей рукоятка настроена;

Запечатанное горло твое пушистое.

Одну новую возлюбленную я поймалъ (досталъ),

Ростъ ея семиаршинный.

32. Д. Ыїна аса зу нанїз,

Ту ѣл каці зу пѣнїз.

Ту пѣравъ, мецкыт пѣравъ:

Јес бурбаним бо цаніџ.
Иди скажи своей матери,
Ты же оставайся у своего дѣла.
Ты тоненькій, талія твоя тоненькая:
Я жертва (я готова быть жертвой) для твоей
жизни.

33. Ю. Јолдашис занес аџел;
Бојис ныманес аџел;
Бојис ныман кџізілчес:
Біләрџу ныманес аџел.
Товарищу моему кислаго молока ты налила;
Росту моему подобному ты налила;
Росту моему подобнаго не найдешь:
Разсџьянному подобно ты налила.

34. Д. Сарі хоты тырману теџ;
Ахпер, јек џинанџ митер!
Вар џу цаніџ џада џја,
Ім цаны там џунін теџ.
Горная трава самана вмџсто;
Братъ, иди појдемъ вмџств!
Если твоей жизни несчастье придетъ,
Мою жизнь отдамъ твоей вмџсто.

35. Ю. Тешты ліџы біјана;
Дџста капем, мџјана.
Алам ашхарџ ми џуџі,
Ен џутін џе џурбана.
Поле полно латувовџ;
Въ пучки свяжу, чтобы соединилсџ.
Весь свџтъ одна шватулка (если весь свџтъ
можно было бы помџстити въ одну шватулку),
Та шватулка тебџ жертва (въ подарокџ).

36. Д. Міліџанц онін баџы;
џез асем хоскџн саџы:

Јес мін вуџур ахчѣем,
Јес касем џахцры даџы.
У Меликовхъ есть садъ;
Тебѣ скажу я слова правду:
Я одна маленькая дѣвушка,
Я скажу сладкую пѣсню.

37. Ю. Ёркен ора, кысовес:
Вар һац чіні, һырһовес.
Ту мін џахцры ахчѣес,
Підумчем џа ту овес.
Долгій день, проголодаешься;
Если хлѣба не будетъ, повеселишься.
Ты одна сладкая дѣвушка,
Не знаю что ты это такая.

38. Д. Алур маџі, џецъ аненџ;
Мер чуванін ваџ аненџ.
Кінін ту пер, һацы јес:
Аџа, хымѣ, џецъ аненџ.
Муку просѣй, отруби сдѣлаемъ;
Нашей веревкѣ крючекъ сдѣлаемъ.
Вино ты принеси, хлѣбъ я:
Налей, выпей, гуляніе сдѣлаемъ.

39. Ю. Ахчі, анумыџ Ёџі,
Шџџја тѣны ва Бџі:
Јес џызаніц кыһыранам,
Ім сѣртисел кыџаџі.
Дѣвушка, имя твое Такуи,
Шекистана дальше есть Баку:
Я отъ тебя удаюсь (если),
(И) мое сердце лопнетъ.

40. Д. Ёырџџем ѣна џамбумы.
Ёџџ јоџонак ванбумы.
Сіреліс вортеџ тесаџ?

Теснумми, ёна халхумы.

Уздечка вонъ на сѣдлѣ.

Сѣлъ голубъ въ монастырѣ.

Возлюбленнаго моего гдѣ видѣли?

Вижу, вонъ въ народѣ.

41. Ю. Ырен, жамі ён һовін;

Цубыс лігы тывковін;

Міны узепір, ту'а веч:

Палал ыра утовін!

Вонъ, посмотри на ту землю;

Карманъ мой полонъ орѣшками;

Одинъ попросила ты, не отдай я:

Благослови кушающую (не сердись на ту дѣ-

вушку, которой подарю эти орѣшки)!

42. Д. Аі, а-зар, а-зар, тыѣа!

Сураһи, тагор тыѣа!

Јес гідам за мін ват тис,

Ту мін кытор шеѣар тыѣа!

Эй, камень, камень, юноша!

Стройный, деверя сынъ!

Я думала, что одна вещь не есть ты (ты не
интересный),

(Но) ты одинъ кусокъ сахару юноша!

43. Ю. Зер мыһліцы кыјашес,

Мов һалавыт кымашес,

Аман мін інз тысналов,

Хорымы ѳаранч кыѳашес.

Изъ вашего двора будешь смотрѣть,

Шелковую рубашку свою износишь,

Каждый разъ меня увидѣвши,

Въ глубинѣ (сердца) вздохъ затынешь (вздох-
нешь).

44. Д. Вохѳары пірін, хозі

Бүшым бүхтарі позі;
Жес ахчігым—ман кижам;
Тѣажыс—сартыс возі.

Овцу привели, постриги!
Птичка я на диқой возы рогѣ;
Я дѣвушка—буду ходить (буду гулять);
Ты юноша—сердце мое пожелаетъ (влюблюсь
въ тебя).

45. Ю. Тѣоҗ тырнат танен тавар;
Зез мін арт онеҗ савар;
Жес у ту ёл сер аненҗ;
Дүшманы мына хавар.

Пусть со двора твоего уведутъ скотину;
У васъ одна нива имѣется поздняя;
Я и ты давай любовь сдѣлаемъ:
Врагъ пусть остается слѣпымъ (пусть завидуетъ).

46. Д. Жес вам бусабі һахем,
Им мораніц ывахем.
Мер дүшманы кыморҗенҗ,
Мҗысы мыскалав цахенҗ.

Я есмь рѣзника товарь,
Моей отъ матери буду бояться.
Нашего врага зарѣжемъ,
Мясо по золотникамъ продадимъ.

47. Ю. Гүдәнин кині жезы,
Пеҗыванін кині поэмы.
Серап сырацан һаноз!
Хыҗы, мехкы цер везы.

У плуга бываетъ быкъ,
У скотины бываетъ рогѣ.
Влюбленного отъ влюбленного разлучающій!
Совѣсть, грѣхъ на вашу шею.

48. Д. Тырнерытыс ырал цоҗоц,

Тутнерытыс ырал ыроц.

Серац сырадан ханоц!

Воч теснас ліг ыроц.

Дворь свой обратилъ въ улицу,

Концы рукавовъ (отвидныхъ) своихъ застегнулъ
булавкой.

Влюбленную отъ влюбленнаго разлучающій!

Чтобъ никогда не видала ты полную ложку
(чтобъ ты никогда не имѣла дѣтей),...

49. Ю. Царін кині сынцоры;

Цюш ілау ачі цонгны.

Жес ту мін бадум пітінц:

Жес цырвары, ту хонгы.

У дерева бываець наплывъ;

Колочка уколола правое колѣно.

Я (и) ты въ одномъ саду были бы:

Я (былъ бы) кадилло, ты—ладанъ.

50. Д. Мер цыраці ытеры

Цылвылумын цытеры.

Ён ырваці ырымхвен

Мер дүшмані цыцеры.

Нашей мельницы крыша (на крыгъ)

Чириваютъ воробы.

Тѣ желѣзные ырючки (чтобъ воззались)

Нашего врага въ соски.

51. Ю. Ахчі, ту ётыс асум:

Піці архін кетыс асум;

Гүлүмыс гүдум—лжавы асі,

Гүдумчыс—ётыс асум.

Дѣвушка, ты это говоришь:

Маленькую канаву рѣмой говоришь (называешь);

„Роза моя“ (пѣсню) знаешь—хорошую говори,

Не знаешь—это говоришь.

52. Д. Ту інзятѣл асумыс;
Ђоран вјалы касумыс.
Ђочаџ іні жу устѣн:
Булбулі пес асумыс.
Ты самъ тоже говоришь;
Дождя (до) прихода молотишь.
Молодець пусть будетъ твой мастеръ:
Соловьѡ подобно говоришь (поешь).
53. Ю. Ђез інзѣл сірел тоџ,
Мін вірумел вірел тоџ;
Ђываніц һара чыка:
Ѓингер онес — сірел тоџ.
Тебя и меня любить заставъ,
Въ одну книгу тоже вписать заставъ;
Отъ тебя помощи (толку) нѣтъ:
Подругу имѣешь — привести заставъ.
54. Д. Ім ветнерис кымасем,
Ім вілохыс выхасем.
Устан јес һінчым анум:
Ѓам кыкапем, һам касем.
Мои ноги обую въ чусты,
Мою голову покрою покрываломъ.
Мастера я что дѣлаю (на что онъ мнѣ):
И свяжу (сложу пѣсню) я, и сважу (спою) я.
55. Ю. Ныстелыс залі бурцін,
Ђорцумес хали хурцін:
Ђочаџ ту, піці ахчів!
Сарав каліса гурцін.
Сидишь крѣпости на вершинѣ,
Твѣшь повровый хурджинъ (переметную сумку):
Молодчина ты, маленькая дѣвушка!
По горѣ идетъ грузинъ.
56. Д. Јес інџыс џез пірел кытам,

Јес инъыс ґез сирел кытам;
Вор ор вар ґез теснам воч,
Унґерыс үрүр кытам.

Я сама тебя привести заставлю,
Я сама тебя любить заставлю;
Въ какой день если тебя не увижу,
Брови свои другъ другу сдѣлаю (нахмурю).

57. Ю. Бѣннаһы ґар кыташ;и;
Пурунца ту инз јаш;и:
Вор ор вар ґез теснам воч,
Палал кесыс кымаш;и.

Каменьщикъ камень будетъ тесать;
Издали ты мнѣ (на меня) смотри:
Въ какой день если тебя не увижу,
Ровно половина моя сотрется (похудѣю).

58. Д. Бѣннаһы ґар таш;и ч;и,
Пурунца инз јаш;и ч;и;
Јес мин инд;и пѣн канем,
Ғу кесытел маш;и ч;и.

Каменьщикъ камень тесать не будетъ,
Издали мнѣ (на меня) не посмотритъ;
Я одно такое дѣло сдѣлаю,
(Что) твоя и половина не сотрется (не похудѣешь).

59. Ю. Пырен јекав Нанумы,
Паиґар кивин ґанумы.
Ошыс, меткыс тарела
Пер ѣн мач;и ханумы.

Вонъ пришла Нанума (собст. имя),
Свѣтлое вино въ (ея) тѣлѣ.
Внимание мое, память мою унесла
Вашей вонъ средины (между вами находящаяся) барыня.

60. Д. Кетернувер ґырґынґан;

Зіжаны кјан—хырхынца.

Ѕез інзаниц ханоѳі

Сыртѳен ѳезы мырмынца.

Рѳѳъ по теченію пусть пѳвнятся (воды);

Лошади придуть—пустъ заржутъ.

Тебя отъ меня вынудшаго (разлучившаго)

Сердца кончикъ пусть заноетъ.

61. Ю. Аѳу тавзы хыснел чі,

Чывараѳ арты ѳыснел чі;

Сыртес мін даѳыс кохел,

Мыхыта, хыццнел чі.

Горькая груша не поспѳветъ,

Незасѳянная нива не выростетъ;

Въ сердце мое одинъ огонь ты всунула (такъ
обожгла),

(Что) заноетъ (сердце), (но) не пройдетъ.

62. Д. Им гѳлбеніс кыѳарем,

Чыхаракыс кыѳарем.

Сыртеѳ мін дѳрдым кохал:

Дѳрмѳны јес кыѳарем.

Мои носки изношу,

Веретено мое буду кружить.

Въ сердце твое одно горе я вложила:

Лѳкарство я найду.

63. Ю. Саран пѳрем кераны,

Чолян пѳрем ѳіраны.

Ѕочаѳ ту, пуѳур ахчѳк,

Ануш кена пераныѳ!

Съ горы привезу столбъ,

Со степи привезу абрикось.

Молодчина ты, маленькая дѳвушка,

Сладкимъ останется пусть ротъ твой!

64. Д. Ныстаѳ теѳыѳ ту ханес,

Ірігнакі ныманес,

Шат җахцыры тыҗајес:

Хынҗыруем канух танес!

Сидя на мѣстѣ своемъ ты настоящій ханъ,

Солнцу подобенъ ты,

Много сладкій юноша ты:

Прошу скорѣе уведи (скорѣе женись на мнѣ)!

65. Ю. Цѣзем арел лўсацу,

Кавач хар җисацу;

Јес җт пѣнїѣ јетнаным,

Тужес җахцыры һырснацу!

Масло я купилъ для свѣта,

Зеленый шельъ (матерію) для кисета;

Я этого дѣла сзади (я самъ хлопочу объ этомъ),

Ты сама сладкая невѣста!

66. Д. Ціраныс пірал арані,

Лобі җѣім бырані.

Ёс халхысел амоҗен:

Ғаїда-Ғаїда пырані.

Абрикосы ты привезъ степные,

Фасоль (зеленую) сварю я жаренную (на маслѣ).

Этотъ народъ стыдно (стыдно отъ народа):

Порядкомъ-порядкомъ поворачивай (толкомъ говори стихи).

67. Ю. Јес Ғезанїцы җахем;

ПахҗоҒицы кывахем;

Тавен кылхен хосі мї:

Ғез гүлүмав кыҗахем.

Я отъ тебя въ бѣгахъ;

Отъ побѣдителя буду бояться;

Снизу, сверху (несообразности) не говори:

Тебя за пѣсни продамъ (песенъ я знаю больше тебя).

68. Д. Им анымса Мина,
Матнеріс канем хіна.
Ту інз пена һынецір:
Жеркац ытеҕа, ұіна!
Мое имя есть Мина,
Пальцы мои сдѣлаю хна (выграшу).
Ты меня отъ дѣла оторвалъ:
Встань съ этого мѣста, уйди!
69. Ю. Аі, залін-алін ахчів!
Цамеры ґалін, ахчів!
Жес ґез вердеґ сыреці?
Ім һанор калін, ахчів!
Эй, хорошенькая дѣвушка!
Косы густыя (съ толстыми косами), дѣвушка!
Я тебя гдѣ полюбилъ?
Моего теста на гумнѣ, дѣвушка!
70. Д. Ыіңәзі ґумбы сара,
Тагы зінціләң ґара.
Жес ґе ґауун сіреці—
Ет һов ырав ышкара?
Кепаза (название горы) вершина гора,
Внизу цѣпные камни.
Я тебя тайномъ полюбила—
Это кто сдѣлалъ извѣстнымъ?
71. Ю. Кылхануґ јері сарнем:
Онґерыс үрүр һарнем;
Корныс вызавыт пірем,
Цоціґ муханґан арнем.
Головы твоей верхняя гора есмь я:
Брови свои между собой смѣшаю (нахмурю);
Руку свою за шею твою принесу (обниму),
Груди твоей изъ гвоздики возьму.
72. Д. Жес ім јарін јар піті,

Былхен пецур сар піті;
Аммен сѣіры тус вѣлав,
Цабумы хіјар піті.

Я моего возлюбленного возлюбленной была бы,
Головы его выше горой была бы я;
Каждый разъ на гуляніе выходя (когда онъ
выходитъ гулять),
Въ его карманѣ огурцомъ была бы я.

73. Ю. Ахчі, анумыт Марі,
Інзеті вѣса карі!
Јес ім хоґсыс ґашелым:
Ғыветі мін јар ґарі.

Дѣвушка, имя твое Марія,
Для меня кisetку сошей!
Я мою заботу тянулъ (позаботился о себѣ—
нашегъ новую возлюбленную):
Для себя одного (другого) возлюбленного достань.

74. Д. Гуґданін ґевін ґонес,
Анмеґыс—хабар чонес:
Ғу хазац ґарыґ таран!
Бѣјам ту намус чонес?

Плуга на крылѣ спишь ты,
Безгрѣшенъ ты (въ невѣденіи ты)—вѣсти не
имѣешь:
Тобой отмѣченное дерево увесли (твою ве-
вѣсту увезли)!

Развѣ ты чести не имѣешь?

75. Ю. Ғез мін ґоса һѣр онес,
Ғез мін ґозал мер онес;
Архајін ґулум аса:
Аммен мазіґ тер онес.

Тебя (ты) одного безволосаго отца имѣешь,
Тебя (ты) одну красавицу мать имѣешь;

Спокойно гўдўм говори (пѣсню пой):

Для каждаго волоска своего зашитника имѣешь.

76. Д. Сірелым сері выран,
Нанухі зеві выран;
Сіреліс, пѣц чмс зѳоіл?
Астуцу меля јеран.

Полюбила я любви наверху (вслѣдствіе его любви),
Мяты крыла (листочка) наверху (вслѣдствіе);
Возлюбленный мой, не отпустишь (меня)?
Бога благословеніе надъ нимъ (согласна остаться у тебя).

77. Ю. Сірелым сарін тавін;
Саѳмусна кырѣатакін;
Вар сірелым—кытанем:
Цѣрајем кыѣатакін!

Полюбилъ я подъ горою;
Псалтирь въ подмышкѣ ея;
Если полюбилъ я—возьму (женюсь):
Слуга я святынѣ!

78. Д. Шіһѣран кѣја занды,
Тештіцы кѣја танды.
Ѣзуд зѣнану муну Панды:
Кадарі сырѣс анды.

Изъ города придетъ (привозятъ) сахаръ,
Изъ стени придетъ лихорадка.
Завтра пойдемъ мы на Пандъ (богомольное мѣсто):
Исполнился бы сердца моего объѣтъ.

79. Ю. Ахчі, анумыз Зані,
Ман кѣлыз хелыс тані!
Повы мызаниц цѣс хосі,
Позін сытана тані.

Дѣвушка, имя твое Зани,
Походва твоя умъ мой унесетъ пусть!

Кто отъ (о) насъ плохо будетъ говорить,
Душу того сатана пусть унесеть.

80. Д. Ту інзыт аноѳ тыѳа!
Зыравар, бланух тыѳа!
Јес гідам за мін зат чыс—
Пот унелі нанух, тыѳа!
Ты самъ дѣлающій (работящій) юноша!
Храбрый, мутный (степенный) юноша!
Я думала, что ты одна вещь не еси (ты не
интересный)—

(Оказывается ты) для нюханья мята, юноша!

81. Ю. Гѣвцу нызѣн цоші аненѳ,
Јо вотнеріѳ цоші аненѳ;
Оѳ ора ѳѣ тесал чынѳ;
Је мін јахші-хош аненѳ.
Елисаветполи дорогу пылью сдѣлаемъ,
На твои ноги коши (обувъ) сдѣлаемъ (надѣнемъ);
Восемь дней тебя не видѣли мы:
Иди, одну (немного) любезность сдѣлаемъ.

82. Д. Ныстелынѳ баха-баха.
Ѵар чоха, кармѳр јаха:
Ахчік, тыѳа ныстелынѳ,
Калелынѳ ѳрѳр јаха.
Сѣли смотря-смотря (смотря другъ на друга)
Темныя чухи (черески), красныя воротники:
Дѣвушки, юноши сѣли мы,
Схватили другъ друга за воротникъ (споримъ).

83. Ю. Нышанаѳ тѳр ту, цѳахи:
Ахчі, інзава вахі!
Цудумыѳ јерку шамам ка:
Міны інз јера цѳахі!
Невѣстой сдѣлайся ты, убѣги:
Дѣвушка, меня бойся!

На груди твоей два хита есть:

Одно мнѣ наверху продай (одно продай мнѣ)!

84. Д. Атыҕа, ветнерыҕ маҕи,

ҕурав калыҕ каси;

Этҕаны мез сазил чи:

Паһи, зер таны аси!

Юноша, ноги свои обуй,

Въ дождь гумно свое молоти;

Столько намъ не подобаетъ (предложеніе юноши о продажѣ хита):

Оставь, въ вашемъ домѣ скажи!

85. Ю. Танзи царин буш чи вја,

Цорт ыхперин зи чи кја;

Јес бузвечет гаџь кре:

Җо сыртеҕ эт ни чи вја.

На грушевое дерево птица не приходитъ пусть,

Къ холодному роднику лошадь не приходитъ
 пусть;

Я съ тобой шутку сдѣлалъ (пошутить):

Твоего сердца это не задѣнетъ пусть (не обижайся).

86. Д. Баҕумыс ва баҕманчи;

Цар ва—царі ныман чи;

Җубун таран, тун јекин—

Мины им јари ныман чи.

Въ саду моемъ есть садовникъ;

Дерево есть—на (другое) дерево не похоже;

Въ толпу превратились, домой пришли (юноши)—

Ни одинъ на моего возлюбленного не похожъ.

87. Ю. Җиһары сутанаја,

Им дүшманьс танаја;

Дүшман, җу ворҗин меҗви!

Јарьс җашанҗанаја.

Видъ его сатана,
Мой врагъ домашній;
Врагъ, твое дитя умреть пусть!
Возлюбленная моя граціозная.

88. Д. Кеціныс кармўр мава,
Кызеліныс кармўр кавя;
Зер мачін мін уста ка:
Гідал піті ёт нова!
Надѣтое мною (есть) красный шелкъ,
Доенная мною (есть) красная корова;
Въ вашей средѣ (между вами) одинъ мастеръ
есть (подсказывающій):
Знала бы я (желала бы знать) это кто!

89. Ю. Ёу кеціныз бумаша,
Ту кызумес—кјумаша;
Ѕахцыры гўлўм аса:
Бягернын кўм зымаша.
Тобой надѣтое красиво,
(Кого) ты доишь—буйволица;
Сладкій гўлўм (пѣсню) говори (пой):
Беки идутъ на зрѣлище.

90. Д. Таныз такін хонз канес,
Чыныз котрі, цонц канес.
Повын асі: „јарыз кўма!“—
Кылхавы хонц-хонц канес.
Дома своего внизу жатву сдѣлаешь,
Серпъ твой сломается если, выборку сдѣлаешь
(по одиночѣвъ колосья соберешь).
Кто скажетъ: „Возлюбленная твоя идетъ!“—
Кругомъ его головы прыгать будешь (будешь
его благодарить).

91. Ю. Жекез, фїнанз калеры;
Кылхез кытан бареры.

Ошы меткыс тарела

Ѓо ёт зошиџ халеры.

Идите, поидемте на гумна;

Въ голову твою дадутъ камни (побьютъ камнями).

Вниманіе мое, память мою унесли

Твоей этой щеки родимыя пятна.

92. Д. Дўлґары џетар ташаџ,

Акушкавы ынгаџ, јашаџ.

Ачыџ, онґіт јашеџі—

Ѓенџар ыламав ґашаџ!

Плотникџ палку строгалџ,

Съ оена свѣсившись, смотря.

На глазъ твой, на бровь твою посмотрѣлъ я—

Какџ будто перомџ проведена!

93. Ю. Вырџивор іран орна;

Ворџін хоры чи—морна;

Ѓјав ґўлўм асоџ ахчїк!

Ѓўдум чым ґа һўр ґорна;

Вардавара самого день;

Дитя (сынџ) не отџа—матери;

Хорошїй ґўлўм (пѣсню) поющая дѣвушка!

Не знаю только, чья внучка.

94. Д. ³Ту інґытел утумес:

Ту мїровї судумнес;

Нынах теґа хаџїл мї:

Ту теґы лјав ґўдумес.

Ты и самџ кушаешь (берешь вѣтки):

Ты въ мировомџ судѣ (служишь);

Напрасно не обманывай:

Ты мѣсто хорошо знаешь.

95. Ю. Ахчї, туел вѣровыс,

Ту мїн џїранї џарыс;

Шат ґахџыры хосумыс:

Гідал піті ту новысі!

Д'вушка, и ты хохластая,
Ты одно абрикосовое дерево;
Очень сладко говоришь:
Зиять бы мнѣ, ты кто такая!

96. Д. Русін коры канес:

Коць у к'яран кытанес.
Ту мін ядї зырајес,
Інз ныхет с'вб'аъ канес?
Русскому руку сд'лаешь (л'бсничаго обманешь):
Балки и столбы увезешь (інз л'бсу, безь билета).
Ты одного чужого сынь,
Со мной бес'ду д'лаешь (бес'дуешь)?

97. Ю. Цылавыс е'цел—ке'ца.

Вочхарін сејіз е'ца.
Мін з'ава жарым цыр'нел,
Канц ім татицы ме'ца.
Пловъ ты сварила—горячій.
Барана (баранты) передовой козель.
Одну новую возлюбленную я поймалъ (нашелъ),
Даже моей бабушки старше.

98. Д. Јес бу жарнем—пен канем,

Јабухыс шу'фан канем.
Јез песы інз herі'з чі:
Мін һынгер кыцан канем.
Я твоя возлюбленная—буду работать,
Платокъ мой (моимъ платкомъ) т'бнь сд'лаю.
Тебѣ подобный мнѣ недостаточенъ:
Одного товарища присоединю.

99. Ю. Норны ны'раны јера,

Цеты чы'ваны јера;
Інз песы ашы'з та'рав
Јез пес ахчыканы јера.

Гранать граната наверху,
Воробей вѣточки наверху.
Мяѣ подобный (я) пѣвцомъ (влюбленнымъ) сдѣ-
лался

Тебѣ подобной дѣвушки наверху (черезъ тебя).

100. Д. А тыѣ, анумыѣ Панес,
Барі хоскерѣ сыманес.
Пецы мытані пірес,
Нямардыс, вер хынајес.
Юноша, имя твое Иванъ,
По крайней мѣрѣ слова расиредѣли.
Когда кольцо принесешь,
Безсовѣстный ты, если пожалѣешь.

101. Ю. Гулбѣ канес ырангі,
Хоскерѣ онем цырангі.
Аѣссосем вѣм без, ахчѣк:
Тужес тыѣнаѣ ырангі.
Носки сдѣлаешь (будешь вязать) крашенные,
Слова имѣю французскія (хитрыя, глубоко-
мысленныя).

Жалѣю тебя, дѣвушка:
Ты сама блѣднаго цвѣта.

102. Д. Хоскерѣ онес цырангі,
Тужес каѣнел сарсангі;
Пецы кѣкјас мер тоны,
Котес меррав чыстырангі.
Слова имѣешь французскія,
Ты самъ стоишь разсѣянный;
Когда придеши въ нашъ домъ,
Слушаешь съ медомъ ячницу.

103. Ю. Параѣ, кѣтаѣ ту хотес,
Теѣыѣ у теѣыѣ ту цотес.
Ту ѣахцеры гѣлѣм аса:

Хурмі јаџлехы ту котес.

Свошенное, сложенное ты сѣно,

На мѣстѣ своемъ и на мѣстѣ своемъ (совсѣмъ)
ты прозвище (глупая).

Ты сладкій гүлүм (пѣсни) говори (спой):

Финива платовъ (полный платовъ финиковъ) ты
скушаешь.

104. Д. Кѣнанъ мер баѣ тѣорны,

Мѣзѣ кѣ нахшаѣ норны;

Нахшаѣ норны һинч азем:

Узумем жарі ворны.

Пойдемъ нашего сада въ двери (въ нашъ садъ),
На десертъ пусть появится разуукрашенный
гранатъ;

Разуукрашенный гранатъ что буду дѣлать (на
что мнѣ):

Хочу возлюбленнаго руку.

105. Ю. Арар-варар шытарар,

Саран чѣры кѣ варар.

Тѣоры кѣнас, канух жек:

Ахчі, ім оѣмс тарар.

Разливающееся сито (полное пшеницы),

Съ горы вода пусть приходитъ полная.

Куда пойдешь, скорѣй приходи:

Дѣвушка, мое кольцо унесла ты.

106. Д. Саран вер жекі харзы,

Кыѣцѣ дѣстѣ варзы;

Жес кыѣцѣ, ту тарар:

Машаллаһ мачі марзы.

Съ горы спустилась на равнину,

Нарвала пучокъ розы;

Я нарвала, ты унесъ:

Молодцомъ внутренній (подсказывающій вамъ)

107. Ю. Кетіс ён ґолю цела,
Целыс ґірав лыцела;
Хабар ырез ім жаріа:
„Јарыґ дәрдав лыцела!“
Рѣки та сторона—пашня,
Пашня моя водой наполнилась;
Вѣсть сдѣлайте (извѣстите) моему возлюбленному:
„Возлюбленная твоя горемъ наполнилась!“
108. Д. Кетіс ён ґолю баґа;
Хызор ґіцем, ал хаґа;
Мін ґазя́ жарем ґырнел,
Анумы Сулґан-аґа.
Рѣки тотъ береґъ—садъ;
Јблоко брошу, красно (чтобъ) играло (заблестѣло);
Одного новаго возлюбленнаго поймала (нашла) я,
Имя его Султанъ-аґа.
109. Ю. Јес ёным кӯмерумы,
Выхѣарін кӯмерумы;
Мін ґонц мінешак піті
ґез песі ґымерумы.
Ј нахожусь въ хлѣвахъ,
Въ овечьихъ хлѣвахъ (въ овчарняхъ);
Однимъ букетомъ фінлокъ былъ бы я
Тебѣ подобной въ росахъ.
110. Д. Вараґ кіні лынемумы,
Мәліґанц тihарумы;
Мін ґонц сәнбәр піті
ґез песі ґіґулуймы.
Позолота будетъ на платьѣ,
У Меликовыхъ въ кварталѣ;
Однимъ букетомъ канупера была бы я
Тебѣ подобнаго въ вудрахъ.
111. Ю. Чоґем—чыґменіс ґашем,

Жернем—былханан јашем;

Овын касі: „Јарыз кјума!“

Љоһланы такы җашем.

На колѣни стану—сапоги свои сниму,

Поднимусь—съ балкона посмотрю;

Кто скажетъ: „Возлюбленная твоя идетъ!“

Бровнаго (коня) подъ него подведу (подарю ему).

112. Д. Ганцу җылин җав кытам,

Кылхавыс кытав кытам;

Овын касі: „Јарыз кјума!“

Порзы такін кав кытам.

Елисаветполя крѣпости (изъ тюрьмы) ожиданіе
отдамъ (буду ждать),

Головою своею бязь отдамъ (закрою свою го-
лову бязью);

Кто скажетъ: „Возлюбленный твой идетъ!“

Теленка внизу (съ теленкомъ) корову (ему) отдамъ

113. Ю. Җу җоцумы кав канес;

Ту инзаниҗ һаз канес;

Им заиныс вер јеріні,

Ахчі, тужел таз канес.

Твоей на груди пражу (шелков.) сдѣлаешь;

Ты отъ меня пріятность сдѣлаешь (будешь лю-
боваться мною);

Мой голосъ если поднимется,

Дѣвушка, и ты замолчишь.

114. Д. Ордаг онем, җаз онем,

Җо җоцумы кав канем;

Җахцыры сасыс јер анем,

Җу гүлүмы саз анем.

Утку имѣю, гуся имѣю,

Твоей на груди пражу сдѣлаю;

Сладкій голосъ свой подниму,

Твою пѣсню настрою.

115. Ю. Ныстаѣ кыторыѣ захта,
Зііс кылхен ырахта.
Ныстелыс—гүлүм аса:
Нінч ыхтылаѣу вахта?
Сидя крыша твоя (крыша, на которой сидишь)
ровная,
Лошади моей на головѣ (во рту) мундштукъ.
Сѣла ты—пѣсню скажи (пой):
Какое бесѣды время?

116. Д. Ыривана жекаѣ аѣем,
Воч меѣраѣем, воч саѣем:
Ѣмам охты таріѣа
Ѣу мін хоскѣѣ дуссаѣем.
Изъ Эривани пришедшая (привезенная) соль я,
Ни мертвая я, ни живая я:
Ровно семь лѣтъ (какъ)
Твоему одному слову арестантка я (жду твоего
последняго слова).

117. Ю. Шат мі ковіл—ѣу бахтна:
Мелиѣ-Ванун де ѣахтна;
Охты тыѣнан дуссаѣыс:
Ыстарі тынелѣѣ вахтна.
Много не хвали (не жалуйся)—твое счастье:
Мелиѣ-Ваніа *) вѣѣ рѣшеніе;
Семилѣтняя арестантка ты:
Въ этомъ году взять тебя время.

118. Д. Ъорѣѣ воти ѣаѣаѣы,
Ѣарін кіні ваѣаѣы;

*) Меликъ-Вани, по словамъ чайкендецевъ, бывшій владѣтельный меликъ, пользовавшійся правомъ первой ночи своихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ, выходившихъ замужъ. Въ началѣ этого столѣтія его убилъ одинъ молодой мужъ, за позоръ своей жены.

Охты таріја јес дуссаѳ:

Повар мер мачі јаѳаѳы?

Татаринъ ѳсть хлѳбъ безъ дрожжей,

У дерева бываетъ скорупа (кора);

Семь лѳтъ (уже) я арестована (состою невѳстой):

Кто былъ между нами причиной?

119. Ю. Мер тон, ѳер тон мін пітар,

Мачі паты чі пітар;

Јес у ту анмеѳынѳ:

Јаѳтаѳ таты чі пітар.

Нашъ домъ, вашъ домъ одинъ былъ бы,

Срединной стѳны не было бы (жили бы вмѳстѳ);

Я и ты безгрѳшны (мы не виноваты):

Дряхлой бабушки не было бы.

120. ЫД. Кыракем ыред—ѳоха;

Кылхис јаѳлухы ѳоха:

гамам ѳамал ахчѳкем,

Ім јары мѳ матны хоха.

Оговъ развела—дымитъ;

Головы моей платокъ темнаго цвѳта:

Вполнѳ созрѳвшая дѳвушка я,

Мой суженый одинъ палець (съ пальчикѳ)

мальчикѳ.

121. Ю. Буѳбуѳі пес канчумес,

Ныстаѳ теѳыѳ ѳанчумес;

Пинчыс гідум хохајем:

Ба ту хе ныманчумес?

Соловьѳу подобно зовешъ (поешь),

Сидя на мѳстѳ пыхтишь;

Что ты (откуда) знаешъ (что) мальчикѳ я:

А ты почему стыдишьсѳ (меня)?

122. Д. Јес ѳинаѳі—һыѳаѳа,

гоѳнер іла—кыѳаѳа;

А тыба, егтібар чонір,
Быдав јес без мораца.
Я ушла—удалилась,
Въ вѣточки превратилась—наклонилась;
Юноша, довѣрія ты не имѣлъ (не внушалъ),
Потому я тебя позабыла.

Юноши не нашлись на это отвѣтить, вѣриѣе, изсякъ у нихъ запасъ подходящихъ четверостишій, и дѣвушки, какъ побѣдительницы, получили букетъ цвѣтовъ.

Учитель Елисаветпольскаго Михайловскаго ремесленнаго училища,

А. Калашевъ.

1891 г.
Сел. Чайкендь.

ТАТАРСКИЕ ТЕКСТЫ.

«Записаны со словъ уроженца гор. Нури, Абдуллы Эфендіева».

I.

Колыбельныя пѣсни.

1. Лаїла, балам, лаїла!

О кұш-кұш, балам, лаїла!

Лаїла діїм, јаңасан,

Кзыл гүлѣ баңасан;

Кызыл гүл мѣн олеїдїм,

Ѓўлгәмдѣ сѣн јаңасан.

Бай-бай, дитя мое, бай-бай!

О шш-шш, дитя мое, бай-бай!

Бай-бай скажу, заснуло чтобъ ты,

Въ золотую розу завязло чтобъ ты;

Золотой розой я была бы,

Тѣни въ моей ты заснуло чтобъ.

2. Лаїласї вар ашї-дашї,

Мѣмәсї вар—мәрмәр дашї;

Ѓўрҗѣ балам—дѣннѣз кушї,

Анасї—карабашї, аҗасї—чўлләр кушї.

Лаїла, балам, лаїла!

Бай-бай у него есть много,

Грудь у него есть—мраморный камень;

Маленькое дитя мое—райская птица,

Мать его—служанка его, отецъ его—дивная

птица.

Бай-бай, дитя мое, бай-бай!

3. Балам үчүндү—кой бөйү олсун;
Дөрү жанын гүлләр бүрүсүн;
Лаїла діјим, сән жаңасан,
Кзыл гүлләрә баңасан.
Лаїла, балам, лаїла!

Дитя мое маленькое—пусть большимъ сдѣлается;
Четыре стороны его розы окружили чтобъ;
Бай-бай скажу, ты заснуло чтобъ ты,
Золотыя въ розы завязло чтобъ ты.
Бай-бай, дитя мое, бай-бай!

4. Лаїла діјим, жаңасан,
Кзыл гүлләрә баңасан;
Кзыл гүлләр мәнİM олсун,
Җөлгәсіндә жаңасан.
Лаїла, балам, лаїла!

Бай-бай скажу, заснуло чтобъ ты,
Золотыя въ розы завязло чтобъ ты;
Золотыя розы моими были чтобъ,
Въ тѣни ихъ заснуло чтобъ ты.
Бай-бай, дитя мое, бай-бай!

5. Сән жаңасан бешіндә,
Мән озурум җешіндә,
Кул-карабаш ешіндә.
Лаїла, балам, лаїла!

Ты заснуло чтобъ въ колыбели своей,
Я сяду на стражѣ (буду караулить),
(Какъ) рабыня-служанка, дворѣ на твоёмъ.
Бай-бай, дитя мое, бай-бай!

6. Саңга курбан елләрдән,
Җуләглардән, јелләрдән;
Аллаһ баламІ саб іләсін
Азыр аїлардан, ілләрдән.
Лаїла, балам, лаїла!

Тебѣ въ жертву изъ народовъ (народы),
Изъ вѣтровъ (вѣтры), изъ вѣтровъ (вѣтры);
Богъ дитя мое живымъ сдѣлалъ чтобъ (да со-
хранить)

Тяжелыхъ отъ мѣсяцевъ, отъ годовъ.

Бай-бай, дитя мое, бай-бай!

7. Саңга курбан бірда мән!

Бір сән соілә, бірда мән;

Іздә курбан бір олса,

Саңга курбан бірда мән.

Лаіла, балам, лаіла!

Тебѣ въ жертву (была бы принесена) только я!
Разъ ты скажи, а разъ я (будемъ разговаривать
съ тобой);

Въ году жертва одна будетъ если,

Тебѣ жертва еще—я.

Бай-бай, дитя мое, бай-бай!

II.

Пѣсни по покойникъ *).

1. Дағларда гар сәсі вар,

Јағыңті—гирвәсі вар.

Бурда бір цаван олўңті—

Елләринән јасі вар.

Въ горахъ снѣжный слухъ есть (пошелъ снѣгъ),

Пошелъ (снѣгъ)—холодъ есть.

Здѣсь одинъ юноша умеръ—

Съ народами оплакиваніе у него есть (оплаки-
вается народомъ).

*) По обычаю почти всѣхъ закавказскихъ татаръ, послѣ смерти одного изъ членовъ семьи, ежедневно, въ теченіе 10—15 дней, въ дождь покойника собираютъ ся всѣ его родственники, сосѣдки или просто знакомыя и плачутъ по умершемъ. Приведенныя пѣсни поются, обыкновенно, только одною изъ присутствующихъ женщину, всѣ же остальные ей сопровождаютъ громкими рыданіями и причитаніями.

2. Коі буні вардаш ағласын,
Коум-вардаш ағласын;
Бурда бір қаван оғұзті:
Ғамам дағ-даш ағласын.
Пусть этого братъ плачетъ,
Родня-братъ плачетъ;
Здѣсь одинъ юноша умеръ:
Всѣ горы-вамни пусть плачетъ.
3. Јері, јері, шанă јері!
Зіфлярін шанă јері;
Јуз мін алъм јығылса,
Вермăз бір ана јері.
Ходи, ходи, гребешкомъ ходи!
Кудри твои гребешка вмѣсто;
Сто тысячъ народу соберется если,
Не дастъ одной матери мѣсто (не замѣнять
матери).
4. Анасі январ—ағлар,
Пәріфі канар—ағлар.
Ана діцті: „к'әрчін
Ғацта кунар—ағлар“.
Мать сгоритъ (отъ горя)—заплачетъ,
Молодца вспомнитъ—заплачетъ.
Мать сказала: „голубь
На соломенную крышу садеть, заплачетъ“.
5. Әзізім, чаі ғечәндә,
Сәндә гәл чаі ғечәндә;
Мәндә сәні карғарам,
Гүнүм әффаі ғечәндә.
Другъ мой, рѣка проходя (когда въ рѣкѣ вода
уменьшится),
И ты приди рѣка проходя (когда въ рѣкѣ во-
да уменьшится);

И я тебя буду провлинять,
День мой скучно проходя (когда будетъ про-
ходить).

6. Мән сәни ел билірдім,
Башымда җел билірдім,
Уңа даҗлар башында
Курумаз гөл билірдім.

Я тебя народомъ знала я (я на тебя смотре́ла
какъ на народъ),
На головѣ моей кудри знала я (на тебя смот-
рѣла какъ на кудри моей головы),
Высокихъ горъ на вершинѣ
Невысыхающее озеро знала я (на тебя смот-
рѣла какъ на невысыхающее горное озеро).

7. Хош гәлдін, конаҗымыз!
Сизә курбан җанымыз;
Биздән әһвал сорышсан,
Буді әһвалымыз.

Приятно пришла (добро пожаловала), гостыя наша!
Вамъ жертва жизнь наша;
Отъ насъ о житьѣ-бытьѣ спросишь если,
Вотъ это житье-бытье наше.

8. Äzizim, гәлдим сизә:
Кәриб димижин бизә;
Кәрибин бир җәни вар—
Ода курбанди сизә.

Подруга моя, пришла я къ вамъ:
Чужою не называйте насъ;
У чужой одна жизнь есть—
И та въ жертву вамъ.

9. Бостанда җаҗым аҗлар,
Басма—җәрҗаҗым аҗлар;
Нәгадәр саҗам—аҗларам,
Оллям—зорпаҗым аҗлар.

На бавшѣ стебель мой заплачетъ,
Не наступай—листь мой заплачетъ;
Сколько (пока) жива я—плакать буду,
Умру—земля моя (отъ моего тѣла) плавать
будеть.

10. Гал, гедах баш булаѳа;
Су јеріјар хош булаѳа.
Бір сән ді, бір мән,
Љоѳаѳ кан јаш булаѳа.
Иди, појдемъ на главный родникъ;
Вода потечетъ въ пріятный родникъ.
Разъ ты скажи, разъ я,
Прольемъ кровавыя слезы въ родникъ.
11. Бішірім, ашым, сәні!
Љоѳим, кан јашым, сәні!
Гөзірім, нара гедим,
Балалі башым, сәні?
Сварю, пловъ мой, тебя!
Пролью, кровавыя слезы мои, тебя!
Возьму, куда пойду (куда тебя дѣну),
Несчастливая голова моя, тебя!
12. Азізім, каралыѳті;
Јаѳыѳті—каралыѳті;
Паѳадан бір даш дүшти:
Оѳаѳым каралыѳті.
Другъ мой, почернѣло;
Пошелъ (дождь или снѣгъ)—почернѣло;
Изъ трубы одинъ камень упалъ:
Каминъ мой почернѣлъ (огонь мой потухъ).
13. Мән сәні хардан алым?
Кіләні хардан алым;
Коѳалар гәѳірмаз, бәзіргәнләр саѳмаз—
Мән сәні хардан алым?

Я тебя откуда куплю?
Зерно изъ граната возьму;
Старики не привезуть, купцы не продадутъ—
Я тебя откуда куплю?

14. Къбнѣгін абі дѣгїл,
Гїмісѣн—абі дѣгїл;
Сѣнін о цаван цаннн
Кара јерін бабі дѣгїл.
Рубашка твоя красная не есть,
Надѣлъ ты—красная не есть;
Твоя та молодая жизнь
Черной землѣ товарищъ не есть.

III.

Дътскія пѣсни.

А. (Поють ее речитативомъ, обыкновенно, старики или старухи для забавленія маленькихъ дѣтей).

Бір гаррі гедгі буз ұста *),
Ғаршпадтан дѣгді діз ұста,
Деді: „А буз, сѣн нѣ бѣрѣсѣн!“
Деді: „Мѣн бѣрѣ олсам, мѣні гүн ѣрїзмѣз“.
Деді: „А гүн, сѣн нѣ бѣрѣсѣн!“
Деді: „Мѣн бѣрѣ олсам, ұзімі булузъ зузмам“.
Деді: „А булузъ, сѣн нѣ бѣрѣсѣн!“
Деді: „Мѣн бѣрѣ олсам, мѣннѣн јѣгыш бечмѣз“.
Деді: „А јѣгыш, сѣн нѣ бѣрѣсѣн!“
Деді: „Мѣн бѣрѣ олсам, мѣннѣн озъ бїрїмѣз“.
Деді: „А озъ, сѣн нѣ бѣрѣсѣн!“
Деді: „Мѣн бѣрѣ олсам, мѣні гојун јемѣз“.
Деді: „А гојун, сѣн нѣ бѣрѣсѣн!“

*) Смотри „Народное обученіе у Закавказскихъ татаръ“ А. Захарова, Сборн. матер. для опис. мѣст. и плем. Кавк., вып. IX, стр. 28.

Деді: „Мян бәрү олсам, мәннән јағ олмаз“.

Деді: „А јағ, сән нә бәрүсән!“

Деді: „Мян бәрү олсам, мәни сичан жемәз“.

Деді: „А сичан, сән нә бәрүсән!“

Деді: „Мян бәрү олсам, мәни цүшih жемәз“.

Деді: „А цүшih, сән нә бәрүсән!“

Деді: „Мян бәрүәм—дурарам,

Бығларымі бурарам:

Үғ ұста жаілагым вар,

Ғәндір ұста кыштагым вар“.

Переводъ.

Одна старуха пошла льда наверхъ (на ледъ),

Вдругъ ударилась (упала) колѣна наверхъ (на колѣни),

Сказала: „Эй ледъ, ты какъ крѣпокъ!“

Сказалъ: „Я крѣпокъ буду если, меня солнце не растопитъ“.

Сказала: „Эй солнце, ты какъ крѣпокъ!“

Сказало: „Я крѣпко буду если, лица моего облако не схватитъ (не закроетъ)“.

Сказала: „Эй облако, ты какъ крѣпокъ!“

Сказало: „Я крѣпко буду если, чрезъ меня дождь не пройдетъ“.

Сказала: „Эй дождь, ты какъ крѣпокъ!“

Сказалъ: „Я крѣпокъ буду если, отъ меня трава расти не будетъ“.

Сказала: „Эй трава, ты какъ крѣпка!“

Сказала: „Я крѣпка буду если, меня овца не съѣстъ“.

Сказала: „Эй овца, ты какъ крѣпка!“

Сказала: „Я крѣпка буду если, отъ меня масла не будетъ“.

Сказала: „Эй масло, ты какъ крѣпокъ!“

Сказало: „Я крѣпко буду если, меня мышь не съѣстъ“.

Сказала: „Эй мышь, ты какъ крѣпка!“

Сказала: „Я крѣпка буду если, меня кошка не съѣстъ“.

Сказала: „Эй кошка, ты какъ крѣпка!“

Сказала: „Я крѣпка—останусь,

Усы свои покручу:

Постели наверху эйлагъ (лѣтнее пастбище) у меня есть,

Печки наверху кышлагъ (зимнее пастбище) у меня есть“.

Б. (Поютъ дѣвочки).

Алімі бичахъ җәсіңті—
Дәстә бичахъ җәсіңті:
Җаҗ гәҗирүн—јаҗліјахъ,
Бал гәҗирүн—балліјахъ,
Дәсмал гәҗирүн—дәсмалліјахъ.
Дәсмал дәвә боинында,
Дәвә Ширван јолында;
Ширван јолы буз баҗлар,
Дәстә-дәстә гүл баҗлар;
О гүлүн бирсін үзејдін,
Җелләріма дүзејдін;
Кардашымын җојында,
Оҗырың, дурың, сүзејдін.

Переводъ.

Руку мою ножикъ обрѣзаль—
Съ ручкой ножикъ обрѣзаль:
Масла принесите—замаслимъ,
Медә принесите—медомъ замажемъ,
Платокъ принесите—завяжемъ.
Платокъ верблюда на шеѣ,
Верблюдъ на ширванской дорогѣ;
Ширванская дорога ледъ завяжетъ (замерзнетъ),
Въ пучки розу завяжетъ;

(Изъ) той розы одну нарвала бы я,
Къ волосамъ моимъ на лбу привѣсила бы я;
Брата моего на свадьбѣ,
Сидя, стоя, танцовала бы я.

В. *Вызываніе солнца* *).

(Въ пасмурные дни, въ гор. Нухѣ, татарскіе мальчишки ходятъ по дворамъ и поютъ эту пѣсню. За это они отъ хозяекъ получаютъ, обыкновенно, деньги, крупу, муку, масло, яйца и т. п.).

Годі, годі, дурсана!
Чѣмчѣні долдурсана!
Годыні жола салсана!
Аллаһ! Аллаһ! (хоромъ).
Годі цалчыба баѣмышті—
Гармаладым, чыхарттым;
Кзыл вая дѣбіндѣн
Бір кырмызі гүн чыхарттым.
Аллаһ! Аллаһ! (хоромъ).
Караѳоуѳ **) канаді
Ѕім вурді, ѳім санаді?
Ешіг-ешіг кѣзѣндѣ
Балдрымі іѳ даладі.
Аллаһ! Аллаһ! (хоромъ).
Даѳда дана бѣјрді,
Енгѣ она ѳјјурді;
Енгѣ она чаѳынцан,
Гѣлін бір оѳлан кајырді.
Аллаһ! Аллаһ! (хоромъ).

*) Смотри „Вызываніе солнца“, Сбор. матер. для описанія мѣст. и плем. Кавк., выпускъ IX, стр. 128.

**) Караѳоуѳ—жаворонокъ, а вагаѳа ѳоуѳ—черная курица.

Верәнүн оглы олсун,
Вермјәнүн кзы олсун,
Ады Фаџма олсун,
Каштарі чадма олсун,
Ода чадтасын олсун.
Аллаһ! Аллаһ! (хоромъ).

Переводъ.

Годи! Годи! Встань же!
Ковшъ наполни же!
Годя въ дорогу отпусти же!
Боже! Боже! (хоромъ).
Годи въ грязь погрязь—
Схватилъ я, вытащилъ я;
Золотой скалы изъ-подъ дна
Одно красное солнце вытащилъ я.
Боже! Боже! (хоромъ).
Жоваронка крыло
Кто ударилъ, кто сосчиталъ?
Со двора на дворъ заходя (когда я ходилъ по дворамъ),
Голень мою собака оцарапала (схватила зубами, но
не укусила).
Боже! Боже! (хоромъ).
На горѣ теля замычало,
Подруга (невѣстки) къ нему побѣжала;
Подруга (невѣстки) дошла пока,
Невѣстка одного мальчика сдѣлала.
Боже! Боже! (хоромъ).
У дающаго сынъ чтобъ былъ (родился),
У недающаго дочь чтобъ была (родилась),
Имя Фатъма чтобъ было,
И та чтобъ лопнула, чтобъ умерла.
Боже! Боже! (хоромъ).

IV.

Загадки (заъпацалар).

1. Ігі кардаш качыр, ігісідә воур; кыжамаза җімі кб-
салар, чаза білмәздәр.
Два брата бѣгутъ, а двое догоняютъ; до свѣто-
преставленія гнать будутъ если, не дого-
нятъ. (Четыре колеса повозки).
2. Бізім оидә ігі гәлін вар—ігісідә бір боида.
Нашемъ въ домѣ двѣ невѣстки есть—обѣ одно-
го роста. (Двери).
3. Бізім оидә бір җіші вар—үч діші вар.
Нашемъ въ домѣ одинъ мужчина есть—три
зуба у него есть. (Треножникъ).
4. Бурдан вурар кылынці, Дәһнәдә оинар үгі.
Здѣсь ударить пашку, въ Дагнѣ (сел. въ Ну-
хинскомъ уѣзд.) будетъ играть (покажется)
конецъ ея. (Молнія).
5. Бізім ешијә бір аҗаң јыхылып—нә бурі, нә будаҗи;
бір куш гәдди, они јиди—нә ділі вар, нә додаҗи.
На нашъ дворъ одно дерево свалилось—ни
вѣтвей, ни вѣтовъ (не имѣеть); одна птица
пришла, его сѣбла—ни языка не имѣеть, ни
клюва. (Свѣтъ и солнце).
6. Бір оузуҗум вар—курыҗыннан зуҗумамыш, зәліјә гірмәз.
Одинъ быкъ у меня есть—за хвостъ его пока
не схватишь, въ хлѣвъ не войдетъ. (Ложка).
7. Кзыл ләјән, кзыл җас—бірін гәҗи, бірін бас.
Золотой тазъ, золотая чаша—одно бери (спрячь),
одно поставь (покажи). (Солнце и луна).
8. Біз бізидых, озувиги кызыдых—бузулдых, бір захҗијә
дүзулдых.
Мы (однѣ) были мы, тридцать двѣ дѣвушки бы-

ли мы—сложились мы, въ одну амбразуру
стали рядомъ мы. (Зубы).

9. Алчаѣ ұіші чӑцӑр орур.
Низкій мужчина заборъ плететь. (Шило).
10. Алчаѣ дадан кар жапыр.
Низкой съ горы свѣтъ идетъ. (Сито).
11. Дајым узун—куршаѣ гӧдӑн.
Дядя мой длинный, (а) поясъ его короткій. (Рѣ-
ка и мостъ).
12. Мӑн гедӑрӑм, ода гедӑр.
Я пойду, и онъ пойдетъ. (Тѣнь).
13. Мӑн гедӑрӑм, о галар.
Я пойду, онъ останется. (Слѣдъ).
14. Азтан һундӑр, изтан алчаѣ.
Выше лошади, ниже собаки. (Сѣдло).
15. Адамда вар, аді јох.
У человѣка есть, (но) названія нѣтъ. (Проме-
жутокъ между усами).
16. Чазы ічӑр, дана ұбцӑр.
Веревка выпьетъ, (а) теля вспухнетъ. (Стебель
и тыква).
17. Дӧрді јердӑ, дӧрді гӧйдӑ.
Четыре на землѣ, четыре на небѣ. (Рогатый
скотъ: внизу—четыре ноги, а наверху—два
уха и два рога).
18. Бірі ічӑрідӑ, ізисі чӧлдӑ.
Одинъ внутри, два наружи. (Покойникъ въ зе-
млѣ, а наружи его дѣла—добрыя и злыя).
19. Узун, узун даврішлӑр бізім ешіӑ гӑлмішлӑр, оца-
дӑр оінамышлар, хурт-хашыл олмышлар.
Длинные, длинные дервишы на нашъ дворъ при-
шли, столько танцовали, (что) вашей сдѣла-
лись (въ вашу превратились). (Дождь).

20. Гәл! гәл! дјәрәм—гәлмәз, гәлмә! гәлмә! дјәрәм—
гәләр.

Приди! приди! скажу—не придетъ, не приходи!
не приходи! скажу—придетъ. (Губы *).

21. Мән бахарам, о качар.

Я посмотрю, онъ убъжитъ. (Ухо).

22. Јол ічіндә казан кайнар.

Дороги среди котель закипитъ. (Муравьиное
гнѣздо).

23. Јол ічіндә бір цәм казыр.

Дороги (млечнаго пути) среди одна чашка кис-
лаго молока. (Луна).

24. Јол ічіндә јовун гаррі.

Дороги среди толстая старуха. (Туземная хлѣб-
ная печь).

25. Гөбдән дүшти, јаңышти.

Съ неба упало, прилипло. (Имя).

26. Сарі сахкал, узун, хоккар; оні запміян олсун
чахкал.

Рыжая борода, (самъ) длинный, высокій; его
ненашедшій (неотгадавшій) пусть будетъ ша-
каломъ. (Кужуруза).

27. Бадам аэтан дүшти, доні бәнтән дүшти.

Дѣдъ мой съ лошади слѣзъ, платье его съ за-
стежки упало (разстегнулось). (Орѣхъ въ зе-
леной корѣ).

28. Ағаш башында сарі ўмағ.

Дерева на вершинѣ желтый клубокъ. (Айва).

29. Јондурца—јоғунніјр, ғәстіңцә—узаныр.

(Чѣмъ больше) скоблить, (тѣмъ больше) тол-

*) Въ словѣ „Гәл“ нѣтъ губного звука М, а потому при его произношеніи губы не приближаются другъ къ другу, иначе, не идутъ; въ словѣ же „Гәлмә“ есть звукъ М, потому губы приближаются, иначе, приходятъ.

- стѣтъ, (чѣмъ больше) срѣзывать, (тѣмъ больше) удлиняется. (Яма).
30. О јаны чѣцьаръ, бу јаны чѣцьаръ, ічіндѣ азті чацьар.
Та сторона заборъ, эта сторона заборъ, (а) внутри конный посвачеть. (Маслобойня).
31. Оз гаврыны өзі газар.
Свою могилу самъ выроеть. (Шелловичный червь).
32. Бір бардахта ігі су.
Въ одномъ кувшинѣ двѣ воды (двухъ сортовъ жидкости). (Яйцо).
33. Бір зацьпаца діім: зацьпасан, гәнә діім.
Одну загадеу скажу: не найдешь (не отгадаешь), опять скажу. (Оводъ подъ кожей скотины ?).
34. Базарда зацьылмаз, зәрәвідә чәзілімәз, балдан шірін,
емәи олмаз.
На рынокѣ не найдется, на вѣсахъ не взвѣсится, меда слаще, кушать нельзя. (Сонъ).
35. Ағаш башында бір зорва ун.
Дерева на вершинѣ одинъ мѣшокъ муки. (Пшаты).

V.

Пословицы (мәсәлләр).

1. Кыздан чарыб гіісан, гәнә аді чарыгді.
Изъ золота лапти надѣнешь если, всё-таки имя имъ — лапти.
2. Архалы зөцәз курт басар.
Съ опорой цесъ волка задавить.
3. Ешпәг нә білір, хурма нәді.
Оселъ что (откуда) знаетъ, финикъ что такое.
4. Көр—ја бурда, ја Бағдатта.
Слѣпой (слѣпому)—или здѣсь, или въ Бағдатѣ (все равно).

5. Хянчял̄ жарасі сабалар, діл̄ жарасі сабалмаз.
(Отъ) винжала рана заживеть, (отъ) языка рана не заживеть.
6. Із̄ нәді қі, јуні нә ола?
Собака что такое есть, (чтобы) шерсть ея что была бы (могла бы цѣниться)?
7. Із̄тә јуха јіјәр, түрмәјіні билсә.
И собака лавашъ *) съѣсть, заварачивать его съумѣеть если.
8. Түл̄зі, зүл̄зілігіні билдірінчә, дәрісіні позазыннан чыхардаллар.
Лиса, лисій характеръ свой узвать заставитъ пока, шкуру ея съ горла ея снимутъ.
9. Әл̄ әлі ју'ар, әлдә үзі.
Рука руку вымоетъ, а руки—лицо.
10. Істіјәнн̄н бір үзі кара, верміјәнн̄н ізі үзі кара.
Просящаго одно лицо черно, недающаго два лица черно (просящему стыдно, а отказывающему еще болѣе).
11. Ешшәг ешшәгі бош капіјар.
Осель осла слабо (не больно) почесеть.
12. Із̄ із̄ин әјазыны басмаз.
Собака собаки ногу не задавить (не наступить).
13. Түхын ацдан хәбәрі олмаз.
У сытаго о голодномъ вѣсти не будетъ.
14. Адам адама гәрәкті.
Человѣкъ человѣку нуженъ.
15. Ац зоуз̄ јухусунда дәрі гөрәр.
Голодная курица во снѣ просо увидить.
16. Із̄ һүрәр, қарван зечәр.
Собака будетъ лаять, караванъ будетъ проходить.

Лавашъ = јуха — тонкая хлѣбная лепешка.

17. Ешпәгә дедиләр: „Мәрифәтүны гөрсәт!“ — жыхылди бү-
лә, ағнади.

Ослу сказали: „Искусство свое покажи!“ — (и
онъ) упалъ на золу, повалился.

18. Куш вар—ағзиви јјәлләр, куш вар—ағз јидрәлләр.

Птица есть—мясо ея ѣдятъ, птица есть—мя-
со заставляютъ кушать (кормятъ мясомъ).

19. Цішіјин ағзы ағзә чағмаз, діјәр: „Нә йләнир!“

Кошки ротъ до мяса не достанетъ, скажетъ:
„Какъ воняетъ!“

20. Даліја һәр гүн баирамды.

Сумашедшему каждый день праздниекъ.

21. Карза, каз јерішине јерісә, өз јерішинидә јаңлар.

Ворона, гусиной походкой ходитъ будетъ если,
и свою походку испортитъ.

22. Адам вар—адамларын нахшиді, адам вар—ешпәг

оннан јахшиді.

Человѣкъ есть—людей краса (краса людей), че-
ловѣкъ есть—осель его лучше (лучше его).

Записаны со словъ уроженца сел. Хатунбулагъ, Джебрайильскаго уѣзда,
Иранъ Миріева.

I.

Пьсьи по покойникъ.

(Поетъ мать по умершимъ своимъ дѣтямъ).

1. Кзыл гүл һәшәм олду,
Дармәдим—һәшәм олду;
Сәниән айрыланнан бәри,
Азламаз цешәм олду.

Золотая роза обильною сдѣлалась (выросла въ
обилии),

Не нарвала я—обильною сдѣлалась (потому
выросла въ обилии);
Отъ тебя разлученія сюда (съ тѣхъ поръ какъ
разлучилась съ тобой),

Плаканіе ремесломъ моимъ сдѣлалось.

2. Сан гедян бир ил оду:

Верана баглар гул оду;

Вайдя вердин—гаймадин:

Бу на јалан дил оду!

Ты уходящій одинъ годъ сдѣлался (уже годъ
прошелъ, какъ ты ушелъ, т. е. умеръ):

Завядшіе сады ровой сдѣлался (зацвѣли);

Время отдалъ ты (ты назначилъ срокъ)—(но)
не пришелъ (не вернулся):

Это какой ложный языкъ сдѣлался (какъ ты
меня обманулъ)!

3. Муханг аутим дасинан,

Дармадим һавасинан;

Мани баламнан елјанин

Гуни речсин јасынан.

Гвоздику посѣяла я съ пучкомъ (густо),

(Но) не рвала я (ея цвѣтовъ) съ радостью;

Меня отъ дитяти моего разлучившаго (убійцы
моего сына) _____

День пройдетъ пусть съ печалью.

4. Муханг аутим—залхынди;

Хаста збилим, бах инди!

Манзи баламнан олдум:

Сагиз олсун халх инди!

Гвоздику посѣяла я—(но она) прогорела (не
выросла, пропала):

Несчастное сердце мое, посмотри теперь (ожи-
дай безнадежно)!

Я вѣдь отъ дитяти моего сдѣлалась (лишилась
моего дитяти):

Спокойный сдѣлается пусть (пусть успокоится)
народъ (враги) теперь!

5. Бағымда зурач баннар—

Онын ділін зім аннар?

Балам әлімнан гезті:

Гоімығын, мусурманнар!

Въ саду моемъ турачъ будетъ пѣть—

Его языкъ кто пойметъ?

Дитя мое изъ рукъ моихъ ушло:

Не пускайте, мусульмане!

6. Шірванын зүчәләрі

Баннамәз бечәләрі:

Мән сәнсіз неңә јағым

Бу узун геңәләрі?

Ширвана улицы (на улицахъ Ширвана)

Не будетъ (не будутъ) пѣть пѣтушки:

Я безъ тебя какъ спать буду

Въ эти длинныя ночи?

II.

Дѣтскія пѣсни.

А. (Поютъ хоромъ мальчики, въ зимнее время, прыгая и согревая свои руки дыханіемъ).

Ушудум, һаі, ушудум!

Дардан алма дашыдым;

Алмацығазым једіләр,

Маңа цырым сахладылар:

Мән цырымнан безәрәм;

Дәрін кујі казарам;

Дәрін кујі беш зечі;

Һані оның ербәңі?
Ербәң кәҗә башында;
Һеі еләдәм—гәлмәдә,
Шивіз тоғдүм—жемәдә;
Шивіз қазанда кәнар,
Камбәр буцахта оһнар;
Камбәр гездә одуна,
Каргу бәздә будуна;
Каргу дәгүл—камышдә;
Беш бармағым гүмүшдә;
Гүмүшә вердәм җаза,
Җағ маңа дәрі вердә;
Дәрынә сәңдәм куша,
Куш маңа кәнағ вердә;
Кәнағдандым ушмаға,
Һағ каңысын ашмаға;
Каңычә каңы тохур;
Ічндә билбилә охур;
Мәннән җиччәй кардашым
Җарә җәләмын охур.

Переводъ.

Холодно мнѣ, ай, холодно мнѣ!
Съ горы яблоко натаस्कвалъ я;
Яблочко мое скушали,
Мнѣ испорченное оставили:
Я отъ испорченнаго моего усталъ (оно мнѣ против-
но, надоѣло);
Глубокій колодець вырою;
Глубокій колодець пять возловъ;
Гдѣ его передовой козелъ?
Передовой козелъ скалы на вершинѣ;
Эй сдѣлалъ я (сказалъ я)—не пришелъ онъ,

Укропъ посыпалъ я—не съѣлъ онъ;
Укропъ въ котлѣ закипитъ,
Бамбаръ (собст. имя) въ углу будетъ танцовать;
Бамбаръ пошелъ за дровами,
Тростникъ вонзился въ бедро его;
Тростникъ не есть (не тростникъ)—(а) камышь;
Пять пальцевъ мои серебряные;
Серебро отдалъ я тату (торговцу изъ татовъ),
Татъ мнѣ просо отдалъ;
Просо посыпалъ я птицѣ,
Птица мнѣ крыло отдала;
Окрылся я летать чтобъ,
Божью дверь отворить чтобъ;
Дверникъ (мастеръ, дѣлающій двери) дверь плететь;
Внутри соловей поетъ;
Меня моложе братъ мой
Божій коранъ читаетъ.

Б. (Поется при слѣдующей игрѣ: дѣти, обыкновенно, младшаго возраста, садятся въ кружокъ, протянувъ ноги впередъ. Одинъ изъ нихъ поетъ эту пѣсню речитативомъ, при чемъ, произнося каждое слово, онъ кладетъ руку на колѣни товарищей поочередно. На чьихъ колѣняхъ окажется рука поющего при произношеніи послѣдняго слова „вырак“, тотъ долженъ лечь лицомъ внизъ, а каждый изъ товарищей долженъ одинъ разъ ударить кулакомъ по его спинѣ. Послѣ этого игра продолжается въ томъ же видѣ, при чемъ, поетъ тотъ, кто былъ бить).

Ігнѣ, ігнѣ,
Јці дүгмѣ;

Иголка, иголка,
Конецъ пуговка;

Бал-баллыца,	Медь-медикъ,
Коѣур речі,	Паршивый козелъ,
Һаппан, һушпан,	Прыгай, попрыгивай,
Јырыл, јырзыл,	Лопни, разорвись,
Су іч, курзул;	Воды напейся, скончайся (умри);
Әмім оглу,	Дяди моего сынъ,
Өзі буглу,	Самъ усатый,
Һалдурум деді,	<i>Халдурумъ</i> *) сказалъ,
Һулдурум деді,	<i>Хулдурумъ</i> **) сказалъ,
Гөјә бір аҗаң аҗгы:	На небо одну палеу бросилъ:
Җәрҗі саҗы,	Топора ручку,
Гүл бузагы;	Розы вѣтку;
Мозала мозал,	Шкуръ шеура,
Җәрс мозал,	Вывороченная шеура,
Іл аҗар,	Годъ бросить (пройдетъ),
Каймак аҗар;	Сливки бросить (образуетъ);
Аҗ кушум,	Бѣлая птица моя,
Акарчыным,	Бѣленькая моя,
Гөі кушум,	Сѣрая птица моя,
Көјәрчиним,	Голубъ мой,
Карга кара,	Воронъ черный,
Дурна кара,	Журавль черный,
Чәмбәр чырак,	Кольцомъ огонь (пламя свѣчи, лампы и т. п.),
Чых ырак!	Выйди сторона (въ сторону)!

В. (Поется маленькими дѣвочками).

А, гза, гза, Нәргізә!

Ціһезін гөвү, гәл бизә:

*) Халдурумъ, **) Хулдурумъ — междометія.

Біздән гедәү Ғәрбізә;
Ғәрбіз харәб олуць,
Дәмүр дарағ олуць,
Дәмүрчинин гэлари
Ізә алағ олуць.

Эй, дѣвочка, дѣвочка, Нергизъ!
Приданое (работу) свое возьми, приходи къ намъ:
Отъ насъ пойдемъ въ Тавризъ;
Тавризъ испорченнымъ сдѣлался (испортился),
Желѣзо гребешкомъ сдѣлалось,
Кузнеца дочери
Собакаѣ ситомъ сдѣлались.

Г. (Дѣти обоого пола устраиваютъ изъ камней ограду, а сами внутри ея садятся въ кружокъ и поютъ эту пѣсню).

А җешті, җешті, җешті!
Вурдым—Гилані җешді;
Ізціә хоруз далашті:
Бірі гана булашді;
Ган гезті, чаја дүшді;
Чаідан көјәрчин ушді;
Көјәрчин—алаҗахта,
Јоасі кәлбі җахта.
О гзын ала гөвдәри
Мәним олеіді.

Эй тазъ, тазъ, тазъ!
Ударилъ я—чрезъ Гиланъ прошелъ ояъ;
Два пѣтуха подрались:
Одинъ кровью облился;
Кровь пошла, въ рѣку влилась;

Изъ рѣки голубъ вылетѣлъ;
Голубъ—дивнй голубъ,
Гнѣздо его верхнемъ въ этажѣ.
Той дѣвушки пестрые глаза
Мои былъ (были) бы.

III.

Загадки (загацалар).

1. Аңтiм цалыц, бiцтi шабалыц;
Ордадан бiр зoб чыхтi—нѣ цалыцты, нѣ шабалыц.
Посадилъ я дубъ, выросъ каштанъ;
Изъ средины одинъ побѣгъ выпелъ—ни дубъ,
ни каштанъ. (Мулъ).
2. Бабамын бiр дону вар—кацтамац олмаз;
Ичi долу ашрафi—санамац олмаз.
У дѣдушки моего одно платье есть—сложить
(его) нельзя;
Средина его полна червонцами—(которыхъ) счи-
тать нельзя. (Небо и звѣзды).
3. Дацдан гѣлдi дац бiмi,
Коллары будац бiмi,
Агилiр су ичмагѣ,
Бацырыр оцлац бiмi.
Съ горы пришелъ горъ подобно,
Руки его вѣтви подобны,
Наклонится воды напиться чтобъ,
Кричитъ козленку подобно. (Маховое колесо
шелкомотальнаго станка).
4. Учи бiзѣ жабыдi,
Учи цѣннѣц бабыдi,
Учи жыцар, гѣцiрi,
Учи вырар, дацыдi.

Трое намъ врагъ есть,
Трое райскій садъ есть,
Трое собереть, принесеть,
Трое ударить, разрушить. (Мѣсяцы—лѣтніе,
весенніе, осенніе и зимніе).

5. Бір җабаҗ алмаст—

Санамаҗ олмаз.

Одинъ лотокъ алмазовъ—

Считать (ихъ) нелья. (Звѣзды).

6. Су'а гирәр—даҗылар,

Судан чыхар—җыҗылар.

Въ воду войдетъ—разойдется,

Изъ воды выйдеть—соберется. (Лошадиный
хвостъ и женскіе волосы).

7. Көрцінін алзында дөрҗ дүдүг.

Моста внизу (подъ мостомъ) четыре крана.
(Коровьи соски).

IV.

Пословицы (мәсәлләр).

1. Јахшылык елә, аҗ дәрҗәя: балык білмәсә—Халыҗ
біләр.

Добро сдѣлай, брось въ море: рыба не узна-
еть если—Богъ узнаеть.

2. Аҗац, бар гәзірәндә, башын ашага җидәр.

Дерево, плоды приноситъ когда, голову свою
внизъ наклонить.

3. Аҗрі оҗур, дүз даныш.

Криво садись, прямо говори.

4. Аҗ јејән куш димдигіннән мәһнім еләр.

Мясо кушающая птица отъ клюва (по клюву)
извѣстнымъ сдѣляется (узнается).

5. Јолдаш јолдашынан зән гәрәб; зән олмаса, ген
гәрәб.

Товарищъ съ товарищемъ равный нуженъ (должны быть равными); равный не будетъ если, широкой нуженъ (долженъ держать себя далеко).

6. Зәһмәзсиз бал емәләр.

Безъ труда меду не ѣдятъ.

7. Цүцәни цәйзәда саналлар.

Цыплять осенью считаютъ.

8. Цүцәни чалағаннан сора саналлар.

Цыплять воршуна послѣ (по пролетѣ воршуна) считаютъ.

9. Көншія умуд олан шамсыз галар.

Сосѣду надежда бывающій (на сосѣда раститывающій) безъ ужина останется.

10. Аллаһ сахлјяни курт жемәс.

Богомъ береженаго волкъ не съѣсть.

11. Һечія курт дәгмәсә, Һәәбія гедәр.

Козла волкъ не тронетъ если, въ Мекку поидетъ онъ.

12. Куртдан чобан олмас.

Изъ волка пастуха не будетъ.

13. Јаз—әгінчи, ыш—дїләнчи.

Весна—пахарь, зима—попрошайка.

14. Јолдашын җитчәги олынца, доңгызын бөјүгі ол.

(У) товарища младшимъ чѣмъ быть, (ү) свиньи старшимъ будь.

15. Һөцәг каја вәлгәсіндә јазар, елә биләр өз вәлгәсиді.

Песъ горы въ тѣни заснетъ, такъ узнаетъ своя тѣнь есть (а вообразить, что спитъ въ своей тѣни).

16. Куртдан олан курт олы, әгәр адамынанда бөјүсә.

- Отъ волка сдѣлавшійся (родившійся) волкомъ
будеть, если даже съ человѣкомъ вырастетъ.
17. Азы азъ жаньнда барласан, һәмрѣнг олмас, һәм-
хуі олы.
Лошадь лошади около привяжешь если, одно-
мастной не сдѣлается (масти хоть и не пе-
рейметъ), однохарактерною сдѣлается (но ха-
рактерь ея перейметъ).
18. Црѣжада азтѣя гүлмәсә, базры чазтар.
Пѣшій конному (надъ коннымъ) смѣяться (издѣ-
ваться) не будетъ если, (то) животь его лоп-
нетъ (изъ зависти).
19. Пѣрә вјосія бир зүз версә, ода сахкаллы олар.
Каждый безбородому одинъ волосъ отдасть если,
и онъ бородатымъ сдѣлается.
20. Курт зүвѣни дәјшсә, хасіјәвѣни дәјшмәз.
Волкъ шерсть свою перемѣнитъ если, харак-
тера своего не измѣнитъ.
21. Гүл істіјән! зѣјәнїда істәмәг гәрәз.
Розу желающій! и шипы желать нужно.
22. Ешпәјим: өлмә! јаз гәләр, јонца бѣзәр.
Оселя мой! не умирай: весна придетъ, люцер-
на вырастетъ.
23. Бу гүвүн ішін сабаһа коима.
Этого дня (сегодняшнее) дѣло на завтра не
оставляй.
24. Јалғуз әдән сәс чыхмас.
Изъ одной руки звука не выйдетъ (одной
рукой хлопать нельзя).
25. Ази бѣлмјән чохуда бѣлмәз.
Малаго не знающій и многого не будетъ знать.
26. Лалын дѣлѣн аясы бѣләр.
Нѣмого языка мать его знать будетъ.

27. Ушаф ағламаса, сүз вермәзләр.
Ребенокъ не заплачетъ если, молока не дадутъ.
28. Ырлән јерін чалаған зузмаз.
Сокола мѣсто воршунъ не схватитъ (сокола воршуномъ не замѣнишь).
29. Ціданы цібдә гиздәмәг олмаз.
Копье въ карманѣ спрятать нельзя.
30. Цейранын качағын елә гөрдүм, әзиннән зәһләм геүти.
Косули свачку тавъ (когда) увидѣлъ я, отъ ея мяса аппетитъ мой ушелъ (то ея мяса мнѣ уже не захотѣлось кушать).
31. Ыоуғ оһсә—бир чәнгә зуүти, дәвә оһсә—дәрісі јуүти.
Бурица умретъ если—одна цепотка перьевъ есть, верблюды умретъ если—шкура его вьюкъ есть.
32. Івәг бузовынн әјағын басмаз.
Корова теленку ногу не сдавитъ (не наступитъ).
33. Аза бахма, дона бахма—ічиндәји цана бах!
На лошадь не смотри, на платье не смотри—внутри находящуюся на душу смотри!
34. Варын верән уғанмаз.
Изъ имѣющагося дающій не постыдится (количества).
35. Ыазыннн јіјәсі варса, довшанында Аллаһи вар.
У борзой ховяинъ есть если, у зайца же Богъ есть.
36. „Алва, алва!“ демәгивән ағыз шірін олмаз: јағивән балы гәрәғ олсун.
„Алва, алва!“ говоря, ротъ сладкимъ не сдѣлается (во рту сладко не будетъ): масло съ медомъ должны быть.
37. Азаң назиғлигиннән сынса, адам јоғыннығыннан сынсар.
Дерево отъ тонкости своей сломается если, человекъ отъ толстоты своей сломается.
38. Шәрәји шумда ҫәс, харманда ҫәјалашма.

Споръ на нивѣ же срѣжь (рѣши), на гумнѣ
за дубину не берись.

39. Даръ хайвѣз оlanda, зулѣидѣ бѣг олур.

Долина (въ долинѣ) тишина бываетъ когда (когда
никого не бываетъ), (тогда) и лиса бе-
комъ становится.

40. Паѣ хаѣки ѣассѣ, Аллахъ һѣриѣисини ѣѣсѣр.

Правда правду срѣжетъ (станетъ преслѣдовать)
если, (то) Богъ ихъ обѣихъ срѣжетъ (будетъ
преслѣдовать).

41. Цѣнт елѣ дост казан: дѣшман оѣѣ башында.

Усердіе сдѣлай (старайся), друга зарабатай (при-
обрѣтай): врагъ камина наверху (врагъ все-
гда найдется).

42. Качаанда Аллахи чаѣырыр, коваанда.

И убѣгающій (преслѣдуемый) Бога зоветъ (на
помощь), и преслѣдующій.

43. Мѣрди, кова-кова, намѣрд елѣлѣр.

Честнаго (человѣка), преслѣдуя, безчестнымъ сдѣ-
лаютъ.

44. Далдан аѣан ѣоѣѣѣдан вырар.

Сзади бросающій изъ пятки (въ пятку) ударить
(попадетъ).

45. Аѣинчи ол, бичинчи олма.

Пахаремъ будь, жнецомъ не будь.

46. Кара кыздан хаѣын олмаз, боз ешшѣгдѣн каѣыр олмаз.

Изъ черной дѣвки барыни не будетъ, изъ сѣра-
го осла мула не будетъ.

47. Мѣн ирази, гыз ирази: каѣѣз елѣѣрѣ вазѣ.

Я согласенъ, дѣвица согласна (на бракъ): ошиб-
ку дѣлаетъ кази (мы не нуждаемся въ со-
гласіи духовнаго лица).

Записаны со словъ жителя гор. Елисаветполя, Гасана Керимова.

Загадки (заъпацалар).

- 1 *). Мян гедірам беләсінә,
Кара гөзім мәвләсінә.
Куштарда неңә куштигі,
Суъ верә баләсінә?
Я иду отсюда (по этой дорогѣ),
Черный глазъ мой на дворѣ ея (обращенъ на
ея дворѣ).
Въ птицахъ (между птицами) какая это птица,
(Которая) молока давала бы птенцу своему. (Летучая мышь).
2. Су'а гирәр—длләнә,
Судан чыхар—длләнә.
Въ воду войдетъ—онѣмѣтетъ,
Изъ воды выдетъ—заговоритъ. (Цѣпъ).
3. Бізім бөвдә бір зүші вар—
Җөндәлән јагыші вар.
Нашемъ въ домѣ одинъ мужчина есть—
На боку лежаніе у него есть (все время спитъ).
(Сложенная постель).
4. Бізім бөвдә бір зүші вар—
Азызында ікі діші вар.
Нашемъ въ домѣ одинъ мужчина есть—
Во рту у него два зуба есть. (Щипцы).
5. Бізім бөвдә дөрз зүші вар—
Дөрдидә бір боида.
Нашемъ въ домѣ четыре мужчины есть—
Всѣ четверо одного роста. (Четыре угла комнаты).

*) Первые двѣ строки не имѣютъ никакого отношенія къ смыслу этой загадки.

6. Бір табах алма—

Сабаға галмав.

Одинъ лотокъ яблокъ—

До утра не останется. (Звѣзды).

Записаны со словъ уроженца сел. Мирза-Джамаллы, Джебраильскаго уѣзда,
Салмана Шарифбекова.

Письни влюбленнаго (шигъстәләр).

1. Кзыл гүл, олмајейди,

Саралуб, сөлмејейди;

Бір айрылыг, бір өлүм—

Җеч бирісі олмајейди.

Красной розы не было бы,

Пожелтѣвъ, не завяла бы (роза);

Одной (ни) разлуки, одной (ни) смерти—

Ни одной изъ нихъ не было бы.

2. Ейләми, бахча-нәнә?

Баг долу, бахча-нәнә!

Һәсрәз чәгән, аи гөзләрим!

Дојунчан бах цанәнә.

Такъ ли, садикъ-мята?

Садъ полонъ, садикъ-мята!

Жажду тянущіе (жаждущіе), ой мои глаза!

Досыта смотри на влюбленнаго.

3. Араз ахар ліліндән,

Баш ашманам діліндән;

Сән јеілахдан гар гөндәр,

Мән—Араспар гүлүндән.

Аракъ потечеть изъ тины (мутно),

Головы не раскрою (не пойму) изъ языка тво-
его (говоришь мутно, двусмысленно: не по-

Ты изъ айлага (изъ горъ) снѣгъ пришли,
Я — Араспара (сел. на берегу Аракса) изъ
розъ.

4. Жары багында ўзўм аскәри;
Дифар дибиндән һәзін сәс гәли:
„Саг ол, гәл! вар ол, гәл!
Һәмешә мейман ол, гәл!“

Возлюбленнаго въ саду виноградные солдаты
(рады виноградныхъ вистей);

Стѣны изъ дна нѣжный голосъ идетъ (слы-
шеть):

„Здоровъ будь, приходи! живъ будь, приходи!
Всегда влюбленнымъ будь, приходи!“

Записана со словъ урженца сел. Агджаязи, Арешскаго уѣзда, Ахмеда Мелизова.

Эта пѣсня поется съ разными вариантами почти вездѣ
въ Закавказскомъ краѣ. Она сложена, какъ говорятъ, въ 1884
году сестрою нѣкоего Урустама, убитаго разбойниками на рав-
нинѣ Хорузлу, въ Шушинскомъ уѣздѣ.

Кәлән гедәг хорыздынын дүзүвә, дүзүвә;

Аи! гүллә дәјиф Урустамын дизинә:

Хәбәр гетсін Цавад-ханнын бызына, бызына.

Аи! ниңә гыдын, Урустамі өлдүрдүн?

Зәлым оглу, беидін оглу, шам-чрағи сөндүрдүн!

Намурәди өлдүрдүн!

Ачылыфты хорыздынын чичәги, чичәги;

Аи! кана бағыф Урустамын бирчәги:

Јыбылыфты Цавадханнын гөбчәги, гөбчәги.

Аи! ниңә гыдын, Урустамі өлдүрдүн?

Зәлым оглу, беидін оглу, шам-чрағи сөндүрдүн!

Намурәди өлдүрдүн!

Гедін, анама діјін—ағламасын: дүшкүнді, дүшкүнді;
Ай! гүллә дэгән Урустама үч гүнді:
Канні зөңүз дәрјалардан дашкынди, дашкынди.
Ай! ніңә гыдын, Урустамі өлдүрдүн?
Залым оглу, беідин-оглу, шам-чрағи сөндүрдүн!
Намурәди өлдүрдүн!

Переводъ.

Идите пойдите Хорузлинскую на равнину, на равнину;
Ай! пуля ударила (попала) Урустама въ колѣно:
Вѣсть дойдетъ пусть Джавадъ-хана (до) дочери, (до) до-
чери (невѣстѣ убитого).

Ай! какъ не сжалился, Урустама убилъ?
Бесовѣстнаго сынъ, безрелигіознаго сынъ, свѣчку-огонь
потушилъ!

Недостигшаго своей цѣли убилъ!

Раскрылись Хорузлинскіе цвѣты, цвѣты;
Ай! въ крови завязли Урустама кудри:
Собрались джавадханскія красавицы, красавицы (род-
ственницы убитого).

Ай! какъ не сжалился, Урустама убилъ?
Бесовѣстнаго сынъ, безрелигіознаго сынъ, свѣчку-
огонь потушилъ!

Недостигшаго своей цѣли убилъ!

Идите, матери моей скажите—пусть не плачетъ: дряхлая
она, дряхлая она;
Ай! пуля ударившаяся (ударила) Урустама (вотъ) три
дня уже:

Кровавая пѣна изъ морей разлилась, разлилась.
Ай! какъ не сжалился, Урустама убилъ?
Бесовѣснаго сынъ, безрелигіознаго сынъ, свѣчку-огонь
потушилъ!

Недостигшаго своей цѣли убилъ!

Записаны со словъ жителя сел. Ютари-Анплу, Елисаветпольскаго уѣзда,
Искендера Широнова.

Прощальныя пѣсни.

1. Äziĵām, oĵanasan,
Kызыл гүлә боĵanasan;
Oĵūm māx māṛ ġözdārinnān,
Širīn ĵухудан oĵanasan.
Подруга моя, проснулась чтобъ ты,
Золотую въ розу нарядилась чтобъ ты;
Поцѣлую бархатные въ глаза твои,
Сладкаго со сна проснулась чтобъ ты.
2. Бу дәрәдән хан гедәр;
Ачма ĵарам: кан гедәр;
Ĥāĵīm-ĵарраһ нейĵасын:
Аңал ġәлсә, ңан гедәр.
Эту чрезъ долину ханъ пойдетъ;
Не раскрывай рану мою: кровь пойдетъ;
Докторъ-хирургъ что сдѣлаеть:
Смерть придетъ если, душа уйдетъ.
3. Äziĵām, kalasuz!
Šāhār olmaz ġalasyz;
Ĥūnĵi mān ġedārġi olдум,
Siv saĵlyġnan kalasuz.
Друзья мои, остались чтобъ вы!
Города не бываетъ безъ крѣпости (безъ тюрьмы);
Тавъ какъ я идущимъ сдѣлался (навсегда ухожу),
Вы съ благополучіемъ остались чтобъ.
4. Ģedārām, ġedән олса,
Dārĵimi bilән олса;
ĵазарам о канны бәбүза,
Ģрана ġedән олса.

Поѣду, ѣдущій будетъ если,
Горе мое знающій будетъ если;
Напишу въ ту кровавую бумагу,
Въ Иранъ (Персію) ѣдущій будетъ если.

5. Ашыг начар, аглама!

Дардін речар: аглама!

Гаъын багліянъ цалъдъ,

Найбъдъ, ачар: аглама!

Пѣвецъ безпомощный, не плачь!

Горе твое пройдетъ: не плачь!

Дверь твою затворившая судьба,

Вѣроятно, (опять) откроетъ: не плачь!

А. Калашевъ.

ТАТАРСКІЯ ПЪСНИ.

I.

*Вызываніе солнца *).*

1. Гўн, чых, чых, чых,
Җаһәр ази мін, чых:
Оьлун кајадан ушді,
Кызын җандірә дүшді;
Җечәл кызы гоі евдә,
Сашді кызы коштур, чых!
Солнце, выходи, выходи, выходи,
На гвѣдого коня садись, выѣзжай:
Сынъ твой со скалы слетѣлъ,
Дочь твоя въ тендирь **) упала;
Плѣшивую дочь оставь дома,
Волосистую дочь запряги (наряди), выходи!
2. Гўн гетді су ічмәгә,
Кырмаві дон бичмәгә,
Гўн чыхыпды—җеҗіраҗәк,
Гарі јердән гөзүраҗәк,
Җечәл кызы гөзүраҗәк,
Сачді кызын гөзүраҗәк.
Думан, кач, кач:
Сәни кајадан асаллар.
Солнце пошло воду пить,
Красное платье (длинное верхнее) вронить,

*) Записано со словъ жителя гор. Шуши, Миръ-Гашимъ-Везирова.

**) Тендирь—глинная печь изъ глины, устроенная въ видѣ колодца.

Солнце вышло—доведеъ,
Снѣгъ съ земли возьмеъ,
Плѣшивую дочь возьмеъ,
Волосистую дочь приведеъ.
Туманъ, бѣги, бѣги:
Тебя со скалы повѣсятъ.

II.

Пѣня, сопровождающая дѣтскую игру, распространенную среди Закавказскихъ выходцевъ изъ Эрзерума. (Турецкое нарѣчіе ахалцыхскихъ армянъ).

Алім, алім, вѣцѣвѣг,
Буддан чыхан вѣцѣвѣг;
Вѣцѣвѣгін ічінѣ,
Сулѣиманн сачына.
Гетдым Налѣп јолуна,
Салдым-солдум солуна;
Налѣп јолы—џам базар,
Ічіндѣ меімун гѣзѣр;
Меімун бѣні ворхутді,
Булахларым сазыртті.
Салым-солум сармусаѣ,
Салла буні, чѣв шуні.

Переводъ.

Рука моя, рука моя, бабочка,
Изъ золы вышедшая бабочка;
Бабочки во внутренность,
Сулеймана на кудри.
Пошелъ я Алепскую на дорогу,
Поворотилъ я на лѣво;
Алепская дорога—стекляной базаръ (галлерей),

Внутри его обезьяна ходить будетъ;
Обезьяна меня напугала,
Уши мои оглушила.
Брошу чеснокъ,
Повѣсь эту (руку), отними ту (руку).

Описание игры.

Играетъ обыкновенно мать, бабушка или нянька съ ребенкомъ. Малютка кладетъ рядомъ обѣ свои ручки на колѣни матери. Последняя, прикасаясь поочередно то одной, то другой его ручки указательнымъ пальцемъ, произноситъ слова пѣсни по слогамъ. При заключительномъ словѣ „отними ту“, она бьетъ по ручкѣ, а ребенокъ быстро отнимаетъ ее и прячетъ. Когда обѣ руки спрятаны, мать беретъ ихъ, цѣлуетъ и нюхая произноситъ: „роза, фіалка, ландышъ“ и т. д. Ребенокъ, въ восторгѣ отъ этихъ ласкъ, требуетъ повторенія игры.

Инспекторъ народныхъ училищъ Эриванской губерніи,

А. Иоакимовъ.

ОТДѢЛЪ III.

ИЗЪ БЫТА И ВѢРОВАНІЙ МИНГРЕЛЬЦЕВЪ.

1. Осхѣпѣе.

Подъ этимъ названіемъ извѣстенъ въ Мингрелии хороводъ, который уже выводится подъ вліяніемъ новизны и соблюдается только въ отдаленныхъ уголкахъ этой страны, гдѣ еще стороннее вліяніе не успѣло искоренить народнаго патриархальнаго быта.

Осхѣпѣе обыкновенно начинается съ кануна праздничнаго дня и оканчивается вечерней зарею праздника. Изъ этого времени исключаются только церковныя службы, которыя посѣщаются прихожанами.

Начинается осхѣпѣе гдѣ-либо на лужайкѣ или на церковной площади; ночью хороводъ приглашается въ чью-либо саклю, а утромъ снова хороводъ поѣтъ и пляшетъ на виду всей деревни.

Въ хороводѣ участвуетъ не только молодежь обоего пола, но и пожилые обыватели, иногда же и сѣдовласые старцы. Встарину на осхѣпѣе съѣзжались и гости изъ окрестныхъ деревень, какъ на деревенскій праздникъ. Въ хороводѣ, по обычаю, принимала участіе вся деревня, какъ одна семья, и каждый членъ этой семьи вносилъ что-либо на общее веселіе. Иногда осхѣпѣе устраиваетъ только одна семья. Въ этомъ случаѣ молодежь съезжается изъ разныхъ деревень, чтобы за угощеніе гурьбой сдѣлать нужное и спѣшное дѣло угостителю: убрать вукурузу, сжечь хлѣбъ и т. п. *) Въ такомъ осхѣпѣе

*) Это напоминаетъ русскія „помочи“. Въ мингрельскомъ языкѣ есть даже особое слово для такой работы: шенцѣба.

не стѣснялись принимать участіе и дворяне, и даже князья. Трудъ здѣсь чередовался съ пляскою и пѣснями молодежи обоего пола. Уставшая, охьяненная шумнымъ весельемъ молодежь разтѣзжалась по домамъ только послѣ полуночи, и, однако, никто ее не осмѣлился-бы управннуть въ разгулъ, какъ это дѣлается теперь.

Самый хороводъ представлялъ весьма красивое зрѣлище при пестрыхъ костюмахъ стараго времени.

Старинные наряды женщинъ давно уже отошли въ область преданій, уступивъ свое мѣсто новымъ, болѣе европейскимъ, чѣмъ азіатскимъ.

Женщины стараго времени носили длинное, яркихъ цвѣтовъ, платье съ „хабардою“ (кринолинъ); платье подпоясывалось широкимъ узорчатымъ, серебрянымъ или золотымъ, поясомъ (замарі); на головѣ носили личаки и тавсахурави (дудіші гіорзумалѣрі по мингр.); на ногахъ красовались расшитыя золотомъ или серебромъ домашняго издѣлія цуги (цуѣзи по мингр.). Разряженная молодежь собиралась гдѣ-либо на лужайкѣ. Сюда же высыпала и вся деревня „отъ мала до велика“.

Молодежь, взявшись за руки, составляла кругъ (Хуциші осхѣпѣ) и такимъ образомъ, чтобы женщины чередовались въ мѣстахъ съ мужчинами. Пары эти составлялись случайно и рѣдко по выбору. Затѣмъ начиналась пѣсня въ соединеніи съ оригинальнымъ танцемъ: кругъ двигался въ тактъ пѣсни то вправо, то влѣво; потомъ женщины дѣлаютъ па въ середину круга, оставляя мужчинъ на мѣстѣ, за ними повторяютъ тоже самое и мужчины. Самое пѣніе при этомъ раздваивается: половина круга поетъ первую половину пѣсни, остальные подхватываютъ вторую половину. Такое пѣніе носитъ особое названіе: гѣцѣбали.

Осхѣпѣ сопровождается разными играми, которыя тоже выводятся уже изъ употребленія. На осхѣпѣ имѣли мѣ-

сто состязанія въ бѣгѣ (маруле), въ ловкости, въ верховой ѣздѣ. Юноши уходили отъ хоровода на приличное разстояніе, становились въ рядъ и по знаку пускались взапуски. Дѣвицы же тѣмъ временемъ назначали призы, состоявшіе чаще всего изъ денегъ, иногда изъ вещей—досушей работы дѣвиць: расшитыя цуги, вышитыя узорами башлыкы и т. п. Богатыми дворянами и князьями въ призы назначались и лошади.

Каждое состязаніе имѣло три приза: большой, средній и малый. Большой вручался торжественно первому прибѣжавшему, средній—второму и меньшій—третьему. Прочіе же состязатели получали въ награду насмѣшки.

Въ пасхальное осхануѣ устраивалось еще состязаніе иного рода. Дѣвицы заготовляли къ этому хороводу разноцвѣтные мячи (чарга-бурзі); ими же въ складчину составлялся капиталъ для призовъ. Къ каждому мячу пришивалось какое-либо количество серебряныхъ монетъ. Юноши составляли кругъ, въ который входила одна изъ дѣвиць и высоко подбрасывала мячъ: кто ловилъ мячъ на лету, тотъ и получалъ его въ награду. Если же мячъ падалъ на землю, то юноши лишались права повторить состязаніе. Къ нимъ на смѣну выходили солидные мужи; если же и они проигрывали, то послѣднее состязаніе устраивали сѣдовласые старцы. Призъ оставался за старцами даже и въ томъ случаѣ, если бы и изъ нихъ никто не поймалъ мяча.

Всякая неудача состязателей сопровождалась хохотомъ, насмѣшками, остротами.

Въ обычаѣ было, чтобы каждый молодоженъ въ первое же осхануѣ вносилъ деньги (или вещи, лошадь и т. п.) на призъ въ бѣговомъ состязаніи, а молодая жена обязывалась приготовить мячъ съ призомъ.

Нынѣ осхануѣ пока еще кое-гдѣ существуетъ, но не съ такимъ уже одушевленіемъ, какъ встарину. Состязаніе въ бѣгѣ нынѣ уступило мѣсто состязанію въ верховой ѣздѣ.

2. Чечеџоба.

Подъ этимъ названіемъ извѣстны въ Мингреліи кануны на праздники пророка Іліи (20 іюля) и Успенія Богоматери (15 августа).

Въ ночь чечеџоба, по повѣрью мингрельцевъ, злые духи летаютъ по землѣ и стараются людямъ дѣлать зло. Въ эту ночь никто не долженъ спать, иначе злой духъ войдетъ въ спящаго и причинитъ ему болѣзнь, отъ которой ужъ никто его не вылѣчитъ.

Въ сумеркахъ молодежь обоого пола собирается гдѣ-либо на холмѣ вблизи деревни и здѣсь при вострохъ предается шумному веселью до самой зари. Оставшіеся въ деревнѣ тоже не спятъ: отовсюду слышатся выстрѣлы, крики, звуки деревянныхъ трубъ... Все это дѣлается для того, чтобы напугать и прогнать нечистую силу.

Мужчины и женщины „съ недобримъ глазомъ“, т. е. замѣченные въ сношеніяхъ съ нечистою силой (по мингр. мазакавалі) *), отправляются въ эту ночь на уединенную возвышенность, ближайшую къ селу, и оттуда подслушиваютъ, что дѣлается въ обывательскихъ домахъ. Если въ какомъ-либо дворѣ они услышатъ стукъ въ родѣ ударовъ топора (цѣйрва), то это знаменуетъ, что въ этомъ домѣ умретъ кто либо изъ мужчинъ въ теченіе года. При этомъ, если стукъ повторяется отчетливо, громко и часто (маласі-цѣйрва), то умретъ молодой человекъ, если же тихо и медленно (ццарі-цѣйрва), то умретъ старецъ. Стукъ на подобіе молотбы гоми (чхварѣа) означаетъ смерть женщины.

На утро подслушватели объявляютъ по деревнѣ, что и гдѣ они слышали. Народъ имъ вѣритъ; вѣритъ въ неизбежность угаданной колдунами судьбы и все таки въ предотвра-

*) Къ мазакавалі причисляются и обжоры, про которыхъ думаютъ, что они могутъ съѣсть за одинъ разъ барана и что въ нихъ сидятъ голодный бѣсъ.

ценіе несчастья хватается за послѣднее средство, играющее роль талисмна. Такимъ талисманомъ служитъ восковая свѣча (чистаго воску) или сдѣланный изъ него крестикъ. Талисманъ этотъ привязываютъ всѣ въ ночь чечежеба, а членъ семьи, обреченной гаданьемъ колдуновъ на гибель, не разстается съ нимъ въ теченіе цѣлаго года.

3. Свадьба.

Не лишнее будетъ сказать предварительно нѣсколько словъ о положеніи женщины-мингрелки въ семьѣ и обществѣ.

Женщина для мингрельца—вся поэзія. Онъ ее наряжаетъ, балуетъ, устраняетъ отъ заботъ и хлопотъ, и все лишь для того, чтобы любоваться на нее самому и чтобы другіе восторгались ею.

Мингрелецъ самъ лично иногда ходитъ въ лохмотьяхъ, претерпѣваетъ и холодъ и голодъ, изнемогаетъ подъ тяжелымъ трудомъ, а жена и дочери съ утра до поздняго вечера поютъ и танцуютъ въ перемежку съ легкой работой вязанья, вышиванья, иногда тканья.

Утомленный дневнымъ полевымъ трудомъ мингрелецъ находитъ еще силы хлопотать въ ладоши и забавляться танцами жены и дочерей вечеромъ.

Такъ ведется здѣсь ужъ изстари.

Мингрелецъ не ищетъ невѣсты умной, доброй, хозяйки, трудолюбивой—этихъ качествъ онъ и не знаетъ за женщиной,—для него имѣетъ цѣну только красота, богатство нарядовъ невѣсты и богатое приданое. Родители, какъ кажется со-сторонъ, радуются болѣе появленію дочери, чѣмъ сына. Рожденіе дочери всегда возвѣщается радостными выстрѣлами. Дѣвуху съ колыбели окружаютъ ласками, лелѣютъ ее какъ нѣжное созданіе, а мальчикъ, наоборотъ, воспитывается въ самой грубой обстановкѣ. Мальчикъ растетъ на улицѣ, въ

лѣсу, въ полѣ, дѣвочка въ комнатѣ. Мальчишки выглядят оборванцами, грязными, босоножками—дѣвочка всегда принаряжена, всегда въ чулкахъ, въ сафьянныхъ желтыхъ или красныхъ „постали“. Если она не особенно красива отъ природы, то заботливая мать и наругиваетъ её, и брови подведетъ. Въ пять—шесть лѣтъ дѣвочка уже легко и ловко танцуетъ лезгинку, искусно выбиваетъ на дайрѣ и недурно играть на гармоникѣ.

Съ колыбели уже дѣвушка готовится и къ замужеству: ей собираютъ приданое. Каждый поздравляющій съ новорожденной владетъ ей въ колыбель хотя бы копеечку.

Ей сыпятся отовсюду подарки въ новогодніе праздники. Ей дарятъ за искусный тавецъ, за игру на дайрѣ и т. п.

Дѣвушка растетъ въ комнатѣ, но не въ затворничествѣ. Если у нея нѣтъ прислуги, то она работаетъ съ матерью по хозяйству: шьетъ одежду, моетъ бѣлье, учится стряпать, вяжетъ чулки, тклетъ дарайю (мѣстная шелковая матерія), сукно, досматриваетъ птицу и т. п. Но за этими хлопотами все же еще много свободнаго времени, которое надо какъ-нибудь убить. И вотъ она отплясываетъ или у себя, или же въ гостяхъ. Въ праздники она одинаково съ мужчинами веселится въ хороводѣ.

Все это породило среди мингреловъ стыдъ къ труду на людяхъ. Если вы застанете женщину, напримѣръ, за мойкой бѣлья, то она очень сконфузится и броситъ работу. Все она дѣлаетъ тайкомъ, прячась отъ постороннихъ. И только самая крайняя нужда, бѣдность выгоняетъ женщину и на поле, и въ садъ, и въ лѣсъ на помощь мужу или брату.

Произведенія ея домашняго труда (чулки, дарайя, сукно, и т. п.), при нуждѣ, мужчины сбываютъ или въ городахъ, или барышникамъ. Выручка отъ такой продажи чаще всего идетъ на женскіе же наряды. Продавать и покупать, вообще торговать, для женщины унижительно.

Свадьба у мингрельцев не сопровождается какими либо особенно оригинальными обрядами.

Женихъ всегда имѣетъ возможность узнать, согласна ли выйти за него избранная имъ и какъ къ этому отнесутся ея родители. На „авось“ здѣсь не сватаютъ, такъ какъ отказъ влечетъ за собою вражду, покражу невесты, а подчасъ и рѣзню.

Покража невесты—дѣло нерѣдкое. Причину покражи бываетъ отказъ или самой невесты, или ея родныхъ. Фактъ покражи—большое безчестье какъ для дѣвушки, такъ и для всей семьи ея. Позоръ этотъ можетъ смѣяться только бракомъ съ похитителемъ. Если же похищенная всё же не пожелаетъ выйти за похитителя, то она вынуждена будетъ переносить презрѣніе не только всего общества, но и родныхъ своихъ. Кромѣ того, краденая дѣвушка, въ силу презрѣнія къ ней, не можетъ рассчитывать на какой бы то ни было бракъ.

Нерѣдко попадаютъ впросакъ и молодые люди: они вынуждены бываютъ жениться противъ своей воли и желанія. Такъ, напримѣръ, если родственники дѣвушки замѣтятъ, что между ней и какимъ либо молодымъ человѣкомъ завязываются интимныя отношенія, хотя бы самаго невиннаго свойства, то на молодого человѣка смотрятъ уже какъ на соблазнителя: его заманиваютъ въ домъ и угрозами, обнаживъ кинжалы и слегка покалывая его, заставляютъ дать слово жениться на ихъ родственницѣ. Отказъ жениха отъ невесты наказывается кровавой мстью изъ-за угла.

Въ обыкновенной свадьбѣ дѣло ведется такъ:

Женихъ избираетъ довѣренныхъ и мужчинъ по преимуществу. Довѣренные отправляются къ избранной въ домъ и дѣлаютъ предложеніе отъ имени жениха сперва роднымъ, а потомъ невестѣ. Тутъ же ведутся переговоры о приданомъ и о срокѣ свадьбы: послѣдній опредѣляется обоюднымъ соглашеніемъ. Въ приданое невестѣ готовится слѣдующее: мѣдныя

котлы и прочая посуда, мебель—шкафъ, комодъ или сундукъ, кровать, зеркало, подушки, одѣяла и проч. Богатая невѣста должна имѣть по крайней мѣрѣ дюжину одѣялъ и подушекъ. Объясняется это обычаями гостепріимства. Родственники часто, въ случаѣ, напр., болѣзни члена семьи, съѣзжаются изъ окрестныхъ деревень десятками и живутъ на полномъ издѣвеніи недѣлю, двѣ и болѣе. Въ приданое идутъ еще деньги и крупный скотъ.

Когда приданое готово, то назначается день увода невѣсты. Въ этотъ день близкіе жениха и невѣсты собираются въ домъ послѣдней и вутягъ до вечера, послѣ чего, обыкновенно въ сумеркахъ, открывається торжественное шествіе невѣсты въ домъ жениха. Впереди несутъ и везутъ ея приданое, за нимъ идетъ невѣста, сопровождаемая близкими родственниками, а позади остальная публика. Хоръ при этомъ поѣтъ всю дорогу свадебную, соотвѣтствующую данному моменту, пѣсню: "бѣѣ-дѣло, вухчо беднѣра", что значитъ: счастье, сдѣлай уходъ твой счастливымъ! Пѣніе сопровождается частыми выстрѣлами. Невѣста сдаѣтся на руки роднымъ жениха и живетъ здѣсь до вѣнца недѣлю и болѣе. Вѣчаніе въ день увода невѣсты бываетъ рѣдко.

Актъ увода невѣсты, помимо церковнаго обряда и таинства, связываетъ брачущихся неразрывными узами въ силу стариннаго обычая или обычнаго права *).

При соблюденіи церковнаго обряда строго наблюдается за тѣмъ, чтобы кто либо не прошелъ между брачущимися, иначе жизнь ихъ будетъ несогласной, разъединенной.

Свадебный пиръ рѣдко бываетъ въ день вѣчанія: для пира назначается особый день медоваго мѣсяца; иногда же пиръ откладывается на нѣсколько мѣсяцевъ, что зависитъ отъ средствъ молодожена. Состоятельные мингрельцы устраиваютъ

*) Аналогичный обычай существуетъ у карагаевцевъ и осетинъ.

жо дню пира обширный деревянный навѣсъ (шеѣа), къ столбамъ котораго привязываются громадныя кувшины вина. Обреченный на зарѣзъ скотъ привязанъ тутъ же. Гости изощряются въ искусствѣ отрубить однимъ ударомъ шапши или кинжала голову обреченному на сѣденіе животному. Мясо варится тутъ же въ большихъ котлахъ.

Самое пиршество начинается такъ: прежде всего подаютъ длинныя тонкія лавашы, замѣняющіе тарелки и салфетки; на лавашы кладутъ большія порціи гоми, а затѣмъ уже подается „сацбелі“ (куриный отваръ съ орѣхами, уксусомъ и приправами) и лопатка. Не бываетъ недостатка въ жареныхъ и вареныхъ курахъ, гусяхъ и индейкахъ.

Въ заключеніе каждому гостю, не исключая и дѣтей, подается громадный кусокъ варенаго мяса: даютъ обыкновенно отдѣльныя части животнаго. Угощеніе это называется „улуѣа“; „улуѣа“ гости могутъ брать съ собою домой. „Улуѣа“ имѣетъ символическое значеніе: каждый гость долженъ пожелать, чтобы жизнь молодыхъ протекла въ довольствѣ и веселіи, а главное, чтобы у нихъ всегда много было пищи, что собственно и знаменуетъ „улуѣа“.

На свадебныхъ пирахъ вино льется рѣвой: его пьютъ здѣсь не стаканами, а изрядныхъ размѣровъ круглыми деревянными чашками (челамі-каламі) и турьими рогами. Плохо бываетъ отказавшемуся отъ вина: подгулявшіе гости бросаютъ въ него чашками и бутылками и обливаютъ его виномъ.

На пирахъ поется свадебная застольная пѣсня: „воріда! даліеда шегергеба“. Свадебныя пиры сопровождаются танцами и нерѣдко рѣзней въ пьяномъ видѣ.

4. Лѣсныя чудовища.

Въ дѣйственныхъ лѣсахъ Сванетіи и верхней Мингреліи мѣстные жители встрѣчаютъ дикихъ людей. Называютъ ихъ по мингрельски „очокочи“ (очо—дивій, кочи—человѣкъ).

О встрѣчахъ съ дикими людьми разсказываютъ не только въ Сванетіи и Мингреліи, но и въ Тифлисской и Эриванской губерніяхъ. Въ Тифлискомъ уѣздѣ встрѣчаютъ дикихъ людей верстахъ въ 20—25 къ западу отъ урочища Бѣлаго-Ключа въ дремучихъ лѣсахъ подъ Лысыми горами. Чаше же всего „очокочи“ попадаютъ въ Ленхерскомъ ущельѣ, черезъ которое по берегамъ Ингура пролегаетъ путь изъ Мингреліи въ Сванетію.

Къ югу отъ главнаго гребня Кавказскихъ горъ до населенныхъ мѣстъ Сванетіи съ востока, Абхазіи съ запада и Мингреліи съ юга простирается обширное плоскогорье, нетронутое еще человѣкомъ; только на ближайшихъ къ населеннымъ мѣстамъ склонахъ пасутся стада названныхъ народовъ. Въ глубокихъ же долинахъ истоковъ Кодора (въ Абхазіи) и притоковъ Ингура (между населенной Сванетіей и верхними поселеніями мингрельцевъ) не проложилъ еще тропы и горный пастухъ. Здѣсь пока еще дремлетъ природа въ своей дѣвственной красѣ.

Разсказы про „очокочи“ въ Мингреліи и Сванетіи, главнымъ образомъ и пріурочиваются къ этой мѣстности. Встрѣчаются „очокочи“ чаше всего въ одиночку, рѣдко группами въ 2—5 человѣкъ. Попадаютъ чаше всего особи мужскаго пола, но нѣкоторые охотники встрѣчали и женщинъ.

„Очокочи“, по разсказамъ, очень похожи на обыкновенныхъ людей. Отличаются мускулистымъ сложеніемъ и загрубѣлымъ, смуглымъ цвѣтомъ кожи. Волосами обросли только, какъ и у обыкновенныхъ людей, нѣкоторыя части тѣла. Сильно заросла довольно длинными волосами вся грудь. Волосы на головѣ курчавые, темнаго цвѣта съ просѣдью,—образуютъ громадную естественную шапку. Тѣло ничѣмъ не покрывается. Членораздѣльной рѣчи не имѣютъ: при встрѣчѣ визжать, мычать и смѣются, не пятятся, но и не бросаются, а какъ бы съ удивленіемъ вопрошаютъ. Говорятъ, что если имъ не от-

вѣчать, то они убѣгутъ сами, если же кто крикнетъ на нихъ или заговорить съ ними, то они бросаются и дерутся. Дерутся „очокочи“ не совсѣмъ обыкновенно: въ дражѣ они стараются переломить руки или ноги, какъ ломаютъ, напр., сухіе сучья, парпаются отросшими острыми ногтями и грызутся. О борьбѣ понятія не имѣютъ.

Вотъ разсказъ одного армянина, иллюстрирующій встрѣчу съ „очокочи“ подъ Лысыми горами (въ Тифл. уездѣ).

„Мы собрались покинуть вочевье. Я и товарищъ пошли искать деревьевъ для плуга и арбы. Товарищъ нашелъ дерево для плуга и началъ рубить его, а я сталъ искать неподалеку дерево для арбы. Я слышалъ стукъ топора. Вдругъ стукъ внезапно прекратился. Я подумалъ: медвѣдь пришелъ, и товарищъ испугался. Иду тихо. Подошелъ близко къ дереву и вижу: стоитъ дикій человѣкъ, голый, съ большими волосами, почти до пояса, страшный, какъ дьяволъ,—стоитъ, мычитъ, и топоръ сломать хочетъ. Я испугался, но не очень: у меня былъ топоръ, кинжалъ и пистолеть. Дикій человѣкъ всё смѣется и топоръ ломаетъ. Онъ обрѣвалъ руку, потекла кровь; ему стало, вѣроятно, больно,—онъ швырнулъ топоръ, завизжалъ, сломалъ два маленькіхъ дерева и побѣжалъ. Я нашелъ товарища близко. Онъ лежалъ, какъ мертвый. Цѣлый мѣсяцъ былъ нѣмой, а потомъ такъ разсказывалъ:—„когда я рубилъ, то услышалъ, что кто то идетъ; я думалъ—ты, оглянулся и увидѣлъ дикаря, который со смѣхомъ и вивгомъ, поднявъ кверху обѣ руки, приближался ко мнѣ. Я испугался и побѣжалъ, а потомъ ужъ ничего не помню“.

Вотъ еще разсказъ сванета:

„Два нашихъ охотника пошли на ночь за турами въ Ленхерское ущелье. Ночевать остались въ лѣсу; развели подъ деревомъ маленькій огонекъ, и сидятъ около него на корточкахъ, а ружья поставили около дерева. Пришелъ тихонько „очокочи“, засмѣялся, замычалъ и тоже присѣлъ около нихъ

на коротычки. Охотники до того испугались, что нѣсколько времени были какъ мертвые. Опомнившись, они бросились бѣжать. Потому имъ стало жаль ружей, и они вернулись, предполагая, что „очокочи“ уже ушелъ. Подравшись, они увидѣли, что „очокочи“ держитъ ружье за стволъ и хочетъ его сломать. Потому онъ, сердясь, бросилъ ружье въ огонь; съ другимъ сдѣлавъ то же, онъ еще бросилъ въ огонь нѣсколько сучьевъ, припасенныхъ охотниками и снова сѣлъ на коротычки. Ружья скоро выстрѣлили. „Очокочи“, видимо испугавшись, вскочилъ и убѣжалъ. Охотники достали изъ огня только стволы“.

Изъ этихъ разсказовъ видно, что „очокочи“ умѣютъ только ломать и бросать. Условія жизни въ лѣсахъ научили ихъ этимъ дѣйствіямъ: имъ приходится ломать сучья, чтобы добыть плоды, бросать для той же цѣли палки въ вѣтви деревьевъ. Признаковъ жилья „очокочи“ никто не встрѣчалъ. По всей вѣроятности, они ведутъ жизнь бродячую, а отъ холода и сырости прячутся подъ камнями или въ пещерахъ, которыхъ немало въ горныхъ мѣстахъ.

Распространеннымъ суевѣріемъ въ Мингреліи является вѣра народа въ существованіе „тхаши-маца“, т. е. лѣсной царицы. Её представляютъ красавицей, съ длинными распущенными волосами, голою и легкой на ходу. Она бродитъ по лѣсамъ, какъ духъ. Въ ея власти находится всякая дичь. Она можетъ послать дичь охотнику и можетъ сдѣлать охоту вполне неудачною. Она не имѣетъ мужа, и встрѣчаясь съ мужчиною, требуетъ, что бы онъ раздѣлилъ съ нею ложе, обѣщая ему за это счастье во всемъ, и охотнику въ охотѣ особенно. О встрѣчѣ съ царицей лѣса осчастливленный, не долженъ никому говорить: открытіе этой тайны влечетъ за собою полную неудачу во всемъ, а иногда и страшную мечь „тхаши-маца“. Тѣло „тхаши-маца“ ночью свѣтится блѣднымъ свѣтомъ, отчего она кажется бѣлою. Въ такомъ видѣ будто бы встрѣчали

ее даже женщины вблизи деревень. Многія женщины, по рассказамъ, сошли стѣма отъ таковой встрѣчи, другіе же онѣмѣвали на продолжительное время.

Другимъ распространеннымъ суевѣріямъ въ Мингреліи и Имеретіи является увѣренность народа въ существованіе каджи и чинка. Оба эти мифическія существа имѣютъ образъ человѣческій, но съ особенностями. Каджи обросъ весь волосами, имѣетъ на ногахъ копыта, грудь остріемъ (какъ грудная кость у птицъ), которымъ онъ можетъ разрѣзать человѣка надвое. Руки каджи держитъ всегда приподнятыми и прижатыми къ плечамъ. На рукахъ длинныя острые когти. Волоса у каджи ночью свѣтятся особеннымъ блѣднымъ свѣтомъ, почему по ночамъ онъ кажется бѣлымъ. Каджи большого роста, мускулистъ и обладаетъ необыкновенною богатырскою силою.

Чинка—мальчикъ, не болѣе аршина ростомъ, подобно каджи, обросъ весь волосами, которые ночью тоже свѣтятся. Голова у чинка курчавая, на рукахъ и ногахъ длинныя острые когти, въ которыхъ заключена вся сила чинки. Особенность чинка—это непомѣрное развитіе половыхъ органовъ, что заставляетъ его при ходьбѣ переваливаться съ ноги на ногу, подобно утѣ.

Оба чудовища живутъ въ лѣсахъ. Они не бѣсы, но и не люди. О происхожденіи ихъ ничего неизвѣстно. Эти получеловѣческія существа находятся на службѣ у дьявола, исполняютъ его порученія и караулятъ влады. Существуетъ повѣрье, что каджи и чинка можно заставить служить и людямъ. Если какому нибудь счастливицу удастся отрѣзать когти у каджи или чинки, и если удастся ихъ спрятать такъ, чтобы они не нашли ихъ, то тогда эти чудовища поступаютъ въ полное распоряженіе такою счастливицу. Отыскавъ свои когти, чудовища приставляютъ ихъ на мѣста,—когти быстро прирастаютъ и чудовища снова убѣгаютъ на службу къ дьяволу.

Потеря ногтей лишаетъ каджи и чинка ихъ силы и дѣлаетъ ихъ безопасными. Замѣчено, будто бы чудовища эти тоскуютъ и даже плачутъ по утеряннѣмъ ногтямъ. Когти слѣдуетъ сжечь.

Каджи и чинка зла людямъ не дѣлаютъ: они только ревниво охраняютъ дьявольское добро и прогоняютъ всякаго, кто приближается къ нему. Чудовища эти даже снисходительны къ людямъ: въ первый разъ они побьютъ человѣка не сильно, но такъ, однакожь, что онъ онѣмѣетъ на цѣлую недѣлю. Во второй разъ приколотятъ сильнѣе, и побитый онѣмѣваетъ на цѣлый мѣсяць. Въ третій разъ бьютъ на смерть. При встрѣчѣ съ человѣкомъ чудовища эти свистятъ и бросаются камнями. Каджи и чинка боятся только Георгія Побѣдоносца: призываніе имени этого святого въ молитвѣ при встрѣчѣ съ этими чудовищами повергаетъ ихъ въ трепеть и бѣгство.

5. Местъ „Траши-маѣѣа“.

Въ Ленхерскомъ ущельѣ на берегу Ингура лежатъ селеніе Джвари (крестъ). Къ сѣв.-востоку отъ селенія простирается обширное плоскогоріе съ альпійскими пастбищами. Многочисленныя горныя долины заросли дремучими лѣсами, изобилующими всякаго рода дичью. На плоскогоріи, верстахъ въ семи отъ Джвари, возвышается гора Квира. Вершина горы плоская; представляетъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ красивый ровный альпійскій лугъ. На этомъ лугу, какъ говорятъ очевидцы, находятся три замѣчательные камня. Большой изъ нихъ имѣетъ видъ статуи охотника, статуя какъ будто идетъ впередъ съ ружьемъ на плечѣ. Другіе два камня имѣютъ видъ собакъ, бѣгущихъ за охотникомъ.

Вотъ что старики рассказываютъ объ этомъ. Въ Джвари жилъ нѣкогда знаменитый охотникъ. Однажды преслѣдуемый имъ олень завелъ его въ глубину лѣса. Здѣсь встрѣтился онъ

съ „тшаши-мацъза“, которая по обыкновенію предложила ему ложе. Онъ принялъ предложеніе, и съ тѣхъ поръ ему выпало необыкновенное счастье на охотѣ. Такъ охотился онъ много лѣтъ, истреблялъ дичь десятками и наконецъ въ этихъ мѣстахъ не стало дичи.

У охотника была жена красавица. Онъ ее очень любилъ. Она дивилась необыкновенному счастью мужа и допытывалась, при помощи какихъ силъ онъ истреблялъ такъ много дичи, тогда какъ прочіе охотники почти всегда возвращаются съ пустыми руками. Долго охотникъ отговаривался, но не вытерпѣлъ и выдалъ женѣ тайну своей встрѣчи съ царницей лѣса. Съ тѣхъ поръ счастье покинуло охотника: онъ всегда возвращался съ охоты безъ дичи. Однажды онъ стоялъ на своемъ дворѣ и раздумывалъ, — почему это его оставило счастье. Вдругъ залаяла его собака. Онъ поднялъ голову и увидѣлъ на разстояніи выстрѣла нѣсколько оленей. Немедля ни минути, онъ схватилъ ружье, прицѣлился, выстрѣлилъ и сдѣлалъ промакъ, чего съ нимъ никогда не случалось. Собаки бросились на оленей. Раздосадованный охотникъ тоже бросился за ними. Олени повернули на гору Квира и какъ бы дрались охотника: то останавливались, то бѣжали, не давая ему времени прицѣлиться. Вотъ наконецъ всѣ они достигли вершины горы и упомянутого выше луга. Охотникъ остановился, чтобы прицѣлиться, но въ это время къ нему обернулся одинъ изъ оленей и закричалъ зычнымъ голосомъ: „остановись, не стрѣляй! Пришелъ тебѣ конецъ! Отвѣчай: во что желалъ бы ты обратиться?“ Охотникъ понялъ, что имѣетъ дѣло не съ обыкновенными оленями, вспомнилъ о своей встрѣчѣ съ тшаши-мацъза, вспомнилъ про жену... Но раздумывать было не время: олень настойчиво требовалъ отвѣта. Онъ, однакоже, нашелъ время сообразить о слѣдующемъ: „если скажу: обрати меня въ дерево, то пастухи срубятъ его и сожгутъ, а камень, вѣдь, не сожгутъ“. Онъ положилъ ружье на плечо и, направившись въ сто-

рону оленя, крикнулъ: „обрати меня въ камень...“ Не успѣлъ онъ еще окончить послѣдняго слова, какъ обратился въ камень вмѣстѣ со своимн собаками.

Съ тѣхъ поръ ежегодно въ этотъ роковой для охотника день онъ и собаки его оживаютъ: на лугу раздается лай собакъ и выстрѣлъ охотника.

Самое названіе горы Квира значитъ по грузински воскресеніе.

(Записано со словъ 90 лѣтняго старца Джату Шанава въ деревнѣ Цаленджиха, Зугдидскаго уѣзда Кутаисской губерніи).

6. Озеро „Тоба-варчхилі“.

Озеро „Тоба-варчхилі“ лежитъ на плоскогоріи Чажки-болъ къ востоку отъ Ленхерскаго ущелья. Мингрельцы съ суевѣрнымъ страхомъ предостерегаютъ всякаго не только не пить чистой какъ слеза воды изъ этого озера, но даже омочить въ немъ руки. Рассказываютъ, будто одинъ пастухъ бросилъ въ это озеро камень, отчего поднялась страшная буря, которая опрокинула весь скотъ вмѣстѣ съ пастухомъ въ это озеро. Должно быть въ озерѣ живутъ нечистые духи, а „каджи“ и „чинка“ стерегутъ сокрытое въ немъ серебро, чѣмъ и объясняется названіе самого озера— „Тоба-варчхилі“, что значитъ—озеро-серебра.

Пастухи боятся даже подходить ближе къ озеру, не поютъ въ немъ никогда скота, не пьютъ его воды: иначе стряется бѣда.

(Записано Я. Тенцовымъ по рассказамъ мѣстныхъ жителей).

7. Девъ и царская дочь.

Давно, очень давно это было. Были тогда богатыри-цари у нашего народа, были и девы (великаны-чудовища) въ на-

ших дремучихъ лѣсахъ. Были тогда и чудеса всякія, которыхъ мы теперь уже не видимъ.

Жилъ былъ въ то время царь. Былъ у него прекрасный садъ, а еще прекраснѣе его три дочери. Росли въ томъ саду волшебныя яблони. Дочери, гуляя по саду, могли сорвать и съѣсть по одному яблоку. Царь строго-на-строго запретилъ дочерямъ ѣсть болѣе одного яблока.

Вотъ однажды сестры, гуляя по саду, подошли къ весьма красивой яблонѣ. Сорвали онѣ по одному яблоку и съѣли. Яблоки были такъ вкусны, что имъ трудно было воздержаться отъ соблазна съѣсть еще по одному. Обѣ старшія дочери бѣжали отъ соблазна, младшая же нарочно упала и, поднявъ съ земли еще одно яблоко, поспѣшно съѣла и его. Отъ этого она скоро сдѣлалась беременной. Узнавъ объ этомъ, царь страшно разгнѣвался и приказалъ своимъ министрамъ казнить ослушницу. Министры же, сочувствуя ея молодости и необыкновенной красотѣ, пощадили ее, даровали ей жизнь и отвели ее въ глубь дремучихъ лѣсовъ. Долго скиталась изгнанница по лѣсамъ, но найти выхода изъ нихъ къ людямъ не могла. Скоро у нея родился сынъ, котораго она назвала Петромъ. Мать и сынъ жили подъ деревомъ, питались дикими плодами и травами. Мальчикъ росъ не по днямъ, а по часамъ и съ раннихъ же лѣтъ сдѣлался кормильцемъ матери. Мать научила его сдѣлать лукъ: отломала вѣточку, изогнула ее въ дугу, изъ остатковъ своего платья устроила тетиву, а изъ колочка стрѣлу. Петръ рано сталъ ходить на охоту и добывалъ разную дичь, чѣмъ кормилъ и себя, и свою мать.

Вотъ однажды Петръ зашелъ на охотѣ слишкомъ далеко отъ своего логовища, взобрался на высокую гору и далеко, далеко увидѣлъ большое поле. Тамъ онъ разглядѣлъ нѣсколько паръ воловъ и буйволовъ, запряженныхъ въ большіе желѣзные плуги: какіе-то люди пахали это обширное поле. Воз-

вратясь, онъ разсказалъ матери, что видѣлъ. „Всё, что ты видѣлъ, принадлежитъ твоему дѣду, который приговорилъ меня въ смерти“, отвѣчала ему мать.

„Пойду, у дѣда займу хоть немного желѣза, а то трудно охотиться съ моимъ лукомъ“, подумалъ Петръ, и немедленно отправился на поле. Онъ отнялъ два плуга у пашущихъ и сказалъ имъ: „пойдите и скажите дѣду, что внукъ его занялъ у него немного желѣза для лука. Пусть онъ не обижается: вѣдь онъ и такъ очень богатъ, а я съ матерью почти умираемъ отъ голоду—много ли добудешь дичи моимъ деревяннымъ оружіемъ?“ Взваливъ мальчикъ на плечи себѣ оба плуга, привнесъ въ свое логовище, и тамъ сдѣлалъ изъ нихъ богатырскій лукъ и большой желѣзный мячъ. Работалъ же онъ только руками... вотъ какіе богатыри были въ старину! Теперь уже Петръ никогда не возвращался съ охоты безъ добычи.

Разъ Петръ зашелъ далеко отъ своего жилища и увидѣлъ вдали большіе горы и глубокія долины въ дремучихъ лѣсахъ. Идетъ онъ по ущелью и видитъ громадный домъ. Изъ дома выбѣжали 9 девокъ и вступили съ Петромъ въ бой. Петръ не потерялся и бросилъ своимъ тяжелымъ мячемъ поочередно въ каждого великана, превосходившаго его ростомъ въ нѣсколько сотъ разъ. Каждый ударъ направлялся въ громадный лобъ дева, и онъ падалъ бездыханнымъ. Восемь девокъ уже пали мертвыми, девятый же, видя гибель остальныхъ, поспѣшалъ скрыться въ горы. Петръ завладѣлъ домомъ девокъ и поселился въ немъ съ матерью.

Однажды Петръ ушелъ на охоту. Оставшійся девъ, узнавъ о его отсутствіи, явился къ матери Петра и сказалъ: „Согласись быть моею женою, иначе я убью тебя въ отсутствіи сына, но чтобы намъ жить спокойно, нужно избавиться отъ твоего сына. Убить его я не могу, онъ оказался сильнѣе девяти насъ,—поэтому нужно извести его хитростью, и вотъ что я придумалъ: притворись очень больною и скажи сы-

ну, что единственное средство, которое выльчить тебя—это желчь царицы свиней (вожака въ стадѣ), которая находится отсюда за девятью высокими горами (хребтами). Онъ тебя любитъ и пойдетъ искать желчь свиньи, а на дорогѣ погибнетъ въ снѣгахъ и льдахъ”.

Девъ еще разъ пригрозилъ матери Петра смертью и ушелъ. Возвратился Петръ. Мать его въ точности исполнила все то, что приказала ей девъ, и Петръ, не медля, какъ вѣтеръ, полетѣлъ за желчью. Прощелъ онъ девять высокихъ горъ и видитъ пастбища, а на нихъ стада свиней. Онъ отличилъ изъ нихъ царицу и намѣревался уже убить ее, но та остановила его и сказала: „не бей меня, а возьми желчь другой свиньи,—я же тебѣ когда либо пригожусь!“ Петръ такъ и сдѣлалъ. Мать поблагодарила его за принесенную желчь, но не думала выздоравливать и снова молвила: „если ты меня любишь, то за дремучими лѣсами, за девятью горами въ другую сторону ты найдешь стада быковъ (зубровъ) и ихъ царицу: добудь желчь этой царицы, и мать твоя выздоровѣетъ!“

Сынъ, не медля, отправился на поиски. Съ нимъ случилось то же, что и въ первый разъ. Принесъ онъ желчь не царицы, а простого.

Мать и послѣ этого не захотѣла подняться съ постели и отправила сына опять за девять горъ въ третью страну за желчью царицы буйволовъ. Съ Петромъ случилось то же, что и въ первый и во второй разъ: принесъ онъ желчь простого буйвола.

Мать рѣшила выздоровѣть.

Видя девъ и мать, что трудно побѣдить сына и хитростью,—придумали они новое средство. Въ отсутствіе сына приготовили они громадный котелъ и наполнили его водою. Девъ спрятался въ домѣ. Возвращается Петръ съ охоты, а мать и говоритъ ему: „сынъ мой милый, ты усталъ и весь запыхался, выкупайся вонъ въ томъ котлѣ, а потомъ будемъ

объдать⁴. Петръ исполнилъ желаніе матери. Но только онъ окунулся въ котель, какъ девъ выскочилъ изъ дома и закрылъ его крышкой, а на крышку наворочалъ громадныхъ камней. Вокругъ котла развели громадный костеръ, сварили Петра и бросили его съ котломъ вмѣстѣ въ рѣку.

Мать Петра и девъ устроили наконецъ свою свадьбу.

Плыветъ котель по рѣкѣ, а на берегу стоитъ волшебница: крикнула она свинью, быка и буйвола, которымъ даровалъ Петръ жизнь, и тѣ вытащили котель на берегъ. Волшебница сложила кости Петра и оживила ихъ.

Одѣлся Петръ нищимъ и пошелъ къ своей злой матери на свадьбу, пылая жаждой мести. Девъ и мать не узнали Петра и приняли его, какъ единственнаго гостя своего брачнаго пира. Петра случайно посадили около его лука и мяча. Схватилъ онъ свой мячъ и разможилъ голову деву, а мать пронзилъ своей богатырской стрѣлюю.

Такъ Петръ побѣдилъ не только силу девоу, но и ихъ хитрость. Говорятъ, что Петръ наслѣдовалъ потомъ своему дѣду и былъ счастливъ на многія лѣта.

Вчера былъ я тамъ, сегодня сюда пришелъ.

(Записано со словъ крестьянина Василія Джанджгава изъ с. Горди Сенаск. уѣзда, ученикомъ Мдивани).

8. Неистоцимый кабанъ (Тқарі-ѳаці усашвели).

Жилъ нѣкогда царь. Много было у него лѣсовъ, въ которыхъ паслись многочисленныя его стада. Появился въ этихъ лѣсахъ страшный звѣрь—неистоцимый, чудовищный, неубавляющійся въ силѣ и дородности кабанъ^{*}). Много овецъ и коровъ уложилъ этотъ чудовищный звѣрь. Навелъ онъ ужасъ не только на всѣхъ звѣрей и животныхъ, но и на людей.

^{*}) По мингрельски: Тқаші-ѳаці узуралі, усашвели, учурцхебелі-чірі, т. е. кабанъ неумирающій, ненобѣдимый, недающій покою, какъ чесота.

Вотъ кликнулъ царь кличь: не найдется ли добраго молодца, который избавилъ бы его царство отъ страшнаго зла. Если отыщется храбрый юноша, который побѣдитъ кабана, то царь обѣщается выдать за него свою красавицу-дочь, чтобы онъ ни былъ. Не нашлось храбрецовъ среди знатныхъ юношей: всѣ боялись вступить въ борьбу съ чудовищнымъ кабаномъ, никто не пожелалъ итти на вѣрную смерть.

Жилъ въ томъ царствѣ молодой пастухъ. Много овецъ убилъ и у него злой кабанъ. Сталъ онъ придумывать, какъ бы погубить этого звѣря, и придумалъ. Выслѣдилъ онъ тропинку, по которой кабанъ бѣгалъ въ свое логовище; напелъ на той тропинкѣ большой дубъ съ прекрасными желудями; взобрался онъ на дубъ и, спрятавшись въ его густой листьѣ, сталъ поджидать чудовище. Забѣтивъ бѣгушаго кабана, онъ началъ бросать съ дуба желуди. Кабанъ остановился и съ жадностью сталъ пожирать свою любимую пищу. Пастухъ уже почти всѣ желуди оборвалъ съ дерева, а неистощимый кабанъ все еще, казалось, не насытился. Подобралъ кабанъ послѣднія желуди и улегся тутъ же спать. Но не пришлось ему проснуться. Храбрый пастухъ слѣзъ съ дерева и однимъ ударомъ шапки отсѣкъ ему голову, которую и принесъ царю. Царь выдалъ за него свою дочь-красавицу.

(Записано Я. Тенцовымъ со словъ прохожаго мингрельца).

9. Волкъ-волшебникъ.

Въ давнее время жилъ-былъ у насъ царь, а у него была дочь-красавица. Вотъ однажды царь пошелъ гулять съ дочерью въ лѣсъ. Съ ними шелъ приближенный царя. Царь бесѣдовалъ со своимъ приближеннымъ и не замѣтилъ, какъ дочь его немного отстала, гоняясь за бабочкой. Вдругъ онъ услы-

шалъ позади себя крикъ, оглянулся, а дочери нѣтъ. Царь-созвалъ всѣхъ своихъ подданныхъ и просилъ ихъ найти дочь его любимую. Тому, кто найдетъ ее, царь обѣщалъ столько золота, сколько онъ можетъ поднять, а если захочетъ, то и полцарства. Всѣ подданные такъ были глубоко тронуты горемъ царя, что, не прельщаясь даже обѣщаннымъ вознагражденіемъ, бросились на самые отчаянные поиски. Одинъ только пастухъ не тронулся царскою бѣдою и не отправился на поиски.

„Безсовѣстный, отчего ты не пойдешь въ глубину лѣса искать нашу царевну, быть можетъ на твою долю выпадетъ счастье найти ее,“—говорила ему жена.

„Если ужъ храбрые молодцы не могли найти царевну, то гдѣ же мнѣ сыскать ее“, отвѣчалъ обыкновенно пастухъ, и не поддавался на увѣщанія жены.

Прошло нѣсколько времени, и пастухъ началъ замѣчать, что у него ежедневно пропадаютъ овцы. Сталъ онъ выслѣживать вора, но никого не видѣлъ, а только замѣтилъ, что овцы его пропадаютъ (по 2 по 3 сразу) на томъ же мѣстѣ, гдѣ и царская дочь исчезла.

Вотъ однажды увидѣлъ онъ, что большой волкъ схватилъ его овцу и во мгновеніи она исчезъ съ нею въ глубинѣ лѣса. Взялъ пастухъ ружье и отправился въ глубину дремучихъ лѣсовъ искать своего обидчика. Долго шелъ по лѣсу и попалъ на слѣдъ волка. Слѣдъ привелъ его въ густую чащу, и онъ увидѣлъ здѣсь большую волчью нору. Влѣзъ пастухъ въ нору и видитъ передъ собою запертую дверь. Постучался пастухъ въ дверь и услышалъ изъ глубины подземелья голосъ: „А, это ты, мой другъ! Подними задвижку и входи“. Волкъ думалъ, что пришелъ кто либо изъ его пріятелей. Пастухъ нащупалъ задвижку, поднялъ ее и дверь отворилась. Видитъ онъ: сидитъ въ подземельѣ царская дочь, а передъ ней лежитъ чудовище въ образѣ человѣка. Вскочило чудовище и ударило о землю. Но не пришлось ему обратиться въ волка:

пастухъ выстрѣломъ изъ своего ружья убилъ своего обидчика.

Привелъ герой-пастухъ царевну къ ея отцу и взялъ столько золота, сколько могъ поднять на свои плечи.

(Записано Я. Тепцовымъ со словъ прохожаго мингрельца).

10. ЛѢнивый сынъ.

Жилъ-былъ одинъ бѣднякъ съ женою. Приходила уже старость, а дѣтей у нихъ не было. Много старики молились Богу, ходили въ разные святыя мѣста на поклоненіе, обращались и къ колдунамъ, но дѣтей все нѣтъ, да нѣтъ.

Росла въ томъ селѣ яблоня, на которой никто никогда не видѣлъ ни единого яблока. Вотъ однажды яблоня принесла только одно яблоко, которое упало къ погамъ старухи, когда она проходила мимо этого дерева. Съѣла старуха это яблоко и скоро у нея родился сынъ. Обрадовались старики новорожденному; думали они: вырастетъ сынъ, будетъ работать и насъ стариковъ кормить. Но вышло иначе. Мальчикъ былъ настолько лѣнивъ, что не выходилъ даже на улицу играть съ товарищами: сидитъ себѣ въ саклѣ у очага съ утра до поздней ночи и золу пересыпаетъ.

„Ну,—думаетъ старикъ:—отъ такого сына нечего ожидать помощи. Отдамъ-ка лучше его кому либо въ науку, пусть тамъ выбьютъ изъ него лѣнь“!

Взялъ онъ лѣнтяя на плечи и пошелъ искать учителя для него.

Случилось ему переходить черезъ быструю рѣчку. Вотъ онъ уже зашелъ на средину рѣки, какъ, вдругъ, его по ногѣ ударилъ камень, и онъ упалъ съ сыномъ въ воду, закричавъ „*8yб*“ *). На крикъ этотъ изъ воды выскочилъ бородатый ста-

*) Это восклицаніе въ родѣ русскаго: ухъ! Междометіе это выражается по-мингрельски однимъ сложнымъ звукомъ, который произносится какъ особое у.

рякъ и сказалъ: „Что тебѣ надо? Я „8үӧ“, котораго ты звалъ“. Старикъ было испугался, но когда прошелъ страхъ, онъ сказалъ „8үӧ“, что идетъ искать человѣка, который бы научилъ хотя какому нибудь дѣлу его лѣтня сына. „Отдай его мнѣ. Я его выучу хорошему ремеслу“. Старикъ согласился. „Ровно черезъ годъ приходи опять на это мѣсто, и ты получишь своего сына“, сказалъ „8үӧ“ и, схвативъ мальчика, исчезъ съ нимъ подъ водою.

Заплакалъ старикъ: жаль ему стало свое дѣтище, но дѣлать было нечего! Побрелъ онъ домой сообщить старухѣ о гибели сына. Поплакала и старуха много.

Съ нетерпѣніемъ старики ждали назначеннаго „8үӧ“ срока. Желанный день насталъ, и старикъ явился на то мѣсто, гдѣ годъ тому назадъ оставилъ сына. Крикнулъ онъ „8үӧ“, и тотъ явился. „Ну, пойдемъ въ мой домъ“, сказалъ „8үӧ“: „и если узнаешь своего сына—будетъ твой, не узнаешь—останется онъ навсегда моимъ“.—„Какъ не узнать собственное дѣтище“, подумалъ старикъ и смѣло бросился въ воду за „8үӧ“.

Передъ нимъ подъ водою очутился большой лугъ, а по срединѣ луга большой домъ „8үӧ“. Подбѣжалъ сюда къ старику юноша и спросилъ: „узнаешь ли меня?“—Нѣтъ отвѣчалъ старикъ. „Я твой сынъ“, шепталъ юноша: „помни, что я буду имѣть въ рукахъ вотъ эту палку, иначе не узнаешь“. Подошелъ „8үӧ“ къ дому и свиснулъ. Явилось 500 мальчиковъ и всѣ какъ одинъ. „Ну, узнавай же своего сына“, сказалъ „8үӧ“. Мальчики стояли всѣ въ одинъ рядъ. Старикъ узналъ своего сына по палкѣ и привелъ его домой. Мальчикъ попрежнему усѣлся у очага и не думалъ помогать отцу въ работѣ. Старики по прежнему бѣдствовали, роптали на судьбу и часто плакали о своей горькой долѣ.

„Чему же научился, сынъ мой? Тому ли, чтобы отнимать у насъ послѣдній кусокъ хлѣба?“ ворилъ отецъ сына.

— А если ты съ умомъ,—отвѣчалъ тотъ, то можешь

обогатиться при моей помощи. Принеси веревку. Я обращусь въ такого быка, что мною однимъ можно будетъ пахать поле. Надѣнь мнѣ на рога веревку и веди продавать въ городъ. Не отдавай дешевле 500 руб. Но только уговоръ дороже денегъ: не продавай меня рыжебородому попу и человѣку, у котораго нѣтъ переднихъ зубовъ. Если это исполнишь,— опять возвращусь, нѣтъ—не увидишь меня больше“.

Обратился мальчикъ въ чудеснаго быка, и старикъ привелъ его на базаръ въ городъ. Всѣ дивились: никогда никто не видѣлъ такого красиваго и сильнаго быка. Продалъ старикъ быка за 500 руб. и вернулся домой. Глядь, а сынъ его уже у очага сидитъ. Зажали старики лучше прежняго, но кому любо видѣть лѣнтяя сына... Сталъ опять плакаться старикъ на свою горькую долю. А сынъ обратился въ прекраснаго катера (сасзаўлі цорі) и велѣлъ отцу продать себя за 5.000 руб. На базарѣ всѣ просто ахнули, увидѣвъ необыкновеннаго катера. Приобрѣлъ этого катера одинъ богатый дворянинъ за 5.000 руб. Привелъ онъ катера домой и вынесъ ему пить, но катеръ не пилъ. Тогда дворянинъ крикнулъ. Катеръ вздрогнулъ и уменьшился. Дворянинъ испугался и крикнулъ уже съ испугу. Катеръ снова вздрогнулъ и обратился въ козленка. Дворянинъ еще больше испугался и закричалъ, —катеръ обратился въ кошку, а кошка прыгнула черезъ плетень и была такова.

Пришелъ старикъ домой, а сынъ уже снова у очага сидитъ. Сталъ укорять старикъ сына въ лѣни.

„Я работать не учился“, отвѣчалъ сынъ: „а что я знаю, то и будетъ съ тебя“.

Обратился онъ въ прекраснаго коня (залиамі цхеві) и велѣлъ отцу продать себя за 8.000 руб. Повелъ отецъ коня продавать. Встрѣтился съ ними какой то человѣкъ, сталъ торговать коня и сразу далъ за него 10.000 руб. Обрадовался старикъ и въ радости не замѣтилъ, что продалъ своего сына

беззубому челоуьву (Кібірі ензмілі—зубовъ не имѣющій). А челоуьвъ этотъ былъ колдунъ (мазаквалі). Съѣлъ онъ на ковя, —взвился подъ нимъ разъяренный оборотень и въ минуту все исчезло.

„Кто, кромѣ колдуна, могъ усдѣть на такомъ конѣ“, подумалъ старикъ и опечалился. А беззубый пріѣхалъ домой, привязалъ лошадь въ столбу и сталъ ее караулить: если удер-житъ онъ лошадь у себя недѣлю, то останется она ему на-всегда. На шестой день конь подпрыгнулъ до потолка и об-ратился въ мышку. Но не дремалъ и колдунъ—онъ хлоп-нулся о землю и обратился въ кошку и погналась кошка за мышкой. Видитъ мышка бѣду неминуемую,—трахъ! и об-ратилась въ ласточку. Но и кошка не промахъ: обратилась въ сокола, и вотъ-вотъ настигнетъ соколъ ласточку. Долетѣла ласточка до своего дома и, ударившись о соломенную крышу, обратилась въ иголку, а соколъ обратился въ нитку и при-цѣпилась нитка къ иголѣ. Бросилась игола съ ниткой въ огонь очага: игола осталась невредимой, а нитка сгорѣла. Обратилась игола въ мальчика, и съѣлъ онъ попрежнему у очага. Укорилъ сынъ отца въ неисполненіи договора. Пови-нился отецъ и не корилъ сына больше лѣтъ. Довольно бы-ло у нихъ богатства и зажили они счастливо на многія лѣта.

(Зап. со словъ Бакурія Шанава, жителя сел. Цаленджига Зугдидск. уѣзда Кутаис. губ. ученикомъ городск. училища Павломъ Шанава).

Я. Тепцовъ.

МИНГРЕЛЬСКІЯ СКАЗКИ

(Записанъ III. Ломинадзе).

Три брата.

Жили-были три брата. Старшій назывался Хутунія, средній—Бардга и младшій—Гуджу. Однажды всѣ трое отправились на воровство: украли у сосѣда корову, отвели ее въ лѣсъ и привязали къ дереву, условившись чрезъ три дня прійти и раздѣлить добычу между собою. Но Хутунія разсудилъ иначе. Когда Бардга и Гуджу попросились съ нимъ и пошли домой, онъ воротился назадъ, зарѣзалъ корову и, принеши ее цѣликомъ домой, посолилъ и повѣсилъ на „оджинджали“ *). На третій день всѣ трое братьевъ отправляются въ лѣсъ; но, къ большому удивленію двухъ изъ нихъ, коровы тамъ не оказалось. Гуджу и Бардга сразу смекнули, что корову укралъ Хутунія, и они рѣшили во что бы то ни стало отнять ее у него; и вотъ съ этою цѣлю они принялись развѣдывать. Узнавъ, что Хутунія нѣтъ дома, Гуджу приходитъ къ нему на домъ и проситъ у невѣстки напиться. Невѣстка подала вино въ стаканѣ. Но Гуджу говоритъ: „Нѣтъ ли у васъ „кулы“.“ **) Невѣстка подаетъ кулу. Гуджу, пере-

*) Такъ называютъ нѣсколько досокъ, уложенныхъ вклядъ прямо надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ мингрельцы разводять огонь въ сакляхъ. Съ середины „оджинджали“ свѣшивается желѣзная цѣпь (а въ бѣдныхъ хижинахъ—деревянная палка) съ крючкомъ на концѣ, на которомъ вѣшаютъ чугунные и мѣдные котлы. „Оджинджали“ служатъ также и для провѣливанія разнаго рода съѣстныхъ припасовъ.

**) Посуда изъ особенной породы тыквы; изъ нея у насъ любятъ пить вино, въ особенности лѣтомъ.

ливъ вино изъ стакана въ кулу, приблadyваетъ ее ко рту и, поднявъ голову, начинаетъ разсматривать верхъ дома. Смотрить и видитъ: почти вся корова виситъ на „оджинджали“^а. Поблагодаривъ невѣстку за угощеніе, онъ уходитъ домой и сообщаетъ брату о находкѣ. Между тѣмъ, подь вечеръ возвращается Хутунія и спрашиваетъ жену, — не приходилъ ли кто. „Быль“, говоритъ она, „Гуджу, который ни за что не хотѣлъ пить вина изъ стакана, а непременно изъ кулы“^а. Хутунія сейчасъ же смекнулъ въ чемъ дѣло, упрекнулъ жену за недогадливость и, снявъ корову съ „оджинджали“, уложилъ ее въ сундукъ. Настала ночь. Гуджу и Бардга тутъ какъ тутъ; съ нетерпѣніемъ ждутъ они, когда заснутъ мужъ и жена. Какъ только послышалось храпѣніе, Гуджу взобрался на „оджинджали“^а; жена слышитъ какою то шорохъ, шумъ... и думая, что это кошка, говоритъ:

„Проклятая, кошечка, ты думаешь, что тамъ мясо виситъ... успокойся, мы его давно уложили въ сундукъ“^а. Это слышитъ, конечно, Гуджу, который и не преминулъ спуститься съ „оджинджали“^а, отыскать въ темнотѣ сундукъ и выйти вмѣстѣ съ нимъ изъ дому, какъ ни въ чемъ не бывало. Между тѣмъ просыпается Хутунія и спрашиваетъ жену:

„Что это, послушай, мнѣ слышалось, какъ будто ты съ кѣмъ то говорила?“

„Да, отвѣчаетъ жена: тутъ кошка взобралась на оджинджали, думая найти тамъ мясо, а я ей и говорю: „чорта съ два ты тамъ мясо найдешь, не знаешь что мы давно его упрятали въ сундукъ!“ Хутунію, какъ громомъ, поразили женнины слова: онъ сразу понялъ, что тутъ не кошка была, а человѣкъ. Хватился за сундукъ, а сундука нѣтъ, какъ нѣтъ... Немедленно онъ бросился въ погоню за братьями и догналъ таки ихъ. Ночь была темная, трудно было отличить человѣка отъ человѣка на разстояніи 2-хъ шаговъ; тѣмъ не менѣе Хутунія замѣтилъ, что Гуджу идетъ впереди, а Бардга позади

съ сундукомъ. Пользуясь темнотою, онъ подходитъ сзади къ Бардга и говоритъ:

„Ну, довольно, ты усталъ, давай теперь я возьму!“

Бардга, думая, что это его братъ Гуджу, преспокойно снимаетъ сундукъ съ своихъ плечъ и отдаетъ Хутуніи. А этотъ, конечно, давай Богъ ноги: бѣгомъ направился назадъ, а братья преспокойно продолжали путь и оба пришли домой съ пустыми руками. Они съ удивленіемъ посмотрѣли другъ на друга...

„Да гдѣ же сундукъ? говоритъ Гуджу.

— „Сундукъ я тебѣ отдалъ!“ отвѣчалъ Бардга.

— „Какъ же ты мнѣ отдалъ?“

— „Да развѣ не ты мнѣ сказалъ, что я усталъ?“ говоритъ Бардга. Угадали братья, что смошенничалъ тутъ Хутунія и бѣгомъ направилась вслѣдъ за нимъ. Между тѣмъ Хутунія только что пришелъ домой и, поставивъ сундукъ у дверей, сталъ разводить огонь. Не успѣлъ онъ еще засвѣтить огнемъ, какъ Гуджу и Бардга подоспѣли, схватили сундукъ и унесли его къ себѣ. Оглянувшись Хутунія, видитъ, что сундука нѣтъ и опять бѣгомъ вслѣдъ за братьями. Онъ ихъ скоро догналъ, но на этотъ разъ братья шли радомъ; какъ ни вертѣлся, а ничего Хутунія тутъ подѣлать не могъ. Приблизившись къ дому, Бардга обращается къ Гуджу и говоритъ:

— „Вѣдь у насъ огня нѣтъ дома, сходи-ка къ сосѣду и возьми у него одно горящее полѣно“.

Гуджу пошелъ, и скоро во дворѣ сосѣда поднялся лай собакъ. Хутунія идетъ вслѣдъ за Бардга; спустя немного онъ подходитъ къ нему и говоритъ:

„Чуть собаки не съѣли, чортъ бы ихъ побралъ! такія онѣ злыя, что и не проходи близко...“

„Трусилка ты, вотъ что!“ замѣчаетъ Бардга: „собакъ побоялся! На, возьми, сундукъ, пусть меня онѣ напугаютъ!“ и передавъ сундукъ Хутуніи, Бардга направился къ сосѣду.

Через нѣсколько времени, оба брата приходятъ домой и приносятъ по горящему полѣну, а сундука нѣтъ! Убѣдились тутъ братья, что не перехитрить имъ Хутуніи и оставили его въ покоѣ.

Катеръ.

Жилъ одинъ священникъ-мингрелецъ. Ничего у него не было, кромѣ одного катера и двѣнадцати рублей мелкими серебряными монетами. Однажды священникъ запраталъ по нѣскольку штукъ этихъ монетъ въ подкову, которыми катеръ былъ подкованъ; затѣмъ сѣлъ на него и поскакалъ по еврейскимъ рядамъ. Деньги повывсыпались изъ подъ подковъ катера. Евреи возгорѣли желаніемъ приобрести катера во что-бы то ни стало. Остановили священника и прицѣпились. А священникъ имъ въ отвѣтъ:

— „Съ ума что-ли вы сошли? Какъ-же я продамъ катера: вѣдь онъ мой кормилецъ; онъ мнѣ много денегъ даетъ“.

Священникъ снова поскакалъ и изъ подъ подковъ снова повывсыкало нѣсколько монетъ. Евреи снова остановили священника и пристали къ нему, на этотъ разъ, неотступно.

— „Хорошо, говоритъ священникъ, продамъ я его вамъ, только ужъ не иначе, какъ на вѣсъ золота!“

Евреи заплатили священнику столько, сколько онъ требовалъ.

— „Какъ-же за нимъ ухаживать?“ спросили евреи священника.

— „Вы его запрягите въ „пацху“ *) на три мѣсяца и въ теченіе этого времени не навѣдывайтесь. Пацха и наполнится деньгами!“

Евреи такъ и сдѣлали. Прошло три мѣсяца и они от-

*) Мингрельская избушка, сдѣланная изъ прутьевъ.

правились въ „пацху“, думая найти въ ней цѣлыя горы серебра. Каково было ихъ удивленіе, когда они нашли ее совершенно пустою, а на мѣстѣ катера—только кости его. Разсердились евреи на священника и рѣшили его убить. Священникъ, узнавъ объ этомъ, зарѣзалъ курицу, вынулъ у нея зубъ, и, выбросивъ оттуда зерна, наполнилъ его кровью и привязалъ къ шеѣ своей жены. Пришли евреи къ священнику. Только что они вошли въ комнату его, священникъ хватилъ пожемъ по горлу жены, и она повалилась на полъ, обливаясь кровью. Евреи разинули рты, а священникъ побѣждалъ и принесъ изъ другой комнаты „чонгури“ *) и сталъ наигрывать на ней. Жена вдругъ ожила, встала и начала ходить. Евреи окончательно поразились. Они вообразили, что „чонгури“ обладаетъ чудодѣйственною силою и купили его у священника за большія деньги. Чтобы показать своимъ соплеменникамъ силу инструмента, они, недолго думая, зарѣзали своихъ жепъ и стали наигрывать на „чонгури“, надѣясь оживить ихъ. Но, увы, жены не ожили! Ужъ на этотъ разъ евреи поклялись отомстить священнику. Поймали его и засадили въ корзину, чтобы бросить ее вмѣстѣ съ нимъ въ воду. Видя, что гибель неизбежна, священникъ сталъ кричать: „вай“, „вай“ (то-же, что ай, ай!) Въ это время по улицѣ проходилъ другой священникъ. Услышавъ крикъ, онъ подошелъ къ берегу и видитъ въ корзинѣ своего собрата.

— „Что съ тобою?“ говоритъ онъ ему.

— „Какъ что?“ отвѣчаетъ тотъ: „евреи хотятъ, чтобы я взялъ съ нихъ деньги. Я не беру, а они за это меня въ корзину засадили!“ Прохожій священникъ обрадовался, что получить деньги и, недолго думая, самъ занялъ мѣсто заключеннаго, а этотъ давай Богъ ноги. Пришли евреи, и несмотря на крики и мольбы, что онъ не тотъ священникъ, а совершенно другой, бросили его въ рѣку и утопили. Спустя нѣсколько вре-

*) Музыкальный инструментъ въ родѣ русской балалайки.

мени, евреи увидѣли утопленнаго ими священника на базарѣ: онъ продавалъ быковъ.

— „Вѣдь мы тебя утопили!“ воскликнули въ одинъ голосъ евреи, — „какъ-же ты здѣсь?“

„Да“, отвѣчаетъ священникъ: „вы меня бросили въ воду и прекрасно сдѣлали. Сколько разъ я крикнулъ въ водѣ „вай“, столько паръ быковъ я и получилъ отъ Бога!“

Евреи снова соблазнились: бросились въ воду, чтобъ получить быковъ, но не успѣли даже и разъ крикнуть „вай“, такъ и утонули.

Молодой человекъ.

Жили были на свѣтѣ мужъ да жена. Долго у нихъ не было дѣтей. Но вотъ Богъ услышалъ ихъ молитву и даровалъ имъ сына. Когда мальчику исполнилось 9 лѣтъ, родители отдали его въ школу. Но учился онъ плохо. Въ концѣ концовъ его даже выгнали изъ училища за безуспѣшность. 19-ти лѣтъ онъ началъ воровать. Попался и былъ посаженъ въ тюрьму. Но ему удалось бѣжать изъ тюрьмы, и онъ, оставивъ родныхъ и семью, пошелъ куда глаза глядятъ. Послѣ долгихъ скитаній, онъ прибылъ ко двору одного царя, чтобы и тутъ что-нибудь украсть, но былъ схваченъ и отведенъ на допросъ къ царедворцу. Царедворецъ тотъ былъ взяточникъ. На вопросъ его, зачѣмъ онъ прибылъ ко двору, — молодой человекъ отвѣтилъ, что онъ человекъ бѣдный и хочетъ попросить милости у царя. Царедворецъ обѣщался устроить дѣло, но съ условіемъ, чтобы $\frac{2}{3}$ всего имъ полученнаго отъ царя тотъ-бы далъ ему. Молодой человекъ согласился. Вотъ онъ входитъ въ царю, становится на колѣни передъ нимъ и говоритъ:

„Великій государь, не откажи мнѣ дать 3 оплеухи!“

Царь сначала подвиглся, но видя, что молодой человек настаивает на своемъ, приказалъ министру исполнить его желаніе. Получивъ три удара, онъ выходитъ отъ царя и, вступивъ въ дверяхъ царедворца, отпускаетъ ему двѣ полновѣсныхъ пощечины. „Вотъ вамъ $\frac{2}{3}$ полученнаго мною подарка!“ говоритъ онъ. Произошла суматоха и молодого человека снова привели къ царю. Тутъ онъ разсказалъ царю, какъ царедворецъ потребовалъ отъ него $\frac{2}{3}$ того, что получить отъ царя, и какъ онъ свято исполнилъ свое обѣщаніе. Царь повалился со смѣху; наградилъ молодого человека большимъ количествомъ денегъ, а министра-взяточника лишилъ службы и прогналъ со двора.

Злой мужъ.

Жили себѣ мужъ да жена. Мужъ былъ человекъ необыкновенно злой: не было того дня, когда-бы онъ не колотилъ своей ни въ чемъ неповинной жены. Въ концѣ концовъ онъ и совсѣмъ прогналъ ее изъ дому. Женщина пошла и нанялась въ кормилицы въ одномъ богатомъ домѣ. Видя, что она хорошо ухаживаетъ за ребенкомъ, богатый человекъ назначилъ ей жалованье. Узнавъ объ этомъ, мужъ исполнился зависти и задумалъ злое дѣло: въ то самое время, когда всѣ спали въ домѣ богатаго человека, мужъ (кормилицы) пробрался въ дѣтскую, и перерѣзалъ горло спящему ребенку. На утро просыпается кормилица и съ ужасомъ видитъ въ люлькѣ окровавленнаго ребенка. Она немедленно съ плачемъ и воемъ даетъ знать объ этомъ родителямъ; они опредѣляютъ повѣсить ее. Слуги повели кормилицу для исполненія надъ нею казни. По дорогѣ она выпросила у людей разрѣшеніе зайти въ церковь. Здѣсь, ставъ на колѣни, она пролила горячія слезы. Въ ту самую минуту, когда ее возвели на эшафотъ, открылось

небо и предъ глазами народа предстала Божья Матерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ. Она спускалась внизъ. Всѣ были поражены этимъ. Казнь была приостановлена. Спустившись до низу, Божья Матерь приказала свести женщину съ эшафота. Затѣмъ перекрестила зарѣзаннаго ребенка, и онъ ожилъ. Тогда Она обратилась съ вопросомъ къ ожившему ребенку, кто его зарѣзалъ; ребенокъ тотчасъ-же указалъ на стоявшаго тутъ-же въ толпѣ мужа кормилицы. Онъ немедленно былъ казненъ, а кормилица снова взята въ домъ помѣщика.

Пара быковъ.

У одного мингрельца была пара славныхъ быковъ. Это не давало спать другому мингрельцу: хотѣлось ему какънибудь отнять у перваго. И вотъ однажды поймалъ онъ этихъ быковъ на полѣ и разрѣзавъ имъ кончики языковъ, пустилъ ихъ на волю. На другой день приходитъ онъ къ хозяину и просить дать ему быковъ.

„Кавихъ тебѣ быковъ?“ спрашиваетъ его хозяинъ.

„Да вотъ, вотъ этихъ“, указываетъ онъ на тутъ-же стоявшихъ быковъ: „они мои!“

„Да не съ ума-ли ты спятилъ, пріятель, какіе они твои?“

„Мои, мои!“ категорически утверждаетъ назойливый пришлецъ.

„Какія-же на это у тебя имѣются доказательства?“ спрашиваетъ его хозяинъ.

„У моихъ быковъ“, говоритъ онъ, „кончики языковъ разрѣзаны“.

Посмотрѣли и оказалось, что языки, дѣйствительно, разрѣзаны. Что тутъ дѣлать? Пришлось волею неволею отдать быковъ. Прошло нѣсколько времени, а хозяинъ быковъ и думаетъ: „да какъ-же это такъ глупо я отдалъ быковъ? Вѣдь этакъ онъ, пожалуй, все имущество у меня отниметъ“. И на-

чинаеть онъ придумывать средство,—какъ-бы вернуть своихъ быковъ обратно. Вотъ онъ переодѣвается въ чужое платье и идетъ въ поле, гдѣ въ то время пахалъ мингрелецъ. Остановившись неподалеку отъ него, онъ начинаетъ кричать изо всей силы: „удивляюсь, удивляюсь...!“ Пахаря это заинтересовало, и онъ закричалъ ему: „да чему ты, братецъ мой, удивляешься?“ А этотъ какъ будто и не слышитъ, продолжаетъ себѣ кричать: „удивляюсь, удивляюсь...!“ Пахарь бросаетъ соху и быковъ, и идетъ узнать, въ чемъ тутъ дѣло и кто онъ таковой. Въ это время слуга перваго, по заранѣе условленному плану, пользуясь отсутствіемъ пахаря, бросается на быковъ, выпрягаетъ одного изъ нихъ и гонитъ передъ собою. Пахарь, ничего этого не вида, подходитъ къ кричащему человѣку и спрашиваетъ: „да что съ тобою случилось и чему ты удивляешься?“ — „Да какъ не удивляться, братецъ!.. предъ самимъ носомъ у тебя отнимають быковъ, а ты ничего не замѣчаешь!“ Оглянулся онъ и видитъ: кто-то дѣйствительно гонитъ предъ собою одного изъ быковъ. Немедленно онъ бросается въ погоню за нимъ. А пока онъ гнался, этотъ подбѣжалъ, выпрягъ другого быка и погналъ передъ собою. Не догнавъ похитителя, мингрелецъ возвращается назадъ къ оставшемуся на полѣ быку; но что-же видеть...? И этого кто-то гонитъ передъ собою... Понялъ онъ всю штуку, да было поздно.

Рабочій и наниматель.

Одинъ мингрелицъ нанялъ рабочаго (то-же мингрельца) въ свой огородъ, съ условіемъ, чтобъ онъ работалъ у него до захода солнца, и обѣщалъ заплатить ему вечеромъ 1 „квани“ *) хлопку. Поработавъ цѣлый день, рабочій отправляется къ

*) Мѣра вѣсу, равняющаяся почти 1 фунту и употребляемая исключительно для взвѣшивания хлопка.

нанимателю за полученіемъ хлопка. Но хозяинъ встрѣтилъ его такими словами: „Правда твоя, солнце зашло, но, видишь-ли, теперь восходить его тетка—луна; она то-же не дурно свѣтитъ и работать можно; а потому ступай ты обратно и работай до захода луны, тогда и получишь условленную плату“. Нечего дѣлать, рабочій идетъ назадъ и работаетъ до захода луны; а затѣмъ возвращается къ хозяину, захвативъ съ собою довольно крупный бѣлый камень. Хозяинъ даетъ ему „ксани“ хлопку; но рабочій замѣчаетъ ему: „позвольте, господинъ, вотъ видите вы этотъ бѣлый камень? Онъ приходится теткою „ксани“ (сходство въ цвѣтѣ камня и въ цвѣтѣ хлопка) точно такъ-же, какъ луна солнцу; а потому вы мнѣ должны дать хлопку на вѣсь этого камня!“ Хозяинъ отказался, но рабочій пожаловался „дымбегу“ (засѣдателю) и выигралъ дѣло.

Покойникъ.

Трое мингрельцевъ украли корову наканунѣ праздника св. Петра и направились вмѣстѣ съ нею въ свою деревню. По дорогѣ надо было пройти имъ черезъ городъ, гдѣ караульные могли заподозрить ихъ и отнять корову, а ихъ самихъ засадить въ кутузку. Что тутъ дѣлать? Какъ избѣгнуть опасности? Одинъ изъ мингрельцевъ, что былъ постарше, придумалъ такую хитрость: зарѣзать корову, положить ее на „джалавери“ (одръ, на который кладутъ покойниковъ въ Мингрелии), накрыть сверху буркою и пронести черезъ городъ въ такомъ видѣ. Такъ и сдѣлали: достали „джалавери“, положили на него зарѣзанную корову, накрыли сверху буркою, завалили на плечи и пошли. А старый мингрелецъ идетъ позади и приговариваетъ, будто плачетъ: „братецъ, Петръ (какъ будто покойника Петромъ звали), какой для насъ печальный праздникъ наступаетъ! Уго-

раздиль ты, бѣдняжка, умереть именно въ день Петра; что скажемъ мы твоей семьѣ!" и т. д. Ни одному изъ горожанъ, конечно, и въ голову не пришло, что на „джалавери“ подь буркою лежитъ не повойникъ, а зарѣзанная корова.

Почему евреи не ѣдятъ свинины.

Однажды къ Иисусу пришелъ еврейскій царь и спросилъ: „какое Ты чудо можешь сотворить?“ — „Я“, говоритъ Христось, „могу вызвать воду изъ скалы“. „Это что“, говоритъ царь: „я не только воду, а и вино могу вызвать изъ земли“. И вотъ оба они отправились для показанія чуда въ одно пустынное мѣсто. Народъ послѣдовалъ за ними толпою. Пришли въ назначенное мѣсто. Иисусъ ударилъ жезломъ о скалу, и вода потекла изъ нея. Еврей тынулъ въ землю жезломъ, и изъ нея потекло вино. Тогда Иисусъ приказалъ разрыть землю. Оказалось, что въ ней скрыты были бурдюки съ виномъ. Разсердился на царя Иисусъ за такой обманъ и обратилъ его въ свинью. Съ тѣхъ поръ евреи не ѣдятъ свинины.

Какъ собака стала жить съ человѣкомъ.

Жила на свѣтѣ одна собака, которая не знала, къ кому пристать, съ кѣмъ сдружаться. Вотъ идетъ она однажды по дорогѣ и встрѣчаетъ шакала. Пошли оба они бродить по лѣсу и встрѣтили слѣды волка. „Чьи это слѣды?“ спрашиваетъ собака шакала. „Они принадлежать такому звѣрю“, говоритъ шакалъ, „который обонхъ насъ можетъ задушить, если, не дай Богъ, встрѣтится гдѣ-нибудь“. Собака оставляетъ шакала и идетъ по слѣдамъ волка. Видитъ ее волкъ и спрашиваетъ: „Ты кто такой?“ — „Твоя покорная раба!“ — „Ну, такъ иди“, говоритъ онъ ей, и пошли оба они на охоту. На дорогѣ встрѣчаютъ

слѣды медвѣдя. „Чьи это слѣды?“ спрашиваетъ собака. „О, они такому звѣрю принадлежать, который однимъ ударомъ лапы можетъ убить насъ обоихъ“, отвѣтилъ волкъ. Собака оставляетъ волка и идетъ по слѣдамъ медвѣдя. „Ты кто такой?“ спрашиваетъ ее медвѣдь. „Твоя покорная раба!“ отвѣчаетъ собака. „Ну, такъ иди“, и пошли они по лѣсу. На дорогѣ встрѣчаютъ слѣды человѣка. „Чьи это слѣды?“ спрашиваетъ собака. „О, это слѣды такого звѣря, сильнѣе котораго нѣтъ во всемъ свѣтѣ!“ Собака оставляетъ медвѣдя, идетъ по слѣдамъ человѣка, отыскиваетъ его и съ тѣхъ поръ она и живетъ съ нимъ.

Царь и его визирь.

Жилъ одинъ царь, у котораго былъ визирь, преданный тѣломъ и душою. Однажды визирь гулялъ по берегу рѣки и любовался ея теченіемъ. Съ противоположной стороны къ рѣкѣ подошелъ какой-то человѣкъ, зачерпнулъ воды и, выливъ ее, сказалъ: „да прольется *) такимъ образомъ кровь того, кто вѣрою и правдою служитъ своему господину!“ Онъ другой разъ зачерпнулъ воды и, снова выливъ ее, сказалъ: „да прольется такимъ образомъ кровь той женщины, которая выдаетъ тайны мужа!“ Третій разъ онъ сдѣлалъ то-же самое и сказалъ: „да прольется такимъ образомъ кровь того господина, который измѣняетъ своему преданному слугѣ!“ Эти слова незнакомца глубоко запали въ душу министра, и захотѣлось ему провѣрить правдивость ихъ на своемъ господинѣ—царѣ и женѣ своей; съ этою цѣлью онъ укралъ у царя его любимаго оленя и приказалъ отвести его къ себѣ домой; затѣмъ пришелъ домой и сказалъ женѣ, что хочетъ полакомиться оленьимъ мясомъ; царь ничего не узнаетъ, только чтобъ она не выдавала. Жена обрадова-

*) Да будетъ проклятъ... и т. п.

лась и общала сохранить все это въ тайнѣ. Между тѣмъ визирь секретно отъ жены приказалъ слугамъ зарѣзать къ ужину не оленя, а самую лучшую корову. Подали ужинъ. Жена визиря съ большимъ аппетитомъ ѣла коровье мясо, думая, что это олень. Во дворцѣ скоро узнали о пропажѣ оленя. Царь общалъ наградить большими деньгами всякаго, кто отыщетъ оленя, или укажетъ вора; а если это будетъ женщина, то женится на ней. Узнавъ объ этомъ, жена визиря и думаетъ себѣ: „вѣдь это, чортъ возьми, не шутка: вдругъ царицею станешь!“ И недолго думая, она пошла да и сказала царю, что оленя укралъ ее мужъ и зарѣзалъ на ужинъ. Царь разгнѣвался на своего визиря и приказалъ немедленно казнить его. Визиря взяли и повели на приготовленное для казни мѣсто. Самъ царь пошелъ смотрѣть на церемонію. Вдругъ визирь сталъ на колѣни и попросилъ у царя разрѣшеніе сказать нѣсколько словъ. Царь разрѣшилъ. „Однажды“, началъ визирь, „я стоялъ на берегу рѣки; къ той-же рѣкѣ съ противоположной стороны подошелъ какой-то мужчина и, зачерпнувъ кувшиномъ воды, вылилъ ее и сказалъ: „да прольется такъ (какъ вода) кровь того человѣка, который вѣрою и правдою служить своему господину!“ Во второй разъ онъ зачерпнулъ воды и, снова выливъ ее, сказалъ: „да прольется такъ кровь той женщины, которая не умѣетъ хранить тайны мужа!“ Въ третій разъ онъ сдѣлалъ то же самое и сказалъ: „да прольется кровь того господина такъ, который изъ-за пустяковъ измѣняетъ своему преданнѣйшему слугѣ“. Съ какою точностью эти слова оправдались, государь, на дѣлѣ! Желая испытать васъ и мою жену, я укралъ вашего оленя и сказалъ своей женѣ, что зарѣжу его на ужинъ,—причемъ просилъ ее не выдавать меня. Но что-же случилось? Надѣясь сдѣлаться вашей женою, моя супруга первая измѣнила мнѣ—выдала мою тайну; а вы меня, вашего преданнѣйшаго слугу, всю жизнь пожертвовавшего вамъ, промѣняли на какое-то животное! Вы забыли мою

службу вамъ и предаете злой казни за кражу оленя! Успокойтесь государь: я не укралъ вашего оленя и не зарѣзалъ его; вотъ онъ здѣсь (при этомъ слуги привели оленя)". Царь приказалъ помиловать визиря, а жену его привязать къ хвосту лошади и растерзать.

Мохнатый жеребенокъ.

Жилъ былъ на свѣтѣ царь, у котораго была единственная дочь. Однажды къ нему приходитъ деви (сказочный герой) и говорить: „выдай за меня дочь свою, иначе съѣмъ и тебя и всю твою семью“. Царь смутился, но выдать дочери не рѣшился. Тогда дочь и говорить отцу: „пусть ужъ я одна погибну, чѣмъ вся семья;—выдай меня за деви“. Отецъ все упорствовалъ, но въ концѣ концовъ уступилъ просьбамъ дочери. Дочь попрощалась со всѣми, и когда приготовилась къ отъѣзду, къ ней подошелъ визирь царя и говорить: „Государыня, ты попрощалась со всѣми, попростись и съ лошадьми твоего отца. Она пошла въ конюшню. Лошади, увидя ее, всѣ разомъ заржали. Царевна со слезами вышла изъ конюшни. Но въ дверяхъ ее догналъ какой-то худенькій мохнатый жеребенокъ и говорить: „Царевна, садись на меня и я тебя спасу отъ всѣхъ бѣдъ“. Царевна такъ и сдѣлала: выпросила у отца жеребенка, сѣла на него и поѣхала.

Впереди шелъ деви; позади него—30 вооруженныхъ „мавари“ (такъ называютъ въ Мингрелии и въ Грузіи людей, сопровождающихъ невѣсту въ домъ жениха) по пяти въ рядъ, а позади этихъ послѣднихъ ѣхала царевна. Черезъ нѣсколько времени оглянулся деви и проглотилъ 5 ближайшихъ къ нему „мавари“. Спустя нѣсколько, деви снова оглянулся и снова проглотилъ пять слѣдующихъ всадниковъ. И такъ при каждомъ оглядываніи, онъ пожиралъ по пяти человѣкъ. Жеребенокъ, видя, что скоро очередь дойдетъ и до царевны,

говорить ей: „поверни меня назадъ и дай семь такихъ ударовъ плетью, чтобъ семь кожь слѣвало съ моего тѣла!“ Царевна повернула жеребенка, ударила семь разъ, и онъ поскакалъ быстрѣе сокола. Скачетъ царевна, а жеребенокъ говоритъ ей: „оглянись назадъ, не бѣжитъ ли за нами деви?“ Царевна оглянулась и говоритъ: „сейчасъ догонитъ“. Тогда жеребенокъ фыркнулъ, выбросилъ изъ ноздрей гребешокъ и говоритъ царевнѣ: „брось его назадъ“. Царевна бросила гребешокъ, и образовался такой густой лѣсъ, что и вмѣя не протолзла бы черезъ него. Деви бросился въ лѣсъ и съ величайшимъ трудомъ пробрался черезъ него. Жеребенокъ снова говоритъ царевнѣ: „оглянись-ка назадъ, не догоняетъ ли деви“. Оглянулась она, а деви вотъ вотъ догонитъ. Жеребенокъ и говоритъ ей: „вырви клокъ моей гривы и брось назадъ“. Царевна бросила гриву, и образовались высокія горы. Деви съ трудомъ перешелъ черезъ нихъ и снова сталъ догонять бѣгущихъ. Тогда жеребенокъ говоритъ царевнѣ: „вырви у меня пучекъ волосъ и брось его“. На пути деви образовалось громадное море. Деви ужъ не могъ переправиться черезъ него и воротился къ себѣ домой. А жеребенокъ и царевна нашли открытое поле и расположились на немъ отдыхать. Тутъ жеребенокъ фыркнулъ и выбросилъ изъ ноздрей прелестное мужское платье вмѣстѣ съ шапкою, винчаломъ и прочими принадлежностями вооруженія, а также и кушанья, и сказалъ царевнѣ: надѣнь-ка на себя платье, вооружись и позалуси, а я пойду пасться. Въ это время, откуда ни возьмись, показался охотникъ, который гнался за оленемъ. Увидѣвъ предъ собою прелестнаго молодого человѣка, онъ приостановился, подошелъ къ нему и сталъ спрашивать, кто онъ таковой. Царевна отвѣтила, что ѣдетъ издалека обозрѣвать чужія страны. Охотникъ, который оказался царевичемъ той страны, пригласилъ гостя къ себѣ; онъ ужъ давно замѣтилъ, что подъ видомъ молодого человѣка скрывается прелестная женщина. Царевна сѣла на

своего жеребенка и послѣдовала за царевичемъ-охотникомъ. Сначала она заперлась, не хотѣла отперть, что она женщана, но потомъ, по совѣту жеребенка, отперлась. Царевичъ тотчасъ сдѣлалъ ей предложеніе и черезъ нѣсколько времени обвѣнчался съ нею. Скоро послѣ этого царевичу пришлось отправиться въ далекое путешествіе и взять съ собою жеребенка. Замѣтивъ, что жена его въ интересномъ положеніи, онъ сказалъ роднымъ: „если жена моя родитъ сына, то пришлите письмо черезъ ястреба, если же—дочь, то—черезъ собола“. Прошло нѣсколько времени, и царевна родила сына. Родные написали письмо и отдали ястребу. Ястребъ полетѣлъ съ письмомъ къ царевичу. Но утомившись, онъ усѣлся на одно дерево. Случилось такъ, что подъ этимъ же деревомъ отдыхалъ въ это время деви, который сватался за царевну. Видеть деви, что ястребъ держитъ въ когтяхъ какое-то письмо; онъ показалъ ему кусокъ мяса; ястребъ слетѣлъ и усѣлся на его руку. Деви прочелъ письмо и тотчасъ же порвалъ его, а вмѣсто его написалъ свое,—въ которомъ, подъ видомъ родныхъ, извѣщалъ царевича, что жена его разрѣшилась отъ бремени щенятами. Царевичъ прочиталъ письмо, погоревалъ, поплакалъ и отвѣтилъ роднымъ, чтобы тѣ ухаживали какъ слѣдуетъ какъ за роженницею, такъ и за щенятами. Деви ждалъ отвѣтнаго письма царевича подъ тѣмъ же деревомъ. Ястребъ снова усѣлся на то дерево, и деви снова приманилъ его кускомъ мяса. Деви ознакомился съ содержаніемъ письма, порвалъ его и написалъ свое, въ которомъ подъ видомъ царевича просилъ родныхъ немедленно сжечь въ „торне“ (родъ глиняной бочки безъ дна, служащей для печенія хлѣба) роженницу съ ребенкомъ. Родные прочитали письмо и только плечами пожали: съ кавой стати, думали они, онъ предписываетъ имъ сжечь ни въ чемъ неповинныхъ людей—и, конечно, не сожгли. Видя, что обманъ не удался, деви самъ приходитъ къ роднымъ и говоритъ имъ, что послалъ

самимъ царевичемъ, который просить родныхъ, во что бы то ни стало, съечь роженицу, въ противномъ случаѣ онъ навсегда бросить отцовскій домъ. Дѣлать было нечего,—съ грустью на сердцѣ они приказали слугамъ растопить „торне“ и бросить туда мать съ ребенкомъ. Но это почувалъ жеребенокъ и сейчасъ же ушелъ отъ царевича; прискакалъ въ царскій домъ въ ту самую минуту, когда готовились исполнить надъ царевной казнь. Моментадно онъ бросается въ толпу людей, царевну съ ребенкомъ освобождаетъ изъ рукъ палачей, а деви опрокидываетъ въ раскаленное „торне“. Затѣмъ обращается къ роднымъ царевича и говорить, что они не достойны имѣть такую невѣстку, что ее онъ увезетъ, а пускай они ищутъ себѣ другую.

Жеребенокъ посадилъ на себя царевну съ ребенкомъ и умчался вмѣстѣ съ ними. Спустя нѣсколько времени, онъ остановился на одномъ открытомъ полѣ и сказалъ: „теперь я долженъ попроситься съ вами; насталъ конецъ моей жизни; я сейчасъ издохну, но вы не бойтесь: какъ только я паду, снимите съ меня кожу, порубите ее на мелкіе кусочки и разбросайте вокругъ этого поля—появится прекрасный заборъ; кости мои обратите въ порошокъ и посыпьте имъ все поле—появятся дома; черепъ мой положите посрединѣ поля—и на этомъ мѣстѣ выстроится великолѣпный дворецъ, въ которомъ вы будете жить; мясо мое нарѣжьте на мелкія части и разбросайте ихъ по полю—появятся люди; они будутъ ваши подданные, а вы будете надъ ними властвовать“. Окончивъ эти слова, жеребенокъ, дѣйствительно, издохъ. Царевна въ точности исполнила всѣ наставленія жеребенка и на пустынномъ полѣ появился торговый, многолюдный городъ; онъ украсился великолѣпными зданіями и дворцомъ посрединѣ. Городъ этотъ получилъ названіе „благодатнаго“.

Между тѣмъ царевичъ воротился къ роднымъ; узнавъ обо всѣхъ привлеченіяхъ своей жены, онъ разсердился на

родныхъ; съ досады и горя убилъ ихъ и разрушилъ весь свой дворецъ, а самъ пошелъ просить Христа ради. Спустя нѣсколько времени, нищій царевичъ случайно попалъ въ „благодатный“ городъ. Онъ пришелъ во дворецъ просить милостыни. Царевна сейчасъ же узнала своего бывшего мужа; приказала дать ему приличное платье и привести его къ ней. Нищій вошелъ въ покой царицы. Она подвела къ нему своего наследника и говоритъ ему: „не правда ли (указывая на ребенка) онъ на тебя походить?“ Нищій смутился и сказалъ: „зачѣмъ, царица, смѣяться надъ бѣднымъ нищимъ?“ Тогда она рассказала ему обо всемъ; нищій плакалъ отъ радости и женился онъ съ своей женою счастливо. Одно только беспокоило его— зачѣмъ онъ убилъ ни въ чемъ неповинныхъ родителей?

Слѣпой царь.

Жилъ былъ на свѣтѣ одинъ слѣпой царь. У него было 3 сына. Царь держалъ ихъ все время въ замкѣ и не выпускалъ ни куда. Уже усы пробились у молодыхъ людей, сдѣлались мужчинами, а свѣту Божьяго еще не видали. Они безпокоились и хотѣли знать, что дѣлается внѣ стѣнъ замка. Однажды, когда къ нимъ зашелъ поваръ съ кушаньями, они пристали къ нему съ вопросомъ: изъ чего дѣлается пища и откуда она добывается? Но повару запрещено было говорить что-либо царскимъ сыновьямъ, а потому онъ имъ ничего не отвѣтилъ. Когда же на другой день поваръ снова имъ принесъ кушанья, молодые люди пристали къ нему и пригрозили, что не выпустятъ его оттуда, пока онъ не расскажетъ имъ все. Испугавшись угрозъ, поваръ рассказалъ имъ, что на дворѣ солнце свѣтитъ, звѣзды блещутъ, земля покрыта роскошною растительностью; что люди пахутъ и сѣютъ эту самую землю, а она производитъ и хлѣбъ и вино, и все, что нужно чело-

вѣку. Недолго думая, братья разломали двери своего замка и вышли воиъ. Они были поражены всѣмъ видѣннымъ и рѣшили не подчиняться болѣе отцу. Пришли они къ нему и говорятъ: „Почему ты насъ не выпустилъ изъ замка до сихъ поръ? Развѣ не грѣхъ было, цана, держать насъ взаперти столько времени, когда на дворѣ такъ хорошо, такъ прекрасно...!“ — „Эхъ, дѣти мои“, сказалъ имъ на это отецъ: „зналъ я, что какъ увидите свѣтъ Божій, не останетесь со мною, бросите меня, стараго, на произволъ судьбы...; вотъ почему я старался не выпускать васъ изъ замка“. Слова отца скоро оправдались: молодые люди осѣдлали лучшихъ лошадей и, явивъ отцу, что ѣдутъ для добычи лѣкарства противъ слѣпоты, въ одинъ прекрасный день (воѣ трое) уѣхали, куда глаза глядятъ. Долго они ѣхали и, наконецъ, доѣхали до одного большого камня, на которомъ были надписи, и за которымъ дорога раздѣлялась на двѣ части: одна шла направо, другая же налево. А на камнѣ томъ были надписи такого рода: „поѣдешь налево—лошадь издохнетъ; поѣдешь направо—поздно воротитшься“. Младшій братъ поѣхалъ налево, а старшій—направо. Послѣ долгой ѣзды старшій братъ увидѣли на одномъ открытомъ мѣстѣ домикъ, изъ котораго на встрѣчу имъ вышелъ чортъ. Онъ пригласилъ братьевъ въ домъ и предложилъ имъ поиграть въ карты на такихъ условіяхъ: кто проиграетъ, тотъ лишается свободы, дѣлается рабомъ. Братья согласились: и оба проиграли чорту. Они сдѣлались рабами его. Чортъ одного изъ нихъ сдѣлалъ духаничкомъ, а другого—пуричкомъ (хлѣбопечомъ). Младшій же братъ черезъ нѣсколько дней пути доѣхалъ до одного рютого, темнаго лѣса, у опушки котораго сидѣла какая-то женщина. Когда молодой человѣкъ приблизился къ ней, она расхохоталась такъ громко, что тотъ свалился съ лошади, а эта послѣдняя съ испугу рванулась въ сторону, упала въ пропасть и убилась. Очнувшись, молодой человѣкъ сказалъ женщинѣ: „пожалѣй

душу мою, матушка, не убивай меня!" Женщина пощадил
его и сказала, что на три дня пути от нея живет другая
сестра ея, и она может вылѣчить его отъ слѣпоты.
Молодой человѣкъ направился дальше. Черезъ три дня онъ,
дѣйствительно, увидѣлъ у опушки темнаго лѣса женщину, ко
торая, при приближеніи его, раскохоталась еще громче, чѣмъ
1-ая; молодой человѣкъ испугался, но успѣлъ проговорить:
„не убивай... пощади!“ — „Если бы ты не успѣлъ сказать этихъ
словъ, я бы тебя немедленно съѣла“, проговорила женщина:
„но теперь, нечего дѣлать, иди себѣ“. Молодой человѣкъ по
просилъ средства отъ слѣпоты. Женщина сказала, что на три
дня пути отъ нея въ густомъ лѣсу обитаетъ третья сестра
ея; она теперь больна: у ней въ ногѣ заноза,—цѣлое бревно
залѣзло; кто вытащитъ это бревно изъ ея ноги, того она
счумѣетъ отблагодарить не только лѣкарствами противъ все
возможныхъ болѣзней, но и разнаго рода подарками. Молодой
человѣкъ направился къ ней. Спустя три дня, онъ отыскалъ
эту самую женщину въ темномъ лѣсу: она валялась на землѣ,
а человѣкъ до ста вытаскивали у ней изъ ноги бревно, но
ничего подѣлать не могли. Царскій сынъ подошелъ къ жен
щинѣ; схватилъ бревно, рванулъ его разъ и вытащилъ. Жен
щина не знаетъ, какъ отблагодарить молодого человѣка; она
обѣщаетъ ему всевозможныя услуги; но онъ отказывается отъ
всего и проситъ только лѣкарства противъ слѣпоты. Женщина
дастъ лѣкарство, и молодой человѣкъ предпринимаетъ обратное
путешествіе. Доходитъ онъ до того камня, на которомъ были
надписи и, узнавъ, что братья еще не воротились, направля
ется въ ихъ сторону. Послѣ нѣсколькихъ дней пути онъ до
ходитъ до одного домика, въ которомъ проживалъ чортъ. Какъ
только приблизился онъ въ домику, чортъ сейчасъ же вышелъ
къ нему на встрѣчу, завелъ его въ свой домъ и предложилъ
поиграть въ карты на такихъ же условіяхъ, на какихъ онъ
игралъ со старшими его братьями. Но на этотъ разъ счастье

измѣнило чорту: онъ проигралъ царскому сыну и сдѣлался его слугою. Немедленно онъ освободилъ своихъ братьевъ изъ плѣна и повелъ ихъ домой. Не успѣли они пройти и половины пути, какъ замѣтили въ сторонѣ отъ дороги громадной глубины ровъ,—это былъ путь въ подземное царство. Заинтересовались братья и рѣшили спуститься въ это царство, но не вмѣстѣ, а по одиночкѣ. Сначала былъ спущенъ на веревкѣ старшій братъ; но не успѣлъ онъ дойти и до половины рва, какъ сталъ кричать: „душно, жарко, умираю!“ Потянули веревку и вытащили его обратно, еще живого. Затѣмъ былъ спущенъ средній братъ; но и онъ не выдержалъ, и вытащили его обратно. Очередь дошла до младшаго брата. Онъ связалъ братьямъ, чтобъ тѣ не обращали вниманія ни на какіе крики его и спустили его до самаго дна. Братья такъ и сдѣлали: несмотря на отчаянные крики: „жарко, душно, умираю...“ его спустили до самаго дна. Очутившись въ подземномъ царствѣ, молодой человѣкъ оглянулся кругомъ и увидѣлъ роскошный замокъ, а въ этомъ замкѣ проживали 3 красавицы одна лучше другой. Онъ направился къ этому замку и скоро овладѣлъ имъ. Красавицы сдѣлались его плѣнницами. Онъ отправилъ ихъ въ надземное царство къ братьямъ. Сначала поднята была старшая, затѣмъ средняя; но когда очередь дошла до младшей, она воспротивилась: не хотѣла подняться на верхъ, если не будетъ сопровождать ее самъ царскій сынъ. Но должна была уступить настояніямъ своего патрона. Предъ тѣмъ какъ подняться, она сказала молодому человѣку: „недалеко отъ замка, на полѣ пасутся двѣ козы: одна черная, а другая бѣлая. Если сядешь на бѣлую, то опустишься еще ниже, если же—на черную, то поднимешься вверхъ. Братья измѣнятъ тебѣ; не захотятъ поднять тебя наверхъ; тогда ты и воспользуйся моимъ наставленіемъ“. Пророчество младшей сестры оправдалось: братья, взявъ съ собою красавицъ, отправились вмѣстѣ съ ними въ отцовскій домъ, оставивъ на про-

изволь судьбы младшаго своего брата въ подземномъ царствѣ. Но молодой царевичъ поймалъ черную козу, съѣлъ на нее и поднялся наверхъ. Онъ направился не прямо во дворецъ, а поселился неподалеку отъ дворца, въ домѣ одного золотыхъ дѣлъ мастера. Братья сдѣлали предложеніе красавицамъ; но онѣ отвѣтили, что только въ томъ случаѣ выйдутъ замужъ за нихъ, если они достанутъ золотого зайца, говорящаго по-человѣчески. Задача была трудная; ни одинъ золотыхъ дѣлъ мастеръ не хотѣлъ вѣяться за дѣло, хотя братья предлагали бѣшенныя деньги. Отказалъ также и тотъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, у котораго проживалъ молодой царевичъ. Но къ удивленію мастера за дѣло взялся его молодой гость. Скоро заяцъ былъ сдѣланъ и отнесенъ во дворецъ самымъ молодымъ мастеромъ. Красавицы, какъ увидѣли молодого человѣка съ золотымъ зайцемъ въ рукахъ, въ одинъ голосъ воскликнули: „это онъ, это онъ!“ Онъ тотчасъ же узнали молодого царевича. Скрываться долѣе нельзя было ему, и онъ рассказалъ отцу обо всѣхъ своихъ приключеніяхъ: о женщинахъ-людодѣлахъ, о чортѣ, у котораго старшіе братья были въ плѣну, о путешествіи по подземному царству и т. д. Затѣмъ, помазалъ ему глаза лѣкарствомъ, и слѣпой сейчасъ же прозрѣлъ. Отецъ обнялъ своего исцѣлителя и осыпалъ его поцѣлуями и слезами. Узнавъ о неблагодарности и измѣнѣ старшихъ братьевъ своему избавителю изъ плѣна—младшему брату,—онъ прогналъ ихъ отъ себя, а младшему сыну передалъ престолъ и все свое достояніе.

ЭРАМЪ-ХУТЬ И СВЯТЫНЯ ДЖВАРЦЕВЪ.

За горами, за долами, жилъ былъ въ Великой Кабардѣ необыкновеннаго роста великанъ. Звали его не именемъ, а прозвищемъ—„Эрамъ-хуть“ *). Незнатнаго былъ онъ роду и предки его носили заурядную между простыми горцами фамилію „Эрамъ-бая“. Хотя вмѣстѣ съ другими онъ пасъ овецъ и одинаково съ ними, въ свободное отъ набѣговъ время, занимался домашними работами, но при этомъ всегда выдавался своею ловкостью и вездѣ выказывалъ необычайную, можно сказать, баснословную силу. Когда, однажды, нужно было нарубить хворосту для изгороди, Эрамъ-хуть пошелъ въ лѣсъ и въ очень короткое время нарубилъ его большую кучу. Хворостъ былъ длинный и такой прямой, будто нарочно подобранный. Онъ перевезалъ его свѣжими вѣтвями, забралъ всю кучу въ одинъ разъ и принесъ ее домой. Односельчане были удивлены, при видѣ цѣлой горы сразу наваленнаго хворосту. Стали изъ него дѣлать изгородь и огородили такое большое пространство, что можно было свободно въ немъ помѣстить болѣе трехъ сотъ овецъ съ ягнятами и столько-же козь съ козлятами.

И вотъ именно въ то время, какъ Эрамъ-хуть находился очень далеко отъ своего дома и пасъ въ горахъ свои стада, до него дошли слухи, что съ южной стороны, изъ за горъ, пришли люди, напали на родной его аулъ, разграбили и раззорили тамъ его домъ, захватили всю его семью, жену, дѣтей и увели ихъ въ плѣнъ, по направленію къ Большой Абхазіи. Загорѣлось ретивое сердце, при этомъ извѣстии, у Эрамъ-хута, завицѣла злоба у него и бѣшенство, и онъ такъ ударилъ своей

*) Хуть—имя и теперь употребительное между горцами въ Абхазіи.

большой палкою о сухую землю, что она вошла въ нее, какъ въ мягкое гоми *), больше чѣмъ на цѣлый аршинъ; палка была въ полтора вершка толщиною, вѣршаго самшитоваго дерева съ большимъ желѣзнымъ наконечникомъ. И тутъ-же возвелъ онъ глаза къ небу, поднялъ руки и повлялся великой вл�твою своихъ отцовъ и дѣдовъ отомстить врагамъ и итти ихъ отыскивать, хотя-бы то пришлось, на самый край свѣта. Но прежде всего ему нужно было самому удостовѣриться въ томъ, что случилось у него дома и нужно было получить вѣрныя свѣдѣнія объ участи своей семьи. Онъ бросилъ всѣ стада на произволъ судьбы и, немедля, отправился домой. Чѣмъ ближе Эрамъ-хутъ подходилъ къ своему аулу, тѣмъ больше приходилось, по дорогѣ, слышать разсказовъ про всѣ ужасы злодѣйскаго нападенія, и они живо ему напоминали тѣ лихіе набѣги, которые нѣтъ-нѣтъ и пронесутся, какъ беспощадный вихрь, надъ несчастнымъ ауломъ. Враги застали въ цѣломъ аулѣ почти однихъ женщинъ и дѣтей, не видали нигдѣ сопротивленія и распорядились беспрепятственно, какъ имъ хотѣлось. Увѣренность въ одномъ и томъ-же роковомъ исходѣ при всѣхъ набѣгахъ и привычная поворность своей судьбѣ стали было усыплять у Эрамъ-хута его жажду мести; но видъ родного дома, полная тамъ пустота, запачканные кровью, разбросанные остатки поломанныхъ вещей, зловѣщая вездѣ тишина, время отъ времени нарушаемая жалобнымъ воемъ голодныхъ собакъ, — неволью сжимали ему сердце и навели на него уныніе и тоску, а растянутая на деревѣ кожа четырехлѣтняго теленка, послѣ совершеннаго, очевидно, жертвоприношенія, была нѣмою свидѣтельницею всего происшедшаго и, какъ будто, вторила своимъ положеніемъ всему слышанному. Никто изъ родной семьи рѣзко не выдвигался впередъ въ умѣ Эрамъ-хута, никто не вызывалъ въ немъ особенной жалости и боли и не заглушалъ собою общей обо

*) Гоми — родъ каши изъ сорго или кукурузной муки.

всѣхъ скорби, но разомъ, беспорядочной толпою, тѣснились другъ за другомъ всѣ кровавые эпизоды, имъ слышанные по дорогѣ; они разбудили все прошлое въ его жизни и собрались въ одну нескладную кучу, безпрестанно перемѣшиваясь съ хорошо ему знакомыми изъ набѣговъ, по собственному опыту, стонами умирающихъ, ржабіемъ коней и отчаянными криками и воплями беззащитныхъ женщинъ и дѣтей. Все это вмѣстѣ создавало въ его воображеніи такую потрясающую, живую картину, которая все болѣе и болѣе разжигала и возбуждала въ немъ всѣ его страсти, всѣ стремленія къ одной единственной мысли—кровомщенію. Передъ нимъ уже рисовались результаты этой ужасной мести: поминутно сверкающій винжалъ, упитанный кровью въ груди ненавистныхъ ему враговъ, стоялъ уже передъ его глазами, и эти мысли разливали во всѣхъ его жилахъ такое жгучее чувство, такой упоительный, блаженный огонь удовлетворенной жажды мщенія, что онъ рѣшился не дѣлать его съ другими, не собирать дружины для набѣга, а итти одному отыскивать свою семью; найти враговъ, вырвать ее у нихъ изъ рукъ и медленно съ наслажденіемъ жестоко и долго мстить имъ за ихъ смѣлый набѣгъ. По характеру разворенія аула и по всѣмъ остаткамъ отъ совершенныхъ чужеземцами жертвоприношеній легко можно было угадать то направленіе, гдѣ нужно было ихъ отыскивать. Но прежде чѣмъ пуститься въ путь, Эрамъ-хуть снялъ съ дерева телячью кожу и сдѣлалъ изъ нея себѣ чупаки *). Кожи этой еле-еле хватило для него на одну только пару. Онъ надѣлъ чупаки и быстро пошелъ по направленію къ югу. Но долго, очень долго пришлось ему итти по крутымъ горамъ и по дремучимъ лѣсамъ, пока онъ не перевалилъ за родныя горы и не дошелъ до перваго абхазскаго аула въ Цебельдинскомъ ущельѣ. Подойдя къ нему ближе, Эрамъ-хуть увидалъ, что въ аулѣ со-

*) Чупаки—туфли изъ куска сырой кожи, края которой собраны на отдельный ремешекъ.

звано собраніе всего взрослога населенія подъ вѣзовымъ коштановымъ деревомъ. Не думая много, онъ тотчасъ же напалъ на всю толпу, очень многихъ убилъ, а одного, захвативъ въ плѣнь для своихъ услугъ, взвалилъ себѣ на плечо и ушелъ отъ нихъ. Всѣ жители аула погнались за нимъ, но не могли его догнать: въ то время какъ онъ шелъ шагомъ, имъ приходилось бѣжать и то они отставали. По дорогѣ Эрамъ-хуту пришлось перепрыгнуть черезъ быструю горную рѣчку; онъ сдѣлалъ скачекъ и уронилъ одинъ изъ своихъ чувяковъ, но этого даже не замѣтилъ, такъ занятъ былъ онъ своими мыслями. Его преслѣдователи добѣжали до рѣчки и остановились. Они увидали этотъ чувякъ. и ими овладѣлъ ужасъ. Двое изъ нихъ попробовали въ него сѣсть и свободно въ немъ помѣстились. Видя это, остальные не только прекратили свое преслѣдованіе, но даже поспѣшили поскорѣе вернуться домой и благодарили Бога, что онъ ихъ избавилъ отъ столкновенія съ такимъ человѣкомъ, который носитъ такіе громадные чувяки. Такъ и остался у Эрамъ-хута человѣкъ, захваченный имъ въ плѣнь, и онъ сдѣлалъ изъ него подвластнаго себѣ раба, который сталъ ему прислуживать. Долго еще шелъ Эрамъ-хутъ, все спрашивая и развѣдывая по дорогѣ; наконецъ дошелъ до абхазскаго князя Келишъ-бея Шервашидзе и вошелъ къ нему. Тутъ его стали окружать не тѣми почестями, которыхъ онъ былъ вправѣ ожидать по своей силѣ и своему росту. Князь обращался съ нимъ надменно и своимъ гордымъ презрѣніемъ и насмѣшками хотѣлъ видимо показать, что онъ по своему положенію и могуществу не придаетъ ровно никакого значенія его силѣ. Для того, чтобы нагляднѣе это выставить, онъ даже не сдѣлалъ отъ себя Эрамъ-хуту, установленнаго обычаями края, княжескаго подарка, когда тотъ собрался отъ него уходить. Послѣднему это показалось очень обиднымъ и онъ съ сердцемъ сталъ князю самъ выговаривать:— „Я не могъ ожидать отъ могущественнаго князя, сказалъ онъ, такого-

вниманія и не забуду его вспомнить при доброй встрѣчѣ съ его дружиною“. Князь никогда съ своей дружиною не разставался, и ему эта угроза показалась очень забавною. — „Что говорить напрасно, отвѣчалъ онъ, если ты такой силачъ, какъ хвалишься, то возьми въ плѣнъ жителей аула Джвари, — тогда я преклонюсь предъ тобою и буду тебя встрѣчать, какъ самаго почетнаго своего гостя, изъ всѣхъ князей нашего края“. Ауль Джвари выдавался между прочими аулами своею неприступностью по мѣсту положенія, а отборные по росту и по своей силѣ жители его отличались особенной храбростію; они отважной своей удалюю навели паническій страхъ однимъ своимъ появленіемъ на всѣхъ сосѣдей. Князь считалъ этотъ ауль непобѣдимымъ, но при этой новой насмѣшкѣ Эрамъ-хутъ только съ презрѣніемъ улыбнулся, ничего не отвѣтилъ, а взялъ съ собою своего молочнаго брата, который находился при князѣ и участвовалъ съ нимъ въ набѣгахъ, и отправился въ путь, распространяя по дорогѣ слухъ, что онъ идетъ одинъ для того, чтобы напасть на жителей аула Джвари, захватить ихъ въ плѣнъ и увести съ собою. Эта вѣсть съ быстротою молніи распространилась и дошла до Джвари; самъ князь послалъ предупредить объ этомъ его жителей и просилъ ихъ встрѣтить достойнымъ образомъ Эрамъ-хута и наказать его за смѣлую дерзость, а главное — постараться захватить его въ плѣнъ. Джварцы вмѣстѣ съ княземъ Келишъ-беємъ заранѣе уже праздновали побѣду и послѣдному еще вдобавокъ улыбалась мысль, что ему удастся у нихъ купить плѣннаго Эрамъ-хута и такимъ образомъ приобрести таковаго великана и силача въ число своихъ рабовъ. Кто-же могъ сомнѣваться въ томъ, что такой большой ауль отборныхъ джигитовъ въ состояніи будетъ захватить въ плѣнъ одного человѣка, хотя бы великана! Эрамъ-хутъ, дойдя до горы Охачуэ, поднялся на нее и оставилъ тамъ всѣ дорожные свои припасы подъ надворомъ молочнаго брата, а самъ спустился внизъ и напалъ на ауль Джва-

ри. Жители съ яростію набросились на него, но первыя ряды храбрецовъ, какъ одинъ человѣкъ, упали мертвыми отъ быстрыхъ и мѣткихъ ударовъ Эрамъ-хута и ихъ натискъ не причинилъ ему никакого вреда. Съ другой стороны онъ и самъ не мѣшкалъ. Въ самый разгаръ боя, онъ поймалъ двухъ, ближе къ нему находившихся, бойцовъ, связалъ ихъ и, взваливъ къ себѣ на плечо, благополучно ушелъ съ этой ношею на гору Охачкуэ. Весь аулъ былъ ошеломленъ такимъ исходомъ нападенія. Первое время на многихъ напалъ безотчетный страхъ, и они стали поговаривать, что слѣдуетъ цѣлымъ ауломъ сдать этому великану, но затѣмъ всѣ опомнились и устыдились своего малодушія. Старѣйшіе предводители созвали собраніе всѣхъ способныхъ къ битвѣ подъ тѣмъ тысячелѣтнимъ деревомъ, гдѣ не разъ разрѣшались вопросы о грозныхъ набѣгахъ и дѣлались распоряженія захватить въ плѣнъ не одного какого-нибудь человѣка, а цѣлыя сотни людей и увести ихъ для продажи въ неволю. Предводители, стыдясь того, что пришлось созывать собраніе, чтобы избавиться отъ нападенія одного человѣка, стали оправдывать это передъ народомъ тѣмъ, что Эрамъ-хуть большой великанъ и обладаетъ силою, равной нѣсколькимъ сотнямъ людей. Они ободряли молодежь, возбуждали ее сплотиться и дѣйствовать единодушно и указывали на поучительные примѣры, что бывають случаи такіе, когда даже пчелы заѣдаютъ медвѣдей. На другой день весь аулъ былъ вооруженъ отъ мала до велика и была установлена сторожевая цѣпь, чтобы быть готовымъ ежеминутно во всякомъ мѣстѣ встрѣтить врага. Но, несмотря на это, Эрамъ-хуть всетаки каждый день повторялъ свои нападенія и каждый день, уходя, захватывалъ съ собою по два и по три плѣнныхъ, а послѣ его ухода, жителямъ приходилось подбирать съ поля битвы большое число убитыхъ. Такъ продолжалось довольно долго. Смѣлость храбрецовъ стала исчезать и, послѣ нѣсколькихъ дней бесплодной защиты, они убѣдились, что борьба

съ Эрамъ-хутомъ имъ не подѣ силу и имъ однимъ съ нимъ не справиться. Тогда созвали опять собраніе и по совѣту стариковъ рѣшили, что весь аулъ долженъ прибѣгнуть къ молитвѣ о заступничествѣ мѣстныхъ иконъ: св. Георгія и Цина-Квиркве. Таинственное происхожденіе иконы Цина-Квиркве всегда обращало на себя особое вниманіе, и эта икона у жителей аула считается явленной и ими высоко почитается. Про ея явленіе сложилась особая легенда. Рассказываютъ, что это было очень давно. Однажды пришелъ изъ лѣсу человекъ, по имени *Квиркве*, что значитъ въ переводѣ *июль* и ему не было вовсе извѣстно слово: *Богъ*. Во время своихъ молитвъ, призывая Бога, онъ обращался къ Нему такъ: „о Создатель, который создалъ небо и землю“. Мудрецамъ такое обращеніе къ Богу не нравилось; они возбудили противъ него народъ и угрозами хотѣли заставить, чтобы Квиркве въ своихъ молитвахъ произносилъ слово *Богъ*, вмѣсто той описательной формы, которую онъ употреблялъ. Они говорили ему, что нужно молиться *извѣстному* Богу, а не какому то неизвѣстному существу. Но онъ, несмотря на всѣ угрозы, не хотѣлъ измѣнить своего обращенія къ Богу и за это былъ народомъ осужденъ на смерть и былъ имъ убитъ при полномъ собраніи всего аула. Послѣ смерти Квиркве, населенію пришлось горько раскаиваться въ своемъ поступкѣ и убѣдиться въ томъ, что они убили святого человека: ангелы нисходили на его могилу и подолгу просиявали на ней. Многіе даже слышали отъ нихъ приказаніе, чтобы сдѣлать образъ этого человека, приносить этому образу жертвы и обращаться къ нему съ молитвами и просьбами, какъ къ надежному помощнику людскому. Вслѣдствіе этого въ аулѣ Джвари явилась икона святого Квиркве, и она понынѣ находится въ большомъ почетѣ и во всеобщемъ почитаніи среди всѣхъ народовъ.

Послѣ того какъ собраніе жителей аула Джвари рѣшилось прибѣгнуть къ заступничеству мѣстныхъ иконъ, всѣ стали

спокойнѣе и начали дѣлать приготовленія къ всеобщему жертвоприношенію, т. е. къ приношенію жертвъ отъ имени цѣлой общины. На это ушла вся ночь, а на слѣдующій день, рано утромъ были принесены иконамъ и самыя жертвы. Какъ только было совсѣмъ окончено жертвоприношеніе и всѣ себя достаточно подкрѣпили, тотчасъ послѣ того сторожевые люди дали знать народу, что вдали уже поваялся Эрамъ-хуть. Всѣ поспѣшили собраться въ ту сторону, откуда онъ шелъ и, одушевленные таинственной силой мѣстныхъ иконъ, храбро приготовились вступить съ нимъ въ послѣдній, жестокий бой. Когда Эрамъ-хуть былъ уже довольно близко, громкій, винственный крикъ вырвался у всѣхъ изъ ихъ могучей груди и джварцы вмѣсто того, чтобы ожидать, какъ было прежде, его нападенія, теперь сами ринулись впередъ и всею толпою набросились на него съ такою стремительной силою, что ему пришлось на этотъ разъ отступить и нечего было думать о захватѣ въ плѣнъ кого нибудь изъ нападавшихъ. При отступленіи, Эрамъ-хуть избралъ болѣе короткій путь и пошелъ прямо черезъ огороды. Въ одномъ изъ нихъ онъ наткнулся на молодую дѣвушку поразительной красоты, которая занята была въ то время собираніемъ лобія (бобовъ). Достаточно было одного только взгляда, чтобы быть ею очарованнымъ. Стройная полногрудая красавица, испуганная внезапнымъ появленіемъ Эрамъ-хута, безпокойнымъ, огненнымъ взглядомъ своихъ черныхъ глазъ съ темной синевою, какъ будто, приковала его къ мѣсту. Страстная, но гордая ея осанка съ сверкающими, тревожными глазами подѣйствовала на него съ силой змѣиного взгляда, и онъ остановился, какъ вкопанный. Самая мысль, что его преслѣдуютъ, всѣ силы твердой его воли и полная въ себѣ увѣренность разомъ его покинули, и онъ уже не могъ оторвать своихъ глазъ отъ этой дѣвушки. Только близкіе воинственные крики преслѣдователей заставили его опомниться и выйти изъ этого оцѣпенѣнія. На глазахъ надвигавшейся на

него толпы, онъ быстрымъ движеніемъ поймалъ красавицу-абхазку, взялъ ее къ себѣ на руки и сталъ уходить съ нею въ горы. Подымаясь на гору и любуясь все время своей пошею, Эрамъ-хуть въ первый разъ въ жизни почувствовалъ усталость и присѣлъ отдохнуть. Джварцы-же въ это время гнались за нимъ, а дѣвушка, не переставая, все кричала и издали ободряла ихъ. Она увѣряла въ томъ, что молитвы ихъ услышаны и жертвы приняты иконами, что иконы начинаютъ свое дѣйствіе и уже стали отнимать у Эрамъ-хута его силы. Ободренные такими криками, джварцы погнались еще сильнѣе, такъ что Эрамъ-хуть вынужденъ былъ отъ нихъ спрятаться, — и забрался онъ для этого вмѣстѣ съ дѣвушкою въ дупло большаго, тысячелѣтняго дерева и велѣлъ ей молчать. Она перестала кричать потому, что онъ пригрозилъ убить ее. Джварцы сразу потеряли его изъ виду и догадались, что онъ отъ нихъ прячется. Это ихъ еще больше одушевило, но чтобы вѣрнѣе удостовѣриться въ своемъ предположеніи, они стали осматривать мѣстность и одинъ изъ нихъ взглялъ для осмотра, случайно, на то самое дерево, въ дуплѣ котораго сидѣлъ Эрамъ-хуть. Послѣдній не вытерпѣлъ такой близости своего врага и однимъ взмахомъ палки убилъ его. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ этимъ самымъ выдалъ джварцамъ то мѣсто, гдѣ находился. Они окружили дерево со всѣхъ сторонъ, всѣ разомъ напали на него и убили его. Когда Эрамъ-хуть палъ мертвымъ подъ тысячами ударовъ, такъ какъ, сидя въ дуплѣ, онъ не могъ свободно двигать руками и такимъ образомъ не былъ въ состояніи отъ нихъ защищаться, — джварцы, не довольствуясь его смертью, хотѣли еще надругаться и надъ мертвымъ тѣломъ: они развели на груди у него костеръ, чтобы предать его позорному сожженію, а голову отрубили потому, что дали мѣстнымъ иконамъ обѣтъ, въ случаѣ побѣды, доставить ее для жертвоприношенія вмѣстѣ съ цѣнными вещами, которые при немъ будутъ найдены. Но въ то самое

время, какъ они зажигали костеръ, подоспѣлъ изъ аула Пахулани Геджія Шонія—намѣстникъ Великаго Цюха Сванетскаго и воспретилъ имъ это сожженіе. Онъ освободилъ тѣло Эрамъ-хута изъ подъ наваленнаго костра и распорядился предать его землѣ подъ высокимъ деревомъ въ черномъ лѣсу. Отрубленную же голову и всѣ цѣнныя вещи джварцы взяли съ собою. Голова была торжественно привязана ими въ своемъ аулѣ на деревѣ передъ лѣвами иконъ на съѣденіе хищными птицами, насѣкомыми и червями, а вещи—палка съ желѣзнымъ наконечникомъ и пороховница въ серебряной оправѣ и съ такими-же цѣпями—возложены на иконы въ знакъ чудснаго избавленія аула отъ силача-великана. Эти вещи и по нынѣ хранятся въ церкви Джвари, а имя Эрамъ-хуть превратилось въ имя нарицательное и употребляется теперь во всей Мингреліи и Абхазіи, какъ эпитетъ, для означенія высшаго геройства и храбрости.

(Сообщилъ учитель Борисъ Георгіевъ сынъ Хорава, онъ же Хворава).

АССУРСКИЯ ЛЕГЕНДЫ И СКАЗКИ.

(Собралъ П. Эйвазовъ).

Въ настоящее время ассуры незначительный народъ, разбросанный въ долинахъ Персїи, горахъ Курдистана, въ Месопотамїи и Сирїи, игралъ нѣкогда въ исторической жизни Востока замѣтную роль въ дѣлѣ государственнаго устройства. Ассуры считаютъ своимъ родоначальникомъ второго сына Сима, внука Ноя, Ассура, отъ котораго и получили свое названіе. Родъ человѣческій, какъ сказано въ Библии, послѣ потопа, почти весь сосредоточился въ Месопотамской долинѣ, между рѣками Тигромъ и Ефратомъ. Здѣсь одинъ изъ потомковъ Хама, сына Ноя, по имени Немвродъ, человѣкъ очень сильный и честолюбивый, послѣ смѣшенія языковъ, положилъ основаніе городу Бабилу ¹⁾, Вавилону, послужившему началомъ могущественнаго Вавилонскаго царства, занявшаго впоследствии почти всю южную часть Месопотамїи, известную подъ названіе «Сенеаръ». Ко времени основанія этого государства, изъ Сенеарской земли выселился къ сѣверу со всѣмъ своимъ родомъ второй сынъ Сима Ассуръ и поселился въ 300 м. выше Вавилона на рѣкѣ Тигрѣ. Здѣсь, на величественномъ мѣстѣ, онъ основалъ городъ Нинви, Ниневїю, чѣмъ и положилъ начало могущественной Ассирійской монархіи. Кромѣ Ниневїи онъ основалъ еще города: Разбутъ, Калахъ и Эл-Ассуръ. ²⁾ Государство это, сначала незначительное, скоро расширилось и заняло видное мѣсто между государствами древности. Цари ассирійскіе въ скоромъ времени подчинили себѣ вавилонянъ, благодаря халдеямъ, которые, какъ потомки Арфаксада, третьяго сына Сима ³⁾, были одного происхожденія съ ассиріянами и дали послѣд-

¹⁾ Быт. 10: 8—10.

²⁾ Быт. 10: 11—12.

³⁾ Быт. 10: 22.

нимъ возможность включить въ свои предѣлы Вавилонію. Халдеи въ южной части Месопотаміи основали колонію и скоро соединились съ вавилонянами ¹⁾, составивъ съ ними одно государство, но вслѣдствіе нѣкоторыхъ беспорядковъ между вавилонянами, халдеи стали господствовать надъ ними; распространили между ними свой языкъ, нравы, обычаи, своихъ боговъ и легко поддались своимъ единоплеменникамъ ассиріанамъ. Опредѣлить начало ассирійской монархіи и какіе цари управляли ею за 1800 лѣтъ до Р. Х. очень трудно, но судя по одной надписи ассирійскаго царя Саргона, нужно отнести къ глубокой древности. Саргонъ царствовавшій съ 721 по 704 г. до Рождества Христова, говоритъ: «триста пятьдесятъ царей управляли Ассиріей до меня» ²⁾. Почти съ 1800 года до 606 г. до Рожд. Христова это великое государство возвышалось, заняло не только весь бассейнъ рѣкъ Тигра и Ефрата, но расширилось отъ Средиземнаго моря до Индіи, включивъ въ свои предѣлы страны: Арменію, Аравію, Эламъ, Израильскую землю, Мидію и Парсію. До своего паденія (606 г. до Р. Х.), Ассирія играла важную роль между древними государствами Востока по своему богатству, образу правленія, воинственному духу и литературѣ, начало которой можно отнести ко временамъ патріарха Авраама. Благодаря плодородію занимаемыхъ ею странъ, системѣ искусственнаго орошенія и своему положенію между Средиземнымъ моремъ и Индіею, въ бассейнѣ двухъ великихъ рѣкъ, Тигра и Ефрата, она сдѣлалась богатымъ и могущественнымъ государствомъ. Богатства покоренныхъ народовъ тотчасъ же, по окончаніи войны, дѣлались достояніемъ Ассиріи; грабежъ и опустошеніе немедленно начинались послѣ военныхъ операций: золото, серебро, мѣдь, желѣзо, твани, скотъ, оружіе, колесницы и т. п. дѣлались добычей ассиріанъ и свозились въ Ниневію. Воинственность ассиріанъ въ ярыхъ чертахъ характеризуетъ пророкъ Исаи, современникъ великихъ ассирійскихъ воевателей: Туклатпаласара II, Салманасара V и Синахериба. «И вотъ онъ, ассирійскій народъ, говоритъ пророкъ, легко и скоро прійдетъ, не будетъ у него усталого, ни изнемогающаго, ни одинъ не задремлетъ, не заснетъ, не снимется поясъ съ чреслъ его и не разовьется ремень у обуви его. Стрѣлы его заострены и всѣ луки его натянуты; копыта коней подобны кремню, колеса его, какъ вихрь,

¹⁾ Исх. 12: 19.

²⁾ Древн. Ассир.—Вав. ст. 69.

ревъ его, какъ ревъ львицы; онъ рыкаетъ подобно скимнамъ и зареветь и схватить добычу и унести и никто не отниметь у него¹⁾. Воинственность ассиріанъ лежала въ ихъ религіозномъ духѣ. Они убѣждены были въ томъ, что боги во всѣхъ походахъ помогали имъ противъ враговъ и на свои подвиги смотрѣли, какъ на угодные богамъ, почему немедленно между покоренными народами ставили идоловъ своихъ божествъ. Ассурбанипаль, истребивъ аккадцевъ, говоритъ: «совершая это, я порадовалъ сердце великихъ боговъ, владыкъ моихъ». Такой духъ въ ассирійскомъ народѣ поддерживался до послѣднихъ дней его политической жизни. Во все это время ассиріане отличались самостоятельностью, имѣли свой языкъ, своихъ боговъ, свои нравы и обычаи, законы и форму государственнаго правленія, а также свою національную литературу. При послѣднемъ ассирійскомъ завоевателѣ Сарданпалѣ IV у ассиріанъ встрѣчались замѣчательныя произведенія по грамматикѣ, исторіи, законовѣднiю, естествознанію, математикѣ, астрономіи и астрологiи. По мнѣнію ассиріолога Лзарда, греческій астрономъ Гипархъ заимствовалъ у ассиріанъ многія астрономическія свѣдѣнія о восходахъ Венеры, Юпитера и Марса, фазахъ луны, лунномъ и солнечномъ затмѣніяхъ. Много въ современной астрономіи взято у халдео-ассиріанъ. Такъ, раздѣленіе эклиптики на 12 равныхъ частей, знаки зодіака, раздѣленіе круга на 360 градусовъ, раздѣленіе года на 12 лунныхъ мѣсяцевъ и многое другое принадлежитъ уму ассирійцевъ. Подпавъ подъ власть мидянъ и персовъ, ассиріане потеряли все: перестали заниматься литературой, и послѣдняя мало помалу пришла въ упадокъ и отъ нея осталось немного. Кругъ умственной жизни сузился, затруднительныя историческія обстоятельства обратили вниманіе ассиріанъ исключительно на бѣдственное ихъ положеніе и лишили ихъ возможности поддержать существовавшую у нихъ дивилизацію.

Съ письменною литературою у ассиріанъ пала и устная литература. Въ VI вѣкѣ до Р. X. при послѣднемъ царѣ Сарданпалѣ, Ассирія была окончательно уничтожена общими силами мидянъ и персовъ, подъ владычествомъ которыхъ ассиріане находятся и до настоящаго времени. Принявъ христіанство, они въ началѣ IV вѣка составляли уже большое христіанское общество, и вавовъ должны были вести борьбу съ персами, которые принуждали ассиріанъ при-

¹⁾ Пс. 5: 25—29.

нять религію Зороастра. Въ 343 году изданъ былъ эдиктъ, которымъ ассиріане облагались большими податями, подвергались страшнымъ жестокостямъ и даже смертной казни. Не ожидая себѣ ни откуда помощи и будучи безсильны въ политическомъ отношеніи, ассиріане принуждены были обратить свои взоры исключительно къ Богу и уврѣдиться въ духъ христіанства.

Послѣ же принятія персами магометанства, участь ассиріанъ сдѣлалась еще хуже: набѣги, похищенія, оскорбленіе чести, убійства сдѣлались явленіями очень частыми. Магометане стали притѣснять ихъ на каждомъ шагу, разрушать и сжигать ихъ церкви, похищать церковныя принадлежности, истреблять остатки библиотекъ и т. п. Такое печальное положеніе ассиріанъ, какъ въ Персіи, такъ и въ Турціи, куда они попали по историческимъ обстоятельствамъ, продолжается и по настоящее время. Ко всему этому нужно добавить еще и то, что среди ассиріанъ нынѣ съ большимъ усердіемъ дѣйствуютъ поклонники папскаго престола и разные другіе миссіонеры, которые хитростью и различными происками довершаютъ бѣдствія ихъ. Они безразлично употребляютъ всѣ мѣры и средства къ уничтоженію ассирійской національности и пріобрѣтенію себѣ послѣдователей изъ падающей ассирійской церкви Несторіанскаго исповѣданія. Такія обстоятельства имѣли весьма печальное вліяніе на ассиріанъ и наложили мрачную печать на умственную сторону. Въ настоящее время какъ персидскіе, такъ и турецкіе ассиріане стоятъ на самой низкой ступени образованія. Древнія научныя системы и различныя воззрѣнія на окружающее уступили мѣсто невѣжеству и грубымъ суевѣріямъ. Умѣнье читать священное писаніе считается въ настоящее время высшей ступенью образованія. Правда, между ассиріанами открыты школы миссіонерами разныхъ вѣроисповѣданій, но изъ этихъ школъ выходятъ слѣдующіе поклонники католицизма и протестантизма. Ассиріане, обученные въ этихъ школахъ, дѣлаются отъявленными врагами своей націи и всячески стараются объ ея уничтоженіи со всѣми ея особенностями.

II. Эйвазовъ.

Легенды.

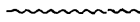
1. Солнце и луна.

У главнаго бога Бала, древняго Белла, и жены его родились близнецы: сынъ-луна и дочь-солнце, оба необыкновенной красоты. Когда выросли дѣти, родители назначили сыну-лунѣ свѣтить днемъ, а дочери-солнцу свѣтить ночью. Пльнившись красотой дѣвицы, богъ воздушныхъ бурь загородилъ ей дорогу, съ цѣлю похитить ее. Испуганная дѣвица-солнце поблѣднѣла и лицо у нея помрачилось почти на половину. Луна-братъ, замѣтивъ это, поспѣшилъ къ сестрѣ на помощь. Время это близко было къ утру. Прибывъ къ сестрѣ, луна-братъ увидѣлъ бога воздушныхъ теченій, который крѣпко обхватилъ и цѣлуетъ его сестру. Братъ не вытерпѣлъ и съ необыкновенною яростью бросился на противника, который, будучи не въ состояніи устоять противъ двухъ—брата и сестры, уступилъ послѣдней дорогу и ушелъ. Послѣ этого луна и солнце пришли къ своей матери, мѣсившей тѣсто, и рассказали о всемъ случившемся. Мать сначала ласково попросила сына-луну свѣтить по ночамъ, а день уступить боязливой сестрѣ. Сынъ не хотѣлъ и слушать; тогда огорченная мать ударила его по лицу смазанными тѣстомъ руками. Сынъ съ такимъ лицомъ пошелъ къ отцу жаловаться, но отецъ уговорилъ уступить своей сестрѣ солнцу день, а самому свѣтить ночью. Отъ тѣста на лунѣ остались тѣ черныя пятна, которыя замѣтны и теперь.

2. Планета Венера.

Планета Венера принадлежитъ къ числу семи планетъ, которымъ служили, какъ богамъ, древніе ассириане. Назначе-

ніе этой планеты состояло въ томъ, что она давала знать купцамъ и путешественникамъ о наступленіи утра, почему всегда выходила передъ разсвѣтомъ. За это купцы приносили ей въ жертву что-нибудь изъ своихъ товаровъ. Одинъ богатый купецъ, Сарадъ, отказался принести жертву Венерѣ; она рѣшилась отомстить ему. Вотъ, когда Сарадъ съ огромнымъ богатствомъ и большимъ караваномъ слѣшилъ къ назначенному мѣсту, Венера вышла не предъ самымъ разсвѣтомъ, а гораздо раньше. Сарадъ, замѣтивъ свѣтило, приготовился въ путь. Долго онъ шелъ, а утро все не наступало. Наконецъ, онъ съ караваномъ прибылъ къ разбойничьимъ воротамъ, черезъ которыя можно было пробраться безопасно только днемъ. Здѣсь на Сарада напали разбойники, истребили его служителей, отняли у него все богатство, а самого взяли въ плѣнъ. Изъ плѣна Сарадъ хотя и возвратился, опять по милости Венеры, но сдѣлался нищимъ плѣвцомъ, который въ своихъ пѣсняхъ умоляетъ Венеру, какъ истребительницу каравановъ.

3. Кіамать—прародитель злыхъ духовъ, драконовъ, девовъ и различныхъ чудовищныхъ существъ.

Кіамать за свою злость, главнымъ богомъ былъ удаленъ въ пустыню, гдѣ находился въ большой нуждѣ и бездѣйствіи. Живя долгое время безъ дѣла, Кіамать наконецъ рѣшился ятти противъ опредѣленія бога, но зная, что онъ самъ одинъ ничего не можетъ сдѣлать съ нимъ, произвелъ изъ бездонной пропасти драконовъ, злыхъ духовъ, девовъ, многоголовыхъ зміевъ и т. п. существа, присвоилъ себѣ подземный міръ, гдѣ сталъ господствовать. Служители его не могли оставаться въ покоѣ, начали выходить въ сей свѣтлый міръ и уничтожать людей. Долгое время великій богъ терпѣлъ. Наконецъ, когда

Кіамать послалъ своихъ подчиненныхъ въ роцѣ боговъ дѣйствовать противъ нихъ, они вывели противъ него крылатыхъ воиновъ. Началась страшная борьба, отъ которой воздухъ наполнился дымомъ, а земля покрылась кровью. Въ этой борьбѣ царь боговъ поранилъ Кіамата своимъ мечемъ, а герой божественныхъ боевъ разилъ его пагубнымъ жгучимъ вѣтромъ, отъ чего онъ весь почернѣлъ и сдѣлался на видъ страшнымъ. Служители его разбѣжались, а самъ онъ попался въ плѣнъ къ великому богу, который, лишивъ его всякой силы и могущества, заковалъ стальными узами и заключилъ въ бездонную тюрьму, куда не проникаетъ ни одинъ лучъ свѣта. Въ этой мрачной тюрьмѣ живетъ Кіамать до сего времени, но служители его расхѣпали по лицу земли и вездѣ стараются противостоять опредѣленію великаго бога.

4. О Моисеѣ.

Св. пророкъ Моисей на Синайской горѣ, послѣ бесѣды съ Богомъ, захотѣлъ увидѣть образъ Его, и сталъ просить, умолять показаться ему. Сначала Господь отказалъ, но видя, что онъ не перестаетъ просить, велѣлъ ему посмотрѣть въ находившійся на горѣ прудъ. Моисей посмотрѣлъ и увидѣлъ въ водѣ Божью тѣнь, но за то отъ этого вода такъ взволновалась, что волны стащили его въ прудъ и бросили въ подземный міръ. Здѣсь Моисей долгое время странствовалъ по невѣдомымъ ему странамъ и не находилъ возможности выйти на бѣлый свѣтъ. Однажды онъ встрѣтился съ какимъ-то земледѣльцемъ, сѣявшимъ пшеницу и, видя, что земледѣлецъ, засѣвая пашню, приговариваетъ: эта горсть земли птицамъ небеснымъ, эта насѣвкомымъ, эта бѣднымъ и нищимъ, а эта мнѣ самому и моему семейству,—подошелъ поближе къ нему и спросилъ, что значать эти горсти. Земледѣлецъ объяснилъ, что сѣмою пшеницею кормятся будутъ и птицы, и насѣко-

мья, и нищѣ, и онъ самъ съ семействомъ, поэтому и сѣсть для всѣхъ. Удивившись добрымъ цѣлямъ земледѣльца, Моисей понялъ, что это человѣкъ благочестивый и можетъ оказать ему помощь; рассказавъ ему о всемъ случившемся съ нимъ, онъ попросилъ его вывести на бѣлый свѣтъ. Земледѣлецъ, узнавъ, что это пророкъ Моисей, угодникъ Божій, обѣщалъ исполнить его просьбу. Вдругъ показалось на небѣ маленькое облачко. Земледѣлецъ остановилъ его и спросилъ, не видѣли оно, гдѣ находится гора Синайская; облачко отвѣтило ему, что оно тысячу лѣтъ странствуетъ по безпредѣльному пространству вселенной, но съ этою горою еще не встрѣчалось. Земледѣлецъ отпустилъ его. Черезъ нѣсколько времени показала большая черная туча. Земледѣлецъ остановилъ ее и спросилъ о Синайской горѣ; туча отвѣтила, что лѣтъ двѣ тысячи тому назадъ ей случилось, и то только одинъ разъ, пройти по этой горѣ. Земледѣлецъ приказалъ ей взять Моисея на эту гору. Туча опустилась на землю и, взявъ Моисея, поднялась такъ высоко, что тотъ испугался и по совѣту тучи закрылъ свои глаза; черезъ нѣсколько времени она съ необыкновенною быстротой опустилась на самую Синайскую гору, и, оставивъ Моисея, сама полетѣла дальше. Очутился Моисей опять на Синайской горѣ, но такъ сильно былъ пораженъ всѣмъ видѣннымъ, что упалъ на землю и долгое время не въ силахъ былъ подняться; но вотъ Богъ послѣдилъ къ нему на помощь, поднялъ его и спросилъ о случившемся съ нимъ. Моисей рассказалъ Богу все, что онъ видѣлъ и рассказавъ въ томъ, что онъ осмѣлился видѣть образъ Божій и, получивъ отъ Него заповѣди, возвратился назадъ къ Израильскому народу.

5. О царѣ Саулѣ.

Сдѣлавшись царемъ израильскимъ, Саул задумалъ построить великолѣпный дворецъ и такъ разукрасить его золо-

томъ, чтобы онъ сдѣлался предметомъ любопытства и удивленія. Начавъ постройку такого дворца, много золота и серебра употребилъ онъ на него и сдѣлалъ его первымъ изъ всѣхъ дворцовъ восточныхъ государей. Пошла молва о дворцѣ Саула по всему востоку. Стали посѣщать его, и даже изъ дальнихъ странъ, любоваться великолѣпиемъ и богатой красотой, которыми дѣйствительно отличался этотъ дворецъ. Житье въ этомъ дворцѣ между женами-красавицами показалось Саулу лучше всего на свѣтѣ, поэтому каждаго посѣтителя спрашивалъ, что можетъ быть лучше этого дворца, и всякаго, кто не давалъ отвѣта по его вкусу, немедленно заключалъ въ темницу. Въ темницѣ у него содержалось много заключенныхъ. Разъ пріѣхали къ царю Сауду два молодыхъ и богатыхъ ассиріянина изъ ассирійской земли, гдѣ царскіе дворцы тоже отличались большою роскошью. Недалеко отъ израильской столицы, на одной горѣ, они встрѣтились съ пастухомъ, но по своей гордости не поздоровались съ нимъ; пастухъ, узнавъ въ нихъ гордыхъ ассирянъ, пріѣхавшихъ осмотрѣть дворецъ Саула царя, прямо сказалъ имъ, что они не избѣгутъ темницы, такъ какъ не сумѣютъ отвѣчать на его вопросы. Тогда ассиріяне общали ему большіе подарки, если онъ научитъ ихъ, что отвѣчать царю. Взявъ съ нихъ большое вознагражденіе, пастухъ научилъ ихъ. Прибывъ къ царю Сауду, они заявили ему о своемъ желаніи. Царь согласился, но послѣ осмотра обязалъ отвѣчать ему на его вопросы. Любопытные ассиріяне осмотрѣли дворецъ и удивились его богатому украшенію золотомъ и серебромъ; на вопросы же царя они отвѣтили, что дѣйствительно лучше этого дворца ничего не можетъ быть, развѣ только одинъ весенній утренній дождикъ. Услышавъ это, царь попросилъ ихъ объяснить ему, почему этотъ дождикъ лучше его дворца; они же, будучи не въ состояніи дальше отвѣчать царю, указали ему пастуха, къ которому онъ можетъ обратиться за объясненіемъ. Огорченный

отвѣтомъ ассиріанъ, царь въ одеждѣ простого человѣка отправился къ пастуху узнать значеніе весенняго утренняго дождика. Пастухъ, не узнавъ сначала царя, сказалъ, что этимъ дворцомъ можетъ наслаждаться только царь Саулъ со своими женами на мягкихъ подушкахъ, и что онъ есть предметъ только сердечнаго личнаго его удовольствія, тогда какъ дождиевъ весны, оживляя все въ природѣ, придавая всему силу и свѣжесть, возбуждаетъ удовольствіе не только во всѣхъ людяхъ, но и во всѣхъ животныхъ, птицахъ и растеніяхъ. Царь, удивившись разумнымъ словамъ пастуха, спросилъ его, почему этотъ дворецъ погубить царя. Пастухъ отвѣтилъ, что царь Саулъ слишкомъ увлекся своимъ дворцомъ, началъ имъ гордиться, забылъ свои обязанности, забылъ, что онъ нынѣ хотя одинъ изъ первыхъ, но когда-то былъ одинъ изъ послѣднихъ и что дворецъ этотъ, плѣнивъ его, послужитъ причиною низверженія его съ престола. Вразумленный словами пастуха, царь, возвратившись домой, выпустилъ всѣхъ заключенныхъ и усмирился; но слова пастуха окончателно поразили его, горе овладѣло имъ и разстроило его душевныя способности, почему, лишившись своро престола, сдѣлался опять однимъ изъ послѣднихъ.

6. О царѣ Соломонѣ.

Одна изъ женъ царя Соломона была язычница; ее царь очень любилъ и всегда слушалъ. Вотъ у нея родился сынъ и она захотѣла имѣть для него колыбель изъ птичьихъ костей. По ея желанію, царь приказалъ всѣмъ птицамъ небеснымъ дотавить ему по одному ребру. Птицы всѣ исполнили его приказаніе, за исключеніемъ неясыти, которая отказала въ своемъ ребрѣ. Узнавъ объ этомъ, царь Соломонъ сильно разгнѣвался и приказалъ удоу, куму неясыти, привести ее къ нему. Удодъ, прилетѣвъ къ кумушеѣ, сталъ увѣщевать ее не

уклоняться отъ царскаго повелѣнiя, но неясить и слушать не хотѣла, такъ какъ царь, слушая свою жену, по ея мнѣнiю, незаконно поступаетъ съ птицами, отбирая у нихъ кости. Въ доказательство же того, что не всякую жену нужно слушать, она рассказала удоду слѣдующую сказку: „Жили были мужъ да жена, которые такъ любили другъ друга, что мужъ обѣщаль не жениться послѣ смерти жены, а послѣдняя—не выйти за другого, если онъ раньше ея умретъ. Случилось, что мужъ умеръ раньше. Жена, похоронивъ его, каждую ночь приходила наливать надъ его могилой свое горе. Въ одну ночь пришелъ къ ней незнакомый молодой и красивый мужчина, который, увидѣвъ ее въ слезахъ, спросилъ, почему она такъ горько плачетъ. Женщина рассказала ему, какъ она любила своего мужа и обѣщала не выходить за другого, но онъ раньше ея умеръ и теперь она приходитъ сюда плакать отъ сильнаго горя. Молодой незнакомецъ, желая испытать любовь этой женщины къ своему мужу, предложилъ ей выйти за него, такъ какъ и у него была такая же любящая жена, которой и онъ обѣщалься не жениться послѣ ея смерти, но она раньше его умерла. Услышавъ предложенiе, женщина тотчасъ согласилась, но незнакомецъ сказалъ, что онъ не вѣритъ смерти ея мужа и непременно женится на ней, если она выкопаетъ своего мужа, отсѣчетъ ему голову и снова зароетъ его въ землю. Прельщенная словами и красотою незнакомца, она тотчасъ выкопала несчастнаго мертвеца-мужа, отрѣзала ему голову и снова похоронила его. Незнакомый мужчина, видя какъ легко эта женщина забыла свое обѣщанiе и любовь къ прежнему мужу и даже, ради выхода за него, рѣшилась на такой безчеловѣчный поступокъ, отказался отъ женитьбы и сказалъ ей, что надѣяться на женщину никакъ нельзя: если она съ любимымъ мужемъ такъ поступила, то съ нимъ сдѣлаетъ еще хуже,—потому оставилъ ее и удалился. Доказавъ измѣну жены, неясить сказала буму

удоду, что царь Соломонъ напрасно угождаетъ своей женѣ и думаетъ, что она преданная ему жена. Но удодъ, дабы убѣдить свою кумушку въ томъ, что не всякая жена измѣняетъ мужу, и что есть жены, вполне преданныя мужьямъ, рассказывалъ ей другую сказку: „Быль, сказавъ удодъ, богатый купецъ, который отправился на торговлю въ далекую страну и попался къ царю Мирею. Царь Мирей предложилъ ему играть въ шахматы съ условіемъ, если его кошка со свѣчей въ лапахъ освѣщать будетъ имъ до утра, то онъ, царь, возьметъ у него все богатство, а самого заключить въ тюрьму, въ противномъ же случаѣ онъ уступитъ ему половину своего государства. Начали играть и кошка освѣщала имъ до утра. Царь выигравъ, отнялъ у купца все богатство, а самого заковалъ и заключилъ въ мрачную тюрьму. Жена купца, услышавъ о положеніи мужа, поспѣшила къ нему на помощь. Поймавъ цѣлый ящикъ живыхъ мышей и одѣвшись въ мужское платье, въ качествѣ купца, отправилась къ царю Мирею. Представившись царю, она согласилась играть съ нимъ на вышеупомянутыхъ условіяхъ, но если она выиграетъ, то возьметъ у него не половину государства, а только ключи отъ амбара и тюрьмы, откуда и выпуститъ всѣхъ заключенныхъ. Царь согласился и начали играть, а кошка со свѣчей опять начала освѣщать имъ. Въ полночь по данному знаку служитель купчихи выпустилъ секретно нѣсколько мышей; кошка, замѣтивъ любимую добычу, хотѣла было броситься на нихъ, но царь грозно посмотрѣлъ на нее, и она не осмѣлилась тронуться съ мѣста. Прошло немного времени, по данному купчихой знаку было пущено опять множество мышей по комнатамъ. Кошка, несмотря на угрозы царя, бросила свѣчку и начала наслаждаться мышинымъ мясомъ. Выигравъ, купчиха освободила всѣхъ заключенныхъ со всѣми ихъ богатствами, а также и своего мужа, который не узналъ ее, пока они оба не возвратились вмѣстѣ домой“. Услышавъ эту сказку, неясно по-

слушалась своего кума-удода и представилась царю Соломону, который уже окончилъ колыбель своего сына изъ птичьихъ костей. Царь сначала разгнѣвался, а потомъ потребовалъ отъ нея отвѣта на три вопроса,—въ противномъ случаѣ онъ строго накажетъ ее. Первый вопросъ: развалинъ больше, или жилыхъ помѣщеній? второй вопросъ: живыхъ больше или мертвыхъ? а третій вопросъ: мужчинъ больше или женщинъ? Неяснть отвѣтила на первый вопросъ: развалинъ больше, такъ какъ и жилыя помѣщенія со временемъ обратятся въ развалины; на второй вопросъ: мертвыхъ больше, такъ какъ и всѣ живые люди умрутъ и тѣмъ увеличатъ число мертвыхъ; а на третій вопросъ: женщинъ больше, такъ какъ къ нимъ присоединяются и тѣ мужчины, которые слушаютъ своихъ женъ. Царь Соломонъ, пораженный этими умными отвѣтами неяснты, освободилъ ее отъ наложенной на нее дани и наказанія, наградилъ ее тремя воробьями, которые и теперь, будто, прилетаютъ къ ней каждый день и безпрепятственно пожираются ею; удода за труды наградилъ короной, остальнымъ же птицамъ всѣмъ возвратилъ ребра, а своей женѣ отказалъ въ просимой колыбели.

Сказки.

1. Царевичъ Пирамъ.

Жилъ старикъ царь Сафаръ, которому было лѣтъ сто двадцать. Отъ старости у него руки дрожали, колѣна тряслись, а глаза и совсѣмъ не видѣли. Помочь себѣ Сафаръ нивагъ и ничѣмъ не могъ. Разъ зашелъ въ нему одинъ магъ и сказалъ ему, что его вылѣчить земля изъ подъ клѣтки чудной птицы Шупры, принадлежащей двѣнадцатиглавному деу Секлаву и красавицѣ его Шезавѣ, живущимъ въ крѣпости Дуль-Дуль. Услышавъ объ этомъ, царь Сафаръ призвалъ трехъ своихъ сыновей и просилъ ихъ достать ему горсть той земли. Старшій и средній сыновья отказались, а младшій сынъ Пирамъ обѣщаль исполнить его просьбу. На слѣдующій же день Пирамъ попрощался съ родителями и знакомыми, осѣдлавъ престарѣлаго дѣдовскаго коня, вооружился чѣмъ слѣдовало и выступилъ въ далекій путь. На берегу одного моря онъ увидѣлъ большую рыбу, которая, несмотря на всѣ старанія, не могла попасть въ глубину; слѣзъ онъ съ коня, стащилъ ее въ глубокое мѣсто, а потомъ поѣхалъ дальше. На дорогѣ онъ нашелъ одно перо, каждый волосокъ котораго блестѣлъ отдѣльнымъ цвѣтомъ. Послѣ находки пера онъ замѣтилъ, что за нимъ ѣдетъ красивый юноша, по имени Юнамъ. Не узнавъ въ юношѣ той рыбы, Пирамъ спросилъ, куда онъ ѣдетъ и, получивъ отвѣтъ, рѣшилъ испытать его, какимъ спутникомъ ему будетъ онъ. Съ этою цѣлью Пирамъ подалъ юношѣ Юнаму хлѣбецъ и попросилъ его раздѣлить между ними. Юнамъ раздѣлилъ хлѣбецъ на двѣ части: большую отдалъ Пираму, а меньшую взялъ себѣ. Это убѣдило Пирама, что его спутникъ человекъ добрый и

будетъ полезенъ ему въ нуждѣ. На дорогѣ Юнамъ посовѣтовалъ Пираму бросить найденное перо, но Пирамъ не захотѣлъ расстаться съ красивой своей находкой. Долго они ѣхали по горамъ, долинамъ, днемъ и ночью покою не давали глазамъ; наконецъ, пріѣхали въ столицу царя Дилана и остановились у одной бѣдной старушки. На слѣдующій день они вышли гулять по городу съ своимъ чуднымъ перомъ. Увидѣвъ ихъ, первый визирь донесъ Дилану царю объ нихъ, какъ о чужестранцахъ и, между прочимъ, рассказалъ ему о восхитительной красотѣ пера Пирама. Диланъ немедленно потребовалъ ихъ къ себѣ и отнялъ у Пирама перо. Пирамъ со слезами на глазахъ возвратился домой и попросилъ своего коня и спутника помочь его горю; тѣ утѣшили его и дали ему слово достать ему самую птицу, Шупру, которой принадлежитъ то перо, но посовѣтовали ему поскорѣе выѣхать изъ города и никогда не возвращаться туда. На другой день они выѣхали къ синему морю. Здѣсь Юнамъ сказалъ Пираму: „Зарѣжь большого оленя, выбрось его внутренности, зайди въ него, зашей кожу, оставивъ два небольшихъ отверстія и жди. Прилетитъ чудная птица ѣсть оленье мясо, а ты схвати ее черезъ отверстія за обѣ ноги; если же она подниметъ тебя на верхъ, я поспѣшу къ тебѣ на помощь“. Пирамъ сдѣлалъ, какъ сказалъ ему Юнамъ, но, поймавъ чудную птицу, онъ захотѣлъ возвратиться за ея перомъ; несмотря на всѣ совѣты Юнама и престарѣлаго своего коня, пріѣхалъ къ прежней старухѣ—опять въ столицу Дилана. Здѣсь онъ еще не успѣлъ на другой день утромъ проснуться, какъ царскіе послы съ требованіемъ чудной птицы стояли уже у его изголовья. Пирамъ не осмѣлился отказать имъ, отдалъ чудную птицу, а самъ сталъ проливать горячія слезы. Юнамъ и конь опять утѣшили его обѣщаніемъ достать ему хозяйку чудной птицы—прекрасную Шезани. На другой день они выѣхали къ морю. Здѣсь Юнамъ, давъ Пираму слово явиться къ нему на

помощь при трудныхъ обстоятельствахъ, скрылся. Оставшись безъ спутника на берегу безпредѣльнаго моря, Пирамъ не зналъ, что дѣлать и куда направиться, но конь скоро вывелъ его изъ такого затруднительнаго положенія. Онъ сказалъ ему: „Нужно переѣхать черезъ море, но у меня не хватаетъ силъ, потому я вызову изъ моря свою сестру и младшаго брата, они перевезутъ тебя на другой берегъ, только ты держись крѣпко и не страшись“. По ржанію коня дѣйствительно вышла изъ моря кобылица съ братомъ, взяла Пирама и въ одно мгновеніе перевезла его на другой берегъ. Положивъ Пирама на землю, и указавъ ему крѣпость Дуль-Дуль, гдѣ жила прекрасная Шезани, кобылица отдала ему свой волосокъ и сказала, что, въ случаѣ нужды, пусть онъ сожжетъ его, и она явится къ нему на помощь. Крѣпость прекрасной Шезани стояла въ небесномъ пространствѣ, и Пирамъ не зналъ, какъ подняться туда. Недалеко отъ моря стояло огромное дерево. Пирамъ пошелъ отдохнуть подъ нимъ. На этомъ деревѣ было орлиное гнѣздо съ птенчиками. Во время отдыха Пирамъ увидѣлъ огромную ползающую по дереву змѣю, которая ежегодно пожирала дѣтушекъ у орлицы; взявъ мечъ, разрубилъ ее на куски и бросилъ птенчикамъ. Маленькіе орлята, наѣвшися до-сыта, оставили нѣсколько кусковъ своей матери; мать-орлица прилетѣла, когда Пирамъ спалъ сладкимъ сномъ. Увидѣвъ его, она хотѣла было напасть и растерзать его, но птенчики остановили ее и рассказали ей, какъ этотъ человекъ убилъ змѣю, бросилъ ее имъ, они наѣлись и ей оставили нѣсколько кусковъ. Увидѣвъ куски змѣя, орлица повѣрила птенчикамъ своимъ и, вида, какъ отъ дѣйствія солнечныхъ лучей летаетъ съ Пирама потъ, спустилась и осѣнила его, какъ своего благодѣтеля, тѣнью своихъ широкихъ крыльевъ. Проснувшись, Пирамъ испугался огромной птицы, но орлица ободрила его и обѣщала исполнить всякую его просьбу за оказанное ей благодѣяніе. Тогда Пирамъ рассказалъ ей о своей цѣли и затруднительномъ сво-

емъ положеніи. Орлица тотчасъ изъявила желаніе поднять его до седьмого неба къ крѣпости Дуль-Дуль, но попросила его заpastись для ея прокормленія семью оленями и каждый разъ, когда она попроситъ пищи, подбросить ей въ ротъ по одному оленю. Не долетая до седьмого неба, у Пирама вышелъ весь запасъ и, когда орлица попросила покормить ее, онъ отрѣзалъ свою ногу выше бедра и бросилъ ей въ ротъ. Но птица тотчасъ угадала, что это человѣчье мясо и не проглотила его. Поднявъ Пирама на седьмое небо и зная, что онъ безъ одной ноги, взяла изъ своего рта ногу, приставила къ мѣсту, а потомъ, отдавъ ему одно перо, велѣла въ случаѣ нужды съечь его, и она немедленно прилетитъ къ нему на помощь; затѣмъ возвратилась назадъ. Пирамъ, попростившись съ орлицею, направился къ крѣпости Дуль-Дуль. Цѣлую ночь онъ провелъ у воротъ крѣпости въ бессонницѣ. Къ утру Секлавъ девъ отворилъ ворота и, увидѣвъ Пирама, очень обрадовался находѣ, такъ какъ долгое время онъ не ѣлъ человѣческаго мяса. Онъ сердито спросилъ Пирама, кто онъ таковъ и зачѣмъ пришелъ сюда; Пирамъ отвѣтилъ, что пришелъ отнять у него душу. Разсердился Секлавъ девъ, собралъ всѣ силы свои и бросился на Пирама. Началась упорная борьба, продолжавшаяся цѣлыхъ три дня; первый день они боролись стрѣлами, второй день мельничными жерновами, а въ третій вступили въ рукопашный бой. На обоихъ здороваго мѣста не осталось. Пирамъ почувствовалъ ослабленіе своихъ силъ, почему и вспомнилъ своего собрата Юнама, который въ ту же минуту явился къ нему на помощь. Поочередно боролись они съ девомъ и обезсилили его, почему и девъ вывелъ къ себѣ на помощь свою прекрасную Шезани. Но красавица, видя себѣ подобныхъ красивыхъ юношей, измѣнила ему и, благодаря ея хитростямъ, Пирамъ съ помощью Юнама побѣдилъ дева, отрѣзавъ у него всѣ двѣнадцать головъ, и бросилъ его въ глубокую яму. Юнамъ опять, попростившись съ Пирамомъ, возвратился назадъ, а Пирамъ

остался жить съ прекрасною Шезани въ крѣпости Дуль-Дуль, наслаждаясь ея красотой. Но красавица очень часто плакала о потерѣ своей чудной птицы. Пирамъ же не рѣшался сказать, что ее онъ поймалъ и теперь находится она у царя Дилана; но видя, что красавица его очень горюетъ, обѣщалъ найти ее, если она послѣдуетъ за нимъ въ его родительскій домъ. Красавица изъявила полное свое согласіе отправиться съ нимъ. По совѣту Шезани, Пирамъ взялъ влѣтку птицы, горсть земли изъ подъ нея, забралъ всѣ драгоценности дева Севлава и пустился въ обратный путь съ своею возлюбленной. Прийдя къ краю седьмого неба, Пирамъ поднесъ къ огню волосокъ орлиного пера и увидѣлъ, что къ нему летитъ орлица со своими орлятами, которые взяли въ одно мгновеніе и посадили Пирама съ красавицей на землю, на берегу моря. Здѣсь Пирамъ съ благодарностью отпустилъ птицъ и вызвалъ морскую кобылицу съ молодымъ конемъ, которые въ ту же минуту представились Пираму и взяли его съ красавицей на другой берегъ, гдѣ ожидалъ ихъ престарѣлый конь. Конь, видя своего хозяина, очень обрадовался и, отпустивъ свою сестру въ море, самъ привелъ его въ столицу Дилана. Царь Диланъ, услышавъ о красавицѣ Шезани, рѣшилъ отнять ее у Пирама и захотѣлъ жениться на ней; но красавица заявила, что пока не будетъ онъ съ нею купаться въ кипяченомъ молокѣ сорока морскихъ кобылицъ, она не выйдетъ за него. Диланъ принужденъ былъ согласиться на предложеніе Шезани. Самому Пираму было приказано поймать сорокъ морскихъ кобылицъ, донести ихъ и кипятить въ огромномъ котлѣ молоку. Пирамъ, благодаря своему коню и своей красавицѣ, скоро привелъ въ исполненіе царское приказаніе. Назначено было время купанія. Царь Диланъ въ сопровожденіи огромной толпы народа и сановниковъ явился къ назначенному мѣсту. Видя народъ, Шезани сказала Дилану, что онъ долженъ распустить всѣхъ домой и около нихъ никого не должно быть, такъ какъ ей нельзя

купаться при людяхъ. Царь тотчасъ приказалъ, чтобы во все́мъ городѣ ни одной души не было на дворѣ до окончанія купанія. При этомъ Шезани передала Пираму одинъ волосокъ изъ своей длинной косы, отчего тотъ сдѣлался невидимымъ для Дилана и способнымъ съ нею купаться въ кипяченомъ молокѣ. Раздѣвшись, дѣвица съ Пирамомъ бросились въ котель. Диланъ, видя, что Шезани свободно безъ вреда купается, тоже бросился къ ней; но въ ту же минуту растянулъ ноги, опустилъ руки, показавъ зубы и безъ всякихъ признаковъ жизни свободно началъ плавать въ молокѣ. Шезани и Пирамъ тотчасъ выбросили его тѣло въ глубокую яму, одѣлись, Пирамъ облачился въ царскую одежду Дилана и направились во дворецъ царскій. Народъ, ничего не зная о случившемся, думалъ, что съ Шезани идетъ царь Диланъ, почему и воздавалъ имъ всевозможныя почести. Во дворцѣ началась свадьба, семь дней шли танцы, пиршества и различныя увеселенія; всѣ подчиненные радовались, думая о новой женитьбѣ своего царя, будто бы Дилана. По окончаніи свадьбы, Пирамъ сталъ управлять государствомъ, но только не долго; вспомнилъ онъ своего отца, для котораго онъ такъ долго мучился, поручилъ это государство первому сановнику, а самъ со все́ми сокровищами Дилана, чудною птицею, со своею красавицею выѣхалъ изъ того города и пріѣхалъ въ родное свое государство въ родителямъ. Послѣ обыкновенной встрѣчи, Шезани тотчасъ посыпала царю Сафару въ глаза земли изъ-подъ вѣтки чудной птицы; престарѣлый царь сталъ видѣть и радоваться возвращенію своего сына. Въ родительскомъ домѣ снова началась свадьба Пирама царевича съ прекрасною Шезани, продолжалась она семь дней, веселію не было конца, радовались всѣ; на свадьбу явился и Юнамъ, который, по окончаніи свадьбы, открылъ Пираму, что онъ есть та рыба, которой онъ оказалъ помощь и, попростившись, съ благодарностью возвратился въ море, а Пирамъ сталъ управлять государствомъ. Подданные

все́ были имъ довольны, въ числѣ ихъ и я. Всѣмъ вамъ, слушателямъ, слава, а мнѣ съ неба три яблока.

2. Окаменѣлое царство.

Жилъ былъ на свѣтѣ бѣдный пастухъ, Биврай, который долго не имѣлъ дѣтей. Надо́ла Бивраю пастушеская жизнь, но некому было передать эту обязанность. На старости лѣтъ у него родился сынъ, котораго назвалъ онъ Сараномъ. Саранъ скоро выросъ и пошелъ пасти стадо. Недалеко отъ пастбищнаго мѣста была высокая черная гора, покрытая травой и дремучимъ лѣсомъ. Пастухъ Биврай туда никогда не загонялъ стада, такъ какъ это было мѣстопребываніе семи братьевъ дево́въ; поэтому предъ смертью строго на строго завѣщалъ сыну своему не гнать на эту гору стада. Саранъ, послѣ смерти своего отца, скоро забылъ его завѣщаніе и въ одинъ прекрасный день погналъ туда скотину. Въ первый день онъ ничего не увидѣлъ, но мѣсто ему очень понравилось, и на другой день онъ опять со своимъ стадомъ отправился на черную гору. На этотъ разъ въ глухой чащѣ лѣса увидѣлъ прекрасный домъ съ желѣзными воротами, которыя онъ однимъ ударомъ разбилъ въ дребезги и зашелъ во дворъ; здѣсь увидѣлъ младшаго изъ семи дево́въ, который смотрѣлъ за домомъ и готовилъ пищу своимъ братьямъ. Девъ, замѣтивъ Сарана, разгнѣвался гнѣвомъ великимъ и бросился пожрать его, но Саранъ, благодаря своей силѣ и ловкости, повалилъ его на землю и отрѣзалъ голову, потомъ зашелъ въ домъ, гдѣ былъ приготовленъ великолѣпный обѣдъ. Пообѣдавъ, онъ наполнилъ пищею для своей матери свою пастушескую сумку и со стадомъ преспокойно ушелъ домой. Никому ничего не говоря, онъ каждый день гналъ стадо на черную гору и покончилъ со всѣми семью девами; всѣхъ зарылъ въ глубокую яму, за ис-

ключеніемъ седьмого старшаго дева, котораго бросилъ въ близлежащую пропасть. Истребивъ всѣхъ девовъ, Саранъ оставилъ стадо и переселился со своею матерью на черную гору. Много добра было у девовъ, и онъ ни въ чемъ не нуждался. Каждый день онъ ходилъ на охоту, убивалъ птицъ, звѣрей, ловилъ рыбу, чѣмъ и доставлялъ себѣ большое удовольствіе. Разъ, во время отсутствія Сарана, его мать подошла къ краю пропасти и, услышавъ стоны дева, рѣшилась помочь ему. Каждый день подбрасывала ему хорошую пищу, а сыну ничего не говорила. Девъ черезъ нѣсколько времени выздоровѣлъ, поднялся на верхъ и сталъ тайно жить съ матерью Сарана. Прошло немного времени она забеременела. Замѣтивъ это, Саранъ спросилъ свою мать о причинѣ ея беременности, но она обманула его, говоря, что беременна она отъ его отца и успокоила его тѣмъ, что родить ему брата, который будетъ ему въ помощь. Саранъ повѣрилъ своей матери. Наступило время, мать Сарана родила отъ дева одного ребенка, котораго назвали Мичахомъ. Мичахъ, какъ девскаго происхожденія, росъ не по годамъ, а по днямъ; достигши семилѣтнаго возраста, онъ сильно привязался къ своему брату Сарану и сталъ ходить съ нимъ на охоту. Разъ онъ остался дома и узналъ, что его отецъ-девъ, по совѣту матери, превратится въ змѣю и скроется въ нижней части дверей, чтобы ужалить до смерти Сарана, когда онъ вечеромъ возвратится домой; поэтому вечеромъ онъ выпелъ навстрѣчу къ своему брату и недалеко отъ дома присталъ къ нему, требуя, чтобы тотъ сѣлъ ему на спину и такъ зашелъ въ домъ, въ противномъ случаѣ угрожаетъ имъ несчастіе. Саранъ, не зная въ чемъ дѣло, сначала отказался, но потомъ принужденъ былъ уступить просьбамъ брата; сѣлъ на семилѣтнаго Мичаха и зашелъ въ домъ. Девъ, не имѣя возможности ужалить своего родного сына, не могъ ужалить и Сарана. Въ другой разъ Мичахъ узналъ, что отецъ его превратится въ ядовитаго скор-

піона и скроется въ верхней части дверей, дабы укусить Сарана въ голову. Узнавъ объ этомъ, Мичахъ передъ приходомъ брата, вышелъ къ нему на встрѣчу и сталъ просить взять его теперь на спину и такъ зайти въ домъ, такъ какъ теперь угрожаетъ бѣда сверху. Саранъ, усталый, сначала, по прежнему, отказался, а потомъ, уступивъ Мичаху, взялъ его на спину и такъ вошелъ въ домъ. Девъ опять не могъ укусить Сарана. Саранъ, удивленный поступками своего брата Мичаха, спросилъ его о причинѣ ихъ; тогда Мичахъ, открывъ ему всю тайну, сказалъ, что съ матерью ихъ живетъ девъ, отъ котораго онъ и родился. Этотъ девъ, превратившись разъ въ змѣю, а другой разъ въ скорпіона, хотѣлъ было погубить его, но онъ, взявъ его на спину, избавилъ отъ ужаленія въ пятку, а, сѣвъ на него, избавилъ отъ укуса въ голову и что на него самого, какъ родного сына, девъ не въ состояніи былъ дѣйствовать. Узнавъ объ этомъ и недолго разсуждая, Саранъ тотчасъ разрубилъ мать на куски, отыскалъ дева и его душу передалъ сатанѣ. Остались жить на черной горѣ Саранъ и Мичахъ. Но скоро надоѣла имъ жизнь безъ подруги, потому Мичахъ посовѣтовалъ Сарану, какъ старшему брату, найти себѣ красавицу. Согласился на это Саранъ и приготовился въ путь. Передъ выступленіемъ Мичахъ указалъ Сарану на два небесныхъ свѣтила и сказалъ, что большое принадлежитъ Сарану, а маленькое ему и въ случаѣ помраченія какой-нибудь изъ нихъ, они должны поспѣшить другъ къ другу на помощь. Выслушавъ своего брата, Саранъ отправился въ далекія страны. Много лѣтъ странствовалъ онъ, много бѣдствій претерпѣлъ и нигдѣ жены по сердцу не нашелъ. Но вотъ на одной горѣ онъ замѣтилъ стадо овецъ и направился туда; здѣсь онъ увидѣлъ, что и овцы, и пастухъ, и собаки, всѣ обращены въ камни, стоятъ неподвижно. Удивился Саранъ и пошелъ дальше, но скоро его глазамъ представилось цѣлое окаменѣлое государство, въ ко-

горомъ и люди, и животныя, и птицы, и зданія, и деревья, и травы со цвѣтами—всѣ обращены въ камни, направился въ царскій городъ, зашелъ во дворецъ, и здѣсь ему представилось тоже все окаменѣлое: стоитъ царь, окруженный сановниками, но и они каменные, — словомъ, живого ничего нигдѣ не встрѣтилъ. Вышелъ изъ города, сѣлъ отдохнуть на горѣ. Вдругъ на краю города изъ одного дома онъ замѣтилъ дымъ и направился туда узнать о причинѣ окаменѣлости этого государства; зашелъ въ домъ, откуда выходилъ дымъ, и увидѣлъ красавицу, на колѣняхъ которой, положивъ голову, отдыхалъ отвратительный дѣвъ. Красавица, увидѣвъ Сарана, сжалась надъ нимъ и попросила его поскорѣе удалиться, а то проснется дѣвъ и его превратитъ въ камень. Но Саранъ отвѣтилъ, что пока дева не убитъ, онъ никуда не уйдетъ и что скоро возьметъ ее себѣ, такъ какъ онъ за нею и пришелъ. Долго красавица умоляла, чтобы Саранъ ушелъ, но онъ, надѣясь на своего брата Мичаха, слушать не хотѣлъ; ударилъ дева ногой, разбудилъ его и грозно потребовалъ красавицу, въ противномъ случаѣ ему не одобровать. Трудно было деву стерпѣть такое оскорбленіе отъ человѣческой души, которыхъ онъ уничтожалъ многое множество. Разгоряченный онъ со свергающими молніею глазами, съ мельничнымъ жерновомъ и огненнымъ мечомъ бросился на Сарана, у котораго, кромѣ лука и пастушеской дубины, ничего въ рукахъ не было. Ударилъ Сарана камнемъ, но Саранъ прыгнулъ такъ высоко, что камень полетѣлъ изъ-подъ ногъ его и не повредилъ ему. Настала Сарану очередь метать копьемъ въ огромнаго дева. Бросилъ стрѣлу съ такою силою, что она проникла до послѣднихъ костей дева, который тотчасъ почувствовалъ ослабленіе силъ и, обливаясь кровью, попросилъ Сарана прекратить борьбу до слѣдующаго дня; согласился на это и Саранъ. На другой день они начали бороться, но дѣвъ, видя, что борьбой Сарану ничего не подѣлаешь, вдунулъ въ него своимъ дыханіемъ и въ

одно мгновение превратилъ его въ камень. Небесное свѣтило Сарана тотчасъ помрачилось и братъ его Мичахъ, замѣтивъ это, поспѣшилъ къ брату на помощь. Долго онъ шелъ по той дорогѣ, по которой странствовалъ Саранъ, наконецъ прибылъ въ столицу окаменѣлаго царства. Не встрѣтивъ здѣсь нигдѣ людей и живыхъ существъ, онъ зашелъ въ послѣдній крайній домъ, гдѣ увидѣлъ дева, прелестную красавицу и превращеннаго въ камень своего брата; тотчасъ потребовалъ отъ дева обратитъ окаменѣлаго брата въ человѣка и когда девъ отказался, онъ началъ съ нимъ борьбу. Три дня продолжалась эта борьба, ни одинъ изъ нихъ не одолевалъ другого; тогда девъ рѣшился и Мичаха обратитъ въ камень, подулъ на него своимъ дыханіемъ, но не могъ превратитъ, такъ какъ Мичахъ былъ девскаго происхожденія. Тогда Мичахъ собралъ свои послѣднія силы, повалилъ дева на землю и своимъ мечомъ отрубилъ у него двѣ головы, а одну оставилъ; затѣмъ взялъ его за длинныя уши и приказалъ сначала превратитъ Сарана въ человѣка, а потомъ, выведя его изъ дому, оживитъ все обращенное въ камень; поневолѣ девъ исполнилъ требованіе Мичаха. Скоро городъ и все царство ожили: люди начали ходить, говорить, птицы запѣли, деревья и цвѣты разцвѣли, слышалось ржаніе коней, мычаніе коровъ, бленіе овецъ; оживла природа и жизнь потекла своимъ порядкомъ. Когда Мичахъ увѣрился, что все приведено въ прежній видъ, тогда отрѣзалъ у дева и послѣднюю голову. Стали они жить въ домѣ дева у красавицы, на которой женился Саранъ. Скоро царь узналъ, что изъ такого положенія его царство вывелъ Мичахъ, призвалъ его и въ знакъ благодарности выдалъ за него свою красивую молодую дочь, справилъ обоимъ братьямъ семидневную свадьбу, послѣ которой Мичахъ и Саранъ съ огромными богатствами и красивыми женами возвратились въ свой домъ, гдѣ стали жить, поживать, да дѣтей наживать.

3. Царевичъ Фаризанъ.

Фаризанъ былъ единственный сынъ и наслѣдникъ одного изъ могущественныхъ царей востока. Однажды онъ съ сверстниками пошелъ купаться въ близлежащее море и какъ-то попался въ руки морского дракона, властвовавшаго надъ морями. Драконъ по водѣ привелъ Фаризана на небольшой островъ, покрытый роскошною травой и душистыми цвѣтами. Здѣсь Фаризанъ увидѣлъ и одну женщину, которую драконъ тоже похитилъ съ берегу моря. Каждый день, утромъ рано, драконъ уходилъ изъ дому до вечера невѣдомо куда. Фаризану захотѣлось узнать, куда уходитъ драконъ, потому онъ спросилъ его объ этомъ. Драконъ отвѣчалъ, что каждый день собирается на берегу моря много большихъ драконовъ, девокъ и другихъ чудовищъ, и онъ идетъ къ нимъ лѣчить ихъ. На вопросъ же Фаризана: откуда онъ беретъ свое лѣкарство и какимъ образомъ лѣчить, драконъ ничего не сказалъ и приказалъ Фаризану, чтобы онъ больше не осмѣливался спрашивать его о такихъ тайнахъ. Однажды, въ полуночное время, Фаризанъ увидѣлъ, что драконъ вывелъ изъ одного кувшина двухъ змѣевъ, бѣлаго и синяго и приставилъ ихъ къ спавшей женщинѣ, у которой змѣи высосали всю кровь; подъ утро, думая, что Фаризанъ ничего не знаетъ о происшедшемъ, взялъ ее и немного подальше отъ дому зарылъ глубоко въ землю; затѣмъ съ поля досталъ двѣ небольшихъ чашки, одну бѣлую, другую синюю, положилъ ихъ на землю. Подошли змѣи къ чашкамъ и выпустили свой ядъ: бѣлый змѣй въ бѣлую чашку, а синій—въ синюю, а потомъ положилъ этихъ змѣевъ въ кувшинъ опять, а чашки на полъ. Настало утро. Драконъ, думая, что ничего невѣдомо Фаризану, приказалъ ему къ обѣду сварить нищу въ большомъ котлѣ ему, дракону, а въ маленькомъ себѣ; въ большой котелъ положить масло изъ бѣлой чашки, а въ маленькій изъ синей. Сдѣлавъ распоряженіе,

драконъ ушелъ лѣзть собравшихся на берегу моря девокъ. Фаризанъ, по приказанію дракона, сваривъ пищу въ двухъ котлахъ, призадумался, почему драконъ сдѣлалъ такое распоряженіе, что должно быть въ немъ скрывается какая-нибудь тайна и рѣшился исполнить его наоборотъ: въ большой котелъ положилъ масло изъ синей чашки, а въ маленькой—изъ бѣлой. До прихода дракона ему захотѣлось попробовать пищу изъ маленькаго котла и какъ только немного взялъ въ ротъ, тотчасъ былъ оглушенъ со всѣхъ сторонъ голосами разнообразныхъ травъ и цвѣтовъ, изъ которыхъ каждый заявлялъ ему о себѣ, какъ о лѣкарствѣ противъ известной болѣзни. Узнавъ, что чему служить исцѣлительнымъ средствомъ, онъ понялъ весь секретъ приказанія дракона и сталъ ждать его. Въ полдень возвратился драконъ и велѣлъ Фаризану подать обѣдъ. Фаризанъ немедленно подавъ ему пищу изъ большого котла. Драконъ, ничего не подозрѣвая, принялся ѣсть, но какъ только положилъ въ ротъ, такъ и полетѣлъ на верхъ, откуда пали только маленькіе куски его тѣла отъ сильнаго яда. Послѣ смерти дракона, Фаризанъ остался на островѣ одинъ и сдѣлался хозяиномъ великолѣпныхъ палатъ, въ которыхъ сталъ жить и любоваться ихъ красотою и богатствомъ. Однажды, гуляя по комнатамъ, онъ нашелъ одну маленькую книжку и какъ только онъ взялъ ее въ руки, такъ и представилась ему необыкновенная красавица Дирманія—начальница сорока загадочныхъ красавицъ. Красавица Дирманія связала Фаризану, что она давно ищетъ его. Увидѣвъ ее, Фаризанъ забылъ все свое земное горе и предался наслажденіямъ. Долго вдвоемъ жили они на островѣ. Наконецъ, Фаризанъ вспомнилъ своихъ родителей и рѣшилъ возвратиться къ нимъ; согласилась на это и красавица его Дирманія. Забрали все богатство дракона и по водѣ пришли въ родительскій домъ, гдѣ царь и царица востока очень обрадовались сыну и невѣстѣ. Но не прошло много времени, какъ съ Фаризаномъ случилось великое не-

счастіе. Дирманія каждый разъ напоминала ему, чтобы нигдѣ и никогда онъ не оставлялъ этой книжки изъ своихъ рукъ; но разъ Фаризанъ со своими товарищами пошелъ къ морю купаться и тутъ, по совѣту товарищей, дабы удобнѣе купаться, на минуту положилъ загадочную книгу на землю. Положивъ книжку на берегъ, самъ бросился въ воду. Въ эту же минуту одинъ изъ подчиненныхъ убитаго Фаризаномъ дракона похитилъ изъ мести книжку и исчезъ съ нею въ водѣ. Бросился за нимъ Фаризанъ, но уже было поздно, пошелъ драконъ къ морскому дну. Опечаленный Фаризанъ возвратился домой рассказать своей Дирманіи о случившемся, но дома ее не встрѣтилъ: она исчезла неизвѣстно куда съ момента похищенія книжки. Горе овладѣло душой и сердцемъ Фаризана, оставилъ онъ родительскій домъ и, несмотря на всѣ увѣщанія родителей и родственниковъ, пустился по бѣлу свѣту искать свою красавицу. Долго онъ по міру странствовалъ, переходилъ горы и долины, глазамъ и ногамъ своимъ покою не давалъ, вездѣ смотрѣлъ, всякаго спрашивалъ о Дирманіи, но нигдѣ и никто ему отвѣта не давалъ. Пожелтѣлъ онъ съ горя, какъ осенній листъ. Блѣдный и больной онъ встрѣтился съ однимъ магомъ, который сорокъ лѣтъ страдалъ неизлѣчимою болѣзью. Фаризанъ замѣтивъ мага, тотчасъ узналъ причину его болѣзни и лѣкарство противъ нея; сорвалъ одинъ цвѣтокъ, приготовилъ изъ него лѣкарство и велѣлъ магу выпить. Какъ только магъ выпилъ то лѣкарство, тотчасъ вылѣчился и сдѣлался здоровѣе прежняго. За такое добро магъ обѣщался Фаризану во что бы то ни стало помочь его горю; посоветовалъ ему воротиться домой къ роднымъ, а самъ пустился по міру искать Дирманію. Среди востока и запада магу пришлось ночевать въ одной мельницѣ, гдѣ никого не было, кромѣ престарѣлаго мельника. Во время бесѣды мельникъ обѣщалъ содѣйствовать цѣли его странствованія; отдалъ ему одно красное яблоко и сказалъ: отнеси это яблоко бездѣт-

ному царю запада, половину дай самому царю, а другую половину его женѣ съ условіемъ, если у нихъ родится сынъ, чтобы они дали его тебѣ на воспитаніе до восьмилѣтняго возраста. Онъ будетъ очень красивый, каждую ночь красавица Дирманія будетъ посылать за нимъ своихъ подругъ, тѣ будутъ брать и приводить мальчика къ ней, она привяжетъ къ его рукѣ ту книжку и будетъ любоваться имъ до разсвѣта, а передъ разсвѣтомъ отвяжетъ книжку и пошлетъ мальчика къ тебѣ; ты же научи мальчика, чтобы онъ заплакалъ и не позволилъ бы отвязывать ее до слѣдующей ночи. Когда приведутъ къ тебѣ мальчика съ книжкою, ты отвяжи ее, оставь царскаго сына и съ нею поспѣши къ царевичу Фаризану, отдай ему книгу и какъ только онъ раскроетъ ее, такъ и Дирманія очутится въ объятіяхъ у него. Выслушавъ мельника и положивъ яблоко въ карманъ, магъ заснулъ крѣпкимъ сномъ; проснулся утромъ и увидѣлъ себя подъ открытымъ небомъ, оглянулся во всѣ стороны, нигдѣ не увидѣлъ ни мельницы, ни мельника, положилъ руку въ карманъ, думая, что и яблока не будетъ, но оно было тамъ. Съ яблокомъ этимъ направился магъ къ западному царю на самый край земли, гдѣ скрывается обыкновенно солнце отъ наступающей ночи. Здѣсь онъ сдѣлалъ такъ, какъ было сказано ему мельникомъ. Черезъ восемь лѣтъ дѣйствительно ему удалось найти ту загадочную книжку. Доставъ книжку, магъ съ нею, весьма обрадованный, возвратился къ царевичу Фаризану, котораго нашелъ въ томъ же печальномъ положеніи среди одной безлюдной пустыни. Какъ только онъ подалъ Фаризану ту книжку и Фаризанъ раскрылъ ее, очутилась въ его объятіяхъ красавица Дирманія. Обрадовался Фаризанъ радостью безпредѣльною, возвратился съ нею и магомъ въ родительскій домъ къ своимъ горевавшимъ по немъ родителямъ, гдѣ послѣ семидневной свадьбы, отпустилъ этого мага съ большими богатствами, а самъ сталъ наслаждаться красотою своей жены до настоящаго времени.

4. Царевичъ Саргизъ.

Одинъ воробей и одна мышка, подружившись, стали жить вмѣстѣ. Однажды они предугадали, что настанетъ страшный голодъ и потому взялись наполнить свои амбары пшеницею. Воробей своимъ клювомъ тоскалъ колосья, а мышка очищала зерна своими острыми зубами и заносила ихъ въ амбары. Дѣйствительно, скоро настала голодъ. Воробей и мышка безъ нужды долгое время жили собраннымъ хлѣбомъ; но вотъ онъ у нихъ кончился, амбары опустѣли, осталось одно зерно, Воробей сказалъ, что оно принадлежитъ ему, потому что, таская колосья, онъ разбилъ носъ свой, а мышка говорила, что оно принадлежитъ ей, такъ какъ при очисткѣ она испортила свои зубы. Начался споръ между ними изъ-за одного зерна. Миромъ кончить споръ не могли и пошли жаловаться: мышка—царю звѣрей—льву, а воробей—царю птицъ—орлу. Левъ и орелъ пришли разобрать дѣло спорившихъ друзей. Левъ порѣшилъ зерно въ пользу мышки, а орелъ—въ пользу воробья. Наконецъ левъ, видя, что спору не будетъ конца, ударилъ своей лапой орла и передалъ зерно мышкѣ. Пораженный орелъ полетѣлъ и, близъ дороги, сѣлъ на одно вѣтвистое дерево. По этой дорогѣ ѣхалъ съ большимъ караваномъ богатый купецъ Рамзанъ. Замѣтивъ орла, онъ сдѣлалъ въ него нѣсколько выстрѣловъ, но не попалъ, а орелъ все не улеталъ; купецъ рѣшилъ взобраться на дерево и поймать птицу, но орелъ заговорилъ человѣческимъ голосомъ и сказалъ купцу Рамзану: „я раненъ львомъ, возьми меня и вылѣчи“. Сжалившись надъ орломъ, купецъ взялъ орла къ себѣ домой. Здѣсь онъ оставилъ всѣ свои дѣла и занялся лѣченіемъ больной птицы, издержалъ все свое богатство на лѣкарства, пока вылѣчилъ ее. Лишившись огромнаго богатства ради орла, купецъ Рамзанъ обѣднѣлъ и сталъ нуждаться въ послѣднемъ кускѣ хлѣба. Орелъ, видя крайнюю нужду Рам-

зана, рѣшилъ отблагодарить его за оказанное ему добро; взялъ его и на своихъ крыльяхъ повелъ за тридевятое царство къ своимъ тремъ сестрамъ, которыя царствовали надъ птицами. Здѣсь онъ сказалъ купцу: я останусь у городскихъ воротъ, а ты иди къ моей старшей сестрѣ и извѣсти ее обо мнѣ, когда она попроситъ показать меня ей, то ты за это попроси у нея ожерелье; если она дастъ его тебѣ, приходи и вмѣстѣ пойдемъ къ ней, а если не дастъ, то прямо полетимъ къ средней сестрѣ. Пошелъ Рамзанъ къ сестрѣ орла и извѣстилъ ее о братѣ. Царица хищныхъ птицъ, услышавъ о братѣ, очень обрадовалась, но когда Рамзанъ за показъ попросилъ съ ея груди ожерелье, она отказалась отъ желанія видѣть своего единственнаго брата, котораго долгое время считала погибшимъ. Рамзанъ ни съ чѣмъ возвратился къ брату—орлу. Отсюда орелъ взялъ Рамзана за три девять морей къ средней своей сестрѣ, которая тоже отказалась видѣть своего брата, когда Рамзанъ попросилъ, по наученію орла, у нея золотое кольцо. Наконецъ они прибыли на самый край земли къ младшей сестрѣ, царицѣ мелкихъ пташечекъ. Рамзанъ извѣстилъ ее о братѣ. Орлица, услышавъ о миломъ своемъ братѣ, отъ радости упала въ обморокъ и, придя въ себя, попросила Рамзана показать ей брата. Рамзанъ, подученный орломъ, попросилъ у нея деревянный ящикъ, который всегда бываетъ у нея подъ подушкой у изголовья. Царица-сестрица изъ любви къ брату, хотя и тяжело было, отдала ящикъ. Рамзанъ, получивъ ящикъ, возвратился къ орлу, который очень обрадовался, видя ящикъ у своего благодѣтеля; они оба вмѣстѣ пришли къ сестрѣ. Долго братъ и сестра обмѣнивались знаками искренней любви, долго отъ радости оба плакали. Успокоившись, они съ великою благодарностью и съ ящикомъ отпустили Рамзана домой, но строго на строго запретили ему, пока онъ не придетъ домой, открыть ящикъ. На дорогѣ Рамзанъ не удержался и, во время отдыха на берегу большого моря, принялся откры-

вать свой ящикъ; вдругъ изъ воды выплыла одна рука, которая, выхвативъ у него ящикъ, скрылась опять въ водѣ. Рамзанъ, явившись ящача, долго ходилъ по берегамъ этого моря, просилъ, умолялъ руку выбросить ему, бѣдному, ящикъ, но никто ему отвѣта не давалъ. Началъ купецъ проливать слезы, горько зарыдалъ вдали отъ родныхъ, отъ семейства и знакомыхъ. Вспомнилъ онъ своего орла, который и прилетѣлъ на помощь, но было уже поздно, потому что орелъ пуститься въ воду не въ состояніи былъ, пришлось опять возвратиться домой. Остался Рамзанъ одинъ на берегу дикаго моря. Цѣлые годы своимъ глазамъ покою не давалъ, дополнилъ море своими горячими слезами. Наконецъ послышался изъ-подъ воды голосъ: „я царь подземныхъ міровъ, зовутъ меня Бишомъ, ящикъ твой выхватилъ я за непослушаніе птицѣ, возвращу его тебѣ, но съ условіемъ, чтобы ты непременно выслалъ мнѣ своего единственнаго сына, а если не слушаешь и меня, то еще хуже будетъ тебѣ“. Получивъ ящикъ, Рамзанъ, опечаленный, пустился въ далекій путь къ себѣ домой, нигдѣ не рѣшался открыть ящикъ. Съ простымъ деревяннымъ ящикомъ Рамзанъ прибылъ домой. Жена, ожидавшая его съ большими богатствами, увидѣвъ его съ ящикомъ однимъ, сильно разсердилась и начала уворать его въ непониманіи своего дѣла; отвѣчать ей Рамзанъ не осмѣливался послѣ потери огромнаго богатства. Но дѣлать было нечего. Вечеромъ онъ призвалъ свое семейство, родственниковъ и знакомыхъ, дабы въ присутствіи ихъ открыть ящикъ. Какъ только онъ поднялъ верхнюю доску, такъ со всѣми окруженными очутился онъ въ великолѣпныхъ палатахъ, украшенныхъ золотомъ и бриліантами, всѣ стали кланяться ему и его женѣ, какъ царю и царицѣ. Сдѣлался Рамзанъ царемъ огромнаго государства, стали подчиняться ему тысячи людей. Прошла молва о царѣ Рамзанѣ по всей землѣ. Среди славы и счастья царь Рамзанъ вспомнилъ данное владыкѣ подземныхъ царствъ Бишу обѣщаніе насчетъ своего сына;

хотя трудно было исполнить его, но онъ не могъ измѣнить своему слову: приготовилъ все, что нужно было въ дорогу, съ плачемъ и рыданіемъ отпустилъ царевича Саргиза въ далекія невѣдомыя страны. Долго царевичъ Саргизъ странствовалъ по бѣлому свѣту и нигдѣ не находилъ царя Биша. Вотъ онъ въ одной пустынѣ замѣтилъ палатку, подошелъ къ ней, но никого въ ней не увидѣлъ, вошелъ въ палатку и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Скоро пришла хозяйка этой палатки, то была младшая дочь царя Биша—Нубира. Увидѣвъ спавшаго красиваго царевича, она окружила его необходимыми для пріятнаго сна удобствами и стала ждать, пока онъ самъ проснется. Проснувшись, царевичъ увидѣлъ себя въ объятіяхъ молодой красавицы, которая сказала ему, что она долго искала и наконецъ нашла его. Помѣнявшись любовью, они на другой же день приготовились итти и представиться царю Бишу. Царь, увидѣвъ Саргиза, очень обрадовался, но узнавъ о его любви къ своей младшей дочери, рѣшился погубить его и съ этою цѣлью поручилъ ему въ первую же ночь провести черезъ золотыя трубы воду изъ близлежащей горы въ его дворецъ, въ противномъ случаѣ онъ отрубить ему голову. Царская дочь Нубира скоро поняла намѣреніе своего отца и рѣшила избавить любимаго царевича бѣгствомъ. Съ вечера же она вывела двухъ отцовскихъ коней, осѣдлала ихъ, на одного сѣла сама, а на другого царевичъ Саргизъ и поѣхали они въ царство Рамзана. Царь Бишъ, утромъ узнавъ о бѣгствѣ своей дочери и царевича, послалъ за ними огромное войско злыхъ духовъ съ приказаніемъ непременно возвратитъ ихъ назадъ. Нубира, замѣтивъ издали отцовское войско, лошадей обратила въ рыбу, Саргиза въ мостъ, а сама сдѣлалась большою рѣкою. Войско нигдѣ, не встрѣтивъ бѣглецовъ, возвратилось и донесло царю, что нигдѣ ихъ оно не встрѣтило; но одинъ старый воинъ донесъ царю, что онъ много лѣтъ живетъ на свѣтѣ и на красномъ полѣ никогда рѣки и моста не видѣлъ, но теперь есть. Царь

тотчасъ угадалъ, что это бѣглецы и снова отправилъ за ними войско. Между тѣмъ Нубира, по возвращеніи перваго войска, опять превратилась въ дѣвицу, мосьтъ обратила въ царевича, а рыбъ въ лошадей; сѣли на лошадей и пустились бѣжать дальше. Долго они ѣхали. Нубира опять посмотрѣла назадъ и увидѣла, что за ними гонится еще большее войско и что оно уже близко; лошадей обратила въ птицъ, царевича въ старика, а сама превратилась въ желтую ниву, охраняемую старикомъ. Духи, пройдя мимо нивы, спросили этого старика, не видѣлъ-ли онъ бѣжавшихъ одного юношу и одну дѣвицу; старикъ отвѣтилъ имъ, что онъ давно здѣсь охраняетъ эту ниву, но никого по дорогѣ не видѣлъ. Войско, нигдѣ не встрѣтивъ ихъ, возвратилось къ царю Бишу и заявило, что оно никого не видѣло, кромѣ одного старика, охранявшаго отъ птицъ одну золотую ниву. Царь опять сказалъ, что войско напрасно не поймало этого старика, потому что онъ былъ именно царевичъ, нива—его дочь, а птицы—лошади, потому снова пустилъ за убѣжавшими свое войско. Но пока это войско прибыло въ мѣсту нивы, бѣглецы успѣли побѣжать очень далеко за предѣлы царства Биша; потому его войско опять ни съ чѣмъ возвратилось назадъ. Бишъ погоревалъ, погоревалъ и добровольно отказался отъ своего намѣренія. Такимъ образомъ царевичъ Саргизъ благополучно избавился отъ царя Биша и прибылъ въ родительскій домъ съ своею красавицею Нубирою. Родители, не ожидавшіе сына, очень обрадовались его возвращенію, играли семь дней свадьбу сына и стали жить среди богатства и счастья, благодаря выгнченному орлу.

5. Задиль.

Задиль былъ человекъ очень бѣдный. Однажды, заработавъ немного денегъ, отправился въ городъ купить своему

семейству необходимоме; у городскихъ воротъ онъ увидѣлъ человѣка, у котораго покупали разные совѣты. Не зная, что за товаръ эти совѣты и удивленный продажей и покупкою ихъ, Задилъ рѣшился на малыя свои деньги тоже купить нѣсколько изъ нихъ. Подошелъ къ совѣтчику и, спросивъ о цѣнѣ товара, онъ вынулъ изъ кармана три серебра, далъ совѣтчику и попросилъ у него одинъ совѣтъ; тотъ, взявъ деньги и положивъ ихъ въ карманъ, сказалъ Задилу: ты никогда не трогай чужого. Услышавъ этотъ совѣтъ, Задилъ сталъ требовать свои деньги назадъ, такъ какъ это онъ давно знаетъ. Но совѣтчикъ сказалъ, что ему все равно, и если ему не нравится этотъ совѣтъ, то пусть купитъ другой. Задилъ, замолчавъ и немного подумавъ, предложилъ совѣтчику опять три серебра за другой совѣтъ. Взявъ деньги, совѣтчикъ подалъ Задилу слѣдующій совѣтъ: мужа всегда признавать лучше жены. И этотъ совѣтъ не понравился Задилу, потому онъ рѣшился на послѣднія свои деньги купить третій совѣтъ. Уплативъ деньги, онъ получилъ совѣтъ: въ минуту сильнаго гнѣва воздержаться на короткое время. Хотя и этотъ совѣтъ не понравился Задилу, но дѣлать было нечего, онъ безъ ничего въ карманѣ и въ рукахъ удалился. Лишившись денегъ, онъ не могъ ничего купить своему бѣдному семейству; поэтому, не рѣшаясь ни съ чѣмъ возвратиться домой, пустился по городу просить милостыни. Ходя по городу, Задилъ встрѣтился съ однимъ богатымъ купцомъ Джаиромъ и опредѣлился къ нему въ прислуги. Джаиръ заключилъ съ Задиломъ условіе и притомъ письменное. По этому условію, Джаиръ обязался дать Задилу шесть навьюченныхъ золотомъ и серебромъ верблюдовъ, если онъ доведетъ его благополучно до столицы царя Бина, а Задилъ обѣщался исполнить всякое требованіе купца и не уйти до прибытія въ столицу упомянутаго царя. Заключивъ условіе, Джаиръ на другой день съ огромнымъ караваномъ и большимъ количествомъ прислуги пустился въ далекій путь. Долго онъ ѣхалъ,

усталь караванъ и для отдыха остановился среди широкаго луга, покрытаго густой травой. Недалеко отъ Джайра раскинулъ свои палатки другой купецъ—Тамма. Въ это время въ караванъ Джайра прибѣжалъ безъ человѣка прекрасный молодой конь, весь въ золотой сбруѣ; замѣтивъ коня, Джайръ приказалъ слугамъ немедленно ограбить его, но Задиль, вспомнивъ купленный имъ совѣтъ—не трогать чужихъ вещей—припавъ къ ногамъ своего хозяина, просилъ не трогать чужого коня. Послушался Джайръ Задила и приказалъ служителямъ не трогать коня. Неограбленный купцомъ Джайромъ конь забѣжалъ въ караванъ купца Таммы, который тотчасъ ограбилъ его, снялъ съ него золотую сбрую и пустилъ въ ту сторону, откуда прибѣжалъ. Прошло немного времени, вдругъ на Джайра напалъ хозяинъ коня со ста грабителями и сталъ требовать у него конской сбруи. Долго Джайръ увѣрялъ грабителей, что онъ коня не трогалъ, но тѣ не вѣрили и только тогда оставили его въ покоѣ, когда, обыскавъ весь его караванъ, не нашли сбруи. Отсюда грабители направились къ купцу Таммѣ и когда у него нашли конскую сбрую, перебили всѣхъ его служителей, ограбили караванъ, а самого Тамму взяли въ плѣнъ. Купецъ Джайръ и его служители, видя, какъ спаслись по совѣту Задила отъ явной гибели, сердечно благодарили его и собрали цѣлый ящикъ золота. Задиль поблагодарилъ Бога, что его деньги, уплоченныя за первый совѣтъ, не пропали даромъ. На пятый день Джайръ приготовился въ путь. Дорога шла черезъ безпредѣльную пустыню Аравійской земли. Долго они ѣхали и нигдѣ воды не находили. Было очень жарко, солнце сильно жгло, ѣхать было тяжело по жгучимъ пескамъ и камнямъ; жажда и сильный жаръ совсѣмъ замучили и людей и животныхъ. Наконецъ, они прибыли къ одному колодцу холодной воды. Нужно замѣтить, что кого пускали за водой въ этотъ колодець, того вытаскивали безъ головы. Этой причины до сего времени никто изъ

отстранствовавшихъ по этой пустынѣ не зналъ. Джаяръ имѣлъ въ виду, при наймѣ Задила, въ этомъ колодцѣ погубить его, потому и заключилъ съ нимъ условіе за высокую плату. Такъ какъ Задилъ ничего не зналъ объ этомъ колодцѣ, то по веревкѣ его спустили туда за водой. Задилъ въ колодцѣ наполнялъ посуду, ее вытаскивали наверхъ и поили караванъ. Когда и люди и вьючный скотъ напились воды вдоволь, тогда Задилъ привязался къ веревкѣ и далъ знакъ тащить его. Вдругъ въ стѣнѣ колодца отворилась дверь и на Задила началъ отвратительной фізіономіи безобразно чернѣйшій человекъ, наводившій сильный ужасъ; схватилъ онъ Задила и потащилъ въ богато убранныя подземныя палаты. Отъ страха и удивленія не зналъ Задилъ, что дѣлать. Но вотъ этотъ человекъ представилъ Задилу необыкновенную красавицу и потребовалъ отъ него подтвердить: кто изъ нихъ лучше и красивѣе, онъ или красавица. Задилъ долго не рѣшался признать кого-нибудь лучше другого, но какъ-то угадалъ, что эта красавица, должно быть его жена и, вспомнивъ купленный советъ, сказалъ, что его онъ признаетъ лучше красавицы. Какъ только Задилъ высказалъ свое сужденіе о мужѣ и женѣ, такъ кожа этого человека растрескалась и ему представился прекрасный молодой юноша Карибъ, сынъ царя Бина. Карибъ, сердечно поблагодаривъ Задила, рассказалъ ему, что эта красавица его жена, но послѣ свадьбы у нихъ пошелъ споръ, кто изъ нихъ лучше и красивѣе: онъ доказывалъ, что онъ лучше, а она твердила противное, затѣмъ всякій сталъ признавать ее лучше его, за что онъ съ досады такъ почернѣлъ и не могъ жить на бѣломъ свѣтѣ, потому забрался сюда; но и здѣсь всякій, опущенный за водой, твердилъ тоже самое; потому онъ убивалъ всѣхъ, головы оставлялъ, а тѣла привязывалъ къ веревкѣ, по которой опускались въ колодезь и вытаскивались наверхъ безъ головъ. Въ доказательство этого, Карибъ показалъ Задилу комнату, набитую человѣческими голо-

вами, гдѣ оставалось только одно мѣсто для его головы, если бы и онъ призналъ жену лучше мужа. Вознаградивъ Задила, Барибъ отдалъ ему письмо къ своему отцу и сказалъ: „отнеси это письмо къ отцу моему, царю Бину, онъ обрадуется, такъ какъ считаетъ меня погибшимъ, вознаградишь тебя хорошо; ты попроси у него сто верблюдовъ и возвращайся сюда ко мнѣ. Тогда я отдамъ тебѣ все это мое богатство и отпущу тебя домой, а я съ своею женою возвращусь опять въ родительскій домъ. Потомъ строго запретивъ Задилу сказать что-нибудь о видѣнномъ, привязалъ его къ веревкѣ и далъ знать вытащить наверхъ. Задилу вытащили живымъ съ головою. Купецъ Джаиръ, увидѣвъ Задилу, очень удивился и въ великомъ безпокойствѣ сталъ спрашивать его о случившемся съ нимъ въ колодецѣ; но Задиль ничего не открылъ. Такимъ образомъ и второй совѣтъ осчастливилъ Задилу. Черезъ три дня Джаиръ поднялся отсюда со своимъ караваномъ и прибылъ въ столицу царя Бина благополучно. Здѣсь Задиль по условію, получилъ отъ Джаира богатую плату, свой золотомъ полный ящикъ и съ письмомъ прямо направился къ царю Бину. Царь Бинъ, узнавъ изъ этого письма, что его единственный сынъ и невѣста еще живы, бросился отъ радости со слезами на глазахъ на шею Задилу и крѣпко обнялъ его; тотчасъ приказалъ вознаграждать его и обѣщался исполнить всякую его просьбу. Задиль, подученный царскимъ сыномъ Барибомъ попросилъ сто верблюдовъ съ верблюдчиками. Царь немедленно отпустилъ ему просимыхъ животныхъ и Задиль съ богатыми подарками возвратился къ царевичу въ упомянутый колодець. Царевичъ Карибъ навьючилъ на верблюдахъ все свое богатство и съ благодарностью отпустилъ Задилу домой, а самъ съ женою возвратился къ родителямъ. Задиль, получивъ несмѣтные богатства, возвратился восвояси. Нужно сказать, что когда Задиль ушелъ изъ своего дома, жена его была беременна и отсутствіе его продолжалось лѣтъ тридцать.

Не далеко отъ дома, онъ вспомнилъ, что у него мало мѣста для верблюдовъ и корму совсѣмъ нѣтъ, потому самъ поспѣшилъ впередъ; приблизившись къ дому, онъ не захотѣлъ сразу зайти, а пошелъ черезъ отверстіе въ потолокъ посмотрѣть, что дѣлаютъ его домашніе. Это было поздно вечеромъ. Въ домѣ Задиль увидѣлъ одного юношу, который обнималъ его жену. Думая, что его жена, послѣ его отсутствія, нашла себѣ любовника, — этого юношу, онъ поднималъ курокъ ружья, чтобы застрѣлить жену, но, желая и юношу убить сразу, онъ долго прицѣливался. Въ эту минуту онъ вспомнилъ купленный имъ третій совѣтъ: въ минуту сильнаго гнѣва немного воздержаться, а потому уже не застрѣлить ихъ и зашелъ узнать въ чемъ дѣло. Онъ попросилъ дозволенія переночевать; жена согласилась. Поужинали и начали разговоръ о томъ о семъ. Жена сказала, что ея мужъ по имени Задиль, человѣкъ очень бѣдный, лѣтъ тридцать тому назадъ, отправился въ городъ и до сего времени не возвращается, а гдѣ пропадаетъ, совершенно не извѣстно; по уходѣ же его изъ дома у нея родился этотъ сынъ, сказала она, указывая на юношу. Задиль, узнавъ, что этотъ юноша его родной сынъ, не вытерпѣлъ дольше, отырылся имъ и отъ радости, что не убилъ жену и сына, заплакалъ. Общей радости не было предѣла. Всталъ Задиль, поспѣшно пригнавъ свой богатый караванъ, снялъ съ него свои большія сокровища, размѣстилъ, что гдѣ слѣдовало и началъ пировать со своими гостями. Настало утро, съ благодарностью и хорошими подарками отпустилъ царскихъ верблюdochиковъ, и самъ сталъ жить въ довольствѣ и роскоши, благодаря тремъ купленнымъ совѣтамъ.

6. Царь Багрей.

Жилъ былъ на свѣтѣ царь Сулейманъ. У него дѣтей не было, потому онъ очень часто обращался къ Богу о дарова-

ни ему дитяти. Богъ съжалился надъ нимъ и не замедлялъ дать ему сына, который былъ названъ Багреемъ. Царевичъ росъ не по годамъ, а по днямъ, началъ ученіе и сдѣлался умнымъ наслѣдникомъ. Когда ему исполнилось лѣтъ двадцать, отецъ захотѣлъ женить его, но онъ отказался. Черезъ пять лѣтъ умеръ царь Сулейманъ и на престолъ вступилъ царевичъ Багрей. Народомъ управлялъ онъ очень умно, всѣ были имъ довольны, блаженствовали подъ его мудрымъ правленіемъ. Само государство пріобрѣло большую силу и славу между государствами древности. Услышавъ о такомъ мудрому правленіи Багрея, сосѣдній царь Кишмиръ захотѣлъ новидаться съ нимъ, но Багрей каждый разъ откладывалъ свиданіе подъ разными предлогами. Наконецъ Кишмиръ царь прибѣгъ къ хитрости, и подулъ одну старуху—волшебницу, которая обѣщала привести Багрея. Она превратилась въ серну и очутилась передъ Багреемъ, когда тотъ со своей свитой охотился на зеленыхъ берегахъ рѣки Тигра. Царь Багрей, замѣтивъ животное, приказалъ своимъ людямъ поймать его живымъ, въ противномъ случаѣ, кто пропуститъ добычу, тотъ непремѣнно лишится царской милости и будетъ строго наказанъ. Но серна, поднявъ голову, побѣжала прямо къ Багрею и когда онъ бросился поймать ее, она изъ-подъ рывъ его выскочила и убѣжала. Царь съ досады рѣшился преслѣдовать ее, пока не поймаетъ. Поручивъ управленіе государствомъ безчелюстному сановнику, пустился въ погоню за серной. Семь дней и семь ночей онъ гнался за ней и не могъ поймать. Наконецъ она прибѣжала въ столицу царя Кишмира и скрылась въ одномъ домѣ, на краю города. Подъѣхавъ къ этому дому, Багрей вызвалъ ховяина, но къ нему вышла одна безобразная и дряхлая старушка, у которой онъ потребовалъ серну. Старушка отвѣтила ему, что онъ не получитъ добычи, пока не погоститъ у нея цѣлый день. Царь очень обрадовался этому приглашенію, потому что самъ совсѣмъ усталъ; коня своего окончательно замучилъ. Заѣхалъ

къ старухѣ, размѣстилъ своего коня, далъ ему корма и себѣ попросилъ чего-нибудь поѣсть. Пообѣдавъ хорошеньво, Багрей прилежъ отдохнуть и крѣпко заснулъ. Старуха немедленно донесла царю Кишмиру, что она уже привела Багрея въ свой домъ. Кишмиръ тотчасъ нарядилъ къ нему посольство съ просьбою повидаться съ нимъ. Багрей на этотъ разъ уже не могъ уклониться, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ узналъ, хитростью и волшебствомъ старушки для этой цѣли и приведенъ. Всталъ, переодѣлся въ царскую одежду и отправился къ Кишмиру царю. Послѣдній, замѣтивъ издали Багрея, вышелъ въ сопровожденіи огромной свиты къ нему навстрѣчу и, подобающимъ образомъ принявъ его, ввелъ въ свои царскія палаты. Начались пиршества и увеселенія. Много вина было разлито, пропасть чашекъ разбито. Пировали нѣсколько мѣсяцевъ сряду. Въ одинъ прекрасный день, Багрей, веселый духомъ, заявилъ царю Кишмиру желаніе осмотрѣть его сокровища и рѣдкости. Кишмиръ съ радостью позволилъ. Въ одной комнатѣ Багрей, увидѣвъ мраморный фонтанъ, дорогой и красивой работы, спросилъ Кишмира, для какой надобности сдѣланъ онъ; царь Кишмиръ отвѣтилъ, что это купальня трехъ дочерей Алмаза, царя бриллиантоваго государства, которыя каждый день, въ видѣ красивыхъ голубицъ, прилетаютъ сюда купаться. Услышавъ объ этомъ, Багрей царь пожелалъ жениться на младшей изъ нихъ. Подученный Кишмиромъ, Багрей скрылся въ комнатѣ, и когда прилетѣли эти голубицы, онъ бросился на нихъ и успѣлъ вырвать у одной изъ нихъ перо. Двѣ голубицы улетѣли, а третья, лишенная одного пера, превратилась и оказалась младшею дочерью Алмаза царя, Санамой. Обрадованный находкой красивой жены, Багрей попросилъ Кишмира обвинять его съ Санамой и сыграть свадьбу. Кишмиръ исполнилъ его просьбу и справилъ ему очень веселую свадьбу. Послѣ свадьбы Багрей остался въ домѣ Кишмира еще мѣсяцъ, а потомъ приготовился въ свое государ-

ство. Бишмиръ отпустилъ его съ великолѣпными подарками и многому хорошему научился отъ него. Приѣхавъ къ границѣ своего государства, Багрей встрѣтилъ одного пастуха, у котораго спросилъ о состояніи государства. Пастухъ, не узнавъ своего государя, сказалъ: со времени отсутствія нашего добраго и справедливаго царя Багрея, государство лишено мира и покоя; безпорядки, благодаря безчелюстному визирю, доведены до крайности; бѣдныя и слабыя не находятъ ни у кого защиты отъ своеволія сильныхъ; грабежъ, притѣсненія, обиды и убійства сдѣлались такъ часты въ прославленномъ царствѣ Багрея, что оно скоро разрушится, если не подоспѣетъ самъ Багрей; даже его мать изгнана безчелюстнымъ визиремъ и живетъ несчастная старуха въ одномъ бѣдномъ домѣ на краю города. Услышавъ о такомъ затруднительномъ положеніи своего государства и своей бѣдной матери, Багрей разгнѣвался гнѣвомъ великимъ и съ быстротою молніи поспѣшилъ въ свою столицу. Отыскавъ свою мать, онъ остановился у нея и, съ дѣлю хорошенько познакомиться съ положеніемъ дѣла, не открылся пока ей. Между тѣмъ безчелюстный визирь, узнавъ о прибытіи какаго то незнакомца съ красавицею женою, отправилъ въ нему своихъ людей отнять у него красавицу. Визирскіе служители пришли въ то время, когда Багрей былъ на охотѣ и приказали его женѣ, Санамѣ, идти къ визирю. Несмотря на просьбы матери Багрея не беспокоить ея гостей, тѣ рѣшились силою взять Санаму; тогда Санама взялась за стальной мечъ своего мужа, разрубила на куски всѣхъ служителей несправедливаго правителя, а потомъ, отрывшись матери Багрея, она сказала, что въ такомъ государствѣ, гдѣ господствуетъ насилие, она не можетъ жить и, превратившись въ голубицу, улетѣла. Горько заплакала мать Багрея. Вечеромъ съ охоты возвратился царь и, узнавъ о случившемся несчастіи, сначала утѣшилъ свою мать, потомъ приготовился ѣхать за женою. Долго мать

просила его нигуда не уѣзжать, такъ какъ голубицу нельзя отыскать, но онъ и слушать не хотѣлъ, а только просилъ ее никому о его пріѣздѣ не говорить. Надѣлъ дорожную одежду, вооружился чѣмъ слѣдовало, помолился Богу и выѣхалъ въ далекій путь. Долго ѣхалъ онъ по горамъ, по долинамъ и сыпучимъ пескамъ, нигдѣ и слѣда голубицы своей не замѣчалъ. Наконецъ онъ встрѣтился съ однимъ земледѣльцемъ старикомъ и остановился у него ночевать; во время ужина онъ разсказалъ земледѣльцу о своемъ несчастіи. Земледѣлецъ, выслушавъ Багрея, обѣщалъ помочь его горю. Онъ сказалъ Багрею, что его красавица Санама живетъ въ бриліантовомъ государствѣ, среди семи безпредѣльныхъ морей; туда-де никто изъ людей не можетъ итти, но что у него есть знакомый старый орелъ, котораго попроситъ взять его туда. Обрадовался Багрей. По просьбѣ земледѣльца прилетѣлъ орелъ и на своихъ крыльяхъ взялъ Багрея прямо въ столицу Алмаза царя. Посадивъ Багрея на землю, онъ далъ ему одно перо и сказалъ: если я опять нуженъ буду тебѣ, то сожги это перо, и я немедленно поспѣшу къ тебѣ. Орелъ полетѣлъ назадъ, а Багрей направился въ городъ и остановился у одной бѣдной старухи, которая имѣла постоянный доступъ въ царскіи дочерямъ. Узнавъ, что этотъ незнакомый человѣкъ есть царь Багрей, мужъ младшей дочери царя Алмаза, старуха поспѣшила извѣстить Санаму о прибытіи мужа. Обрадовалась Санама красавица, услышавъ о Багреѣ. Алмазь же царь, узнавъ о Багреѣ, послалъ къ нему людей пригласить его. Багрей, въ сопровожденіи царскихъ пословъ, прибылъ въ домъ своего тестя, который принялъ его очень любезно. Проживъ нѣсколько лѣтъ, онъ собрался возвратиться домой. Сжегъ орлиное перо, прилетѣлъ немедленно орелъ, взялъ какъ его самого, такъ и жену Санаму въ домъ матери его. Теперь Багрей уже открылся своей матери и всѣмъ подданнымъ. Обрадовались всѣ его подданные, узнавъ о пріѣздѣ его. Вступивъ на

престоль, Багрей надлежащимъ образомъ наказалъ безчелюстнаго визиря и спокойно началъ управлять своимъ государствомъ.

7. Царь Зимааръ.

На востокѣ міра, гдѣ утренняя заря краше золота, жилъ молодой царь по имени Зимааръ. Былъ у этого царя умный совѣтникъ Аязъ, котораго онъ очень уважалъ. Какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, у Аяза нашлись враги—ненавистники, которые оклеветали его предъ царемъ и послѣдній, слушая ихъ, заключилъ его въ тюрьму, гдѣ, впрочемъ, Аязъ недолго оставался. Онъ скоро выдумалъ способъ бѣгства и убѣжалъ изъ тюрьмы. Когда жена его пришла повидаться съ нимъ, онъ велѣлъ поймать большого муравья, къ его ножкѣ привязать крѣпкую нитку въ сорокъ аршинъ длины, къ свободному же концу ниточки привязать веревку такой же длины; затѣмъ, смазавъ головку муравья масломъ, пустить его снаружи по стѣнѣ тюрьмы противъ указаннаго мѣста. Какъ сказалъ Аязъ, такъ жена и сдѣлала. Муравей по запаху масла пошелъ по стѣнѣ все впередъ и наконецъ взобрался на вершину стѣны съ ниточкой, а оттуда спустился къ Аязу внизъ. Аязъ тотчасъ отвязалъ нитку, по ней вытащилъ къ себѣ веревку; одинъ конецъ веревки жена привѣрнула къ бревну, а другой онъ самъ привязалъ къ деревянному болу, а потомъ по веревкѣ поднялся на стѣну и спустился внизъ, а оттуда обратился въ бѣгство. Чтобы его не нашли, въ одной мельницѣ онъ обсыпалъ себя мукой и назвался мельникомъ. Царь, узнавъ о бѣгствѣ Аяза, очень удивился придуманному имъ способу, приказалъ непременно привести его; долго искали и нигдѣ не находили его. Наконецъ царь прибѣгъ къ хитрости. Потребовалъ жену Аяза къ

себѣ, далъ ей одного козленка вѣсомъ въ двѣнадцать фунтовъ и приказалъ ей возвратитъ ему козленка черезъ четыре мѣсяца съ такимъ же вѣсомъ, не больше и не меньше. Царь очень хорошо зналъ, что это приказаніе никто не можетъ исполнить, кромѣ Аяза, и когда оно будетъ исполнено, тогда принудитъ жену показать своего мужа. Жена Аяза не могла противорѣчить царю, взяла козленка и печальная отправилась къ мужу на мельницу; рассказала ему, чего царь требуетъ отъ нея. Аязъ, успокоивъ жену, отпустилъ ее домой и поручилъ никому не говорить, гдѣ онъ находится, а черезъ четыре мѣсяца прийти и взять козленка. Онъ сталъ кормить козленка очень жирно, но черезъ каждую недѣлю его показывалъ волку, при видѣ котораго козленокъ отъ страха терялъ прибрѣтенный лишній вѣсъ и оставался при прежнемъ вѣсѣ. Прошло четыре мѣсяца, жена Аяза пришла къ нему и взяла козленка. Царь, свѣсивъ козленка, нашелъ его при прежнемъ вѣсѣ и тотчасъ приказалъ женѣ Аяза показать мужа, — въ противномъ случаѣ она строго будетъ наказана. Она сначала не рѣшалась, но когда царь обѣщалъ опять сдѣлать его своимъ сановникомъ, она показала мѣсто мужа. Царь немедленно послалъ людей, которые привели Аяза и, узнавъ о способѣ его бѣгства, опять сдѣлалъ его своимъ первымъ сановникомъ. Но Аязъ не долго оставался въ милости у царя Зимаара. Нашлись новые враги у Аяза, которые начали обвинять его передъ царемъ въ различныхъ преступленіяхъ. Царь на этотъ разъ прямо не заключилъ его въ тюрьму, а далъ ему одно трудное порученіе, неисполненіе котораго должно было повлечь за собою строгое наказаніе: онъ далъ ему одно золото съ своимъ изображеніемъ и приказалъ на это золото купить ему одного бѣлаго барана, одинъ хорошій коверъ изъ его шерсти и вкусный шипликъ изъ его мяса, а это золото опять возвратитъ ему. Аязъ, получивъ золото, пустился во всѣ стороны свѣта бѣлаго. Много труда

претерпѣлъ Аязъ, долго онъ странствовалъ, со многими людьми встрѣчался, многимъ рассказывалъ о приказаніи царя Зимаара, но никто не въ состояніи былъ помочь ему. Наконецъ онъ встрѣтился съ однимъ старикомъ и съ нимъ зашелъ въ деревню. Изъ веденной на дорогѣ бесѣды старикъ угадалъ, что Аязъ умный человѣкъ, и одинъ изъ высокопоставленныхъ людей, поэтому попросилъ его къ себѣ домой, но Аязъ отказался и зашелъ къ одной бѣдной старушкѣ. Между тѣмъ старикъ, придя домой, рассказывалъ все про Аяза своему семейству. У старика была очень умная и красивая дочь, по имени Зора, которая, услышавъ отъ своего отца объ умѣ Аяза, рѣшила испытать его. Она сварила двѣнадцать яицъ, положила ихъ съ семью хлѣбами въ одинъ шелковый платокъ и отправила ихъ черезъ свою служанку Аязу. На дорогѣ служанка спрятала себѣ два яйца и два хлѣба, такъ что Аязу отнесла только десять яицъ и пять хлѣбовъ. Получивъ ихъ, Аязъ тотчасъ понялъ, что означаетъ эта посылка и спросилъ служанку, развѣ у нихъ годъ имѣетъ десять мѣсяцевъ, а недѣля пять дней. Служанка, не понявъ вопроса, отвѣтила, что годъ имѣетъ двѣнадцать мѣсяцевъ, а недѣля семь дней и возвратилась домой къ Зорѣ. Зора спросила служанку, что сказалъ ей Аязъ. Она ничего не знала, рассказала ей, о чемъ спросилъ ее Аязъ; тогда Зора поняла, что Аязъ дѣйствительно умный и догадливый человѣкъ и что служанка утаила два яйца и два хлѣба. Черезъ отца она пригласила къ себѣ Аяза и узнавъ о причинѣ его странствованія, обѣщала помочь ему. На другой же день она показала Аязу одного старика пастуха, у котораго былъ для продажи хорошій бѣлый баранъ и послала Аяза купить его. Купивъ барана, Аязъ привелъ его къ Зорѣ, которая очень скоро изъ его шерсти соткала два прекрасныхъ маленькихъ ковра и сказала Аязу: одинъ коверъ оставь себѣ, а другой отнеси къ тому же пастуху и продай ему именно за то золото, которое ты отдашь

ему за барана. Аязъ взялъ коверъ въ пастуху и продалъ ему за свое золото. Такимъ образомъ Аязъ, благодаря Зорѣ, имѣлъ уже царское золото, бѣлаго барана и коверъ изъ его шерсти. Остались только шишлыки. Но и здѣсь не затруднилась умная Зора. Она наскоро оскопила барана и изъ его яичниковъ приготовила очень вкусные шишлыки, а барана вылѣчила. Доставивъ все это Аязу, Зора сказала ему: возьми и отнеси царю Зимаару. Аязъ, получивъ золото, барана, коверъ и шишлыкъ, возвратился съ радостью домой; на другой же день представилъ ихъ царю и рассказалъ ему, какъ помогла ему въ этомъ дѣлѣ одна умная дѣвица, по имени Зора. Царь Зимааръ, узнавъ объ умѣ этой дѣвицы, рѣшилъ жениться на ней, не обращая вниманія на ея простое происхожденіе; съ этою цѣлью онъ снова послалъ Аяза къ родителямъ Зоры. Тѣ очень обрадовались, узнавъ о желаніи царя; изъявили полное свое согласіе. Царь Зимааръ, по обычаю, съ большою торжественностью привелъ въ свой дворецъ невѣсту Зору и игралъ съ нею свадьбу цѣлую недѣлю. По окончаніи веселья, царь захотѣлъ убѣдиться въ мудрости своей молодой супруги. Не спавъ съ нею, на другой же день онъ заявилъ ей, что отправится на долгое время странствовать по бѣлу свѣту, а къ его возвращенію онъ потребуетъ отъ нея сына, похожаго на него, жеребенка, похожаго на его коня и пару гончихъ собакъ, похожихъ на его собаку. Сказавъ это, онъ въ тотъ же часъ пустился въ дорогу. Не затруднилась Зора и въ этомъ случаѣ. На другой же день она приготовила себѣ цѣлый караванъ, сшила мужское платье, надѣла его и въ качествѣ купца пустилась за своимъ мужемъ, взявъ съ собою и кобылицу и собаку царскую; догнала его на одномъ роскошномъ лугу. Здѣсь, не далеко отъ его палатокъ разбила свою. Возвратившись съ охоты и замѣтивъ чужую палатку, царь Зимааръ послалъ людей узнать, кто это остановился тамъ; когда же узналъ, что это какой-то купецъ

Идетъ по торговымъ дѣламъ, приказалъ пригласить его для препровожденія времени. Зора въ мужскомъ платьѣ представилась своему мужу, который, не узнавъ, принялъ ее за купца. Послѣ долгой бесѣды, царь предложилъ ей играть въ шахматы. Зора согласилась съ условіемъ, если она выиграетъ, то возьметъ у него коня, а если онъ, то она дастъ ему весь свой караванъ съ товаромъ. Начали играть. Зора выиграла у царя, взяла у него, по условію, коня и отвела его къ своей кобылицѣ, которая въ ту же ночь забеременела отъ царскаго коня. Въ другую ночь она опять выиграла у мужа и, по условію, взяла у него собаку, отвела ее къ своей сукѣ, которая тоже приняла въ ту ночь. Въ третью же ночь она сказала царю, что если онъ выиграетъ, то она вместо богатства пришлетъ къ нему, но только на одну ночь, свою молодую красивую дочь. Царь очень обрадовался этому условію и начали играть. На этотъ разъ она проиграла. Возвратившись въ свою палатку, она переодѣлась въ женское платье, нарядилась какъ слѣдовало и явилась къ мужу. Царь цѣлую ночь наслаждался въ объятіяхъ своей жены, думая, что это дочь купца, игравшаго съ нимъ. На разсвѣтѣ она сказала ему, что можетъ быть отъ него она родитъ сына, который долженъ принадлежать ему и чтобы узнать его, онъ долженъ дать ей свое собственное кольцо. Царь, исполнивъ ее желаніе, къ утру отпустилъ ее. Зора, возвратившись назадъ, снова переодѣлась въ свое прежнее мужское платье, опять пришла къ царю-мужу и возвратила ему его коня и собаку, сказавъ, что они ей не нужны и достойны его имени. Исполнивъ свое дѣло, она съ караваномъ и служителями отправилась домой. Прошло двѣнадцать мѣсяцевъ, къ тому времени Зора разрѣшилась сыномъ, во всемъ похожемъ на самого царя Зимаара, кобылица—жеребенкомъ, похожимъ на царскаго коня, а собака—двумя щенятами, похожими на царскую собаку. Возвратился домой и царь. Сановники, услышавъ о возвращеніи царя, вышли къ

нему на встрѣчу печальными, въ траурѣ и съ понижшими головами; когда царь спросилъ ихъ о причинѣ ихъ печали, они отвѣтили, что его жена, которую онъ очень любилъ и считалъ умною, разрѣшилась сыномъ безъ него, въ его отсутствіе. Опечалился и самъ царь, приказалъ сановникамъ осудить Зору на смерть, а палачамъ — отрубить ей голову. Между сановниками былъ одинъ добрый человѣкъ, который посоветовалъ царю сначала зайти къ женѣ, спросить ее о причинѣ родовъ. Царь послушался. Разгнѣванный онъ зашелъ къ ней, а она преспокойно сидитъ и держитъ на своихъ колѣнахъ сына. Баглянувъ на нее, онъ спросилъ: чей этотъ ребенокъ? Она отвѣтила: твой! Царь еще больше разсердился, но она въ подтвержденіе своихъ словъ показала ему его золотое кольцо, которое было надѣто на палецъ ребенку. Видя кольцо съ своимъ изображеніемъ, царь очень удивился, и не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ, но когда она представила ему жеребенка и двухъ щенятъ, которыхъ онъ требовалъ отъ нея вмѣстѣ съ сыномъ, и рассказала ему о случившемся на дорогѣ съ нимъ, то онъ, вспомнивъ свою игру съ будто-бы купцомъ, обрадовался радостью великою; а потомъ, убѣдившись въ умѣ своей жены и причинѣ ея родовъ, онъ вышелъ къ сановникамъ своимъ и объявилъ о честности своей любимой супруги, признавъ ребенка своимъ роднымъ сыномъ. Обрадованный онъ приказалъ сановникамъ играть цѣлую недѣлю свадьбу. Свадьбу сыграли, всѣ плясали и веселились, и за насъ Богу молились.

8. Сартинъ и Балулъ.

Въ древнія времена въ Вавилонской странѣ жилъ одинъ правитель, по имени Сартинъ, человѣкъ очень жестокой и сребролюбивый. У него былъ братъ Балулъ, очень умный и добрый человѣкъ. Балулъ, по своей добротѣ, никому не отказывалъ въ своихъ совѣтахъ и всякаго направлялъ къ доб-

ру; онъ все время тѣмъ и былъ занятъ, что утѣшалъ своими совѣтами бѣдныхъ и скорбящихъ. Но братъ Сартинъ очень ненавидѣлъ его за то, что онъ всегда возставалъ противъ его дерзкихъ жестокостей и жадныхъ стремленій. Поэтому Сартинъ всячески старался какъ-нибудь избавиться отъ него; съ этою цѣлью онъ возлагалъ на него исполненіе и доставленіе небывалыхъ вещей. Такъ, по совѣту перваго савонника своего Мирзы, онъ поручилъ Балугу отыскать и достать ему скрытыя въ нѣдрахъ земли сокровища двухъ братьевъ Аруна и Каруна, сказочныхъ личностей, считавшихся когда-то первыми богачами на свѣтѣ. Балугъ не испугался этого порученія и изъявилъ на него свое согласіе, но только съ условіемъ: если онъ отыщетъ упомянутыя сокровища и доставитъ ему, то попроситъ у него голову савонника Мирзы. Сартинъ, думая, что братъ его никогда не отыщетъ тѣхъ сокровищъ, изъявилъ на его условіе полное свое согласіе. Балугъ отыскалъ себѣ одну влячу, сѣлъ на нее и выѣхалъ въ далекій путь. Черезъ семь дней онъ пріѣхалъ къ приставищу небесныхъ птицъ. Здѣсь онъ зарѣзалъ свою лошадь, выбросилъ всю ея внутренность, зашелъ туда и зашилъ кожу. Сюда собирались обыкновенно всѣ голодные птицы и получали пищу съ неба. На этотъ разъ, онѣ не получили небеснаго корма, съ голоду бросились къ влячѣ и стали поѣдать ее. Наѣвшись до сыта, онѣ немного отошли и очень удивились, когда увидѣли, что еще много лошадиного мяса остается. Царь птицъ, орелъ, угадалъ, что въ тушѣ лошади скрывается какая-нибудь тайна и велѣлъ птицамъ расклевать всю кожу. Птицы въ одну минуту исполнили царское приказаніе и, нашедши въ лошади Балуга, донесли объ немъ своему повелителю. Царь-орелъ, сначала за насыщеніе всѣхъ птицъ поблагодарилъ Балуга, а потомъ предложилъ ему просить у него, чего онъ желаетъ. Балугъ разсказалъ орлу, что онъ пріѣхалъ отыскать сокровища Аруна и Каруна, но не знаетъ,

гдѣ скрыты эти сказочныя богатства. Тогда орелъ сказалъ: твою просьбу легко исполнить, только ты слѣди за мной полетомъ; я сначала поднимусь очень высоко, а потомъ мгновенно спущусь на землю и размахну по землѣ крыльями; гдѣ это сдѣлаю, тамъ и скрыты сокровища: выкопай ихъ и отправь своему брату. Послушался орла Балулъ, нашелъ богатства Аруна и Каруна, выкопалъ ихъ и сталъ отправлять Сартину; но скоро узналъ, что ненасытный Сартинъ выгналъ изъ города всѣхъ бѣдныхъ и нищихъ, а жилища ихъ наполнилъ золотомъ и серебромъ. Сжалился Балулъ надъ несчастными и притѣсненными подданными, прекратилъ отправку богатства, возвратился домой и потребовалъ у своего брата, по условію, головы сановника Мирзы. Сартинъ, обрадованный богатствами и ослѣпленный чрезвычайною жадностью, тотчасъ приказалъ красному палачу снять голову сановника Мирзы и отдать Балуду. Балулъ на головѣ Мирзы рѣшился доказать брату жадность человѣка и въ особенности жадность его, а потому и несправедливое, безжалостное отношеніе его къ бѣднымъ. Съ этою цѣлью онъ потребовалъ большіе вѣсы съ гириями. Въ присутствіи всѣхъ сановниковъ, самого Сартина и огромной толпы народа сталъ вѣсить голову Мирзы. На одну чашку вѣсовъ положилъ ее, а на другую огромную гирию и приказалъ поднимать свѣсить. Голова Мирзы совсѣмъ не поднялась, она оказалась гораздо тяжелѣе гири; тогда онъ велѣлъ добавить къ гирѣ, мѣшокъ золота, опять голова не поднялась, добавили другой мѣшокъ серебра, тоже самое стало съ чашкою вѣсовъ съ гириями, она поднялась высоко, а другая чашка съ головою Мирзы опять оказалась тяжелой. Удивились всѣ присутствовавшіе этому явленію. Потомъ Балулъ велѣлъ снять всѣ тяжести, кромѣ одной маленькой гири, посыпавъ въ открытые глаза Мирзы горсть земли и снова велѣлъ вѣсить. На этотъ разъ голова Мирзы поднялась высоко и оказалась легче незначительной гири. Сартинъ, а так-

же и всё присутствовавшие не поняли этого явления и просили Балуду объяснить им причину его. Балудъ сказалъ имъ, что человекъ ничѣмъ не насыщается, какими бы сокровищами не окружалъ себя, какъ и Сартинъ, но такая жадность безцѣльна и даже вредна. Въ этомъ мѣрѣ онъ ничѣмъ не насыщается, развѣ только горстью земли и маленькимъ клочкомъ земли, служащимъ ему могилою и замѣняющимъ ему его великолѣпныя палаты. Услышавъ это, Сартинъ обрадовался, отказался отъ всѣхъ своихъ сокровищъ и велѣлъ раздать ихъ бѣднымъ и нищимъ. Но не надолго подѣйствовали слова Балуды на него. Онъ опять началъ притѣснять разными жестокостями своихъ подданныхъ. Балудъ снова поднялъ свой голосъ противъ несправедливостей брата. Ни этотъ разъ онъ выбралъ такое средство. Зная, что его братъ съ женою пойдутъ гулять, онъ раньше ихъ ушелъ впередъ, на дорожку собралъ нѣсколько кучъ земли и въ каждую кучу воткнулъ по одной вѣтви дерева съ листьями. Пришелъ Сартинъ съ женою, увидѣвъ кучи земли съ вѣтвями, спросилъ Балуду, что это значитъ. Балудъ отвѣтилъ ему, что это садъ блаженства. Засмѣялся Сартинъ и ушелъ дальше, но его жена была умная женщина; она спросила Балуду, не продастъ ли онъ этого сада. Балудъ сказалъ, что продаетъ его за мѣшокъ золота; она тотчасъ велѣла дать Балуду золото и купила садъ блаженства. Балудъ же, получивъ деньги, роздалъ ихъ бѣднымъ и несчастнымъ. Возвратившись назадъ послѣ прогулки, въ первую же ночь Сартинъ во снѣ увидѣлъ, что его жена находится въ саду блаженства, онъ же, хотя и старается попасть туда, не можетъ, ему мѣшаютъ какія то крылатыя существа. Проснувшись, онъ поспѣшилъ къ своему брату Балуду и спросилъ его нѣтъ ли еще у него сада блаженства. Балудъ отвѣтилъ ему, что у него есть, но только не на землѣ, а въ небесномъ пространствѣ и стоитъ очень дорого, такъ что онъ не можетъ его купить, Тогда Сартинъ

спросилъ брата по крайней мѣрѣ показать ему этотъ садъ. Балулъ согласился. Когда настала ночь, онъ призвалъ цара всѣхъ птицъ—орла и приказалъ ему взять ихъ въ небесное пространство. Орелъ взялъ Балула и Сартина, долго странствовалъ по безпредѣльному пространству неба, наконецъ присталъ къ огромнымъ воротамъ. Застучалъ Балулъ въ ворота, ворота отворились и имъ представились какія то небесныя существа. Сартинъ былъ пораженъ видѣніемъ. Существа эти были всѣ одной формы: глаза у нихъ были большіе и свѣтлые, приятное и бѣлое лицо, одежда чистая и бѣлая, какъ снѣгъ; жили они здѣсь среди разнообразныхъ благоухающихъ цвѣтовъ; вездѣ порхали и пѣли красивыя птицы, воздухъ былъ чистый и очень приятный, а земля была покрыта зеленѣющею роскошною травою. При видѣ всего этого, Балулъ сказалъ своему брату: „видишь, братъ мой, всѣ эти существа одинаковыя, нѣтъ различія между ними, ни одинъ не притѣсняетъ другого, всѣ равны; поэтому и господствуетъ между ними миръ и тишина, а вслѣдствіе этого всѣ они, какъ видишь, блаженствуютъ. Все это такъ подѣйствовало на Сартина, что онъ раскаялся въ своихъ грѣхахъ, обѣщалъ всегда слушать своего брата, помогать бѣднымъ. Послѣ этого они опять сѣли на орла и спустились на землю. Спустившись на землю, Сартинъ совершенно измѣнился, исправился, сдѣлался такъ добръ и справедливъ, что слава о немъ распространилась по всей восточной странѣ, самъ сдѣлался довольнымъ своей судьбой и это довольство сдѣлалось для него первымъ блаженствомъ.

II. Эпизодъ.

ЕВРЕИ ВЪ С. ВАРТАШЕНЪ.

(Елисаветпольская губ., Нухинскій уѣздъ).

Въ с. Варташенъ лѣтъ 200 назадъ поселились евреи. Сначала ихъ было около 60 дымовъ, а теперь, по числу душъ, они превосходятъ остальныхъ жителей. Говорятъ по-персидски; живутъ въ особой части селенія, чрезвычайно скучено (304 дыма на $\frac{1}{2}$ кв. вер.), нечистоплотно и грязно. Они занимаются исключительно торговлей и табаководствомъ. Табакъ сѣютъ на земляхъ христіанъ и мусульманъ на такихъ условіяхъ: хозяинъ пахнетъ и удобряетъ землю, еврей дѣлаетъ грабки, садитъ саженцы, ухаживаетъ до сбора, сушитъ и дѣлаетъ пучки съ корешками,—хозяинъ даетъ еврею все это время пшеницу, рисъ, деньги на мясо и масло, и налаети; урожай дѣлится между хозяиномъ и евреемъ пополамъ. Одни изъ евреевъ торгуютъ на базарахъ, а другіе являются разнощиками. Послѣдніе особенно удобны для женщинъ, которыя не могутъ сами ходить на базаръ и выбирать товары по своему вкусу,—за это онѣ и приплачиваются: разнощикъ обыкновенно свои товары вымѣниваетъ на пшеницу, коковы и т. п., за фунтъ коконовъ (40 в.) даетъ одинъ-два куска мыла (т. е. 8—16 коп.). Евреи и еврейки ничего не оставляютъ безъ вниманія. Еврейки разносятъ по домамъ нюхательный табакъ, ходятъ для исполненія мелкихъ домашнихъ работъ и уходятъ домой съ полными узлами всего, чѣмъ можетъ одарить ее щедрая варташенка. Разъ еврей или еврейка зашли во дворъ,—они не выйдутъ съ пустыми руками: хоть хворосту возьмутъ изъ саду. Благодаря этому, евреи, не имѣя ни клочка земли, богаче остальныхъ мѣстныхъ жителей. Ростовщи-

ковъ немало и между варташенскими евреями: они даютъ деньги за большіе проценты, получаютъ въ два-три раза больше того, что даютъ, да сверхъ того сколько у должника своего переберутъ куръ, пшеницы, фруктовъ!...

Но какъ они заботятся о своихъ единовѣрцахъ... каждую субботу, особенно по большимъ праздникамъ, они собираютъ много денегъ для своихъ бѣдныхъ; разъ въ мѣсяцъ для нихъ же собираютъ у богатыхъ пшеницу. Нищенства среди евреевъ нѣтъ. Нерѣдко прїѣзжаютъ за помощью и изъ другихъ селеній и всегда уѣзжаютъ, получивъ не мало щедрыхъ даяній. Вообще они сильно поддерживаютъ другъ друга: даже личнаго врага своего (еврея) защищаютъ, разъ онъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ не евреемъ.

Евреи уважаютъ своихъ стариковъ и раввиновъ: при нихъ молодые не смѣютъ сидѣть и ведутъ себя очень скромно.

Отецъ семейства—полный владыка; даже женатые сыновья, безъ разрѣшенія его, ничего не могутъ предпринять или чѣмъ распорядиться.—Женщины не такъ угнетены, какъ у мусульманъ (въ синагогу имъ ходить не дозволяется). Бѣдные много работаютъ: занимаются и табаководствомъ и работою въ домахъ христіанъ. Благодаря своей впечатлительности, онѣ зачастую разносятъ разныя новости, сплетни и т. п. Лѣтомъ всѣ мужчины идутъ кто по торговымъ дѣламъ, кто на обработку табаку,—остаются женщины. При скученности населенія (иногда въ одномъ дворѣ живетъ по вѣскольکو семействъ), поводовъ къ столкновеніямъ между женщинами много. Ссоры, брань и драки начинаются изъ-за пустяковъ: сначала кричатъ другъ на друга, потомъ бранятся, постепенно подходятъ одна къ другой; къ спорящимъ присоединяются другія, составляются цѣлыя партіи; кричатъ, ударяютъ въ ладоши, по бедрамъ, а потомъ схватываются за косы, царапаютъ лицо, руки.... Много народу собирается смотрѣть на эти драки, какъ на зрѣлище.—Имѣтъ больше одной жены не запре-

щается закономъ и почти въ 30 домахъ есть по двѣ жены, но больше числа женъ нѣтъ ни у кого.

Гостепріимствомъ, чистоплотностью и храбростью не отличаются. Такъ какъ богатые евреи ведутъ торговлю съ татарами другихъ селеній, ѣздятъ къ нимъ и часто недѣлями живутъ у нихъ, то, въ случаѣ пріѣзда въ Варташенъ знаемыхъ татаръ, евреи охотно принимаютъ ихъ у себя и угощаютъ. Женщины съ гостями не здороваются. Во время угощенія хозяинъ не садится. Для гостя приносятъ хлѣбъ и сыръ на мѣдныхъ и деревянныхъ блюдахъ; затѣмъ прислуга или члены семьи подаютъ рукомойникъ, полотенце; моютъ руки и читаютъ молитву; пока хлѣбъ не разрѣжутъ на куски по числу присутствующихъ, всѣ молчатъ; читаютъ молитву и приступаютъ къ ѣдѣ. Пищу берутъ пальцами. Женщины ѣдятъ отдѣльно (и въ обычное время, даже мужъ съ женой вмѣстѣ не ѣдятъ). Приготавливаютъ для гостей много блюдъ, изъ которыхъ выдающіяся толма (голубцы)—самое любимое, зацзунда аш—пловъ, цузурук-супъ изъ молока, приправленный лукомъ и др. Вино и водку пьютъ только своего приготовленія. У христіанъ пьютъ тутовую водку.

При скученности населенія, нечистота, грязь поражаютъ разныя болѣзни. Ни ретиранныхъ мѣстъ, ни помойныхъ ямъ, ни садовъ нѣтъ. Соръ, трупы животныхъ, экскрименты и пр. выбрасывается на улицу и крошечный дворикъ при домѣ, — отъ этого воздухъ улицъ еврейской части селенія крайне неприятенъ, здѣсь являются разныя болѣзни и отсюда переходятъ въ селеніе и уносятъ немало жертвъ. Болѣзни не прекращаются въ Варташенѣ, хотя селеніе обладаетъ прекрасной водой, мягкимъ климатомъ и богатой растительностью.

Никогда еврей одинъ не поѣдетъ въ городъ,—непремѣнно соберется ихъ нѣсколько, но достаточно одного молодца, чтобы всѣ предъ нимъ разбѣжались. Трусость евреевъ вызы-

ваетъ насмѣшки со стороны жителей. Размахнись на еврея— онъ уже и заболѣлъ.

Одежду евреевъ составляютъ: короткая, до пояса, рубаша, широкіе шалвары, верхнее платье (шелковое или ситцевое) до колѣнъ (чабѣанѣ) съ серебряными пуговицами на рукавахъ широкій, серебряный поясъ; голова повязывается шелковымъ платкомъ. Обувь—коши; многія ходятъ босьякомъ. Пальцы украшаются серебряными и золотыми бѣльцами. Дѣвушки носятъ на груди бусы, красятъ руки хною, жуютъ сахеуз (кева). Одежда мужчинъ—чоха изъ шали или сукна, длинный архалугъ изъ ластива, короткая рубаша, узкіе шалвары; архалугъ подпоясываютъ ситцевымъ поясомъ или серебрянымъ кушакомъ,—зимою надѣваютъ шубу или тулукъ; на головѣ—высокая конусообразная папаха, а подъ ней ермолка; обувь—лапти, коши, чусты. Костюмъ одинаковый лѣтомъ и зимою.

Дома строятся изъ сырого кирпича (въ послѣднее время —изъ камня). Стѣны не штукатурятся, кромѣ передней, которая обмазывается глиной и бѣлится (бѣлой глиной); новыя постройки изъ камня бѣлятся известью, а деревянные—красятся масляной краской.—Прежде, до пожара, истребившаго всѣ дома, крыши дѣлались изъ соломы, —теперь изъ черепицы. Полъ земляной; покрывается коврами. Съ фасада имѣются балконы. Комнаты и балконы разъ въ недѣлю, въ четвергъ, бѣлятся. Домъ состоитъ изъ одной, иногда двухъ, но большую часть изъ трехъ комнатъ. Балконъ служитъ кухней. Посуда ставится на стѣнахъ (рафі) подъ потолкомъ, какъ и у татаръ. Постель хранится въ большой нишѣ одной стѣны. Продукты хранятся въ одной изъ жилыхъ комнатъ. Мука хранится въ глиняныхъ ящикахъ (ѣванду). Другая стѣна комнатъ имѣетъ 4 ниши: въ нихъ держатъ кувшины съ молокомъ, съ вислымъ молокомъ, сундукъ съ приданымъ невѣсты. Въ нишахъ третьей стѣны—въ комнатѣ купцовъ хранится ситцевый товаръ, а у

табаководовъ—махорка. Ниши всё имѣютъ занавѣси. У четвертой стѣны находится каминъ. Зимой евреи грѣются подъ дѣрси—на срединѣ комнаты табуретка, подъ которой въ вырытую яму кладутъ горячіе угли; покрываютъ ковромъ; семья садится вокругъ: ноги кладутъ подъ табуретъ, переднюю часть тѣла накрываютъ ковромъ и грѣются. На ночь постели располагаютъ тоже возлѣ табуретки, подъ которую протягиваютъ ноги. Нерѣдки несчастные случаи (угарь, обжогъ ногъ и т. п.). Каминъ собственно для гостей. Окна безъ стеколъ, состоятъ изъ рѣшетки со ставнями. Подъ домомъ помѣщеніе для лошади и коровъ.

Варташенскіе евреи строго исполняютъ свои религіозные обряды. Изъ праздникоу ихъ назову нѣкоторые. 1. Писах (Пасха). Восемь дней ѣдятъ прѣсный хлѣбъ—„цадал“. Онъ готовится такъ: пшеницу покупаютъ на гумнѣ, котораго дождь не мочилъ, и хранятъ ее въ совершенно новомъ глиняномъ кувшинѣ. За тридцать дней до Пасхи каждое зерно выбираютъ особо, чтобы оно не имѣло дырочекъ и другихъ поврежденій, и чтобы оно не было подмочено водою. Мельница, гдѣ должны молотъ эту пшеницу, тщательно очищаютъ, ремонтируютъ, ни одной пылинки старой муки не оставляютъ; всё щели въ мельницѣ замазываютъ; жернова очищаются намельченными въ порошокъ кусками глиняной посуды. Послѣ очистки приходитъ раввинъ, осматриваетъ, хорошо ли все сдѣлано и разрѣшаетъ молотъ. Пшеницу на мельницу и обратно муку нужно нести такъ, чтобы солнце не согрѣло ее, а то можетъ произойти окисленіе. На другой день пекутъ прѣсный хлѣбъ. За нѣсколько дней лудятъ мѣдныя посуды, обновляютъ глиняную посуду. Луженую посуду до употребленія „очищаютъ“ слѣдующимъ образомъ: большой луженый котелъ наполняютъ водою до самаго края, замазываютъ края котла глиною въ одинъ вершокъ толщиною и ставятъ на огонь; когда вода прокипитъ, какъ слѣдуетъ, ее выливаютъ, котелъ

снова наполняютъ и кипятятъ; когда вода закипитъ, тогда опаласкиваютъ въ ней всѣ маленькія луженныя чашки, блюда, котлы, а затѣмъ моютъ ихъ въ холодной водѣ; и послѣ этого посуда считается очищеною, годною для пасхи. Для печенія прѣснаго хлѣба (qaqal, маса) собираются 15—20 человекъ мужчинъ (женщины не могутъ печь); тѣсто мѣсятъ, смачивая вчерашнею водою. Тѣсто мѣсятъ маленькими порціями; на одинъ разъ берутъ 2³/₄ фун. (въ большемъ количествѣ можетъ провиснуть). Когда мѣсятъ тѣсто, то каждый изъ мужчинъ исполняетъ одну какую-нибудь работу: одинъ наливаетъ воду по мѣркѣ, другой взвѣшиваетъ муку, третій мѣситъ тѣсто, четвертый рѣжетъ тѣсто и дѣлаетъ лаваша, шестой дѣлаетъ на лавашѣ рисунки, седьмой печетъ и т. д. Во время этой работы всѣ должны говорить: „мы, мы это дѣлаемъ для „Маса“. Вода прибавляется одинъ разъ и притомъ чистая, прозрачная и холодная; если воды окажется не въ мѣру больше или меньше, то тѣсто не годится; поэтому тотъ, который наливаетъ воду въ тѣсто, долженъ быть знатокомъ своего дѣла. Палку, которою катаютъ тѣсто, почти ежеминутно чистятъ стекломъ, чтобы тѣсто къ ней не пристало; эта палка до окончанія работы должна быть въ рукахъ и находиться въ движеніи. Прѣсный хлѣбъ пекутъ въ новой печкѣ (тондыр), гдѣ нельзя печь обыкновеннаго хлѣба. Въ печи хлѣбы не должны соприкасаться другъ съ другомъ, не должны подыматься; если изъ печи вынутый хлѣбъ окажется не допеченнымъ, то его вторично нельзя ставить въ печь, онъ негоденъ. Прѣсный хлѣбъ начинаютъ ѣсть только наканунѣ пасхи послѣ благословенія; ножи для этихъ хлѣбовъ должны быть новые. Стекланную посуду тоже обновляютъ къ пасхѣ. Квартиру оштукатуриваютъ; двери моютъ и очищаютъ отъ грязи; всѣ ковры, тюфики, на которыхъ сидятъ и спятъ, платье, бѣлье должны быть хорошо вымыты на рѣчкѣ. Наканунѣ пасхи всѣ мужчины отправляются въ синагогу на богослуженіе;

по возвращеніи изъ синагоги начинается Ыда: достаютъ горькія травы; очищаются разные фрукты, смѣшиваютъ ихъ вмѣстѣ, толкутъ,—получаемая густая масса напоминаетъ, что въ Египтѣ евреи приготовляли грязь для кирпичей; благословляютъ вино; затѣмъ въ одну большую посуду кладутъ прѣсный хлѣбъ, траву, мясо, яйца и другіе съѣдобные предметы; читаютъ исторію пребыванія евреевъ въ Египтѣ и когда доходятъ до того мѣста, гдѣ сказано, что они ѣли пищу съ горькою травою, перестаютъ читать, берутъ горькую траву, обмакиваютъ въ массу и ѣдятъ. Затѣмъ ѣдятъ траву съ колючкою въ знакъ того, что ихъ мучили въ Египтѣ. Послѣ Ыды прѣснаго хлѣба читаютъ десять наказаній, которыя Богъ посылалъ на египтянъ; при этомъ берутъ сломанную глиняную посуду съ золою, кладутъ въ золу скорлупу яйца, и десять разъ вливаютъ туда вино. Въ этотъ вечеръ собирается нѣсколько семействъ вмѣстѣ и проводятъ время далеко за полночь. Всѣ члены семейства должны выпить непременно по четыре ставана вина съ установленною молитвою. Послѣ ужина опять читаютъ молитву. Золю въ этотъ вечеръ выбрасываютъ за село; во второй вечеръ повторяется тоже самое. Праздникъ Пасхи продолжается восемь дней; въ эти восемь дней ѣдятъ прѣсный хлѣбъ,—другого хлѣба нельзя ѣсть. Въ эти дни не ѣдятъ сухой рыбы и сладостей; многіе даже не ѣдятъ прѣснаго хлѣба у другого еврея, думая, что, можетъ быть, тотъ не по обряду приготовилъ.

2. П у р и н. Первый день . постятся, проводятъ дни совершенно безъ Ыды. Это постъ „Есфири“. Вечеромъ въ синагогѣ громко читаютъ и поютъ изъ книги Есфири и Мардохея. Дѣти утромъ и вечеромъ „пурина“ дѣлаютъ ножомъ фигуру Амана; затѣмъ камнемъ и молотомъ бьютъ по этой фигурѣ до тѣхъ поръ, пока все изображеніе не сгладится съ доски. Кромѣ того, бьютъ по землѣ, чѣмъ попало, топчутъ, желая какъ бы раздавить голову Амана, и еще играютъ на

особомъ музыкальномъ инструментѣ. Послѣ обѣда вся молодежь садится на лошадей, ѣдутъ къ знакомымъ, просятъ вина и затѣмъ ѣдутъ въ поле на скачку: тутъ они джигитуютъ, радуются, что Амана повѣсили, и Мардохей избавился отъ гибели. (Христіане и мусульмане, не понимая, говорятъ: евреи гонятъ Христа, евреи гонятъ Магомета!)

3. Ш о м у н ы й А с р и т ь. Въ этотъ праздникъ кончаютъ пятиенижіе, которое на богослуженіяхъ читается по частямъ въ продолженіи цѣлаго года. Въ этотъ день утромъ и вечеромъ выносятъ „Ѣврад“ (пятиенижіе) въ вызолоченномъ деревянномъ цилиндрѣ (ящикѣ). Впереди Ѣврадъ идутъ раввины и почетныя лица, составляя кругъ, и держа въ рукахъ восковыя свѣчи; семь разъ обходятъ кругомъ, поютъ, пьютъ вино, радуются, а прихожане благоговѣнно слушаютъ и повторяютъ „аминь“. Этотъ праздникъ установленъ въ честь окончанія „Ѣврад“ и начала книги Бытія.

4. Ш а р а н а Р а б а. 21 числа мѣсяца Тупіры съ вечера собираются въ мечеть (синагогу) въ память побойниковъ, умершихъ бездѣтными, приносятъ въ мечеть раньше приготовленныя восковыя свѣчи и ставятъ передъ раввинами; вмѣстѣ со свѣчою приносятъ водку и фрукты. Всѣ грамотныя читаютъ послѣднюю главу Пятиенижія и всѣ псалмы („Забор“) по очереди, а другіе слушаютъ. Грамотныя люди должны сидѣть въ синагогѣ до утра и провести время въ чтеніи. Утромъ „мічоур“ (пономарь) приноситъ много вѣтокъ ивы; каждый мужчина дѣлаетъ изъ нихъ пучекъ какъ для себя; такъ и для того, кто въ отсутствіи; пучки держатъ вверхъ и качаютъ; затѣмъ „Ѣврад“ семь разъ вращаютъ и кладутъ на каедрю. Для очищенія отъ грѣховъ раввинъ ударяетъ по спинѣ очищаемаго сорокъ разъ кнутомъ изъ ослиной кожи и за это получаетъ 5 коп. Желающій можетъ повторить. Кнутъ этотъ дѣлается изъ кожи осла: рѣжутъ на тоненькіе ремни, плетутъ изъ нихъ плетъ и придѣлываютъ ручку изъ дерева.

(Наканунѣ всякаго праздника евреи купаются въ бассейнѣ, проточной воды, вмѣщающемъ 40 батмановъ воды; батманъ 48 фун.).

5. Кіпр (очищеніе). Въ этотъ день всѣ, кромѣ больныхъ и малыхъ дѣтей, постятся. Наканунѣ, послѣ заката солнца, ѣдятъ пищу, и идутъ въ синагогу. Богослуженіе продолжается 6 часовъ. Для этого праздника готовятъ одну большую свѣчу, вѣсомъ 1 пудъ 20 фун. и 50 свѣчей въ $\frac{1}{4}$ фун., и всѣ эти свѣчи зажигаются въ синагогѣ такъ какъ женщины не имѣютъ права ходить въ синагогу, то въ этотъ вечеръ онѣ собираются вокругъ синагоги и смотрятъ черезъ окно, какъ выносятся „Тубрад“ въ красивомъ ящикѣ. Многіе набожные остаются въ синагогѣ до утра. Вечеромъ слѣдующаго дня въ синагогѣ играютъ на дудочкѣ и даютъ знать, что „кіпр“ кончился. При выходѣ изъ синагоги всѣ цѣлуютъ руку раввина, молодежь—руку старшихъ, прося прощенія за все сдѣланное. Въ этотъ вечеръ благославляютъ вино.

6. Сѣвѣтъ (Куши). Этотъ праздникъ начинается черезъ 5 дней послѣ „кіпр“ Въ ночь кіпра благословляется вино; каждый еврей беретъ съ собою благословленное вино, приходитъ въ свой дворъ и палкою намѣчаетъ во дворѣ мѣсто для шалаша. Послѣ праздника кіпра всѣ евреи приносятъ много жертвъ (Замѣчу: вообще наканунѣ всякаго праздника много рѣжутъ барановъ), и до наступленія праздника строятъ шалашъ. Вечеромъ сѣвѣтъ всѣ идутъ на богослуженіе, которое продолжается $1\frac{1}{2}$ часа; затѣмъ приходятъ оттуда и заходятъ въ устроенный во дворѣ шалашъ и читаютъ молитву; затѣмъ здѣсь же ужинаютъ, послѣ ужина читаютъ молитвы въ теченіе 3 часовъ. Семь сутокъ они живутъ въ шалашѣ. Каждое утро благославляютъ зеленыя вѣточки четырехъ деревьевъ: ізріг, хадас, лумау (финиковое) и арава (верба).

7. Шоут. Вечеромъ собираются въ синагогу раввины и грамотные люди и читаютъ до утра изъ Пятикнижія и Пророчествъ; тутъ они пьютъ вино и чай, утромъ купаются въ бассейнѣ, который находится во дворѣ синагоги; затѣмъ начинаютъ снова отправлять богослуженіе, во время котораго читаютъ 613 правилъ, 365 противозаконныхъ поступковъ, 248 законныхъ требованій, которыя должны быть исполняемы. На второй день повторяется тоже самое.

8. Цаџил (трауръ). 9-го августа трауръ въ память разрушеніе Іерусалима. Въ этотъ вечеръ читаютъ „плачь Іереміи“, сами тоже плачутъ и бьютъ себя въ грудь; многіе сидятъ въ пеплѣ и голову осыпаютъ пепломъ. Въ этотъ день и ночь ходятъ босыми ногами, босыми же ногами ходятъ на кладбище, гдѣ раввины совершаютъ панихиду и говорятъ проповѣдь, собираютъ деньги для бѣдныхъ; отсюда опять идутъ въ синагогу, читаютъ книги Іова и Іереміи. Трауръ продолжается 9 дней: мяса не ѣдятъ, барановъ не рѣжутъ, не устраиваютъ ни свадебъ, ни увеселеній.

9. Руш ашана (Новый годъ). За день передъ этимъ рѣжутъ цыплятъ, барановъ, вечеромъ варятъ баранью голову, телятину, рыбу; затѣмъ готовятъ финики, медъ, морковь, яблоко для кушанія послѣ вечерни; благословляютъ вино; послѣ богослуженія благословляютъ всѣ фрукты и пищу.

Послѣ ужина читаютъ особо положенныя молитвы и половину «Забора» (Псалтыри), а днемъ читаютъ два раза всю псалтырь, а ночью книгу «Мишна», гдѣ изложенъ судъ Божій. «Цаџил» продолжается два дня: въ эти дни нельзя спать, ибо Богъ судить и смотреть добрыя дѣла и грѣхи людей. Вечеромъ идутъ на рѣчку, и читаютъ очистительную молитву, берутъ края платья и отряхиваютъ, прося Бога очистить ихъ грѣхи; передъ праздникомъ и послѣ праздника по одному дню постятся. Во всѣ праздники дѣвушки одѣваются въ лучшее платье, собираются вмѣстѣ, ходятъ по улицамъ, поютъ, игра-

ють въ бубны, ѣздятъ и веселятся. Женщины мало заботятся о богослуженіи, ибо ихъ не пускаютъ въ синагогу. Религія возложила на нихъ три обязанности: 1) Онѣ должны при печеніи хлѣба отрѣзать кусокъ тѣста, провознося установленную молитву. Кусокъ этотъ называется бала. 2) Подъ субботу и подъ праздникъ онѣ должны, провознося молитву, зажечь двѣ свѣчи. 3) Соблюдать тѣлесную чистоту послѣ менструацій: въ эти дни женщина ни въ чему не должна прикасаться; на пятнадцатый день она должна выкупаться въ бассейнѣ, гдѣ есть 40 батмановъ воды; послѣ купанія, возвращаясь домой, женщины глубоко закрываютъ лицо, и открываютъ его только при встрѣчѣ съ раввинами и съ хорошими людьми.

Свадьба. Обрученіе бываетъ въ возрастѣ отъ одного года до 20 лѣтъ; если дѣвушка маленькая, то на предложеніе родителей жениха отвѣчаетъ отецъ дѣвушки; если дѣвушка взрослая, то спрашиваютъ ея согласіе, не принуждаютъ, и она сама беретъ обручальное кольцо. Дѣвушки еврейскія не закрываются и не скрываются, а потому и ювоши сами могутъ выбирать себѣ невѣсты. У варташенскихъ евреевъ, впрочемъ, большею частью, обручаютъ въ раннемъ возрастѣ. Предложеніе и обрученіе происходитъ слѣдующимъ образомъ. Родители, желая женить своего сына, отправляютъ къ родителямъ намѣченной ими дѣвушки сваху; она является въ домъ дѣвушки и говоритъ женщинамъ о предложеніи; онѣ назначаютъ примѣрно день, когда она должна прійти за отвѣтомъ (дѣло рѣшатъ мужчины, которымъ онѣ вечеромъ передадутъ). Если предложеніе принято, то отецъ жениха съ нѣсколькими родственниками приходятъ къ невѣстѣ для переговоровъ на счетъ обручальныхъ подарковъ. Женихъ долженъ заплатить родителямъ невѣсты, смотря по состоянію, отъ 10 р. до 40 руб. На обрученія собирается въ домъ невѣсты много гостей, родственники жениха и невѣсты. Изъ дома жениха несутъ невѣстѣ «ѣабав» (шесть куръ и 6 бараньихъ шей).

Во время обрученія даютъ кольцо, деньги и серебряныя вещи. Раввинъ совершаетъ обрядъ обрученія, читаетъ молитву и спрашиваетъ родителей, по любви ли и согласію происходитъ обрученіе; затѣмъ всѣ присутствующіе поздравляютъ молодыхъ. Повеселившись, гости расходятся; послѣ этого угощаютъ жениха и его товарищей. Изъ обручальныхъ денегъ, которыя платитъ отецъ жениха невѣстѣ, дарятъ жениху. Послѣ этого родители невѣсты тоже отправляютъ къ жениху «забаг». Когда родители жениха возвращаютъ посуду отъ табага, то въ посуду кладутъ 5 руб., родители-же невѣсты возвращаютъ посуду съ 3 руб.; при этомъ невѣста посылаетъ всѣмъ членамъ семейства шелковые платки (павадук), кошельки и ермолки, а женихъ посылаетъ невѣстѣ $\frac{1}{4}$ фунта «хины», которая раздается всѣмъ подругамъ для раскрашиванія рукъ. Обрученными остаются отъ одного года до 10 лѣтъ. Во время праздника «шоут», когда дѣвушки собираются вмѣстѣ, приносятъ провизію и гуляютъ, женихъ посылаетъ невѣстѣ 13 фруны, 20 коп., $\frac{1}{4}$ барана, разныя сладости и фрукты, а по другимъ праздникамъ-хину. При появленіи новыхъ плодовъ, напримѣръ: земляники, черешень, огурцовъ, дынь, яблокъ и т. д., женихъ посылаетъ невѣстѣ подарки изъ нихъ, а невѣста посылаетъ жениху пищу. Въ особый день женихъ отправляетъ невѣстѣ пловъ, дѣлаетъ угощеніе и приглашаетъ знакомыхъ и родныхъ. Послѣ обрученія невѣста скрывается отъ жениха, его товарищей и родственниковъ. Во все время женихъ покупаетъ невѣстѣ платя «обрученія». Женихъ секретно посылаетъ невѣстѣ черезъ ея подругу шелковый платокъ съ сладостями, невѣста-же посылаетъ жареную пшеницу съ вишмишомъ, орѣхомъ и горохомъ, наз. «чадор».

По соглашенію обѣихъ сторонъ начитается приготовленіе къ свадьбѣ. Свадьбы начинаются зимою, а заготовка дѣлается осенью. За 6 мѣсяцевъ до свадьбы родители невѣсты начинаютъ готовить приданое. Свадьба начинается всегда

послѣ субботы—въ воскресенье, и, продолжаясь цѣлую недѣлю, оканчивается въ слѣдующую пятницу. Въ пятницу, наканунѣ свадьбы, родители жениха рѣжутъ барановъ, посылаютъ невѣстѣ два батмана вина и 1 пудъ мяса. Товарищъ жениха несетъ невѣстѣ печень и легкія и получаетъ отъ нея подарокъ. Вѣнчальное платье невѣстѣ покупаетъ женихъ; у него и шьется оно. При кройкѣ этого платья, женихъ устраиваетъ угощеніе и приглашаетъ родственниковъ своихъ и невѣсты. Во время кройки даютъ для невѣсты матери ея, которая тутъ же непременно присутствуетъ, 20 коп., а она дѣлаетъ разные подарки. Кройка вѣнчальнаго платья называется «халазъ цурі». Въ субботу, наканунѣ свадьбы, всѣ родственницы жениха приносятъ невѣстѣ уже готовое вѣнчальное платье; вмѣстѣ съ этимъ несутъ отъ жениха мясо, вино и другія вещи; родственницы приносятъ фрукты; родители невѣсты, въ ожиданіи ихъ, готовятъ пищу и затѣмъ хорошо угощаютъ ихъ; невѣсту одѣваютъ въ новое вѣнчальное платье. Одѣвшись въ новое платье, она идетъ къ своимъ подругамъ (ихъ бываетъ 10—15); ходятъ во всѣмъ родственникамъ съ бубномъ и пѣніемъ. Эти подруги въ теченіе недѣли неотлучно находятся у невѣсты, у нея должны онѣ ѣсть, пить и проводить время. Женихъ тоже собираетъ своихъ товарищей-друзей, называемыхъ „братья жениха“; они остаются у жениха до вечера-субботы. Въ субботу вечеромъ собираются гости у жениха и невѣсты; веселятся. Во время ужина у жениха выбираютъ нѣсколько человекъ и отправляютъ въ домъ невѣсты для переговоровъ по поводу денегъ, такъ называемыхъ «дорожныхъ» и «цѣломудрія». Посланные берутъ съ собою кувшинъ вина, $\frac{1}{2}$ пуда мяса и 2 курицы. По обычаю и смотря по состоянію; женихъ даетъ родителямъ невѣсты отъ 20 до 60 руб. дорожныхъ денегъ; за цѣломудріе полагается 48 руб. Если невѣста окажется потомъ нецѣломудренною, то эти деньги возвращаются жениху, и женихъ имѣетъ право выгнать ее изъ дома.

Кромѣ этихъ денегъ, женихъ даетъ еще нѣкоторые предметы натурою, каеъ-то: маса 3 пуда, масла 6 фунт., крупы 2 пуда, визила и муки полное блюдо, вина 4 пуда 32 фун. и постель для невѣсты; все это называется: «қавал гѣзіна». За этими вещами во вторникъ нѣсколько человекъ идетъ отъ невѣсты къ жениху, ихъ хорошо угощаютъ, а потомъ передаютъ эти вещи; туда и обратно ихъ сопровождаютъ зурначи. Невѣста даритъ имъ по кошельку. Въ воскресенье обѣ стороны приглашаютъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ на обѣдъ. Вечеромъ опять приглашаютъ на ужинъ. На обѣдъ и на ужинъ приглашаютъ зурну, пѣвца и сазандаровъ. На ужинѣ бывають всѣ родственники и знакомые единовѣрцы. Во время ужина совершается облаченіе жениха въ вѣнчальный костюмъ. Прежде всего женихъ кунается, а зурна играетъ во дворѣ. Послѣ купанья одѣваютъ его въ новое чистое бѣлье и въ этомъ видѣ онъ выходитъ къ музыкантамъ; тутъ, въ присутствіи самыхъ близкихъ родственниковъ и родственницъ, жениху даютъ постепенно части костюма и кричатъ „шабаш“ (этимъ просятъ отъ родственниковъ денегъ въ пользу музыкантовъ); когда женихъ кончаетъ одѣваться, то ближайшіе родственники и родственницы танцуютъ передъ женихомъ подъ зурну. Затѣмъ женихъ въ сопровожденіи зурны идетъ къ гостямъ въ большую комнату, гдѣ ужинають, сидя нѣсколькими рядами по длинѣ комнаты. Женихъ подходитъ къ раввинамъ, цѣлуетъ ихъ руку, затѣмъ и почетныхъ лицъ. Послѣ этого каждая партія зоветъ къ себѣ жениха. Происходитъ споръ, гдѣ сидѣть жениху; раввинъ рѣшаетъ споръ. Раввинъ говоритъ приличное случаю слово; поютъ пѣсни, выражающія радость жениха. „Вы всѣ пойте жениху, чтобы онъ радовался, радовалась бы и невѣста; хвалите его, пусть онъ сіяетъ, какъ солнце, а невѣста—какъ луна; были-бы они храбры, какъ левъ и львица“... Это пѣснопѣніе очень большое и длинное; въ немъ выражаютъ желаніе жениху и невѣстѣ, что бы

Богъ далъ имъ то, что даетъ Онъ всѣмъ благочестивымъ и праведнымъ людямъ. Затѣмъ нѣкоторые почетныя лица говорятъ наставленіе жениху какъ будущему мужу. Послѣ этого назначаютъ сборщика: онъ беретъ мѣдное блюдо, на краяхъ котораго зажигаются восковыя свѣчи, и обходитъ гостей, собирая деньги въ пользу жениха. Каждый изъ гостей, смотря по состоянію и по родству, даетъ отъ 50 к. до 5 руб. Сборщикъ сперва подходитъ къ почетнымъ гостямъ. Кто что даетъ, громогласно объявляютъ (пусть вознаградитъ его Богъ!). Послѣ этого нѣкоторые родственники жениха берутъ приготовленныя кушанья и вмѣстѣ съ зурною идутъ къ невѣстѣ кушать кислый супъ. Шествіе сопровождается факелами и свѣтилками; тутъ всѣ подружки невѣсты и ея родственницы танцуютъ подъ зурну. Родители невѣсты наполняютъ котлы кислымъ молокомъ, даютъ пришедшимъ гостямъ; дается еще особо испеченный хлѣбъ и разныя украшенія для жениха, которыя лично приготовила невѣста. Родственники берутъ всѣ эти вещи и тѣмъ-же порядкомъ уходятъ въ домъ жениха; эти вещи кладутся передъ женихомъ, и гости должны оцѣнить ихъ. Обыкновенно цѣнить отъ 1 руб. до 10 руб. Женихъ уплачиваетъ стоимость подарка тому, кто принесъ его. Послѣ ужина гости расходятся; остаются дружки съ женихомъ; они садятся и „хиною“ красятъ руки. Приносятъ „хину“, смѣшанную съ водою, ставятъ передъ женихомъ и, послѣ торга продаютъ ее дружкамъ; дружки наперерывъ надбавляютъ цѣну; обыкновенно съ 20 коп. поднимается до трехъ рублей. За вѣтъ торгъ остается, тотъ и дѣлается братомъ жениха и пользуется во все время особенными правами. Обмакнувъ палецъ въ хину, онъ мажетъ палецъ жениха; за это женихъ даритъ ему ермолку, кошелекъ и другія вещи. Украшваніе рукъ бываетъ послѣ ужина. Въ это время приходитъ одна женщина съ бубномъ и поетъ: „Аі банугару, банугару; Арус ѣздан, ѣачі банугару“, и дружки за ней повторяютъ; въ

первомъ куплетѣ хвалить жениха съ невѣстою, а въ слѣдующихъ — кровныхъ родныхъ; если кого пропускаютъ, то онъ обижается. Послѣ этого расходятся. Всѣ дни этой недѣли проводятъ въ гуляніяхъ. Въ четвергъ свадьба празднуется у невѣсты; тутъ приглашаются женщины и мужчины. Женщинъ приглашаютъ съ утра: сестра невѣсты или же близкая родственница, въ сопровожденіи вдовушки, ходятъ по дворамъ, приглашаютъ на свадьбу. Входя въ комнату, вдовушка благословляетъ домохозяевъ, и приглашаетъ ихъ на свадьбу; домохозяева даютъ вдовушкѣ деньги, яйцо, врену и проч., а ближайшія родственницы даютъ только деньги. Мужчинъ приглашаютъ мужчиною верхомъ. Въ этотъ вечеръ приглашаются родственники и родственницы жениха. Когда у невѣсты соберутся всѣ гости, то родственники ея съ зурною и факелами отправляются въ жениху, чтобы взять женщинъ. Потанцовавъ немного на дворѣ жениха, они идутъ обратно съ женщинами. До ужина невѣста должна отправить пищу жениху, который у себя дома веселится съ друзьями. Во время ужина тутъ тоже собираютъ деньги отъ мужчинъ и отъ женщинъ. Женщины даютъ отъ 10 к. до 30 к. Каждая женщина беретъ въ платокъ хлѣбъ и разные съѣстные предметы и уноситъ къ себѣ домой. Послѣ ужина женщины заставляютъ невѣсту танцовать подь бубень, и всѣ родственницы невѣсты даютъ „шабаш“, 10—20 коп. каждая. Послѣ этого всѣ женщины садятся, невѣста съ подругами поютъ: „Аі бѣнѣгару, бѣнѣгару“ и т. п.; восхваляютъ всѣхъ родственниковъ невѣсты; происходитъ окрашиваніе рукъ „хиною“, но безъ торга и безъ цѣны; затѣмъ расходятся. Въ пятницу вечеромъ невѣсту привозятъ въ домъ жениха, — этимъ и кончается свадьба. Въ этотъ день женихъ приглашаетъ цирюльника, который брѣжетъ головы его родственниковъ, а потомъ и голову самого жениха. Когда брѣютъ голову жениха, то передъ нимъ играетъ зурна, родственники танцуютъ, пьютъ вино и веселятся; потомъ отправляютъ тун-

гу вина и разные фрукты раввину, чтобы тот написал брачную бумагу. Долго просить раввина, чтобы онъ эту бумагу написал секретно, чтобы враги не могли заволдовать ее. Женихъ съ друзьями и родственниками, кто цѣшкомъ, кто верхомъ, идутъ на рѣку, устраиваютъ купальню, гдѣ и купается женихъ; эта процессія сопровождается зурною и шумомъ молодыхъ. Какой бы морозъ ни былъ, женихъ непременно купается; два дружка бросаются въ воду, а за ними слѣдуетъ и женихъ; цѣлуютъ полы одежды жениха, мажутъ лобъ пепломъ, а ученики раввина читаютъ „плачъ Іерусалима“; эти ученики всегда ходятъ съ женихомъ, читаютъ молитвы и за это получаютъ деньги. Послѣ купанья приходятъ въ синагогу; служитель синагоги запираетъ дверь и отпираетъ тогда только, когда получаетъ свои 30 коп. Входятъ въ синагогу; раввинъ ведетъ жениха въ шкафу, гдѣ хранится „Пятнадцатіе“, — тутъ происходитъ прощеніе грѣховъ: раввинъ говоритъ жениху, что грѣхи его, которые онъ совершилъ до женитьбы, не записываются у Бога, а потому прощаются, а тѣ грѣхи, которые онъ совершитъ послѣ этого, запишутся и прощены не будутъ, поэтому онъ не долженъ грѣшить; затѣмъ изъ синагоги выходятъ во дворъ, раздаютъ вино. Послѣ этого родственники приглашаютъ по очереди жениха съ компанією къ себѣ; выносятъ имъ закуску и напитки, угощаютъ; даютъ жениху шелковую матерію и цѣлуютъ его; домохозяйка заставляють танцовать, даютъ музыкантамъ „шабашъ“; домохозяйка даютъ музыкантамъ 15 коп., а потомъ танцуютъ, дружки-же берутъ тунгу вина и другіе предметы. Потомъ идутъ въ другому, третьему и т. д. родственникамъ. Вездѣ пьютъ, ѣдятъ и веселятся. Жениху даютъ подарки, музыкантамъ — „шабашъ“, а дружки собираютъ чай, сахаръ, вино и сладости. Послѣ всего этого приходятъ въ домъ жениха. Тутъ всѣ женщины и мужчины танцуютъ по одиночѣ. Даютъ знать родителямъ невѣсти, чтобы они приготовились; такъ какъ идутъ

вѣнчать; у невѣсты тоже готовятъ закуску, убираютъ комнаты. Приходитъ раввинъ съ 10 мужчинами вѣнчать молодыхъ и составить списокъ приданого невѣсты. Раввину и всѣмъ присутствующимъ даютъ закуску и напитки. Послѣ ѣды начинается составленіе списка приданого. При составленіи списка со стороны жениха присутствуетъ его повѣренный. Всѣ вещи выносятъ въ ту комнату, гдѣ присутствуютъ эти лица и, по осмотру, каждый предметъ записывается. Въ числѣ приданого даютъ слѣдующіе предметы: постель, самоваръ, дорогія занавѣски; хорошую ширму, коверъ, паласъ, мѣдную посуду (котелъ, блюдо, тазъ, мѣдный кувшинъ и проч.), тѣанъ (мѣдный тазъ для стирки бѣлья) цѣною въ 12 р., маженикъ (большое, мѣдное блюдо)—въ 5 руб., сундукъ, серебряный поясъ и разныя украшенія; буйволицу, корову. Всѣ названые предметы вносятъ въ вѣнчальную бумагу, тазъ какъ женихъ при разводѣ всѣ эти вещи возвращаетъ. Повѣренный жениха долженъ заплатить 1 р. раввину и 1 р. старшинѣ, а родители невѣсты даютъ 20 коп. въ пользу Іерусалима и 20 коп. служителю синагоги. Даютъ знать жениху, что пора прѣхать. Женихъ съ друзьями, родственниками, въ сопровожденіи зурны, идутъ къ невѣстѣ. При входѣ ихъ во дворъ, мать невѣсты бросаетъ по двору крупу. Всѣ родственницы жениха идутъ въ комнату невѣсты. Гости приходятъ съ восковыми свѣчами. Женихъ цѣлуетъ руку раввина и другихъ лицъ; въ знакъ скромности закрываетъ ротъ носовымъ платкомъ и сидитъ на указанномъ ему мѣстѣ. Черезъ нѣкоторое время жениха зовутъ въ комнату, и ставятъ рядомъ съ невѣстою; если невѣста имѣетъ родителей, то женихъ долженъ пасть къ ихъ ногамъ и поцѣловать ихъ стопы. Приносятъ мѣдное блюдо и собираютъ деньги для жениха и невѣсты. Выводятъ всѣхъ во дворъ. Входитъ раввинъ, приглашаетъ 10 человекъ родственниковъ жениха и невѣсты, безъ коихъ нельзя совершить требы и богослуженія. Жениха

и невесту ставятъ вмѣстѣ около стѣны; раввинъ и десять чело­вѣкъ становятся кружкомъ подъ балдахиномъ „нало“ и совершается вѣнчаніе. Раввинъ подноситъ стаканъ ви­на жениху и стаканъ вина невестѣ, потомъ самъ беретъ ста­канъ вина, благославляетъ, пьетъ половину, а другую даетъ 10-ти мужчинамъ; послѣ этого женихъ передаетъ невестѣ кольцо или деньги (это второе обрученіе), при чемъ раввины разбиваютъ стаканъ въ дребезги; куски сейчасъ же собираютъ, чтобы враги не заколдовали. Во время совершенія обряда вѣнчанія мать невесты дѣлаетъ на шнуры узлы, чтобы не заколдовали, т. е. не связали: женихъ не можетъ имѣть сношенія съ не­вестою, если горю не помочь, то можетъ женихъ умереть (лопнуть). Подъ конецъ раввинъ даетъ жениху и невестѣ вино, и стаканъ разбиваетъ; затѣмъ читаетъ вѣнчальную бумагу, гдѣ наложены всѣ обязанности мужа, отдаетъ эту бумагу жениху, а женихъ невестѣ, — невеста должна хранить ее при себѣ. Этимъ и кончается вѣнчаніе. Выходятъ во дворъ, сажаютъ невесту на лошадь, (если она маленькая, то съ нею садится и ея братъ). Процессія двигается обратно въ жениху. Мать жениха выхо­дитъ на встрѣчу и бросаетъ крупу. Невѣста не сходитъ съ лошади, пока всѣ гости не протанцуютъ и не дадутъ „ша­баш“. Братъ невесты тоже не позволяетъ ей слѣзть, пока ему не заплатятъ одѣ одного до 5 руб. Сойдя съ лошади, невеста тоже танцуетъ; потомъ вводятъ жениха и невесту въ комнату; косяки дверей мажутъ медомъ; невеста и женихъ должны рукой коснуться ихъ (если невеста маленькая, то ее поднимаютъ на руки). Женихъ и невеста становятся у стѣны, приносятъ блюдо и тазу вина, и тутъ тоже собираютъ де­ньги. Въ среду же день (въ пятницу) объявляютъ всѣмъ гостямъ, чтобы въ субботу пришли на „дарацда“; для этого дня гости варятъ бурду, готовятъ сладкое печеніе и т. п., и прино­сятъ жениху. Собираются всѣ гости, приходитъ раввинъ. Всѣ мужчины и женщины садятся въ одной большой комнатѣ,

(женщины отдѣлены ширмою). Начинаютъ обѣдать. Въ женской половинѣ подружки неvěсты поютъ пѣсни, увеселяютъ неvěсту и гостей, а въ мужской половинѣ раввинъ говоритъ наставленіе, поетъ духовныя пѣсни, а за нимъ дружки начинаютъ пѣть и играть въ бубны, веселятся и сидятъ долго; тутъ на блюдахъ собираютъ всевозможныя закуски и отправляютъ родителямъ неvěсты. Дружки просятъ у матери и отца и у брата жениха «табаѳ»: если не даютъ, то ихъ вѣшаютъ за ноги. Вечеромъ собираются гости и благословляютъ жениха и неvěсту. Въ понедѣльникъ вечеромъ опять гости и дружки собираются у жениха, приносятъ пловъ и т. п. У родителей неvěсты тоже варятъ большой котелъ плову и приготавливаютъ другія кушанья. Во время ужина родители неvěсты посылаютъ четырехъ мужчинъ, кои приносятъ жениху пловъ и другія кушанья. Все это кладутъ передъ гостями; они берутъ себѣ немного, а остальное оставляютъ для жениха и неvěсты. Веселятся до поздней ночи, и расходятся по домамъ.

Если неvěста окажется цѣломудренною, то родители ея варятъ хашилъ съ медомъ и приглашаютъ свою дочь. Кромѣ свадьбы, на другихъ торжествахъ и угощеніяхъ евреи не поютъ, не играютъ и не танцуютъ, такъ какъ присутствуютъ раввины, а при нихъ евреи ведутъ себя скромно.

Беременная женщина не остается одна въ темной комнатѣ, не ходитъ по воду.

Во время родовъ женщину сажаютъ на липовую доску, приходятъ сосѣдки, родственницы. При трудныхъ родахъ играютъ въ рожокъ, стрѣляютъ изъ ружья и т. п. Если рождается мальчикъ, отецъ открываетъ кувшинъ вина, знакомые поздравляютъ отца и пируютъ. На третій день кладутъ родившагося въ колыбель. — Въ комнату, гдѣ новорожденный и мать его, входитъ никому нельзя; вбивать гвоздь, цѣлый мѣсяцъ письма писать нельзя... На 7-ой день купаютъ, а на 9-й приглашаютъ родныхъ и знакомыхъ, — совершается обрѣзаніе.

Женщины приносят по бутылкѣ воды и фрукты. Выбирается кумъ: кто больше заплатитъ, тотъ и кумъ.

Болезни. Смерть. Похороны. Когда заболѣтъ кто тифомъ (начали), то кромѣ воды и навару крупы, ничего болѣе ему не даютъ, пока не вспотѣетъ; на восьмой день долженъ пойти холодный потъ, а если не вспотѣетъ, то значитъ болѣзнь осложнилась. Противъ тифа лѣкарствъ не употребляютъ. Если больной начинаетъ поправляться, то ему даютъ куриный бульонъ.

При болѣзни кара сазулцама (сильная или черная простуда) больному пускаютъ кровь, а если опоздаютъ, пропустятъ время, то сильно натираютъ масломъ, даютъ ледъ, снѣгъ, арбузъ, груши сочныя, пока не вспотѣетъ. На 3, 7, 21 день больной умираетъ, если болѣзнь неизлѣчима.

При чахоткѣ (сіл) соблюдаютъ діету, крупы не ѣдятъ, вина не пьютъ, фруктовъ не ѣдятъ. Больной ѣстъ вечеромъ и утромъ по одному раку, который считается лучшимъ средствомъ противъ чахотки; холодной воды не пьютъ. Пьютъ чай изъ розъ и фіалки; съ женщиною не долженъ имѣть сношеній. При этой болѣзни приглашаютъ знахарей, которые даютъ больному разныя пилюли.

Яраганъ: человекъ болѣетъ, истощается, желтѣетъ и умираетъ. Рѣдкіе выходятъ изъ этой болѣзни и только при строгомъ соблюденіи діеты; больной не долженъ имѣть сношенія съ женою въ продолженіи трехъ лѣтъ.

При бозаръм'ѣ (дифтеритѣ) пускаютъ кровь изъ затылка и ушей. Кровь отъ гребешка пѣтуха даютъ пить больному; даютъ пить его же мочу. Внутреннія пленки разрываютъ пальцемъ; прикладываютъ кислый гранатъ или же махорку, намоченную въ мочѣ или въ желтомъ калѣ вурлицы.

При оѳурмѣ (коклюшѣ) даютъ парное молоко; въ маслѣ жарятъ леденецъ и даютъ по ложкѣ утромъ и вечеромъ. Курдючнымъ масломъ и ватою обтираютъ грудь. Масло и желтокъ яйца смѣшиваютъ и кладутъ на голову больному.

Жаба (цала). Опухаетъ сильно горло; кладутъ на опухоль мѣшочекъ съ пескомъ, или курицу, пенка, кошку; раздѣленную пополамъ. Пускаютъ кровь; ставятъ банку (горшокъ глиняный съ толстымъ фитилемъ).

При оспѣ (овла) и кори (сѣвруча) соблюдается строгая діета; кормятъ кашмишомъ, въ который кладутъ вошь, — это считается хорошимъ средствомъ. Въ комнату больного никого не пускаютъ; мужъ и жена не могутъ вѣдѣть лечь. Въ этой комнатѣ ничего нельзя трогать, ни сундука открыть, а то можетъ больной умереть. Его кормятъ наваромъ зреры. Вблизи нельзя стрѣлять.

При ревматизмѣ (вар) бьютъ больной членъ крапивою до красна, а потомъ крапиву варятъ и кладутъ на больное мѣсто. Берутъ больного на минеральныя воды; соблюдаютъ діету; знахари даютъ разныя масла, чѣмъ мажутъ больной членъ. Противъ ревматизма употребляется особое средство, называемое „сила“. Собираютъ лѣтомъ всевозможныя полевые цвѣты и ихъ корни, варятъ ихъ въ нѣсколькихъ большихъ котлахъ, наполненныхъ водою; копаютъ за два дня до этого во дворѣ яму (за неизвѣнемъ ванны) и наполняютъ ее водою, потомъ берутъ часть сваренныхъ цвѣтовъ и выстилаютъ дно ямы, затѣмъ опорожняютъ въ нее нѣсколько котловъ; больной садится по горло въ воду; все тѣло его обкладываютъ сваренными цвѣтами; сверху больного закрываютъ одѣяломъ, чтобы не ушелъ; больной сидитъ тутъ въ ямѣ, пока сильно не вспотеетъ; это повторяютъ нѣсколько разъ и больной выплывається. Это средство правится и противъ безплодія женщинъ. Противъ ревматизма еще другое средство: собираютъ кости всевозможныхъ животныхъ, которыя валяются на улицѣ и въ садахъ; кладутъ въ котель, наполняютъ водою, закрываютъ котель мѣднымъ блюдомъ, замазываютъ края толстымъ слоемъ глины, оставляя два отверстія, кладутъ на огонь и кипятятъ цѣлый день. Потомъ больного

укладываютъ подь одѣяло и котель ставятъ подь одѣяло и постепенно открываютъ крышу: царь выходитъ и сильно грѣетъ члены больного.

Лихорадочныхъ (дѣв) обводятъ кругомъ села, проводятъ черезъ дупло дерева три раза или пробиваютъ въ скалѣ отверстие и лихорадочнаго проводятъ три раза.— Несутъ въ равнину вату; равнинъ читаетъ молитву, дѣлаетъ изъ ваты четки, читаетъ опять молитву, дѣлаетъ узлы и привязываетъ къ рукѣ, тѣмъ и прекращаетъ лихорадку.— Если лихорадочный страдаетъ долго, то хозяева больного сердятся на сосѣдей, что они не лѣчатъ ихъ больного отъ лихорадки. Сосѣдь долженъ сварить хорошее кушанье и принести больному. Подходи къ больному сзади, неожиданно толкаетъ его и ставитъ передъ нимъ пищу, говоря: „я вылѣчилъ тебя отъ лихорадки“. Цѣль всего—испугать больного.— Обращаются къ именитымъ раввинамъ, моламъ и чародѣямъ, которые на узкой бумажной лентѣ пишутъ молитвы, называемыя „цабу“. Эти молитвы, смотря по содержанію, или сжигаютъ или пришиваютъ къ платью, или опускаютъ въ воду, которую пьетъ больной, или же зарываютъ въ землю, подь мориду, въ комнату, въ развалинахъ и т. д. Въ айранѣ смѣшиваютъ соль, грѣютъ его щемного и въ немъ купаються нѣсколько разъ. Въ холодной водѣ купаються утромъ и вечеромъ; при этомъ, когда больной ложится въ воду, то на спину его кладутъ камень, и онъ такъ лежитъ нѣкоторое время. Ставятъ банку и кровь пускаютъ.

Зарді (желтуха): при этомъ ѣдятъ кислоту, укусуъ, нюютъ айранъ. Жирнаго не ѣдятъ; желчь животныхъ глотають.

Вурмя—при этой болѣзни у больного на тѣлѣ являються свищики; говорятъ дѣволъ ударилъ его. Такого больного лѣчатъ молитвами и чарами.

Гузма (припадки) бывають отъ разныхъ причинъ: или отъ испуга, или отъ трудныхъ болѣзней, или отъ нечисто-

плотности, ибо діаволь любитъ нечистоплотность и вселяется въ немъ, или по наслѣдству переходитъ изъ рода въ родъ. Причина припадковъ діаволь. Лѣчатъ молитвами, чарами. Черепъ черной собаки толкутъ въ порошокъ, смѣшиваютъ съ собачьей мочою, съ медомъ и даютъ больному; приглашаютъ раввина, онъ читаетъ молитву.

Сумасшедшаго лѣчатъ зурною: зурна играетъ и его водятъ по селенію, ведутъ въ красивую, гдѣ, по ихъ мнѣнію, живутъ бѣсы, мажутъ лицо краскою и онъ танцуетъ. Больного лѣчатъ чарами и молитвою, ибо больныхъ схватываетъ бѣсъ.

Рожу (яман) — прижигаютъ раскаленнымъ желѣзомъ, или же на больное мѣсто кладутъ щенка. Знахари употребляютъ разные лѣкарства.

При геморее (бабасіа) вина не пьютъ; крупы не ѣдятъ; рѣжутъ кишку, кровь пускаютъ въ три мѣсяца разъ, пиявки ставятъ. Красный кирпичъ раскаляютъ, обливаютъ его нефтью, и надъ этимъ дымомъ сидитъ больной.

За больнымъ ухаживаютъ женщины; посѣщаютъ всѣ знакомые и родственники; равнины тоже часто ходятъ и читаютъ молитвы. Если больной почетное лицо, то его посѣщаетъ все общество. Для больного приглашаютъ знахарей. Болѣзни часто приписываютъ испугу. Если больной испуганъ покойникомъ, то идетъ на кладбище, снимаетъ плиту надъ могилою и поворачиваетъ ее, а если живымъ человекомъ, то больному даютъ пить воду, въ которой обмыта была рука этого человека; моютъ ногу и руку больного и эту воду выливаютъ на то мѣсто, гдѣ больной испугался. Если больной испуганъ животнымъ, то моютъ лицо больного, водою обмываютъ, а животное пьеть. Если былъ испуганъ собакой, то ея шерсть нужно сжечь подъ больнымъ. При смерти когонибудь, родственники его рѣжутъ свои рукава до локтя, мажутъ лицо черною краскою, стѣны покрываютъ черною краскою, отрѣ-

зываютъ косы, истязаютъ себя, царапаютъ лицо, руки, бьютъ подъ грудь и т. п. Плакальщицы садятся вокругъ покойника: одна—запѣвало—начинаетъ восхвалять покойника, а другіе вторять ей, вспоминаютъ и своихъ покойниковъ. Тѣло покойника кладутъ на голой землѣ, а постель выносятъ на рѣку; хоронятъ въ день смерти. Когда выносятъ покойника, всѣ плачутъ. Во дворъ выносятъ тѣло омыть. Здѣсь устраивается палатка надъ выкопаной ямой; поверхъ ямы кладутъ доску, на доску кладутъ трупъ и ставятъ семь кувшиновъ съ нагрѣтою водою. Воду грѣютъ служители синагоги. Мужчину обмываютъ служители синагоги, а женщину—обыкновенныя женщины. Семь кувшиновъ воды ставятъ для того, чтобы каждую часть тѣла мыть изъ отдѣльнаго кувшина. Доска, на которой моютъ трупъ, и носилки илѣются въ синагогѣ и приносятся оттуда. Обмывъ покойника, вытираютъ его чистою простынею, кладутъ на коверъ, окутываютъ въ саванъ, одѣваютъ покойника въ костюмъ изъ чистаго полотна; затѣмъ кладутъ на носилки, всѣ приходятъ и плачутъ. Родственники покойника приносятъ разныя матеріи въ пользу раввина; всѣ грамотные и раввинъ читаютъ «плачъ Іереміи». Если умершій почетный или уважаемый человѣкъ или раввинъ, то его несутъ во дворъ синагоги, читаютъ молитвы, играютъ въ рожокъ «шурфар», затѣмъ несутъ на кладбище, кладутъ около вырытой могилы; всѣ мужчины становятся вокругъ трупа и читаютъ молитву «агафа». Шелковую матерію, которая лежала на трупѣ, служитель беретъ и отдаетъ раввину. Могильщики опускаютъ покойника въ могилу, сверху кладутъ доску, и засыпаютъ землю, потомъ раввинъ читаетъ молитву; все общество выражаетъ хозяину соболѣзнованіе. Затѣмъ всѣ идутъ въ рѣкѣ, моютъ руки, рвутъ траву, а раввинъ читаетъ молитву, въ которой говорится, что жизнь человѣка походить на траву, которая роскошно растетъ на лугу, украшаетъ міръ, а потомъ высыхаетъ,—тоже случается съ

человѣкомъ. Послѣ этого идутъ въ синагогу, гдѣ служителями готовятъ воду и даютъ умыться. Тутъ тѣ, которые не были на кладбищѣ, читаютъ молитву, выражаютъ хозяину соболезнованіе и цѣлуютъ его руку. Затѣмъ всѣ приходятъ во дворъ покойника, ѣдятъ. Пища должна быть не домашняя, еѣ приносятъ родственники и знакомые. Хозяйка въ этотъ день ѣдятъ яйца въ сметку и вмѣсто соли употребляютъ воду. Въ продолженіе семи дней женщины по утрамъ приходятъ съ пищею, плачутъ, ѣдятъ, а мужчины особо читаютъ молитву и тоже ѣдятъ. Въ эти семь дней раввинъ и всѣ грамотные приходятъ ежедневно въ домъ покойника два раза и читаютъ молитву, за это хозяинъ имъ платитъ. У богатыхъ раввинъ два раза въ день совершаетъ богослуженіе. Вечеромъ на седьмой день раввинъ приходитъ въ домъ покойника, читаетъ молитву заупокойную за всѣхъ умершихъ въ ихъ семьѣ и за здравную—за всѣхъ живыхъ. Въ эти семь дней хозяинъ сидитъ на коврѣ, а не на тюфякѣ, опустивъ шапку на голову до бровей, не долженъ много говорить, здороваться съ кѣмъ либо, не долженъ работать. Къ вѣщѣ женщины семьи умершаго не касаются; выходить на улицу не могутъ; во дворъ должны ходить босыми. Съ кладбища послѣ похоронъ и хозяинъ идетъ домой босымъ. На тридцатій день справляютъ поминки; зовутъ до 50 лицъ, даютъ имъ пищу; раввинъ читаетъ молитву. До 30 дня никто не можетъ перемѣнять бѣлья, мыть тѣла. На тридцатій день мѣняютъ бѣлье и купаются. Если умершій имѣлъ родителей, то послѣдніе цѣлый годъ не должны одѣваться въ новый костюмъ. Въ годовщину постятся, а потомъ справляютъ поминки. Для покойниковъ покупаютъ молитву. Кто желаетъ, даетъ раввину деньги, и раввинъ цѣлый годъ поминаетъ покойника. За похороны платятъ 20 коп., а за семь молитвъ 70 коп.

Р а и а д ѣ. Душу отнимаетъ «назреи». Когда трупъ хоронятъ, то слышатъ плачь, рыданіе, молитву. Если трупъ

тяжелъ, то говорятъ, что на немъ собрались злые духи, которыхъ онъ приобрѣлъ при жизни. Ангелъ смерти, отнимая душу, передаетъ старшему ангелу «дума», который находится все время на кладбищѣ. Душа человѣка семь дней ходитъ по кладбищу въ траурѣ; иногда приходитъ домой. Въ эти семь дней ее въ могилѣ ежедневно заставляютъ стоять, бьютъ огненными плетьюми, спрашиваютъ ея имя, но она (душа) не помнитъ своего имени. Праведниковъ не бьютъ. Ангелъ «дума» съ кладбища передаетъ душу человѣка, если грѣшникъ, ангелу — старшинѣ надъ дѣволами, который ведетъ душу по темнымъ мѣстамъ въ адъ; по дорогѣ находятся злые духи съ собачьей головою и цѣпью, они передаютъ душу правителю ада. Въ аду есть много наказаній, тысяча темныхъ комнатъ и т. и. Сообразно грѣхамъ душу помѣщаютъ въ подобающемъ ей мѣстѣ. Праведника во время похоронъ на кладбище провожаютъ ангелы съ пѣніемъ. «Дума» передаетъ хорошимъ и добрымъ ангеламъ, и тѣ съ пѣніемъ провожаютъ душу на небо. Ея добрая дѣла свѣтять передъ нею, и она идетъ по свѣтлымъ мѣстамъ. Ее берутъ въ Богъ. Если за нею совершенно не окажется грѣховъ, начиная съ дѣтства, то ее отправляютъ въ верхній рай, гдѣ присутствуетъ самъ Богъ; тамъ есть много кроватей, на которыхъ сидятъ праведники. Они живутъ благодатью Божьею; свѣтъ Божій сияетъ, и всѣ получаютъ высшее блаженство. А если окажется маленький грѣхъ, то душу отправляютъ, на нѣкоторое время, въ адъ для очищенія, а послѣ этого отправляютъ въ нижній рай, гдѣ есть кровати драгоцѣнныя и изъ простыхъ камней и металловъ. Эти кровати даются по достоинству. Тутъ предъ людьми есть деревья съ прекрасными, чудными плодами, ароматъ отъ которыхъ далеко распространяется; этимъ ароматомъ и живутъ жители рая. Передъ ними находятся восковыя свѣчи и книги, которыя они все время читаютъ. Говорятъ, душа многихъ грѣшниковъ не идетъ въ адъ, а блуждаетъ подъ сводомъ неба.

Ребенокъ въ утробѣ своей матери знаетъ все содержаніе священныхъ книгъ, но когда онъ рождается, то ангелъ даетъ пощечину, и онъ все забываетъ.

Исполненіе субботняго дня: При закатѣ солнца въ пятницу служитель синагоги (миджауръ) даетъ знать всѣмъ дѣтямъ Израиля, что суббота наступила. Въ это время зажигаютъ лампу; послѣ наступленія субботы нельзя трогать огня; пищу для субботы варятъ пораньше. Въ субботу положительно ничего не дѣлаютъ и ни въ чему не касаются, исключая только посуды съ пищею. Если дома случится пожаръ, даже загорится на еврей одежду, онъ не можетъ тушить, а долженъ позвать на помощь христіанина или магометанина тушить пожаръ. По субботамъ у евреевъ разводятъ огонь, зажигаютъ лампу лезгинъ. Каждый лезгинъ имѣетъ 30—40 домовъ, которые платятъ ему по одному хлѣбу за субботу. Въ синагогахъ по субботамъ зимою не топятъ. Въ субботу нельзя братья за бороду, такъ какъ можно выдернуть волосъ, а это работа. Въ субботу на зеленомъ мѣстѣ (на травѣ) не моютъ рукъ и не льютъ воды, ибо это есть поливка, т. е. работа. На снѣгу нельзя совершать отправленій, лить воду, ибо отъ этого снѣгъ таетъ, а это есть работа. Въ субботу нельзя за селеніе дальше 100 шаговъ выйти, нельзя носить воды, пищи другъ къ другу. Въ этотъ день пищу ѣдятъ холодною, — нельзя разогревать. Плоды, собранные въ субботу не евреями, не ѣдятъ. Если ночью лампа потухнетъ, то зажигаютъ лезгинъ, но при этомъ лезгину нельзя сказать, гдѣ спички; когда лезгинъ топить каминъ, ему не указываютъ, гдѣ дрова, сколько ихъ положить; лезгинъ молча исполняетъ свою обязанность и уходитъ. Если въ субботу одежда промокнетъ, то нельзя снять ее и высушить. Въ субботу ѣхать нельзя, нельзя отдать лошади на прокатъ; въ этотъ день и животныя должны отдыхать.

Суевѣрія и повѣрія. Кипятковъ нельзя выливать: онъ оболетъ мать діаволовъ, которая можетъ истребить всѣхъ;

вицятко съ смѣшиваютъ съ холодною водою, а потомъ выливаютъ.— Евреи вѣрятъ въ глаза. Нѣкоторые пользуются плохою репутаціею въ этомъ отношеніи. Если, отправляясь по дѣлу, еврей встрѣтитъ такого человѣка,—онъ непременно возвратится назадъ. Если животное заболѣетъ, то говорятъ, что его сглазили: нужно достать тряпку одежды того человѣка, смочить и окурить животное.—Если по дорогѣ встрѣтитъ пустой кувшинъ, будетъ неудача.—Если при совѣщаніи кто вѣдучь чхнетъ, то значить будетъ неудача, и все откладывается и т. п.

Преданія, легенды и сказки.

О мудромъ царѣ Соломонѣ, сынѣ Давида а. 1. Однажды три еврея купца отправились въ дальній край покупать товаръ. Въ дорогѣ ихъ застала суббота: они остановились въ лѣсу, чтобы провести весь день; такъ какъ въ день субботній нельзя имѣть при себѣ денегъ, то купцы рѣшили зарыть деньги въ землю подъ кустомъ. Какъ задумали, такъ и сдѣлали. На другой день вечеромъ, по исходѣ субботы, всѣ трое идутъ достать зарытыя деньги, но не находятъ ихъ; такъ какъ, кромѣ ихъ, никою не было, то ясно, что кто нибудь изъ трехъ похитилъ деньги. Начали они обвинять другъ друга. Пошли на судъ къ царю Соломону. Онъ привалялъ имъ придти на слѣдующій день. Приходятъ. Царь Соломонъ говоритъ имъ: «я вижу, что вы почтенные люди, бывалые и умные, и вотъ я вамъ хочу предложить одинъ вопросъ; хорошенько подумайте и отгадайте. Римскій царь пишетъ мнѣ, что въ его царствѣ, въ одной деревнѣ жила одна дѣвушка. Она имѣла друга юношу изъ сосѣднаго дома. Дружба между ними была братская. Она дала обѣтъ и клялась, что по выходѣ замужъ, безъ разрѣшенія своего юнаго друга, не пуститъ своего мужа на брачное ложе. Вышла она замужъ.

въ сосѣднее село; вечеромъ передаетъ мужу свой обѣтъ и просить не беспокоить её, что завтра она поѣдетъ за разрѣшеніемъ: Мужъ повинуется. На другое утро мужъ и жена отправляются въ сосѣднее село въ лоношѣ. На дорогѣ нападаютъ на нихъ разбойники, отбираютъ золото, серебро и другія вещи. Между разбойниками былъ одинъ старикъ, который хотѣлъ изнасиловать дѣвушку. Дѣвушка обращается къ старику и говоритъ: „мой законный мужъ, который вчера женился, не хотѣлъ меня обидѣть, воздержался, такъ какъ я дала обѣтъ; неужели ты рѣшишься на гнусный поступокъ?“ Эти слова тронули старика; онъ приказалъ товарищамъ возвратить всѣ взятыя вещи, золото и серебро, и отпустить съ честью. Вотъ что мнѣ римскій царь пишетъ, говоритъ царь Соломонъ, и царь римскій просить меня, чтобы я предложилъ своимъ умнымъ людямъ, и тѣ отгадали, чей поступокъ благороднѣе: мужа, дѣвушки или старика—разбойника. Отгадайте, а я напишу отвѣтъ римскому царю“. Одинъ изъ купцовъ говоритъ: поступокъ дѣвушки, ибо женщины существа слабыя, рѣдко исполняютъ свое слово, а она исполнила; другой говоритъ: поступокъ мужа, ибо онъ воздержался и исполнилъ капризъ жены; третій говоритъ: поступокъ старика—разбойника благороднѣе всѣхъ, его поступокъ геройскій, ибо онъ не только не изнасиловалъ дѣвушку, это еще возможно,—но и возвратилъ и золото и серебро, котораго онъ въ своей жизни не видѣлъ,—это большой подвигъ. Соломонъ говоритъ: „Вотъ этотъ послѣдній и укралъ деньги, ибо онъ тутъ высказалъ свое влаторюбіе; поэтому его посадите въ тюрьму и бейте плетью“. Купецъ сознался и тутъ же возвратилъ деньги хозяевамъ и просилъ пощады у царя. Вотъ какъ мудро Соломонъ судилъ.

2. Однажды одинъ богатый еврей отправился въ какой-то городъ на ярмарку покупать товаръ. Пріѣзжаетъ въ городъ и узнаетъ, что ярмарка откроется еще черезъ нѣсколько дней.

Купецъ имѣлъ при себѣ мѣшокъ червонцевъ; боясь держать ихъ при себѣ, онъ рѣшилъ спрятать ихъ до открытія ярмарки. Городъ не знакомый, могутъ украсть, поэтому онъ вышелъ за городъ въ поле, подошелъ въ кусту, посмотрѣлъ кругомъ—ни одной души, вырылъ яму и тамъ зарылъ мѣшокъ съ червонцами. Черезъ недѣлю онъ идетъ за червонцами, но не находитъ ихъ. Онъ удивляется;—кто могъ бы украсть, сильно горюетъ, что въ чужомъ городѣ остался безъ денегъ. Идетъ купецъ къ царю Соломону съ жалобою. Царь спрашиваетъ его: «Никто не видѣлъ, когда ты зарывалъ?» Купецъ отвѣчаетъ: «Никто». Царь спрашиваетъ: «Нѣтъ-ли тамъ какойнибудь постройки, изъ которой можно видѣть?». Купецъ говоритъ, что не знаетъ этого. Царь приказываетъ пойти и хорошенько посмотреть. Купецъ идетъ въ поле, смотритъ кругомъ и видитъ, что на довольно большомъ разстояніи есть одна постройка, а въ ней со стороны поля отверстіе, черезъ которое можно видѣть все, что дѣлается на полѣ. Купецъ приходитъ къ царю Соломону и рассказываетъ все видѣнное. Царь говоритъ купцу: «Иди въ хозяйну этой постройки и скажи ему, что ты пріѣзжій купецъ и имѣешь тутъ большія коммерческія дѣла, но такъ какъ ты на чужбинѣ и не имѣешь знакомыхъ, а о немъ слышалъ, что онъ честный человекъ, то и пришелъ къ нему за такимъ совѣтомъ: у тебя же есть два мѣшка червонцевъ (и боишься, чтобы ихъ не украли: меньшій мѣшокъ зарылъ-де въ землю, а съ большими не зная какъ быть: тамъ ли зарыть или ему отдать; какъ честному человеку). Если онъ скажетъ, что и этотъ мѣшокъ зарой съ первымъ, значитъ онъ уиравъ». Купецъ отправляется и застаётъ хозяина дома, рассказываетъ все подробно; какъ царь велѣлъ; хозяинъ говоритъ: «Нѣтъ, и мнѣ не довѣряй; теперь слѣтъ плохой, —лучше будетъ, если и этотъ мѣшокъ зароешь тамъ, гдѣ зарылъ первый». Купецъ поблагодарилъ за совѣтъ и ушелъ. Идетъ въ поле, зарываетъ

на краю его за вустомъ и ожидаетъ, принесетъ ли хозяинъ постройки обратно мѣшокъ съ червонцами. Черезъ нѣкоторое время хозяинъ, дѣйствительно, приноситъ мѣшокъ и зарываетъ, надѣясь, что купецъ зароетъ и другой большій мѣшокъ, и тогда онъ завладѣетъ двумя мѣшками. Пошелъ домой и черезъ отверстіе слѣдить, когда купецъ принесетъ второй мѣшокъ и зароетъ. Купецъ достаетъ изъ ямы мѣшокъ и съ великою радостью, восхваляя Бога, что Онъ далъ имъ такого великаго царя, уходитъ въ городъ.

3. Премудрый Соломонъ, царь израильскій, говоритъ, что злая женщина хуже, чѣмъ ангелъ смерти (а у израильтянъ этотъ ангелъ считается хуже сатаны). Одинъ человѣкъ имѣлъ жену злую презлую, настоящую фурію. Что мужъ ни прикажетъ, она совсѣмъ другое сдѣлаетъ: онъ проситъ воды, а она разбиваетъ кувшинъ съ водою; мужъ приказываетъ сварить пищу, она кладетъ верхъ дномъ котелъ на огнѣ и сверху льетъ воду, огонь потухаетъ; кромѣ того, она бьетъ мужа и т. п.; доводитъ мужа до того, что ему опротивѣло жить. Черезъ нѣкоторое время мужъ, совершенно измученный женою, умираетъ. Ангелы его душу представляютъ предъ Божьимъ судомъ, отерываютъ книгу, куда записаны поступки людей; взвѣшиваютъ поступки его и находятъ, что онъ грѣшенъ, поэтому онъ долженъ идти въ адъ, но Богъ говоритъ, что хотя онъ имѣетъ на собою грѣхи, но онъ долженъ пойти въ рай, такъ какъ его грѣхи ничто въ сравненіи съ его геройскимъ терпѣніемъ и мученической жизнью, безропотнымъ перенесеніемъ дѣяній жены. Тогда ангелъ смерти говоритъ: „Развѣ эта женщина алѣе меня, хуже меня мучить? Вѣдь я тоже, когда отнимаю душу людей, мучу ихъ страшно, значить всѣ люди должны въ рай пойти?“—Тогда Богъ говоритъ: „Она алѣе тебя во много разъ, и чтобы ты самъ въ этомъ убѣдился, Я тебѣ разрѣшаю принять образъ человѣчскій и жить съ нею одинъ мѣсяцъ“. Ангелъ смерти принима-

еть на себя образъ челоѣка, одѣвается въ богатое платье, ѣдетъ въ экипажѣ, овруженный проводниками. Лишь его сіяль, какъ солнце. До жителей города доходить слухъ, что въ немъ ѣдетъ какой-то знатный челоѣкъ. Всѣ горожане, передовыя лица выходятъ на встрѣчу ему, ибо дѣти Израиля всегда съ уваженіемъ относились къ прѣзжающимъ гостямъ. Съ подобающими почестями приняли его и помѣстили у самаго уважаемаго и почетнаго челоѣка въ городѣ. Домохозяинъ пригласилъ всѣхъ властей и знатныхъ въ городѣ и устроилъ большое угощеніе, чтобы гостю не было скучно. Всѣ убѣдились, что гость ученый челоѣкъ, такъ какъ на всѣ ихъ вопросы отвѣтами поражаъ всѣхъ. Всѣ горожане просили его, чтобы онъ навсегда остался жить у нихъ; если онъ пожелаетъ жениться, то дадутъ любую дѣвушку. Онъ изъявилъ согласіе. Черезъ нѣкоторое время домохозяинъ говоритъ ему: „вотъ ты живешь здѣсь нѣкоторое время и познакомился съ хорошими семействами, теперь говори: на комъ хочешь жениться?“ Ангелъ говоритъ: „Если ты по отношенію ко мнѣ такъ доброжелателенъ, то я открою тебѣ свое сердце: я желаю жениться на той женщинѣ, мужъ которой недавно скончался“. Домохозяинъ былъ пораженъ и удивленъ этими словами и началъ просить и умолять его, чтобы онъ на этой женщинѣ не женился, не провозносилъ бы даже ея имени: своею злостью она всѣмъ надѣла, убила своего мужа, ее всѣ избѣгаютъ, избѣгаеть ее и онъ самъ, хотя она близкая ему родственница. Ангелъ смерти говоритъ: „Это ничего; я сумѣю ее подчинить себѣ; она у меня поумнѣетъ и будетъ смиренною“. Домохозяинъ отвѣчаетъ: „Въ городѣ есть много хорошихъ, благородныхъ дѣвицъ и неужели ни одна изъ нихъ не нравится тебѣ? Тебѣ, золотому челоѣку, не подобаеть жениться на такой недостойной женщинѣ“. Ангелъ отвѣтилъ, что онъ желаетъ жениться только на ней и больше ни на комъ. Домохозяинъ не возражалъ больше. Когда слухъ распространился, что умный и ученый

человѣкъ жалеетъ жениться на этой злой женщинѣ, то всѣ сожалѣли о немъ, а знатные люди перестали къ нему ходить и старались избѣгать его. Спусти нѣкоторое время, ангелъ смерти женился на этой женщинѣ, перешелъ къ ней; устроили свадьбу, собралось много народу; повеселились и къ вечеру разошлись по домамъ. Остается ангелъ смерти и эта женщина. Она убираетъ комнату, какъ слѣдуетъ, приготовляетъ брачное ложе изъ дорогихъ матерій, и съ нетерпѣніемъ ждетъ мужа, но тотъ, какъ ангелъ, не можетъ исполнять обязанностей мужа, поэтому опустилъ голову и сидитъ. Жена долго ждала его, но не дождавшись, пошла сама и позвала мужа, но ангелъ ни слова не говоритъ и не идетъ. На другую ночь повторилось тоже самое. На третью ночь она взяла большую палку и начала бить ангела, приговаривая: „зачѣмъ женился, если не знаешь своей обязанности? ты меня за ребенка принимаешь“ и т. п. Съ этого времени началась адская жизнь для ангела; жена не давала ему покою, а онъ не могъ уйти отъ нея и ждалъ минуты, когда наконецъ пройдетъ мѣсяцъ. Тогда вспомнилъ ангелъ Божье слово. Съ великимъ трудомъ онъ перенесъ этотъ мѣсячный срокъ. По истеченіи мѣсяца ангелъ смерти ушелъ отъ этой женщины и долженъ былъ подняться на небо. Прежде чѣмъ подняться, ангелъ пошелъ къ своему домохозяину поблагодарить за гостепримство. Когда домохозяинъ и его семейство увидѣли ангела, очень обрадовались и поздравили его, что онъ могъ отдѣлаться отъ этой проклятой женщины. Тутъ ангелъ смерти сказалъ домохозяину и его семейству, что онъ не простой смертный, а ангелъ и подробно разсказалъ имъ, для чего пришелъ. Ангелъ лично убѣдился, что злая женщина во сто кратъ страшнѣе смерти. Затѣмъ ангелъ сказалъ домохозяину: „Ты добрый и гостепримный человѣкъ, ты меня радушно принималъ, для меня дѣлалъ большія угощенія, тратилъ деньги, хотя я ничего не ѣлъ, но показывалъ видъ, что ѣмъ, но, все

равно, эти расходы ты дѣлалъ для меня, поэтому, желая тебя вознаградить, научу тебя врачеванію: иди собери въ полѣ цвѣты и травы, сдѣлай изъ нихъ лѣкарство, и если спросятъ, для чего ты собралъ это, скажи: я врачъ, умѣю лѣчить,—тогда тебя пригласятъ въ больнымъ. Когда ты придешь къ больному, то и я буду у него. Ты меня увидишь, а другіе нѣтъ. Если я буду у ногъ больного, значитъ больной выздоровѣетъ, а если буду у головы, то значитъ онъ умретъ, тогда ты ничего не давай, а прямо объяви, что его лѣчить нельзя".

Послѣ этого ангелъ сразу исчезъ. Ангелъ смерти поднялся на небо и сталъ передъ Богомъ и началъ Его прославлять, что Онъ праведный судья, и что дѣйствительно мужъ той женщины долженъ пойти въ рай за свое геройское терпѣніе. Домохозяинъ, какъ ангелъ велѣлъ, такъ и сдѣлалъ: пошелъ въ поле, набралъ цвѣтовъ и разныхъ травъ и приготовилъ лѣкарство; когда его спрашивали, для чего онъ собираетъ травы и цвѣты, онъ отвѣчалъ, что онъ врачъ и лѣчитъ больныхъ. Этотъ слухъ разнесся по городу и его стали призывать къ больнымъ, гдѣ онъ всегда видѣлъ ангела. Если ангелъ сидѣлъ у ногъ больного, то онъ давалъ ему что-нибудь, и больной выздоравливалъ, а если ангелъ сидѣлъ у головы больного, то онъ отказывался лѣчить, говоря, что болѣзнь неизлѣчимая и больной, дѣйствительно, умиралъ. Имя его разнеслось далеко, и сталъ онъ знаменитымъ врачомъ. Къ нему приходили не только его горожане, но и изъ далекихъ странъ; но самъ онъ не ѣздилъ, потому что ангелъ смерти приказалъ, чтобы онъ внѣ своего города не ѣздилъ лѣчить, а то отниметъ его душу. Однажды къ нему приходятъ люди изъ сосѣдняго царства и говорятъ, что его слава дошла до ихъ царя, и что у царя уже семь лѣтъ боленъ сынъ, на свѣтѣ не осталось врачей—всѣхъ приглашали, но они не могли вылѣчить царскаго сына. Лѣкаръ отказывался итти, говоря, что ему нельзя выѣхать за городъ. Люди царя ушли, но царь послалъ за нимъ вто-

рично; врачъ не согласился ѣхать. Наконецъ, царь посылаетъ семь ослиныхъ вьюковъ золота врачу и приказываетъ сказать сему знаменитому человѣку: „Сынъ царя находится при смерти; царь прислалъ семь вьюковъ золота только на проѣздъ, а за труды заплатитъ особо, и проситъ поспѣшить“. Врачъ, видя несмѣтное количество золота, предпочелъ его, разсуждая такъ: если ангелъ смерти отниметъ мою душу, то по крайней мѣрѣ это золото останется моимъ дѣтямъ, и они, послѣ моей смерти, будутъ обеспечены матеріально. Золото соблазняетъ, и онъ рѣшается ѣхать. Приѣхавъ онъ къ больному и видитъ, что ангелъ смерти, его учитель, сидитъ у ногъ больного; онъ обрадовался, ибо это ясно показывало, что больной непременно выздоровѣетъ. Даетъ онъ больному лѣкарство. Черезъ два-три дня, къ его величайшему удовольствію, царскій сынъ совершенно выздоравливаетъ. Царь и его семья радуются. Устраиваетъ царь пирь, угощаетъ придворныхъ, чиновниковъ и всѣхъ своихъ подданныхъ, раздаетъ бѣднымъ много золота и серебра. Радости царя и его подданныхъ не было предѣла; врача наградили несмѣтнымъ добромъ не только царь, но и всѣ придворные. Черезъ нѣсколько времени врачъ пошелъ по городу погулять и посмотрѣть достопримѣчательности; но къ несчастію, встрѣчаетъ ангела смерти, который, обращаясь къ врачу, грозно говоритъ ему: „Развѣ я тебѣ не говорилъ, чтобы ты не выѣзжалъ изъ города? Ты не исполнилъ слова, и я отнимаю твою душу“. Врачъ былъ виноватъ, и не зналъ, что отвѣтить, но Богъ ему помогъ и далъ возможность выйти изъ такого затруднительнаго положенія. Врачъ сказалъ: „Ты имѣешь полное право отнять душу, но слушай, что я хочу сказать тебѣ: когда ты пришелъ въ нашъ городъ, то остановился у меня, и у меня же нѣкоторое время жилъ; затѣмъ ты женился на той злой женщинѣ и отъ меня ты перешелъ къ ней, опять таки обратно пришелъ ко мнѣ, а потомъ поднялся на небо. Теперь эта

женщина пристаёт ко мнѣ, день и ночь покою не даётъ, просить отдать ей мужа; вотъ я и рѣшился найти тебя. Я сюда прѣѣхалъ съ нею; ты немного обожди,—она находится тутъ недалеко,—я её приведу и отдамъ тебѣ, а затѣмъ, что хочешь то и дѣлай со мной“. Ангелъ, услыша это, страшно испугался, началъ просить врача, чтобы онъ этого не дѣлалъ, что онъ душу его не отниметъ. Сказавъ это, ангелъ смерти скрылся. Врачъ приходитъ къ царю и объявляетъ, что хочетъ итти домой. Царь даетъ ему людей, даетъ ему золото и другіе драгоценные предметы и съ большою честью отправляетъ врача домой. Врачъ торопился доѣхать скорѣй въ свой городъ, чтобы ангелъ не отнял его души... Вотъ на сколько страшна злая женщина. Соломонъ говорилъ: „Злая женщина хуже ангела смерти“. Хорошая женщина строить домъ, а злая —разоряетъ. Соломонъ говорилъ, изъ 1000 мужчинъ онъ нашелъ хоть одного разумнаго, а изъ 1000 женщинъ—ни одной.

4. Во время царствованія царя Давида жилъ одинъ богатый человекъ. Онъ построилъ въ одномъ пустынномъ мѣстѣ домъ, а при немъ и садъ завелъ. Тамъ поселился онъ со своимъ семействомъ. Онъ имѣлъ единственнаго сына, который находился въ отлученіи съ малолѣтства. У этого богатаго человека былъ служитель, котораго онъ любилъ и довѣрялъ ему все свое имущество. Но вотъ онъ умираетъ. Послѣ его смерти осталась жена, дочь и любимый служитель, который захватилъ все богатство въ свои руки и черезъ нѣкоторое время выгналъ жену и дочь своего господина, а самъ сдѣлался полнымъ хозяиномъ. Черезъ годъ послѣ смерти богатаго, сынъ его возвратился домой. Идетъ онъ въ родительскій домъ и видитъ, что дома нѣтъ никого. Встрѣчаетъ отцовскаго служителя, а онъ и спрашиваетъ: „Что тебѣ нужно?“ Сынъ богатаго отвѣчаетъ: „Я пришелъ въ отцовскій домъ, я сынъ домохозяина; скажи, гдѣ отецъ мой, моя мать

и сестра“? Служитель говоритъ: „Я самъ сынъ домохозяина; тебя знать не знаю, а остальные всѣ перемерли“. Тутъ они спорили долго,—наконецъ, служитель выгналъ изъ дому законнаго сына. Законный сынъ идетъ къ царю Давиду и жалуется. Царь спрашиваетъ: „Есть у тебя свидѣтели“? Тотъ отвѣчаетъ, что никого не имѣетъ, ибо домъ построенъ въ пустынномъ мѣстѣ. Тогда царь говоритъ: „Нельзя ничего сдѣлать. Сынъ плачетъ и умоляетъ помочь ему, а царь выговяетъ его. Видитъ это Соломонъ, зоветъ того человѣка къ себѣ и говоритъ: „иди опять, плачь и умолай царя; не бойся, пусть царь сердится, проси его, чтобы онъ твое дѣло поручилъ мнѣ рѣшить“. Сынъ идетъ вторично къ царю Давиду, плачетъ и проситъ царя выслушать его жалобу. Царь сердится и говоритъ: „Что ты присталъ, чего ты хочешь отъ меня“? Тотъ говоритъ: „Всемиловѣйшій государь, прошу мою жалобу передать вашему сыну своему Соломону“. Соломонъ зоветъ законнаго сына богача и его служителя, обращается къ служителю и спрашиваетъ, почему онъ не возвращаетъ законному наслѣднику имѣнія отца. Слуга говоритъ: „Я самъ и есть наслѣдникъ, а слуга и хочетъ лишить меня наслѣдства“. Соломонъ спрашиваетъ настоящаго сына, знаетъ-ли онъ, гдѣ отецъ его похороненъ. Сынъ отвѣчаетъ, что не знаетъ, такъ какъ онъ при смерти отца не былъ дома, а отецъ жилъ въ пустынѣ, а потому никто не знаетъ, гдѣ онъ похороненъ. Слуга самъ похоронилъ, а потому, когда царь спросилъ, знаетъ-ли онъ, гдѣ похороненъ отецъ, тотчасъ утвердительно отвѣтилъ, что знаетъ и онъ да и этотъ молодой человѣкъ знаетъ, такъ какъ онъ участвовалъ при похоронахъ въ качествѣ слуги. „Мы отца моего вдвоемъ похоронили“, сказалъ слуга. Соломонъ приказываетъ ему принести локтевую кость отца. Слуга идетъ, разрываетъ могилу, достаетъ локтевую кость и приноситъ. Приказываетъ Соломонъ собрать всѣхъ сановниковъ, придворныхъ и другихъ высшихъ лицъ, чтобы и они видѣли его рѣ-

шеніе; затѣмъ велитъ принести двѣ чашки, зоветъ врача и приказываетъ ему въ одну чашку выпускать изъ руки сына кровь, а въ другую изъ руки слуги (мнимага сына). Врачъ исполняетъ. Тогда Соломонъ говоритъ: „опустите локтевую вость богача въ ту чашку, въ которой находится кровь мнимага сына, обидчика“. Опустили и подняли. Соломонъ тогда говоритъ: „Господа, хорошенько смотрите, видите кровь во все не пристала“. Опускаютъ въ другую чашку, въ которой находится кровь сына—жалобщика, и локтевая кость обрасилась кровью. Соломонъ говоритъ: „Вотъ это и есть законный сынъ и владѣтель имѣнія, прямой наслѣдникъ, а тотъ чужой, потому его кровь и не пристала къ кости“. Соломонъ приказываетъ посадить и наказать слугу, какъ слѣдуетъ. Слуга тотчасъ падаетъ на колѣни, сознается въ своей винѣ и говоритъ: „Мать и сестра законнаго сына не умерли, а находятся тамъ-то, я ихъ высналъ“. При этомъ проситъ пощады, ибо чистосердечно сознается въ своей винѣ. Соломонъ приказываетъ наслѣднику найти свою мать и сестру и владѣть наслѣдствомъ отца, а слугу прощаетъ. Царь, его совѣтники и всѣ знатные люди удивляются такому мудрому рѣшенію. Царь Давидъ передаетъ бразды управленія сыну своему Соломону.

5. Царю Соломону повиновались всѣ земные существа. Однажды царь сатаны Ашмадай пришелъ къ Соломону и говоритъ: «Хочешь, я тебѣ такую вещь покажу, какой ты нигдѣ не видывалъ?» Соломонъ говоритъ: «Покажи». Ашмадай тотчасъ изъ земли достаетъ двуглаваго человѣка. Царь, при видѣ его, страшится, становится ему непріятно. Соломонъ приказываетъ Ашмадаю удалиться. Затѣмъ зоветъ своихъ сановниковъ, показываетъ имъ, и спрашиваетъ двуглаваго человѣка, гдѣ онъ живетъ, и что есть подъ землею; онъ говоритъ, что живетъ подъ землею, что небо состоитъ изъ семи сводовъ, такъ и подъ землею семь подземныхъ царствъ, одно надъ

другимъ. Царь спрашиваетъ, чего онъ желаетъ; тотъ стѣчаетъ и проситъ отправить его въ подземный мѣръ. Соломонъ приказываетъ Ашмадаю отправить двухглаваго человѣка въ подземный мѣръ. Ашмадай говоритъ, что больше его нельзя взять обратно, онъ долженъ здѣсь остаться. Женили его и у него родился одинъ сынъ двухглавый, а шесть подобно намъ. Этотъ двухглавый человѣкъ дожилъ до глубокой старости, нажилъ большія богатства. По смерти его сыновья рѣшили раздѣлить отцовское богатство. Двухглавый сынъ говоритъ: «насъ двое, поэтому мы должны получить двѣ части»; а остальные сыновья говорятъ: «нѣтъ, ты одинъ и получишь только одну долю». Долго они спорили, и пошли къ царю Соломону. Царь затруднился рѣшить этотъ споръ и приказалъ придти на другой день. Вечеромъ Соломонъ молился Богу и говорилъ: «Господи Боже, Богъ Авраама, Исаака и Иакова, я не просилъ у тебя ни богатствъ, ни другихъ земныхъ благъ, только просилъ мудрости, чтобы могъ управлять народомъ и справедливо рѣшать дѣла, дай мнѣ возможность рѣшить и эту тяжбу». Богъ указалъ. На другой день Соломонъ приказываетъ принести горячей воды и кусокъ матеріи. Собираются всѣ придворные. Царь приказываетъ обязать двухглавому одну голову матеріей, а другую голову облить горячею водою. Тогда обвязанная голова вричитъ: „Царь, не губи насъ; мы одни, обѣимъ головамъ одинаково больно; мы одно существо“. Тогда царь говоритъ: „видите и дѣлите имѣніе на шесть частей, а не на семь, и двухглавый получилъ одну только часть.

6. Мудрый царь Соломонъ былъ наказанъ за свою гордость. Когда Соломонъ вступилъ на престолъ Давида, то Богъ далъ ему мудрость, умъ и богатство. Ему подчинялись всѣ животныя на сушѣ и въ водѣ. Богъ далъ Соломону такую способность, что онъ могъ понимать рѣчь всѣхъ животныхъ, птицъ и насѣкомыхъ и др. Соломонъ имѣлъ четырехъ совѣтниковъ: одного изъ людей, по имени Асафъ Малхай-оглы; другой изъ

дiаволовъ, по имени Димрудъ; третьяго изъ животныхъ—льва и четвертаго изъ птицъ—орла. Царь Соломонъ имѣлъ гигантскихъ размѣровъ бурку. Она была выткана изъ золотыхъ и серебряныхъ нитокъ, и осыпана драгоценными камнями. Этой буркой закрывался самъ царь Соломонъ и 4000 войскъ и летѣли въ ней по воздуху, подъ сводомъ неба,—ихъ несъ вѣтеръ. Соломонъ приказывалъ вѣтру нести, и тотъ несъ. Царь такимъ образомъ обозрѣвалъ мiръ. Летѣлъ Соломонъ по всѣмъ концамъ мiра: обѣдалъ на восточномъ краѣ неба, а ужиналъ на западномъ. Царь Соломонъ возгордился этимъ и говорилъ: „нѣтъ въ мiрѣ подобнаго царя; я одинъ создаю такимъ; могу завладѣть всѣмъ мiромъ и т. п. Богу не угодна была такая гордость, поэтому онъ хотѣлъ, чтобы Соломонъ немного пострадалъ душевно и понялъ свою ошибку. Сразу бурка открылась, и вѣтеръ понесъ въ обратный путь. Соломонъ началъ кричать и сердиться на вѣтеръ, почему онъ несетъ назадъ; вѣтеръ отвѣтилъ: „возвратись на путь истинный“. Вѣтеръ его несъ въ страну муравшекъ. Тутъ одинъ муравей началъ кричать своимъ собратьямъ, чтобы они спрятались въ гнѣздахъ, ибо идетъ царь Соломонъ съ своимъ войскомъ. Царь разсердился на муравья, позвалъ его и сказалъ: „Что ты тутъ, дерзкій такой, кричишь?“ Муравей отвѣтилъ: „Я зову всѣхъ муравьевъ, чтобы они спрятались въ гнѣздахъ, ибо вы можете истребить насъ, мы погибнемъ подъ ногами твоего войска“. Соломонъ спрашиваетъ: „Почему именно ты кричишь, а не кто-нибудь другой?“ Муравей говоритъ: „Я царь надъ всѣми муравьями, и моя обязанность защищать своихъ подданныхъ. Мое имя Маишама (значить: мы скоро погибаемъ)“. Соломонъ говоритъ: „Расскажи, въ чемъ заключается твоя обязанность?“ Муравей говоритъ: „Я маленькое существо, а ты большое, поэтому мнѣ трудно съ тобою говорить; возьми меня на руку, я тебѣ расскажу“. Соломонъ беретъ муравья на руку. Муравей проситъ его, чтобы онъ держалъ его

около самого уха. Соломонъ исполняетъ все. Муравей говорить: «Я выше всѣхъ царей, я царь царей, ибо славный Соломонъ держитъ меня выше себя». Соломонъ, услышавъ это, разсердился и бросилъ на землю; приказалъ вѣтру поднять и нести дальше, а муравей началъ говорить цѣлое наставленіе: „Царь, не забывай Бога, не гордись, не ставь себя выше всѣхъ“. Эти слова произвели сильное впечатлѣніе на Соломона. Вѣтеръ поднялъ Соломона и его войско и понесъ дальше. 10 дней и ночей путешествовали они подъ сводомъ неба и осматривали міръ. На десятый день они увидѣли теремъ, высота котораго доходила до небесъ. Описать красоту этого терема невозможно; стѣны его были сдѣланы изъ золотыхъ и серебряныхъ кирпичей. Царь Соломонъ сошелъ внизъ, подошелъ ближе къ терему и видитъ, что теремъ огороженъ высокою стѣною кругомъ. Соломонъ съ войскомъ вокругъ терема ходитъ, но воротъ найти не можетъ. Изъ двора этого терема доходитъ благоуханіе и аромат цвѣтовъ. Соломонъ спрашиваетъ своихъ четырехъ совѣтниковъ, не знаютъ-ли они, кто построилъ этотъ теремъ, когда построенъ, кому теперь принадлежитъ и гдѣ входъ. Никто на эти вопросы отвѣтить не могъ, тогда царь сказалъ, что, вѣроятно, въ теремѣ есть какое нибудь живое существо, пусть совѣтникъ орелъ полетитъ туда и посмотритъ. Орелъ отправляется въ теремъ, осматривается, возвращается и докладываетъ царю, что онъ тамъ видѣлъ только одного орла. Царь приказываетъ привести орла. Совѣтникъ орелъ приводитъ того орла. Орелъ, открывъ ротъ, прославляетъ Бога и хвалитъ Соломона. Царь спрашиваетъ, сколько ему лѣтъ, не знаетъ-ли, кому принадлежитъ этотъ теремъ, кто построилъ и когда, откуда входъ. Орелъ отвѣчаетъ, что ему 300 лѣтъ и что ничего объ этомъ теремѣ не знаетъ, что во второмъ этажѣ живетъ его братъ, который, можетъ быть, знаетъ. Царь приказываетъ привести второго орла. Совѣтникъ приводитъ и старшаго орла, который, представъ передъ ца-

ремь, начинает прославлять Бога и хвалить мудраго изъ царей Соломона. Царь предложилъ этому орлу тѣ-же вопросы, что и его младшему брату-орлу; орель отвѣчаетъ, что ему 900 лѣтъ и ничего не знаетъ о теремѣ, а въ тремъ этажѣ живетъ его старшій братъ. Орель-совѣтникъ отводитъ его назадъ, идетъ въ третій этажъ, видитъ, что этотъ орель совершенно старъ и съ мѣста не можетъ двинуться. Орель-совѣтникъ беретъ его на спину свою и приводитъ къ царю. Этому старому орлу царь предложилъ тѣ-же вопросы, что и первымъ двумъ. Старый орель говоритъ, что ему 1700 лѣтъ, и что онъ не знаетъ, когда и кто построилъ этотъ теремъ, кому принадлежитъ, а только слышалъ отъ отца своего, что ворота находятся съ западной стороны и вся стѣна съ той стороны грязью замазана, поэтому нужно очистить стѣну. Царь Соломонъ приказываетъ орлу-совѣтнику отвести стараго орла обратно. Затѣмъ Соломонъ приказалъ Вѣтру очистить стѣну съ западной стороны отъ земли. Вѣтеръ дуетъ и мигомъ очищаетъ стѣну отъ земли. Ворота показываются изъ подъ земли: они желѣзные; сильно заржавѣли и заперты необыкновенной величины замками; надъ воротами висятъ ключи отъ замковъ. Соломонъ приказываетъ достать ключи и открыть ворота. Открываютъ ворота и входятъ. У входа царь видитъ каменную статую человѣка, а около статуи каменную плиту съ надписью. Соломонъ приступаетъ къ чтенію надписи, но не успѣваетъ еще прочитать первыхъ словъ, какъ статуя поднимаетъ такой страшный, провзительный крикъ, что приводитъ всѣхъ въ ужась. На этотъ крикъ собираются всѣ діаволы, видятъ тутъ царя Соломона и говорятъ: „Куда намъ итти? что намъ дѣлать? Вездѣ Давида сынъ Соломонъ преслѣдуетъ насъ, пойдемъ лучше, утопимся. Соломонъ приказываетъ имъ разойтись, а самъ читаетъ надпись. Вотъ что было написано на каменной плитѣ: „Я, Пазаръ Амарь-оглы, былъ царемъ въ такое-то время; много царей находилось подъ моею властью; многими земля-

ми я владѣлъ; я былъ царь надъ царями; золота и серебра имѣлъ несмѣтное количество. Я возгордился, говорилъ: нѣтъ подобнаго мнѣ царя въ мѣрѣ; если въ моемъ громадномъ царствѣ не будетъ урожая нѣсколько лѣтъ, то могу сдѣлать изъ золота пшеницу, а изъ серебра ячмень, и этимъ прокормить населеніе и лошадей моего обширнаго царства. Вотъ до чего доходила моя гордость. За это меня наказалъ Творецъ нашъ Богъ, пославъ голодъ; мои подданные умирали съ голоду, и трупы ихъ лежали на улицахъ; въ моихъ амбарахъ истощился весь запасъ; начали ѣсть фрунты и велье, но и это скоро кончилось; затѣмъ изъ золота сдѣлали пшеничныя зерна, а изъ серебра—ячменныя; послалъ немного зеренъ смолоть на мельницѣ; изъ этой муки заставилъ печь хлѣбъ, попробовалъ немного съѣсть, но не могъ проглотить, подавился и тутъ-же умеръ; теперь этотъ откушенный хлѣбъ лежитъ въ теремѣ въ такой-то комнатѣ, пшеница изъ золота находится на мельницѣ. Богобоязливый человекъ, если пойдешь и посмотришь на все сказанное, то лично убѣдишься, что все дѣйствительно было! Царь Соломонъ пошелъ посмотрѣть и, дѣйствительно, въ комнатѣ нашелъ хлѣбъ, откушенный царемъ съ края; на мельницѣ нашелъ зерно изъ золота. Тогда царь Соломонъ понялъ, что самъ тоже согрѣшилъ передъ Богомъ, ибо и самъ возгордился своимъ умомъ и несмѣтнымъ богатствомъ; что Богъ желаетъ его испытать. Эта надпись произвела на Соломона сильное впечатлѣніе; онъ умилился духомъ, и просилъ Бога простить ему грѣхи. Послѣ этого царь Соломонъ сталъ кроткимъ, никогда не гордился своимъ умомъ и несмѣтнымъ богатствомъ и не ставилъ себя выше другихъ.

2. Почему нѣкоторыя еврейскія секты преслѣдуютъ двоеженство. Жилъ одинъ еврейскій ученый,

по имени раввинъ Гюршумъ. Онъ былъ человекъ на столько умный, ученый и свѣдущій, что государь во всѣхъ дѣлахъ совѣтовался съ нимъ. Раввинъ Гюршумъ имѣлъ одного сына, но жена его была старая, поэтому онъ женился на второй молодой женщинѣ, чтобы имѣть еще дѣтей: боялся, что единственный сынъ умретъ, и онъ останется безъ наследника, а имѣніе его перейдетъ къ другимъ. Молодая его жена была замѣчательная красавица. Раввинъ Гюршумъ ее любилъ больше, чѣмъ старую; а между тѣмъ раввина больше любила старая его жена. Однажды Гюршумъ былъ у сосѣдняго уважаемаго царя и рассказалъ ему о чудномъ престолѣ царя Соломона. Престолъ сдѣланъ такъ, что можно разбирать его, произвольно уменьшать и увеличивать; посторонній не можетъ сидѣть на этомъ престолѣ, ибо тотчасъ падаетъ и убивается. Престолъ этотъ сдѣланъ изъ золота и серебра и украшенъ всевозможными дорогими камнями. На престолѣ вырѣзаны изображенія всевозможныхъ животныхъ. Если жалобщики или свидѣтели лгутъ передъ судомъ царя Соломона, то эти животныя издають звуки, и царь знаетъ, что они лгутъ и ихъ обличаетъ тутъ-же. Престолъ этотъ сдѣлалъ Эранъ, который впоследствии сдѣлался царемъ сурійскимъ. Въ то время наука процвѣтала и было много усовершенствованій. Эранъ своимъ искусствомъ и знаніемъ творилъ чудеса. Слушая описаніе престола царя Соломона, сосѣдній царь удивляется и поражается. Онъ проситъ Гюршума построить и ему тоже такой престолъ; онъ-де пригласитъ знаменитыхъ и лучшихъ своихъ мастеровъ, раввинъ Гюршумъ расскажетъ и укажетъ имъ, а они сдѣлаютъ престолъ. Раввинъ Гюршумъ отказывается и говоритъ, что это невозможно. Послѣ долгихъ просьбъ раввинъ Гюршумъ уступаетъ, соглашается исполнить просьбу царя, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы золото, серебро и драгоценныя камни отпустили ему безотчетно. Царь соглашается и даетъ ему ключи отъ своихъ кладовыхъ, гдѣ хранились бо-

гатства царя. Раввинъ Гюршумъ переселяется съ семействомъ своимъ въ этотъ городъ и начинаетъ строить престолъ. Царь очень радуется и дѣлаетъ раввина самымъ близкимъ членомъ и совѣтникомъ своимъ. Министры и другіе придворные завидуютъ Гюршуму и говорятъ: „Царь его любитъ, совѣтуется съ нимъ, слушаетъ его, а на насъ не обращаетъ никакого вниманія, поэтому необходимо его какъ нибудь погубить. Вотъ начали думать, въ чемъ обвинить Гюршума. После долгихъ совѣщаній, наконецъ, придумали обвинить его въ кражѣ золота, серебра и драгоценныхъ камней при постройкѣ престола. Съ этой цѣлью они обратились къ царю и просили потребовать отъ Гюршума отчетъ по поводу постройки. Государь говоритъ, что онъ ему вѣритъ, и что раввинъ Гюршумъ не рѣшится на такой поступокъ. Они говорятъ, что просятъ это согласно мѣстному закону, ибо по нашему государственному закону онъ долженъ дать намъ отчетъ. Царь говоритъ: „Какъ-же я потребую отчетъ отъ раввина, когда я ему ничего по вѣсу не далъ, ему предоставилъ полное право употребить сколько угодно? а во-вторыхъ, чѣмъ и какъ взвѣсить такой большой престолъ?“ Вельможи и министры не могли ничего отвѣтить и возвратились восвояси. Съ этого дня они начали сильно думать, какъ помочь горю, какое средство найти, чтобы отъ раввина потребовать отчета. Долго думали они, ломали голову, но ничего не придумали. Проходитъ нѣкоторое время, одинъ молодой министръ, который былъ прельщенъ красотой второй жены Гюршума и влюбленъ по уши въ нее, которому больше всѣхъ хотѣлось погубить Гюршума и завладѣть его женою, говоритъ товарищамъ, что узнать секретъ раввина можно отъ его молодой жены, и трудъ этотъ онъ беретъ на себя самъ, только раввинъ Гюршумъ долженъ быть удаленъ на нѣкоторое время, чтобы имѣть свободный доступъ въ домъ его. Всѣ министры и придворные отправляются къ царю и говорятъ ему, что они на-

шли средство для требованія отчета, только просить царя, чтобы онъ на цѣлый мѣсяцъ удалилъ раввина Гюршума, что бы раввинъ не могъ препятствовать ихъ успѣху. Царь исполняетъ просьбу министровъ. Послѣ отъѣзда раввина Гюршума молодой министръ употребляетъ всевозможныя мѣры, знакомится съ молодой женою раввина, говорить ей о своей горячей любви, о томъ, что онъ безъ нея не можетъ жить; онъ говоритъ ей, что ея мужъ старикъ, что онъ не достоинъ имѣть такую молодую жену, предлагаетъ ей выйти замужъ за него, что онъ молодъ, красивъ и вполне можетъ оцѣнить ея достоинства, что богатъ, занимаетъ при дворѣ завидную должность, — словомъ, общалъ ей много. Она согласилась выйти за него замужъ, но сказала, что боится мужа. Министръ сказалъ ей, что раввина скоро погубятъ, что его обвинятъ въ кражѣ золота и другихъ цѣнныхъ вещей, что они потребуютъ отчета, но не знаютъ его секретовъ; просить ее по пріѣздѣ раввина узнать отъ него всѣ его секреты, всѣ подробности. Молодая жена раввина Гюршума общала исполнить просьбу будущаго мужа. Черезъ мѣсяцъ Гюршумъ возвращается домой. Онъ застаётъ свою вторую жену страшно скучною. Раввинъ спрашиваетъ, что съ нею случилось; она говоритъ, что послѣ его отъѣзда она не ѣсть, не пьетъ, днемъ и ночью горюетъ: она слышала, что отъ него хотятъ потребовать отчетъ. „Если царь потребуетъ, то какъ поступишь, и что значить внезапная ревизія?“ спрашиваетъ она мужа. „Что значилъ внезапный твой отъѣздъ? я сильно беспокоюсь, — не готовится-ли для насъ роковой день?“ спрашиваетъ жена. Раввинъ Гюршумъ смѣется и говоритъ: „Ты не беспокойся, милая: царь не потребуетъ отъ меня отчета, а если потребуетъ, то я знаю, какъ дать отчетъ“. Жена пристаётъ къ раввину, чтобы онъ сказалъ ей, какъ онъ дастъ отчетъ, и въ чемъ заключается его секретъ, — это ее интересуетъ: она его жена, а потому горе и радость

должна дѣлать съ мужемъ, и онъ отъ нея ничего не долженъ скрывать. Раввинъ хотѣлъ увлечь и сказалъ женѣ, что усталъ, завтра расскажетъ, а теперь хочетъ спать; но она не пускала его къ себѣ на постель, мучила до полуночи. Наконецъ, сладострастіе взяло верхъ, раввинъ соблазнился, уступилъ и рассказалъ ей свой секретъ. Онъ говорилъ: „если царь потребуетъ отъ меня отчета, то я долженъ престолъ взять на берегъ моря и взвѣсить его при помощи корабля; престолъ разобранный, можно по частямъ взвѣшивать и опредѣлять вѣсъ золота, серебра и другихъ драгоценныхъ камней особо; прежде отищу на корабль то мѣсто, до котораго онъ погруженъ въ воду, потомъ нагружу и посмотрю, на сколько погрузится корабль въ водѣ, отищу то мѣсто, затѣмъ сниму части престола съ корабля, а на ихъ мѣсто положу гирь столько, чтобы корабль погрузился въ водѣ до прежняго мѣста; такимъ образомъ опредѣлю вѣсъ престола и въ отдѣльности вѣсъ золота, серебра и драгоценныхъ камней, а изъ кладовой царя я взялъ изъ полныхъ сосудовъ, можно узнать, сколько помѣщается въ полныхъ сосудахъ золота, серебра и дорогихъ камней, а потомъ можно узнать, сколько я употребилъ изъ царской казны. Такимъ образомъ можно провѣрить и узнать, какое злоупотребленіе сдѣлано“. Молодая жена, весьма довольная мужемъ, легла съ нимъ спать. На слѣдующій день она передала эту тайну молодому министру, а онъ своимъ товарищамъ. Вотъ всѣ министры и придворные пошли къ царю и рассказали ему, что они нашли способъ взвѣсить престолъ и просили теперь-же потребовать отъ Гюршума отчетъ. Царь дѣлаетъ по этому предмету распоряженіе. Провѣрка дѣйствій Гюршума дѣлается такъ, какъ онъ рассказалъ своей молодой женѣ. При повѣркѣ оказалось, что не достаетъ нѣсколькихъ фунтовъ золота и нѣсколькихъ фун. серебра. Спрашиваютъ раввина Гюршума; онъ говоритъ: „Помилуйте, когда мастеръ серебряныхъ дѣлъ дѣлаетъ кольцо,

то при подпиливаніи подпилку теряетъ золотниками, а при такой большой постройкѣ развѣ много потерять по 10 фун.?" Министры ему говорятъ, что онъ обязавъ былъ и лыль отъ золота и серебра собрать и возвратить царю, и что обращаться съ казенными деньгами такъ не возможно, поэтому онъ виновенъ предъ закономъ, что они обязаны предать его суду. Государь говоритъ, что раввину можно простить эту ошибку, ибо онъ вовсе не по своему желанію построилъ этотъ престолъ, а что онъ самъ принудилъ его, и что за трудъ раввинъ не взялъ платы. Министры и совѣтники говорили, что онъ вдвойнѣ воспользовался, хотя не взялъ платы. Они не согласились съ мнѣніемъ государя, и раввина Гюршума предали суду. Судъ приговарялъ раввина къ смертной казни посредствомъ голода. Раввинъ Гюршумъ тутъ только понялъ коварство своей молодой жены, узналъ, что она жестоко обманула, измѣнила и его тайну передала другимъ. За городомъ былъ замокъ съ высокой башней. Преступника и приговореннаго къ смертной казни изъ высшихъ сословій сажали въ эту башню, и онъ тамъ умиралъ голодною смертью. Раввина Гюршума тоже посадили въ эту башню, и выходныя желѣзныя двери крѣпко-накрѣпко заперли. Раввинъ, пораженный такимъ неожиданнымъ и страшнымъ наказаніемъ, не могъ опомниться отъ удара; онъ сильно горевалъ и палъ ницъ на землю. Только на другой день раввинъ приходитъ въ себя, встаетъ и смотритъ кругомъ, потомъ смотритъ съ высоты внизъ, видитъ старую жену, всю въ слезахъ; съ нею пришла и молодая жена. Раввинъ говоритъ старой женѣ, чтобы она завтра пришла одна и принесла особаго жука, который ѣстъ шерсть, чтобы принесла также тоненькую нитку, веревку и шерсть. На другой день она приноситъ все сказанное. Раввинъ говоритъ женѣ, чтобы она къ груди этого жука привязала пукъ шерсти такъ, чтобы онъ при желаніи ѣсть ее, не могъ достать, а къ хвосту привязать тоненькую нитку, а потомъ пустить

его по стѣнѣ подняться вверхъ. Она исполняетъ желаніе, мужа. Жукъ, желая ѣсть шерсть, двигается впередъ, не достаетъ шерсти, опять идетъ впередъ; такимъ образомъ жукъ поднимается до самой башни, таща съ собою тоненькую нитку. Раввинъ Гюршумъ беретъ жука, отвязываетъ нитку и говоритъ женѣ, чтобы она къ тонкой ниткѣ привязала толстую нитку, раввинъ поднимаетъ толстую нитку, а потомъ говоритъ ей, чтобы къ толстой ниткѣ привязала веревку, она и это исполняетъ; раввинъ тащитъ веревку и говоритъ женѣ, чтобы она секретно принесла пицци и воды. Она приноситъ пиццу и воду, привязываетъ къ веревкѣ, а раввинъ поднимаетъ ихъ къ себѣ и утоляетъ голодъ и жажду. Такимъ образомъ раввинъ получаетъ ежедневно пищу и питье. Черезъ нѣсколько времени раввинъ говоритъ старой женѣ, чтобы она привела и молодую жену, но она отказывается привести молодую, говоря, что она тайну передастъ другимъ, но раввинъ убѣдительно проситъ ее исполнить эту просьбу. На другой день приходятъ обѣ жены раввина. Раввинъ по веревкѣ тащитъ къ себѣ пиццу и питье. Жены раввина долго разговариваютъ съ нимъ. Раввинъ говоритъ старой женѣ, чтобы на слѣдующій день она не приходила, а чтобы пришла молодая. На другой день приходитъ молодая съ припасами; раввинъ поднимаетъ припасы, а потомъ и молодую жену. Они тамъ пируютъ и веселятся; послѣ раввинъ упрекаетъ ее за невѣжну, говоритъ, что ему придется умереть, поэтому онъ желаетъ имѣніе свое завѣщать ей, а потому проситъ ее поддержать веревку, чтобы онъ слѣзъ, пошелъ домой, составилъ завѣщаніе и принесъ ей, а то боится, что сынъ не дастъ ей ничего изъ имущества. Жена соглашается, поддерживаетъ веревку, раввинъ спускается и быстро тащитъ веревку, и она остается въ тюрьмѣ безъ веревки. Раввинъ снизу говоритъ женѣ: „ты, а не я достоинъ умереть съ голоду“, и идетъ къ себѣ домой. Собираетъ все свое имуще-

ство, беретъ сына, жену и уходитъ ночью секретно въ другое царство. Черезъ нѣкоторое время царь вспомнилъ о раввина Гюршума и говорить: „пойду посмотрѣть, что случилось съ моимъ другомъ“. Онъ отправляется въ тюрьму вмѣстѣ съ министрами. Въ числѣ министровъ былъ и молодой министръ любовникъ молодой жены раввина. Входятъ въ тюрьму и видятъ, что на полу лежитъ мертванъ, въ высшей степени красивая женщина. Всѣ поражаются этою картиною; думаютъ, кто-бы она такая была, откуда попала сюда и куда дѣлся Гюршумъ. Молодой министръ узнаетъ ее и говоритъ, что это жена раввина Гюршума. Узнавъ, что Гюршума нѣтъ въ городѣ, царь издаетъ указъ и рассылаетъ во всѣ государства людей, чтобы нашли Гюршума и сказали, что царь прощаетъ ему, пусть только возвратится и расскажетъ, какимъ чудомъ онъ спасся и какъ наказалъ виновницу этого дѣла. Равнинъ возвращается къ царю, рассказываетъ, какъ наказалъ свою жену, о злыхъ умыслахъ министровъ и о своей невинности. Царь цѣлуетъ его въ лобъ и дѣлаетъ первымъ своимъ министромъ. Равнинъ провлялъ того, кто послѣ этого женится на двухъ женахъ.

3. О строгомъ исполненіи евреями субботы. Одинъ бѣдный еврей—разнощикъ очень строго соблюдалъ субботній день: онъ цѣлыми недѣлями ѣздилъ все по селамъ, торговалъ, а вечеромъ въ пятницу возвращался домой, и шелъ въ синагогу; всѣ знали его, какъ набожнаго человѣка. Разъ онъ поздно выѣхалъ и къ сумеркамъ былъ въ дорогѣ; суббота встала его въ пути; тогда онъ остановился, выстроилъ шалашъ и рѣшилъ провести въ немъ субботу, ибо у евреевъ въ субботній день нельзя ѣхать. На другой день онъ видитъ, что въ шалашъ, громко звеня, входятъ чер-

вонцы, но онъ не трогаетъ ихъ, не желая нарушить субботы. До полудня собралась ихъ цѣлая куча, а послѣ полудня червонцы провалились сквозь землю, за исключеніемъ двухъ. Послѣ заката солнца, когда суббота прошла, онъ взялъ ихъ и положилъ въ карманъ. Дома его долго ждали. Такъ какъ онъ не имѣлъ обыкновенія день этотъ проводить въ другомъ мѣстѣ, то думали, что съ нимъ случилось какое нибудь несчастье, и плакали. Сосѣдь его отправлялся на ярмарку; онъ отдалъ ему свои два червонца, чтобы купецъ купилъ ему на ярмаркѣ мелаго товару. Купецъ очень любилъ этого честнаго набожнаго бѣдняка и обѣщаль непремѣнно исполнить его желаніе. Купецъ закупилъ товаръ для себя, уложилъ на корабль и собрался ѣхать; тутъ онъ вспоминаетъ, что не исполнилъ порученія своего друга, — возвращается купить что нибудь и для него; дорогой видитъ, что какой-то человекъ продаетъ закрытый сундукъ. Куплю на его счастье, подумалъ и спросилъ, что стоитъ. „Два червонца“, — отвѣчаетъ продавецъ. Купецъ покупаетъ и беретъ съ собой на корабль. На морѣ поднимается сильная буря; вѣтеръ заноситъ корабль къ невѣдомому острову. Остановился онъ тутъ въ одномъ селеніи въ домѣ купца. Во время обѣда всѣ члены семейства сѣли за столъ съ палками. Купецъ удивляется, но ему объясняютъ, что здѣсь много мышей и во время обѣда онѣ нападаютъ на хлѣбъ. Послѣ обѣда купецъ открылъ сундукъ, чтобы посмотреть, что въ немъ находится. Что-же видитъ? Двѣ кошки! Купецъ выпускаетъ ихъ, и онѣ страшно истребляютъ мышей. Домашніе удивляются, что за звѣрь кошка, что можетъ истреблять мышей. Вѣсть о кошкахъ дошла до жителей; собрались и стали просить, чтобы купецъ продалъ. Предложили сундукъ золота, и онъ продалъ кошекъ. Купецъ привезъ сундукъ съ золотомъ и передалъ бѣдняку-разнощнику. Разъ купецъ спрашиваетъ бѣдняка, доволенъ-ли онъ червонцами; бѣднякъ говоритъ, что въ шалашѣ тоже

столько червонцевъ было, видно эти червонцы ему суждены.

4. Почитаніе отца. а) Какой-то сынъ ежедневно жралъ птицъ, курей, разные съѣдобные продукты и кормилъ отца. Отецъ спрашиваетъ какъ-то, откуда онъ достаетъ этихъ птицъ и другіе предметы. Сынъ отвѣчаетъ: „молчи, старая собака! Тебѣ какое дѣло, откуда я достаю,—твое дѣло молчать и ѣсть“. Обругалъ отца. Отецъ заплакалъ и замолчалъ. Такимъ образомъ сынъ приготовилъ себѣ адъ.

Одинъ мельникъ имѣлъ отца, который лишился ногъ, и не могъ двигаться съ мѣста; сынъ его выносилъ на рукахъ во дворъ, самъ кормилъ его.

Вышелъ привазъ отъ царя, что всѣ люди, которые ничѣмъ не заняты или не могутъ работать, должны быть казнены. Первый сейчасъ-же своего отца выдалъ на казнь, а второй взялъ отца на мельницу, посадилъ его тамъ и говоритъ: „когда люди придутъ и спросятъ, чѣмъ ты занятъ, то отвѣчай: смотри за мельницею“. Сынъ пошелъ домой и остался безъ дѣла. Пришли царскіе люди, нашли отца на мельницѣ, а сына безъ дѣла: сынъ былъ казненъ, но приобрѣлъ себѣ долю въ раю.

б) Одинъ богатый человекъ 70 лѣтъ жилъ, но не имѣлъ дѣтей; онъ говорилъ женѣ: „давай продадимъ наше богатство, имущество и употребимъ на богоугодное дѣло“. Какъ задумалъ, такъ и сдѣлалъ. Половину своего состоянія отдалъ на школу, на бѣдныхъ и на другія богоугодныя дѣла. Богъ услышалъ ихъ молитву и далъ имъ сына. Когда пришло время учиться, то отецъ носилъ сына на своей спинѣ въ школу и обратно. Цѣль отца была научить сына слову Божьему. Прошло нѣкоторое время, сынъ подросъ и понялъ,

что беспокоить отца старика и говорить отцу, чтобы онъ на спинѣ не носилъ его въ школу, ибо онъ выросъ и самъ можетъ ходить. Отецъ согласился. Сынъ ходилъ одинъ. Разъ мальчикъ встрѣтилъ всадника и очень понравился ему. Всадникъ взялъ мальчика и увезъ въ другое царство. Отецъ вечеромъ ожидаетъ сына, но его все нѣтъ; идетъ въ школу, но тамъ не находитъ, ищетъ по всему городу, но все тщетно. Въ томъ городѣ, куда всадникъ увезъ мальчика, заболѣлъ царь. Позвали всѣхъ врачей, знахарей, но они не могли вылѣчить его. Государь потребовалъ лѣчебникъ; приносятъ и видятъ, что какое-то преобразование произошло въ книгѣ: раньше она написана была на мѣстномъ языкѣ, а теперь написана на еврейскомъ. Государь требуетъ найти человека, знающаго еврейскій языкъ. Всадникъ, желая отличиться, идетъ въ государю и говоритъ, что у него есть мальчикъ, который умѣетъ читать по-еврейски. Государь приказываетъ доставить къ себѣ. Всадникъ приводитъ. Мальчикъ сначала не можетъ прочесть и понять, ибо еще не учился переводить съ книжнаго языка; по вдохновенію Божию онъ началъ понимать, и эта медицинская книга превратилась въ Библию и мальчикъ началъ читать и объяснять царю язычнику, тотъ съ великимъ вниманіемъ слушалъ мальчика и увѣровалъ въ истиннаго Бога и тотчасъ-же выздоровѣлъ. Тогда государь говоритъ мальчику, чего онъ желаетъ, пусть проситъ у него. Мальчикъ проситъ, чтобы его доставили на родину, и подробно рассказываетъ, какъ его всадникъ увезъ. Царь приказываетъ всаднику отвезти мальчика обратно и поручить его родителямъ. Тотъ исполняетъ. Вотъ какъ Богъ помогаетъ дѣтямъ, почитающимъ своихъ родителей.

Б. И с к у ш е н і е. Жилъ одинъ богобоязливый человекъ. У него за садомъ было поле, гдѣ подъ однимъ деревомъ языкъ

ники собирались отправлять богослуженіе. Они топтали траву, портили садъ; хозяинъ взялъ топоръ и пришелъ рубить дерево. Въ это время изъ земли выходитъ человекъ и говоритъ: „бери, что хочешь, только дерева не руби“. Онъ его не слушаетъ и собирается рубить; тотъ предлагаетъ хозяину ежедневно по одному золотому, затѣмъ предлагаетъ по два, наконецъ по три. Хозяинъ соглашается и уходитъ; послѣ этого ежедневно хозяинъ находилъ подъ деревомъ по три золотыхъ. Разбогатѣлъ и началъ строить хорошіе дома, жить хорошо, но это было отъ нечистаго, и Богъ его наказалъ: всѣ его дѣти умерли. Однажды, разбитый горемъ, гуляя, онъ шелъ съ женою по саду и направился къ дереву получить свое золото и видитъ подъ деревомъ много мужчинъ и женщинъ: они танцуютъ и радуются; началъ и онъ танцевать. Ищетъ потомъ дневной платы золота, но не находитъ подъ деревомъ ничего. На другой день приходитъ съ топоромъ и хочетъ рубить дерево. Изъ подъ дерева выходитъ сатана въ образѣ козла и говоритъ: „Зачѣмъ ты рубишь дерево? вѣдь мы тебѣ платимъ ежедневно три золотыхъ“. Онъ отвѣчаетъ: „Вчера я не нашелъ ихъ здѣсь“. Сатана говоритъ: „Вчера ты тоже съ нами принималъ участіе въ оргіи, потому и не получилъ своего золота“. Хозяинъ беретъ топоръ и хочетъ рубить, но сатана обѣщаетъ платить по пяти червонцевъ, только оставилъ бы дерево цѣлымъ; хозяинъ соглашается и вмѣстѣ съ тѣмъ удивляется, какъ коза говоритъ человѣческимъ языкомъ. Онъ отправляется къ гадалелю, а тотъ и говоритъ: „всѣ люди, которыхъ ты видѣлъ подъ деревомъ, діаволы, червонцы тоже блудятъ подъ деревомъ діаволы, оттого тебя и постигло несчастье и умерли дѣти; продай все, что купилъ на эти червонцы и сруби дерево“. Хозяинъ дѣлаетъ такъ, какъ гадалель ему сказалъ. Когда началъ рубить дерево, то опять явились діаволы, но онъ не соблазнился. Продавъ все и раздавъ бѣднымъ, онъ началъ жить своимъ трудомъ и былъ счастливъ.

в) Былъ одинъ человекъ, который не только лжно, но и за истинный фактъ не хотѣлъ присягать. Онъ имѣлъ большое богатство. При смерти онъ завѣщаль своему сыну, чтобы тотъ не клялся никогда, даже когда нужно довазать свою правоту. Объ этомъ узнали жители. Одинъ приходитъ и говорить ему: „твой отецъ долженъ мнѣ сто рублей.“ Сынъ говоритъ, что ему это неизвѣстно. Мнимый кредиторъ предлагаетъ ему или побожиться или заплатить. Сынъ не могъ божиться по завѣщанію отца и долженъ былъ заплатить. Черезъ нѣсколько времени приходитъ другой, третій и т. д. всѣ просятъ денегъ. Онъ никому не могъ отказать. Такимъ образомъ онъ лишился всего состоянія и сдѣлался бѣднякомъ; наконецъ, приходитъ одинъ и говорить, что отецъ его долженъ 500 руб.; но такъ какъ у сына ничего не осталось, то этого требованія онъ уже не могъ удовлетворить. Его посадили въ тюрьму. Жена его была женщина бойкая; она работала, мыла бѣлье, зарабатывала деньги, кормила дѣтей и мужа. Однажды она мыла бѣлье на берегу моря; увидѣлъ ее капитанъ корабля; она ему очень понравилась и ему хотѣлось непременно овладѣть ею. Вотъ онъ приходитъ и даетъ два червонца и проситъ вымыть бѣлье. Она моетъ и на другой день приноситъ бѣлье на пароходъ, чтобы сдать. Капитанъ приказываетъ матросамъ немедленно отплыть отъ берега. Матросы исполняютъ, и женщина остается на кораблѣ. Капитанъ овладѣваетъ ею. Въ этотъ день кончается срокъ отбыванія тюрьмы; мужъ выходитъ и отправляется домой, но жены не застаетъ; нѣсколько дней онъ ищетъ ее, но не находитъ; тогда онъ говоритъ: «лучше оставлю этотъ край, нечего мнѣ здѣсь дѣлать: лишился всего и жены; отправлюсь, куда глаза глядятъ». Беретъ дѣтей и идетъ. При переправѣ черезъ быструю рѣку, онъ нечаянно уронилъ въ рѣку дѣтей,—ихъ понесла вода. Такимъ образомъ онъ лишился и дѣтей. Отправляется въ одну страну и занимается пастухомъ. Однажды онъ со своимъ стадомъ остановился око-

ло большой рѣки и, сидя на берегу, предался горькой думѣ. Онъ думалъ: „Лишился я жены, дѣтей, богатства,—для чего же я живу? Лучше брошусь въ эту рѣку и забавлю себя отъ мученій.“ Въ это время кто-то началъ звать его по имени; поворачивается и видитъ: около него пророкъ Илья стоитъ. Пророкъ говоритъ ему: «Что ты сдѣлалъ и что хочешь дѣлать?» Онъ рассказываетъ ему все про свое горе. Илья говоритъ ему: „Не бойся, Богъ милостивъ, конецъ будетъ хорошій“. Затѣмъ говоритъ: „держи подолъ“!—тотъ держитъ; Илья даетъ ему много червонцевъ. „Они благословени“, говоритъ Илья ему, „иди и живи себѣ“! Идетъ пастухъ въ одинъ городъ, строить себѣ хорошій домъ и живетъ. По желанію Бога онъ находитъ свою жену и дѣтей,—они были спасены. Послѣ того они жили счастливо. Такъ какъ онъ исполнилъ въ точности завѣщаніе своего отца и боялся Бога, то и Богъ ему помогалъ, видя въ немъ вѣрнаго слугу.

6. Живи правдой. Одинъ человекъ любилъ ходить въ синагогу и въ школу, по цѣлымъ днямъ проводилъ тамъ время въ молитвѣ и въ чтеніи богоугодныхъ книгъ, только по субботамъ онъ приходилъ домой. Женился, но продолжалъ ходить въ синагогу; жена носила ему кушанье. Наконецъ, все, что было дома, истощилось; жена говоритъ мужу, что она не будетъ больше носить пищи, ибо, во-первыхъ, нечего варить, а во-вторыхъ, онъ обязанъ работать, кормить свое семейство и исполнять обязанности мужа. Мужъ не уступилъ и не обратилъ вниманія. Жена сдержала слово и не повесла мужу пищи. На другой день мужъ не могъ остаться въ синагогѣ: голодъ заставилъ его возвратиться домой, и онъ началъ ссориться съ женою. Она говоритъ ему: „лучше ты молчи, работай и корми себя и насъ“. Но онъ нигдѣ и никогда не работалъ, поэтому ему трудно было взяться за работу, и го-

ворить женѣ: „Что же мнѣ дѣлать“? Жена говоритъ: „Иди въ лѣсъ, принеси дрова и продай на базарѣ“. Мужъ говоритъ: „Для этого мнѣ нужны осель, топоръ и веревка“. Она говоритъ: „Все это куплю“. Она закладываетъ часть своихъ серебряныхъ вещей, покупаетъ осла, топоръ и веревку и вручаетъ мужу. Мужъ проситъ жену показать, какъ рубить дрова; она беретъ и показываетъ. На другой день мужъ встаетъ рано и отправляется въ лѣсъ; смотритъ онъ на зеленыя деревья и говоритъ: „это принадлежитъ казнѣ, потому нельзя рубить ихъ“; идетъ дальше и видитъ массу сухихъ вѣтвей, — ихъ тоже не трогаетъ, говоря, что это принадлежитъ бѣднякамъ, и что онъ не имѣетъ права рубить ихъ (между тѣмъ самъ бѣднѣе всѣхъ); идетъ дальше, ищетъ себѣ подходящихъ дровъ. Находитъ гнилое дерево и говоритъ: „вотъ это принадлежитъ мнѣ“! Рубить, доходить до середины дерева, изъ дупла начинаютъ сыпаться червонцы; онъ ихъ оставляетъ и отправляется домой. Жена спрашиваетъ: „гдѣ дрова“? Онъ говоритъ: «дрова были сырыя, потому не рубилъ, онѣ принадлежать казнѣ; сухія принадлежать бѣднякамъ; нашелъ одно дерево гнилое, началъ рубить, — въ немъ оказались червонцы, которые принадлежать опять бѣднякамъ, — поэтому я ихъ не взялъ“. Жена говоритъ: „Пойди и принеси червонцы. Мы, вѣдь бѣднѣе всѣхъ“. Мужъ не послушался, вышелъ на улицу и крикнулъ: „я нашелъ въ лѣсу въ такомъ-то мѣстѣ червонцы, идите берите себѣ“. Услышавъ это, бѣдные отправляются въ лѣсъ и собираютъ червонцы. На другой день онъ опять идетъ въ лѣсъ, ищетъ гнилого дерева, находитъ его, хочетъ вырвать съ корнемъ, начинаетъ копать и находитъ кладъ подъ деревомъ. Онъ и думаетъ: „Это принадлежитъ царю, нужно дать знать“. Приходитъ мужъ къ женѣ и рассказываетъ ей о своей находкѣ и говоритъ женѣ, что нужно пойти принести и отдать царю. Жена, думая обмануть мужа и взять золото себѣ, соглашается идти за золотомъ вмѣстѣ съ мужемъ. На

другой день идутъ въ лѣсъ, находятъ кладъ; но мужъ не позволяетъ женѣ подходить близко къ червонцамъ и говорить: «ты держи мѣшокъ, а я наполню». Онъ боялся, чтобы жена не украла и не положила въ карманъ. Наполнивъ два мѣшка, навьючиваетъ ихъ на осла, привозитъ въ городъ. Жена говоритъ мужу: „Повеземъ домой, а завтра отдадимъ царю“. Но мужъ не послушался, а прямо повезъ къ царю, отдалъ ему и сказалъ: „я нашелъ кладъ въ лѣсу и тебѣ принесъ, государь“. Государь взялъ, но ему ничего не далъ, даже не поблагодарилъ. Жена сердится на мужа и бранитъ его. На другое утро встаетъ онъ и видитъ, что въ углу лежитъ куча золота; удивляется, кто-бы принесъ ихъ сюда и видитъ, что это вчерашнее золото; несетъ къ царю, отдаетъ и говоритъ что не знаетъ, кто принесъ ихъ къ нему. Царь приказываетъ посмотреть, есть ли въ кладовой червонцы. Идутъ въ кладовую и видятъ, что ничего нѣтъ. Царь сердится на него и говоритъ, что это онъ укралъ и приказываетъ арестовать его. Сажаютъ въ тюрьму. На другую ночь золото опять переходитъ въ его квартиру. Ночью къ этому человѣку въ тюрьмѣ является архангелъ и говоритъ: „Золото далъ тебѣ Богъ за то, что ты былъ набоженъ и подолгу проводилъ время въ синагогѣ; изъ царской кладовой я перенесъ золото въ твой домъ; оно принадлежитъ тебѣ“. На другой день царь зоветъ его къ себѣ и говоритъ: „Золото опять кто-то унесъ“. Арестантъ отвѣчаетъ: „теперь я въ тюрьмѣ, какъ-же я могъ взять?“ Посылаютъ къ нему на домъ людей узнать, тамъ ли червонцы. Золото берутъ у этого человѣка; приносятъ къ царю. Царь спрашиваетъ: „Какъ это случилось, что за чудо совершилось?“ Человѣкъ рассказываетъ все подробно, что было. Тогда царь спрашиваетъ, зачѣмъ онъ не взялъ золота себѣ, а принесъ къ нему. Арестантъ отвѣчаетъ: „Государь, я не хотѣлъ владѣть золотомъ тайно, какъ воръ; желаю честнымъ путемъ владѣть“. Царь беретъ

золото, отдаетъ ему и говоритъ: „я дарю тебѣ это золото, иди и живи себѣ“. Бѣднякъ взялъ золото, построилъ домъ и началъ жить хорошо. Онъ говоритъ женѣ: „видишь, я хорошо сдѣлалъ, что золото отдалъ государю и тайно не завладѣлъ имъ,—а то мы не могли-бы такой домъ выстроить и жить хорошо, ибо другіе подумали бы, что мы украли, и отняли бы у насъ, а теперь душа покойна и совѣсть чиста.

7. Шольмы—царь испанскій. Въ старыя времена въ Иерусалимѣ жилъ—былъ мудрый главный раввинъ. У него не было дѣтей. Его всѣ знали и уважали какъ хорошаго человѣка, мудраго и ученаго раввина. Однажды въ Иерусалимѣ и въ его окрестностяхъ настала голодъ. Бѣдные голодали и подвергались самымъ жестокимъ мученіямъ. Разъ собрались всѣ дѣти Израиля посоветываться, какъ и чѣмъ помочь бѣднымъ. Рѣшили отправить-когонибудь по всему міру собирать добровольныя пожертвованія. Народъ выбралъ изъ передовыхъ людей уполномоченныхъ, чтобы они бросили между собою жребій: кому достанется, тотъ и отправится. Въ числѣ выбранныхъ былъ и раввинъ. Жребій палъ на него. Какъ это ни непріятно было ему, все-таки, волей-неволей, онъ долженъ былъ согласиться. Приходить раввинъ домой и объявляетъ женѣ о случившемся. Жена сильно огорчается, плачетъ и тоскуетъ. Она говоритъ: „У насъ нѣтъ дѣтей; въ твое отсутствіе я съ кѣмъ останусь? Я теперь свои дни провожу съ тобою весело. Богъ обидѣлъ насъ и люди хотятъ обидѣть. Нѣтъ, этого не можетъ быть!“ Мужъ говоритъ: „Зачѣмъ ты ропщешь? Богъ далъ Сарѣ сына на старости лѣтъ, такъ и намъ можетъ дать, услышавъ нашу молитву и видя мое самопожертваніе народу; тогда и нашъ родъ не прекратится“. Прошло немного времени, и, дѣйствительно, жена раввина забеременила. Богъ услышалъ ихъ молитву. Настало время разлуки, раввинъ,

въ назначенный день, отправился для исполненія возложенной на него обязанности. Черезъ нѣсколько времени послѣ отъѣзда раввина, жена его родила сына. Она его воспитывала какъ можно лучше, приложивъ все свое усердіе: съ четырехъ лѣтъ она начала обучать его грамотѣ, отвела ему особую комнату, пригласила учителя и нѣсколькихъ мальчиковъ-сверстниковъ, чтобы съ нимъ учились. Онъ оказывалъ замѣчательные успѣхи. Въ 15 лѣтъ онъ прошелъ уже пятикнижіе Моисея, и удивлялъ раввиновъ своими вопросами, которые приводили ихъ въ затрудненіе. Въ своей комнатѣ онъ молился по цѣлымъ днямъ и отправлялъ богослуженіе. Мать каждый день приходила въ комнату насъ узнать о его здоровьи. Разъ товарищи успѣли окончить занятіе и отправились домой обѣдать, а ему было очень жарко, онъ вышелъ на крышу освѣжиться. Прилетаетъ огромная птица, подхватываетъ мальчика и уноситъ. Приходитъ время обѣда, сынъ не является; мать идетъ въ его комнату, но его не находитъ; ищетъ во всѣхъ комнатахъ, ищетъ вездѣ, но не находитъ; сильно встревоженная посылаетъ служителя по городу искать сына, поднимается вся полиція на ноги, но всѣ поиски тщетны... мать рвала на себя волосы, рыдала отчаянно и просила отдать сына. Одинъ изъ служителей сказалъ, что нужно подняться на крышу,—можетъ быть, онъ тамъ уснулъ. На крышѣ нашли его обувъ. Призываютъ мать, но и она не можетъ понять, куда дѣлся сынъ,—развѣ вѣтеръ могъ унести.

Птица понесла Шолмы (такъ звали сына раввина) черезъ моря, горы, долины и привесла въ Испанію, въ страну язычниковъ и медленно опустила въ чудный садъ царя. Увидѣли это служители и дали знать царю. Царь приходитъ и видитъ, что лежитъ прекрасный юноша въ безчувственномъ состояніи. Когда его птица несла, онъ сильно испугался, думалъ, что птица сброситъ его въ море, и онъ можетъ утонуть, или же въ лѣсъ, тамъ его звѣри могутъ растерзать. Хотя птица осторожно бросила его въ садъ, но ударъ паденія былъ силь-

ный, и Шольмы впалъ въ безчувственное состояніе. Юноша понравился царю; онъ его сразу полюбилъ и очень жалѣлъ. Царь приказалъ врачамъ привести юношу въ чувство. Врачи привели юношу въ чувство посредствомъ лѣкарствъ, но Шольмы былъ слишкомъ слабъ. Государь приказалъ привести вкусныя кушанія. Шольмы отказывается и говоритъ: „нашъ законъ не дозволяетъ ѣсть эти кушанія“. Царь спрашиваетъ юношу: „что-же ты можешь ѣсть?“ Шольмы говоритъ, что можетъ пить молоко, медъ и яйца. Царь приказываетъ привести молока. Послѣ принятія пищи Шольмы немного освѣжился и ободрился. Царь отвелъ ему въ саду стеклянный домъ. Черезъ два дня государь говоритъ Шольмѣ, что ему необходима мясная пища, а такая пища можетъ ослабить его. Шольмы говоритъ, что мясное долженъ готовить раввинъ, и животныхъ тоже онъ долженъ рѣзать. Царь послалъ въ сосѣднее еврейское селеніе человѣка пригласить одного раввина съ семействомъ въ дворецъ. Царь даетъ раввину квартиру и онъ живетъ тутъ съ семействомъ. Проходятъ дни. Шольмы все скучаетъ. Царю это неприятно. Онъ проситъ сказать ему, почему онъ скучаетъ; пусть скажетъ, что ему только нужно, и все будетъ исполнено. Шольмы говоритъ, что хочетъ совершить богослуженіе, но по закону во время богослуженія должно быть не менѣе 10 человѣкъ, да и книгъ у него нѣтъ. Царь велѣлъ изъ сосѣдняго еврейскаго села переселить сюда 10 семействъ и приобрести всѣ необходимыя книги. Шольмы радуется; цѣлые дни проводитъ въ молитвѣ, въ богослуженіи и въ чтеніи духовныхъ книгъ. Царь каждый день приходитъ на квартиру къ Шольмы навѣщаетъ, его. Шольмы проводитъ дни свои счастливо. У царя была дочь, которая жила въ особомъ зданіи. Однажды ей долго не спалось, она вышла во дворъ освѣжиться. Гуляя по саду, она замѣтила въ стеклянномъ домѣ огонь, т. е. квартира Шольмы была освѣщена. Она и не подозрѣвала ничего, не знала, что у нихъ

живетъ Шольмы. Она заинтересовалась посмотрѣть, кто живетъ тамъ; пошла и видитъ, что въ комнатѣ сидитъ очень красивый юноша. Видъ Шольмы произвелъ на нее такое впечатлѣніе, что она, ничѣмъ не стѣсняясь вошла къ нему и начала спрашивать: „откуда ты? кто ты такой? что тутъ дѣлаешь“? Онъ ей никакого отвѣта не далъ, думая, что это дѣволъ явился къ нему и хочетъ его соблазнить. Она же, думая, что Шольмы не понимаетъ ее, пошла и привела служителя, чтобы онъ перевелъ юношѣ ея слова. Спрашиваютъ Шольмы, почему онъ не хочетъ отвѣчать на вопросы царевны, вѣдь она дочь царя,—Шольмы отвѣчаетъ, что онъ ее принялъ за дѣвола или за дурную женщину, такъ какъ въ такую позднюю ночь хорошая женщина не пойдетъ къ незнакомцу. Царевна велитъ служителю уйти, а сама остается. Шольмы даже на нее не смотритъ, а читаетъ книги Моисея. Она его спрашиваетъ, что онъ читаетъ, что въ книгѣ написано, кто онъ такой, какого вѣроисповѣданія. Онъ нехотя отвѣчаетъ ей. Она остается здѣсь до поздней ночи. На другую ночь она опять приходитъ къ нему, возобновляетъ прежній разговоръ, проситъ его, чтобы онъ разсказалъ ей сущность своей религіи. Шольмы разсказываетъ ей. Она удивляется, что, кромѣ ихъ религіи, есть и другія религіи, при томъ Израильскій Богъ стоитъ выше, чѣмъ ихъ (испанцы въ это время были язычниками, и боги ихъ сдѣлали были человѣческими руками). Ей эта религія понравилась. Она узнала, что Израильская религія, кромѣ фруктовъ, яицъ, молока и меда, не разрѣшаетъ кушать пищи у людей другихъ націй. Она выразила удивленіе, какъ Шольмы соблюдаетъ среди иновѣрцевъ и во дворцѣ, гдѣ нѣтъ евреевъ, всѣ свои обряды. Онъ отвѣтилъ ей, что отецъ ея переселилъ десять еврейскихъ семействъ и раввина, при помощи которыхъ онъ можетъ исполнять все требуемое ихъ религіей. Царевна каждую ночь приходила и продолжала разговоръ о религіи и хорошо ознакомилась съ еврейскою религіею. Она положительно влю-

билась какъ въ Шольмы, такъ и въ еврейскую религію. Онъ тоже началъ уважать ее искренно. Въ одну ночь она заявила, что хочетъ принять израильскую вѣру, но Шольмы не соглашался, говоря, что она не можетъ принять израильской религіи, ибо эта религія очень многого требуетъ, а она этихъ требованій исполнять не сможетъ, особенно въ отношеніи пищи. Лучше вовсе не принимать, а если принять, то нужно въ точности исполнять,—иначе будетъ грѣхъ. Она утвердительно и рѣшительно сказала, что приметъ ихъ вѣру и можетъ исполнять всѣ требованія этой вѣры. Видя твердое ея рѣшеніе, Шольмы согласился обратить ее въ израильскую вѣру. Онъ предупредилъ ее, что объ этомъ никто не долженъ знать, ни мать, ни отецъ, а то имъ угрожаетъ смертная казнь. Затѣмъ онъ ей предложилъ отречься отъ язычества, сожалѣть, что она была язычницею. Она на все согласилась. Тогда Шольмы говоритъ, чтобы въ слѣдующую ночь она принесла съ собою чистое свое бѣлье. Она такъ и дѣлаетъ. Шольмы беретъ ее въ бассейнъ розоваго сада; она тутъ раздѣвается и купается, а Шольмы читаетъ установленную молитву. Выкупавшись, она одѣвается въ чистое бѣлье, и Шольмы даетъ ей израильское имя „Сара“. Послѣ этого онъ обучилъ ее грамотѣ, и она прочла всѣ священныя книги. Она не ѣла у родителей запрещенной еврейской религіей пищи; каждый вечеръ приходила она къ Шольмы и у него ѣла пищу. Такъ счастливо проходили дни за днями. Однажды вечеромъ Шольмы вышелъ въ розовой садъ освѣжиться и умыться. Въ это время прилетаетъ орелъ и уноситъ Шольмы очень высоко и далеко. Царевна приходитъ, но не находитъ Шольмы въ комнатѣ, а всѣ вещи его лежатъ, какъ и прежде. Идетъ она въ садъ, ищетъ его во всѣхъ уголкахъ розоваго сада, но не находитъ. Около бассейна находитъ обувь Шольмы; тутъ она теряетъ совершенно сознание, думая, что онъ утонулъ. Еле-еле передвигая ноги, приходитъ она

домой и ложится въ постель. На другой день царь, по своему обыкновенію, въ определенное время приходитъ посѣтить Шольмы, но не находитъ его дома; ищетъ въ саду и около бассейна находитъ его обувь. Царь, думая, что онъ утонулъ, приказываетъ очистить бассейнъ; очищаютъ, но не находятъ; ищутъ во дворцѣ и въ городѣ, но нигдѣ не находятъ. Царь сильно опечалился, лишившись любимаго человѣка и далъ приказъ искать по всему государству, но всѣ поиски оказались тщетны. Царь отпустилъ всѣхъ евреевъ, говоря: я васъ кормилъ и держалъ у себя ради Шольмы, но когда его нѣтъ, то вы можете идти по своимъ домамъ.

Оставимъ царя и его дочь, теперь перейдемъ къ Шольмы. Орель понесъ его и опустилъ на крышу родного дома. Служитель услышалъ шумъ отъ паденія и испугался, думая, что воры забрались; пошелъ къ госпожѣ и объявилъ ей объ этомъ. Она отвѣтила, что никакого шума не слышала; но на всякій случай приказала осмотрѣть крышу. Служитель идетъ со свѣчою на крышу, и видитъ, что лежитъ какой-то человѣкъ; испугавшись, отступаетъ назадъ, думая, что это недобрый человѣкъ и можетъ его убить; но замѣтивъ, что человѣкъ совсѣмъ не движется, а лежитъ какъ мертвый, ободряется, подходитъ къ нему и видитъ, что этотъ человѣкъ похожъ на сына его госпожи,— быстро идетъ къ ней и даетъ ей знать. Она приходитъ, узнаетъ сына, обнимаетъ, цѣлуетъ, плачетъ отъ радости, но сынъ не двигается съ мѣста. Она приказываетъ принести лѣкарствъ. Лѣкарствомъ мажутъ лицо, даютъ нюхать, онъ отерываетъ глаза и сейчасъ-же спрашиваетъ: „гдѣ Сара?“ Его переносятъ въ комнату, даютъ питательной пищи; онъ поправляется, но сильно горюетъ о Сарѣ; все время вздыхаетъ и произносить имя Сары; дѣлается разсѣяннымъ подобно идіоту. Товарищи думаютъ, что Шольмы помѣшался отъ сильнаго паденія, ибо могло произойти поврежденіе головы. Отецъ Шольмы въ это время собиралъ пожертвованія въ пользу голодающихъ,

во когда услышалъ, что у него родился сынъ, то старался сократить свой путь, вернуться домой и увидѣть сына. Прибывъ въ гор. Яффу, онъ спросилъ о здоровьи жены и сына. О здоровьи сына ему сказали что-то сомнительное, — онъ сильно обезпокоился. Приѣхавъ домой въ Иерусалимъ, онъ видитъ, что сынъ его совершенно пожелтѣлъ и похудѣлъ; спрашиваетъ жену о причинѣ болѣзни; она рассказываетъ мужу, какъ сынъ ихъ пропалъ и какъ нашли его. Проходитъ нѣкоторое время, отецъ видитъ, что положеніе сына ухудшается: сынъ все охаетъ, вздыхаетъ, произноситъ имя Сары и чихнетъ. Отецъ зоветъ его къ себѣ въ комнату и говоритъ: „Сынъ мой, Богъ меня наградилъ за мои добрыя дѣла и далъ мнѣ сына; услышавъ объ этомъ на чужбинѣ, я обрадовался и торопился приѣхать и посмотрѣть на тебя; приѣзжаю и вижу тебя въ такомъ печальномъ видѣ. Мнѣ это больно; я страдаю, видя твое страданіе, твое горе. Говори, если ты меня любишь, въ чемъ заключается твое горе, почему грустишь?“ Сынъ говоритъ, что его горе очень велико, никто помочь ему не можетъ, и что это горе убьетъ его. При этомъ сынъ вздыхаетъ отъ глубины сердца. Отецъ плачетъ, видя великое горе и страданіе сына. Онъ умоляетъ сына не скрывать отъ него и рассказать. Шольмы, послѣ долгихъ просьбъ отца, рассказываетъ ему все подробно; потомъ прибавляетъ: „какъ мнѣ не горевать, когда я положилъ столько трудовъ, на обращеніе въ нашу вѣру Сары, училъ ее грамотѣ и всѣмъ священнымъ книгамъ; когда она душою пристала къ нашей вѣрѣ, когда она имѣетъ ангельскую душу, и наши души слились“. При этомъ Шольмы показываетъ отцу ея печать, ибо они въ знаѣ памяти обмѣнялись печатами. Отецъ говоритъ: „Не горюй, я доставлю тебѣ твою возлюбленную Сару“. Шольмы говоритъ: „нѣтъ, это невозможно и не достижимо“. Отецъ беретъ у сына печать и на другой-же день отправляется въ Испанію. Приѣхавъ въ Испанію, онъ остановился

въ сосѣднемъ со столицею городѣ; распросилъ подробно о случившемся. Ему рассказывали, что у царя жилъ одинъ прекрасный юноша еврей, но пропалъ; послѣ этого исчезновенія заболѣла царевна, ее никто лѣчить не можетъ, и что она находится при смерти. Никому не говоря, кто онъ такой, отецъ Шольмы покупаетъ курицу и разныя питательныя вещества, наполняетъ пузырьки, закрываетъ, запечатываетъ и идетъ въ столицу къ царю, называя себя врачомъ. Отецъ Шольмы немедленно былъ доставленъ къ царю. Царь его ввелъ къ дочери своей, гдѣ сидѣло много народу. Больная находилась при смерти. Отецъ Шольмы попросилъ, чтобы всѣ вышли изъ комнаты и больную оставили одну, такъ какъ присутствіе публики вредно для больной, и что онъ тоже не можетъ лѣчить въ присутствіи постороннихъ. Всѣ уходятъ; онъ запираетъ двери, подходитъ къ больной и на ухо говоритъ: «Сарра, Сарра, встань, твой другъ пришелъ». Но она настолько была слаба, что не могла двинуться. Онъ еще повторилъ. Она никакъ не могла подумать, что Шольмы можетъ придти къ ней, но все-таки удивилась, когда услышала свое имя Сарра, ибо никто, кромѣ Шольмы, не зналъ этого имени; она сдѣлала усиліе и открыла глаза, но увидѣла незнакомаго человѣка. Тогда онъ ей сказалъ, что онъ отецъ Шольмы и пришелъ за нею. Когда онъ показалъ ей печаль, она повѣрила и обрадовалась. Она начала говорить, но была очень слаба, ибо со дня исчезновенія Шольмы ничего не ѣла. Раввинъ наворнилъ ее пригвоенною пищею (она сначала отказывалась, думая, что языческая пища). Затѣмъ отецъ Шольмы приглашаетъ царя и царицу и говоритъ имъ, что надѣется вылѣчить ихъ дочь, что на ея лѣченіе придется употребить слишкомъ дорогое лѣкарство. Царь и царица, видя, что ихъ дочь сидитъ и разговариваетъ, очень обрадовались и говорятъ отцу Шольмы: «мы тебя во сто-кратъ вознаградимъ». Отецъ Шольмы ежедневно кормилъ ее и рассказывалъ о своемъ

сынѣ, который ихъ ожидалъ ежеминутно. Она, подерѣваемая пищею и ободряемая бесѣдою врача, быстро поправилась. Вскорѣ приготовленная пища вся вышла; врачъ донесъ царю, что лѣварство кончилось, и что ему нужно ѣхать въ сосѣдній городъ приготовить лѣварство. Царь разрѣшилъ и далъ ему все, что нужно. Врачъ ѣдетъ въ сосѣдній городъ, приготовляетъ кушанье, наполняетъ пузырьки и привозитъ въ столицу. Черезъ нѣкоторое время царица совершенно выздоровѣла. Отецъ Шольмы тогда сказалъ ей, что онъ оставилъ сына больнымъ и что нужно торопиться. Сарра говоритъ, что ея отецъ не согласится отпустить ее. Врачъ беретъ это устроить, — только пусть она помажетъ свое лицо желтою краскою, чтобы показаться больною, тогда онъ скажетъ царю, что для окончательнаго лѣченія нужно путешествіе, перемѣна воздуха. Она такъ и дѣлаетъ. Царь, увидѣвъ, что дочь его опять пожелтѣла, испугался и пришелъ къ отцу Шольмы и говоритъ: «мы видѣли, что ты съ любовью отнесся къ нашей дочери, лѣчилъ отъ души; ты сдѣлалъ это добро, но вылѣчи ее совершенно». Отецъ Шольмы говоритъ: «Государь, я этого желаю, но что дѣлать? отъ меня ничего не зависитъ: она должна путешествовать, перемѣнить климатъ, иначе умретъ». Царь и царица соглашаются отправить свою дочь путешествовать съ врачомъ и предлагаютъ ему взять, что угодно. Онъ говоритъ, что кромѣ дорожныхъ расходовъ и запасовъ ничего и нивого не хочетъ брать съ собою. Царь даетъ ему на дорогу много золота. Дочь царя беретъ съ собою свои драгоценныя вещи, проситъ отца купить ей разныя драгоценныя украшенія, будто-бы для развлечения. Царь ничего не жалѣетъ, все покупаетъ, что ни проситъ дочь. Затѣмъ царь и царица благословляютъ свою дочь въ путь. Отецъ Шольмы и Сарра отправляются въ Иерусалимъ. Они сильно беспокоятся о здоровьи Шольмы. Прибывъ въ Яффу, они спрашиваютъ о Шольмѣ; имъ говорятъ, что онъ находится при смерти. Пріѣзжаютъ въ Иерусалимъ; на дорогѣ

имъ говорятъ, что Шольмы умеръ. Когда вѣхали во дворъ, то убѣдились, что онъ, дѣйствительно, умеръ. Отецъ началъ громко плакать. Сарра вошла въ комнату, гдѣ лежалъ умершій Шольмы, и попросила, чтобы всѣ вышли и оставили ее одну съ покойникомъ. Когда всѣ вышли, Сарра заперла дверь, стала на колѣни передъ Шольмы, и, обратившись къ Богу съ молитвой, сказала: «Богъ Авраама, Исаака и Иакова, прибѣгаю къ Тебѣ; я оставила свою родину, отца, мать, царскія палаты, славу, роскошь и пріѣхала въ такую дальнюю страну въ любимому человѣку, но его нашла умершимъ. Господь мой, жалься надо мною и воскреси Шольмы! Черезъ него я оставила свою религію, приняла израильскую, узнала истиннаго Бога, сотворившаго небо и землю, всемогущаго, оказавшаго много милости людямъ, окажи Твою милость и мнѣ: воскреси Шольмы!» Послѣ долгой молитвы, она, потерявъ сознание, падаетъ на Шольмы. Богъ услышалъ ея молитву и воскресилъ Шольмы. На другой день рано проснулись оба; радости ихъ не было предѣла. Они начали изливать все свое чувство. Велика была радость родителей. Сначала они не хотѣли вѣрить своимъ глазамъ, думая, что это сонъ. Обвѣнчали ихъ, и Шольмы съ Саррой начали жить весьма счастливо. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отецъ Шольмы, самъ Шольмы и Сарра отправились въ Испанію къ отцу Сарры. Царь и царица очень обрадовались, когда увидѣли совершенно выздоровѣвшей свою дочь и пропавшаго своего любимца Шольмы. Отецъ Шольмы разсказалъ все случившееся царю, отцу Сарры, и царицѣ. Они были тронуты этими событіями, обрадовались, что дочь ихъ обвѣнчалась съ достойнымъ человекомъ, и благословили ихъ. Такъ какъ у царя испанскаго не было больше дѣтей, и Сарра была единственною наслѣдницею его, то послѣ смерти царя испанскаго на престолъ вступилъ Шольмы и правилъ государствомъ мудро.

8. Пророкъ Мойсей въ аду и въ раю. Всевышній хотѣлъ показать при жизни всю Свою славу и мудрость любимому пророку Мойсею. Богъ приказалъ Эноху, который поднялся на небо и сталъ главнымъ ангеломъ Бога, представить кроткаго пророка предъ Его престоль. Затѣмъ Богъ говоритъ: „Покажите ему Мое сокровище и райскій садъ“. Энохъ отвѣтилъ: «Богъ, я огненный, а онъ плоть; какъ-же можетъ совмѣститься огненный духъ съ плотью?» Богъ приказалъ Эноху сойти на землю и обратить Мойсея тоже въ духъ безплотный. Энохъ говоритъ, что къ такому великому пророку ему одному нельзя пойти. Богъ зоветъ ангела вѣстовщика и призываетъ собрать всѣхъ ангеловъ. Всѣ ангелы собрались къ Богу, и Богъ выбралъ изъ нихъ 600.000 ангеловъ и поручилъ ихъ главному ангелу Эноху и приказалъ имъ сопровождать Мойсея. Энохъ въ сопровожденіи 600.000 ангеловъ отправился къ мудрому и великому пророку Мойсею. Мойсей, видя такое громадное число ангеловъ, испугался: онъ никогда и ничего подобнаго не видѣлъ. Пророкъ Мойсей спросилъ ихъ: «Кто вы такіе?» Энохъ отвѣтилъ Мойсею: «Я изъ потомковъ твоихъ прадѣдовъ; я Энохъ, сынъ Ирида. Я пришелъ за тобою и возьму къ Создателю нашему, ибо Ему такъ угодно». Энохъ обращаетъ его тѣло въ духовное, сажаетъ на огненную лошадь и поднимаетъ на небо съ большимъ почетомъ: 150.000 ангеловъ шли впереди, столько же сзади, столько-же справа и слѣва, а Энохъ и Мойсей шли вмѣстѣ. Ангелы пѣли и восхваляли Бога. Вышли навстрѣчу пророка Мойсея всѣ святые люди и стали восхвалять Бога. Всѣ ангелы семи сводовъ неба собрались и смотрѣли на Мойсея. Такимъ почетомъ пользовался Мойсей, и такимъ образомъ представили его предъ Бога. Пока дошли до Бога, имъ пришлось пройти семь сводовъ неба. Въ первомъ сводѣ неба Мойсей увидѣлъ нѣсколько отверстій, и въ каждомъ отверстіи стояло два ангела божественной красоты. Видя ангеловъ въ

отверстіяхъ, Мойсей спросилъ Эноха, что это означаетъ. Энохъ отвѣтилъ, что черезъ одни отверстія молитва людей поднимается на небо, а черезъ другія отверстія поднимается просьба. Изъ одного оверстія приходятъ къ людямъ милости Божіи, изъ другого—веселіе, изъ третьяго болѣзнь и т. д. Все подробно разсказалъ Энохъ Моисею. Поднялись во второй сводъ, тамъ увидѣли ангела длиною въ 350 (зарсанъ) Онъ былъ старшиною надъ 500.000 ангеловъ, которые частью имѣли ангельскій видъ, частью же водяной и т. д. Мойсей спросилъ Эноха, въ чемъ заключается обязанность этого большого ангела и этихъ малыхъ ангеловъ. Энохъ отвѣтилъ, что одни изъ названныхъ ангеловъ завѣдываютъ вѣтрами, другіе дождями, бурями и т. п., словомъ, что они исполняютъ волю Бога. Поднялись въ третій сводъ, тамъ увидѣли одного ангела съ 70.000 головъ; каждая голова имѣетъ 70.000 языковъ, всѣ эти языки прославляютъ Бога, и каждый языкъ произноситъ 70.000 словъ; этому ангелу повинуются 70.000 ангеловъ. Мойсей спросилъ Эноха, въ чемъ заключается обязанность этого ангела. Энохъ отвѣтилъ, что онъ со всѣми своими 70.000 ангелами покровительствуетъ всѣмъ зеленымъ плодамъ, урожаю и этимъ радуютъ людей. Поднялись на четвертое небо, видятъ: огненный домъ, огненные окна, огненные ворота, рядомъ находится колодець и вся вода огненная. Ангелы партіями шли и купались. Тогда Мойсей съ удивленіемъ спросилъ Эноха: «Развѣ и на небѣ есть нечистота, что тутъ ангелы тожекупаются?»—«Тутъ никакой нечистоты нѣтъ», отвѣтилъ Энохъ, „и не для тогокупаются, чтобы очиститься. Вотъ видишь этотъ домъ,—это синагога; Богъ три раза въ день сходить съ трона, приходитъ въ этотъ домъ и молится за подчиненныхъ; тотъ человекъ, который въ синагогѣ разговорами не занимался, а усердно молился Богу, тотъ можетъ слушать молитву Бога. Тѣ ангелы, которые купались въ колодцѣ, старшіе надъ солнцемъ, луною, звѣздами

и другими небесными планетами. Въ мірѣ есть семьдесятъ двигательныхъ колесъ, посредствомъ которыхъ двигаются небесныя свѣтила. Колеса эти приводятся въ движеніе ангелами. Эти ангелы, возвращаясь назадъ съ работъ, проходятъ мимо адскихъ вратъ, поэтому то они купаются въ елодцѣ этомъ, чтобы очиститься, а затѣмъ заходятъ въ синагогу, гдѣ молится Богъ, и слушаютъ Его молитву.“ Моисей еще увидѣлъ, что изъ двѣнадцати главныхъ звѣздъ одна звѣзда сидитъ передъ солнцемъ, а другая передъ луною, и каждая изъ нихъ держитъ въ рукахъ цѣпь, какъ яворъ корабля. Моисей спросилъ о значеніи ихъ. Энохъ ему отвѣтилъ, что одна изъ нихъ, которая сидитъ передъ солнцемъ,—холодная, а другая, которая сидитъ передъ луною,—жаркая: солнце, восходя, желаетъ сажечь весь міръ, но при этомъ приставленная къ нему холодная звѣзда умѣряетъ его силу; луна тоже, восходя, желаетъ заморозить весь міръ, но горячая звѣзда устраняетъ холодъ. Поднялись на пятое небо. Тамъ увидѣли ангеловъ, половина которыхъ были съ ливами огненными, а другая половина съ свѣжными ликами. Старшиною надъ этими ангелами былъ архангелъ Михаилъ. Моисей спросилъ Эноха: „Почему эта половина состоитъ изъ огня, а та половина изъ свѣга“? Энохъ отвѣтилъ ему, что они даютъ людямъ разумъ. Какъ у ангеловъ есть огонь и свѣгъ, и какъ огонь не тухнетъ отъ свѣга, а свѣгъ не таетъ отъ силы огня, такъ и у человѣка есть ангелъ и сатана; они оба равносильны; если бы Богъ далъ ангелу больше силы, чѣмъ сатанѣ, то на свѣтѣ не было бы грѣшныхъ людей. Пророкъ Моисей восхвалялъ Бога за Его мудрое твореніе. Поднялись на шестой сводъ и увидѣли тамъ одного ангела громаднаго роста. Передъ нимъ множество ангеловъ восхваляютъ Бога, ихъ творца и рассказываютъ о Его чудныхъ дѣянiяхъ. Моисей спросилъ Эноха: «Кто они такіе»? Энохъ отвѣтилъ, что они владѣютъ свѣговымъ амбаромъ и градомъ. Моисей увидѣлъ одного ан-

гела и страшно испугался, потому что ростъ его доходилъ до другого свода, а отъ одного небснаго свода до другого 5.000.000 лѣтъ времени нужно употребить, чтобы пройти. Мойсей прочиталъ одну молитву; при этой молитвѣ громадный ангелъ вострепенулся, пришелъ и сталъ предъ Мойсеемъ, прося, чтобъ онъ не читалъ этой молитвы, ибо при этомъ ангелъ можетъ сгорѣть. Отправились дальше, большой ангелъ тоже шелъ съ ними и сопровождалъ Мойсея. Поднялись на седьмое небо,—больше ангельскаго духа не было. Энохъ сказалъ: «Я дальше не могу идти, тамъ есть старшій ангелъ, я его боюсь, поэтому прошу освободить меня». Старшій ангелъ стоялъ за престоломъ Божиимъ и держалъ вѣнецъ Создателя. На седьмомъ сводѣ стоялъ ангелъ, который былъ весь изъ глазъ огненныхъ. Два ангела были связаны огненными цѣпами. Мойсей спросилъ: „Что это за ангелы“? Ему отвѣтили, что они исполняютъ наказаніе и приговоръ Бога надъ грѣшниками. Мойсей испугался страшно, потому что онъ встрѣтился на землѣ съ этимъ ангеломъ одинъ разъ, и чуть было ангелъ не лишилъ его жизни. Энохъ сказалъ ему, чтобы онъ не боялся, ибо не далеко отъ нихъ находится самъ Богъ. Мойсей услышалъ голосъ Бога, который говорилъ: «Не бойся, мой вѣрный рабъ!» Услышавъ гласъ Божій, Мойсей восквалилъ Его, что Онъ избавляетъ его отъ всякихъ опасностей вездѣ. Увидѣли еще одного ангела, съ семью желѣзными цѣпами, который состоялъ весь изъ глазъ. Это былъ ангелъ смерти. Его связали цѣпами, потому что онъ хотѣлъ лишить жизни всѣхъ людей. Мойсей обратился къ Богу съ просьбой и сказалъ: «Богъ, Отецъ моихъ родителей, не дай мнѣ умереть въ рукахъ этого страшнаго ангела». Богъ позвалъ одного ангела, чтобы онъ представилъ Мойсея къ Нему, что хочетъ показать ему Свою мудрость, потому что Мойсей единственный человѣкъ, который любитъ Его и самый достойный пророкъ. Тогда ангелъ, играя съ товарищами на рожь, съ пѣніемъ хвалебныхъ пѣ-

сень представили Мойсея Богу. Мойсей передъ Богомъ, увидѣлъ множество шестикрылыхъ ангеловъ; были между ними громадные, таковой величины, какъ мѣръ. Всѣ они пѣли хвалебныя пѣсни. Мойсей спросилъ Эноха: „Почему эти ангелы съ шестью крыльями?“ Онъ отвѣтилъ, что предъ Богомъ нельзя стоять босыми ногами, а потому эти ангелы двумя крыльями закрываютъ свой станъ, двумя—ноги, а двумя летаютъ. Мойсей прославлялъ дѣянія Божіи. Два ангела, видя, какую почесть воздаютъ Мойсею, дали ему дорогу, и сложили руки на груди, пѣли въ одинъ голосъ и славили Бога, Создателя Авраама; они говорили Мойсею: „Блажены твои родители, что имѣютъ такого сына, блаженъ тотъ народъ, отъ котораго ты приходишь“. Видѣлъ Мойсей одного ангела, у котораго было много душъ; онъ ихъ училъ Библии и говорилъ: „Эта библия готовится для Мойсея, ему дастъ Богъ на горѣ Синаѣ“. Мойсей спросилъ Эноха: „Что это за ангель, и что это за души?“ Энохъ назвалъ ангела, а относительно душъ сказалъ, что онѣ души малолѣтнихъ дѣтей, что ихъ здѣсь учатъ, а потомъ берутъ въ судилище; на дорогѣ они встрѣчаютъ своихъ отцовъ, за нихъ дѣти ходатайствуютъ предъ Богомъ, говоря, что слишкомъ рано умерли, на землѣ никого и ничего не видали, что все время здѣсь учились Библии,—и такимъ образомъ эти дѣти избавляютъ своихъ отцовъ отъ суда, и отцы ихъ идутъ прямо въ рай. Мойсей говоритъ: „Хорошій сынъ есть радость для отца, а дурной—великое горе!“ Тутъ Мойсея Энохъ представилъ предъ ликомъ Божіимъ. Богъ увидѣлъ, что лицо Мойсея сіяло, какъ солнце. Богъ обрадовался и всѣ ангелы обрадовались и славили Бога: „Велики дѣла Твои, Твоя мудрость явилась на землѣ, что на землѣ есть такой человѣкъ“. Богъ сказалъ ангелу, чтобы онъ показалъ Мойсею складъ милостей, которыя сохраняются для добрыхъ людей при кончинѣ вѣка. Мойсей увидѣлъ чудныя и хорошія вещи для блаженныхъ

людей; этихъ вещей нельзя описать, хотя бы пространство между небомъ и землею было наполнено бумагою, а вся вода превратилась въ чернила, всѣ лѣсныя деревья въ перья. Мойсей прославилъ Бога, что имѣть предѣла Его мудрости, могущества и доброты. Энохъ потомъ сказалъ Богу, что все сказанное Имъ исполнено, и ушелъ отъ Мойсея совсѣмъ. Богъ сказалъ Мойсею: „Видишь Мою славу и величіе, и видишь, какую Я милость оказалъ тебѣ и роду твоему?“ Мойсей палъ передъ Богомъ ницъ, поклонился Ему и сказалъ: „Слава Тебѣ, Боже, слава Тебѣ, что Ты оказалъ великую милость сынамъ Израиля“. Затѣмъ Богъ позвалъ къ себѣ архангела Гавріила и сказалъ ему: „Покажи Мойсею два сада: одинъ рай, другой адъ“. Мойсей сказалъ, что онъ боится адскаго огня. Архангелъ сказалъ ему: „Не бойся, рабъ Божій Мойсей, Господь съ тобою“. Они направились къ аду и подошли къ дверямъ его. Архангелъ началъ стучать, и караульщикъ отворилъ двери ада. Увидѣвъ Мойсея, караульщикъ пустился бѣжать, ибо Мойсей имѣлъ ликъ Божій, а ангелы не могутъ стоять передъ ликомъ Бога и смотрѣть на Его сіяніе. Мойсей подошелъ къ адскому огню, но огонь убѣжалъ отъ него. Ангелъ надсмотрщикъ огня удивился, видя такое чудо и зная, что этотъ огонь долженъ бѣжать только при входѣ Мессіи; посмотрѣлъ на небо, надѣясь видѣть на немъ признаки прихода Мессіи, но увидѣлъ только одного человѣка, а съ нимъ архангела Гавріила. Этотъ ангелъ спросилъ архангела Гавріила: „Почему огонь передъ тобою бѣжитъ?“ Гавріиль отвѣтилъ: „Огонь бѣжитъ не передо мною, а передъ этимъ человѣкомъ“. Ангелъ спросилъ: „Кто онъ?“ Архангелъ отвѣтилъ: „Это пророкъ Мойсей“. Ангелъ подошелъ къ Мойсею и спросилъ: «Кто ты таковъ?» Мойсей отвѣтилъ: «Я Мойсей, сынъ Авраама». Ангелъ предсталъ передъ нимъ и сказалъ: «Ты—Божіе созданіе, рабъ Божій, это не твое мѣсто и не время тебѣ итти сюда». Архангелъ повелъ Мойсея и показалъ адъ. Мойсей измѣрилъ

ада и опредѣлялъ, что отъ одного до другого конца можно пройти въ 300 лѣтъ. Гавріилъ говоритъ Моисею: «Иди, я тебѣ, по приказанію Бога, долженъ показать семь комнатъ въ аду». Идутъ въ первую комнату, видятъ тамъ множество душъ, повѣшенныхъ на огненныхъ цѣпяхъ, которыя за голову, которыя за глазъ, которыя за языкъ и т. п.; женщины повѣшены за косы, за груди. Всѣ женщины и мужчины плачутъ, мучатся, но никто имъ не оказываетъ помощи. Мойсей спросилъ архангела: «За что они наказаны?» Архангелъ отвѣтилъ: „женщины наказаны за то, что онѣ ругали и били мужей, свои косы и груди показывали молодымъ людямъ; тѣ мужчины, которые повѣшены за глазъ, смотрѣли игривой душою на женщинъ, не уважали ученыхъ, обижали ихъ, просящимъ не давали ничего; бѣдняковъ бранили; тѣ грѣшники, которые повѣшены за уши, слушали только скверныя слова, не слушали слова Божія въ синагогахъ, просьбъ бѣдныхъ, сиротъ, о помощи совѣмъ не хотѣли слышать; а тѣ, которые повѣшены за языкъ,—кляузничали, передавали отъ одного другому, за деньги являлись ложными свидѣтелями, вредили своимъ языкомъ и говорили скверныя слова; тѣ, которые повѣшены за ноги, не шли по пути добрыхъ дѣлъ, не ходили въ синагогу, въ училище, а за дурными дѣлами тащились; тѣ, которые повѣшены за руки, не дѣлали никому добра, не жертвовали ничего, не оказывали помощи никому, не осматривали и не ошущивали больныхъ, врали у товарищей своихъ вещи, скрывали чужія деньги, много плохихъ дѣлъ дѣлали ихъ руки“. Много было пустыхъ цѣпей,—онѣ предназначены были для будущихъ грѣшниковъ. Мойсей и архангелъ пошли во вторую комнату ада и увидѣли много людей, повѣшенныхъ головою внизъ: все ихъ тѣло было покрыто червями, которые ѣли грѣшниковъ; они кричали такъ, что голосъ ихъ былъ слышенъ во всѣхъ концахъ ада; имъ хочется умереть, но приставленный къ нимъ ангелъ бьетъ ихъ и говоритъ, что имъ умереть здѣсь нельзя, и что они

всегда должны такъ мучиться. Мойсей спросилъ архангела: «За что они наказаны»? Архангелъ отвѣтилъ, что они всегда ложно божились, никогда правды не говорили, субботы свято не хранили, обижали ученыхъ, не признавали библии, поэтому и мучатся. Заходятъ въ третью комнату; здѣсь видятъ совершенно нагихъ людей, тѣло которыхъ чернаго цвѣта; изъ каждаго глаза виситъ змѣя, длиною въ 100 аршинъ. Мойсей спросилъ архангела: «Въ чемъ заключается ихъ вина»? Архангелъ отвѣтилъ: «Они имя Божье не свято хранили, порочили людей, совершали убійства, богохульствовали, ложными шпионами являлись, чтобы избѣгать земного наказанія и получить почести». Заходятъ въ четвертую комнату и видятъ людей, повѣшенныхъ за губы, а подъ ними горитъ огонь; жестокіе ангелы огненными молотами бьютъ ихъ по зубамъ и разбиваютъ зубы. Мойсей спросилъ архангела: «Въ чемъ они провинились»? Архангелъ отвѣтилъ, что они этими зубами ѣли запрещенную пищу, чужія принадлежности, трупы умершихъ, давали деньги на проценты (еврея не могутъ другъ другу давать деньги подъ процентъ), невѣрными вѣсами обманывали другихъ, праздниковъ не соблюдали, поэтому они наказаны. Идутъ въ пятую комнату; видятъ людей въ огнѣ: одна половина челоуѣка въ огнѣ, а другая въ снѣгу, и они издають страшный крикъ. Мойсей спросилъ объ ихъ винѣ. Архангелъ отвѣтилъ, что они занимались прелюбодѣянiемъ, напрасно проливали кровь, вмѣстѣ съ язычниками ѣли пищу, называли пищу Богомъ, поэтому и вѣчно мучатся. Заходятъ въ шестую комнату; тамъ мучились въ огнѣ тѣ грѣшники, которые увлекались женщинами, занимались мужелоствомъ, онанизмомъ, вообще всё тѣ, которые теряли сѣмя напрасно. Мойсей недалеко отъ мучениковъ увидѣлъ людей, которые все время смотрѣли на грѣшниковъ. Мойсей спросилъ архангела: „Что это за люди“? Архангелъ отвѣтилъ: „Это тѣ, которые на землѣ наставляли тѣхъ грѣшниковъ, но грѣшники не слушали ихъ; теперь они

надъ ними смѣются“. Пошли въ седьмую комнату; тамъ ангелы стояли надъ грѣшниками и били ихъ огненными плетьюми съ утра до вечера, а вечеромъ привязывали ихъ огненными цѣпями и оставляли до утра. Эти грѣшники страшно кричали и плакали, такъ что голосъ ихъ слышенъ былъ во всѣхъ другихъ комнатахъ. Мойсей спросилъ: „За что они наказаны?“ Архангелъ отвѣтилъ, что они не ходили въ синагогу, а если и ходили, то не молились Богу, не произносили имени Бога съ благоговѣніемъ; отъ общественной помощи, отъ общественной пользы и дѣлъ убѣгали, говоря, что это не ихъ дѣло; въ сердцахъ имѣли вражду къ товарищамъ своимъ, а явно показывали себя друзьями). Мойсей, послѣ всего видѣннаго, началъ молиться и просить Бога, говоря: „Богъ моихъ отцовъ, Авраама, Исаака и Иакова, избавь этихъ грѣшниковъ отъ такого наказанія“. Богъ услышалъ его молитву и многимъ грѣшнымъ простилъ; тѣ явились къ Мойсею и повлонились ему. Мойсей сказалъ имъ: „Не мнѣ, а Создателю нашему поклонитесь“. Мойсей молился и просилъ Бога, чтобы онъ разрушилъ адъ. Тогда Богъ отвѣтилъ ему: „Мойсей, рабъ мой, у Меня нѣтъ ни лицемѣрія, ни несправедливости, — каждому человеку дается награда по его достоинству; у Меня есть два сада: въ одинъ садъ отправляются люди за дурные и злые проступки, а въ другой садъ отправляются люди за сдѣланныя хорошія дѣла, гдѣ они блаженствуютъ; я все знаю, что они думаютъ“. Затѣмъ Архангелъ и Мойсей уходятъ изъ ада. Архангелъ спросилъ Мойсея: „видѣлъ-ли ты мудрость справедливаго Бога?“ Мойсей отвѣтилъ архангелу Гавріилу: „Богъ нашъ справедливъ и всѣмъ даетъ достойное возмездіе“. Архангелъ Гавріилъ ведетъ Мойсея показать рай. Подходятъ они къ дверямъ рая; архангелъ постучалъ, пришли ангелы милости, отперли двери рая и увидѣли архангела и Мойсея. Ангелы объявляютъ Мойсею, что ему не время быть здѣсь. Тогда архангелъ сказалъ имъ, что хотя Мойсею не время идти въ

рай, но Богъ приказалъ показать пророку семь райскихъ комнатъ. Ангелы обрадовались, открыли уста и восхваляли Бога. Затѣмъ архангелъ и ангелы вошли въ рай. Тутъ Мойсей услышалъ таковой ароматный запахъ, который слышно за 500 верстъ. Мойсей спросилъ: „Что это за запахъ“? Архангелъ ему отвѣтилъ, что это запахъ отъ справедливыхъ женщинъ въ раю. Мойсей спросилъ: „Что онѣ такого хорошаго сдѣлали, что обладаютъ такимъ ароматомъ?“ Архангелъ отвѣтилъ, что онѣ очень скромно вели себя, соблюдали чистоту во время менструаціи, кромѣ своего мужа никого не знали, ихъ голоса никто не слышалъ“. Мойсей посреди рая увидѣлъ „древо жизни“, на которомъ сидѣлъ ангелъ. Мойсей спросилъ: „Кто этотъ ангелъ, что сидитъ на деревѣ“? Архангелъ отвѣтилъ, что этотъ ангелъ охраняетъ дерево, но не назвалъ его имени. На этомъ деревѣ было 70.000 плодовъ, каждый плодъ имѣлъ 70.000 вкусовъ. Это дерево было выше неба; оно осѣняло весь райскій садъ. Ангелъ, находящійся подъ этимъ деревомъ, всталъ, поклонился Мойсею, заплакалъ и сказалъ, что онъ изъ устъ самого Бога слышалъ, что Мойсей отъ Израиля, что племя израильское выведетъ Мойсей изъ Египта, море раздѣлитъ пополамъ, получить Библию и десять заповѣдей. Наконецъ спросилъ: „Зачѣмъ Мойсей такъ рано пришелъ въ рай?“ Услыша это, Мойсей обрадовался, а ангелъ не переставалъ плавать. Архангелъ сказалъ ему: „Чего ты плачешь? Мойсей вовсе не умеръ, а сюда пришелъ временно, по повелѣнію Бога, и я обязанъ показать ему всѣ комнаты рая“. Ангелъ обрадовался и пересталъ плавать. Повели Мойсея въ первую комнату рая. Тамъ были кровати изъ жемчуга, алмаза и изъ разныхъ драгоценныхъ камней, которые ярко блестѣли. При каждой кровати стояло 60 ангеловъ, и еще была большая кровать, около которой стояло 100 ангеловъ. Мойсей спросилъ: „чьи эти кровати“? Архангелъ отвѣтилъ: „эти кровати для Авраама, Исаака, Иакова и другихъ пророковъ,

а эта большая кровать для тебя устроена“. Авраамъ, увидѣвъ Моисея, сказалъ: „Слава Тебѣ, Боже, велика Твоя мудрость“. Всѣ пророки, увидѣвъ Моисея, обрадовались; встали и поклонились ему. Всѣ они собрались предъ Богомъ и славили Его: „Богъ Израиля, велика Твоя мудрость, что изъ племени Авраама произошелъ такой человекъ“. Богъ сказалъ: „Возрадуйтесь, дѣти Израиля, что Я вамъ далъ такого пророка, какъ Моисей“. Взяли Моисея во вторую комнату. Тамъ было безчисленное множество кроватей изъ металловъ. На вопросъ Моисея: „Чьи кровати?“—Архангелъ отвѣтилъ, что это для ученыхъ людей. Золотыя кровати для тѣхъ грѣшниковъ, которые раскаялись, а серебряныя для тѣхъ, которые перемѣнили свою вѣру, но опять приняли, мѣдныя для тѣхъ грѣшниковъ, которыхъ грѣхи искупили дѣти ихъ. Налѣво увидѣли отца Авраама: онъ сидѣлъ на мѣдной кровати. Увидя Моисея, онъ всталъ, поклонился и сказалъ: „Велика милость Твоя, Господи, благодаря моему сыну и Моисею, я нахожусь въ раю; о, горе мнѣ, что я не вѣровалъ Тебѣ, Богъ, а вѣровала Кимруду, строителю Вавилонской башни“. Затѣмъ онъ просилъ Моисея подойти къ нему. Моисей сказалъ: „Сиди, я приду“. Но отецъ Авраама не хотѣлъ сѣсть. Моисей сказалъ ему: „Пока не сядешь, я не приду къ тебѣ.“ Онъ сѣлъ. Тогда Моисей подошелъ къ нему, поцѣловалъ его лобъ и руку и сказалъ: „Не бойся, я приготовлю для тебя во время пришествія Мессіи лучшую кровать.“ Отецъ Авраама успокоился. Всѣ удивлялись и спрашивали, почему Моисей оказываетъ такое уваженіе отцу Авраама—язычнику. Моисей отвѣтилъ, что онъ уваженіе оказалъ ему ради сына его Авраама, который обращалъ язычниковъ на путь истины. Пошли въ третью комнату; тамъ увидѣли много всевозможныхъ плодовъ, много кроватей изъ драгоценныхъ камней; на нихъ сидѣли люди съ короною на головахъ; лица ихъ сіяли, какъ солнце; передъ ними были накрыты

стола, на столахъ находились всевозможныя явства, плоды, благоухающіе цвѣты, плоды райскаго дерева и пятикнижіе, а надъ ними алмазная кровать, и передъ каждымъ находился ангелъ и служилъ имъ, зажигалъ свѣчи и ставилъ передъ ними; свѣтъ Божій сіялъ на нихъ; они читали пятикнижіе Мойсея и единогласно говорили: „Богъ одинъ и Моисей нашъ пророкъ“. Мойсей спросилъ: „Кто вы такіе?“ Ему отвѣтили, что они такіе люди, которые съ утра до полуночи читали священныя книги, ходили въ синагогу, молились Богу отъ чистаго сердца, и вотъ Богъ далъ имъ въ раю такое мѣсто. Пошли въ четвертую комнату. Эта комната сдѣлана изъ масличныхъ и пальмовыхъ деревьевъ. Тамъ сидѣли почетные люди. Мойсей спросилъ: „Почему эта комната сдѣлана изъ масличныхъ деревьевъ?“ Архангелъ отвѣтилъ: „Плоды масличныхъ деревьевъ пока не поспѣли, пока не дозрѣли, очень горьки, вотъ эти люди такою же горькою жизнью дошли до этого и теперь пользуются плодами своихъ трудовъ“. Вошли въ пятую комнату. Эта комната была построена изъ золота, серебра и жемчуга; передъ нею текла райская рѣчка; надъ комнатою была протянута занавѣсъ изъ золота, серебра и жемчуга, ее выткала прародительница Ева въ раю. На кроватяхъ были благоухающіе цвѣты. Пророкъ Давидъ со своимъ родомъ тоже сидѣлъ тамъ. Увидѣвъ Мессію, Мойсей восхвалялъ Бога и сказалъ: „Слава тебѣ, Боже, что я при жизни увидѣлъ Мессію“. Затѣмъ Мойсея взяли въ шестую комнату. Тамъ увидѣли людей, преждевременно умершихъ. Мойсей спросилъ ихъ, кто они такіе. Архангелъ отвѣтилъ, что это молодые люди, которые шли по стопамъ Бога, поэтому пользуются такими почестями. Пошли въ седьмую комнату; тамъ увидѣли нищихъ и убогихъ. Они сидѣли, радовались и веселились. Богъ тоже сидѣлъ среди нихъ и училъ священнымъ книгамъ. Мойсей сказалъ, что Богъ говоритъ въ псалмѣ, что бѣдные и убогіе, несмотря на свою нищету, ни-

когда не ропщутъ на Бога, а идутъ по справедливому пути, и Я всегда съ ними. Моисей спросилъ: „Почему они пользуются такими почестями?“ Архангелъ отвѣтилъ: „Они, несмотря на нищету свою, всегда ходили въ синагогу, молились Богу, дѣлали хорошія дѣла, прославляли Бога и были довольны своею судьбою“. Архангелъ Гавріилъ сказалъ Моисею: „пойдемъ, я тебя передамъ Тому, Кто поручилъ тебя мнѣ“. Поставилъ Моисея передъ Богомъ. Моисей поклонился Богу и прославилъ Бога. Много хвалебныхъ пѣсенъ говорилъ Моисей Богу. Богъ приказалъ Эноху взять Моисея обратно на землю и изъ духа обратить въ плоть человѣка.

9. а) О скупости и благотворительности. Жилъ былъ одинъ скупой-прескупой человѣкъ, который въ своей жизни никому никакой милости не подавалъ. Разъ онъ купилъ козленка, понесъ къ равнину зарѣзать. Равнинъ зарѣзалъ и отдалъ ему. Онъ снялъ шкуру, разрѣзалъ мясо на куски и приказалъ женѣ варить ножи и голову. Она такъ и сдѣлала. Въ сосѣдствѣ жила одна бѣдная женщина и была беременна. Когда она услышала запахъ мясного кушанья, то ей страшно захотѣлось ѣсть; но не знала, какимъ образомъ получить это кушанье, ибо пойти просить она стыдилась. Рѣшилась пойти просить огня. Она думала, что жена этого скупого человѣка догадается и дастъ ей этого кушанья. Она ошиблась: жена скупого человѣка боялась мужа и ничего не могла дать ей. Приходить она за огнемъ, получаетъ его, но дома тушить и вторично приходитъ за огнемъ. Жена скупого догадалась, что бѣдная женщина за кушаньемъ приходитъ, но, боясь мужа, ничего не могла дать ей. Бѣдная женщина третій разъ приходитъ за огнемъ; тогда жена скупого рѣшается дать ей немножко кушанья, хотя она знала навѣрно, что мужъ за это побьетъ ее.

ее. Она достает одну ножку и вмѣстѣ съ хлѣбомъ даетъ и говорить: „Ступай скорѣе, чтобы тебя никто не видѣлъ“. Вечеромъ мужъ приходитъ домой. Жена, по обыкновению, подаетъ ему котель съ пищею. Мужъ всегда повѣряетъ положенные имъ куски мяса; повѣрилъ и видитъ, что одной ножки не достаетъ и спрашиваетъ жену: „Нашъ возленокъ о трехъ ножкахъ былъ?“ Жена отвѣчаетъ, что онъ былъ о четырехъ ножкахъ. Мужъ спрашиваетъ: „Гдѣ четвертая нога?“ Жена молчитъ и не знаетъ, что сказать. Мужъ настоятельно требуетъ, чтобы она сказала, куда дѣлась ножка. Жена говоритъ, что кошка унесла. Но мужъ не вѣритъ этому и требуетъ, чтобы она правду сказала, — иначе убьетъ ее. Жена не могла обмануть мужа и сказала: «Четвертую ногу я отдала бѣдной сосѣдкѣ. Она беременна; какъ услышала она запахъ мяса, то ей очень захотѣлось поѣсть, — она пришла, попросила дать ей немножко, и я не могла отказать». — Выслушавъ это, скупой пришелъ въ ярость и хотѣлъ разорвать жену, говоря: «Мало того, что сосѣдка получила отъ тебя ножку возленка, ты еще дала ей цѣлый хлѣбъ. Онъ закричалъ женѣ: „Ступай, принеси назадъ, а то я тебя убью“. Жена говоритъ: „Она уже съѣла, не могу же я распоротъ животъ этой женщины“. Скупецъ страшно горевалъ, не могъ перенести этого и умеръ. Его похоронили. На другой день приходятъ женщины къ могилѣ и слышать, что изъ могилы кричитъ: „ай голова, ай ноги“! Идутъ и даютъ знать въ селѣ. Приходятъ, отыскиваютъ могилу и видятъ, что скупой еще живъ. Спрашиваютъ, что съ нимъ случилось и почему кричалъ: „ай голова, ай ноги“! Онъ говоритъ, что его ангелы огненнымъ вѣтромъ били за то, что онъ былъ очень скупъ. Когда ангелъ билъ по головѣ, то хлѣбъ его держалъ, а когда по ногамъ, то нога возленка держала. Хлѣбъ и нога — это единственные предметы, которые жена безъ разрѣшенія его отдала бѣдной больной

женщинѣ. Послѣ этого скупой возвратился домой, продалъ половину своего состоянія и роздалъ бѣднымъ и убогимъ. Никому послѣ этого ни въ чемъ не отказывалъ, помогалъ всегда бѣднымъ и жилъ очень счастливо со своею женою.

б) Жиль-былъ одинъ скупецъ. Онъ былъ такимъ скупымъ, подобныхъ которому трудно найти гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Онъ въ жизни своей никому ни одной копѣйки не далъ,—а былъ известнымъ богачомъ. У него было много золота, серебра, всего, что необходимо для человѣка; но никто не могъ получить отъ него ни одной копѣйки. У воротъ онъ поставилъ караульщика, чтобы ни одинъ бѣднякъ не могъ проникнуть въ его дворъ. Его поступокъ ни Богу, ни людямъ, ни ангеламъ не понравился. Когда онъ спалъ, ангелъ явился къ нему, взялъ изъ-подъ подушки записную его книжку и написалъ слѣдующее: „Половину твоего имѣнія раздай бѣднымъ, а то я лишу тебя всего имѣнія“. На другой день скупой читаетъ эту записку, удивляется, кто бы это могъ написать, но все-таки не вѣритъ, говоритъ, что это глупость, и что онъ никогда не рѣшится лишить себя такого громаднаго состоянія въ одинъ часъ, ибо все это онъ приобрѣлъ десятками лѣтъ. Записку повторяется нѣсколько разъ, но нашъ скупой все не вѣритъ и на нее не обращаетъ никакого вниманія. Черезъ нѣсколько дней скупой отправляется въ баню, одѣтый въ дорогой костюмъ и въ экипажѣ. За нимъ заходитъ въ баню ангелъ въ костюмѣ нищаго и входитъ въ ту комнату, гдѣ былъ и скупой. Ангелъ, въ костюмѣ нищаго, побылъ немного въ банѣ, вышелъ и принялъ на себя ликъ скупого. Служители, думая, что онъ скупой богачъ, подаютъ ему костюмъ. Ангелъ, одѣвшись въ костюмъ скупого, платитъ банщику нѣсколько червонцевъ, садится въ экипажъ и ѣдетъ въ домъ скупого. Ни служители, ни дѣти, ни жена скупого не могли узнать ангела, ибо ангелъ принялъ внѣшній видъ скупого.

Богачъ выходитъ изъ бани и не находитъ ни своего костюма, ни слугителей, ни экипажа; зоветъ слугителя и спрашиваетъ, гдѣ его одежда и куда ушли его слуги. Ему указываютъ на лохмотья. Онъ говоритъ, что это вовсе не его одежда и называетъ себя по имени. Ему говорятъ, что тотъ богачъ прѣхалъ въ экипажѣ и уѣхалъ опять въ экипажѣ, и запалтилъ нѣсколько червонцевъ. Скупой какъ ни увѣрялъ, какъ ни клялся и плакалъ, ему никто не вѣрилъ; считая сумасшедшимъ, прогнали его. Волей неволей пришлось ему одѣться въ лохмотья; идетъ въ свой домъ, но и здѣсь караульщики не пускаютъ его, говоря, что баринъ ихъ очень скупой, не позволяетъ нищихъ пускать во дворъ. Онъ сталъ увѣрять, что онъ и есть домохозяинъ, но ему и тутъ никто не повѣрилъ, и слугители прогнали его. Оставшись на улицѣ безъ всякихъ средствъ и пріюта, онъ не могъ дать себѣ отчета въ происшедшемъ. Вспомнилъ, что было написано въ его памятной книжкѣ: ему предлагали продать половину имѣнія и раздать бѣднымъ, но онъ не исполнилъ этого требованія, и теперь лишился не только состоянія, но и жены, дѣтей. Идетъ по городу, самъ не зная куда, плачетъ, горюетъ, вспоминаетъ Бога и рѣшается нищенствовать, чтобы спастись отъ голодной смерти. Во время нищенства онъ испыталъ всю тягость и бремя этой жизни, понялъ, какъ тяжело живетъ нищему, и какъ онъ нехорошо поступалъ, никогда не помогая нищимъ. Тѣмъ временемъ ангелъ распорядился въ его домѣ; сыновьямъ его, слугителямъ и приказчикамъ назначалъ работы; жилъ очень щедро и говорилъ сыновьямъ, что Богъ такъ приказалъ ему. Черезъ нѣсколько времени ангелъ устроилъ большой пиръ на весь городъ; пригласилъ всѣхъ и богатыхъ и бѣдныхъ, молодыхъ и старыхъ, мужчинъ и женщинъ. Горожане удивились, что скупой такъ расщедрился. Въ числѣ бѣдняковъ пришелъ и самъ домохозяинъ. Видя свой домъ, жену, дѣтей, имущество, которыхъ онъ лишился, заплакалъ

и не сталъ ничего ѣсть. Ангелъ поручилъ своимъ служителямъ, чтобы они всѣхъ угощали, смотрѣли за столомъ, гдѣ что нужно, и кто въ чемъ нуждается. Вотъ служитель доноситъ, что одинъ бѣднякъ сидитъ, ничего не ѣсть и все плачетъ. Ангелъ идетъ къ нему и говоритъ: „Чего ты плачешь?“ Тотъ ничего не отвѣчаетъ. Ангелъ опять спрашиваетъ; тогда тотъ говоритъ: „У меня большое горе“. Ангелъ и говоритъ: „Скажи, какое горе; можетъ быть, я помогу“. Бѣднякъ говоритъ: „Нѣтъ, моему горю никто не можетъ помочь“. Ангелъ говоритъ: „Кушай, не горюй, послѣ обѣда расскажешь про все свое горе“. Послѣ обѣда, когда всѣ гости ушли, ангелъ пригласилъ къ себѣ скупого и спрашиваетъ: „Почему ты плакалъ и какое у тебя горе?“ Скупой говоритъ: „Развѣ тебѣ не извѣстно, кому принадлежитъ этотъ домъ, жена, дѣти? Не мое-ли все это?“ Ангелъ тогда говоритъ: „Вотъ видишь, ты не вѣрилъ, что все твое состояніе можетъ перейти черезъ часъ къ другому; ты не вѣрилъ тому, что я написалъ въ твоей памятной книжкѣ;— теперь ты испыталъ всю горечь бѣдности. Вотъ твое состояніе: передаю тебѣ, ты раздай бѣднымъ половину его и всегда дѣлай добро другимъ!“ Ангелъ свернулся. Скупой все рассказалъ дѣтямъ и говоритъ: „Для васъ это примѣръ; не поступайте такъ, какъ я!“ Раздалъ половину состоянія бѣднымъ и во всю жизнь никому ни въ чемъ не отказывалъ: всѣ бѣдные и убогіе приходили къ нему за помощью; онъ всѣмъ помогалъ и всѣхъ угощалъ. Богъ ему всегда помогалъ, и онъ жилъ счастливо.

10. Исусъ Навинъ и Шухахъ. Исусъ Навинъ, завоевавъ обѣтованную землю, покорилъ 32 царства, поселился на ихъ землѣ и царствовалъ надъ $9\frac{1}{2}$ колѣнами израильскаго племени, а надъ двумя съ половиною колѣнами царствовалъ Япувахъ. Завидуя Исусу Навину, сосѣдній царь

Шувахъ заключилъ союзъ съ 45 царями, которые имѣли по 60.000 войскъ каждый; во главѣ одного стоялъ богатырь Ифидъ, который взмахомъ сабли истреблялъ сразу тысячу. Цари рѣшили наказать Иисуса Навина. Не желая тайно идти на него войною, они предупредили письмомъ. Въ письмѣ было написано слѣдующее: „Мы всѣ, блаженные союзники, цари Ирана (Мазандерана), пишемъ Иисусу Навину! Ты жадный волкъ, ты разорилъ наши страны, ты былъ алчнымъ рѣзникомъ, не жалѣлъ ни старыхъ, ни женщинъ, ни молодыхъ, всѣхъ избилъ, — теперь слушай: на 30 день, считая съ сегодняшняго дня, придетъ воевать съ тобою мы, 45 царей. Каждый изъ насъ имѣетъ 60.000 воиновъ, вооруженныхъ стрѣлами; всѣ они привыкли къ войнѣ, владѣютъ саблями и всѣ храбрецы; имѣютъ во главѣ богатыря Ифида. Вооружись и приготовься, — не говори, что тайно напали на меня!“ Снарядили посла и отдали письмо ему. Посоль пріѣхалъ къ Иисусу Навину. Иисусъ Навинъ сидѣлъ на тронѣ и судилъ народъ. Посоль стоялъ и ждалъ очереди; когда дошла очередь до него, то онъ отдалъ письмо. Иисусъ Навинъ прочелъ и заплакалъ, — въ душѣ ему было очень тяжело, но онъ не показавъ вида, что смутился. Такъ какъ наступилъ праздникъ пятидесятницы, то Иисусъ Навинъ никого не хотѣлъ смущать и разстраивать. Онъ приказалъ отвести послу комнату и хорошо кормить его, такъ какъ онъ, по случаю праздника, нѣсколько дней долженъ остаться, чтобы получить отвѣтъ на письмо. Проходятъ праздники. Иисусъ Навинъ совѣщаетъ своихъ совѣтниковъ, мудрѣйшихъ старцевъ и читаетъ имъ письмо; старцы слушаютъ и говорятъ: нужно этимъ дерзкимъ язычникамъ отвѣтить. Иисусъ Навинъ говорить: „Дайте время, я напишу“. На другой день Иисусъ Навинъ приходитъ въ совѣщательную комнату, гдѣ собрались всѣ его совѣтники и старшины, и говорить: „Я написалъ отвѣтъ. Слушайте. Если понравится, то пошлемъ“. Они сказали: „Читай, мы слушаемъ!“ Иисусъ Навинъ началъ читать: „Я пишу

при помощи Бога, при помощи Того, Который лишает силы сильныхъ, убиваетъ грѣшниковъ, разрушаетъ союзы и собранія грѣшниковъ, а вѣрующихъ въ Него Онъ соединяетъ и дѣлаетъ едиными,—я пишу отъ имени Всевышняго, Который Богъ для всѣхъ людей, и для тѣхъ, которые сдѣлали себѣ кумира, называя богомъ. Богъ одинъ—Богъ Авраама, Исаака и Иакова. Я, владѣтель правыхъ людей, дѣтей Авраама, Исаака и Иакова, пишу письмо народу, который сдѣлалъ изъ камня, дерева истукановъ, которые не слышатъ, не понимаютъ, а ихъ называютъ богомъ! Вы зовете къ себѣ спящаго льва, заставляете спящаго льва проснуться; въ руки льва даете саблю,—и я ваше злое намѣреніе на васъ же обращу! Куда вы, нечестивые, хотите итти? Въ священный городъ—въ Іерусалимъ!? Вы не трудитесь, не выходите, а ожидайте насъ; мы къ вашимъ услугамъ. Черезъ семь дней придемъ и истребимъ вашихъ храбрыхъ воиновъ и отдадимъ на съѣденіе хищнымъ звѣрямъ и птицамъ! Вы хвалитесь, что васъ въ союзѣ 45 царей и каждый царь имѣетъ по 60.000 храбрыхъ воиновъ; этимъ мы не можемъ хвалиться: у насъ въ союзѣ земныхъ царей никого нѣтъ! Мы имѣемъ помощникомъ небеснаго Царя, Которымъ можемъ похвалиться: Онъ послалъ трехъ ангеловъ,—одинъ разрушилъ Содомъ и Гоморру, другой потопилъ весь міръ, а третій разрушилъ Вавилонскій столпъ и смѣшалъ языки, людей обратилъ въ животныхъ—въ обезьянъ, послѣ чего стало въ мірѣ 70 племенъ. У меня всего есть 600.000 войска, которое прошло черезъ море по суши:—Богъ былъ впереди днемъ и ночью въ видѣ огненнаго столба. 12.000 этого войска истребили 5 царей мидянъ, убивъ царя ихъ Бауръ-Бала-оглы, который былъ чародѣй и хотѣлъ проклясть израильтянъ; израильтяне, въ количествѣ 12.000 ч. истребили всѣхъ до мала, не оставивъ ни одной души. Въ числѣ 12.000 войскъ находился внукъ Аарона Пинасъ, который игралъ на свирѣли, и при этой игрѣ разрушались стѣны и крѣпости

враговъ; враги становились какъ вкопанные и не могли бѣжать отъ меча израильтянъ. Развѣ вы не слышали, что войско Фараона погнано въ морѣ, а мы прошли, какъ по сушѣ, невредимо? Развѣ вы не знаете, что сдѣлали съ 32 царями и ихъ землями? Если вы хвалитесь и надѣетесь на Ифиду, то мы надѣемся на самаго сильнаго изъ существъ, противъ котораго вы безсильны“. «Вотъ содержаніе моего письма,» сказалъ Иисусъ Навинъ. Всѣ встали, поклонились и сказали: „Будь ты счастливъ, сынъ Навина, что Богъ далъ тебѣ разумъ написать такое письмо“. Отдаютъ это письмо послу. Посолъ возвратился и сказалъ, что онъ видѣлъ у израильтянъ правильный горнизонъ, всѣ они громаднаго роста, имѣютъ страшный видъ; платье Иисуса Навина изъ дорогихъ тканей и украшено драгоценными камнями; на головѣ у него корона изъ драгоценныхъ камней, съ надписью имени Бога. Прочитавъ письмо и услышавъ вѣсть отъ посла, сосѣдній царь Шувахъ съ своими союзниками упали на землю, со страхомъ говорили: „Что мы сдѣлали? Зачѣмъ мы себя избили, зачѣмъ разбудили сонныхъ людей? Горе намъ, мы имъ въ руки дали оружіе!“ Иисусъ Навинъ взялъ 12,000 войско и черезъ семь дней прибылъ къ нимъ. Мать царя Шуваха была чародѣйка. Она говорила: „Не бойтесь, я ихъ заключу въ семь слоевъ желѣзной вѣрности; они не найдутъ тамъ ни воды, ни хлѣба,—такъ и умрутъ отъ голода“. Такъ и сдѣлала. Иисусъ Навинъ помолился Богу,—Богъ указалъ, какъ поступить. Иисусъ Навинъ написалъ письмо къ Януваху изъ колѣна Рувима (онъ былъ царемъ 2¹/₂ колѣнъ), просилъ его придти на помощь и взять съ собою внука Аарона Пинаса съ свирѣлью. Такъ какъ люди не могли пройти черезъ эти семь стѣнъ, то отдали письмо голубю. Голубь въ вечеру письмо доставилъ Януваху. Янувахъ, прочитавъ письмо, послалъ гонцовъ по своему государству, собралъ своихъ подданныхъ и сказалъ: возьмемъ мечи свои и пойдемъ защищать обѣтованную землю. Всѣ вооружились и отправились въ царство

Шуваха. Когда Янувахъ приблизился съ войскомъ и Пинасомъ; то мать царя Шуваха (чародѣйка) указала сыну на востокъ и сказала: «Сынъ мой, посмотри на востокъ! Взшла лучезарная звѣзда! Посмотри, подходятъ къ намъ, — мы безсильны противъ нихъ, особенно противъ Пинаса». Шувахъ, услышавъ дурное извѣстiе отъ матери, приказалъ казнить ее. Янувахъ напалъ на царя Шуваха и много войскъ его истребилъ; затѣмъ Пинасъ заигралъ на свирѣли семь разъ и разрушилъ семь желѣзныхъ крѣпостей, въ коихъ находился Исусъ Навинъ съ войскомъ и освободилъ ихъ. Исусъ Навинъ, соединившись съ Янувахомъ, истребилъ войско Шуваха и его союзниковъ. Тутъ погибъ самъ Шувахъ, потому пророкъ Давидъ пишетъ: „Блаженъ тотъ, кто надѣется на помощь Бога и проклятъ, кто, забывая Бога, надѣется на свою силу, какъ царь Шувахъ“.

11. Царь испанскій. Въ Польшѣ жилъ одинъ ученый и богатый еврей Матаниль. У него родились два сына близнеца. Они росли вмѣстѣ. Пришло время отдать ихъ въ школу, гдѣ бы научились они слову Божію. Отецъ ихъ ежедневно на своей спинѣ относилъ въ школу, вечеромъ также приносилъ обратно. Прошло нѣкоторое время, раввинъ сказалъ дѣтямъ, чтобы они больше не садились на спину отца, а ходили бы сами. Они на другой день сказали отцу: „Мы сами пойдемъ въ школу. Не бери насъ на спину“. Отецъ согласился; но по-прежнему провожалъ ихъ въ школу, а вечеромъ приходилъ и бралъ обратно. Проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ, дѣти говорятъ отцу, чтобы онъ на старости лѣтъ не беспокоился ради нихъ, а давалъ бы имъ проводника-человѣка. Отецъ согласился и сталъ посылать слугу, которому давалъ деньги, чтобы для дѣтей онъ покушалъ сладости. Однажды дѣти видятъ много лошадей и спрашиваютъ: „Что это за животныя и для чего они“? Слуга говоритъ: „Это лошади, на нихъ ѣздятъ

верхомъ, гуляютъ, катаются. Дѣтямъ очень захотѣлось попробовать ѣзды на лошадахъ; они попросили человѣка нанять имъ двухъ лошадей; человѣкъ нанялъ, и они часа два показались,—имъ это очень понравилось. На другой день повторили верховую ѣзду и на прогулку прибавили еще 2 часа; на третій, на четвертый день и положительно перестали ходить въ школу. Человѣкъ предупреждалъ ихъ, что они плохо дѣлаютъ, что отецъ узнаетъ и ихъ накажетъ; они продолжали свое, и по цѣлымъ днямъ катались: утромъ выходили изъ дому, будто идутъ въ школу, и только вечеромъ возвращались домой. Человѣкъ ничего не говорилъ отцу, а равнинъ думалъ, что дѣти выросли, отецъ самъ ихъ учитъ. Оба сына прекрасно научились владѣть лошадьми и джигитовать. Однажды въ этотъ городъ прѣѣзжаетъ первый министръ испанскаго царя; за городомъ видитъ онъ этихъ школьничковъ. Такъ какъ мальчики отлично владѣли лошадью и сами были красивы, то они ему очень понравились,—и онъ приказалъ привести ихъ къ нему. Люди министра подходятъ къ этимъ братьямъ, заставляютъ слѣзть съ лошадей и приводятъ къ министру. Они плачутъ, а министръ говоритъ: „Не бойтесь, я вамъ доставлю земныя удовольствія; поѣдемъ со мною“. Слуга, провожавшій этихъ дѣтей, увидѣвъ, что ихъ насильно увезли, и боясь своего господина, ушелъ, куда глаза глядятъ. Вечеромъ дѣти не приходятъ домой, отецъ сильно беспокоится; самъ отправляется въ школу къ равнину справиться, куда дѣлись дѣти, но равнинъ говоритъ, что его дѣти—вотъ уже два мѣсяца—не ходятъ въ школу, поэтому онъ и не знаетъ, гдѣ они теперь. Услышавъ это, отецъ сильно огорчился, послалъ людей искать дѣтей въ городѣ. Испанскій министръ повезъ ихъ въ Испанію и исполнилъ свое слово: далъ имъ полное право дѣлать, что угодно и доставлялъ имъ всевозможныя удовольствія. Въ этомъ государствѣ былъ обычай: если государь умираетъ бездѣтнымъ, то на престолъ вступаетъ первый министръ, а если онъ умретъ,

то слѣдующій второй министр и т. д. Однажды первый министр зоветъ къ себѣ этихъ дѣтей, которыхъ онъ усыновилъ, и говоритъ: «Довольно гулять и празднично проводить время; теперь вамъ время учиться; вы будете государственными людьми, займете мое мѣсто, поэтому вы должны знать всѣ языки, законы и т. п.» Онъ нанялъ учителей и они начали учиться дома. Умираетъ царь и царемъ дѣлается первый министр. Каждый царь имѣетъ право увольнять министровъ и выбирать новыхъ. Поэтому первый министр, сдѣлавшись царемъ, назначилъ министрами двухъ сыновей, — одного первымъ, другого вторымъ. Проходить нѣсколько лѣтъ — царь, бывший первый министр, — тоже умираетъ. Царемъ дѣлается первый министр, а брата своего дѣлаетъ первымъ министромъ. Онъ царствомъ управляетъ хорошо и разумно. Многіе сановники изъ зависти, что, онъ, сдѣлавшись царемъ въ такіе молодые года, хорошо управляетъ государствомъ, взбунтовали народъ, говоря: „Намъ не нуженъ царь; если царей не будетъ, то и дани не будемъ платить“. Народъ повѣрилъ и когда государь послалъ чиновниковъ собирать дань, то народъ взбунтовался и прогналъ сборщиковъ. Узнавъ объ этомъ, царь сильно разгѣввался, послалъ войско усмирять ихъ. Тѣ осмѣлились истребить царское войско. Царь послалъ другое войско и оно было истреблено; по обычаю, въ третій разъ уже самъ царь долженъ былъ идти съ войскомъ. Царь отправляется со свитою и съ войскомъ противъ бунтовщиковъ. Битва происходитъ жестокая, много людей гибнетъ, въ томъ числѣ и братъ государя. Царь сильно огорчился, заплакалъ, видя брата убитымъ, и оставилъ поле, приказалъ временно прекратить битву; потомъ объявивъ, что такъ какъ за разумное управленіе государствомъ онъ заплатился жизнью брата, то онъ не желаетъ больше царствовать, и оставляетъ не только престолъ, но и страну ихъ. Узнавъ это, народъ и войско (имъ жаль было брата государя, и страшно, что безъ государя имъ трудно будетъ) — всѣ при-

шли къ царю съ повинною, упали предъ нимъ и просили прощенія, раскаивались, плакали, просили не оставлять царства, говорили, что они всё приказанія его будутъ исполнять. Царь, весьма огорченный, садится въ экипажъ и возвращается домой. Проѣзжая между трупами, онъ слышитъ стонъ больного; тотчасъ останавливаетъ экипажъ, приказываетъ посмотреть, кто это такой; царю докладываютъ, что стонетъ раненный. Государь приказалъ отвезти его въ городъ, вылѣчить и по выздоровленіи доложить ему. Раненаго привозятъ въ городъ; цѣлѣй мѣсяцъ его лѣчатъ и, по выздоровленіи, представляютъ царю. Царь спрашиваетъ его, кто онъ такой. Онъ говоритъ: „я еврей изъ Польши“! Государь спрашиваетъ, какъ и какими судьбами онъ сюда попалъ:—«вѣдь твоихъ нѣтъ въ моемъ государствѣ». Онъ говоритъ: „Я слышалъ, что здѣсь возгорѣлась война; привезъ сюда товары продавать; но меня ранили тутъ во время сраженія, и я лишился всѣхъ вещей и денегъ.“ Государь спрашиваетъ его, сколько у него было вещей и денегъ. Онъ говоритъ, что было на 100 червонцевъ товару и 30 червонцевъ деньгами. Царь приказываетъ эту сумму выдать изъ казны и отпустить еврея домой. Проходитъ нѣсколько дней; царю во снѣ явится архангелъ и говоритъ: „Ты изъ племени евреевъ; иди въ свою страну, не служи между язычниками, между нечистыми: ты прежде былъ чистымъ, и не сдѣлался нечистымъ“. Царь встаетъ утромъ въ дурномъ расположеніи духа, зоветъ всѣхъ своихъ чародѣевъ, и рассказываетъ имъ сонъ. Они говорятъ, что ничего дурного сонъ не означаетъ. „Не бойся, мы помолимся богамъ, и ты больше не увидишь!“ Всѣ чародѣи молятся богамъ, чтобы царь больше не видѣлъ подобныхъ сновъ. Въ слѣдующую ночь сонъ опять повторяется. Архангелъ говоритъ: „Ты мнѣ не повѣрилъ, позвалъ чародѣевъ и еще больше себя обезчестилъ“. Царь и въ этотъ разъ встаетъ въ дурномъ расположеніи, зоветъ чародѣевъ, жрецовъ и мудрецовъ, и говоритъ имъ, что сонъ опять повторился. Они говорятъ:

„Это пустяки, мы теперь такую молитву прочтемъ, что сможешь спать спокойно“. Вечеромъ государь долго сидѣлъ, отъ страха не могъ спать. Вдругъ въ полночь къ нему заходить одинъ человекъ съ огненнымъ лицомъ и говорить: „Я—архангелъ. Почему ты не вѣрилъ тому, что я во снѣ тебѣ говорилъ? Ты прежде былъ еврей, твои родители живутъ въ Польшѣ. Неужели ты не помнишь, что васъ было два брата, вы ходили въ школу, потомъ министръ васъ увезъ; теперь ты живешь среди язычниковъ, между грѣшниковъ. Нужно во-время оставить этотъ нечистый край, возвратиться на истинный путь и служить не истукану, а истинному единому Богу, Который создалъ весь міръ“. Архангелъ съ нимъ долго бесѣдовалъ объ этомъ предметѣ. Царь говоритъ: „Какъ-же мнѣ оставить царство и идти въ невѣдомую страну?“ Архангелъ говоритъ: „Лучше оставить временныя почести, чѣмъ на вѣки погубить свою душу“. Затѣмъ, архангелъ говорилъ, что всѣмъ правымъ людямъ съ неба дается ангелъ, а грѣшникамъ дьяволъ; что кромѣ того, святыхъ людей Богъ обращаетъ въ ангеловъ, и они должны стараться привести грѣшниковъ на путь истинный. Вотъ теперь мнѣ не позволяютъ подняться на небо: поэтому я непременно долженъ привести тебя на путь истины и, если ты моего совѣта не слушаешь, то я тебя задушу въ эту ночь“. Царь испугался грознаго требованія архангела, согласился, и говоритъ: „Что же мнѣ дѣлать съ женою? Она дочь язычника, она не отпуститъ меня“. Архангелъ говоритъ: „Ты не безпокойся, я ее усую и уговорю“. Онъ заходитъ къ ней. Она, увидѣвъ прекраснаго мужчину, поражается и смотритъ на него, потомъ, сразу одумавшись,—закрываетъ лицо. Архангелъ говоритъ ей: „Твой мужъ еврей изъ дальняго края; я ему приказываю отправиться въ свой родной край, ибо здѣсь живутъ язычники, а они всѣ грѣшники предъ Богомъ. Ты не должна препятствовать ему. Я—архангелъ. Если воспрепятствуешь, сію ночь

отниму у тебя душу"! Она влается и говорит ему: „Я раба Божія,—ты мой господинъ; и исполню, что ты прикажешь!“.— „Иди къ мужу и объяви о своемъ согласіи!“ . Входитъ она къ мужу и видитъ: мужъ сидитъ въ углу. Она спрашиваетъ его, почему онъ сидитъ въ углу, а не на тронѣ. Государь говоритъ: „Почему ты пришла ко мнѣ безъ разрѣшенія? (жены царей по здѣшнему обычаю не могутъ заходить въ комнату мужа безъ разрѣшенія). Они рассказываютъ другъ другу обо всемъ случившемся. Жена говоритъ мужу, что куда-бы онъ ни поѣхалъ, и она съ нимъ поѣдетъ. Мужъ этому очень обрадовался. Уславливаются оба ѣхать въ Польшу. Жена идетъ въ свою опочивальню. Архангелъ опять является къ царю и наставляетъ его, какъ онъ долженъ выѣхать отсюда. Онъ говоритъ ему: „Завтра ты притворись больнымъ и лежи въ постели цѣлый день. Когда твои сановники и министры придутъ тебя навѣстить и спросятъ, чѣмъ ты боленъ, то ты говори, что заболѣлъ отъ горя, ибо въ казначействѣ нѣтъ денегъ, а скоро предстоитъ вести войну. Совѣтники предложатъ наложить на жителей дань; ты скажи, что не желаешь обременять подданныхъ, и предложи продать богатымъ комерсантамъ будущіе доходы государства. Затѣмъ, объяви, что ѣдешь обзрѣвать государство; возьми съ собою всѣ деньги и драгоценности, а я тебя встрѣчу за городомъ и укажу дальнѣйшій путь“. Затѣмъ архангелъ исчезъ. Царь на другой день не всталъ съ постели, и притворился больнымъ. Приходятъ министры и сановники, спрашиваютъ, что съ нимъ случилось. Царь говоритъ: „Я отъ горя заболѣлъ: у меня въ казнѣ нѣтъ денегъ, а скоро предстоитъ война,—какъ я буду оборонять и защищать свое царство?“ Министры и совѣтники начали просить царя обложить данью всѣхъ подданныхъ. Но царь не согласился, говоря: „Я не желаю обременять подданныхъ, а лучше продадимъ десятилѣтній государственный доходъ впередъ кому нибудь съ уступкою“. Всѣ съ этимъ мнѣніемъ согласи-

лись; объявили по городу, кто желаетъ купить десятилѣтній государственный доходъ; покупатели явились и доходъ былъ проданъ. Однажды царь собираетъ своихъ министровъ и сановниковъ и говоритъ, что хочетъ свое государство осмотрѣть и поѣхать потомъ за границу лѣчить больную жену; всѣ пожелали царю благополучнаго возвращенія. На другой день собираетъ онъ всѣ свои драгоценности, золото и серебро; навьючиваютъ на лошадей; царь беретъ своихъ слугъ и отправляется съ женою; царство поручаетъ первому министру. Всѣ знатныя лица провожаютъ государя далеко за городъ; попрощавшись, они возвращаются. Царь съ царицею и съ слугами отправляются дальше. Является архангелъ, отводитъ слугъ въ другую сторону; затѣмъ царю и царицѣ говоритъ, чтобы они завязали глаза. Архангелъ несетъ ихъ и ихъ имущество на огненныхъ крыльяхъ въ тотъ городъ, откуда самъ царь. Предъ городомъ оставляетъ ихъ и говоритъ государю: „Твои родители умерли; иди къ дядѣ, который съ радостью приметъ“. Разспрашивая прохожихъ, они идутъ прямо къ дядѣ. Царь разсказалъ всю исторію своей жизни; дядя очень обрадовался, обнялъ и поцѣловалъ его, привѣтствовалъ жену-царицу; позвалъ всѣхъ родственниковъ и знакомыхъ, устроилъ угощеніе. Родовались и веселились, что племянникъ возвратился на путь истинный, оставивъ всѣ земныя почести, спасъ свою душу. Затѣмъ дядя научилъ царя и царицу израильской вѣрѣ и всѣмъ священнымъ книгамъ. Послѣ этого купилъ хорошій домъ, гдѣ они и поселились. Царь просилъ дядю прислать ему одного честнаго человѣка въ качествѣ переводчика. Самъ царь никуда не выходилъ, а всю домашнюю и внѣшнюю торговлю производилъ черезъ приказчика. Царь отпустилъ для торговли большую сумму, а приказчикъ началъ торговать; ему очень везло. Однажды на самомъ бойкомъ мѣстѣ, на площади, сѣлъ какой-то нищій и началъ обличать всѣхъ въ грѣхахъ; каждому проходящему говорилъ, въ чемъ онъ грѣ-

шенъ и когда именно согрѣшилъ. Это произвело большой переполохъ,—всѣ узнали, кто и что совершилъ. Боясь обличенія грѣховъ, всѣ начали ходить по пути Божію и перестали грѣшить. Многіе купцы завидовали царю, что ему такъ везетъ въ торговлѣ. Онъ никуда не выходилъ и всѣ думали, что онъ грѣшенъ и боится обличенія со стороны нищаго. Купцы уговаривали приказчика царя, чтобы онъ вывелъ своего барина изъ дома и провелъ бы мимо этого нищаго,—за это обѣщали большія деньги. Приказчикъ согласился на это предложеніе. Приходить и говорить царю, что у богатаго купца продается, по случаю отъѣзда, по дешевой цѣнѣ товаръ, но онъ ему не хочетъ продать, и требуетъ чтобы пришелъ самъ хозяинъ: «Вотъ если Вы желаете купить, то пойдемъ и купимъ». Царь говоритъ:—„Иди ты за меня и купи,—все равно ты или я“. Приказчикъ идетъ и долго ходитъ по городу, возвращается и опять говоритъ, что купецъ не хочетъ ему продать. Царь вновь отправляетъ приказчика уговаривать купца. Приказчикъ, походивъ немного, возвращается и опять объявляетъ, что купецъ отнюдь ему не хочетъ продать своего товара, а желаетъ продать лично царю, а если онъ не хочетъ, то продастъ другимъ купцамъ. Царь рѣшается итти. Идутъ прямо на ту площадь, гдѣ сидятъ нищіе; на этой площади было несмѣтное число народу: одни стояли и слушали, кого и въ какихъ грѣхахъ обличаетъ нищій, сверхъ того, нарочно собрались купцы, враги царя, въ ожиданіи, что царь пройдетъ и его нищій обличитъ въ тайныхъ грѣхахъ. Но какъ только нищій увидѣлъ царя, то сейчасъ же всталъ, поклонился ему и воздалъ должное почтеніе,—подошелъ и спросилъ, куда идетъ. Царь отвѣтилъ: „Тутъ одинъ отъѣзжаетъ богатый купецъ и продаетъ много товару,—я хочу купить“. Нищій говоритъ: „Никакой купецъ не ѣдетъ и не продаетъ товару,—тебя обманули; иди домой и я прійду, такъ какъ имѣю къ тебѣ просьбу и секретное дѣло“. Царь возвра-

щается домой. Всѣ купцы поражаются, видя, какъ нищій благоговѣль предъ нимъ и даже пошелъ къ нему передать, — что-то по секрету. Все это было крайне имъ непріятно. Когда царь и нищій пришли домой, то царь сказалъ ему, что онъ дастъ ему, платье и деньги, и все, что нужно. Нищій говоритъ, что ему необходимо наединѣ съ нимъ кое о чемъ переговорить. Царь ведетъ его въ особую комнату и запираетъ двери. Нищій подходитъ къ царю, цѣлуетъ его и горько плачетъ, плачетъ долго. Царь спрашиваетъ, о чемъ онъ плачетъ, какое горе его постигло. Нищій говоритъ: „Неужели ты не помнишь меня?“ Царь смотритъ и не узнаетъ. Нищій говоритъ: „Со вниманіемъ посмотри на меня и вспомни хорошенько прошлую жизнь, — можетъ быть узнаешь!“ Царь долго смотритъ, но не можетъ узнать. Нищій говоритъ: «Я твой братъ, который былъ убитъ на войнѣ; моя душа вошла въ того нищаго-разнощива еврея, который былъ раненъ на войнѣ и ты выльбчилъ меня. Ты счастливъ, что при своей жизни оставилъ язычество, пришелъ на путь истинный, а я не могъ и умеръ язычникомъ; теперь я мучаюсь, блуждаю по землѣ и вотъ теперь въ образѣ нищаго сижу на площади, облачаю всѣхъ въ грѣхахъ, привожу на путь истины, — хоть этимъ получаю маленькое облегченіе“. Царь, вспомнивъ войну и смерть своего брата, горько заплакалъ. Затѣмъ братъ въ образѣ нищаго говоритъ царю: „Я имѣю къ тебѣ единственную просьбу, и если ты исполнишь ее, то избавишь меня отъ мученія именно: позови всѣхъ раввиновъ, ученыхъ, учащихъ и учащихся, чтобы они молились за мою грѣшную душу и я успокоюсь — больше не буду мучиться. Царь сейчасъ-же посылаетъ собрать всѣхъ названныхъ людей. Нищій-братъ становится невидимымъ. Приходятъ раввины, ученые, учащіе, учащіеся молиться за упокой души усопшаго брата. Братъ во снѣ является царю, благодаритъ, говоря, что его душа уже успокоилась. Послѣ этого царь до самой смерти раздавалъ бѣд-

нимъ и убогимъ деньги, утѣшаль несчастныхъ, словомъ вездѣ и всѣмъ оказывалъ помощь.

12. Иовъ. (Иовъ?) Однажды военнопачальникъ Давида Иовъ собралъ войско и пошелъ на амаликитянъ. Амаликитяне заперлись въ укрѣпленномъ городѣ Бунсуріи. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ безуспѣшной осады этого города, воины Иова стали выражать желаніе возвратиться домой къ женамъ и къ дѣтямъ. Узнавъ объ этомъ, Иовъ сказалъ имъ: „Что-же мы скажемъ царю Давиду? Что о насъ скажутъ горожане, что сосѣдніе народы? Это поворъ для насъ! Видя наше безсиліе, всѣ сосѣдніе народы придутъ на насъ войною. Нѣтъ, намъ никакъ нельзя возвратиться домой, не покоривъ города.“ — „Но какъ мы побѣдимъ, если будемъ по прежнему ничего не предпринимать?“ — возразили воины. Тогда Иовъ сказалъ: „Сдѣлайте большую пращу и бросьте меня въ городъ; ждите меня сорокъ дней, если въ теченіе этого времени не увидите крови у крѣпостныхъ воротъ, то считайте меня умершимъ; если-же увидите, то значитъ я живъ“. Воины сдѣлали большую пращу и бросили Иова въ городъ. Онъ упалъ прямо во дворъ одной бѣдной вдовы. Мать съ дочерью, найдя въ своемъ дворѣ неизвѣстнаго мужчину окровавленнаго, лежащаго безъ чувствъ, въ обморокѣ, — перенесли въ комнату, омыли раны, смазали тѣло елеемъ и привели въ чувство. Когда онъ немного поправился, онъ спросили его, кто онъ такой. Иовъ сказалъ: „Я воинъ изъ амаликитянъ, попалъ въ плѣнъ къ израильтянамъ, воинамъ царя Давида; царь рѣшилъ меня наказывать слѣдующимъ образомъ: сдѣлали большѣю пращу, положили меня въ нее и бросили въ городъ, я упалъ въ вашъ дворъ. Позвольте мнѣ остаться у васъ еще нѣкоторое время“. Даетъ хозяйкѣ 10 червонцевъ на провизію. Она соглашается.

Через нѣкоторое время собрался онъ итти на базаръ; такъ какъ костюмъ его оказался изорваннымъ, то хозяйка дала ему другой—хорошій. Иовъ одѣлся и пошелъ въ городъ, въ коемъ было 150 большихъ базаровъ. Идетъ въ лавку кузнеца, достаетъ изъ-подъ полы саблю и спрашиваетъ: „Можешь сдѣлать такую саблю?“ Кузнецъ говоритъ: „Могу!“ Иовъ говоритъ: „Сколько хочешь, дамъ—только сдѣлай!“ Черезъ два дня Иовъ приходитъ въ кузнецу получить саблю; беретъ ее въ руку, взмахиваетъ въ разные стороны и сабля ломается. Онъ говоритъ кузнецу, чтобы онъ сдѣлалъ другую покрѣпче. Кузнецъ дѣлаетъ вторую саблю, но и эта ломается, третья тоже, четвертая оказывается прочною, не ломается. Иовъ говоритъ: „Вотъ это хорошая! Кого хочешь этою саблею убить?“ Кузнецъ говоритъ: „Еврейкаго военначальника Иова.“ Иовъ говоритъ: „А, можетъ быть, я самъ Иовъ?“ Затѣмъ Иовъ говоритъ: „Посмотри назадъ! кто тамъ стоитъ?“ Кузнецъ оборачивается; Иовъ вонзаетъ саблю въ него и рубитъ пополамъ. Затѣмъ онъ выходитъ на площадь, гдѣ находить болѣе 500 воиновъ, готовыхъ къ бою; всѣхъ ихъ Иовъ рубитъ и возвращается домой. Народъ, видя убитыхъ воиновъ, говоритъ, что это дѣло рубитъ ашмадая (главный сатана). Черезъ нѣсколько дней Иовъ опять выходитъ на площадь и убиваетъ нѣсколько сотъ людей; городскія власти стали подозрѣвать, что въ городѣ кто-то скрывается и истребляетъ людей. Послали глашатая объявить жителямъ, если-де есть у кого прѣзжій (гость), то чтобы выдали его. Иовъ убилъ глашатаю, потому истребилъ 1.500 человекъ. При видѣ сабли въ крови, вдова вскричала: „Ты у насъ живешь и нашихъ-же истребляешь!“ Иовъ и ее тоже поразилъ саблей. Идетъ къ воротамъ, истребляетъ множество воиновъ, кровь течетъ рѣкою.—Израильтяне долго ждали Иова и считали его уже погибшимъ, страшно горевали и хотѣли возвратиться; но увидѣвъ кровь, очень обрадовались. Иовъ отворилъ ворота, вышелъ за крѣпость, сталъ на высоко

мѣсто и позвалъ израильтянъ. Израильтяне, вида, что Іовъ живъ, обрадовались и восхваляли Бога. Дали знать царю Давиду. Войска вошли въ городъ, уничтожили всѣхъ, кромѣ царя; Іовъ привелъ царя амаливитянъ предъ царя Давида; Давидъ лично его убилъ. Іовъ принесъ корону амаливитянскаго царя, и возложилъ ее на голову Давида. Корона эта состояла изъ золота и драгоценныхъ камней. Послѣ этого предали городъ огню, который уничтожилъ всѣ дома, дворы, капища и идоловъ. Затѣмъ народъ и самъ царь Давидъ восхваляли Бога, что Онъ охранилъ ихъ отъ всѣхъ опасностей и возвратились въ Іерусалимъ.

13. Натанъ. Жилъ въ одномъ городѣ богатый ремесленникъ, по имени Натанъ.—Онъ очень влюбился въ жену одного человѣка. Анна (такъ называлась эта женщина) была замѣчательная красавица, но въ тоже время скромная, небожная и честная женщина. Натанъ, сколько ни старался овладѣть Анною, не могъ: всѣ его старанія оказывались тщетными. Любовь такъ его мучила, что онъ заболѣлъ. Врачи, узнавъ о причинѣ болѣзни, сказали, что онъ выздоровѣетъ тогда, когда возлюбленная будетъ ему принадлежать, а иначе умереть. Они обратились къ раввину съ вопросомъ, можетъ-ли Натанъ владѣть той женщиною; но раввины отвѣтили: „нѣтъ, лучше пусть Натанъ умретъ“. Врачи стали просить, чтобы она только побесѣдовала съ Натаномъ, и этого достаточно будетъ,—онъ можетъ вылѣчиться; но раввины не разрѣшили. Натанъ долго болѣлъ. Объ этомъ узналъ весь городъ, но никто его не жалѣлъ, ибо онъ пользовался плохую репутаціею. Какъ-то мужъ Анны за долги попалъ въ тюрьму. Анна прядла другимъ пряжу, день и ночь работала, кормила мужа въ тюрьмѣ и себя; она ежедневно ходила въ тюрьму и носила мужу пищу. Мужъ долго сидѣлъ въ тюрьмѣ; надоѣло ему си-

дѣтъ, онъ весь измучился, и сталъ онъ просить жену помочь ему. Она говоритъ: „День и ночь работаю, по возможности помогаю, только этимъ тебя и себя содержу“. Мужъ говоритъ: „Иди къ Натану, займи у него денегъ, заплати мои долги“. Жена говоритъ ему: „Какъ же ты посылаешь меня къ Натану,— ты не знаешь развѣ, что онъ боленъ изъ-за меня? Сколько народу ко мнѣ онъ присылалъ, я ихъ всѣхъ прогнала, теперь развѣ я могу пойти къ нему? тебѣ не стыдно, что ты это мнѣ говоришь? Я должна тебѣ измѣнить, осквернить себя, согрѣшить предъ Богомъ... Нѣтъ, этого я не могу сдѣлать“. Она оставляетъ его и уходитъ домой; цѣлыхъ три дня не ходитъ она въ тюрьму и не носитъ мужу пищи; но его жалѣя, опять приходитъ въ тюрьму, и застаётъ мужа при смерти. Увидѣвъ жену, онъ говоритъ: „Ты желаешь, чтобы я умеръ, хочешь выйти замужъ за Натана“. Она отвѣчаетъ: „Ты дай мнѣ разводъ, тогда я пойду къ Натану за деньгами; чтобы взять деньги, я должна буду исполнить желаніе Натана; разводъ дастъ мнѣ право временно выйти за него замужъ, иначе я осквернять себя не желаю и грѣшить предъ Богомъ не хочу“. — „Видишь, я правду говорилъ, что ты хочешь выйти за него замужъ“, замѣтилъ мужъ. Тогда жена разсердилась на него и, сказавъ: „Ты съ ума сошелъ въ тюрьмѣ, у тебя разума нѣтъ!“—ушла домой. Дня два не приходила къ мужу; наконецъ, жалѣя его, съ разбитымъ сердцемъ, она рѣшается пойти къ Натану. Подходить къ воротамъ. Когда слуги увидѣли ее, то обрадовались и побѣждали объявить Натану. Анна входитъ въ покои. Натанъ больной лежитъ въ постели, но, увидѣвъ Анну, свою возлюбленную, радуется и совсѣмъ забываетъ о болѣзни. Анна говоритъ Натану, что она къ нему имѣетъ просьбу. Натанъ говоритъ: „Скажи и прикажи, я все исполню“. Анна говоритъ: „Мужа моего посадили за долги въ тюрьму, прошу-одолжи намъ денегъ“. —Натанъ приказываетъ принести денегъ, сколько Анна просила. Приносить.

Натанъ говорить: „Я исполнилъ твою просьбу; теперь ты должна исполнить мою. Тебѣ извѣстно, что я влюбленъ въ тебя; черезъ тебя я сколько времени лежу больнымъ, сколько страдалъ, мучился и тратилъ деньги... Ты должна отвѣчать моей любви, и остаться у меня. У меня много денегъ, и я устрою твою жизнь очень хорошо, какъ въ раю; а если не хочешь остаться у меня навсегда, то побудь хоть временно“. Анна говорить: „Я теперь нахожусь въ твоей власти, въ твоемъ домѣ, но выслушай меня, прошу. Ты теперь своими добрыми дѣлами имѣешь долю въ раю, а тѣмъ, что хочешь сдѣлать, ты приобрѣтешь мѣсто въ аду. Человѣкъ только многими добрыми дѣлами можетъ заслужить милость Бога, долю въ раю; грѣхъ можно совершить въ минуту. Не губи своей души, не дай ей вѣчныхъ мученій изъ-за земнаго наслажденія; вѣдь ты подумай хорошенько, что ты этимъ себѣ готовишь? ты долженъ будешь вѣчно мучиться изъ-за минутнаго, кратковременнаго земнаго наслажденія, потому ты раскаяешься, но будетъ поздно. Удали своего дѣвола-соблазнителя, молись Богу, угаси свою страсть, обратись къ Богу за утѣшеніемъ“ и т. д. Словомъ, она такое поученіе ему сказала, что онъ сразу почувствовалъ какое-то влеченіе обратиться къ Богу,—и упалъ съ постели на колѣни предъ Богомъ, началъ искренно молиться, плавать, просить у Бога духовнаго утѣшенія и прощенія грѣховъ. Богъ услышалъ его молитву, угасилъ его страсть, далъ духовное утѣшеніе; дѣволъ удалился отъ него. Натанъ съ этого времени сдѣлался набожнымъ, богобоязненнымъ и добрымъ человѣкомъ. Анна пошла и избавила мужа изъ тюрьмы, все подробно рассказавъ ему, но мужъ не повѣрилъ и постоянно ее упрекалъ. Однажды Натанъ проѣзжалъ мимо школы; раввинъ этой школы увидѣлъ надъ головой Натана свѣтъ и спросилъ учениковъ, кто это такой; ученики отвѣтили, что это Натанъ—позорный. „Вы видите надъ головою его свѣтъ“? спросилъ раввинъ учениковъ;

ученики не видѣли. Раввинъ послалъ учениковъ пригласить Натана. Натанъ пришелъ и рассказалъ всю исторію своей жизни. Раввинъ говоритъ: „Ты богатый человѣкъ, приходи и учишь; пройди всѣ священныя книги“. Натанъ согласился, ежедневно началъ ходить въ школу учиться, прошелъ грамоту и началъ проходить священныя книги, и сдѣлался равенъ по образованію раввинамъ. Послѣ этого сидитъ онъ какъ-то въ средѣ раввиновъ и ученыхъ и бесѣдуетъ о духовныхъ предметахъ; проходитъ мужъ Анны по этой улицѣ и видитъ Натана, врага своего, среди раввиновъ и ученыхъ, и удивляется. Подзываетъ одного ученика этой школы и спрашиваетъ, почему и какимъ образомъ этотъ грѣшный Натанъ находится среди такихъ людей. Ученикъ рассказываетъ о происшедшей пережвѣ и о святой жизни Натана. Послѣ этого онъ повѣрилъ, что жена его одна изъ честныхъ женщинъ въ мірѣ. Пришелъ домой, поцѣловалъ руку жены, испросилъ прощеніе и сказалъ: „Дѣйствительно, ты боишься Бога, ты вѣрная и честная женщина и жена для мужа, и я виноватъ предъ тобою и предъ Богомъ. Послѣ этого они зажили мирно и счастливо...

14. Хитрость эфенди и ученаго еврея. Жилъ въ Константинополѣ одинъ эфенди, который выдавалъ себя за святого; народъ его почиталъ, любилъ и смотрѣлъ, какъ на святого. Онъ рассказывалъ о себѣ, что каждую пятницу онъ чуть свѣтъ отправляется (летитъ по небу) въ Каабу, совершаетъ богослуженіе въ главной мусульманской святынѣ, а потомъ возвращается въ Константинополь и успѣваетъ быть и здѣсь на богослуженіи; всѣ этому вѣрили, вѣрилъ даже султанъ и очень его уважалъ. А между тѣмъ онъ имѣлъ секретную комнату, куда онъ по пятницамъ прятался до полудня, а въ полдень выходилъ и шелъ въ мечеть совершать богослуженіе. Однажды въ пятницу этотъ эфенди опоздалъ,

народъ долго ждалъ, волновался, почему эфенди не приходитъ; уже хотѣли расходиться, какъ онъ пришелъ. Народъ спрашиваетъ, почему онъ опоздалъ; эфенди говоритъ: „Лучше входите въ мечеть; совершимъ богослуженіе, а потомъ я расскажу“. Входятъ въ мечеть, молятся, богослуженіе кончается, народъ выходитъ. Эфенди, обращаясь къ народу и царю, говоритъ: „Правовѣрные, я опоздалъ по слѣдующей причинѣ: когда я шелъ изъ Каабы сюда, то на большой площади я увидѣлъ пророка нашего Магомеда и Моисея; они спорили между собою, чья вѣра лучше. Магомедъ говоритъ: Я пришелъ послѣднимъ, поэтому ваше ученіе потеряло значеніе, а потому моя вѣра лучше. Такимъ образомъ они долго спорили, и Магометъ одержалъ полную побѣду. Магометъ лично самъ сказалъ мнѣ: говори моему народу, что моя вѣра лучше и выше всѣхъ другихъ; всѣхъ евреевъ обратите въ магометанство; объ этомъ и самъ Моисей говорилъ“.—Весь народъ повѣрилъ этому и сказалъ: „Да будетъ такъ“! Султанъ написалъ приказъ начальникамъ, чтобы они всѣхъ евреевъ собрали въ Константинополь. Въ назначенный день всѣ евреи собрались въ Константинополь во дворецъ. Султанъ разсказалъ евреямъ о спорѣ Магомета съ Моисеемъ о вѣрѣ и какъ Магометъ одержалъ побѣду надъ Моисеемъ, свидѣтелемъ чего былъ-де ихъ эфенди; поэтому султанъ объявляетъ евреямъ, что они должны принять магометанство, а кто изъ нихъ не захочетъ этого исполнить, тотъ будетъ казненъ. Это извѣстіе поразило евреевъ какъ громомъ; не знали, что отвѣтить. Между евреями былъ одинъ богатый, умный и ученый человѣкъ,—его уважалъ и султанъ; онъ жилъ въ Константинополѣ и былъ извѣстенъ всѣмъ. Вотъ онъ отправился въ царскіе покои къ султану и просилъ отсрочить исполненіе приказа на одинъ годъ. Султанъ сначала не соглашался на это, ни одного дня не давалъ; но послѣ долгихъ просьбъ этого уважаемаго еврея, далъ три мѣсяца сроку на размышленіе. Этотъ еврей приходитъ домой, успокаи-

ваетъ своихъ единовѣрцевъ и говорить, чтобы всѣ они шли по домамъ. Самъ же черезъ два дня распространяетъ слухъ, что ѣдетъ на два съ половиною мѣсяца по торговымъ дѣламъ въ дальніе края; объ этомъ узнаютъ всѣ родственники и знакомые, даже самъ султанъ. Для вящей убѣдительности, онъ среди бѣлаго дня по базару проѣхалъ въ дорожномъ экипажѣ, будто въ далекіе края; но за городомъ остановился, и въ полночь возвратился въ городъ къ себѣ домой; призвалъ къ себѣ ночью-же лучшихъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ изъ евреевъ, и заказалъ имъ царскую корону изъ драгоценныхъ камней, и такую, каковой въ мірѣ не было. Мастера обѣщаютъ сдѣлать такую корону, но просить на это времени два съ половиною мѣсяца. Богатый еврей говорить, чтобы объ этомъ никто не зналъ, чтобы все было сдѣлано секретно. Черезъ два съ половиною мѣсяца принесли мастера корону; дѣйствительно, корона была чудная — только бы любоваться! Затѣмъ, велитъ своимъ служителямъ, чтобы они распространили слухъ о пріѣздѣ его изъ дальнихъ странъ. Когда всѣмъ стало извѣстно, что этотъ богатый еврей пріѣхалъ, онъ взялъ одну половину короны, положилъ на золотой подносъ и пошелъ къ султану съ подаркомъ. Поставилъ передъ султаномъ и говорить: „Государь! былъ я въ дальнихъ краяхъ, привезъ тебѣ въ подарокъ вотъ эту корону“. Султанъ, видя эту корону, удивился и говорить: „Какая прелестная вещь! Жаль только, что другой половины нѣтъ!“ — Богатый еврей говорить султану: „Я и другую половину короны тоже заказалъ въ Каабѣ, задатокъ далъ, она даже и готова, но у меня всѣ деньги повышли, и я не могъ взять этой короны“. Султанъ говорить: „Какъ же сдѣлаешь, кого пошлешь въ такую даль?“ Богатый еврей говорить: „Вѣдь завтра пятница, вашъ эфенди пойдетъ въ Каабу, я ему дамъ адрессъ мастера, дамъ деньги, — пусть завтра же принесетъ“. Султанъ обрадовался этому случаю. Богатый еврей написалъ мнимый адрессъ, далъ султану а самъ пошелъ домой, зная, что къ нему скоро придетъ эфен-

ди. Султанъ послалъ за эфенди;—эфенди пришелъ, а государь ему говорить: „Завтра ты будешь въ Каабѣ, тамъ ученый еврей забавалъ корону, половину привезъ, а другую половину, за не имѣніемъ денегъ, оставилъ тамъ,—вотъ тебѣ деньги и адрессъ, завтра принеси.“ Эфенди чуть не умеръ, зная, что если его штуки обнаружатся, то онъ погибнетъ. Онъ ничего не сказалъ, взявъ деньги, далъ обѣщаніе завтра принести корону и ушелъ. Эфенди узналъ, что это штуки ученаго еврея. Въ полночь приходитъ къ ученому еврею, стучить въ ворота; ученому еврею докладываютъ, что пришелъ эфенди. Онъ принимаетъ его. Эфенди приходитъ къ нему, падаетъ въ ноги, чуть не цѣлуетъ ногъ и рукъ еврея и говорить: „Это твои штуки, помоги мнѣ!“ Ученый еврей спрашиваетъ эфенди: „Развѣ ты не бываешь въ Каабѣ?“ Эфенди говорить, что не бываетъ, это его хитрость, но и „твои заказы въ Каабѣ тоже уловка.“ Затѣмъ эфенди говорить: „Я знаю, что половина короны у тебя. Сколько денегъ хочешь возьми, дай ее мнѣ, иначе султанъ завтра прикажетъ казнить меня“. Богатый ученый еврей говорить: „Да какъ же ты себя жалѣешь, а цѣлое населеніе ты не жалѣешь, и они по твоей милости всѣ обречены на гибель.“ Эфенди говорить: „Я сдѣлаю такъ, что не только не будутъ казнить евреевъ, но всѣ магометане будутъ уважать евреевъ всѣхъ, даже самаго послѣдняго нищаго.“ Ученый еврей ему не вѣритъ. Эфенди долго упрашиваетъ, клянется помочь евреямъ, даетъ подписку,—тогда только ученый еврей продаетъ эфенди корону, выславъ съ него въ 10 разъ больше стоимости. На другой день эфенди опять опоздалъ въ мечеть; народъ ждалъ, волновался. Пришелъ поздно, торопливо совершилъ богослуженіе, вышелъ во дворъ и торжественно предъ народомъ далъ султану другую половину короны, говоря: „Изъ Каабы принеси!“ Народъ удивился, а султанъ обрадовался. Затѣмъ, обратился онъ къ султану и народу, и сказалъ: „Я опоздалъ потому, что на дорогѣ опять увидѣлъ Магомета и Моисея; ова-

зывается, они послѣ спора отправились къ Богу, чтобы Его правосудіе рѣшило, кто правъ. Богъ рѣшилъ споръ въ пользу Моисея. Онъ сказалъ, что религія Моисея выше всѣхъ, такъ какъ онъ первый принялъ, а мы его преемники; наша религія хороша, но необходимо съ нашей стороны уваженіе ко всѣмъ евреямъ, чтобы намъ попастьъ въ рай“. Султанъ этого и ожидать: получивъ корону, онъ забылъ и о Магометѣ и о Моисеѣ. Написалъ приказъ всѣмъ начальникамъ, чтобы всѣ магометане относились съ большимъ уваженіемъ ко всѣмъ евреямъ.

15. Богъ наказываетъ за гордость. Перанъ (Геранъ) царь Сурійскій гордился своими знаніями, ставилъ себя наравнѣ съ Богомъ. Зашелъ въ морѣ, сдѣлалъ сорокъ столбовъ, всѣ одинаковой вышины; на этихъ столбахъ сдѣлалъ семь сводовъ неба. Первый сводъ сдѣлалъ изъ стекла, 500 мѣръ въ длину и ширину; тамъ поставилъ солнце, луну, звѣзды. Второй сводъ былъ—изъ желѣза, въ 1000 мѣръ въ длину и ширину; между первымъ и вторымъ сводомъ была вода; третій сводъ тоже сдѣлалъ изъ желѣза длиною и шириною 1500 мѣръ; между ними тоже была вода; на третьемъ сводѣ положилъ круглые камни; 4-й сводъ сдѣлалъ изъ свинца,—2000 мѣръ въ длину и въ ширину, между сводами была вода; 5-й сводъ сдѣлалъ изъ мѣди, въ 2500 мѣръ въ длину и ширину, 6-й сводъ сдѣлалъ изъ серебра—3000 мѣръ въ длину и ширину, 7-й сводъ сдѣлалъ изъ золота, 3500 мѣръ въ длину и ширину, этотъ сводъ былъ украшенъ драгоценными камнями. Между сводами была вода. Посредствомъ машинъ приводилъ онъ въ движеніе своды, а драгоценные камни ударялись другъ о друга. Онъ по своему желанію заставлялъ выходить солнце, луну, звѣзды, идти дождь и снѣгъ; по желанію превращалъ. Перанъ сравнивалъ себя съ Богомъ и говорилъ: я тоже Богъ. Его единоплемен-

ники и его подданные вѣрили этому. Его поступки и дѣла не нравились Богу, Онъ разгнѣвался, призвалъ пророка Іезикиилъ; взялъ его за чубъ, поднялъ вверхъ, гдѣ сидѣлъ Перанъ; Перанъ спрашиваетъ, кто поднялъ его сюда; Іезекииль говоритъ: „Богъ!“ Перанъ говоритъ: „Я тоже Богъ; видишь я сдѣлалъ тоже солнце, луну, звѣзды, небо“ и др. Іезекииль сказалъ: „Ты богохульствуешь, ты зазнался, ты отступилъ отъ Бога, ты возгордился. Богъ у насъ одинъ, а ты человѣкъ грѣшный“.... Затѣмъ, онъ взялъ Перана и низвергъ внизъ. Послѣ этого Навуходносоръ покормилъ его, Іорамъ увелъ въ плѣнъ и его своды неба разорилъ. Такъ Перанъ былъ наказанъ за свою гордость.

16. Ученый Ромбамъ. а) Логманъ (Ромбамъ) первый въ мірѣ врачъ, ученый человѣкъ и магъ. Онъ былъ еврей, и состоялъ при разныхъ государяхъ медикомъ. Въ то время евреи не имѣли самостоятельности, а находились въ подчиненіи у другихъ и ихъ очень притѣсняли. Ромбамъ облегчалъ вездѣ участь евреевъ. Однажды Ромбамъ отправился на базаръ купить дыню; зашелъ въ лавку; лавочникъ былъ не еврей, а изъ господствующаго племени. Ромбамъ требовалъ отъ лавочника дыни; въ это время пришелъ единовѣрецъ лавочника купить дыню, лавочникъ даетъ ему, приходитъ другой, третій, лавочникъ имъ продаетъ, а Ромбаму говоритъ: ты подожди, я долженъ продать твоему господину, а потомъ тебѣ. Ромбамъ очень разсердился, но ничего не сказалъ; пришелъ домой, написалъ одну молитву на кускѣ глиняной посуды, отдалъ своему человѣку и сказалъ: „Отнеси и потихонько положи въ лавку такого-то человѣка“. Слуга отнесъ и положилъ. Не успѣлъ онъ эту молитву положить, какъ всѣ дыни начали прыгать и ударять по головѣ лавочника. Лавочникъ удивился, не зная, что дѣлать; встаетъ, — поскорѣе бѣжить домой,

дыни за нимъ бѣгутъ и бьютъ; прибѣжалъ домой, вошелъ въ комнату, дыни остановились у дверей. Это видѣли жители города, всѣ дивились этому чуду, и слухъ быстро распространился по всему городу и дошелъ до царя. Царь потребовалъ лавочника къ себѣ. Пришли царскіе люди и взяли его; по дорогѣ дыни опять стали бить его. Царь, лично увидѣвъ это, удивился и послалъ за ученымъ врачомъ Ромбамомъ. Пришелъ онъ, царь и спрашиваетъ: видѣлъ-ли ты такое чудо? Ромбамъ притворился, и говорить, что въ жизни не видѣлъ подобной диковинки. Долго царь и Ромбамъ разговаривали объ этомъ, не зная, отъ чего могло это произойти. Ромбамъ говорить государю, что можетъ быть лавочникъ согрѣшилъ и чѣмънибудь провинился передъ Богомъ. На вопросъ царя, лавочникъ отвѣтилъ, что онъ ничего нехорошаго не дѣлалъ. Царь предложилъ подумать хорошенько, можетъ быть вспомнить. Лавочникъ долго думалъ и сказалъ, что онъ чувствуетъ за собой одинъ грѣхъ, именно: „Сегодня утромъ въ лавку зашелъ одинъ еврей; на видѣ онъ былъ человѣкъ умный и ученый; просилъ онъ у меня дыни, но я его обошелъ и далъ своему единовѣрцу, а ему сказалъ, что онъ долженъ ждать, пока не удовлетворю его господина. Онъ, этотъ еврей, ничего не сказавъ, ушелъ, но видно было, что онъ обидѣлся“. Царю не понравилось это, и онъ сказалъ лавочнику, что онъ дѣйствительно виноватъ и грѣшенъ предъ Богомъ, ибо онъ не долженъ различать ни еврея, ни своего, ни чужого, всѣ должны быть одинаковы. Ромбамъ сказалъ: „О! это большой грѣхъ; мало того, что онъ не продалъ по-очереди, онъ еще своего единовѣрца назвалъ господиномъ еврея; господиномъ называютъ только одного Бога. Евреи такіе-же люди, какъ и всѣ; развѣ евреевъ не Богъ создалъ? Всѣ народы предъ Богомъ равны, предпочтеніе можно отдавать личностямъ, смотря по ихъ заслугамъ“. Всѣ вельможи и царь просили Ромбама простить лавочнику. Ромбамъ прочелъ молитву, и лавочникъ

пошелъ въ лавку; пришелъ и видитъ, что всѣ дыни уже лежать на своемъ мѣстѣ. Царь уравнилъ евреевъ съ остальными подданными и назначилъ наказаніе тому, кто станетъ обижать евреевъ.

б) Однажды евреи были въ плѣну въ странѣ Сафарать. Ромбамъ тоже жилъ въ столицѣ этой страны. Въ этомъ городѣ запретили евреямъ имѣть лавки, торговать, ходить въ дождливое время по улицамъ, касаться и соприкасаться съ господствующими жителями, такъ какъ евреевъ считали нечистыми. Однажды Ромбамъ идетъ по улицѣ и видитъ, что одинъ изъ язычниковъ бьетъ еврея за то, что онъ, проходя, коснулся его. Ромбамъ спросилъ его: „За что ты бьешь еврея?“ Онъ отвѣтилъ: «Еврей нечистый коснулся меня». — „Развѣ евреи нечистые?“ — „Хужедохлой собаки.“ — Ромбамъ очень разсердился, позвалъ этого еврея и говоритъ: „Иди, приведи ко мнѣ и другого еврея.“ Тотъ приводитъ. Ромбамъ ихъ учитъ, чтобы они вышли на площадь, — одинъ говорилъ бы, что вино, къ которому прикасался язычникъ, не чисто; а другой говорилъ бы, что оно чисто; потомъ еще пусть одинъ изъ нихъ говоритъ, что масло, въ которое упаладохлаямышь, чисто, а другой — пусть утверждаетъ, что не чисто; пусть долго спорять, потомъ придутъ къ нему за рѣшеніемъ. Когда они спорили, то вокругъ нихъ собралось много народу. Долго проспоривъ, оба еврея идутъ къ Ромбаму на судъ; за ними идетъ и весь народъ. Пришли къ Ромбаму и рассказали о своемъ спорѣ. Ромбамъ торжественно началъ говорить: «Вино, къ которому прикасался язычникъ, не чисто; а масло, въ которомъ издохламышь, чисто, можно ѣсть». Язычникамъ это крайне не понравилось; они донесли государю объ этомъ. Ромбама царь приказалъ сжечь. Въ назначенный день собралось много народу на площади, гдѣ находилась печь для сжженія приговоренныхъ; приходитъ самъ царь. Ромбамъ просить у

государя, чтобы дали ему чашку съ водою; приносятъ и даютъ. Онъ читаетъ какую-то молитву, чашка начинаетъ летать и ударять по головамъ язычниковъ, а самъ Ромбамъ обратился во льва и истребилъ многихъ язычниковъ. Царь просилъ пощады и обѣщалъ сдѣлать все, что ни попросить. Ромбамъ прекратилъ мечь. Тогда царь отдалъ приказъ, чтобы евреи могли торговать, свободно ходить вездѣ и имѣть вездѣ доступъ, какъ другіе подданные...

Отсюда Ромбамъ поѣхалъ въ Александрію; гдѣ тоже своимъ подвигомъ улучшилъ положеніе евреевъ. Отсюда поѣхалъ дальше; онъ сѣлъ на корабль, куда не хотѣли было его впустить запросивъ въ 5 разъ дороже, чѣмъ съ другихъ. Когда ѣхали, то капитанъ корабля заснулъ; Ромбамъ прочелъ одну молитву и корабль понесся съ быстротою молніи и въ одинъ часъ проѣхалъ такое разстояніе, на которое потребовался бы цѣлый годъ. Капитанъ проснулся и видитъ, что они пріѣхали въ невѣдомый край, и тотчасъ сообразилъ, что это дѣло Ромбама. Онъ просить врача помочь выйти изъ этого края; Ромбамъ читаетъ молитву, корабль отправляется въ свой край. Капитанъ спрашиваетъ его, кто онъ такой; Ромбамъ называетъ себя татаринномъ по имени Магометъ. Но когда настала суббота, то онъ одѣлся въ праздничный костюмъ и ничего не дѣлалъ въ этотъ день,—тогда только узнали, что онъ еврей. Прибыли въ страну Баденъ; капитанъ жаловался царю на Ромбама, что онъ завезъ корабль въ чужіе края, но царь много слышалъ и прежде про Ромбама и ничего ему не сдѣлалъ и даже ничего не сказалъ.. Это крайне не понравилось придворному врачу, который съ этого времени возненавидѣлъ Ромбама и всячески старался оклеветать его предъ царемъ. Царь послѣ разныхъ ложныхъ вѣлюзъ и интригъ согласился съ мечь врача Ромбама. Зовутъ завѣдывающаго печью (палача) и говорятъ, кто придетъ и скажетъ: „Исполнилъ царскій приказъ“, того брось въ печь! Палачъ обѣщаетъ исполнить такъ,

какъ ему было приказано. Затѣмъ призываютъ врача Ромбама и говорятъ, чтобы онъ пошелъ къ управляющему печью (палачу) и сказалъ: „Исполнилъ приказъ царскій“. Ромбамъ понялъ, въ чемъ дѣло; пошелъ исполнить требы у евреевъ и нарочно медлить, чтобы запоздать. Придворный врачъ, думая, что его врагъ давно погибъ, отправляется къ управляющему печью и говоритъ, исполнилъ-ли онъ царскій приказъ, сжегъ-ли этого еврея. Завѣдывающій приказываетъ бросить его въ печь; хотя онъ вричьтъ, что онъ пришелъ только справиться, но его не слушаютъ, и бросаютъ въ печь.

в) Однажды Ромбамъ прѣхалъ въ Египеть, гдѣ было много чародѣевъ, которые обращали израильтянъ въ животныхъ. Ромбамъ, отправился къ нимъ и потребовалъ, чтобы тѣхъ людей, которыхъ они обрати въ животныхъ, опять обратили въ людей; если же этого не исполнять, то живыми будутъ похоронены; чародѣи не послушали его, — тогда Ромбамъ приказалъ своему ученику вбивать въ землю колъ, а самъ читалъ молитву: по мѣрѣ того, какъ колъ входилъ въ землю, и чародѣи тоже входили въ землю, — тогда чародѣи обѣщали все исполнить, что онъ прикажетъ. Ромбамъ ихъ выпустилъ....

Отсюда поѣхалъ Ромбамъ въ Дамаскъ. Тамъ въ это время умеръ глава еврейскаго народа и трупъ его не могли поднять, чтобы похоронить, такъ какъ чародѣи заколдовали. Ромбамъ прочелъ молитву и трупъ сталъ легокъ; подняли и похоронили. Затѣмъ Ромбамъ отправился во дворецъ чародѣя и позвалъ его, — онъ высунулъ голову въ дверь и на его головѣ выросли два большихъ рога. Ромбамъ и говоритъ: „Пойдемъ къ царю на споръ — кто кого одолѣетъ!“ Чародѣй говоритъ: „У меня на головѣ выросли рога, и я не могу головы продвинуть“. Ромбамъ прочелъ молитву и рога уничтожились. Они пошли вмѣстѣ къ царю. Ромбамъ говоритъ сыну: „Когда этотъ чародѣй меня

обратить въ животное, то ты брызгай этимъ лѣкарствомъ“, и даетъ ему въ руки лѣварство. „Начинай!“ говоритъ чародѣю Ромбамъ. Чародѣй обратилъ Ромбама въ собаку; сынъ облилъ его лѣкарствомъ,—Ромбамъ опять превратился въ человѣка. Ромбамъ молитвою зарылъ чародѣя въ землю; чародѣй началъ просить его вывести изъ земли. Ромбамъ говоритъ: „Принеси всѣ деньги, которыя ты взялъ у израильтянъ и возврати хозевамъ, тогда выведу тебя изъ земли.“ Чародѣй предложилъ раздѣлить поровну между ними двумя; Ромбамъ не согласился, и чародѣй исполнилъ его требованіе....

Отсюда Ромбамъ отправился въ Мидію. Видитъ онъ здѣсь—собрались царь, совѣтники и народъ, и всѣ сильно кручинятся, суетятся и волнуются. Ромбамъ спрашиваетъ, почему они такъ волнуются. Царь отвѣчаетъ, что они не могутъ спустить корабль въ море,—чародѣй заколдовалъ. Ромбамъ говоритъ: „Я могу спустить!“ Царь говоритъ: {„Если ты спустишь корабль въ море, то я тебя сдѣлаю начальникомъ города“. Ромбамъ говоритъ: „Ничего не хочу, только ты, государь, дай израильтянамъ земли для училища, синагоги, кладбища и облегчи положеніе ихъ въ твоёмъ государствѣ“. Царь согласился. Ромбамъ просилъ принести цѣпь, чтобы связать корабль, а то-де онъ далеко убѣжитъ; ниго этому не повѣрилъ и цѣпи не принесли. Ромбамъ прочелъ молитву и началъ толкать корабль въ море; корабль, какъ молнія, полетѣлъ въ море и отплылъ отъ берега на нѣскольکو верстъ. Ромбамъ и говоритъ: „Вы не повѣрили и не принесли цѣпи, а теперь корабль гдѣ стоитъ?“ Прочелъ молитву, корабль подошелъ къ берегу. Всѣ удивились и были поражены. Царь говоритъ: „Достоинъ этотъ человѣкъ уваженія.“ Онъ далъ евреямъ земли для школы, синагоги и кладбища; написалъ привазъ по всему царству, чтобы и тамъ исполнили это желаніе Ромбама и уважали евреевъ. Ромбамъ ѣздилъ и въ другія государства, гдѣ жили евреи, творилъ

чудеса,—слухъ о немъ разнесся вездѣ и во всѣхъ мѣстахъ облегчали судьбу евреевъ.

Въ столицѣ одного государства жили евреи, какъ плѣнные. Въ этомъ городѣ была общественная печь, гдѣ пекли хлѣбъ и варили пищу какъ мѣстные жители, такъ и еврей. Завѣдывающій этою печью былъ глава города и духовенства и среди своихъ единовѣрцевъ считался святымъ „шихъ“. Вотъ этотъ-то шихъ очень преслѣдовалъ и мучилъ евреевъ: ихъ пищу и хлѣбъ подолгу задерживалъ, выдавалъ подгорѣлымъ или недопеченнымъ и вообще нехорошо относился въ евреямъ. Измученные совершенно евреи пришли въ Ромбаму и просили помочь имъ. Ромбамъ говорить имъ, что онъ ничего не можетъ сдѣлать: „Идите и какъ-нибудь пока терпите“. Черезъ нѣкоторое время еврей опять со слезами идутъ въ Ромбаму и падаютъ предъ нимъ и просятъ о помощи. Ромбамъ говорить: „Пеките хлѣбъ и варите кушанія у себя дома“. Они идутъ домой. Ромбамъ приказываетъ слугѣ принести кусокъ глиняной посуды, пишетъ на немъ молитву, даетъ слугѣ, чтобы тотъ незамѣтно ни для кого бросилъ въ общественную печь. Слуга исполняетъ. Послѣ этого огонь тухнетъ въ печи у всѣхъ жителей и у царя, а у евреевъ огонь есть. Они приносятъ огонь отъ евреевъ, владутъ на востеръ сухія дрова, но они не горятъ, —никакъ развести огня не могутъ; для царя готовить пищу у евреевъ. Всѣ удивляются, почему это у евреевъ есть огонь, а у нихъ нѣтъ и они никакъ не могутъ развести.... тутъ есть какая-нибудь тайна! Скоро настаетъ въ городѣ большой недостатокъ: ни испечь хлѣба, ни сварить пищи нигде у себя не можетъ. Царь страшно беспокоится, и призываетъ на совѣтъ врача Ромбама, котораго онъ очень уважалъ. Приходитъ Ромбамъ. Царь проситъ помочь горю, такъ какъ горожане умираютъ отъ голода. Ромбамъ говорить: „Если все, что я скажу, исполнять, то я помогу бѣдѣ,—иначе не въ состоянїи“. Царь говорить:

„Прикажу все исполнить, что ни скажешь“. Ромбамъ говорить: „Потребуй сюда „шиха“, завѣдывающаго общественною печью“. Шихъ былъ одѣтъ въ богатое платье съ чалмою на головѣ. Царь говорить ему. „Ты долженъ исполнить все, что ни прикажетъ врачъ Ромбамъ!“ Шихъ влѣняется и говорить: „Великій государь, все готовъ исполнить, что ни прикажете и вы и Ромбамъ“. Ромбамъ говорить шиху: „За городомъ лежитъ издохшая собака, она уже лежитъ семь дней,—иди и принеси ее сюда на своей спинѣ“. Этотъ приказъ крайне поразилъ шиха; онъ просилъ государя, умолялъ его отменить приказъ, унижительно для него; онъ—глава города и духовенства, онъ почитается въ народѣ наравнѣ съ пророками и какъ же онъ теперь будетъ унижаться предъ народомъ и тащить дохлую собаку?.. Царь приказалъ исполнить и велѣлъ стражѣ взять шиха за городъ. Шихъ, какъ убитый, отправляется за городъ, беретъ собаку на спину и несетъ, а отъ нея шло страшное зловоніе. Когда шихъ шелъ по городу съ собакою, то весь народъ былъ пораженъ, и шелъ за нимъ посмотреть, куда и для чего несетъ шихъ дохлую собаку. Шихъ принесъ собаку во дворецъ и положилъ на полъ. Ромбамъ приказалъ шиху взять собаку за хвостъ и дуть въ ушное отверстіе, тогда изъ рта-де выйдетъ огонь, которой жители возьмутъ для себя, и онъ будетъ неугасаемымъ. Шихъ началъ просить избавить его отъ исполненія такого приказа, ибо отъ трупа собаки идетъ страшная вонь а въ немъ развелись уже черви; просить царя не унижать его: онъ чистый и безгрѣшный человѣкъ, всѣми уважаемый въ городѣ, ему не пристойно исполнять подобныя вещи,—пусть это исполнить кто нибудь другой, и обѣщаетъ за это пожертвовать въ казну 1000 червонцевъ. Ромбамъ говорить: „Пока не вдунешь—огня не получимъ, а народъ умираетъ отъ голода; постронній не можетъ дуть“. Для опыта приказали одному горожанину дуть, но огня не получили. Тогда царь приказываетъ,

подъ угрозой казни, шиху немедленно исполнить требованіе Ромбама. Какъ только онъ началъ дуть, тотчасъ огонь сталъ выходить изъ рта собаки. Ромбамъ приказалъ сильнѣе дуть, онъ исполнилъ, — изъ рта вышло сильное пламя. Ромбамъ приказалъ жителямъ взять отсюда огонь и развести у себя дома, и сказалъ что больше огонь угаснетъ. Послѣ этого всѣ увѣривали въ Моисея, въ его книги, узнали, что евреи вѣрятъ въ единого Бога. Шихъ ровно три мѣсяца не могъ отъ стыда показаться народу. Онъ пришелъ къ Ромбаму и сказалъ: „Неужели я такой грѣшникъ, что ты со мною такъ поступилъ?“ Ромбамъ отвѣтилъ: „Да, ты большой грѣшникъ, ибо мучилъ евреевъ. Если опять обидишь хоть одного еврея, то съ тобою еще хуже будетъ поступлено“. Шихъ обѣщалъ послѣ этого обращаться съ евреями хорошо, въ тому же понудить и народъ. Дѣйствительно, послѣ Шихъ и народъ очень хорошо обращались съ евреями и уважали ихъ.

М. Безановъ,
смотритель варташевскаго училища.

ИЗЪ ОБЛАСТИ НАРОДНОЙ ФАНТАЗИИ И БЫТА.*)

(Тифлисской и Кутаисской губ.).

Царство животныхъ.

Насекомыя.

Кутаисъ. Есть довольно большой и толстый червякъ „мухлухі“, весь въ бирюзовыхъ глазкахъ, который встрѣчается на листьяхъ айвы, черешни, орѣха, олеандра и, какъ говорятъ, настолько ядовитъ, что у животнаго, съѣвшаго этого червяка, вздувается желудокъ, и оно издыхаетъ. Стоитъ только покрыть мухлухі девятью молодыми орѣховыми листочками, чтобы послѣ не бояться никакой болѣзни.

С. Сакара, Шарп. у. Ползетъ по васъ червякъ, — сошлете себѣ что-либо новое: червячекъ мѣряетъ, сколько аршинъ понадобится.

С. Кулаши, Кут. у. Если раздавить червяка, будетъ дождь въ тотъ-же день.

*) Представляемые матеріалы изъ области народной фантазіи и народнаго быта, приурочиваемы къ мѣстностямъ Кутаисской (помѣченныѣмъ уѣздами) и Тифлисской губерніи, отчасти записаны мною отъ князей, дворянъ и крестьянъ, отчасти сообщены мнѣ въ записяхъ нѣкоторыми учениками Кутаисской и Тифлисской (I) гимназій, — словесно моими сослуживцами по Кутаисской гимназіи. Изъ сослуживцевъ-законоучители о. Г. Маджавариани и о. И. Шавладзе, учитель грузинскаго языка О. Р. Гигауровъ, кромѣ сообщенія означенныхъ матеріаловъ, еще переводили для меня съ грузинскаго языка на русскій предлагаемые памятники народной словесности. Принося свою признательность поименованнымъ лицамъ за ихъ содѣйствіе моимъ дѣламъ, вмѣстѣ съ тѣмъ выражаю глубокую благодарность члену Кутаисскаго Окружнаго Суда Ахмедъ-Ага Векилову, который возстановилъ, перевелъ и написалъ одну татарскую пѣсню.

М. Машурко

Если въ день новаго года женщины не возьмутъ въ руки шелковичнаго червя, то въ этотъ годъ у нихъ въ чурекахъ, которые имъ предстоитъ печь, будутъ появляться волосы.

„Калиа“ (кузнечикъ), влѣзшій на стѣну дома, предвѣщаетъ богатство живущему въ томъ домѣ. М. Еврипы,
Шаран. у.
С. Абамы,
Сенакск. у.

Кто убьетъ большого продолговатаго чернаго жука, у того издохнетъ его быкъ. М. Еврипы,
Шаран. у.,

Мухи кусаются—будетъ ненастье.

Залетитъ въ комнату большая черная муха—врагъ ее прислалъ; почему муху убиваютъ.

Комары летаютъ роємъ—настанетъ погода.

Большое множество комаровъ—къ урожаю. Кутаись.

Чтобы вывести изъ дома клоповъ, слѣдуетъ нѣсколько штукъ ихъ положить въ коробочку и отнести въ тотъ домъ, куда хочешь переселить клоповъ,—и они всѣ туда перейдутъ.

Чтобы вывести мурашекъ, посыпаютъ въ домѣ, на страстной седмицѣ въ среду, золою то мѣсто, гдѣ онѣ завелись.

Мурашки въ домѣ—къ благополучію ¹⁾.

Когда затеряется какая-нибудь вещь, нужно поймать муравья, посадить его на ладонь и сказать: „Помоги найти (называется потерянная вещь)! Половину тебѣ дамъ, половину себѣ оставлю“. Въ какую сторону муравей поползетъ, въ той сторонѣ и нужно искать эту вещь—она найдется. С. Сакара,
Шаран. у.

Мингрельцы, ища потерянную вещь, приговариваютъ: „зіа взірі, тата взірі. Ёронці, зіна бомозірі“ „четки нашель“ (два раза) (четки носимыя на рукахъ). Дай мнѣ, Боже, найти потерянную мною вещь“.

Сборн. мат. для опис. мѣст. и плем. Кавказа.

¹⁾ Вып. VII. отд. II, стран. 62, рубр. 18. Новогригорьевскій уѣздъ Ставропольской губ.: „У кого въ домѣ водятся много муравьевъ, то это предвѣщаетъ хозяину богатство въ будущемъ“.

²⁾ Шайтанъ, тал-тан дулагларин касарам—Чертъ, найди найди, а то уши тебѣ отрѣжу (Варташенъ).

ПТИЦЫ.

*С. Сахарь,
Шарат. у.*

Если пѣтухъ запоетъ ночью не во-время, — кто-либо изъ домашнихъ умретъ или въ крайнемъ случаѣ заболѣетъ; такого вѣщуна сейчасъ-же приказываютъ зарѣзать.

Запоетъ пѣтухъ послѣ обѣда, — въ первую-же ночь придетъ воръ ¹⁾.

Если пѣтухъ повернется къ дому, захлопаетъ крыльями и запоетъ, — явится кто-либо съ гостинцами.

*С. Абаши,
Сенакск. у.*

Если пѣтухъ забѣжитъ въ помещеніе больного и, пропѣвъ тамъ разъ, сейчасъ-же убѣжитъ оттуда, — предвѣщаетъ смерть больному.

*С. Кулаши,
Кут. у.*

Пропоетъ пѣтухъ въ вашу сторону — предвѣщаетъ вамъ енедобро; пѣтуха нужно зарѣзать.

Кутаисс.

Если кто-либо сидитъ на дворѣ, а въ это время къ нему подойдетъ пѣтухъ и прокричитъ — дурное предназначеніе.

Запоетъ пѣтухъ въ полдень, пѣтуха вѣшаютъ за ноги и смотрять, куда онъ повернется: если пѣтухъ повернется направо, его освобождаютъ, — налево — моментально убиваютъ.

Если пѣтухъ прокричитъ вечеромъ, его тотчасъ-же нужно зарѣзать; а иначе умретъ кто-нибудь изъ домашнихъ ²⁾.

Пѣтухъ, покошій курицей, предвѣщаетъ несчастье.

[Курица, колющая пѣтукомъ (нѣкоторые прибавляютъ: у окна), предвѣщаетъ смерть ³⁾].

М. Комирзм.

[Такая курица, по другому варианту, предвѣщаетъ смерть хозяйцѣ].

¹⁾ Вып. X, отд. III, стран. 36. С. Старо-Сенаки Сенакск. уѣзда Кут. губ.: „Если пѣтухъ не во-время запѣлъ, знай, что воръ къ тебѣ спѣшитъ“.

²⁾ Вып. X, отд. I, стран. 112, рубр. 12. С. Носири, Сенакск. уѣзд. Кут. губ.: „Если вовремя вечерней зари запоетъ пѣтухъ, то это... предвѣщаетъ смерть одного изъ членовъ семьи“.

³⁾ Вып. V, Отд. I, стран. 207, рубр. 23. Станица Слѣдцовская, Терской области, Владикавказскаго округа: „Крикъ курицы по-пѣтушьи предвѣщаетъ смерть кому-либо изъ членовъ семьи“.

Пѣтухъ не вовремя поеть—къ переимѣнѣ погоды; вече-*М. Коурили,*
ромъ запоеть—предсказываетъ смерть хозяину ¹⁾. *Шарат. у.*

Перекликаются пѣтухи двухъ сосѣдей въ полночь—у
одного изъ сосѣдей будетъ покойникъ.

Цыплята прячутся—будетъ сырая погода.

Куры не прячутся во время дождя—настанетъ погода;
хвостомъ машутъ или вудахнутъ—будетъ ненастье; курица
стоитъ на одной ногѣ—въ холоду; летаетъ на дворѣ—будетъ
морозъ; войдя въ жилое помѣщеніе, замашетъ крыльями—су-
литъ прибыль; крыло у курицы опадетъ—гость будетъ съ
книжаломъ.

Прогоняя куръ, на нихъ обыкновенно кричатъ: окши
(срав. русск. „кышъ“); а если вмѣсто этого машинально про-
изнесутъ звукъ „нд“—гости будутъ.

Услышишь голосъ курицы натошакъ—будешь каждую
минуту плевать.

Курица ляжетъ на бокъ или упадетъ съ дерева на ногу—
хозяинъ заболѣетъ.

Если во время разговора упоминаютъ о покойникѣ, и *С. Эхи,*
при этомъ курица захлопаетъ крыльями, поднимаясь на паль- *Сенаск. у.*
цахъ, значитъ, покойникъ былъ добрый человекъ.

Если молодой человекъ посмотритъ въ гнѣздо курицы *Ново-Сенаск.*
не будетъ имѣть бороды.

Куры слетаютъ ночью съ „сидала, куросѣдни“—въ бѣдѣ. *Кутаись.*

Соломинка, приставшая къ хвосту курицы—въ покойнику.

Куръ могутъ рѣзать только мужчины: женщинамъ не
дозволяется это на томъ основаніи, что онѣ оскверняются
менструаціями.

Изъ мальчиковъ къ рѣзанію куръ допускаются только тѣ, *С. Сацеры,*
которые уже были у причастія семь разъ ²⁾. *Кут. у.*

¹⁾ Вып. IX. Отд. II, стран. 109. У татаръ: „Пѣтухъ, который поеть
не во-время, предвѣщаетъ какое-либо несчастье домохозяину; его надо
поскорѣ зарѣзать...“.

²⁾ Тѣ, которые были крестными отцами. (Варташентъ).

„Мой отец“, говоритъ крестьянка, „съ ума сойдилъ, когда узналъ, что хотѣли меня заставить рѣзать цыпленка“.

Кутаись.

Чтобы изъ всѣхъ яицъ, положенныхъ подѣ насѣдку, вывелись цыплята, необходимо положить подѣ нее нечетное число яицъ, именно, двадцать одну штуку (17, 15, 23).

*О. Сакара,
Шаран. у.*

Когда посадятъ курицу на яйца, въ числѣ которыхъ могутъ попасться несвѣжія, особенно, оставшіяся отъ прошлаго мѣсяца, и желаютъ, чтобы цыплята вывелись изъ всѣхъ яицъ, кладутъ подѣ врылья насѣдки палочки отъ разныхъ плетней, такъ какъ снесены въ разное время.

*М. Коиримъ,
Шаран. у.*

Когда курица сидитъ на яйцахъ, то для того, чтобы послѣднія не испортились, не нужно въ домѣ свистать.

*С. Кулаши,
Вут. у.*

Если утромъ въ новый годъ войдетъ въ домъ хромой или хромая, а въ это время насѣдка сидитъ на яйцахъ—выведутся хромые цыплята¹⁾.

Кутаись.

Цыплята пищать—нужно попросить того, кто изъ постороннихъ пришелъ первый въ новый годъ, чтобы онъ бросилъ цыплятамъ назадъ и не оборачиваясь горсть зомі (просо, Сл. Чубинова).

*А. Абаши,
Османск. у.*

Когда женщина хочетъ похитить съ дерева чужую курицу или чужого пѣтуха, она сперва должна воткнуть въ дерево иголку; а иначе, взлѣзши на дерево, упадетъ съ него.

Кутаись.

Если ночью захотятъ достать курицу съ дерева, то должны сперва воткнуть въ дерево иголку—куры не будутъ кричать.

Дѣвица не должна ѣсть куриного пупка (вазміс кучі), чтобы въ большомъ обществѣ не потемнѣть до цвѣта того же пупка.

¹⁾ Сбор. мат. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа. Вып. XIII. Отд. I, стран. 114, рубр. 82. С. Татевъ Зангезурскаго уѣзда Елисаветпольской губ.: „Если въ то время, когда сажаютъ на яйца насѣдку, зайдетъ женщина, то высиженные цыплята будутъ курочки; если же зайдетъ мужчина,—то курица высидитъ пѣтушковъ“.

Вступившимъ въ бракъ нельзя уже ѣсть куриного пупка: если его съѣсть мужъ—умретъ жена, а съѣсть жена—умретъ мужъ.

*Абхазія,
Сухумскій
округъ).*

Ни дѣвица, ни холостой мужчина не должны ѣсть куриного пупка до свадьбы, чтобы не поблѣднѣть во время своей свадьбы.

*С. Кулаши,
Кут. у.*

Нивогда не должно ѣсть сердца, чтобы не сдѣлаться двоедушнымъ (оргулі); если не будешь ѣсть сердца, сдѣлаешься челоуѣкомъ прямымъ, вѣрнымъ, преданнымъ (ергулі).

Не надо ѣсть мозга какихъ бы то ни было животныхъ; въ противномъ случаѣ, взобравшись на дерево, тотчасъ упадешь съ него¹⁾.

*С. Сакара,
Шаран. у.*

Уткикупаются и кричатъ—пойдетъ дождь; стоятъ вмѣстѣ—ударить громъ.

*М. Квирилы,
Шаран. у.*

Гусикупаются—будетъ хорошая погода; гогочутъ—дождь; гусь на одной ногѣ стоитъ—наступитъ холодъ; прячетъ клювъ подъ крылья или машетъ ими—будетъ морозъ.

Если разводишь голубей—обѣдишь.

Кутаисъ.

Дятель закричитъ—бѣ дождю.

*С. Старо-Сенаки,
Сен. у.*

Сорока щебечетъ—бѣ бѣдѣ²⁾.

Во время масляницы услышишь карканье ворона на тощакѣ—не будешь имѣть охоты къ работѣ.

Ново-Сенаки.

Закаркаетъ воронъ надъ домомъ, тамъ что-либо умретъ³⁾.

Старо-Сенаки.

²⁾ Вып. XIII. Отд. II, стран. 155. Повѣрье мюрагинцевъ въ Дагестанѣ: „Ребенокъ, у котораго живы родные, не долженъ ѣсть головы какого бы то ни было животного, ибо въ противномъ случаѣ умрутъ родные у него“.

³⁾ Вып. XIV. Отд. I, стран. 255. С. Вартаменъ Нухинскаго у. Елисаветп. г.: „Недалеко сидитъ сорока и кричитъ,—это съ вѣстью пришла...“ Вып. IX. Отд. II, стран. 109. У татаръ: „Сорока-вѣстница...“

⁴⁾ Вып. X. Отд. I, стран. 112, рубр. 11. С. Носирп Сенакск. у. Кут. губ.: „Крикъ вороны надъ домомъ означаетъ смерть одного изъ семьи“.

Кутаись. По другому варианту, такой воронъ предвѣщаетъ какое нибудь несчастье въ домѣ ¹⁾).

Прокаркаетъ воронъ три раза надъ избой, гдѣ лежитъ больной,—последняго ожидаетъ неизбежная смерть.

Карканье вороны во время полета предвѣщаетъ наступленіе вѣтра.

*С. Сакара,
Шаран. у.*

Чтобы ворона не уносила дыплять, въ послѣднюю ночь масляницы готовятъ такъ называемую воронью порцію (кваци улѣца): берутъ яичную скорлупу, кладутъ въ нее всякаго кушанья понемножку и прячутъ ее въ плетень.

Если, при отправленіи человека въ путь, закаркаетъ воронъ, закричитъ какая-либо непѣвчая птица, запоетъ чижъ или кукушка—дурное предзнаменованіе.

Кутаись.

Кукушка летаетъ по селу—въ пожару.

Услышавшій матошакъ пѣніе кукушки будетъ пользоваться хорошимъ расположеніемъ духа.

М. Квирилы,

Въ томъ же случаѣ человекъ будетъ ощущать тошноту.

С. Саццри,

Услышишь пѣніе кукушки, не поѣвши соленаго—не хорошо.

*Сс. Слчико и
Дымы (Дими)*

Когда кукушка кукуетъ, не слѣдуетъ звукоподражать

Кут. у.

ей; въ противномъ случаѣ распухнетъ глазъ (груз. „буву“ означаетъ опухоль на глазу).

Дымы.

Средство избавиться отъ этой опухоли заключается въ слѣдующемъ: подойдя къ амбару, должно стучать въ дверь ступней, приговаривая: „Амбаръ пусть будетъ такой (малый), какъ опухоль; а опухоль—такая (большая), какъ амбаръ; опухоль пройдетъ.“

Кутаись.

Щеголь прилетитъ къ дому и станетъ пѣть—предвѣщаетъ счастье или несчастье.

Удодъ садеть во дворѣ на дерево, кого-либо изъ домашнихъ постигнетъ болѣзнь, отъ которой мало надежды на выздоровленіе.

¹⁾ Вып. IX. Отд. II, стран. 109. У татаръ: „Карканье прилетѣвшей вороны... знаменуетъ несчастье“.

Крикъ совы, летящей надъ дворомъ, предвѣщаетъ смерть кого-либо изъ близкихъ родственниковъ.

Если сова сядетъ на дерево, во дворѣ или близъ дома, и *Кутаисъ, Кирилы.* закричитъ—предвѣщаетъ смерть кому-либо изъ домашнихъ.

Въ такомъ случаѣ, для предупрежденія несчастія, въ *С. Стара, Шаран. у* сову нужно бросить углемъ ¹⁾.

Если, увидѣвъ галку, не перевернешь камня—въ томъ *Рачинскій уездъ.* году будетъ тебя тошнить.

Тому, кто услышитъ натошавъ голосъ галки и не бро- *М Кирилы, Шаран. у.* ситъ въ нее камнемъ, быть въ томъ году въ хлопотахъ.

Услышавшій натошавъ голосъ яволги—не достанетъ денегъ.

Услышавшій натошавъ пѣніе черваго дрозда --получить насморкъ на цѣлый годъ.

Услышавшій пѣніе дрозда—будетъ имѣть насморкъ. *Кутаисъ.*

Услышавшій пѣніе соловья—загруститъ и запечалится.

Услышавшій голосъ птички—получить какое либо невѣстіе. *С. Старо-Сенаки.*

Соловей поетъ ночью, боясь, чтобы его не задушила ползучая трава, которая погубила его предка, обвинившись вожругъ его шейки. *С. Сачино, Кут. у.*

Услышишь натошавъ щебетаніе ласточки—за обѣдомъ *Кутаисъ.* въ кушаньи найдешь волосъ.

Возвратившихся на весну птицъ, а особенно ласточку, нужно стараться увидѣть, выпивши предварительно вина—тогда побѣдишь. Относительно ласточки побѣда заключается въ томъ, что на лицѣ увидѣвшаго эту птичку не появятся веснушки ²⁾.

¹⁾ Вып. I . Отд. II, стран. 109. У татаръ: „Прилетъ совы, филина и другихъ ночныхъ птицъ означаетъ смерть одного изъ членовъ семейства, особенно, если онѣ издають крики,—но отъ несчастія, предвѣщаемаго ими, можно предостеречься, если броситъ вслѣдъ за этими птицами глѣзную головню“.

²⁾ Въ Вѣлороссіи: Если взять въ руки ласточку или ласточкины лички, на лицѣ появятся веснушки.

„Побѣдить“ см. ниже „Новый годъ“.

Кто умоется при первой ласточкѣ—будетъ бѣлъ.

*С. Сакара,
и с. Абаша,*

Большой грѣхъ убивать ласточекъ, потому что онѣ Божьи куры ¹⁾).

*С. Старо-Се-
наки, Сен. у.*

Живущимъ въ домѣ, при которомъ ласточка сошьетъ гнѣздо, предстоитъ счастье; а самому дому не страшень пожаръ.

М. Кюризи.

Ласточки летаютъ низко—будетъ дождь; посятся высоко-наступитъ ненастная погода.

Прилетятъ ласточки изъ Индіи, а ты не спросишь у нихъ, что дѣлаетъ индійскій царь—одна часть твоего лица высохнетъ.

*С. Са чино,
Кут. у.*

Когда прилетятъ ласточки, нужно спросить у нихъ: „Какъ поживаетъ королева Индіи?“—потому что, съ возвращеніемъ въ Индію, королева вывѣдываетъ у нихъ, кто справлялся о ея здоровьи,—послѣ чего она говоритъ: „Кто освѣдомлялся обо мнѣ, пусть пополнѣетъ, какъ эта щека,“ и при этомъ указываетъ на свою полную щеку; „а кто не освѣдомлялся, пусть похудѣетъ, какъ эта,“ и указываетъ на свою худую щеку.

Тому, на кого случайно упадетъ изверженіе ласточки, предстоитъ какое-нибудь счастье.

Кутаисъ.

Ласточка влетаетъ въ комнату—предвѣщаетъ смерть.

Птичка влетаетъ въ домъ къ радости.

Какое еще повѣріе существуетъ о птичкѣ, влетѣвшей въ домъ, видно изъ слѣдующаго случая. Въ комнатѣ очутились два воробья, упавшіе въ каминъ черезъ трубу: оба были схвачены,—и одного изъ нихъ выпустили на волю тотчасъ же, а другого лишь послѣ того, какъ обнесли его вокругъ головы человѣка, поймавшаго этихъ воробьевъ. Вѣрили, что

¹⁾ Всп. IX. Отд. II, стран. 110. У татаръ: „Ласточка—птица священная, такъ какъ она поетъ стихъ изъ Корана“.

второй воробей улетая можетъ унести съ собой печаль и несчастье того человѣка.

Въ отдѣлѣ „Самбѣо“ мы встрѣтимъ такое же вѣрованіе относительно животныхъ.

Воробей гнѣздо вьетъ—будетъ погода.

*М. Коуриль,
Шаран. у.*

Воробьи чирикаютъ или носятся въ воздухѣ—предвѣщаютъ дождь.

Преданіе.

Кукушка. У одной мачехи было два пасынка, которыхъ она посылала пасти коровъ. Разъ на пастбищѣ одна корова затерялась, за что мачеха прогнала изъ дому вернувшихся пасынковъ и строго-настрого приказала имъ, чтобы они нашли пропавшую корову, а иначе не являлись бы домой. Тѣ отправились на поиски; но какъ ни старались, не могли найти коровы. Когда уже стемнѣло, а измученные братья все еще перекликались по временамъ: „Нахе?“—„Ара!“ („Видѣль?“ „Нѣтъ!“). Св. Георгій сжалился надъ ними и превратилъ ихъ въ птицъ, которыя и понынѣ существуютъ и выкрикиваютъ: „нахе“—„ара“, называются онѣ кукушками ¹⁾).

Кутаисъ.

Иволга. Были у мачехи падчерица и пасынокъ, которые занимались тѣмъ, что пасли коровъ. Однажды они потеряли корову, и, когда вернулись домой безъ нея, мачеха прогнала ихъ, потребовавъ, чтобы корова была найдена. Братъ и сестра долго искали корову, но безуспѣшно; они молились, плакали и выражали желаніе сдѣлаться птичками. Богъ сжалился надъ дѣтьми и превратилъ ихъ въ иволгъ (мелатуребі). На поискахъ сестра, спрашивая у брата, которому имя было Го-гія, кричала: „Нашель, нашель?“ и, получивъ отъ него от-

¹⁾ Вып. IX. Отд. II, стран. 127. У Елисаветпольскихъ армянь и мусульманъ: Въ сичей превратились 1) два мужика, искавшие быка; 2) два брата, искавшие сестру; 3) братъ и сестра, искавшие ягненка. Во всѣхъ трехъ случаяхъ выкрикивали вопросъ и отвѣтъ: „Нашель?“—„Нѣтъ!“

рицательный отвѣтъ, произносила въ отчаяніи: „Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!“ и теперь она, превращенная въ иволгу, высвистывая: „Бічо, бічо, Гогія! іповне, іповне?... Вера, вера, вера!“

Удодъ. Была у мачехи падчерица, очень красивая и потому ненавистная ей. Мачеха преслѣдовала ее на каждомъ шагу. Особенно же падчерицѣ доставалось отъ нея въ томъ случаѣ, если красавица принималась за свой туалетъ. Жизнь у мачехи сдѣлалась для дѣвицы невыносимою, и послѣдняя неразъ высказывала желаніе стать птичкой и улетѣть. Однажды мачехи не было дома, и падчерица вздумала помыть себѣ голову. Она уже причесывала себѣ волоса, какъ вдругъ явилась мачеха: красавица испугалась, руки ея опустились; а гребешокъ, который она держала предъ тѣмъ по срединѣ головы, такъ и остался тамъ. Дѣвица превратилась въ удода и улетѣла ¹⁾).

*С. Саджсва-
хо, Озурч. у.*

Коршунъ (цера). Когда Богъ создалъ воду, къ ней прильнули и начали пить животныя и птицы. Но коршунъ даже не прикоснулся къ водѣ. За это Богъ осудилъ его на мученіе жаждой, которую онъ однако можетъ утолять, но лишь росю. Въ жару коршунъ, испытывая сильнѣйшую жажду, вылетаетъ изъ скаль и носится въ воздухѣ, издавая жалобный пискъ: „Мтцкуріа“, „жаждою“.

*Сс. Саццри
и Симонеты,
Кут. у.*

Когда Ной выпустилъ изъ ковчега коршуна, послѣдній не вернулся, за что былъ проклятъ Ноемъ. Вѣчно мучимый жаждою, коршунъ летаетъ надъ водою и жалобно кричитъ: „мтцкуріа:“ вода кажется ему кровью, и онъ не можетъ ее пить. Звукъ „мтцкуріа“ слышенъ въ августѣ.

*С. Дрсига-
иши, Кут. у.*

.....Вода жаждущему коршуну кажется гнойной матеріей.... Звукъ «мтцкуріа» раздается въ іюль и августѣ.

¹⁾ Вып. XIV. Отд. I, стран. 255 и 256. С. Варташенъ Нухинскаго у. Елисаветп. г.: „Въ удода превратилась молодая невѣста: она мыла свою голову; пришелъ свекоръ—она закрылась корыткомъ; гребешокъ, бывшій въ корытѣ, зацѣпился за волосы; она обратилась къ птицу и улетѣла“.

чінчрага. Есть маленькая птичка „чінчрага,“ которая *С. Говоритъ,
Озур. у.* всегда ложится на спину. Когда ее однажды спросили, зачѣмъ она это дѣлаетъ, птичка отвѣтила: «Если небо будетъ падать, я поддержу его ногами».

. Животныя.

Кто боится летучій мыши, долженъ поймать ее, облить *Кутаисъ:* крылья водою и эту воду выпить: не будетъ бояться летучей мыши.

Кровью летучей мыши можно уничтожить веснушки на *С. Абама,
Сенакск. у.* лицѣ. Для этого нужно поймать летучую мышь, подвѣсить къ потолку на вѣривомъ шнурѣ такъ, чтобы она висѣла головой внизъ. Черезъ нѣкоторое время, когда кровь прилила къ головѣ, мышь нужно снять, разрѣзать ее и кровью ея мазать веснушки. Недѣли двѣ-три на лицѣ будетъ чувствоваться боль; но затѣмъ это пройдетъ, и веснушки съ лица исчезнутъ.

Средство влюбить въ себя дѣвушку и заставить ее *С. Стара-Се-
наки, Сен. у.* разлюбить состоитъ въ слѣдующемъ: надо поймать летучую мышь и зарыть ее въ землю близъ рѣчки,—а черезъ двое сутокъ на третью ночь вырыть; но отъ мыши останутся только двѣ косточки, которыя и нужно взять—одна косточка будетъ побольше, другая поменьше. Дѣвушку можно принудить полюбить, если потереть о ея платье первой косточкой; разлюбить—второй. Когда приходятъ къ рѣчкѣ за означенными косточками, встрѣчаютъ тамъ „чистыхъ“, т. е. разныхъ звѣрей, и «нечистыхъ», а именно, лѣшихъ, въ числѣ которыхъ находится и лѣсной царь (см. ниже „҃аці); но ни тѣ, ни другіе не трогаютъ человѣка и не препятствуютъ ему достать волшебныя косточки.

Чтобы влюбить дѣвушку, прибѣгаютъ еще къ другому средству (см. „҃ады“).

Кутаись. Появленіе во множествѣ мышей предвѣщаетъ неурожай-
ный годъ ¹⁾).

Если мыши ѣдятъ сѣно, будетъ голодъ.

Перегрызутъ мыши обувь, послѣдуетъ смерть собствен-
ника обуви ²⁾).

Если крыса прогрызетъ тебѣ пальто или сюртукъ, уѣдешь
куда-нибудь.

*С. Абама,
Сенакск. у.
и с. Кулаши,
Кут. у.*

Если у дитяти выпадаетъ зубъ,—при потерѣ-ль молочныхъ
зубовъ или въ послѣдующій за тѣмъ періодъ, ребенокъ дол-
женъ покружить этотъ зубъ три раза у себя надъ головой
и, сказавъ: «Мышка, мышка! дай мнѣ свой зубъ, возьми
мой»—забросить его на крышу дома: на мѣстѣ выпавшаго
зуба выростетъ хорошій ³⁾).

*С. Вадады,
Кут. у.*

Лапка врата помогаетъ отъ глазной боли, почему стра-
дающіе глазами имѣютъ эту лапку и всегда носятъ ее
при себѣ—мужчины, напримѣръ на цѣпочкѣ или шнуркѣ отъ
часовъ.

Кутаись.

Разводить въ домѣ кроликовъ не хорошо.

Рано утромъ не хорошо встрѣчать и видѣть кроликовъ
и зайца.

Встрѣча съ зайцемъ предвѣщаетъ человѣку, что его
ошлепещутъ.

*С. Сакара,
Шаран. у.*

При встрѣчѣ съ зайцемъ нужно плюнуть, чтобы не по-
терпѣть неудачи въ предпринимаемомъ дѣлѣ.

¹⁾ Вып. VI. Отд. I, стран. 40, рубр. 35. Станица Отрадная, Кубан-
ской области, Баталпашинскаго уѣзда: „Когда въ домѣ появится много
кресъ, быть голоду“.

²⁾ Вып. VII. Отд. I. стран. 53, рубр. 5. Станица Бороздинская,
Терской области, Кизлярскаго округа: „Мыши грызутъ что—нибудь изъ
платья—предвѣщаетъ покойника“.

³⁾ Въ Бѣлоруссіи: Покруживъ выпавшій зубъ надъ своей головой и
произнесши: „Чортъ, чортъ! на тебѣ костянной зубъ, дай мнѣ жемч-
ный!“—пужно забросить тотъ зубъ на печку.

Встрѣтишь въ дорогѣ зайца, окончишь путь неблагопо- *Кирилл.*
лучно; а встрѣтишь лисицу—благополучно ¹.

Лисица откашливается—выпадетъ большой снѣгъ.

Лисица залаетъ на чьемъ-либо дворѣ, въ домѣ того бу- *От.-Осипки.*
детъ покойникъ; залаетъ въ долину—къ дождю,—на возвы-
шенности—къ погодѣ.

Встрѣча съ лисицей утромъ предвѣщаетъ неприятную
исторію.

Чтобы оградить буръ отъ лисицы, прибѣгаютъ къ слѣ- *Гундаемы,*
дующему средству. Въ одно изъ воскресеній (наканунѣ ма- *Нарон.*
сленицы или Великаго поста) каждый изъ находящихся въ
семьѣ откладываетъ отъ всякаго кушанья частички, которыя
затѣмъ помѣщаются въ яичную скорлупу, для приготовленія
лисициной порціи (выше говорилось о вороньей порціи). Далѣе:
ту скорлупу обертываютъ черной матеріей и затѣмъ обвязы-
ваютъ черной шерстяной ниткой, и сохраняютъ лисицину
порцію до среды или четверга на Страстной недѣлѣ. Въ
одинъ изъ этихъ дней „молчаливый“, т. е. молча соверша-
ющій обрядъ, привязываетъ эту порцію къ правой ногѣ и
обходитъ такъ вокругъ мѣста, на которомъ обыкновенно бро-
дятъ буръ, а возвратясь къ тому пункту, откуда онъ началъ
обходъ—, отвязываетъ отъ ноги скорлупу и старательно прячетъ
ее тутъ же, заботясь, чтобы никто и ничто не могло ее уни-
чтожить. По мнѣнію поселянъ, въ томъ году лисица не по-
смѣетъ явиться въ заколдованное мѣсто; а если ужъ и явится,
то, встрѣтивъ курицу, не тронетъ ея.

¹) Вып. XIV. Отд. I. стран. 255. С. Вартановъ Нухинскаго у.
Елисаветп. г.: „Встрѣтитъ въ пути зайца—удачи не будетъ“.

Вып. XIII. Отд. I. стран. 113, рубр. 18. С. Татевъ Зангезурскаго
у. Елисаветп. г.: „Встрѣча съ зайцемъ предвѣщаетъ неудачу въ дѣлахъ,
встрѣча съ лисою—удачу“.

Исторія войнъ и владычества русскихъ на Кавказѣ. Н. Дубровина.
У дагестанскихъ горцевъ: „Если вѣдущему встрѣтится на дорогѣ лисица—
охрошо, а заяцъ—худо“.

Кеирилы. Волкъ на небо смотреть—хлѣба хочеть.

Кутаисъ. Вой шакаловъ въ ночное время предвѣщаетъ хороший день.

Кеирилы. Если къ дому, въ которомъ есть больной, подойдетъ „тураццохвері“ (изъ вида шакаловъ, но ростомъ выше обыкновенныхъ) и завоюетъ—больной, значить, умретъ.

Кошка умываетъ мордочку правую лапкою—будетъ хорошая погода; лѣвою—дурная ¹⁾.

(Вариантъ: моется кошка—будутъ гости ²⁾, а потянетъ при этомъ за ухо—настанетъ погода.)

Лижетъ кошка лапку—будетъ вѣтеръ.

Кошка, перебѣжавшая дорогу ночью, предвѣщаетъ несчастье.

Если кошка въ несчастье лежитъ животомъ вверхъ или три раза обведетъ лапкой вокругъ мордочки—предвѣщаетъ погоду; въ клубокъ свернется—теплую погоду; мордочку прячетъ—морозъ; царапаетъ стѣну—несчастье, полъ—вѣтеръ.

Сакара. Когда кошка умывается—на другой день будетъ хорошая погода.

Чтобы приручить къ себѣ кошку и сдѣлать ее домашней, нужно ее поймать и поставить передъ зеркаломъ такъ, чтобы она увидѣла въ немъ свою фигуру; затѣмъ, вымѣривъ хвостъ кошки палочкой, зарыть послѣднюю въ землю.

Абаша. Съ тою же цѣлью у пойманной кошки выстригаютъ на лбу влочки волосъ и кладутъ ихъ на бухару, а кошку ставить передъ зеркаломъ и, заставляя ее смотреть въ него, говорить три раза: „Ес шені сахлі!“ „Это твой домъ!“ По

¹⁾ Вып. X. Отд. I, стран. 112, рубр. 16. С. Носири Сенавск. у. Кутгуб.: „Если кошка лежитъ мордою къ востоку и умывается (лизетъ себя), то это предвѣщаетъ хорошую погоду, а если лежитъ, оборотась къ западу, и умывается, то это предсказываетъ дурную погоду“.

²⁾ Вып. VI. Отд. I, стран. 39, рубр. 28. Станица Отрадная, Кубанской области, Баталпашинскаго уѣзда: „Когда лижетъ себя кошка (моется)—гости будутъ“.

прошествіи трехъ дней кошкѣ показываютъ ея волосы и снова прячутъ на бухарѣ.

Убившій кошку, если хочетъ искупить этотъ грѣхъ, дол-*Гоморети,* женъ построить на рѣкѣ девять черешневыхъ мостовъ, ватѣмъ *Огурь.* подвязать къ ногѣ три кирпича и ходить на нихъ по выстроеннымъ мостамъ до тѣхъ поръ, пока кирпичи совсѣмъ не согнутся.

Если убьешь кошку, на томъ свѣтѣ заставятъ сдѣлать де-*Сакара.* ать мостовъ.

Собака, какая бы она ни была злая, на добраго чело-*Кутамист.* вѣка не бросится.

Если хозяинъ злой, то и собака его злая.

Если подойдешь къ своей собакѣ, и она протянетъ къ тебѣ лапы и зѣвнетъ при этомъ—будешь богатъ или счастливъ.

Собака воетъ или лапами землю роетъ—предвѣщаетъ смерть своему хозяину ¹⁾).

Воетъ домашняя собака, предстоитъ смерть кому-либо изъ своихъ.

Воющую собаку нужно немедленно убить, чтобы предотвратить смертный случай въ домѣ ²⁾).

Если собака утромъ залаетъ на хозяина—умретъ егомъ *Кеиримъ,* родственникъ. *Шарон. у.*

¹⁾ Вып. IX. Отд. II, стран. 107. У татаръ: „Собака раньше другихъ животныхъ можетъ предугадать появленіе какой-нибудь болѣзни, а иногда и несчастья, въ особенности же, своему хозяину; тогда она воетъ и этимъ даетъ знать своему хозяину о предстоящемъ и, такимъ образомъ, иногда помогаетъ ему спастись“.

²⁾ Вып. X. Отд. I, стран. 112, рубр. 13. С. Носири Сенак. у. Кут. губ.: „Вой собакъ ночью предвѣщаетъ несчастье“

Вып. XIV. Отд. I, стран. 254. С. Варташенъ Нухинск. уѣзд. Елисаветп. губ.: „Воетъ собака,—въ домѣ будетъ несчастье“. (Собакѣ даютъ хлѣбъ и приносятъ жертву]Богу).

Вып. V. Отд. I. стран. 207, рубр. 24. Станица Слѣпцовская, Терской области, Владикавказскаго округа: „Воетъ безъ причины собака—знаменуетъ смерть.“

Вой собаки предвѣщаетъ смерть въ чьемъ-либо домѣ.
Станетъ собака къ тебѣ задомъ—ругаютъ тебя.

Если собака валяется на спинѣ—будетъ морозъ¹⁾; валяется на землѣ или много спитъ и мало ѣсть—наступить ненастье.

Ново-Осенаки. Играетъ нѣсколько собакъ—дождь будетъ.

Абаши, Сенакск. у. Если въ домѣ есть больной, и въ то время случится, что собака, прыгая черезъ плетень и застрявъ въ немъ ногами, завоюетъ—значить, больной умретъ²⁾.

Кутаисъ. Если собака или свинья застрянутъ въ плетнѣ ногами, а къ хозяйскому дому обращены головами—предвѣщаютъ семейную неприятность въ томъ домѣ.

М. Квирилы, Шароп. у. Свинья чешется объ уголь—предсказываетъ неурядицу въ семействѣ; обо что-нибудь, предвѣщаетъ хорошую погоду; визжитъ или хрюкаетъ—ненастье.

Если охотникъ встрѣтитъ свинью, отправляясь на охоту—последняя будетъ для него неудачна.

С. Сахара, Шароп. у. Собакѣ, если она ѣсть цыплятъ, отрѣзываютъ оба уха и хвостъ; а свинѣ за истребленіе цыплятъ кладутъ въ ротъ горячій уголь.

Если натошакъ услышишь бляеніе козленка, знай, что во время разговора съ кѣмъ—либо проронишь случайно ругань, относящуюся къ третьему лицу, которое будетъ присутствовать тутъ же.

М. Квирилы. Услышишь натошакъ бляеніе козла—будешь болтать въ томъ году.

¹⁾ „Сборникъ“ Вып. XIV. Отд. I. стран. 255 С. Варташенъ Нухинскаго у. Елисаветп. г.: „Собака валяется на спинѣ—пріѣдетъ гость въ лошади.“

Вып. VI, Отд. II, стран. 171. Г. Ейскъ, Кубанской области: „Если больному становится хуже, то домашніе его прислушиваются къ вой собакъ,—и это считаютъ несомнѣннымъ признакомъ близкой смерти больного.“

Услышишь весною, не поѣвши соленого, пискъ поросенка, не видя его самаго,—и не скажешь: „Гаробе“, «побѣдилъ»!—въ томъ году будешь валаться въ грязи.

Въ тотъ день, когда родится теленокъ, ничего нельзя *С. Сакара, Шароп. у.* давать въ долгъ и денегъ взаймы; въ противномъ случаѣ теленокъ приучится жевать бѣлье, платье и все такое¹⁾.

Корова на тебя замычить—предвѣщаетъ, что ты умрешь *С. Кулаши, Кут. у.* или отъ нанесенной раны, или отъ другой какой причины,—а въ крайнемъ случаѣ подвергнешься очень большой неприятности. Если можешь, убей эту корову.

Замычить въ твоёмъ дворѣ чужая корова или чужой *М. Коурилы Шароп. у.* быкъ—тебѣ предстоитъ скорая смерть²⁾.

Молодой быкъ замычить на тебя съ намѣреніемъ сбодать, ты долженъ вырвать у него клокъ шерсти; а не сдѣлаешь этого, съ тобой случится несчастье³⁾.

Если быкъ замычить на тебя, онъ издохнетъ. *Ново-Сенаки.*

Жеребенокъ прыгаетъ передъ своей матерью—волеѣ его *Ст.-Сенаки.* съѣсть.

Лошадь ржетъ—будетъ дождь; ложится зимою—погода; *Кутансѣ.* стряхнется при чистеѣ—выпадетъ снѣгъ; споткнется подъ всадникомъ, отправляющимся на войну—всадникъ будетъ

¹⁾ Выпускъ VI. Отд. I, стран. 38, рубр. 15. Станица Отрадная, Кубанской области, Баталпашинскаго уѣзда: „Когда въ домѣ есть новорожденный (хотя-бы и животное), то изъ этого дома не даютъ ничего, даже „оды“.

Вып. X. Отд. I, стран. 112, рубр. 7. С. Носири Сенакскаго уѣзда, Кутанскаго губ.: „Въ день рожденія какого-нибудь животного въ домѣ нельзя никому ничего ни подарить, ни взаймы дать,—а то молодое животное будетъ глотать (жевать платье)“.

²⁾ Вып. X. Отд. I, стран. 112, рубр. 14. С. Носири Сенакскаго уѣзда, Кутанскаго губ.: „Если встрѣтившійся на дорогѣ быкъ или корова замычить,—неудача въ пути.“

³⁾ Вып. XIII. Отд. I, стран. 118, рубр. 65. С. Татевъ Зангезурскаго уѣзда Елисаветп. губ.: „На укушенное собакою мѣсто надо положить шерсти этой послѣдней.“ Въ обоихъ случаяхъ видать спасеніе въ шерсти животного—въ одномъ случаѣ отъ грозящаго несчастья, въ другомъ отъ причиненныхъ уже страданій.

убить; слезятся у лошади глаза передъ отправленіемъ въ дорогу—хозяинъ умретъ; лошадь испражняется при выходѣ со двора—скоро возвратится ¹⁾).

Вуѣтисъ. Лошади, страдающей желудкомъ, нужно привязать къ хвосту пухъ—и она будетъ здорова.

*Средства охраненія и нахожденія пропавшаго скота
и птицы.*

*О. Сакура,
Шароп. у.* Когда затеряется скотина или птица, берутъ ножъ, ножицы, щипцы, топорище, гребенку и связываютъ эти вещи вмѣстѣ, приговаривая: „Да сомкнутся пасти звѣрей, какъ связаны эти вещи“ (слѣдуетъ поименное перечисленіе послѣднихъ). На другой день скотину и птицу можно найти невредимыми.

*О. Гундасти,
Шароп. у.* Для той же цѣли приобъгаютъ въ слѣдующему средству: берутъ „сакеце“ (орудіе, которымъ снимаютъ съ очага, «вещі», глиняную сковородообразную посуду, служащую для печенія на ней чурека—лепешки изъ кукурузной муки), ножицы и гребешокъ, связываютъ эти три предмета вмѣстѣ поясомъ и кладутъ ихъ подъ стрѣхой въ томъ углу, который обращенъ къ мѣсту процажи животнаго. При этомъ произносятся такіе слова:

«Евения, бекенія! Берса хаті свенебіа. Ёмерзо, Ёмерзо!
чамоагде цхра клітулі клітосані надірс вбілі шеуварі чаагде
зъваші ну гамоушвеб гзаші! Ёмерзо! дацдере цварі шені га-
даавле зъвалі шені!»

„У монаха въ рубахъ икона. Боже, Боже! брось съ неба девять замковъ, замени ими пасти звѣрей, брось этихъ въ

¹⁾ История войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. Н. Дубровина. У дагестанскихъ горцевъ: „Если при переправѣ черезъ рѣку лошадь остановится для естественной надобности, то это считается дурнымъ предзнаменованіемъ для всадника“.

море и не пускай ихъ на дорогу! Боже! осѣни его (пропавшее животное) твоимъ крестомъ и смотри на это милостивыми глазами!“

Въ случаѣ пропажи скотины читаютъ три раза ту же молитву и въ это время привязываютъ къ концамъ четырехъ ножекъ табурета, перевернутаго сидѣньемъ внизъ, концами же ножницы, между острыми которыхъ положенъ и привѣршленъ наврестъ камень, служащій для толченія въ ступкѣ. Въ заключеніе всего говорятъ: „Какъ ножницы не разрѣжутъ камня, такъ звѣрь не сможетъ растерзать пропавшаго животного!“

*С. Абама,
Сенатск. у.*

Въ томъ же случаѣ берутъ вечеромъ ножницы, щипцы и камень—пестикъ, складываютъ ихъ вмѣстѣ и обертываютъ краснымъ платкомъ; а затѣмъ, стоя съ этими вещами у печки, читаютъ три раза молитву, подобную вышеприведенной; окончивъ чтеніе молитвы, помѣщаютъ тѣ предметы сбоку камня на очагѣ, гдѣ они лежатъ до утра. Сдѣлавъ то, приговариваютъ: «Какъ эти вещи лежатъ неподвижно, такъ и звѣрь пусть не пошевелится и не встанетъ съ своего мѣста».

*С. Смирн
Кут. у.*

При пропажѣ животного поступаютъ такъ: „снимаютъ съ себя поясъ и завязываютъ на немъ семь петель, читая въ это время слѣдующее заклинаніе“:

Кутаисъ.

„Еженіа, бевеніа! Берса хаті свенебіа. Ме Уѣалма чамокара хі борквілі рвнвіса надірс вбілі шеукарі мекупреса хелі мхарі. Мзе-ангелово! вліте гваѣхове!—Вліте раѣгінда?—Надірс вбіліс дасаклітаваѣ.—Рісаса?—Мглісаса ешвіс халѣсас“.

„У монаха былъ образъ. Богъ бросилъ мнѣ съ неба оковы изъ дерева и желѣза, чтобы ими связать пасть звѣря, руки и плечи бурдючника. Ангель—солнце, одолжи замокъ!—Для чего замокъ?—Замѣнуть пасть звѣря.—Какого?—Волка.. и еще вепря, страшнаго кльками и барса—когтями.

Далѣ поясъ съ петлями кладутъ у входной двери. Ко-

гда скотина найдется, берутъ тотъ поясъ и распускаютъ на немъ петли ¹⁾).

Продажа.

*С. Сакара,
Шарон. у.*

Когда продаютъ домашнее животное—лошадь, корову или другое какое, то, по требованію покупателя, животное переводится черезъ палку, положенную на землю, и три раза поворачиваютъ его на мѣстѣ справа налѣво, чтобы у животного не болѣли ноги. Безъ такихъ дѣйствій ни одинъ покупатель не согласится принять продаваемую скотину.

Лѣчение свиньи отъ заушницы.

*С. Абаша,
Семакск. у.*

Собираютъ травы „ошоша“ (будра, кротовикъ,—Слов. Чубинова) и „абучечі“, растущія на пахатной, но уже истощенной и необрабатываемой землѣ—пустоши. Эти травы, поднимаясь отъ земли на вершокъ, своимъ ростомъ и видомъ ихъ листочковъ напоминаютъ земляничникъ. Взявъ той и другой травы по горсти, смѣшиваютъ ихъ и толкутъ въ ступкѣ,

¹⁾ Вып. VI. Отд. 1, стран. 89, рубр. 27. Станица Отрадная, Кубанской области, Батадпашинскаго уѣзда: „При заговорѣ скота отъ волка берутъ топоръ и три раза ударяютъ имъ о землю, при чемъ говорятъ: „Зажму имъ и губы, и зубы—сѣрымъ, бѣлымъ, рудымъ, бѣлогористымъ Егоровымъ собакамъ...“

Вып. XIII. Отд. I, стран. 116. С. Татевъ Запгензурскаго у. Елисаветп. губ.: „Чтобы на оставшихся въ полѣ или въ лѣсу домашнихъ животныхъ не напали дикіе звѣри и не растерзали ихъ, знахари и знахарки ставятъ топоръ на чесальный гребень, лезвеемъ внизъ, и говорятъ слѣдующую молитву: „Волчье рыло связываю двумя большими пальцами, именемъ св. Дѣвы Маріи, посохомъ св. Сергія, чтобы волкъ не соблазнился свернуть съ прямого пути къ потерянному животному, и чтобы зубы его выпали, и онъ не могъ дотрагиваться до скотины.“ Въ этой молитвѣ упоминается о границахъ мѣстности, гдѣ пасутся животные, и строго воспрещается волку подходить къ скоту, оставленному въ лѣсу, по ошлости пастуха“...

въ которую затѣмъ вливають полъ-ложки воды и ложку краснаго вина. Полученную смѣсь процѣживаютъ въ стельянку, а оставшуюся гущу размазываютъ или по трыпочкѣ, или по виноградному листу. Поймавъ на дворѣ больную свинью, тутъ же валятъ ее на землю брюхомъ вверхъ. Одинъ мужчина садится на свинью и беретъ ее за уши, двое мужчинъ держатъ ее за ноги; а знахарка ей сперва вливаетъ въ ротъ микстуру, потомъ прикладываетъ за ухомъ пластырь, который повязываетъ тряпкой. Свое врачеваніе знахарка обыкновенно сопровождаетъ слѣдующими словами:

„Абучечи мідіода сабореси харса. Меѣорем даузаха: «Рото, ромелі харса швеба ткеца?» Ёмерѣо чвен, ушвеле чвен борса!“

„Абучечи шла возлѣ дверей хлѣва. Свинопасъ позвалъ „Ростомъ, котораго быка оставишь въ покоѣ, а какого употребишь въ работу?“ «Боже нашъ, помоги нашей свиньѣ!“

Преданія.

Поросенокъ. Прежде свинину ѣли нехристи; христіане же стали ѣсть ее съ тѣхъ поръ, какъ св. Василій благословилъ поросенка, прибѣжавшаго въ тому мѣсту, гдѣ проповѣдывалъ святой. Кромѣ того, св. Василій наступилъ этому поросенку на хвостъ,—отчего у свиней кончикъ хвоста плоскій.

Олень. Въ Окумѣ есть церковь св. Георгія, вся ограда которой, каменная и высокая, украшена съ нутринней стороны оленьими рогами. Происхожденіе такой орнаментаціи объясняютъ такъ. Въ ночь съ 22 на 23 апрѣля на церковную паперть явился олень съ большими рогами, приводимый сюда, по вѣрованію народа, св. Георгіемъ. Когда въ день Георгія жители сходились къ храму помолиться, олень уже былъ на паперти и стоялъ неподвижно. Послѣ церковной службы его закалывали и устраивали пиръ, который продол-

Лутанскъ.

*Окумъ,
Сузумскаго
окружа.*

жался до вечера; рога оленя привѣшляли къ оградѣ¹⁾. Такъ было много лѣтъ и происходило каждый годъ. Но разъ олень явился къ церкви въ то время, какъ народъ уже собрался на молитву: подбѣжая къ оградѣ, звѣрь перескочилъ черезъ нее и очутился на паперти, ставши тамъ, какъ вкопанный. Кто-то изъ мирянъ взялъ палку и, подойдя къ оленю, ударилъ его со словами: «Что же такъ поздно прибылъ?!» Тѣмъ не менѣе оленя послѣ обѣдни съѣли, а рогами его заполнили оставшееся пустое мѣсто на оградѣ. Но за поношеніе священнаго дара св. Георгій больше не присылалъ оленя.—Къ этому прибавляютъ слѣдующее: „Одинъ туровъ, жившій отъ Самурзавани верстъ за триста и прибывшій въ Окумъ чуть-ли не наканунѣ дня Георгія, усомнился въ дѣйствительности чуда, совершаемаго святымъ съ оленемъ,—между тѣмъ какъ собратья турка по вѣрѣ, селившіеся окрестъ Окума, были убѣждены въ истинности того чуда—и сказалъ: «Если Георгій ужъ такъ всемогущъ, то пусть онъ приведетъ къ церкви моего быка, сѣраго и съ черными пятнами». И что же? Означенный быкъ черезъ нѣсколько часовъ стоялъ уже на паперти; а хозяину его оставалось только изумляться.

[У горцевъ—сванетъ, тушиновъ и хевсуровъ—олени рога лежатъ грудой у церковныхъ западныхъ дверей; принесены же туда охотниками по обѣту, который они давали святому, когда, отправляясь на охоту, просили у него помощи въ этомъ знаніи.

Церковная икона св. Георгія—въ Хони, м. Кут. у., въ Сачонидо и Эки, сс. Сенак. у. Кут. губ., называются просто Георгіями и какъ таковыя считаются родными братьями].

¹⁾ Опытъ географіи Кавказскаго края, П. П. Надеждина. Стран. 166. Подстрочное примѣчаніе: „Два раза въ годъ, на Пасху и въ Троицынъ день, гагаевцы (чечены) собираются около церкви Тхаба—Эрди, приносятъ въ жертву быковъ, барановъ, спрыскивая ихъ кровью стѣнъ, помостъ, и прибивая головы жертвъ къ стѣнамъ церкви, послѣ чего бываетъ джигитовка и пиршество“.

гады.

Лягушку возьмешь въ руки—на рукахъ появятся боро- *Кутаисъ.*
давки (мечечебі).

Лягушка квакаетъ—въ дождю.

Раздавить лягушку—будетъ дождь въ тотъ же день.

*Кулаши,
М. Кюрилы,*

Убить лягушку—будетъ дождь ¹).

Услышать кваканье лягушки натоцакъ—врагъ близко. *Ст.-Сенаки.*

Зайдетъ лягушка въ комнату—хозяинъ богатымъ будетъ.

*С. Сакара,
Шарон. у.*

Если молодой человекъ добивается любви дѣвушки, дол-
женъ прибѣгнуть къ такому средству: поймать лягушку, убить
ее и вынуть изъ нея хребетную кость; послѣднюю положить
въ новый кувшинъ, снести этотъ кувшинъ на кладбище и
тамъ зарыть его въ землю; черезъ два дня, въ ночь на тре-
тій день, отправиться на кладбище снова и взять кувшинъ
обратно: тогда всѣ умершіе выйдутъ изъ своихъ гробовъ и
пустятся въ погоню за молодымъ человекомъ. Если онъ вер-
нется домой благополучно, пусть покажетъ дѣвушкѣ лягу-
шечью кость, хранившуюся въ кувшинѣ, и предметъ его
страсти полюбитъ его.

Когда увидите лягушку въ борьбѣ со змѣей, быстро на-
бросьте на нихъ платокъ или тряпку, и борьба между гадами
прекратится; спасенная лягушка, выбравшись изъ-подъ по-
крывала, скачетъ въ сторону, но скоро возвращается и при-
носитъ листокъ, который владетъ на покрывало. Берите тотъ
листокъ и свою вещь; носите листокъ въ карманѣ, и будете
всегда счастливы.

*Сачино,
Кут. у.*

Когда кто либо говоритъ о змѣяхъ или случайно упоминаетъ
о нихъ, о томъ въ это время сплетничаютъ или его ругаютъ.

*Озурет.
уздъ и сс.
Кюрилы и
Сакара.*

¹) Вып. X. Отд. I, стран. 112, рубр. 8. Носири Сенакск. у. Кут.
губ.: „Не надо убивать лягушекъ,—иначе будетъ дождь.“

Вып. XIV. Отд. I, стран. 254. С. Вартаменъ Нухинскаго Елисавет-
польской губ.: „Убьешь лягушку, будетъ дождь долго итти.“

*С. Голорети,
Озурст. у.* Встрѣтишь змѣю и не убьешь ее, на томъ свѣтѣ за-
ставить перегрызть ее зубами.

Кто убьетъ змѣю, тѣмъ самымъ какъ бы ставить Богу
свѣчку.

М. Кеурилы. Ружье, изъ котораго убили змѣю, не годится для стрѣль-
бы въ цѣль.

С. Абаши. Черезъ убитую красноватую змѣйку (мѣдянку) ребенокъ
долженъ перескочить туда и обратно по три раза, чтобы быть
здоровымъ; если же дитя, начавъ прыгать черезъ медянку,
почему либо не выполнить условія и перескочить черезъ нее
меньшее число разъ, то будетъ болѣть.

Кутаиси. Если убить красноватую змѣю и отрѣзать ей голову, за-
тѣмъ положить въ змѣиный ротъ три зернышка кукурузы и
наконецъ закопать эту голову въ землю, то изъ змѣиной го-
ловы выростетъ кукурузный стволъ съ тремя кѣшкками, изъ
которыхъ одна будетъ красная: послѣднюю стоитъ только по-
ложить за пазуху, и сдѣлаешься невидимымъ.

(Есть шапка-невидимка, надѣвъ которую, станешь невидимъ. Потеряешь какую-либо вещь—значить, на нее наслѣла шапка-невидимка).

*С. Старо-
Сенаки.* Заползетъ змѣя въ комнату—умретъ глава семейства.

Старики, сойдясь, мечтаютъ о томъ, какъ было бы хо-
рошо приобрести „кесу“ (кошелекъ съ деньгами). Это—та
кеса, которой владѣютъ сорокъ змѣй; а особенность ее со-
стоитъ въ томъ, что, сколько-бы ни бралось изъ нея денегъ,
количество послѣднихъ, ничуть не уменьшаясь, остается въ ней
прежнее. Змѣи собираются на берегу рѣчки и играютъ съ
кесой подъ наблюдениемъ змѣиной матки, одной изъ сорока,
которая и больше остальныхъ, и надѣлена крыльями. Нужно
быть храбрымъ и ловкимъ человекомъ, чтобы, подкарауливъ
змѣй за этой игрой, отнять у нихъ кесу, и вмѣсто нея бросить
имъ для забавы башлыкъ. Послѣдній змѣи на первыхъ по-
разахъ принимаютъ за кесу и играютъ съ нимъ; но когда

обманъ обнаружится, всѣ онѣ, подѣ предводительствомъ своей матери, начинаютъ преслѣдовать похитителя ихъ сокровища. Если тотъ не успѣетъ перейти черезъ рѣчку, змѣиная мать настѣгаетъ его первая и убиваетъ, пронзая его своимъ жаломъ насеквозь.

Когда увидите двухъ змѣй вмѣстѣ, бросьте возлѣ нихъ сорочку, еще не надѣванную ни разу; змѣи положатъ на нее камень. Схватите этотъ камень съ рубахой и бѣгите. Змѣи будутъ преслѣдовать васъ и если потеряютъ васъ изъ виду, станутъ спрашивать у всего, встрѣчающагося имъ на пути, какъ напр. растенія, земли, куда вы побѣжали, и такимъ образомъ снова нападутъ на вашъ слѣдъ. Но вы избежитесь отъ преслѣдованія змѣй, перейдя ручей: онѣ приползутъ къ ручью и спросятъ у него, куда вы направились; а ручей отвѣтитъ имъ: „Почему я знаю? Какъ вы сейчасъ приползли такъ и я только что явился“. Камень, которымъ вамъ удалось овладѣть, имѣетъ ту силу, что всѣ ваши желанія будутъ исполняться.

Человѣкъ, укушенный змѣею, ни на минуту не долженъ садиться какъ сейчасъ послѣ укушенія, такъ и на пути къ доктору или знахарю; а въ противномъ случаѣ ни одинъ изъ нихъ не можетъ его вылѣчить.

Мужчины и женщины, отправляясь на сѣнокосъ или жатву, запасаются оленьими ремнями, чтобы, въ случаѣ укушенія змѣей, перевязать имъ уязвленное гадомъ мѣсто и тѣмъ предупредить распространеніе опухоли. Лѣчатъ рану уже по возвращеніи домой: берутъ воду, полощатъ въ ней брильянтовое кольцо и той водой обмываютъ рану.

Былъ одинъ знахарь, который лѣчилъ отъ укушенія змѣи заглазно — бывала ли эта бѣда съ животными или съ людьми. Въ такомъ случаѣ къ знахарю являлись съ палочкой изъ дикаго орѣха и молча бросали эту палочку къ его ногамъ. Онъ уже догадавшись, въ чемъ дѣло, и потому не спрашивая ни

о чемъ носѣтителя, прямо приступалъ къ дѣйствию; бралъ стаканъ воды, шепталъ надъ нимъ, проводилъ по поверхности воды крестообразно и три раза брильянтовымъ кольцомъ и давалъ эту воду выпить пришедшему; вслѣдъ затѣмъ знахарь подносилъ ему второй и третій стаканъ воды, приготовленной тѣмъ же способомъ. Проситель, выпивъ три стакана такой воды, уходилъ отъ знахаря и, возвратившись домой, замѣчалъ, что пострадавшій отъ укушенія змѣи чувствовалъ себя здоровымъ, и опухоль на его тѣлѣ совсѣмъ исчезала. Иногда знахарь приготовлялъ, описаннымъ способомъ, четвертый стаканъ воды и вручалъ его просителю для натиранія больному уязвленнаго мѣста.

Кутаисъ.

У кутаисской знахарки, врачующей отъ укушенія змѣей, мы видимъ тѣ же приемы, что и у знахаря изъ Джиханши. Но знахарка въ томъ случаѣ, если проситель живетъ близко, напоивъ его у себя тремя стаканами воды, идетъ съ нимъ въ его домъ, куда несетъ для больного листья орѣховаго дерева (приносящаго мелкіе орѣхи) и инжира. Здѣсь она сама варитъ принесенные листья и прикладываетъ ихъ больному къ ужаленному мѣсту.

Приводимъ заклинаніе, произносимое знахаркой надъ стаканами воды шопотомъ:

„Сахелі сахеліѣ! Іріѣ Сіріѣ! Гвелі хар, ѣу гвел бу-ші?! Ёѣвен ар чамъ да арца свамъ, арца адідеѣѣ Ёмерѣса; чвен кидец всвамъ, кидец вадідеѣѣ Ёмерѣса. Аѣ шаулоцам мчіванса, іѣ моухдеба мтіванса. Ра аріс шені цамалі? Самі стакані шелоцвілі цкалі; цхра левіс цѣѣѣлі да цхра ѣхілѣс цѣѣѣлі, ѣвіноші мохаршулі даѣѣѣѣ мтківане аѣгілѣѣ“.

„Именемъ Ирита-Сирита закликаю тебя! Змѣя ли ты или что-нибудь еще похуже?! Вы не ѣдите, не пьете и не славите Бога, а мы пьемъ и славимъ Бога. Здѣсь я заговорю для просящаго, о тамъ выздоровѣетъ болящій. Какое твое средство?—Три стакана заговоренной воды; девять листьевъ фиго-

ваго дерева и столько же листьевъ орѣховаго, сваренные въ винѣ, прикладываютъ къ уязвленному мѣсту.“

Гвеліс лодва, заклинаніе змѣи:

*Джигантин,
Кут. у.*

„Тіті, тіті тітбандурі аспанахі да чалнахі! Гвело! пен моіравраке! Шен зхіліс цохі, да ме чжі“. „.....Змѣя! ты скрутись! Тебѣ палка изъ орѣховаго дерева, а мнѣ.....“

Если это заклинаніе проговорить быстро и прежде чѣмъ змѣя успѣетъ скрыться, то она остановится, совьется въ кольцо и сдѣлается неподвижной.

Преданіе.

Здѣсь есть озеро, въ которомъ, по преданію, жилъ нѣ-<sup>Никоримин-
ды, Рачин. у.</sup> когда змѣй. Однажды онъ похитилъ дѣвицу и поселилъ ее у себя, сталъ съ нею жить и пришелся ей по сердцу. Змѣй по отношенію къ этой дѣвицѣ былъ въ нѣкоторомъ родѣ и спасителемъ ея, такъ какъ увлекъ ее въ озеро въ то время, какъ родители хотѣли выдать ее за нелюбимаго человѣка. Долго братъ искалъ сестру и наконецъ нашелъ ее на берегу того же озера, уже забеременѣвшую отъ змѣя, и привелъ ее домой. Змѣй, при разставаніи съ возлюбленной, далъ ей три золотыхъ, которые затѣмъ были повѣшены на крестъ мѣстной церкви. Въ ясную погоду эти золотые можно было видѣть издалека. Но напали турки и унесли въ числѣ прочаго три золотыхъ.

Небесныя тѣла и атмосферическія явленія.

Комета предвѣщаетъ какое-либо великое событіе, напр. *Кутаисъ войну*¹⁾).

Въ той странѣ, гдѣ упадетъ комета, или будетъ ожесто-*Ст.-Сенахи.* ченная война, или умретъ великій человѣкъ.

¹⁾ Вып. IX. Отд. II, стран. 106. У татаръ: „Комета предвѣщаетъ эпидемическую болѣзнь, дороговизну или продолжительную кровопролитную войну“.

Въ томъ домѣ, надъ которымъ перелетитъ комета, въ скоромъ времени всѣ перемеруть поочередно.

Большая звѣзда покажется—умретъ государь.

*Старо-Се-
наки, Ку-
таисъ и Си-
кара.*

У каждаго есть своя звѣзда, являющаяся на небѣ съ рожденіемъ человѣка.

Звѣзда упала—кто-то умеръ¹⁾.

*Сакура и
Кутаисъ*

Если считать звѣзды, на рукахъ появятся бородавки.

Кутаисъ

Кто родится въ новолуніе, тотъ долговѣченъ.

Если волоса обрѣзать съ появленіемъ молодого мѣсяца, они вырастутъ длинныя. Обрѣзанные волоса нужно бросить въ отхожее мѣсто²⁾.

Если тогда же разбить что-либо, цѣлый мѣсяць ничего не будетъ ломаться.

*Кутаисъ,
Кулаши и
Сачино.*

Когда увидите молодую луну, я вы одни, то сдѣлайте „дру-пуні“ (протяжный пискъ, какимъ манятъ ястребовъ), затѣмъ подпрыгните и сейчасъ же посмотрите на золотую или серебряную монету, или покажите ихъ лунѣ—и у васъ въ томъ мѣсяцѣ будутъ водиться деньги.

*Сакура,
Шаропан. у.
и Абгазія
(Оухумск.
окр.)*

При видѣ молодой луны достаютъ изъ кармана серебряную и мѣдную монеты и кладутъ ихъ на землю или на дерево рядомъ, слѣва серебряную и справа мѣдную; затѣмъ ударяютъ кинжаломъ по серебряной и стараются, чтобы оружіе врѣзалось въ монету настолько, насколько это нужно для

¹⁾ Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. Н. Дубровина. У дагестанскихъ горцевъ: „Смотря на падающія звѣзды, каждый горецъ говоритъ, точно также, какъ и чеченецъ, что то огни, бросаемыя ангелами въ чергей, подслушивающихъ небесныя разговоры. Огъ не сомнѣвается въ справедливости этого, потому что въ коранѣ написано: „Мы украсили небо свѣта свѣчами (звѣздами) и мы сдѣлали ихъ предметомъ бросанія въ чертей.“

²⁾ Вып. XIII, Отд. I, стран. 113, рубр. 25. С. Татевъ Закавказскаго уѣзда Елисаветпольской губ.: „Остриженные волосы спрячь куда-нибудь, если не хочешь страдать головою болью.“

поднять ее лезвиемъ; поднявъ такимъ образомъ монету, подвигаютъ ее и лезвиемъ лунѣ, и наконецъ мануять ими три раза надъ своею головою. Послѣ этого продвигаютъ тоже самое и съ обратной монетой. Если опытъ въ обоихъ случаяхъ удался, заключаютъ, что лезвие годенъ и поможетъ одолѣть врага.

Какъ только взойдетъ луна, — берутъ зеркало, представляютъ его ко лбу надъ глазами, по направленію въ лунѣ, и смотрятъ, сколько отраженій ея получится въ зеркалѣ. По числу этихъ отраженій опредѣляютъ, которымъ по порядку будетъ данный день со времени рожденія луны. Съ днями, опредѣляемыми такимъ путемъ, связаны какъ упоминаніе о тѣхъ или другихъ событіяхъ изъ исторіи Ветхаго и Новаго Завета, такъ и заключенія о судьбѣ человѣка и исходѣ ка-кого-нибудь дѣла, составленныя на основаніи тѣхъ же священно-историческихъ фактовъ; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти заключенія не основаны на означенныхъ событіяхъ и сто-ить ихъ или особнякомъ. Не называя дней, выражаются такъ: „первая луна, вторая, третья“ и т. д.

Первая луна. Хорошо начать постройку фундамента: въ это время Ной сдѣлалъ основаніе ковчега, а архангелъ Гавріилъ возвѣстилъ Дѣвѣ Маріи о зачатіи ею Христа, полагая такимъ образомъ начало появленію Спасителя въ міръ.

Вторая луна. Родившійся въ этотъ день будетъ послушнымъ. Каинъ убилъ Авеля. — Хорошо на лошадей кататься. — Сонъ сбудется въ три дня.

Третья луна. Родившійся въ этотъ день будетъ воинственнымъ и умнымъ: Соломонъ тогда родился. — Потерянное найдется: царица Елена нашла въ это время крестъ, на которомъ былъ распятъ Спаситель, и отнесла тотъ крестъ въ Иерусалимъ.

Четвертая луна. Родившійся будетъ счастливъ и богатъ. Большой выздоровѣть. — Будь остороженъ: тронъ Новуходоносора былъ разрушенъ.

Пятая луна. Большой вздоровать. Потерянное найдется. Все хорошо дѣлать: въ этотъ день Ной вышелъ съ своимъ семействомъ въ ковчегъ; Соломонъ вступилъ на престолъ.

Шестая луна. Родившійся будетъ догадливъ. Все хорошо дѣлать и отдавать дѣтей въ учене: Христосъ въ этотъ день думалъ хорошее (!) и благословилъ апостоловъ. — Сонъ будетъ онъ въ продолженіе года.

Седьмая луна. Родившійся будетъ воромъ; сонъ не сбывается.

Восьмая луна. Родившійся будетъ имѣть хорошія родосъ. Сонъ сбывается въ восемь дней.

Ст. Сенаки. Когда луна въ очевидномъ положеніи, всегда идетъ дождь.

Вутаисъ. Бѣлая облачная полоса, видимая на небѣ въ лунную ночь — дорога свинопаса.

Происходить затменіе луны — говорятъ: „старуха нѣтъ прикрыла луну своимъ платьемъ“, или: „луна пошла ушма“.

Вутаисъ. Происхожденіе затменіе луны — значитъ, вибѣ овладѣлъ ею. Затменіе луны означаетъ смерть царя.

Квирилы. Солнце заволочло тучами — на другой день будетъ дождь.

Облака идутъ вверхъ — въ погоду; идутъ внизъ, или тучи въ одно мѣсто собираются — въ дождю.

Сакара. Дождь перестанетъ, если на клочекъ бумаги написать имена и фамилии пятидесяти легкимъ людямъ и эту бумагу повѣсить на дѣрево.

Утихнетъ сильный вѣтеръ — не говорятъ: „Вѣтеръ утихъ“, но: „Калеръ пересталъ!“ а въ противномъ случаѣ вѣтеръ снова подымается.

¹⁾ Вып. IX. Отд. II, стран. 106. У татаръ: „Затменіе луны происходитъ отъ того, что нечистые духи заслоняютъ намъ свѣтъ луны, держа предъ нею свои руки.“

Вып. XIV. Отд. I, стран. 256 С. Варташенъ Нухинскаго уѣзда Елисаветпольской губ.: „При затменіи луны нужно стрѣлять изъ ружья шумѣть: этимъ можно прогнать чудовище, проглотившее луну.“

Когда выпадет первый снѣгъ, имъ вытираютъ глаза, чтобы они не болѣли отъ дыма.

Кто увидитъ первый разъ въ году снѣгъ и желаетъ избавиться отъ тѣлесныхъ недуговъ, долженъ взять горсть снѣгу, повружить его три раза надъ своей головою и выразить желаніе, чтобы всѣ его недуги перешли на его соименника (пронимается имя)—и болѣвни, оставивъ того, перейдутъ на этого.

Увидѣвъ первый разъ молнію, нужно взять иголку въ зубы—лицо никогда не будетъ желтымъ.

Услышавъ первый громъ, плотнѣе прислонись въ стѣнѣ спиною—спина никогда не будетъ болѣть¹.

При первомъ громѣ ударь себя довольно большимъ камнемъ по поясницѣ—никогда не будетъ болѣть поясница. *Сакара.*

Если, услышавъ первый разъ раскаты грома, не ударяешь себя по спинѣ камнемъ—спина будетъ болѣть. *Историческое.*

Молнія сверкаетъ—св. Илья вынимаетъ шапку; громъ раздается—Илья гонится за чертами и, догнавъ, ударяетъ ихъ шапкой, въ то время св. Георгій низвергаетъ съ неба штыки². *От. Сенаки.*

Есть на одной горѣ церковь, которая наполнена такими штыками. Передъ грозой всѣ штыки изъ церкви железуютъ.

¹) „При первомъ весеннемъ громѣ лягъ на спину и говори: „въ эту тяжесть дай мнѣ шкуру!“—я ты не заболѣешь“.

²) Вып. X. Отд. I, стран. III. С. Носиреи Сенаки. у. Кут. губ. „О громѣ у носирцевъ свое представленіе: для нихъ это не явленіе природы, а топотъ лошади „Раши“, на которомъ св. Георгій гонится за дьяволомъ по воздушномъ пространству; громовой же ударъ—звукъ удара коня, которое св. Георгій пускаетъ въ сатану; сатана, преслѣдуемый св. Георгіемъ, старается скрыться отъ него въ домъ или подъ полы человѣческаго костюма, отчего и происходитъ ударъ грома надъ домомъ и человѣкомъ“.

Вып. XIII. Отд. II, стран. 153. У мѣрагинцевъ въ Дагестанѣ: „Когда собираются тучи, Богъ посылаетъ ангела (малайіа) съ кнутомъ, равнать ихъ: отъ удара его кнута и происходятъ громъ и молнія“.

Во время грозы на ореховомъ деревѣ сидитъ драконъ „гвелішані“, который притягиваетъ къ себѣ силу молніи и, пользуясь ею, разрываетъ дерево¹.

Дым. Крестьяне во время прозы не становятся подъ ореховое дерево, потому что оно, по повѣрію ихъ, служитъ тогда убѣжищемъ для бѣса, спасающагося отъ преслѣдованій молніи; однако она настигаетъ его тамъ и поражаетъ бѣса, ударяя въ дерево (болѣе высокое, чѣмъ другія деревья).

Востокъ. Радуга покажется на западѣ—будетъ дождь; на востокѣ—погода.

Въ той сторонѣ, гдѣ покажется радуга, будетъ хорошій урожай.

Обряды въ засуху.

Джиджани. Въ случаѣ засухи служили молебны, назначая для того воскресный или праздничный день (особенно Ильинъ) и даже будни. На молебнѣ присутствовали, кромѣ мѣстныхъ жителей, и окрестные, изъ сосѣднихъ деревень. Послѣ обѣда раздавались волокольный звонъ и охотничій режокъ, которыми зывали народъ для участія въ крестномъ ходѣ. Когда всѣ были въ сборѣ, церковная процессія трогалась, направляясь къ Ильинской церкви, отстоящей отъ с. Джиджани верст на пять. Въ процессіи, не говоря уже о духовенствѣ, участвовали даже князья, дворяне и крестьяне—мужчины и женщины. Придя къ церкви, вся толпа, состоявшая изъ нѣсколькихъ тысячъ человекъ, располагалась на паперти, гдѣ проводила всю ночь, развлекаясь пѣніемъ, играми и пляской («но пѣнства не было», добавляетъ рассказчикъ). Когда наступало утро, то шествіе, прерванное на время ночи, возобновлялось: «шли къ рѣкѣ Ріону съ иконой св. Ильи, взятой изъ этой

¹) Вып. X. Отд. III. Грузинская сказка „Судьба“: Чудовище гвелішани давало воду лишь въ томъ случаѣ, если ему жертвовали за нее теловѣка“.

церкви; у рѣки служили молебень и погружали ту икону въ воду. Всякій разъ, какъ народъ расходился отсюда по деревнямъ, его на—полунути застигала сильнѣйшій дождь. Эти процессіи устраивались до 1891 года, когда онѣ разъ навсегда были запрещены высшею духовною властью, какъ великодушныя примѣсы язычества.

Въ воскресный или праздничный день, когда мужчины идутъ въ церковь къ обѣднѣ, женщины собираются пахать плугомъ воду: онѣ скатятся въ казомъ-либо домѣ, и тамъ девять нарѣ жевницъ (по числу быковъ, употребляемыхъ въ плугъ—хотя иногда послѣднихъ употребляють въ него по восьми и двѣнадцать нарѣ) берутся за плугъ и тащатъ его на себѣ до рѣчки «Дуручъ», куда одна изъ дѣвушекъ несетъ икону. Придя жь мѣсту, провозить раза два плугомъ по рѣкѣ и останавливаются. На берегу, вондѣ мѣста остановки, приготовляютъ столы, на которыхъ кладутъ принесенную икону. Скоро сюда являютъ мужское населеніе со священникомъ во главѣ. Священникъ служитъ молебень, а народъ усердно молится со слезами, вѣри и надѣясь, что Богъ пошлетъ дождь. Замѣчено, что всегда, при возвращеніи поселянъ домой, начинаеть ити дождь¹.

*Богородицк.,
Таласск. у.*

Во время засухи дѣти дѣлають «Лазаря»: берутъ метлу, прикрѣпляютъ въ концу метлища поперечную палку, напяливаютъ на эту поперечину архакухъ или чеху (поддевку или

¹ Вып. XIII. С. Татомъ Загненнурскаго уѣзда Енисейской губ.: „Во время продолжительной засухи, крестьянки желая вызвать дождь, сохую напуть русло мелководной рѣчки; въ нее впрягають восемь жевницъ, одна изъ нихъ, переодѣтая по-мужски, съ бараньимъ шапкою на головѣ, управляетъ сохою; двѣ другія подгоняють задраженникъ подрутъ; и такъ нѣсколько разъ проходятъ по теченію и противъ теченія рѣки.“

Въ деревнѣ „Заводъ—Коренкій“ Суражскаго уѣзда Черниговской губ. въ томъ же случаѣ выбираютъ красивую дѣвочку. въ возрастѣ пятнадцати лѣтъ, раздѣляютъ ее до-вага, увѣшиваютъ звѣнками и заставляютъ ее въ такомъ видѣ бросать воду.

армякъ), надѣваютъ на конецъ метлица шапку — и тучело готово. Съ «Лазаремъ» дѣти ходятъ по селенію; зайдя въ домъ, они говорятъ: «Лазарь пришелъ и проситъ милостыни». Милостыню для «Лазара» додаютъ дѣтямъ со словами: «Мы тебѣ даемъ и ты намъ дай дождь!» — послѣ чего обливаютъ тучело водою¹.

Жатва.

*Гундасти,
Шарон. у.*

За день до жатвы хозяинъ нивы приглашаетъ сосѣдей къ себѣ на помощь, которую тѣ соглашаются оказать по большей части безвозмездно. Въ назначенный для жатвы день одинъ изъ приглашенныхъ надѣющийся нажать больше другихъ, приходитъ на ниву раньше ихъ. Вынувъ стазанъ воды и надѣвъ на мизинецъ, безымянный и средний пальцы тѣлой руни довольно длинныя деревянные наперстки, служащіе для предохраненія отъ порѣза и дающіе возможность захватывать больше колосьевъ, онъ начинаетъ жать. Около семи часовъ утра явняются сюда и прочіе жнецы и принимаются за работу. Черезъ нѣкоторое время одинъ изъ нихъ возглашаетъ: «Кому слѣдуетъ голова?». Здѣсь разумѣется голова того животнаго, которое хозяинъ нивы закалываетъ для жнецовъ на обѣдъ. Оворе эту голову приносятъ жнецамъ и вѣшаютъ ее по обыкновенію на колъ или даже на дерево, если послѣднее имѣется вблизи. Къ головѣ подходитъ тотъ изъ работниковъ, который жнетъ лучше и усерднѣе и надѣется количествомъ сжатого кѣба превзойти товарищей. Этотъ

¹) Вып. XIII. Отд. I, стран. 116, рубр. 50. С. Татевъ Зангез. у. Елисавет. губ.: «Если засуха продолжается долго, то дѣвочки гнѣять изъ глины черепахи или куклу, на подобіе юного ребенка, и ходить съ этимъ изображеніемъ по дворамъ, при чемъ жальцы выходятъ и обливаютъ его водою, а дѣвущекъ снабжаютъ разными съѣстными припасами».

Вып. XIII. Отд. II, стран. 39. Абхазское новѣріе въ селеніи Чилоу въ 36 верстахъ отъ мѣстечка Очамчиръ: «Сдѣлавъ дѣлуку (тучело)», говорятъ абхазцы, «и вышувавъ его у входа въ пещеру (Аткъ тѣво) получимъ дождь, при которомъ не будетъ ни грома, ни молніи».

жнецъ снимаетъ голову и, если она невелика, привѣшиваетъ ее въ своему поясу. Дѣлается; а въ случаѣ голова громадна, отдѣляется отъ нея частичку и последнюю привѣшиваетъ въ поясу. Жнецъ, украшенный такимъ знакомъ отличія, становится главой надъ товарищами, которыми онъ руководитъ въ дальнѣйшей жатвѣ, называясь „табагари“. По грузинскій поэтъ А. Церетели, какъ сообщаютъ мамы нѣкоторые, говорить, что „табагари“—фамилия всѣхъ хорошихъ туземныхъ жнецовъ.

Проходя мимо нивы во время жатвы, жнецамъ говорятъ: Гамарджоба! „Богъ на помощь!“ Если это скажетъ священникъ или что-либо изъ знатныхъ лицъ, то за такое пожеланіе ловкій изъ жнецовъ подноситъ имъ свѣже-срѣзанный пучекъ колосьевъ пшеницы и, подавая его, поздравляетъ ихъ съ урожаемъ, а тѣ благодарятъ за оказанную честь и дарятъ поздравителю деньги.

Вечеромъ, если нива сжата, одинъ жнецъ дѣлаетъ изъ хлѣбныхъ колосьевъ крестъ и подноситъ его хозяину нивы, поздравляя его съ окончаніемъ жатвы. Хозяинъ благодаритъ поздравителя и даритъ ему деньги, которыя должны быть раздѣлены между всѣми жнецами.

Обыденныя явленія жизни.

Утромъ:

надѣнешь сорочку или чулокъ наизнанку—днемъ тебя Кулаки побьютъ¹⁾;

встанешь съ постели на лѣвую ногу—не сдѣлаешь ни- Рачин. у. какого дѣла;

¹⁾ Вмк. V. Отд. I, стран. 207, рубр. 19, Станица Слѣповская Терской области, Владикавказскаго округа: „Если по ошибкѣ мужъ надѣнетъ рубашку наизнанку наружу, жена быть битой отъ его руки“.

Жирилы. надѣнешь обувь сперва на лѣвую ногу, а послѣ на правую—цѣлый день будешь терпѣть неудачи въ дѣлахъ ¹;

Сакара. надѣвавшъ обувь, а въ это время кто-либо пройдетъ предъ тобою—твое слова въ тотъ день не будутъ имѣть никакого значенія и останутся безъ извѣстнаго;

подасть тебѣ кто-нибудь умываться, не умывшись прежде самъ—твое деньги покроются ржавчиной;

Булаши. умоеся кто-либо водою, которой раньше умылся другой, или двое будутъ умываться вмѣстѣ одной и той-же водою—между ними носодится вражда;

Лутансь. отъ умыванія двоимъ вмѣстѣ въ одной и той-же водѣ провойдетъ то, что одному изъ нихъ на базарѣ помѣшавтъ кунить вещь, набить на нее цѣну;

кто съѣсть натошдакъ кислое яблоко, цѣлый день не будетъ пьать;

Нехорошо встрѣчать рызаго челоуѣка и священника ²:
встрѣча съ рыжимъ предвѣщаетъ, что тебя ошидаетъ оскорбленіе; со священникомъ—или проиграешь дѣло и ни въ чемъ не будешь имѣть удачи, или, что противно общему положенію, тебѣ предстоитъ нѣчто хорошее;

сколько священниковъ ученикъ встрѣтитъ на своемъ пути въ школу, столько отмѣтокъ онъ получить въ тотъ день на урокахъ; встрѣтитъ одного священника—одну, двухъ—двѣ и т. д. до пяти;

Ст. Оснахи. встрѣтишь рызаго или священника—не удастся твое предпріятіе ³.

¹) Вып. VII. Отд. II, стран. 61, рубр. 8. Новоигорьевскій уѣздъ, Ставропольской губ.: „Обуваться и разуваться нужно непременно начинать съ правой ноги,—не то не будетъ удачи ни въ чемъ цѣлый день“.

²) Вып. XIV. Отд. I, стран. 255. Сел. Вартаменъ Нухинскаго уѣзда Елисаветпольской губ.: „Встрѣтишь на пути... рызаго съ прикѣтомъ, или съ голубыми глазами... удачи не будетъ“.

³) Вып. X. Отд. III, стран. 36. Сел. Сенаки, Сенакскаго уѣзда, Кутаисской губ.: „Если прежде всѣхъ встрѣтишь на дорогѣ священника, знай, что дѣло, за вторымъ идешь, кончится неблагопріятно для тебя“.

при встрѣтѣ съ рыцаремъ человѣкомъ нужно плюнуть, *Сахара.*
чтобы удалось предпринимаемое дѣло;

встрѣтишь сврея, идя по какому-либо дѣлу, должно поцѣловать первую встрѣчную женщину;—а иначе не удастся дѣло; *Кутанск.*

(но по другому варианту, встрѣча съ бабой не къ добру).

Удалось тебѣ сдѣлать какое-либо дѣло, а скажешь въ шутокъ, что оно не удалось—въ слѣдующій разъ тоже дѣло не удастся. *Эки.*

Если на другой день послѣ топки въ печѣ окажется огонь—морозъ будетъ. *Кутанск.*

Выпадетъ изъ печи головешка—подарокъ будетъ. *Одшин, Сен. у.*

Искри упадутъ тебѣ на нлатье—поссоришься съ родственникомъ. *Н.-Сенанк.*

Разводишь огонь, и выскакиваютъ искры—поссоришься съ кѣмъ-нибудь. *Сахара.*

Черезъ порогъ нельзя ни вдорваться, ни прощаться; а въ противномъ случаѣ поссоришься.

Когда подаешь булавку или иглу, уложи имя того, кому ихъ подаешь—избѣгнешь съ нимъ ссоры. *Кутанск, Эки.*

Подача иглы безъ ятки, мыла безъ мыльницы или безъ какой-либо подставки, и подача чего бы то ни было, особенно горячаго (перець, лукъ), двумя пальцами служить причиною ссоры между подающимъ и принимающимъ¹. *Кутанск.*

Пронзойдетъ ссора, если подашь соль, не засмѣявшись. *См.-Сенанк.*

Вып. XIII. Отд. I, стран. 112, рубр. 17. С. Тателъ Зангезурскаго уѣзда Елисаветпольской губ.: „Встрѣча со священникомъ предвѣщаетъ неудачу въ предпріятіяхъ; желая сколько-нибудь предотвратить отъ себя несчастье, встрѣтившій священника долженъ опрокинуть три камня, поверачивая ихъ на другой бокъ“. См. у насъ о вбросаніи камня при видѣ галки—отд. „Птицы“. Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ, Н. Дубровина. У дагестанскихъ горцевъ: „Если встрѣтишься съ хорошимъ человѣкомъ—все будетъ хорошо, а съ дурнымъ—худо“.

¹) Вып. X. Отд. III, стран. 85. С. Сенанск. у. Кут. губ.: „Въ руку мыла другому не давайте, а то другъ-друга возненавидите“.

- Кутансы.** Столъ вытрешь бумагой—поссорилсья съ кѣнь-либо.
Шапку положишь на столъ—денегъ у тебя не будетъ.
Платокъ нельзя передавать черезъ столъ.
Эки. Ножомъ по столу барабанишь—бить битую.
- Кюрилы.** Кто случайно положить ножъ остриемъ вверхъ—тотъ устроить пирь.
- От. Сенаки.** Бодришь ножомъ—разлюбилъ принявшаго: этотъ подарокъ.
- Эки.** Упадетъ на полъ ножъ—явится мужчина; вилка—женщина.
- Кулаши.** Упадетъ ножъ или ложка во время обѣда—придетъ кто-нибудь.
- Ожидайте гостя въ томъ случай, если опустится котель, который виситъ на цѣпи (савабе, сіделі) въ кухнѣ.
(Этотъ котель служитъ для нагрѣванія воды, для варки гоми и (?) бѣлья).
- От. Сенаки.** Если опустится „ваца“ (слово мингр.; груз. савабе), будетъ рѣдкій гость.
- Кулаши.** Кто не донесъ куса въ ротъ и уронилъ, или не удержалъ его во рту и выпустилъ—тотъ потеряетъ что-нибудь.
- Кутансы.** Хлѣбъ упадетъ—томодный гость будетъ.
Некоротко дѣлать хлѣбные шарни—руки болѣть будутъ.
Нельзя оставлять кусочка хлѣба на свидомнымъ, а шиле убавятся силы.
- Осично.** Поставъ ного-нибудь вышете остатокъ вина или воды, будете знать всѣ его секреты.
- Гозорети.** Всегда вина медлая выливать изъ бутылки, немного нужно въ ней оставлять: ночью явится І. Христъ, войдетъ въ бутылку и умоетъ остаткомъ вина ноги; затѣмъ благословить

1) Вып. XIV. Отд. I, стран. 264. С. Варташея Нухидскаго уѣзда Емсаветц. губ.: „Если ножомъ случайно ляжетъ вверхъ лезвиемъ—значить, Богъ жертвы просить.“

семью и уйдетъ. Вино, оставленное въ бутылкѣ для Христа, называется: „*Jristes celi sabani.*“

Не должно вливать всего вина въ бутылки: мужу, *Кулаши.* чтобы не обижала его жена; женѣ, чтобы не обижала ей мужъ.

Жена можетъ обижать и въ томъ случаѣ, если кто-либо свою руку положить въ карманъ ея мужа.

Руку нельзя класть въ карманъ женатаго, особенно въ *Сацири.* Рождественскіе праздники, а въ противномъ случаѣ жена измѣнитъ ему.

У того, кто положить свою руку въ карманъ другого, *Ст. Сонаки.* жена будетъ вѣтреная и дурного поведенія (шаві баріані).

Другому никогда не позволяй брать деньги изъ твоего *Кутаисъ.* кармана, а иначе можешь обидѣть.

Если во время бесѣды все вдругъ замолчать, говорятъ: *Голорети.* „Ангель пролетѣлъ!“

Если войдете въ домъ, и тамъ обѣдаютъ, вамъ (гости) *Кулаши.* говорите, что ваша теща любитъ васъ.

Когда за обѣдомъ нечаянно опрокинутъ стаканъ или графинъ съ виномъ, говорятъ: „Упокой, Господи, души умершихъ!“ и затѣмъ льютъ капли вина, уцѣлѣвшія въ стаканъ или графинъ, на хлѣбъ.

Послѣ обѣда гость долженъ обмыть кусочекъ хлѣба въ соль и стѣсть его, выражая тѣмъ благодарность хозяину за хлѣбъ-соль (сінур-марілес) и какъ бы говоря: „Пур-марілі садвіс,“ „благодарю за хлѣбъ-соль!“

За однимъ столомъ не должно сидѣть тринадцать, а въ *Кутаисъ.* противномъ случаѣ умретъ кто-либо тринадцатый.

Въ одной комнатѣ одновременно нельзя жечь трехъ свѣчей, а иначе умретъ кто-либо изъ домашнихъ; но тѣ же печальныя послѣдствія будутъ и въ томъ случаѣ, если въ домѣ поютъ церковныя пѣсни.

Стукъ въ домъ неизвѣстно откуда—къ смерти; въ такомъ случаѣ говорятъ: „Это смерть приходитъ стучать!“

Кюрилы. Стѣна трещить-хозяйинъ дома заболѣеть или умереть.
Уйдешь изъ дому съ палкой, а воротившись безъ нея—
въ домъ произойдетъ несчастіе..

Выпадетъ изъ рта труба, курящему. ее предстантъ сѣ-
рая смерть.

Сжечь вишневое дерево—въ томъ году предстантъ не-
чаль.

Сжечь яромо—издохнетъ быкъ.

Упадетъ стулъ четырьмя ножками вверхъ—заболѣеть и
хозяйствѣ четвероногое животное, находящееся дома, а не въ
дорогѣ.¹⁾

Эми. Раскрытъ зонтикъ въ комнатѣ—въ домѣ будетъ покойникъ.

Ст. Сенаки. Обнажить винжалъ малинно—дождь будетъ.

На какое разстояніе бросишь другому пребавишь, такой
длины умреть у тебя сынъ.

*Кутаисъ,
Булаки, Са-
чино, Ст.
Сенаки.* Если неожиданно для него бросаете ему мячъ, яблоко
или другое что, и тотъ поймаетъ брошенное—значить, она
преданъ вамъ и вамъ добромелатель.

Сакара. Два человѣка посмотрѣтся въ зеркало вмѣстѣ—на нихъ
свѣтъ встрѣтится.

Будешь мести полъ до захода солнца—обидѣешь²⁾.

Кутаисъ.. Станешь на вѣнникъ—опаривѣешь³⁾.

¹⁾ Вып. XIV. Отд. I, стран. 253. С. Вѣршинскія Нухляскаго уѣзъ
Елисаветн. губ.: „Если обувь, когда ее снимають, упадетъ вверхъ ножи-
вомъ,—въ домѣ умереть кто-нибудь“. Стран. 255: „Таганецъ вверхъ но-
жами поставишь,—дьяволъ проклянетъ.“

²⁾ Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. Н. Дубри-
вина. У дагестанскихъ горцевъ: „Подмести комнату или вынести мочу
ночью считается дурнымъ дѣломъ, и существуетъ увѣренность, что отъ
этого домъ бѣднѣетъ“.

Вая. VI. Отд. I, стран. 38, рубр. 12. Станица Отрадная, Кубан-
ской области, Баталпаинскаго уѣзда: „До восхода и послѣ захода солнца
не метуть избы“.

³⁾ Вып. XIII. Отд. II, стран. 153. У дагестанскихъ мюратинцевъ:
„Когда метуть комнату или дворъ, берегись, чтобы меча не догрозилъ“

Въ окно влѣзешь—заболѣешь.

Найденная подкова предвѣщаетъ счастье¹.

Прибивать на порогъ подкову нужно устьемъ внутрь жилища, чтобы деньги заходили въ домъ; а при обратномъ направленіи прибитой подковы деньги будутъ уходить изъ дома.

Если вертѣть дверной крючокъ, будетъ болѣть нѣя². *Каврилы.*

Кто пристально смотритъ въ одну точку, не отрывая глазъ, тотъ увидитъ тамъ человѣка, переходящаго черезъ рѣку.

Днемъ нельзя ни махать горящимъ углемъ, ни разсказывать сказокъ: дѣлающій это умочится ночью. *Кулаши.*

Если укусу перелить изъ бочки вечеромъ, укусу испортится; послѣднее произойдетъ и въ томъ случаѣ, если одолжить укусу. *От. Сонаки*

Если дѣвушка за шитьемъ печально увлечетъ себя иглою, значитъ, она нравится кому-нибудь. На этомъ основаніи мнѣя дѣвушки нарочно укалываютъ себя, чтобы понравиться. *Кутаисъ.*

Женщина надѣнетъ шапку мужчины, —значитъ женщина и тотъ мужчина влюблены другъ въ друга.

Дѣвушка, которой приданое готовить до сватовства, долго не выйдетъ замужъ.

до тебя: если дотронется, то спѣши наступить на него,—не то заразишься северными болѣзнями“.

Вып. V. Отд. I, стран. 207, рубр. 18. Станица Слѣпцовская, Терской области, Владикавказскаго округа: „Старымъ вѣнникомъ нельзя ударить человѣка—онъ можетъ заболѣть отъ этого сухоткой“.

Въ Малороссіи: Если ударить кого старымъ вѣнникомъ—вападутъ на того парши.

¹) Отд. II, стран. 153. У Дагестанскихъ мюрагинцевъ: „Если отпра-вляясь куда-нибудь, найдешь гвадь или подкову, то долженъ поднять, беречь и постоянно брать съ собою въ дорогу такую находку: гвадь и подкова—спутники счастья“.

²) Вып. XIV. Отд. I, стран. 248. С. Вартаненъ, Нухинскаго уѣзда Елизаветп. губ.: „При леченіи отъ испуга больнымъ даютъ пить воду, въ которую предъ тѣмъ опускаютъ семь крючьевъ отъ дверей“. Въ одномъ случаѣ дверные крючки оказываютъ вредное вліяніе на здоровье человѣка, въ другомъ благодѣтельное.

Развяжется у дѣвушки фартукъ—женыхъ не вѣреть.

Булаши. Мужчина дастъ „панчур“ (кодѣнномъ подѣ...)— у него не выростутъ усы¹.

От. Сенаки. Тому, кто случайно плюнулъ въ боблузъ другого, пеняется хромая жена.

Случайно плюнуть на кого-нибудь—подарить ему что-либо.

Сны.

Бутаисъ. Если мужчигла видитъ во снѣ, что онъ прядетъ, у него будетъ много дочерей.

Приснится матери, что у нея отрѣзываютъ локонъ волосъ,—заболѣетъ кто-либо изъ ея дѣтей.

Видѣть во снѣ нитки или веревку—будутъ гости издалека.

Видѣть, что изъ дому выносятъ швапъ, нехорошо: этотъ сонъ предвѣщаетъ, что кто-либо умретъ.

Видѣть во снѣ вошь—въ болѣзни.

Сны, бывающіе въ ночь съ субботы на воскресенье, не исполняются.

Части тѣла и ощущенія ихъ. Значеніе дней и мѣсяцевъ.

Н. Сенаки. Чешутся подошвы ногъ—передъ отправленіемъ въ путь.

О. Сенаки. Зудъ въ пятѣхъ—предвѣщаетъ то же.

Охи. Икры чешутся—гость будетъ.

Бутаисъ. Мозоли чешутся—будетъ морозъ или дождь.

Рука чешется—получать отъ кого-либо деньги².

Чешется лѣвая рука—къ получеѣ денегъ; правая къ отдачѣ.

¹) Опытъ географіи Кавказскаго края. П. П. Надеждина. Стран. 132: „Къ усамъ имеретинъ, какъ и грузинъ, имѣютъ особую привязанность. Того называютъ бевсовѣстнмиъ, у котораго нѣтъ усовъ“.

²) Вып. XIII. Отд. I, стран. 115, рубр. 41. С. Татевъ Закавказскаго уѣзда Елисаветп. губ.: „Чешется ладонь руки,—значить получать деньги“.

Руку помочь и пальцы болят—къ ненастью.

Въ объясненіяхъ поселяне находятъ отвѣтъ на вопросъ, почему одинъ палецъ руки короче или меньше, а другой длиннѣе или больше. Эти объясненія приводимъ параллельно, при чемъ относящееся къ Обикути помѣщаемъ въ скобкахъ:

*Кулаши.
Обикути.*

Мизинецъ (большой) говоритъ: „Голодень“!

Безымянный: „Потерчимъ“! (Указательный: „А если нѣтъ“?)

Средній: „Богъ дастъ“!

Указательный (безымянный): „А если не дастъ?“

Большой (мизинецъ): „Укридемъ“!

За это другіе пальцы били большой палецъ (мизинецъ) до того, что онъ сталъ короче всѣхъ (меньше всѣхъ).

Сколько у тебя на ногтяхъ бѣлыхъ пятнышекъ, столько съшьешь себѣ паръ платья (по другому варианту: столько получишь въ подарокъ паръ платья, столько штукъ сорочекъ или чего-либо другого).

Кутаись.

Тотъ, у кого на ногтяхъ бѣлые пятнышки, имѣетъ много враговъ.

Н. Сенаки.

Ногти можно стричь только по средамъ и пятницамъ.

*Саджевахо,
Озур. у.*

По другому варианту: ихъ можно стричь въ воскресенье, понедѣльникъ и пятницу; вромѣ остальныхъ четырехъ дней ногтей нельзя стричь и ночью¹.

Бросишь обрѣзанные ногти на дворъ, а не въ золу—Богъ во время второго пришествія спроситъ: „Куда ты дѣвалъ ногти?“ Скажешь, что бросилъ ихъ въ золу—попадешь въ рай; признаешься, что выбросилъ на дворъ—пойдешь въ адъ².

Кирими.

¹) Вып. XIII. Отд. II, страр, 154. У дагестанскихъ жюрагинцевъ „Венерама или ночью не слѣдуетъ обрѣзывать ногтей; не то заболѣешь: бѣсовскою болѣзью—сойдешь съ ума“.

²) Вып. XIII. Отд. II, страр. 154. У дагестанскихъ жюрагинцевъ: „Обрѣзая ногти, слѣдуетъ завернуть въ тряпку и спрятать въ трещину земли, камня, стѣны или дерева и помнить хорошо, гдѣ спряталъ, такъ какъ придется отвѣчать въ акратъ (на страшномъ судѣ) за трату тѣла“.

Бутаисъ. Хочешь узнать, суждено ли тебѣ быть пьяницей,—налей каплю вина на ноготь большого пальца руки: скатится капля съ ногтя, не будешь пьяницей, не скатится, слѣвасься таковымъ.

Человѣкъ грызетъ ногти—значить, злой.

Въ срединѣ великаго поста, именно, на четвертой недѣлѣ въ четвергъ, не слѣдуетъ стричь ногтей и причесывать волосъ, ибо отъ этого ногти и концы волосъ раздвоятся¹.

Если волоса мыть во время масланицы, можно скоро посѣдѣть, такъ какъ на масланицѣ ѣдятъ сыръ.

На сырной недѣлѣ нельзя стричь волосъ, а въ противномъ случаѣ они испортятся.

Кюрилы. Остричь волосы въ понедѣльникъ—умреть сестра; остричь въ четвергъ—братъ.

Бутаисъ. Если у мужчины на головѣ двѣ макушки, онъ будетъ двоеженецъ.

От. Оснаки. Голова чешется—умреть армянинъ.

Волосъ съ бровей упадетъ—доминируетъ кто-либо.

Кюрилы. Чешется лѣвая бровь—услышишь пріятную вѣсть.

Бутаисъ. Чешется бровь—кланяться.

Чешется правый глазъ—къ горю; лѣвый—въ радости.

Начнетъ мигать правый глазъ—случится что-нибудь пріятное; лѣвый—выйдетъ какая-либо непріятность.

Тотъ же выпускъ. Отд. I, стран. 113, рубр. 25. С. Татевъ Зангеа. у. Елисавети. губ.: „Отрѣзанные ногти спрячь куда-нибудь, если не хочешь спрдасть головную болью.“

Вып. XIV. Отд. I, стран. 255. С. Вартаманъ Нухинскаго у. Елисавети. губ.: „Отрѣзанные ногти или зарой въ землю, или брось на землю правою рукою черезъ плечо“.

Исторія войны и владчества русскихъ на Кавказѣ. Н. Дубровина. У дагестанскихъ горцевъ: „Обрѣзавъ ногти, женщина тщательно собираетъ ихъ въ особый ящикъ, изъ желанія, чтобы ее любили, вѣра, что выбрасываніе ногтей ведетъ къ обратному“.

¹) Вып. XIII. Отд. I, стран. 113, рубр. 25. С. Татевъ Зангеа. у. Елисавети. губ.: „Кто въ воскресный день обрѣзываетъ ногти, у того на рукахъ пальцахъ новые ногти выростутъ съ раздвоенными концами.“

Глаза невольно замигали—потеря будетъ въ домѣ. *Кеирилы.*

Глазъ покраснѣеть—къ счастью. *Ст. Сенаки.*

У кого на глазу вскочить маленькій прыщикъ, тотъ, *Кулаши.*
значить, совралъ.

Дрожить нижняя половина вѣка—къ слезамъ. *Кутамсъ.*

Ухо горить,—кто-нибудь вспоминаетъ.

Зазвенить въ какомъ-либо ухѣ,—услышишь новость, хо-
рошую или дурную.

Звонъ въ ухахъ предвѣщаетъ смерть пріятеля (по дру- *Кеирилы.*
гому варианту—Ново-Сенаки—смерть родственника).

Чтобы избавиться отъ звона въ ухахъ, надъ ними нуж- *Абаша.*
но пощелкать пальцемъ—разъ надъ однимъ ухомъ, разъ надъ
другимъ, и такъ трижды.

Лзыкъ привусишь—о грѣшномъ дѣлѣ услышишь. *Кеирилы.*

Позѣвнуть—къ дождю. *Ст. Сенаки.*

Съ кѣмъ въ одно время позѣвнешь, съ тѣмъ подѣлишься *Булаши.*
чѣмъ-либо.

Потягиваться на человѣка нехорошо: чрезъ это переда- *Эки.*
ешь ему свою лѣность.

Подбородокъ чешется—гость бородатый будетъ; *Н. Сенаки.*

кончикъ носа—гость будетъ; *С. Сенаки.*

носъ—покойникъ будетъ въ домѣ; а по другому варианту: *Кутамсъ.*
кто-либо спѣшить къ вамъ по дѣлу или въ гости.

Изъ носу кровь пойдетъ—умреть пріятель. *Кеирилы.*

Того, кто чихнетъ во время разговора о покойникѣ, *Сакара.*
ударяютъ по спинѣ, приговаривая: „Чтобы до его (покойника)
возвращенія ничего не болѣло!“¹.

Человѣкъ чихнетъ—сгоняетъ съ плеча нечистую силу. *Кутамсъ.*

Чихъ подтверждаетъ истинность словъ; по другому ва-
рианту, это бываетъ, во-первыхъ, въ томъ случаѣ, если кто-либо

¹) Вып. X. Отд. I, стран. 113, рубр. 18. С. Носири Сенакск. у. Кут. губ.
„Кто чихнетъ во время разговора о покойномъ, того три раза ударяютъ
по спинѣ, провознося: Да не заболитъ у тебя голова до его возвращенія.“

чихнетъ два раза; во-вторыхъ—три раза, „ибо нось подтвердилъ справедливость сказаннаго“.

Кирилл. Кто въ новый годъ чихнетъ два раза—найдетъ въ лѣсу пчелиный рой¹.

Кутаисъ. Чихнуть въ воскресенье—жди гостей; въ понедѣльникъ—получишь подарокъ; во вторникъ—будешь принимать прїѣзжаго; въ среду—услышишь вѣсть; въ четвергъ—получишь похвалу; въ пятницу—будешь имѣть свиданіе; въ субботу—исполненіе желанія.

Сачино, с. Кут. у.: Чтобы исполнилось желаніе, о немъ, передъ самымъ принятіемъ Христовыхъ Таинъ, подумай три раза.

Кирилл. Въ слѣдующіе дни, какъ несчастливые, нельзя выѣзжать: Въ январѣ—1, 2, 4, 6, 8, 11, 20; въ февралѣ—11, 17, 18; въ мартѣ—1, 4, 14, 24; въ апрѣлѣ—2, 17, 18; въ маѣ—7, 8; въ іюнѣ—17; въ іюлѣ—17, 21; въ августѣ—20, 21; въ сентябрѣ—10, 18; въ октябрѣ—6; въ ноябрѣ 6, 8; въ декабрѣ—6, 11, 18.

Отправившись въ путь въ понедѣльникъ—съ тобою въ дорогѣ случится несчастье.

Кутаисъ. Въ понедѣльникъ нельзя отправляться въ дальній путь. Пойдешь въ этотъ день въ гости, цѣлую недѣлю будешь ходить въ гости.

Сахара. Понедѣльникъ—день тяжелый, среда—неполный; поэтому въ эти дни не должно отправляться въ далекій путь по дѣламъ, не слѣдуетъ ничего начинать и послѣ болѣзни вставать.

Ст. Сенаки. Семей въ субботу никуда нельзя переѣзжать и вообще путешествовать, а иначе въ семьѣ умретъ кто-нибудь.

¹) Вып. XIII. Отд. I, стран. 112, рубр. 19, С. Татевъ Зангезурскаго уѣзда Елисаветп. губ.: „Кто чихнетъ разъ, тому говорить: „Джайтъ“! и (старайся еще разъ чихнуть), ибо нечетный чохъ предсказываетъ неудачу, а четный, наоборотъ,—удачу“.

Женщины ни кроютъ, ни шьютъ въ понедѣльникъ и въ *Сакара*.
день своего рожденія.

Нельзя кроить въ день рожденія.—Скроишь въ понедѣль- *Кутаисъ*.
никъ—работа затянется и будетъ неудачна; въ пятницу—
спитое сгорить. Лучше всего кроить въ субботу, но хорошо
также во вторникъ и четвергъ.—Шить можно во всѣ дни, не
исключая понедѣльника и дня рожденія.

Женщины не должны шить въ день Варвары, 4 дек., *Сакара*.
не то куры не будутъ выводить цыплятъ.

Изъ опасенія того же въ день Варвары не пекутъ чу- *Кутаисъ*.
рековъ; да и денегъ тогда нельзя давать, а въ противномъ
случаѣ ихъ придется давать весь годъ.

Сосѣдъ въ понедѣльникъ ничего не даетъ въ долгъ.

Дашь въ этотъ день денегъ или что—либо иное, цѣлую
недѣлю будешь давать то или другое.

Въ понедѣльникъ мухи дашь—не закиснетъ вино, пред- *Кочиримы*.
назначенное для укуса; деньгами ссудишь—уменьшатся до-
ходъ¹.

Въ среду даешь въ займы денегъ звонкой монетой,—пред- *Эки*.
варительно ее нужно три раза бросить на полъ; кредитными
билетами,—предъ отдачей слѣдуетъ обрывать у нихъ уголки:
это не исполнить того, обѣднѣеть.

При отдачѣ бумажныхъ денегъ въ какой-бы то ни было *Кутаисъ*.

¹) Вып. XIII. Отд. I, стран. 116, рубр. 51. С. Татевъ Завгез. у. Елисаветп. губ.: „Понедѣльникъ считается несчастливымъ днемъ; поэто-
му въ этотъ день не нужно выѣзжать куда-нибудь далеко за дѣломъ;
не слѣдуетъ также что-нибудь выносить въ этотъ день изъ дому, для
передачи сосѣду—иначе вся недѣля пройдетъ въ неудачахъ хозяина.“

Вып. XIV. Отд. I, стран. 256. С. Вартаневъ Нухинскаго у. Ели-
саветпольской губ.: „Пятница—счастливый день: что ни начинай въ пят-
ницу, все пойдетъ успѣшно“.

Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. Н. Дубровина.
У дагестанскихъ горцевъ: „Есть тяжелые дни, есть и легкіе. Первыми
считаются воскресенье, понедѣльникъ, суббота... Легкими днями призна-
ются среда, и въ особенности четвергъ. Пятница недѣльный день“.

день, нужно обрывать у нихъ уголки и послѣдніе прятать въ кошелекъ.

Ст. Сенаки. На другой день послѣ Нового года ни въ какомъ случаѣ не дадутъ денегъ въ займы, боясь, чтобы не пришлось давать ихъ круглый годъ.

Во всякое время прислугѣ или близкому человѣку деньги даютъ не иначе, какъ положивъ сперва на свое колѣно и уже отсюда позволяя взять ихъ; почтеннымъ людямъ предлагаютъ брать деньги со стола, а евреямъ просто бросаютъ на полъ.

Н. Сенаки. Женщина, обвязавшая палецъ красной ниткой въ мартѣ, цѣлый годъ будетъ дичиться.

Постъ.

Кутаисъ. Во время Великаго поста—въ понедѣльникъ на первой недѣлѣ („шаві оршацазі“, черный понедѣльникъ—у насъ „чистый понедѣльникъ“), въ среду и пятницу во всѣ недѣли нельзя пить вина и ѣсть соленого, масла или чего-либо маслянистаго, напр. орѣховъ.

29 августа, въ день Усѣновенія главы Іоанна Предтечи нельзя ѣсть ничего круглаго, напр., дынь, арбузовъ, потому что они напоминаютъ собою голову.

Сачино, Кулаши. Говѣющіе на первой недѣлѣ Великаго поста ходятъ бо-сикомъ и воздерживаются отъ всякой пищи, подкрѣпляя себя только кусочками просфоры, получаемыми въ церкви послѣ обѣдни, да съѣдая каждый день по одному яблоку, вина они не пьютъ, а воду разрѣшаютъ себѣ лишь во вторникъ и четвергъ. Вслѣдствіе такого воздержанія со многими изъ говѣющихъ становится дурно, и они заболѣваютъ; поэтому священники не позволяютъ прихожанамъ говѣть на первой недѣлѣ поста и вмѣстѣ съ тѣмъ внушаютъ имъ, что излишнее воздержаніе отъ пищи недущеспасательно.

Такимъ постомъ изнуряють себя по большей части ста- *Кутаисъ.*
рушки, говѣющія или на первой, или на одной изъ послѣд-
нихъ недѣль Великаго поста, или на первой недѣлѣ Успен-
скаго поста: въ понедѣльникъ и во вторникъ абсолютное воз-
держаніе отъ пищи и питья; съ среды до субботы включитель-
но—вусочекъ просфоры, яблоко и полъ-стакана вина въ день.

Недѣлю говѣнія, сопряженнаго съ изнурительнымъ по-
стомъ, народъ называетъ „швѣде(о)лі“, соединяя съ обыкновен-
нымъ значеніемъ этого слова «сѣдмица» понятіе о совершен-
номъ неяденіи¹.

На первой недѣлѣ Великаго поста въ понедѣльникъ ну- *Сакара.*
жно встать рано, взять въ зубы камень и скрежетать по не-
му—врагъ не причинить вреда до будущаго Великаго поста.

На четвертой недѣлѣ Великаго поста въ четвергъ име- *Кутаисъ.*
ретины не работаютъ и говорятъ: „кто въ этотъ день будетъ
работать, у того годовой доходъ уменьшится на половину“.

На Вербной недѣлѣ въ субботу свѣчой, принесенной отъ
всенощной, выжигаютъ врестъ на верхней поперечинѣ двери.

У того, кому въ Вербное воскресенье пальмовая вѣтка *Сакара.*
достанется съ сѣменами („каклебіані“), въ текущемъ году бу-
детъ много шелку².

Слѣдующія дѣйствія продѣлываютъ рано утромъ на стра-
стной седмицѣ, храня глубокое молчаніе до окончанія ихъ.

Въ среду нужно пойти къ рѣкѣ и выполоскать ротъ во- *Киринъ.*
дою—не будетъ дурного запаха изо рта.

Въ среду и четвергъ „молчаливый“ приноситъ изъ род-
ника „молчаливую воду“.

¹) Въ Бѣлоруссіи, именно, въ Могилевской губ., намъ пришлось на-
блюдать, какъ „четвергуютъ“—съ вечера Великаго четверга до Пасхи
ничего не ѣдятъ.

²) Вып. XIV. Отд. I, стран. 259. С. Вартаменъ Нухинскаго уѣзда
Елисавети. губ.: „Кому достанется въ день Вербнаго воскресенія вѣт-
ка со многими цвѣтами, у того будетъ большой урожай коконовъ въ томъ
же году“.

Ст. Сенаки. Въ четвергъ надо взять въ ротъ рѣчной воды—зубы цѣлый годъ будутъ бѣлы.

Запати, с. Сенакс. у.: Всегда, проходя мимо рѣчки Зана, протекающей тамъ, нужно закрывать ротъ, чтобы зубы не почернѣли: на зубы такое влiяние оказываютъ сидящiя въ рѣчкѣ черепахи.

Кашрилы. Въ Великiй четвергъ льютъ на голову воду, чтобы не посѣдѣть; во дворѣ втыкаютъ въ землю вѣтки дикой вишни, чтобы врагу все казалось горькимъ, какъ горьки плоды этой вишни.

Гундасты. Въ тотъ же день кто-либо изъ домашнихъ отправляется въ лѣсъ, срубаетъ тамъ дичую вишню и отсѣкаетъ отъ нея вѣтви; послѣднiя скрѣпляютъ накрестъ и втыкаютъ ихъ въ землю—во дворѣ, въ виноградникѣ и въ полѣ, чтобы постороннiй глазъ не могъ ничего испортить въ этихъ мѣстахъ.

Симонеты, Дымы. Противъ сглаза въ Симонетахъ въ среду и въ четвергъ, въ Дымахъ въ четвергъ, втыкаютъ посреди двора—въ первомъ селенiи большой крестъ изъ дикой черешни, во второмъ просто дичую черешню, или вмѣсто того тамъ и тутъ вѣшаютъ небольшiе кресты изъ того же дерева надъ воротами, на изгороди и надъ входомъ въ домъ (и въ Кутапсѣ замѣченъ нами небольшой черешневый крестъ, повѣшенный въ одномъ домѣ на балконѣ изъ предосторожности отъ сглаза).

Въ Имеретiи для предупрежденiя порчи глазомъ прибѣгаютъ и къ другимъ средствамъ; такъ, повсемѣстно въ Великiй четвергъ насаживаютъ на колья изгороди лошадиные черепа¹ а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—камни со впадинами².

¹) Вып. XIII. Отд. I, стран. 114, рубр. 36. С. Татевъ Загез. у. Елисаветп. губ.: „Чтобы спасти огородъ, садъ и хлѣбные стога отъ влiянiя дурного глаза, ставятъ на воткнутый шестъ въ названныхъ мѣстахъ лошадиный черепъ“.

²) Ниже лѣченiе отъ сглаза.

Въ Великую пятницу ни одинъ земледѣлецъ не долженъ *Сакара*. работать, а иначе саранча или другія вредныя насѣкомыя уничтожатъ посѣвы¹.

Праздничные обычаи и игры.

Кічебіа. Въ день Благовѣщенія въ этомъ селеніи водится *Гундасти*. обычай поздравлять съ праздникомъ, извѣстный подъ именемъ „*кічебіа*“. Поздравляютъ одного за другимъ съ утра до вечера, расхаживая по селенію не по одиночкѣ, а по двое— по трое. Поздравители, взрослые парни, носятъ съ собою корзину для ожидаемыхъ подачекъ и маску, приготовленную изъ особаго сорта тыввы: маска, имѣя отверстія для рта и глазъ, усажена на мѣстѣ бровей, усозъ и бороды щетиной, во рту маски торчатъ зерна бѣлой фасоли, исполняющія роль зубовъ и потому называемыя „*кічебіа*“, отсюда и наименованіе указаннаго обычая. Въ пути одинъ изъ поздравителей, неся маску, держитъ ее передъ собою у груди и надѣваетъ ее только въ домѣ для поздравленія. Послѣднее соединено съ пожеланіемъ хозяину дома радости и всякаго благополучія и выражается въ слѣдующихъ словахъ:

„*Кічебіа, кічебіа! Сахлі аашенос ђмерзума! Хареба да хархареба, оцахші мкоцс гахареба!*“

Въ день Георгія (23 апрѣля) жители города и поселяне *Тифлиса*. окрестныхъ деревень празднуютъ „*дзашвеџоба*“—праздникъ, установленный въ память извѣстнаго чуда св. Давида, по слову котораго дѣвица, оклеветавшая его въ прелюбодѣліи съ нею, родила вмѣсто ребенка камень: „*дза-шва-ерџі*“, камень родила одинъ; отсюда и наименованіе праздника.

¹) Вып. X. Отд. I, стран. 82. У сваветъ: „Нѣкоторые суевѣрные старики, собираясь вмѣстѣ по праздничнымъ днямъ, созываютъ и своихъ сосѣдей, сельчанъ, и соѣтуютъ имъ, чтобы они не работали по пятницамъ и субботахъ, а то Богъ накажетъ за это ихъ и весь край: или пошлетъ градъ, или по волѣ Его настанутъ засухи, и урожая не будетъ“.

Народъ приходитъ въ церковь названнаго святаго помолиться, а послѣ моленія остается возлѣ церкви на весь день и всю ночь, чтобы провести время въ пирѣ, играхъ, пѣсняхъ и пляскахъ; только на слѣдующій день, прослушавъ заутреню, онъ расходится по домамъ.

Дымь. Въ тотъ же день послѣ обѣдни жители „Верхнихъ Дымъ“, гдѣ находится церковь св. Георгія, приглашаютъ къ себѣ въ гости сошедшихся на праздникъ „зашвѣзоба“—изъ Нижнихъ Дымъ, изъ Багдадъ и другихъ окрестныхъ селеній. Часовъ въ пять пополудни всѣ собираются вблизи церкви попѣть, поиграть и поплясать.

Джиганши. Здѣсь праздникъ „зашвѣзоба“ продолжается два дня и бываетъ въ субботу на Оумной недѣлѣ и въ слѣдующее за ней воскресенье. Послѣ званнаго обѣда, часовъ въ пять пополудни, народъ сходится у церкви св. Георгія и здѣсь на полянѣ развлекается играми—метаніемъ „цїрізі“ (довольно острой палки аршина въ полтора), скачками и игрою въ мячъ.

Въ первой игрѣ принимаютъ участіе только князья и дворяне. Происходитъ же игра слѣдующимъ образомъ: играющіе раздѣляются на двѣ партіи, а между послѣдними посрединѣ назначается мѣта. Вотъ съ одной стороны выѣзжаетъ всадникъ съ „цїрізі“ и дѣлаетъ вызовъ смѣльчаку, который не замедлитъ появиться на лошади съ такою же палкой съ другой стороны; тутъ первый объявляетъ, что онъ попадетъ ему (называетъ его по имени) туда-то, опредѣляя мѣсто отъ ногъ до груди; выше цѣлить нельзя—но бываютъ случаи, когда „цїрізі“ ненарокомъ попадетъ въ голову и даже въ глазъ. Послѣ того объявленія второй несется къ мѣтѣ и, доѣхавъ до нея, быстро поворачиваетъ лошадь (извѣстенъ одинъ случай паденія при этомъ съ лошади, повлекшій за собою смерть наѣздника) и скачетъ назадъ къ своей партіи. Кто посмѣлѣе, заѣзжаетъ за мѣту, а потрусливѣе, и не до-

ѣзжаетъ до нея. Въ скачущаго назадъ пускается „цїріцї“, а тотъ старается отразить ее своею палкой и всячески избѣжать удара—ловкому это удается, а иной даже на лету схватываетъ враждебную „цїріцї“³.

Что касается скачекъ, то предъ началомъ ихъ поселене выстраиваются въ двѣ линїи—въ одну становятся мужчины, въ другую женщины; между линїями оставляется промежутокъ для бѣга. Когда путь готовъ, въ одномъ концѣ его появляется два маленькихъ всадника, въ возрастѣ десяти—двѣнадцати лѣтъ; они скачутъ въ другой конецъ при крикахъ народа машущаго палками на коней, если послѣдніе пытаются прорваться черезъ линїи. Обогнавшему даютъ призъ въ размѣрѣ ста рублей; при второмъ бѣгѣ побѣдитель получаетъ пятьдесятъ руб., а при третьемъ двадцать пять руб. Деньги на призы собираются съ общества.

Играть въ мячъ съѣзжаются князья и дворяне и сходятся крестьяне. Образуются двѣ партїи; во главѣ одной стоятъ князья, во главѣ другой—дворяне: партїи размѣщаются, одна насупротивъ другой, приблизительно въ сорока саженьяхъ,—при чемъ княжеская партїя становится въ той сторонѣ, гдѣ живутъ дворяне („Малые Джихайши“), а партїя дворянъ въ той, гдѣ поселились князья („Большіе Джихайши“).

³) Вып. V. Отд. II, стран. 260. Въ Грузїи: „Во время скачки—джирити—поочередно одинъ наѣздяникъ бросаетъ въ другого палку съ тупыми концями. Чтобы предотвратить ударъ, нужно умѣть быстро опуститься то вправо отъ скачущей лошади, то влево; при этомъ нужно умѣть ловить на лету палку, стоять на сѣдлѣ и бить въ цѣль. Палку держать тремя пальцами, почему ударъ бываетъ не изо всѣхъ силъ.“

Природа и люди на Кавказѣ и за Кавказомъ, П. Надеждина. Скачка и джигитовья въ Дагестанѣ: „Безъ очереди, безъ всякаго порядка кинулись человекъ двадцать самыхъ горячихъ ѣздоковъ скакать взадъ и впередъ, перегоня другъ друга. То перерѣзывали они другъ другу дорогу и вдругъ слерживали коней, то вновь пускали ихъ во всю прыть съ мѣста. Послѣ этого всѣ ввали небольшія палки, называемыя джиритами, и начали на скоку метать вслѣдъ и встрѣчу противниковъ, то ловя ихъ на лету, то подхватывая съ земли.“ А. Марлинскаго.

Игру всегда начинают князья одного рода Ч.: одинъ князь въ этомъ году, другой въ слѣдующемъ выѣзжаетъ на средину между обѣими партіями и держитъ въ рукѣ огромный, вершковъ пять въ діаметрѣ, рукодѣльный мячъ, обтянутый разноцвѣтнымъ сафьяномъ. Князь бросаетъ мячъ вверхъ, стараясь дать ему прямое направленіе. Когда же мячъ упадетъ на землю, съ обѣихъ сторонъ пѣшіе и конные бросаются къ нему стремительно съ цѣлью овладѣть имъ; при столкновеніи партій, каждая изъ нихъ старается оттѣснить противную и съ мячомъ пробраться на сторону своего поселенія. Если казалибо партія одолѣетъ другую и, крича „лело“, дойдетъ побѣдовосно до желаннаго пункта, игра въ мячъ считается оконченной; продолжается же она часа три. Въ заключеніе побѣдители отламываютъ большую липовую вѣтвь и обносятъ ее, при крикахъ о своей побѣдѣ, вокругъ церкви, возлѣ которой, на паперти, и бросаютъ затѣмъ ту вѣтвь ¹.

*Бнаида,
Осак у.*

Чвеніероба. На Оминой недѣлѣ въ понедѣльникъ играютъ въ мячъ послѣ обѣдни. Окончивъ эту игру, вырываютъ съ корнемъ какое-бы то ни было дерево, обносятъ его вокругъ церкви и жертвуютъ ей, кладя дерево возлѣ церкви.

Въ с. Абаши и въ соедѣнныхъ деревняхъ въ день Петра и Павла желающіе играть въ мячъ являются, иногда въ числѣ до полутора ста всадниковъ, въ опредѣленное мѣсто, гдѣ обра-

¹) Вып. V Отд. II, стран. 256. Грузія: „Въ славной игрѣ „лело“ пѣлое околченіе, городъ или деревня дѣлилась на двѣ партіи. Каждая партія чертила для себя городъ. На средину выступалъ овященникъ, и, благословляя мячъ, передавалъ его лучшему игроку или самъ закидывалъ его высоко; въ это время обѣ партіи бросались на мячъ. Иной молодецъ съ немовѣрной высоты хваталъ мячъ и какъ стрѣла пускался въ городъ своей партіи, но и другая партія не зѣвала, набрасывалась на него и тогда происходила страшная давка. Иногда толпа во взаимной борьбѣ часовъ пять оставалась на одномъ и томъ же мѣстѣ; но вотъ какой-нибудь молодецъ вдругъ проскальзываетъ въ толпу и несетъ съ мячомъ въ городъ—весь народъ бросается за нимъ. Часто съ утра до вечера продолжалась эта борьба, и кто вносилъ мячъ въ свой городъ, тотъ и его партія считались выигравшими игру; тому доставалось знаменитое „лело.“

зуютъ карре. Посреди становится пѣшій паренъ съ мячомъ и бросаетъ его въ какую-либо сторону четырехугольнива. Пойманный мячъ въ этомъ фасѣ перебрасывается отъ одного всадника къ другому поочередно. Лишь только мячъ упадетъ на землю, тотъ же паренъ подхватываетъ его и на этотъ разъ бросаетъ въ другой фасъ, сосѣдній. Такъ, по порядку, очередь игры доходить, съ паденіемъ мяча, до третьей стороны карре и наконецъ до четвертой. Игра сопровождается криками: „ура!“ Въ с. Мартвилѣ въ тотъ же день игра въ мячъ происходитъ около монастыря; въ ней принимаютъ участіе и конные и пѣшіе.

Тогда же въ части города на правомъ берегу Ріона, *Кутаисъ.* „Зарѣчной“, играютъ въ мячъ возлѣ Петро-Павловской церкви—какъ послѣ обѣдни дѣти, такъ и часовъ въ пять пополудни дѣти и взрослые. Въ послѣднемъ случаѣ на площади собираются пѣшіе и конные; изъ нихъ составляется двѣ партіи, проникнутыя, какъ говорятъ, повѣріемъ: на какой сторонѣ будетъ побѣда, въ такомъ направленіи будетъ урожай.

Въ день Успенія въ семьяхъ дѣвушки пекутъ „хачапурі“ *Димы.* съ грецкими орѣхами и ходятъ съ этимъ пирогомъ подъ орѣховое дерево: онѣ несутъ его туда на тарелкѣ, при чемъ сверху пирога поставленъ полный стаканъ вина, а къ стакану прикрѣплена зажженная восковая свѣча. Придя подъ дерево, дѣвушки опускаютъ тарелку на землю и дѣлаютъ вокругъ него десять колѣнопреклоненій, предваря послѣднія крестнымъ знаменіемъ; затѣмъ онѣ разламываютъ „хачапурі“ и ѣдятъ его, запивая виномъ, принесеннымъ въ стаканѣ. По повѣрію поселянъ, грецкихъ орѣховъ нельзя ѣсть до 15 августа, а иначе ослабѣютъ умственные способности.

Новый годъ.

Намѣреваясь представить описаніе обрядовъ, совершаемыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Тифлисской и Кутаисской

губерній подъ Новый годъ и въ день Нового года мы имѣемъ въ виду статью г. В. Ломинадзе: „Встрѣча новаго года у имеретянъ“, помещенную въ Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа (Вып. XIII. Отд. II, стр. 3—8) и сдѣлаемъ извлеченіе изъ этой статьи нѣкоторыхъ мѣстъ, для сравненія съ ними данныхъ, приводимыхъ нами по тому же вопросу.

*Кварели,
Цинцхалу.*

Подъ Новый годъ вечеромъ въ семьяхъ пекутъ, „бедіс пурі“, хлѣбъ счастья, со вложенной въ булку серебряной монетой. Этотъ хлѣбъ хранятъ до Крещенія. Тогда же, разрѣзавъ хлѣбъ на части, послѣднія раздають членамъ семьи. Кому попадется порція съ монетой, тотъ будетъ счастливъ. Печеніе такого хлѣба бываетъ и въ Тифлисѣ; наблюдалось же нами и въ Ростовѣ на Дону.

Дутаисъ.

Чѣмъ займетесь на второй день Нового года, называемой „бедіс дзе“, день счастья,¹—тѣмъ будете заниматься цѣлый годъ.

Подъ Новый же годъ въ названныхъ селеніяхъ Тифлис. губ. пекутъ изъ муки „Василія“, какъ называется человѣческая фигурка съ кипшипомъ на мѣстѣ глазъ. Если эта фигурка поднимется и выростетъ въ печи,—значить, годъ будетъ счастливый и урожайный, а не удастся фигурка—и годъ будетъ неудачный.

Новый годъ встрѣчаютъ слѣдующимъ образомъ: въ двѣнадцать часовъ ночи, во-первыхъ, стрѣляютъ, во-вторыхъ, обходятъ вокругъ дома съ яствами и питіемъ. Приготовляясь къ обхожденію, берутъ подносъ и кладутъ на него булку хлѣба, не растрескавшуюся и не подгорѣвшую (или двѣ такихъ, при чемъ одна обыкновенная, а другая слобная), жаренную птицу (чѣмъ больше ея и чѣмъ разнороднѣе она, тѣмъ лучше),

¹) Стран. 3: „Новый годъ у имеретянъ называется иначе—„счастливымъ днемъ“.

самые хорошіе яблоки и непремѣнно красные, обильныя сѣменами гранаты (чтобъ столько лѣтъ жизни, сколько сѣмянъ въ гранатахъ). Что касается фруктовъ, то дѣло можетъ ограничиться и одними яблоками. Но ни айва, ни апельсины въ данномъ случаѣ не употребляются, такъ какъ, по народному повѣрью указанныхъ селеній, предложеніе этихъ плодовъ другому (ниже мы увидимъ, что плоды раздаются членамъ семьи) было бы равносильно пожеланію ему лихорадки. На поднось еще владуть конфеты и кусочки сахару: сласти рассчитаны на членовъ семьи, на всякаго по одной штукѣ изъ каждаго рода сластей. Когда все положено, въ булку хлѣба, лежащую по срединѣ подноса, втыкають одну церковную свѣчу, а въ краймъ подноса, съ четырехъ противоположныхъ сторонъ, прилѣпляютъ четыре такихъ же свѣчи. Наконецъ, зажигаютъ эти свѣчи и берутъ на одну руку поднось, а въ другую бутылку вина, и обходятъ три раза вокругъ дома. Возвратившись въ домъ, поздравляютъ семью, уже сѣвшую за столъ, съ новымъ годомъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Шамовді цехі. Ытккалодез Ымерзъ! Цехі чемі, квалі ангелозіс. Мравал пеліцаде Ымерзъма да гасцрот мшвідобіз да кезіл парматебіз“.

„Вступаю ногою. Да милуетъ васъ Богъ! Нога моя, слѣдъ ангела. Дай вамъ Богъ прожить много лѣтъ въ здравіи и благополучіи“. Роль поздравителя „мэввеле“¹ исполняютъ лица обоого пола. Послѣ поздравленія поднось съ содержимымъ ставятъ на столъ. Свѣчи, горѣвшія по краймъ подноса, теперь втыкають въ тотъ хлѣбъ, въ которомъ стояла одна свѣча: четыре свѣчи располагаются въ булкѣ хлѣба такъ, что служатъ углами четырехугольника и заключаютъ посреди себя пятую свѣчу; горятъ же эти свѣчи во время ужина до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не сгорятъ. Въ началѣ ужина раздаютъ сласти, и каждый изъ членовъ семьи владеть полученную до-

¹) У имеретинъ домашній поздравитель называется „маквіері“.

лю передь собой—плодъ, а на немъ конфету или кусочекъ сахару. Затѣмъ, ужинъ сопровождаютъ, иногда и заканчиваютъ выстрѣлами. Послѣ ужина идутъ почивать—всякій со своей частью сбереженныхъ сластей, которыя кладутся подъ подушку, а съѣдаются только на слѣдующій день. Въ Новый годъ заходятъ въ дома посторонніе поздравители: это зайдетъ первый, тотъ называется „меперхэ“¹; по благополучію или несчастью семьи, въ который побывалъ „меперхэ“, его считаютъ счастливымъ или несчастливымъ.

Равно утромъ въ Новый годъ приводятъ въ домъ чужихъ—мальчика или дѣвочку (можно взять ребенка и изъ своей семьи): высыпаютъ при нихъ на полъ или на землю зерна гоми или кукурузы, сметають эти зерна въ кучу и заставляютъ ребенка посидѣть надъ той кучей. Ребенокъ во время этого акта приговариваетъ: „Пусть такъ смирно сидитъ насѣдка и не портитъ яицъ“!

*Самелін,
около Ку-
таиса.*

Подъ новый годъ вечеромъ хозяйка вноситъ въ домъ живыхъ пѣтушка и курочку и, поздравляя семью съ предверіемъ праздника, высказываетъ пожеланіе сыновьямъ и дочерямъ, чтобы они много жили и всегда были здоровы. Затѣмъ хозяйка рѣжетъ внесенныхъ цыплятъ и приготовляетъ ихъ къ ужину, когда она, какъ говорятъ, сама должна съѣсть цыплячьи ножки и головки. Кромѣ того, хозяйка въ этотъ вечеръ печетъ хачапуребі съ сыромъ и яйцами (одинъ хачапурі громадныхъ размѣровъ, чуть не аршинъ въ діаметрѣ; а остальные, по числу душъ семьи, небольшие), жаритъ гуся, индѣйку и курицу и варитъ голову свиньи, заколотой предъ Рождествомъ². Въ полночь самъ хозяинъ или сынъ его³, подавъ

¹) У умереннѣ „меперхэ“ (иначе: мепехурі)—поздравитель, избранный цѣлой деревней или частью ея. В. Л.

²) Стран. 8: „Необходимую принадлежность... закуски“ (о таковой у насъ говорится ниже) „составляетъ свиная голова, которая сберегается для этой цѣли, обыкновенно, съ Рождества.“

³) Стран. 7: „Не во всѣхъ домахъ старшіе принимаютъ на себя эту

ребенку яблоко и приказавъ ему стоять посреди избы, отправляются обходить три раза вокругъ дома: въ правой рукѣ совершающаго обхожденіе находится кувшинъ съ виномъ, а лѣвая его рука поддерживаетъ стоящую на головѣ чашку (бываетъ и подносъ), которая наполнена приготовленными яствами, иноземными напитками и сладостями; именно, въ чашкѣ лежатъ всѣ хачапуребі, булка хлѣба; свиная голова, жареная птица; бутылка съ водкой, ликеромъ и ромомъ; конфеты, „гузінакі“—орѣхи, варенные въ меду (Словарь Чубинова: „говінакі“, варенье изъ меда и миндаля); айва, апельсины (недопускаемые жителями вышеупомянутыхъ селеній—Кварель и Цинцхару) и наконецъ яблоки: въ одно изъ послѣднихъ засажена на половину серебряная монета—двугривенный или рубль—предназначаемая вмѣстѣ съ яблокомъ пріятелю или пріятельницѣ дома.

Въ случаѣ недостатка яблокъ можно ограничиться и однимъ, но съ засаженной въ него монетой, тѣмъ болѣе, что на чашкѣ бываютъ и другія фрукты. Въ булку хлѣба воткнута „чичилаки“ (палка длиною немного меньше аршина) тѣмъ концомъ, у котораго взрѣзаны тончайшія стружки; къ другому концу этой палки прикрѣпленъ деревянный крестикъ. Къ краямъ обносимой чашки прилѣплены и зажжены четыре восковыхъ свѣчи¹. Окончивъ обхожденіе, мужчина подходит роль; иной разъ то же самое дѣлаютъ, по порученію старшихъ, и другіе члены семьи мужского пола“.

Въ с. Сапечія все печется, жарится и варится съ вечера, до наступленія новаго года, что согласно съ упоминаемъ о томъ же въ статьѣ г. В. Доминадзе, но иное мы встрѣтимъ ниже—„с. Сацпры.“

¹) Стран. 5—6: „Вмѣстѣ съ съѣстными припасами на лотокъ кладутся чичилаги, а также разныя драгоценности, какъ напр.: брошки, камни драгоценныя, золотыя и серебряныя монеты, крестики и т. п. Если же нѣтъ такихъ дѣнныхъ вещей, то обходятся, обыкновенно, гривениками и двугривенными. Нагрузивъ, такимъ образомъ, лотокъ и поставивъ около него кувшинъ, наполненный виномъ, ложатся спать. Съ пѣніемъ пѣтуховъ первый встаетъ хозяинъ дома; онъ зажигаетъ свѣчу и, взявъ съ собою лотокъ съ припасами и кувшинъ вина, отправляется обходить вокругъ дома три раза.“

къ затворенной двери дома, а хозяйка спрашиваетъ его: „Что несешь“? (три раза). Онъ отвѣчаетъ—первый разъ: „Золото и серебро“! второй: „Размноженіе животныхъ“! третій разъ: „Благоденствіе народа“¹.

Наконецъ „мавліери“ входитъ въ избу, гдѣ уже собрались всѣ члены семьи. Здѣсь онъ дѣлаетъ три круга, ходя съ своей ношей или у стѣнъ, или около выдвинутаго на средину избы стола, къ тому времени полупокрытаго яствами; и затѣмъ ставитъ на этотъ столъ чашку, а подъ столъ, снова придвинутый къ стѣнѣ, если онъ былъ оставленъ отъ нея для совершенія обряда, „докі“ съ вивомъ. Ребенокъ, стоявшій до тѣхъ поръ съ яблокомъ по срединѣ избы, крестится и сходитъ съ своего мѣста. Теперь мавліери беретъ горстями зерна на гоми и разсыпаетъ ихъ по избѣ, высказывая при этомъ пожеланія объ обилии скота, денегъ и о долготѣи жизни². Надъ означеннымъ столомъ возвышается небольшая елка, прикрѣпленная къ стѣнѣ: елка украшена цвѣтами, увѣшена плодами, конфетами и освѣщена зажженными на ней свѣчами. Мавліери поздравляетъ всѣхъ съ Новымъ годомъ и высказываетъ имъ благопожеланія; послѣ этого члены семьи поздравляютъ другъ—друга и обмѣниваются между собою полученными отъ хозяйки плодами, напр. яблоками³. Оставшіяся въ чашкѣ сласти хозяйка выкладываетъ на столъ и тутъ же

¹) Стран. 7: „Стоя предъ запертой дверью, мавліери на предлагаемый вопросъ: „Что несешь?“ отвѣчаетъ, во-первыхъ: „Несу вамъ миръ, благоденствіе и счастье!“ во вторыхъ: „Несу вамъ золото, серебро, камни драгоценные и жемчугъ!“ въ третьихъ: „Несу вамъ милости Бога и царя!“

Въ Сацирахъ, какъ увидимъ ниже, бываетъ только внутреннее обхождение; а упомянутому наружному, вокругъ дома, съ слѣдующимъ затѣмъ діалогомъ тамъ соответствуетъ принесеніе воды, завершаемое подобнымъ же разговоромъ.

²) Это дѣлаютъ „меперхэ“ и „мавліери.“ В. Л.

³) Стран. 8: При поздравленіяхъ, происходящихъ послѣ обѣдинъ внутри церковной ограды, мѣняются яблоками, грушами, конфетами и кусками сахару.

разставляет напитки, вынутыя изъ чашки. Послѣ этого приступаютъ къ закускѣ. Лакомства, напитки и жаркое не сходятъ со стола до Крещенія и даже остаются тамъ на нѣсколько дней дольше. Истощившіеся на столѣ припасы каждый разъ восполняются такими же свѣжими—и это, навѣрно, дѣлается часто, такъ какъ у стола, кромѣ семьи, закусываютъ и гости, которыхъ однако можно принимать только послѣ посѣщенія „мепехурі“. Въ теченіе всего этого времени, въ прибавку къ имѣющимся на столѣ яствамъ, варятъ гоми и супъ. Свиная голова служитъ предметомъ особеннаго вниманія: взрослые, мужчины и женщины, ставятъ ее на столъ пятачкомъ вверхъ и ударяютъ по пятачку кинжаломъ или ножомъ, стараясь разрубать голову пополамъ; кому это удастся—тотъ беретъ себѣ половину головы.

Подъ Новый годъ, послѣ равнаго ужина, хозяйка чиститъ гуся, индюка и курицу: приготовляетъ припасы, необходимые для печенія «хачапуребі»—одного большого, «общаго»¹ и нѣсколькихъ малыхъ, для каждаго въ семьѣ особый; внести въ избу дрова и ложится спать, какъ и вся семья. Съ первымъ пѣтухомъ хозяйка уже на ногахъ и принимается жарить птицу на рожнѣ и печь «хачапуребі». Вслѣдъ за хозяйкой встаютъ и остальные члены семьи. Раздаются выстрѣлы. Сынъ отправляется за водой и приноситъ ее молча², т. е. ни съ кѣмъ не говоря ни при уходѣ за водой, ни до возвращенія домой. Когда онъ подойдетъ къ двери и попросить, чтобы ему отворили, мать спрашиваетъ его: „Ра могаѣвс?“—„Мхвзиса да батоніс ткалоба!“ отвѣчаетъ сынъ. „Что несешь?“—«Милость Бога и государя!» Этотъ вопросъ

¹ Стран. 5: „Общимъ“ бываетъ самый большой пирогъ, съ сыромъ и яйцами.

² Вып. X. Отд. I, стран. 84. У сванетъ: „Въ Новый годъ рано утромъ мужчина и женщина, ядя для моленія къ ближайшему источнику съ провизіей и ведя туда быка, не должны не только говорить, но даже дышать такъ, чтобы другой слышалъ“.

и отвѣтъ, какъ и ниже слѣдующіе, произносятся три раза. «Хентіцем ра шамоѡвала?» продолжаетъ спрашивать мать; а сынъ ей въ отвѣтъ отъ имени царя: «Рогорц ме вдідребоде, ісе ѡѡвенц мдідребодез!» «Что царь повелѣлъ (сказать)?» — «Какъ я богатѣю, такъ и вы богатѣйте!» Вдругъ дверь отворяется и мать выплескиваетъ сыну въ лицо кружку воды. Когда жаркое и пироги готовы, хозяйка все это кладетъ на подносъ (или на чашку); ставитъ туда же тарелку съ зернами гоми и вукурузы, смѣшанными съ небольшимъ количествомъ соли, кладетъ конфеты и яблоки—тѣхъ и другихъ по числу членовъ семьи, рассчитывая на всякаго члена по одной штукѣ. Въ каждое яблоко всажена серебряная монета. Сверхъ всего этого хозяйка ставитъ на подносъ ставанъ съ водой. Теперь домашніе, обнаживъ головы, становятся вокругъ огня, разведеннаго посрединѣ избы; а хозяйка, взявъ подъ лѣвую руку означенный подносъ, въ правую же кувшинъ съ виномъ, начинаетъ обходить около огня въ кругу своихъ; обойдя три раза, она опускаетъ подносъ на стулъ, а кувшинъ на полъ. Тутъ всѣ подходятъ поочереды къ подносу и доѣ и вращаютъ ихъ на мѣстѣ, дѣлая то же особо и со стаканомъ, стоящимъ на подносѣ. По окончаніи этого, хозяйка сперва высыпаетъ по избѣ горстями вышеупомянутыя зерна, при чемъ высказываетъ разныя пожеланія, съ характеромъ которыхъ мы уже знакомы; а затѣмъ поздравляетъ семью съ Новымъ годомъ. Когда члены семьи поздравятъ другъ друга, хозяйка раздаетъ конфеты и яблоки. Каждый, вынувъ изъ своего яблока монету, третъ себѣ ею глаза, въ чаяніи богатства¹. Въ заключеніе всего семейство садится за столъ покушать. Предъ каждымъ является на столѣ «хачапури», приберегаемый, однако, къ обѣду; на «хачапури» кладутъ яблоко и конфеты. Изъ «общаго хачапури», лежащаго посреди стола, вы-

¹) Стран. 8: „Члены семьи оцупиваютъ обнесенныя вокругъ дома въ лоткѣ драгоценныя вещи, что служитъ символомъ обогащенія“.

рѣзываютъ въ центрѣ кружокъ, который отдаютъ собакамъ; остальную часть пирога дѣлятъ тогда же между членами семьи. Послѣ закуски всѣ идутъ въ церковь, впрочемъ, вромѣ одной изъ женщинъ, на которую возлагается обязанность испечь къ обѣду свѣжій хачапури и наварить гоми.

Передъ Новымъ годомъ вырѣзываютъ гибкую трость и гнутъ ее въ кольцо, къ которому накрестъ приерѣпляють двѣ «чичилаки»; на концы послѣднихъ, выдающіеся наружу, натыкають четыре яблока. Въ такомъ видѣ это кольцо держатъ гдѣ-либо въ домѣ до Крещенія, когда кольцомъ имѣеть право воспользоваться тотъ, кто раньше проснется: онъ будетъ считаться счастливейшимъ въ семьѣ¹.

Утромъ въ Новый годъ является въ домъ «мепехури»², посторонній поздравитель, еще раньше запрошенный на поздравленіе за свою счастливую ногу, могущую принести счастье другимъ людямъ³. Когда «мепехури» произнесетъ обычное поздравленіе и выскажетъ благопожеланія, его угощаютъ закуской. Онъ, въ случаѣ ранняго прихода, въ иномъ домѣ попадаетъ на первую въ тотъ день семейную закуску. Въ Симонетахъ мепехури приходитъ съ револьверомъ или съ ружьемъ, изъ которыхъ онъ стрѣляетъ послѣ закуски то въ самомъ домѣ, то во дворѣ. Въ с. „Сапехчіа“ иной «мепехури» тоже является съ огнестрѣльнымъ оружіемъ; но въ Са-

*Сапехчіа,
Оаширы и
Симонеты,
Кут. у.*

¹) Стран. 5: „Предъ самымъ новымъ годомъ хозяинъ отправляется въ лѣсъ и заготавливаетъ такъ называемыя „чичилаки“; это—выструганныя палочки орѣховаго дерева, сложенныя накрестъ и обвитыя кольцами шиповника, что знаменуетъ Иисуса Христа, распятаго на крестѣ съ терновымъ вѣнцомъ на головѣ. Одинъ изъ такихъ деревянныхъ крестовъ ставится надъ дверями жилого помещенія, другой—надъ дверями „марани“, третій ставится надъ погребами, въ которыхъ хранится вино; четвертый—надъ дверями амбара и т. д.

²) „Меперхѣ“ приходитъ въ тотъ или въ другой домъ, обыкновенно, на другой или на третій день новаго года“.

³) „Нога у „меперхѣ“ должна быть „счастливая“, т. е. иначе говоря, онъ долженъ принести въ тотъ домъ, въ который приходитъ, миръ, спокойствіе и, вообще, всякое добро“.

цирахъ „мепехурѣбі“ ходять поздравлять безъ всего тако го. Въ Симонетахъ, селеніи большомъ, этихъ поздравителей бываетъ до ста. У каждаго поздравителя бываетъ по три-четыре дома, которые нужно посѣтить,—и не смотря на малое число визитовъ, иной „мепехурі“ затягиваетъ ихъ за полдень. Послѣ побывки мепехурі, какъ мы уже выше сказали, доступъ въ дома открытъ и гостямъ. Въ Садирахъ въ гости ходять вечеромъ, а до того времени ограничиваются свиданіемъ на улицахъ¹.

*Озургетскій
уездъ Кут.
уб.*

Въ ночь передъ Новымъ годомъ счастливѣйшіи въ семьѣ ложится спать на дворѣ. Утромъ онъ идетъ въ домъ для «бедоба» — поздравить своихъ съ Новымъ годомъ и пожелать имъ всякихъ благъ. Поздравитель несетъ съ собою вареное гоми и медъ. Войдя, онъ говоритъ: „Вступаю и поздравляю съ Новымъ годомъ! Дай Богъ, чтобы всѣ животныи умножились, какъ эти зернышки гоми, и чтобы вы провели этотъ годъ такъ же сладко, какъ сладокъ этотъ медъ!“ Сказавъ это, поздравитель ударяетъ нѣсколько разъ въ горящую головню и выбиваетъ изъ нея искры, произнося при этомъ слѣдующее: «Дай Богъ, чтобы у васъ было столько коровъ, сколько искръ (при одномъ ударѣ въ головню), столько лошадей (при другомъ), и т. д.»² Наконецъ онъ даетъ каждому изъ семьи гоми и меду, чтобы сладко ѣлось и жилось.

¹) Стран. 3: „Въ продолженіе цѣлой недѣли имеретинъ совершенно замкнутъ въ своемъ тѣсномъ семейномъ кругу; ни къ одному сосѣду онъ не приходитъ съ поздравленіями; точно такъ же, какъ ни одинъ сосѣдъ и къ нему не пойдетъ, не только съ поздравленіями, но и за дѣломъ“.

²) Стран. 4: „Въ нѣкоторыхъ крестьянскихъ домахъ, за недостаткомъ гоми, „меперхэ“ ударяетъ ногою или палкою по горящимъ полѣвьямъ и при поднатіи искръ высказываетъ извѣстныя благопожеланія о богатствѣ хозяевъ и обиліи скота“.

Вып. X. Отд. I, стран. 83. У сванетъ: „Наканунѣ новаго года дерево („хул“) однимъ концомъ кладутъ въ огонь, а другой конецъ его намазываютъ тѣстомъ; на тѣсто кладутъ шерсть и втыкаютъ туда же шило и, ударяя по шилу, переламываютъ три хлѣба на нѣсколько кусковъ и при каждомъ ударѣ хлѣба по шилу произносятъ три раза названія каж-

Раннимъ-рано въ Новый годъ, когда семья сядетъ за столъ, отецъ поздравляетъ ее съ Новымъ годомъ, а остальные члены семьи въ это время должны соблюдать глубочайшую тишину; затѣмъ глава семейства самъ подаетъ каждому предназначенную ему часть—жареную курицу: къ этому дню куръ откармливаютъ по числу душъ въ семьѣ.

Въ Новый годъ пытаются потушить свѣчу ружейнымъ выстрѣломъ. Кому это удастся съ перваго выстрѣла и при томъ безъ поврежденія свѣчи, для того годъ будетъ счастливымъ; кому только со второго—третьяго, тому не имѣть счастья въ году.

Въ Новый годъ выбираютъ яйцо, которое покруглѣе, и *Сахара, Шпрот. у.* водятъ имъ по спинамъ животныхъ, чтобы они сдѣлались жирными и кругленькими, какъ яйцо¹.

Въ какомъ настроеніи духа случилось вамъ быть наканунѣ Нового года, такое настроеніе будете испытывать въ теченіе года: весело вамъ было, цѣлый годъ будете веселиться; скучали, весь годъ проскучаете. Если въ канунѣ Нового года были съ вами какіе-нибудь случаи, они повторятся въ году². *Кулаши.*

Въ Новый годъ надо встать до пробужденія птичекъ и, поѣвъ чего-нибудь, сказать птицѣ или животному, когда онѣ проснутся: «Міцобніа», «я побѣдилъ»!—Это говорится и при употребленіи въ пищу какой-либо новинки³.

дой домашней скотины, напр.: это корова, это корова, это быкъ, это быкъ, т. е. столько коровъ, столько быковъ и т. д. и такимъ образомъ просятъ Бога объ умноженіи имъ скотины“.

¹⁾ В. Л. стран. 5: „Ховинцъ, поздравляя животныхъ цилиндрическими пирогами, съ сырцомъ и яйцами, говорить: „Поздравляю васъ съ новымъ годомъ, будьте полны, какъ вотъ эти пироги!“

²⁾ Стран. 6: „Новый годъ для имеретинскихъ дѣтей имѣетъ значеніе исправительное. Дѣтямъ заранѣе внушается старшими, что въ Новый годъ они должны быть образцомъ послушанія... Кто дурно будетъ вести себя на Новый годъ, тотъ и весь годъ будетъ отличаться дурнымъ поведеніемъ“.

³⁾ Стран. 6—7: „Существуетъ повѣріе, кто изъ дѣтей раньше другихъ встанетъ на Новый годъ и закуситъ чѣмъ-нибудь, тотъ и побѣдитъ,

Если утромъ въ Новый годъ войдетъ въ домъ нищій, хозяевамъ этого дома цѣлый годъ ни въ чемъ не будетъ удачи¹.

Бутאיםъ. Между тѣмъ какъ взять у нищаго сдачу, въ какой-бы то ни было день, и сохранить ее—хорошо: всегда будешь имѣть деньги.

Въ Новый годъ:

Кирилъ. надѣнешь старое—весь годъ будешь носить старое; „не поставишь зубовъ на серебряныя деньги“, т. е. не возьмешь послѣднихъ въ зубы—въ томъ году не добудешь денегъ; кто убьетъ что-нибудь изъ ружья, для того въ наступающемъ году будетъ удачная охота;

убить курицу надъ виноградникомъ—будетъ урожай винограда.

Сацеры. Подмевши избу, соръ уносятъ въ виноградникъ, куда несутъ съ собой „хачапури“ и бутылку вина. Въ виноградникѣ соръ разсыпаютъ по сторонамъ и высказываетъ желаніе, чтобы хорошій былъ урожай винограда; а затѣмъ тутъ же съѣдаютъ весь „хачапури“ и изъ бутылки отпиваютъ значительное количество вина, —остальное же вино относятъ къ «чурі», вкопанной въ землю, надъ которой и допиваютъ его.

Отвѣдываніе вина.

Сакара, Шароп. у. Вино совсѣмъ готово къ первому ноябрю, но отвѣдываніе его, въ первый разъ, только въ Новый годъ. Хозяинъ съ

т. е. будетъ во всемъ преуслѣвать въ теченіе цѣлаго года. Для этого каждому изъ дѣтей дается еще съ вечера по пирожку, чтобы они могли побѣдить“.

Съ своей стороны мы должны сказать, что желаніе „побѣдить“ при-суще и взрослымъ имеретинамъ; чѣмъ же, какъ не этимъ, объясняется ранняя закуска семьи въ Новый годъ. Крестьянка изъ Сацерь, с. Кут. у. говоритъ: „Вдять для того, чтобы и въ теченіе всего года было что ѣсть и не пришлось бы терпѣть нужды“.

¹⁾ Стран. З: „Принятіе въ днѣ новогодней недѣли кого-бы то ни было въ свой домъ считается весьма рискованнымъ: отъ „счастливой или несчастливой ноги“ переступившаго порогъ дома зависитъ судьба цѣлой семьи въ наступающемъ году“.

батракомъ (или одинъ хозяинъ), взявъ глиняный кувшинъ (имер. доѣ, груз саѣвине), черпалку изъ горькой тывы („оршимо“ или „хрѣва“) и хачапурѣ, идутъ въ марани, винный погребъ, гдѣ вкопаны въ землю большіе глиняные сосуды для вина, называемые на грузинскомъ языкѣ „чуребі“ и напоминающіе собою древній сосудъ „πίθος, dolium“, служившій для храненія жидкостей (преимущественно воды, вина и масла). Въ марани они открываютъ „чурѣ“, снявъ съ нея сперва слой обыкновенной и глинистой (для замазки) земли, а затѣмъ лубокъ или дощечки, и достаютъ изъ сосуда черпалкой етавана три-четыре вина, которое тутъ же отвѣдываютъ, а остатокъ его изъ черпалки выливаютъ въ „доѣ“. Изъ марани хозяинъ или батракъ идутъ съ этимъ доѣ и съ хачапурѣ въ виноградникъ, гдѣ одинъ изъ нихъ долженъ очистить девять виноградныхъ лозъ, выпивая понемногу вина и закусывая ватрушкой по очисткѣ каждой лозы.

Въ великую пятницу, которая называется „красной“, ибо въ этотъ день помнится пролитіе крови Спасителя и красятъ яйца, вино отвѣдываютъ вторично, но только красное, — чтобы оно ежегодно водилось въ „чурѣ“.

Въ Новый годъ, собираясь отвѣдать вино, приглашаютъ *Абаши*. священника, который является въ домъ съ діакономъ. Ихъ встрѣчаютъ у воротъ мужчины какъ изъ семьи хозяина, такъ и изъ пришедшихъ по этому случаю гостей; тутъ же бывають и дѣти, но безъ различія пола. Женщины въ это время стоятъ посреди двора. Находящіеся у воротъ, привѣтствовавъ церковный причтъ, пропускаютъ его впередъ, а сами длинной вереницей идутъ попарно вслѣдъ за нимъ. Шествіе, замыкаемое дѣтьми, направляется къ марани. Подходятъ сюда и женщины. Когда мужское общество со священникомъ и діакономъ войдутъ въ винный погребъ, хозяинъ открываетъ всѣ „чуребі“ съ виномъ, и священникъ начинаетъ служить молебень. Послѣ освященія вина всѣ садятся за

столы, накрытые варанѣе: одинъ столъ поставленъ въ марані для священника, діакона, хозяина и другихъ особъ мужского пола, близкихъ хозяину; а прочіе столы стоятъ на галлерей при марані и въ устроенномъ возлѣ этого погребѣ шатрѣ, предназначенные для остальныхъ гостей. Начинается пирушка, устраиваемая собравшимися сосѣдами въ складчину, какъ и шатеръ воздвигается общими ихъ усиліями. На столъ подаютъ священнику жареную индѣйку, діакону жареную курицу и имъ обимъ жаренаго поросенка. Всѣ остальные члены собранія, съ хозяиномъ во главѣ, ѣдятъ вареное бычачье мясо; въ случаѣ недостатка его, для нихъ еще закалывается кабанъ. Священникъ и діаконъ изъ любезности могутъ предложить сидящимъ съ ними за однимъ столомъ части индѣйки и курицы; но поросенкомъ они не дѣлятся и сѣдаютъ его сами,—а случатся остатки, уносятъ ихъ домой. Предпочтеніе духовнымъ лицамъ, кромѣ подачи имъ отборныхъ яствъ, выражается еще тѣмъ, что предъ ними ставятъ бѣлое вино; между тѣмъ какъ остальное собраніе, опять же не исключая хозяина, пьетъ красное вино, которое сортомъ ниже бѣлаго. Во время обѣда пирующие посылаютъ отъ одного стола къ другому стаканы вина, предназначенные людямъ почтеннымъ и уважаемымъ; стаканы разносятъ дѣти. Передъ уходомъ домой священникъ еще разъ окропляетъ святою водою сосуды съ виномъ и все собраніе. Священника и діакона, за исполненіе этой требы, благодарятъ деньгами и сверхъ того посылаютъ имъ на домъ вино и хлѣбъ. Существуетъ повѣрье: если священнику ничего не дать за освященіе вина, то онъ за обѣдней произнесетъ про себя такое ужасное слово, что черезъ мѣсяцъ послѣ того у хозяина, не возблагодарившаго свлщенника матеріально, заболѣютъ дѣти; да и мирянинъ, если захочетъ кому-либо отомстить, то въ церкви, ставя свѣчу, высказываетъ дурное пожеланіе для недруга. Когда священникъ и

діаконъ уйдуть съ пирушки, оставшіея гости усаживаются виѣстѣ, и имъ подается бѣлое вино. Начинается шумное веселіе, которое до тѣхъ поръ сдерживалось присутствіемъ пастыря.

На второй или на третій день Пасхи послѣ молебна, *Джиганми*. отслуженнаго въ марани или въ домѣ, отвѣдываютъ вино изъ „сапуршао“, какъ называется „чурі“, въ которой содержится пробное вино, „принадлежащее скрягѣ“: „пуршао“, скряга. Мнимое скряжничество хозяина этой чури заключается въ томъ, что онъ, по обычаю, не даетъ содержащагося въ ней вина ни гостямъ, ни даже дочери, вышедшей замужъ и живущей своимъ домомъ, но явившейся къ отцу на празднество. Пробное вино могутъ пить только священникъ, хозяинъ и семья его, живущая съ нимъ въ одномъ домѣ нераздѣльно; даютъ этого вина и тѣмъ изъ рабочихъ, которые прослужили у хозяина не меньше года.

Кувшинъ съ виномъ, посылаемымъ на пробу, не слѣдуетъ покрывать никакими листьями и, въ особенности, листьями того винограда, изъ котораго выдѣлано вино; а иначе уменьшится доходъ, который долженъ поступить отъ продажи того же вина. *Кюирли.*

Въ томъ же мѣстечкѣ существуетъ такое повѣріе относительно сбереженія вина: когда полощатъ „чурі“, нельзя ѣсть ни горькаго, ни сладкаго, а въ противномъ случаѣ вино, наливаемое въ нее, закиснетъ“.

Зедаши (Слов. Чубинова: „зедаше“, церковное вино).

Во время сбора винограда и приготовления вина наливаютъ одинъ кувшинъ „зедаши“, какъ называется вино, предназначенное для пожертвованія въ церковь. „Зедаши“ и съ нимъ пять просфоръ домашняго приготовления приносятъ къ обѣднѣ и отдають церковному старостѣ для врученія священнику. Священникъ употребляетъ то вино для совершенія таинства причащенія. „Зедаши“ собственно церкви жертвуется *Кварели. Теласк. у.*

немного, а большую часть его распивают сами хозяева и ихъ пріятели на паперти. Но нѣкоторые, не удѣляя церкви ни капли „Зедаши“, являются исключительными его потребителями.

Гаданіе.

*Кутаисъ и
Кулаши.*

Въ Кутаисѣ въ ночь подъ Рождество, подъ Новый годъ и Крещеніе или въ промежуточные между этими праздниками дни, а въ Кулашахъ передъ масляницей гадающіе смотрятъ въ зеркало, имѣя позади себя другое зеркало, передъ собою же по обѣимъ сторонамъ свѣчи; глядятъ неподвижно и ни съ кѣмъ не говорятъ. Гадающимъ въ зеркалѣ покажется суженый или суженая, а то и гробъ со священникомъ. Последнее предвѣщаетъ гадающему скорую смерть¹.

Въ Сакара суженую высматриваютъ въ зеркалѣ предъ Рождествомъ или предъ Крещеніемъ, а въ Эки подъ Пасху—тамъ и здѣсь начиная съ десяти часовъ вечера. Сзади себя другого зеркала не ставятъ.

*Тифлисъ,
Цитицхару.
Кутаисъ.*

Греческія и армянскія дѣвушки въ недѣлю блуднаго сына (предпоследняя недѣля предъ сырной) въ пятницу ничего не ѣдятъ до вечера, а подъ вечеръ пекутъ маленькій хлѣбецъ изъ двухъ наперстковъ муки и одного наперстка соли, который съѣдаютъ передъ сномъ. Ночью имъ приснится человекъ, который подастъ напитокъ: онъ—то и есть суженый. Такой же способъ гаданія существуетъ, какъ говорятъ, и среди имеретинскихъ дѣвушекъ въ Кутаисѣ. Гречанки и имеретинки, приготовляясь къ гаданію, не довольствуются однодневнымъ постомъ въ означенную пятницу, но соблюдаютъ его въ теченіе всей недѣли гаданія; тогда какъ армянскія дѣвушки, принадлежащія къ армяно-григоріанскому вѣроисповѣданію, постятся эту недѣлю, какъ и слѣдующую за ней, по церковному уставу.

¹) Тотъ же способъ гаданія практикуется и бѣлоруссами.

Въ день передъ масляницей дѣвушка ничего не ѣсть и не пьетъ, а передъ сномъ сѣдаетъ очень маленькій и пресоленный хлѣбецъ. Во снѣ она увидитъ мужчину, подающаго ей воду для питья—впослѣдствіи онъ будетъ ея мужемъ. *Кулаши.*

Если дѣвушка или молодой человекъ хотятъ угадать своихъ суженыхъ, они должны воздержаться отъ пищи и питья воды въ одинъ изъ дней сырной недѣли—въ понедѣльникъ, среду или пятницу, а вечеромъ постнаго дня испечь лепешку изъ двухъ частей муки и одной части соли и сѣсть эту лепешку передъ тѣмъ, какъ ложиться спать. Во снѣ суженый или суженая подастъ имъ воды; если суженые богаты—вода подается въ серебряной посудѣ, бѣдны—въ жестяной или глиняной. Если же посуда сломана—суженымъ будетъ вдовецъ, а суженой—вдова. *Сакара.*

Молодой человекъ, желающій увидѣть во снѣ суженую, долженъ въ томъ домѣ, гдѣ находится въ гостяхъ первый разъ, похитить со стола кусокъ мяса, обмануть его въ соль и завернуть въ платокъ, а принеши домой, положить передъ сномъ подъ подушку.

Шляпу огурца насаживаютъ себѣ на лобъ, чтобы узнать, любитъ ли ихъ тотъ, на кого загадываютъ: если она долго держится на лбу—любитъ; сейчасъ отпадаетъ—не любитъ. *Кутаисъ.*

У грековъ и армянъ за день до Вознесенія, во вторникъ, сходится нѣсколько дѣвицъ, изъ которыхъ вызываются охотницы собирать цвѣты и траву. На вызовъ откликаются обыкновенно двѣ-три дѣвушки. Эти на другой день, вставши до восхода солнца и умывшись, берутъ ведро и идутъ съ нимъ на лугъ, храня въ пути глубокое молчаніе, какъ и на лугу во время сбора цвѣтовъ и травъ, которые кладутъ въ ведро, предварительно насыпавъ въ него немного песку; наливъ туда еще немного воды, дѣвушки возвращаются домой. Тутъ являются къ нимъ подруги ихъ,—и всѣ вмѣстѣ начинаютъ странствовать по селу, распѣвая пѣсни по-татарски и нося

при себѣ ведро съ зеленью. Въ домахъ, куда онѣ заходятъ, бросаютъ имъ въ ведро разныя вещи: кольца, наперстки, булавки и др. Желаящими угадать свою судьбу оказываются дѣвицы и замужня, холостые и женатые. Кромѣ того гадательницамъ даютъ—гдѣ хлѣбъ, а гдѣ сыръ, гдѣ яйца, а гдѣ куръ, дарить и деньги. Для сѣдомаго дѣвушки носятъ съ собою мѣшокъ или корзину. Такъ ходятъ онѣ до вечерни. Когда же въ церкви ударятъ въ колоколъ, дѣвушки, ходившія на лугъ, несутъ означенное ведро въ церковь, гдѣ ставятъ его передъ этой иконой и оставляютъ ведро въ церкви. Въ день Вознесенія эти самыя дѣвушки вторично собираютъ на лугу цвѣты и траву, опять встаютъ для этого очень рано и соблюдая требуемое молчаніе: вновь собранное попадаетъ въ то же ведро. Послѣ обѣдни священникъ опрокидываетъ ведро зелени святой водой, и дѣвушки уносятъ этотъ сосудъ въ домъ, который просторнѣе и выбранъ заранѣе. Здѣсь сперва обѣдаютъ, вкушая пищу, приготовленную изъ тѣхъ продуктовъ, что были поданы гадательницамъ въ среду; а послѣ обѣда всѣ присутствующіе, которыхъ бываетъ много, выходятъ на дворъ. Одна изъ дѣвицъ, собиравшихъ зелень, одѣтая царицей (свадебная, „дедоцали“) составляетъ около себя кружокъ подругъ; а за этими образуется кругъ старшихъ. „Дедоцали“, съ закрытымъ лицомъ, запѣваетъ татарскую пѣсню; подружки вторятъ ей. Эта пѣсня слѣдующая:

فید جا ق فید جا ق فیل اول (فول)	Фіцак, фіцак, феіі ола
ایچی دولو کل اول	Ісі долу гүі ола
فید جا قه کلن قینلار	Фіцака галән гызлар
دیلمکی قبول اول	Ділагі кабул ола

ايشدیم ايشدیم قوم چيندى	Ешдiм ешдiм гум	чыхды
قومدان (اوندان) مبارک چيندى	кумдан (ондан) мўба-	рiк чыхды
دام اوستنده دم خانه	Дам ўстўнда дiмханi	
ايچنده شراب خانه	Ичiндi шiрaбханi	
توكميون گل صوينى	Тiкмиўн гўл суйны	
ملك كله يايچانه	Малiк кiлe яичанe.	

Принимая во вниманiе двоякое значенiе слова „фиджакъ“—во-первыхъ, особый родъ гаданiя съ припѣвомъ, при которомъ употребляется ведро, во-вторыхъ, самое ведро—первый стихъ можно переводить двояко:

„Фиджакъ, фиджакъ предугадаетъ, [Или: ведро, ведро, будетъ гаданье!] Средина полна цвѣтовъ. Да исполнится желанiе дѣвицъ, пришедшихъ на фиджакъ! Искала, рыла—оказался песокъ. Изъ песку (изъ него) вышла благодать. Надъ домомъ—мѣсто увеселенiя, а внутри—мѣсто распивки вина. Не выливайте розовой воды: ангелъ придетъ купаться.

„Дедоцали“, пропѣвъ эту пѣсню, достаетъ изъ ведра какую-либо вещь и держитъ ее, зажавъ въ руку, до тѣхъ поръ, пока другiя дѣвушки не пропоютъ, по-татарски же, стиха два изъ пѣсни, какая первая придетъ имъ на память; а послѣ этого „дарица“ показываетъ вещь и вручаетъ ее по принадлежности. Такъ производится гаданiе и дальше, съ неизбѣжнымъ „фиджакъ“ предъ вниманiемъ каждой вещи изъ ведра. Если стихи, пропѣтые при этомъ, веселаго содержания, то собственнику вещи предстоитъ счастье; а печальные стихи—къ несчастью¹.

¹) Вып. VI. Отд. I, стран. 130—131. Девяноширскiй уѣздъ Елисаветпольской губ.: „Во всѣхъ почти армянскихъ селенiяхъ, въ день Вознесенiя (Амбардумъ) дѣвушки ходятъ по домамъ съ букетами дикихъ цвѣ-

Сацеры.

Приводимъ пѣсню, которую поютъ дѣвицѣ, если не хотятъ, чтобы она вышла замужъ, и замужней женщинѣ, когда желаютъ, чтобы поскорѣй умеръ ея мужъ, а сама она надѣла бы трауръ. Въ концѣ каждаго стиха этой пѣсни припѣвъ „вѣва“.

„Самоселі амовчері,
Момівіда уганурі.
Бічо, рас момчеребіхар?!
Ме ар мінда умарулі.
Гвріті шамоцда ціхеса;
Бімбілі гапавебіа.
Рамац ѓалма ме магінос,
Гвіргвіні гапавебіа!

Я отрѣзала кусокъ матеріи, (платье) вышло узко. Парень, зачѣмъ смотришь на меня?! Мнѣ не нужно бѣлилъ. Голубь сѣлъ на тюрьму; хохолокъ его почернѣлъ. Женщина, которая будетъ меня ругать, пусть почернѣетъ подъ вѣнцомъ (относительно дѣвицы—чтобы она не надѣла свѣтлаго вѣнчального платья).

Свадебные повѣрія и обряды.

От. Оснаки.

Предъ вѣнцомъ женихъ ѣдетъ въ невѣстинъ домъ въ сопровожденіи дружины, состоящей человекъ изъ десяти, называемыхъ „макребі“ (шафера, дружки). При вѣздѣ ихъ ту-

товъ, которые мѣняютъ на масло, крупу, куръ и др. съѣстные припасы. Обошедши всѣ дома, онѣ выбираютъ удобное мѣсто, гдѣ, изъ собранныхъ припасовъ, готовятъ себѣ кушанья, которыя тутъ же и ѣдятъ. Послѣ этого дѣвушки садятся на землю, составляя кругъ, и хоромъ поютъ армянскія пѣсни; по окончаніи каждаго куплета, сыпящая по серединѣ дѣвушка вынимаетъ изъ закрытой чашки жребій, по которому и гадаютъ. Въ Саровѣ же этотъ дѣвичій праздникъ совершается въ продолженіе Преображенскаго поста, при чемъ мѣстныя дѣвушки поютъ пѣсни только на татарскомъ языкѣ“.

да во дворъ, одинъ „макарі“ стрѣляетъ изъ пистолета¹: если выстрѣлъ раздастся—у вступающихъ въ бракъ первымъ ребенкомъ будетъ сынъ, осѣчка произойдетъ—дочь. Затѣмъ женихъ и невѣста («меѣ да дедоѣали», или „царь и царица“ срав. съ русск. „князь и княгиня“) вмѣстѣ ѣдутъ къ вѣнцу.

Невѣста, становясь передъ налоемъ, старается наступить жениху на ногу, чтобы потомъ властвовать надъ нимъ. *Цинцгару*

Кто изъ молодыхъ первый станетъ на коверъ, посланный предъ налоемъ, тотъ будетъ первенствовать въ семейной жизни. *Кутайск.*

Дурная примѣта, если во время вѣнца или женихъ смѣется, или невѣста блѣдна.

Если дѣвица хочетъ поскорѣе выйти замужъ, должна оторвать отъ фаты невѣсты лоскутокъ.

Во время вѣнца мальчикъ, лѣтъ 14—15, въ церкви долженъ поставить предъ иконой пятикопечную свѣчку и помолиться Богу, если хочетъ, чтобы такая-то дѣвушка вышла замужъ; и что же?—свадьба этой дѣвушки состоится въ теченіе одного мѣсяца. *Эки.*

Во время вѣнчанія никто изъ причастныхъ къ свадебно-му торжеству, находящихся въ церкви, не долженъ прислоняться къ стѣнѣ; а иначе новобрачные когда-либо могутъ развестись. *Джиджанин.*

¹) Прирола и люди на Кавказѣ и за Кавказомъ. П. Надеждина. Изъ „Тысяча восемьсотъ второй годъ въ Грузіи“. Н. Дубровина: „Одинъ изъ макреби, поѣзжанъ, именуемый „махаробели“, вѣщатель радости, посылается въ домъ невѣсты для предупрежденія, что „меѣ мобзандеба“ (царь ѣдетъ). Этотъ макарі, подѣхавъ къ дому невѣсты, производитъ выстрѣлъ, затѣмъ вѣзжаетъ во дворъ, откуда съ подобающими церемоніями его вводятъ въ саклю. Здѣсь онъ, опороживъ глиняную чашку, наполненную виномъ, бросаетъ ее со всего размаха въ потолокъ и разбиваетъ въ дребезги и, обращаясь къ хозяину, приговариваетъ: „Вотъ такъ разсыпятся всѣ враги твои...“ На дворѣ слышны ружейные выстрѣлы, пѣсни, крики и шумъ. „Меѣ мобзандеба“ (царь ѣдетъ) слышится со всѣхъ сторонъ и на разные голоса. Женихъ пріѣхалъ со святой...“

Кутаисъ. Послѣ вѣнца, при выходѣ молодыхъ изъ церкви, имъ подносятъ пашку, и кто изъ нихъ вступитъ на нее первый, тотъ и будетъ главенствовать ¹.

Средство подчинить мужа своей власти.

При освященіи церкви замужняя женщина должна дать священнику новый чистый платокъ. Священникъ будетъ имъ вытирать всѣ церковные сосуды, а затѣмъ возвратитъ его по принадлежности. Женщина, обладая такимъ платкомъ, котораго никогда не должна мыть, возымѣетъ на своего мужа большое вліяніе.

*Кутаисъ,
Цинцгару.*

По совершеніи вѣнчанія двое мужчинъ (шафера—въ Кутаисѣ) становятся предъ церковною дверью и пропускаютъ молодыхъ изъ церкви подъ обнаженными и нагрѣты сложенными пашками. Въ Кутаисѣ и выпускаютъ такъ новобрачныхъ въ домъ, по приѣздѣ ихъ отъ вѣнца ².

Кутаисъ.

Когда молодые возвратятся изъ церкви, для нихъ кладутъ на порогѣ дома тарелку: первый идетъ женихъ и ударяетъ ногою по тарелкѣ, слѣдующая за нимъ невѣста дѣлаетъ то же: тарелка разбита, и идущіе за новобрачными шафера и подруги ударяютъ уже по черепкамъ ея.

Кулаши,

Кутаисъ.

И здѣсь послѣ вѣнца молодой ломаетъ тарелку ногою.

Когда молодые ѣдутъ въ вѣнцу, а въ это время идетъ дождь,—значить, невѣста вымазывала когда-либо остатки пицци въ горшкѣ хлѣбомъ. То же заключеніе дѣлаютъ о женихѣ, если пойдетъ дождь, по приѣздѣ молодыхъ въ домъ жениха.

¹) Поверхъ павдазы, куска шелковой матеріи, посланной предъ наюемъ, кладутъ сабли, на которыя становятся новобрачные—и кто первый наступитъ на саблю, тотъ изъ нихъ будетъ властвовать въ будущемъ семействѣ.

²) Изъ той же статьи Н. Дубровина: „Шаферъ, скрестивъ сабли надъ дверями церкви, пропускаетъ новобрачныхъ въ храмъ и подводитъ жениха съ невѣстою къ наюу“.

По другому варианту: если в день свадьбы идет дождь— жених когда-то чистил “бузани”, кухонный глиняный горшок¹.

Если в одной церкви в один и тот же день вѣнча- *Сакара.* ется три пары—счастлива будет только одна пара.

Семейная жизнь.

Женщина, проѣхавшая хоть разъ на катерѣ, никогда не *Кутаись.* будетъ имѣть дѣтей. (Повѣріе основано на томъ, что отъ катера не бываетъ жеребятъ).

Если катеръ жеребится, то (Нов.-Сенаки) отъ нея будетъ „Рапи“ (gaches pferd), быстрая, удалая лошадь—срав. съ нашей „Сивка-Бурка“.

Беременная женщина не должна ѣсть спарисшей, парныхъ орѣховъ,—а иначе родитъ близнецовъ.

Если беременная женщина в день Георгія (23 апрѣля) приложить къ какому-либо мѣсту на тѣлѣ лепестокъ любого цвѣтка—она родитъ ребенка, который будетъ имѣть родимый знакъ въ видѣ лепестка на соответственномъ мѣстѣ тѣла.

Беременная женщина, на девятомъ мѣсяцѣ беременности, и кормилица, до сорокового дня со времени родовъ, могутъ ходить по двору послѣ захода солнца не иначе, какъ взявъ въ ротъ кусочекъ хлѣба или прядь своихъ волосъ. Кормилица должна это дѣлать для того, чтобы оградить себя отъ колдуна, который можетъ отнять у нея молоко.

Когда женщинѣ пришла пора разрѣшиться отъ бремени, въ домѣ нельзя ничего держать запертымъ—ни комода, ни шкафа, ни чего-либо такого².

¹) Вып. XIII. Отд. I, стран. 111, рубр. 9. С. Татевъ Зангез. у. Елисавети. губ.: „Кто очиститъ котель, въ которомъ варилося кушанье, у того на свадьбѣ пойдеть свѣгъ“.

²) Вып. VI. Отд. II, стран. 161. Г. Ейскъ Кубанской области: „Все, что носить на себѣ, такъ сказать, замнутость, должно быть (во время родовъ) открыто, такъ напр., если коса у рожильницы заплетена,

Вечеромъ нельзя, не обогрѣвшись у огня, входить въ комнату роженицы; въ противномъ случаѣ за вошедшимъ туда послѣдуетъ злой духъ и сведеть роженицу съ ума.

Въ огражденіе родильницы отъ злого духа, протягиваютъ вокругъ ея кровати, до самаго потолка, рыбацьи сѣти [Кварели и Цинцхару, сс. Тифлисской губ.: сѣти лежатъ по краямъ постели], кладутъ подъ ея подушку винжалъ, а у порога топоръ. Злой духъ можетъ побояться топора и не посмѣетъ войти въ роженицѣ; но если это препятствіе не оставитъ его, онъ устрашитъ сѣтей, въ которыхъ долженъ запутаться, и винжала, о который, какъ и о топоръ, можетъ обрѣзаться—и никоимъ образомъ не потревожитъ родильницы¹.

Подъ кроватью родильницы ставятъ бутылку съ водою для того, чтобы она могла по прошествіи девяти дней умыться и освободиться отъ всего нечистаго².

Чтобъ оградить отъ злого духа и новорожденного младенца, кладутъ въ его люльку подъ подушку ножикъ съ черной рукояткой и уголек³.

то она непремѣнно расплетается, всѣ замки и двери въ домѣ должны быть отворены и раскрыты“.

¹) Тамъ же. Стран. 160: „Бабка-повитуха скрываетъ родильницу отъ постороннихъ глазъ за всевозможными занавѣсами, кладетъ, подъ ея постель вѣнчалыма кольца, свѣчи и проч. (Во время беременности многія женщины носятъ при себѣ, а также кладутъ подъ изголовье на ночь перочинный ножикъ,—чтобы отогнать злого духа и устранить его порчу).

Стран. 162: „Для огражденія новорожденного младенца отъ діавола, ставятъ около его колыбели святую воду, кладутъ херувимскій ладанъ и другіе священные предметы, которыхъ боится діаволъ и ихъ убѣгаетъ“.

²) Сбор. Вып. XIV. Отд. I, стран. 245. С. Варташенъ Нухинскаго у. Елисаветп. губ.: „Послѣ родовъ у нѣкоторыхъ женщинъ бываетъ сильное истечение крови, и онѣ лишаются чувствъ: удны говорятъ, что это дѣйствіе злого духа—„нал,“ и для предупрежденія этого подъ подушку женщины кладутъ винжалъ, шампуръ, чеснокъ, окружаютъ постель цѣпью.“

³) Стран. 253: „Если ребенка возьмутъ въ гости и тамъ заночуютъ, то въ его колыбель нужно положить ножикъ; такъ нужно поступать и дома, когда ребенокъ заснетъ въ колыбели, а мать выйдетъ во дворъ или въ садъ“.

Для того, чтобы у будущей кормилицы всегда было молоко, слѣдуетъ въ первый день первичнаго зачатія кушанья заправлять тою солью, которая куплена за нѣсколько дней предъ тѣмъ, и ни въ какомъ случаѣ не употреблять для приправы соли, купленной въ тотъ же день; нѣтъ дома соли—должно у кого-либо занять.

Чтобы у кормилицы появилось молоко, она должна по груднымъ железамъ нѣсколько разъ провести гребешкомъ.

Излишекъ молока, отцѣженный изъ груди кормилицы, нельзя выливать на дворъ, а слѣдуетъ выплескивать въ бухару (каминъ) или въ такое чистое мѣсто, гдѣ никто не ходитъ: несоблюденіе этого вызываетъ боль въ груди кормящей.

Въ четвергъ вечеромъ у кормилицы молоко начинаетъ убывать, въ пятницу его бываетъ очень мало, а въ субботу достаточно. Недостатокъ молока въ пятницу объясняютъ тѣмъ, что въ тотъ день торгуютъ молокомъ на базарѣ,—и про кормилицу въ шутку говорятъ: „гуляетъ по базару, торгуетъ молокомъ“.

Когда родится ребенокъ, Богъ на лбу младенца пишетъ *Джихамм*. время рожденія.

Вып. IX. Отд. II, стран. 110. У татаръ: „Иногда обнажаютъ мечъ или кинжалъ надъ головой рождающей“.

Природа и люди на Кавказѣ и за Кавказомъ. П. Надеждина. Изъ статьи „Тысяча восемьсотъ второй годъ въ Грузіи“. Н. Лубровина: „У грузинъ существуетъ повѣрье, что при родахъ нечистая сила въ образѣ змія старается напасть на новорожденного и задушить родильницу. Чаще же всего Али, духъ женскаго пола, преслѣдуетъ родильницъ. Онъ является имъ въ образѣ повивальныхъ бабокъ, умерщвляетъ дитя, а родильницу уводитъ и бросаетъ въ рѣку.“

ibid. „Молитва отъ Али прочитана, остается оградить младенца и родильницу отъ всякой дурной нечистой силы въ образѣ змія. Для этого учреждается ночная стража (гамисъ—тева), обязанная защищать ихъ отъ нечистой силы... Находяшіеся на гамисъ—тева размѣщаются на балконахъ, крышахъ или въ комнатахъ больной... Въ караулѣ этомъ принимаютъ участіе какъ мужчины, такъ и женщины. Они занимаются пядскою и пѣніемъ, а главное стрѣляніемъ изъ ружей, чтобы напугать нечистую силу и при случаѣ ранить или убить змѣя“.

- Кутаиси.* Сунешь въ ротъ новорожденному печеное яблоко—во всю жизнь ни разу не будетъ пристрастенъ къ водкѣ.
- Булаши.* Надѣвъ на новорожденного рубашечку, нужно повязать ее поясомъ, чтобы человекъ и на томъ свѣтѣ былъ препоясанъ, и не разсыпалъ бы тамъ цвѣтовъ (розъ), которые окажутся у него за пазухой. Отошедшій въ другой міръ безъ пояса будетъ проклинять свою мать за то, что она не препоясала его при рожденіи.
- Кутаиси.* Когда умретъ дитя, ему завязываютъ поясъ, чтобы оно не теряло на томъ свѣтѣ яблокъ, которыя тамъ же получить и положить за пазуху.
- Сакира.* Пройдетъ кто-нибудь между люлькой, въ которой покоится ребенокъ, и кроватью, на которой лежитъ мать,—смерть разлучить ребенка съ матерью.
- Чтобы новорожденный младенецъ имѣлъ крѣпкія ноги, научился скоро ходить и былъ сильнымъ, родители должны испечь большой хачапури и съѣсть его вмѣстѣ¹.
- Если причесать голову ребенку, въ возрастѣ до двухъ лѣтъ, волоса его будутъ плохіе и рѣдкіе.
- Сынъ, проклинаемый матерью, благословляется ея соседями,—проклинаемый отцомъ, благословляется его бородою.
- Сакара, Эки.* Перешагнувъ или перепрыгнувъ черезъ мальчика или дѣвочку, нужно сдѣлать тоже самое обратно; въ противномъ случаѣ эти дѣти не выростутъ.
- Кюрилы.* Если, услышавъ голосъ ребенка до году, не возьмешь

¹) Природа и люди на Кавказѣ и за Кавказомъ. П. Надеждина. Изъ статьи „Тысяча восемьсотъ второй годъ въ Грузіи“, Н. Дубровина: „Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Грузіи существовало обихованіе новорожденного мальчика обсыпать солью съ головы до ногъ. Увѣряютъ, что отъ такого дѣйствія младенецъ выйдетъ человекомъ крѣпкимъ, могучимъ и въ состояніи будетъ безъ всякаго опасенія перенести всѣ житейскія буря: у грузинъ соль—эмблема твердости, вкуса и набитія во всемъ“.

Тотъ же обычай обсыпать новорожденныхъ солью водится и у армянъ.

серебряныхъ монетъ въ правую руку—въ томъ году не приобрѣтешь денегъ.

Ударить малое дитя вѣзникомъ,—оно не выростетъ. *Ст. Сенаки.*

Если ребенокъ испускаетъ громко вѣтры—значить, при *Сацхры, Кутаисъ.*
рожденіи его рвали трипки.

Когда маленькій мальчикъ добровольно начинаетъ мести *Сачино.*
комнату—придетъ гость.

Предвѣщаетъ то же, если такой мальчикъ примется мес- *Кутаисъ.*
ти дворъ.

Платье, смоченное ребенкомъ, можно выкрутить, обливъ
сперва мокрое мѣсто его водою, а иначе ребенокъ будетъ су-
хой, худой.

Младенцу нельзя позволять цѣловаться, въ противномъ
случаѣ онъ долго будетъ нѣмъ.

Малыхъ дѣтей не слѣдуетъ сажать на столъ, а то умрутъ.

Чтобы ребенокъ хорошо спалъ, подъ его подушку нуж-
но положить заячьи уши¹.

Ребенка нельзя отпускать отъ себя въ отдаленные угол-
ки и подъ деревья, равно какъ и водить или носить въ „ма-
рани“, гдѣ пребываетъ свой ангелъ, „мараніс ангелові“—
чтобы ребенку не приключилось какой-либо болѣзни.

Сынъ походить на отца—къ горю, на мать—къ счастью.

Дѣтскій пупокъ бросаютъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ бываетъ

¹) Вып. XIII. Отд. I, стран. 114, рубр. 33. С. Татевъ Заигев. у. Елисавети. губ.: „Чтобы вызвать сонливость у кривлаго ребенка, къ подушкѣ послѣдняго пришиваютъ заячьи уши“.

Природа и люди на Кавказѣ и за Кавказомъ. П. Надеждина. Изъ статьи „Тысяча восемьсотъ второй годъ въ Грузин.“ Н. Дубровина. У грузинъ: „Какъ унять плачь неутомнаго? Остается привѣсить къ его колыбели ослиное коньто... Въ колыбель младенца кладутъ иногда собачій зубъ, потому что, по народному повѣрью, онъ ускоряетъ прорѣзываніе и роще-
ніе зубовъ младенца“.

Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. Н. Дубровина. У дагестанскихъ горцевъ: „Если камень, находящійся въ желудкѣ курицы (джу—джаджать) положить младенцу подъ подушку, ребенокъ будетъ не вздрагивая спать спокойно“.

много народу, для снисканія новорожденному всеобщей любви: если ребенокъ—сынъ духанщика (дѣловальника), пупокъ бросаютъ въ духанѣ (въ вабакѣ), чтобы родившійся, придя въ возрастъ и пользуясь людскою любовью, счастливо торговалъ въ духанѣ ¹.

Или пупокъ варываютъ на церковной паперти для того, чтобы носившій его любилъ посѣщать храмъ Божій и благоговѣнно присутствовалъ на церковныхъ службахъ.

Сохраняютъ пупокъ мальчика до поступления послѣдняго въ школу: тогда пупокъ заворачиваютъ въ тряпочку и вшиваютъ его въ рукавъ ученическаго сюртука, въ плечѣ или въ подмышкѣ, или подшиваютъ подъ форменную шапку—чтобы мальчикъ прилежно учился.

Женщины, для предупрежденія беременности, посятъ дѣтскій пупокъ подѣ бѣльемъ на желудкѣ: сколько лѣтъ проносятъ его, столько лѣтъ не будутъ беременны ².

Болѣзни и способы лѣченія ихъ.

Вутаисъ. Девятаго марта ставятъ себѣ для полученія здоровья пивки: „пивка въ этотъ день стоитъ пять копѣекъ“.

До восхода солнца и съ соблюденіемъ молчанія до окончанія обрядовъ:

а) перваго мая каждый простолюдинъ считаетъ необходимымъ побывать у трехъ проточныхъ водъ, напр. рѣки Ріона

¹) Вып. XIII. Отд. I, стран. 117, рубр. 57. С. Татевъ Зангез. у. Елисавети. губ.: „Если у новорожденнаго отрѣзать пуповину и бросить на дворъ, то онъ выйдетъ безвечнымъ человѣкомъ; оставленіе же пуповины дома предвѣщаетъ хорошую будущиость ребенку и домовитость его. Это имѣютъ въ виду при роженіи ребенка повивальныя бабки“.

²) Вып. XIV. Отд. I, стран. 255, б). С. Варташевъ Нухинскаго уѣзда Елисаветпольской губ.: „Для излѣченія отъ безплодія пупокъ у родившагося ребенка нужно отрѣзать на ногѣ безплодной“. Не принималъ въ расчетъ разницы какъ дѣйствій „пошение“ и „рѣзаніе“, такъ и частей тѣла: „желудокъ“ и „нога“, можно сказать, что въ данномъ случаѣ представляется дѣйствіе самаго пупка, противоположное тому, какое указано выше.

и находящихся на фермѣ рѣчки Руа и источника Гвираби, чтобы тамъ умыть лицо, промыть глаза, смочить голову и тѣмъ предохранить себя отъ страданій лица, глазъ и головы;

в) въ среду на Страстной недѣль и въ день Вознесенія мать должна собрать травы, сварить ее и въ этомъ наварѣ купать дѣтей, чтобы они были здоровы;

с) въ день Вознесенія гречанки собираютъ цвѣты и травы *Цинцгару*. —тѣхъ и другихъ или поровну, или однихъ больше, а другихъ меньше,—только бы мѣстѣ составилось двѣнадцать видовъ: варятъ все это и наваромъ вытираются и умываются, чтобы вылѣчиться отъ недуговъ и обезпечить себѣ здоровье до слѣдующаго Вознесенія.

Близъ селенія на дугу стоитъ дубъ съ одною только *Занати*. вѣтвью, выходящей изъ ствола горизонтально и поднимающейся надъ землею невысоко. Къ этому то дубу, стволъ котораго немного ниже основанія вѣтви и вѣтвь почти у самаго ствола бываютъ перевязаны красною нитью, приводятъ больныхъ. При приближеніи ихъ, дерево, какъ говорятъ, засвѣтится на мигъ и тотчасъ погаснетъ.

Больные должны три раза перелѣзть, туда и обратно, черезъ означенную вѣтвь и три раза обойти вокругъ дуба: „послѣдствіемъ этого будетъ скорое выздоровленіе больныхъ“¹.

Въ Никорциндахъ, селеніи Рачинскаго уѣзда, Кут. губ., есть дерево противоположнаго, и даже болѣе того, свойства: „если кто-нибудь отломаетъ отъ этого дерева вѣточку, или хоть сорветъ съ него листочекъ и принесетъ ихъ домой, то въ домѣ скоро будетъ покойникъ“. Дерево украшено повѣшеннымъ на немъ крестомъ.

¹) Вып. IX Огд. II, стран. 114. С. Кутвашинь Нухинскаго уѣзда Елисаветп. губ.: „Отправляютъ больныхъ на святыхъ мѣста („пиръ“), какими считаютъ вѣтвое дерево или большой камень. Большой обходить три раза означенный пиръ...“

Порча глазомъ.

Кутаисъ. Знахарка, запасшись ножомъ и уголькомъ, беретъ больного ребенка на руки и начинаетъ надъ нимъ читать, вода по его головѣ, плечикамъ и спинеѣ ножомъ, слѣдующую молитву (сперва отказывались сообщить ее, чтобы не лишиться врачующей способности):

„Ависані, банісані! Мамавалі ґамісані боркілі рвінісані бадені канаґісані, мамавалі ґамісані, авні мавні, гінд һаеріґ, гінд тклісані, гінд хіссані, гінд варскулавісані, гінд ґарісаґан, гінд мзіґган, гінд мґварісаґан, -маніґ мамнехар, гасці ґамшорді! Сахеліґа Хвґзісіґа Мамісаґа зісаґа да Суліса Тґміндіса. Шавкразъ Лука, Марков, Маґе, Іоанне. Карса ґарі, банса ґварі, ґмерзо, Шен даугґтере Шені тґкалобіс ґварі!“

Варіантъ: „Сахеліґа Хвґзісіґа Мамісаґа да зісаґа да Суліса Тґміндіса. Амін.

Ависані, банісані! Мамавалі ґамісані боркілі рвінісані бадені канаґісані, шавкразъ да шавбечдоґ аві ангелозні, авні мавні, гінд һаеріс, гінд тклісан, гінд хісан, гінд мзісан, гінд мґварісаґан, гінд варскулавісан, гінд ґарісаґан, маніґ мавніхарзъ, гасці ґамшорді! Ме ґварі міцеріа, чемґан аріс Мама, зеда, Сулітґмінда. Шавкразъ шавбечдоґ аві ангелозні Лукав, Марков, Маґе да Іване. Карса ґарі, банса ґварі, ґмерзо, Шен даґвіґтере Шені тґкалобіса ґварі“.

Содержаніе молитвы: „Злыхъ ангеловъ тьмы мы опутаемъ пеньковыми сѣтями и закуемъ въ желѣзные кандалы. Зловредный духъ! выходишь ли ты изъ дерева или воды, или воздуха, приносишься ли вѣтромъ, являешься ли отъ солнца, или луны или звѣздъ, отойди прочь, такъ какъ ты всетаки злой духъ! Меня ограждаетъ крестъ. Со мной Богъ Отецъ, Богъ Сынъ, Богъ Духъ Святой. Во имя Пресвятой Троицы мы запечатаемъ злыхъ духовъ и свяжемъ ихъ словами Матѳея, Марка, Луки и Іоанна. Ты, Боже, сохрани и огради Твоимъ милостивымъ крестомъ двери и крышу дома“.

Знахарка, шепча приведенную молитву и крестя ребенка, держитъ въ правой рукѣ и ножъ и уголекъ. А по прочтеніи молитвы, она три раза срѣзываетъ уголекъ, съ одной стороны, каждый разъ сдувая съ него порошокъ; затѣмъ, потерши свой палецъ объ очищенную сторону угля, тѣмъ пальцемъ мажетъ ребенку навкрестъ лобъ, подбородокъ и щеки, и наконецъ кладетъ уголекъ подъ подушку ребенка.

Приведенная молитва читается и въ другихъ случаяхъ: 1) при испугѣ надъ испугавшимся, 2) на сонъ грядущій и 3) тѣми, кто остается въ полѣ или въ лѣсу на ночь: послѣдніе, прочитавъ молитву, дѣлаютъ на землѣ большой кругъ, а гдѣ обанчивается окружность, чертятъ крестъ и ложатся спать въ кругъ.

Во всякомъ случаѣ эта молитва произносится по три, по пяти и по семи разъ,—четнаго же числа избѣгаютъ — и передана намъ знахаркой со словъ одного отшельника, жившаго въ Кахетіи.

Красныя пятнышки на бѣлѣхъ, бѣлыя на зрачкѣхъ.

При лѣченіи красныхъ пятнышекъ употребляютъ семь зеренъ пшеницы, а при лѣченіи бѣлыхъ—столько же зеренъ акулинской крупы (риса); въ томъ и въ другомъ случаѣ необходимыми принадлежностями еще служатъ перочинный ножичекъ съ черной рукояткой и блюдце съ водой. Процессъ лѣченія состоитъ въ слѣдующемъ: прижавъ указательнымъ или среднимъ пальцемъ зерно, положенное на кончикъ ножика, и сложивъ здѣсь означенные пальцы съ большимъ такъ, какъ это дѣлается при крестномъ знаменіи, учащенно тычутъ остриемъ ножика по направленію къ глазу и въ это время читаютъ слѣдующую молитву:

„Сахеліѣа Хвѣісіѣа да Суліса Цміндіса, амін.

*Кутаисъ,
Кварели.*

Чвен вікавіз самні змані Самебіса залісані вкредізі цамалс памліс-памалс сімсівніса, сімтківніса, сіцізіліса, зєзрі суравандісаса, тізелі суравандісаса, црчхілісаса, лібрісаса, лурсмісаса. Гамоді гамонкєві чемса лоцваса. Ар гамохвал небіза гамогікван заліза. Дагкрам шавтара данаса болоса чікас агазєбінець венаса цагазєбінець звенаса. Ѓалі вікаві Ѓаланелі мухлебїза нїсліані звалєбіза тіпліані гацрчхілулхар зорівїза гамоззребі гвелівїза хнамда тізелі харі гузанса зєсда зьаса да звішаса. Агрємц іхарєць, црчхіло, лібро, лурсмана, сімсівне, сімтківне, сіцізіле, зєзрі суравандо, тізелі суравандо азеулі азеулє марцвалі завзавзе чавардеба зірс чаїтанс црчхілс, лібрс, лурсманас, сімсівнес сімтківнес, сіцізілес, зєзрі сураванзс, тізелі сураванзс. Ѓмерзє, Шєн ацамле мхєвалса Шєнса ану монаса. Лоцва чємі, памалі Шєні. Амін.“

„Во имя Бога и Духа Святого, аминь.

Мы, трое братьевъ, силою Троицы собирали лѣкарство изъ лѣкарствъ противъ болѣзней—опухоли, красноты, бѣлой золотухи, красной золотухи, ногтоѣда, бѣльма, занозы. Выходи послѣ моей молитвы! Если не выйдешь добровольно, вытасчу тебя насильно: ударю ножичкомъ съ черной рукояткой и краемъ стакана, заставлю взять и вверхъ, и внизъ. Изъ Каланели была женщина—съ туманными колѣнями, гнойными глазами и ястребиными ногтями. Выползешь, какъ змѣя! Пахаль бьєзь, впряженный въ плугъ; сѣяль камни и песокъ. Пожалуйста (обращеніе къ перечисленнымъ болѣзнямъ съ поименованіемъ ихъ), сдѣлайте, чтобы каждое зерно дало колосъ во сто зеренъ, а зерно въ колосѣ было бы такое, чтобы упавши оно задавило и ногтоѣдъ, и бѣльмо, и занозу, и опухоль, и бѣлую золотуху, и красную золотуху. Господи, помоги рабѣ твоей вылѣчить рабу твою (или раба твоего—произносится имя больной или больного). Молитва моя, а средство Твое. Аминь“.

Окончивъ молитву, знахарка зерно съ ножичка бросаетъ

въ блюдце и беретъ другое зерно, съ которымъ она продѣлываетъ все то, что дѣлала съ первымъ, снова читая при этомъ приведенную молитву и т. д. до тѣхъ поръ, пока не будутъ перебраны всѣ семь зеренъ. А послѣ этого знахарка мочитъ въ блюдцѣ свои пальцы и обрызгиваетъ больной глазъ—постушая такъ три раза; наконецъ она несетъ блюдце къ выходной двери, отворивъ которую и ставъ къ выходу спиною, выливаетъ изъ блюдца воду съ сѣменами черезъ годову.

Описанное лѣченіе производится до восхода и при заходѣ солнца въ теченіе нѣсколькихъ дней. Всякій разъ утромъ знахарка приступаетъ къ врачеванію не умывшись и натощакъ.

„Случаевъ излѣченія было три“.

Поврежденіе глаза.

Глазъ, запорошенный или иначе какъ поврежденный, врачуютъ слѣдующимъ способомъ: берутъ иголку и три раза обводятъ ея остриемъ вокругъ глаза, произнося такіа слова:

„Иване да Бурдишелі бурѣабас замашобден. Бурѣ ахта, христіанса звалші мохта, зваліс сісхлѣ гадеесца, маргалітса гадеесха. Цамцамі чахлопе (три раза). Деда Маріам!—Агавар!“

„Иванъ и Бурдишели играли въ мячъ. Мячъ подскочилъ высоко и попалъ въ глазъ христіанину: глазъ набѣжалъ кровью, которая разлилась и по жемчугу (зрачку). Рѣсница, проглоти! Божья Матерь!—Я здѣсь!“

Въ заключеніе, раздвинувъ вѣки, три раза дунуть въ глазъ.

Головная боль.

Перекрестись при первомъ ударѣ въ колоколь—забо- Сакара. лить голова.

Отправляясь къ пасхальной всенощной, нужно взять съ *Кутаисъ.* собою окрашенное яйцо и, выходя изъ церкви, постучать имъ

въ дверь или въ дверной косякъ; возвратившись домой, сперва слѣдуетъ выпить рюмку водки и закусить, а затѣмъ съѣсть то яйцо: поступившій такъ не будетъ страдать головою болью.

Страдающему мигреню въ большой части головы привязываютъ посредствомъ платка или какой-либо холстинки (впрочемъ, мужчинѣ можно подложить и подъ околышекъ шапки) лоскутокъ бумаги со слѣдующими словами:

„Шавекі шамогвеула чвені соџліс болоса. Иссе счамда ркініса, рогорц харі діваса. Дасдкваліс Цмінда Георгі гаіпа-реба діласа“.

„Мигрень привыкла къ окраинѣ нашей деревни и такъ (легко) ѣла желѣзо, какъ быкъ ѣсть сѣно. С. Георгій про-клинаеть, и она тайкомъ убѣжитъ утромъ“.

Такую бумаженку и пишутъ, и привязываютъ къ головѣ утромъ до восхода солнца, носятъ же ее три дня; а на утро четвертаго дня, до восхода солнца, носящій это заклинаніе приходитъ въ рѣкѣ, гдѣ снимаетъ съ себя бумажку и броса-етъ ее въ воду.

Одна старуха изъ Гундаети, Шаропанскаго уѣзда, про-мышляла раздачей за деньги бумаженокъ, на которыхъ прямо и вкось были начерчены ломанныя ливніи. Получившій такой клочекъ бумаги заворачивалъ его, согласно наставленіямъ ста-рухи, въ тряпочку, подшивалъ подъ плечо сорочки и носилъ для благосостоянія домашняго очага¹.

¹) Выш. VI. Отд. I, стр. 132. С Сарово Дзеванширскаго уѣзда Ели-саветпольской губ.: „Одинъ изъ клочковъ бумаги, на которыхъ знаха-ремъ написаны разныя молитвы, пришиваютъ (по совѣту послѣдняго) къ архалуку, для предупрежденія впредь могущихъ случиться божъвеній“.

Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. Н. Дуброви-на: „Нѣкоторые (у осетинъ) носятъ магометанскія молитвы, писанныя по арабски, на бумагѣ шириною въ вершокъ и длиною въ ростъ человека, за подписью и печатью муллы. Если бумага приходится какъ разъ по ро-сту носящаго молитву, то онъ считаетъ себя въ безопасности отъ пуль, шашекъ и дьявольскаго навожденія.“

Цынга.

(По запискѣ:) „Піріс тамліс лоцва ес арі.

Дымы.

Сахеліза Хвѣіза Маміза зіза Суліза Цміндіза

Шен ділоцвіло бедніері мобзандебі нецѣобіза да бзандебі дедоцліза. Ра шені цамалі?—Іада, варді, шагарі.—Датебі дауамді дабзанді! Ра гінда зав-пірші? Цабзанді! Арге, Уцало, лоцва цамалі, вінц інебіс. Амін.

„Вотъ молитва, врачующая отъ цынготной болѣзни:

Во имя Бога Отца и Сына, и Духа Святого.

Благословенный и счастливый! пожалуй, какъ царь царствующій съ царицей! Какое твое лѣкарство?— Фіалка, роза и сахаръ. Будь же и ты сладовъ, какъ сахаръ! Зачѣмъ тебѣ быть въ головѣ и во рту? Уходи! Господи, помози и обрати молитву на пользу тому, кто нуждается въ исцѣленіи. Аминь.

Поврежденіе шейнаго позвонка.

Знахарка, обвязавъ шею больного простымъ бѣлымъ платкомъ, шепчетъ слѣдующее:

„Маѣ, Маркоз, Марія, Іосе, Іанарія! Саѣанцо ціха, саѣанцо маргателі! чквадіріа мемехваребуѣдо, варіа?—Мемі-чішуанкіда, мегехваребуѣ.—Скані мардумелаіа!“

„Матеей, Маркѣ, Марія, Іосифъ, Іанарія! Гибельная вѣрѣность, мучительныя ножницы! Поможешъ разорванному или нѣтъ?—Если посиѣшишь, помогу.—Благодарствуй тебѣ!“

Вывихъ и переломъ кости.

Поврежденное мѣсто знахарка сперва перевязываетъ красной ниткой, которую, впрочемъ, сейчасъ же развязываетъ, затѣмъ обертываетъ его платкомъ и шопотомъ произноситъ надъ пострадавшимъ такія слова:

„Аргун, бурчулі сум ноцверіа гоцкірілі; цѣрві свірі гоцкумірі“.

„Три полѣна разрублены топоромъ и расколоты сѣкирой; связанная жила открыта“.

Въ обоихъ случаяхъ во время шептанія знахарка держитъ въ рукѣ ножъ съ черной рукояткой и уголекъ; а по произнесеніи заговоровъ срѣзываетъ ножомъ уголекъ три раза, каждый разъ сдувая порошокъ съ угля въ сторону больного, и наконецъ бросаетъ остатокъ уголька въ бухару.

Испугъ и паденіе.

*Сахара,
Кутаисъ.*

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ человекъ испугается, а упавъ съ лошади или съ дерева, получить физическое поврежденіе, роютъ землю и ищутъ уголекъ. Найдя, толкутъ его, растираютъ въ порошокъ и затѣмъ даютъ пострадавшему съ водой: послѣ этого человекъ огражденъ какъ отъ тяжелыхъ послѣдствій испуга, такъ и паденія.

Подавленіе костью.

Кутаисъ.

Если кто-либо подавится костью, надъ нимъ читаютъ слѣдующее заклинаніе:

„Ѓрістес стумарат бвас састумалаѣ бага, логінаѣ самі бѣрі чала бвешагебаѣ горхонас. Звалі, геквеха ан іѣіѣ да ан агеѣ!“

„Для гостя Іисуса Христа ясли вмѣсто каменной кровати, а постелью будутъ служить листья отъ трехъ вукурузныхъ стволовъ. Кость, остановившаяся въ горлѣ, иди туда или сюда!“

Абаша.

Кто поперхнется, сейчасъ же долженъ произнести: „Назліа,“ крестный отецъ!

Заболѣваніе отъ простуды.

Булаши.

Если упадете на сырую землю или посидите на ней,

должно, вставши, плюнуть три раза. а иначе прилѣпится „ужмурі“.

Простудился человекъ во время купанья,—значить, прилѣпился „ужмурі“. Такого больного лѣчатъ не лѣкарствами, а молитвами и заклинаніями.

Въ огражденіе себя отъ „ужмурі,“ вечеромъ нужно перешагнуть черезъ огонь три раза и при третьемъ шагѣ стряхнуться надъ огнемъ, и головешкой обжечь волоса съ двухъ сторонъ головы. Абама.

Когда человекъ, посидѣвъ ли на землѣ, или побывавши въ лѣсу, поспавъ ли на берегу рѣки, или искупавшись въ ней, получить простуду, то дѣлаютъ предположеніе, будто за нимъ послѣдовала и внѣдрилась въ него нечистая сила, принимающая иногда видъ человекъ—извѣстная подъ троякимъ именемъ: „монахѣомі,“ „ужмурі“ и „моколлі“. Чтобы узнать навѣрно, пребываетъ ли злая сила въ человекѣ, берутъ у него поясъ или платокъ и измѣряютъ ихъ локтемъ, накладывая кисть руки на вещь при каждомъ локтѣ три раза такъ: спрва ладонью внизъ, затѣмъ вверхъ и опять внизъ. Послѣ каждаго отмѣренного локтя знахарь или знахарка обращается въ нечистой силѣ со словами: „Я не знаю, въ какой день ты вошла въ (имя больного)—въ понедѣльникъ, вторникъ, среду, четвергъ, пятницу, субботу или въ воскресенье; но теперь ты оставь его и прилѣпись къ другому!“ Если вещи на послѣдній локоть не хватило хоть немного, да сверхъ того измѣрявшій вещь во время самаго дѣйствія звалъ, заключаютъ, что присутствіе въ больномъ „монахѣомі“ несомнѣнно, и отрицаютъ это, если остатокъ вещи совпалъ съ локтемъ. Нѣкоторые знахары и знахарки въ данномъ случаѣ являются съ своимъ поясомъ, измѣреніе котораго, по ихъ словамъ, даетъ болѣе точное указаніе на присутствіе или отсутствіе „ужмурі“ въ человекѣ. Это тотъ поясъ, которымъ они препоясывались въ теченіе семи лѣтъ, собираясь итти въ пас-

Кутаись-Дымы.

хальной всенощной, послѣ которой обязательно участвовали въ крестномъ ходѣ вокругъ церкви ¹.

Если убѣдились, что человекъ заболѣлъ отъ вліянія, „моколілі“, прибѣгаютъ къ помощи девяти женщинъ. Эти явившись къ больному, просятъ домашнихъ назвать имъ тѣ мѣста, въ которыхъ больной бывалъ до заболѣванія; затѣмъ онѣ берутъ изъ обыкновенной муки „зерані“, представляющія собою одну человѣческую фигурку и три-четыре маленькихъ ватрушки (зерані приготавлиются къ количествѣ, соответствующемъ

¹) Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. Н. Дубровина: „Чеченцы прежде всего прибѣгаютъ къ ворожеѣ, которую и просятъ узнать: не произошла ли болѣзнь отъ вліянія дурного глаза или отъ какихъ другихъ причинъ. Взявъ въ руку большой платокъ и завязавъ въ одномъ изъ его концовъ узелъ, ворожея начинаетъ отгибывать локтемъ отъ этого узла до противоположнаго. Остающіяся между этими двумя точками разстоянія служатъ обыкновенно предсказаніемъ причинъ болѣзни“.

Ibid „У осетинъ знахарка беретъ карданъ—бѣлое покрывало, завязываетъ въ одинъ конецъ его уголекъ и отъ него начинаетъ отгибывать локтемъ, обозначая границы каждаго локтя булавкой или иголкой... Если причиной болѣзни, говоритъ она, такой-то святой, то пусть карданъ увеличится или уменьшится“.

Сбор. мат. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа. Вып. IX. Отд. II, стр. 146. С. Куткашинъ Нухинскаго уѣзда Елисаветпольской губерніи: „Отъ колдовства (со стороны одного изъ покойныхъ родственниковъ) спастись старики или старухи, извѣстные подъ именемъ „рухъ—олчанъ“—мѣрши ки душъ или, просто, гадатели. Къ нимъ, обыкновенно, вечеромъ *) три дня сряду, носятъ отъ больного большой головной платокъ съ кусками хлѣба, соли, угля, сыру и луку (или чесноку). Гадатель, развернувъ платокъ на порогѣ своихъ дверей, кладетъ въ него локоть правой руки, къ одному концу платка, и схватываетъ вдоль него рукою въ три перехвата. При этомъ онъ произноситъ слѣдующее: „Изгиблю не собственной рукою, а рукою святого дѣдушки (или святой бабушки)“. Форма заклинанія имѣетъ, очевидно, связь съ тѣмъ фактомъ, что, по мнѣнію простого народа, гадатели наследуютъ свое искусство: мужчинамъ отъ своихъ дѣдушекъ, а женщинамъ—отъ бабушекъ...“—Но (Кутанъ, Джыханши) способность оказывать вліяніе заклинаніями передается лишь въ томъ случаѣ, если мужчина изучаетъ ихъ отъ женщины, а женщина отъ мужчины. Учатъ заклинаніямъ, держа въ рукѣ ножъ.

*) Въ Дымахъ, с. Кут. у., какъ передаютъ, одинъ крестьянинъ забавился отъ головныхъ болей послѣ того, какъ послалъ свой головной платокъ знахаркѣ, живущей въ одной изъ ближайшихъ деревень.

числу указанныхъ мѣстъ), и смѣшиваютъ въ тарелкѣ зерна—
лобіо (фасоли), кукурузы, ячменя, пшеницы, „*kipzi*“ (киш-
неца, коріандра) и др.; прибавивъ къ нимъ зола, знахарки
поочередно приступаютъ къ врачеванію, постепенный процессъ
котораго состоитъ въ слѣдующемъ: берутъ изъ тарелки горсть
зеренъ, обносятъ ихъ три раза вокругъ головы больного и
обратно всыпаютъ въ тарелку; новыми, особыми для каждой
части тѣла, горстями зерна проводятъ по спинѣ его и по
груди; наконецъ разсыпаютъ ихъ по рукамъ и ногамъ боль-
ного до самыхъ пальцевъ,—и въ послѣднихъ четырехъ слу-
чаяхъ зерна возвращаютъ въ тарелку. При этомъ обращаются
къ нечистой силѣ и просятъ ее оставить больного примѣрно
такими словами: „Уходите отсюда и идите туда, откуда при-
шли—въ лѣсъ ли, въ воду-ль или въ землю! Зачѣмъ мучите
(имя больного)“. Если занемогла мать, имѣющая дѣтей, за-
клинаніе продолжаютъ такъ: „Развѣ не видите, какъ плачутъ
дѣти? Вѣдь и у васъ есть мать и дѣти... Идите къ нимъ!“
Все это продѣлываетъ надъ больнымъ каждая изъ девяти жен-
щинъ. Девятая же знахарка, когда обнесетъ вокругъ головы
больного тарелку съ зернами и съ „зерані“, положенными
туда сверху, и когда всѣ девяттеро, отвѣчая за „*ужмурі*“,
скажутъ: „Ну, вотъ мы уже уходимъ!“—направляется, въ
сопровожденіи своихъ восьми товарокъ, на указанныя мѣста,
неся съ собой означенную тарелку и кувшинчикъ вина.
Тамъ на землю выкладываются „зерані“—съ злымъ умысломъ,
чтобы ихъ кто-либо взялъ и тѣмъ привлечь къ себѣ болѣзнь—
и выливается вино. Зерна сыплютъ горстями по направленію
къ лѣсу, водѣ и полю, при томъ каждую горсть со словами,
относящимися къ нечистой силѣ: „Вы тамъ находитесь!“ Въ
заключеніе говорятъ воображаемому бѣсу: „Вотъ вамъ „ха-
чалурі“ и вино, ѣшьте и пейте“.

Въ томъ же случаѣ къ больному приглашается одна ста- *Сакара*.
рушка, которая совершаетъ надъ нимъ все то, что продѣлы-

ваютъ вышеупомянутыя знахарки, съ тою только разницею, что „зерані“ она зарываетъ въ землю, а по сторонамъ ихъ ставятъ двѣ свѣчи и зажигаетъ ихъ.

Эпидемическія болѣзни.

Кутаисъ.

При заболѣваніяхъ скарлатиной, оспой, корью, коклюшемъ, дифтеритомъ и дисентеріей въ помѣщеніи больного развѣшиваютъ разныя цвѣтныя матеріи и такіе же доскуты (для предохраненія отъ дифтерита и скарлатины дѣтямъ на шею завязываютъ красную фланелевую тесемку); иногда вокругъ люльки больного ребенка и возлѣ постели взрослого больного посыпаютъ розами, фіалками и другими цвѣтами. Для умилостивленія „батонебі“, какъ вообще называются упомянутыя болѣзни, готовятъ и иные дары, состоящіе изъ игрушекъ (если заболѣлъ ребенокъ), сахару, конфетъ, „хачапури“, грушъ, красныхъ яблокъ, крашенныхъ яицъ и крашенныхъ куръ или цыплятъ—все это, конечно, по возможности;— въ Сакара, с. Шароп. у., къ этому прибавляютъ золотыя и серебряныя вещи, какъ напр. кольца, часы. При дифтеритѣ главнымъ образомъ окрашиваютъ пѣтушка, какъ по преимуществу обнаруживающаго голосовыя средства. Вечеромъ кто-либо изъ домашнихъ женщинъ входитъ съ тѣми дарами къ больному и гостинцы кладетъ на приготовленный столикъ, а курицу или цыпленка пускаетъ на волю, въ жильѣ или на дворѣ,—но изрѣдка ихъ держатъ въ клеткѣ внѣ дома. Затѣмъ эта женщина опускается на колѣни возлѣ больного и начинаетъ молить болѣзнь, взывая къ ней такъ:

„Батонебо! ъзвени мухлис да далзис чиріме, ухсениз ъзвенс аванкоцс да миеціз хсна“!

Смыслъ этихъ словъ такой: „Баринъ! припадаю къ вашимъ стопамъ, цѣлую края вашей одежды и молю васъ, оставьте въ покоѣ вашего больного и дайте ему облегченіе!“

Бариномъ величаютъ преимущественно оспу, тогда какъ барыней корь.

Молеальщица общаетъ болѣзни дары и перечисляетъ принесенное, — наконецъ на колѣняхъ ползаетъ три раза вокругъ люльки ребенка или возлѣ кровати взрослога, при чемъ цѣлуетъ углы первой и края послѣдней и въ обоихъ случаяхъ полъ, предваривъ каждое цѣлованіе особымъ поклономъ. Кладя поклоны, женщина не крестится, такъ какъ болѣзнь, по народному повѣрью, не любитъ креста, равно какъ не выносить духовныхъ лицъ: при появленіи ихъ въ томъ домѣ, гдѣ есть больной, болѣзнь сильно раздражается, а черезъ это страдалецъ начинаетъ испытывать волненіе и горячее состояніе. Но, боясь раздражить болѣзнь, и врача не приглашаютъ къ больному, впрочемъ, кромѣ случаевъ заболѣванія дисентеріей, когда прибѣгаютъ къ медицинской помощи врача. Что касается выраженія въ приведенной молитвѣ „вашего больного“, то извѣстно, что иначе не скажутъ и не назовутъ больного своимъ, чтобы не прогнѣвить болѣзнь: по вѣрованію народа, больной, находясь во власти болѣзни, всецѣло принадлежитъ ей. Мало того, больного называютъ не по имени, а собакой (крестьянинъ изъ с. Симонетъ Кут. у.: «если больного человека назвать собакой, онъ не умретъ») или произносятъ его собачье имя, которое многимъ дается украдкой при крещеніи родителями, потерявшими уже нѣсколькихъ дѣтей; такъ, мальчикамъ даютъ имена: «векоубу», «бахуліа»¹. Умаливаніе болѣзней, происходящее непременно

¹) Природа и люди на Кавкаѣ и за Кавказомъ. П. Надеждина. Изъ статьи „Тысяча восемьсотъ второй годъ въ Грузіи. Н. Дубровина: „Грузины часто къ христіанскому имени прибавляютъ другое, замѣствованное или отъ мусульманъ или же выражающее какое-либо качество, напримѣръ: Асланъ, Парсаданъ, Вархисахаръ (розоводобная) и пр.

Исторія войны и владычества русскихъ на Кавкаѣ. Н. Дубровина: „Младенцу осетинамъ даютъ имя свое собственное, языческое, независимо отъ имени христіанскаго или магометанскаго... Кто первый подойдетъ

безъ свидѣтелей, бываетъ то рѣже, то чаще: при спокойномъ теченіи болѣзни къ этому за все время прибѣгаютъ раза два—три, а при сильномъ страданіи больного—каждый вечеръ. Приношеніе даровъ обязательно только первый разъ, а затѣмъ оно можетъ дѣлаться по желанію и средствамъ домашнихъ. Послѣднимъ въ заботриваніи болѣзней помогаютъ родственницы и сосѣдки, которыя въ свою очередь являются къ больному съ дарами, въ родѣ упомянутыхъ выше, и также творять при немъ молитву: „Батонебо“, а въ случаѣ тяжкихъ его страданій дѣлають и указанныя движенія—становятся на колѣни, ползають и т. д.¹. Нѣкоторыхъ изъ такихъ посѣдательницъ, если замѣчаютъ, что при нихъ больнымъ становится веселѣе и какъ бы легче, считаютъ посредницами между болѣзнями и больными и всегда приглашаютъ ихъ, какъ пользующихся особенною милостію у первыхъ, въ посидѣльи къ больнымъ. Во время болѣзни, чтобы не прогнѣвить ея „ангела“, требуется соблюденіе и другихъ предосторожностей, кромѣ недопущенія въ домъ духовныхъ лицъ и врачей. Такъ, изъ дома, гдѣ есть больной, нельзя ничего давать въ долгъ; нельзя тамъ ничего рѣзать, и кушанье изъ живности для той семьи готовится на сторонѣ, въ какомъ либо иномъ домѣ. Изъ другого источника мы знаемъ, что не слѣдуетъ рѣзать птицу и животное (какъ и готовить изъ

къ люлкѣ младенца, тотъ долженъ дать ему имя и можетъ сочинять какое угодно прозваніе новорожденному. Имена эти принадлежатъ разнымъ звѣрямъ, животнымъ и т. д. Осетины всегда зовутъ другъ—друга по имени, но никогда не произносятъ имени христіанскаго, а всегда свое языческое“.

Вып. IX. Отд. II, стран. 110: „У татаръ вмѣсто настоящаго ея (рождающей) имени, называютъ ее „Маріамъ“ (Марія) по имени Дѣвы Маріи: домовые будто бы не смѣють приблизиться къ женщиной изъ-за имени „Маріамъ“.

¹) Сбор. мат. для опис. мѣст. и плем. Кавказа. Вып. X. Отд. I, стран. 77. У сванетъ: „Когда кто-либо заболѣетъ, всѣ родственники и сосѣди спѣшатъ навѣстить больного. При такихъ посѣщеніяхъ принято приносить араку (напитокъ), курицу или что-либо другое“.

этого кушанье лишь въ помѣщеніи больного, а можно все это дѣлать въ кухнѣ, если она находится поодаль отъ дома. Самихъ больныхъ кормятъ яйцами, молокомъ и кашицей. Въ покоѣ больного не ставятъ ничего горячаго, напр. самовара, чтобы „ангелъ болѣзни“ не обжегъ какъ-нибудь своихъ пальцевъ; въ виду этого чай пьютъ на балконѣ. Въ одномъ домѣ случилось разъ, что лопнулъ стаканъ и чай разлился; домашнимъ показалось, что ребенку, болѣвшему корью, стало послѣ этого хуже¹, — тотчасъ одна изъ женщинъ и принялась обычнымъ порядкомъ, впрочемъ, безъ даровъ, умаливать болѣзнь, обѣщая ей при этомъ купить на другой день стаканъ и гостинцевъ. Обращеніе съ животными должно быть человѣчное и и даже вѣжливое: напр., если собака вошла въ домъ, ее не выгоняютъ: „пошла вонъ!“, а приглашаютъ: „пожалуйста, уходите!“ Однажды мать корнаго ребенка ударила свинью палкой, отчего будто съ этимъ ребенкомъ произошла перемѣна въ худшему; недолго думая, мать навязала себѣ на шею виноградную лозу и стала на четвереньки, — а свекровь, взявъ конецъ лозы въ руки, повела невѣстку къ больному ребенку; мать ползала вокругъ его постельки, вымаливая у болѣзни ребенка облегченіе, а себѣ прощеніе². Мужъ и жена не должны позволять себѣ чувственныхъ наслажденій не только при болѣзни дѣтей, но даже въ случаѣ заболѣванія слугъ.

По временамъ, съ цѣлью облегчить состояніе больного,

¹) Вып. VI. Отд. I, стран. 38, рубр. 21. Станица Отрадная Кубанской области Баталпашинскаго уѣзда: „Стаканъ лопнулъ — несчастье“.

²) Природа и люди на Кавказѣ и за Кавказомъ. П. Надеждина. Изъ статьи „Тысяча восемьсотъ второй годъ въ Грузіи. Н. Дубровина: „У грузинъ заболѣвшій надѣваетъ на себя проволоку, носить ее до облегченія отъ болѣзни и затѣмъ отправляется, по обѣту, въ такую-то церковь (Алавердскій храмъ), на храмовой праздникъ, гдѣ, скинувъ съ себя проволоку, владеть се у дверей церкви и служить молебень. Многія женщины и здѣсь ходятъ на колѣнахъ вокругъ церкви и, обводя ее нитками, просятъ выздоровленія заболѣвшему ребенку или близкому родственнику“.

у его постели собираются сосѣди, которые здѣсь поютъ и играютъ на гармоніи или на балалайкѣ („чонгурі“) ¹.

Когда больной начинаетъ выздоравливать, кто-либо изъ домашнихъ видитъ во снѣ болѣзнь, требующую обѣщанныхъ даровъ. Дары „гостиницы“, со времени принесенія ихъ и до сихъ поръ оставшіеся нетронутыми, теперь, съ наступленіемъ дня, улаживаются въ платокъ или лотокъ и относятся вмѣстѣ съ цвѣтными лоскутками, иногда при звукахъ гармоніи или „чонгурі“, на перекрестки дорогъ или улицъ, на лугъ или на покрытый травкою берегъ рѣки—тамъ они оставляются ² (Савара, с. Шароп. у.—кромѣ золотыхъ и серебряныхъ вещей, которыя обратно приносятся домой, хотя выздоравливающаго увѣряютъ, что и эти предметы оставлены) съ тѣмъ же злымъ умысломъ, съ каковымъ оставляются «зерані» (см. выше). Кто найдетъ „гостиницы“, не беретъ ихъ, боясь заболѣть, какъ, боясь того же, не говорятъ у себя дома о болѣзняхъ постороннихъ людей, вѣря, что и этимъ путемъ могутъ переходить болѣзни отъ одного къ другому. При во-

¹) „Шумъ, веселье, разговоръ и закуска окружаютъ больную (родильницу). Хохотня гостей вмѣстѣ со стономъ больной наполняютъ комнату“.

Опытъ географіи Кавказскаго края. П. Надеждина. Изъ подстрочнаго примѣчанія на страницѣ 143 (Кавказъ 1854 г., Закавказ. Вѣст. 1854 г.): „Приготовивъ для безплотныхъ духовъ, какими считаются болѣзни (батово—господинъ или ангелъ), столъ, грузины принимаютъ за музыку и пѣніе, какъ необходимыя принадлежности хорошаго стола. (Кто же имѣлъ несчастье навлечь на себя гнѣвъ этихъ духовъ, того они обрекаютъ на смерть).

Сбор. мат. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа. Вып. X. Отд. I, стран. 78: „У сванетъ нѣкоторые посѣтителы остаются у больного, утѣшаютъ его и родственниковъ, и ночью спятъ по очереди; посѣтителы или поютъ пѣсни или играютъ на чунір (жалкое подобіе скрипки).

²) Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. Н. Дубровина: „У дагестанскихъ горцевъ на вѣтвяхъ деревьевъ, наклоненныхъ надъ самымъ бассейномъ, можно встрѣтить развѣшенными множество кусковъ разноцвѣтныхъ матерій, разнообразныхъ камней. Куски матерій и повѣшенные камни на деревѣ означаютъ, что больной, вмѣстѣ съ лоскуткомъ матеріи или камнемъ, оставляетъ здѣсь свою болѣзнь“.

влющѣ гостинцы уносятся изъ дому, по прошествіи сорока дней отъ начала болѣзни. Окрашенную птицу, когда она достаточно порадовала болѣзнь, а послѣдняя уже покинула больного, могутъ съѣсть посторонніе, а изъ домашнихъ никому нельзя.

Здѣсь по отношенію къ эпидемическимъ болѣзнямъ су- *Сациры.*
ществуютъ тѣ же обрядовыя дѣйствія, что и выше приведенныя въ Кутайсѣ,—хотя не безъ нѣкотораго отличія: такъ, курицу или цыпленка окрашиваютъ не вполне и на шейку имъ навязываютъ цвѣтныя ленточки; эту птицу могутъ ѣсть домашніе и самъ выздоравливающій; при ползаніи цѣлуютъ, кромѣ краевъ постели больного и пола, голову, туловище и ноги больного, лобывая эти части въ такой послѣдовательности три раза; посѣтительницы, передъ уходомъ отъ тяжело больного, вторично прибѣгаютъ въ болѣзни съ мольбой—снова читаютъ „батонебо“ и ползаютъ на колѣняхъ. Когда больной начинаетъ замѣтно поправляться, хозяйка дома печетъ свѣжій <хачапури>, варитъ и краситъ яйца, а затѣмъ, забравъ съ собою какъ эту закуску, такъ и приношеніе, сдѣланное за время болѣзни, и взявъ также кувшинъ вина, отправляется, въ сопровожденіи двухъ—трехъ сосѣдей, къ рѣчкѣ; идя туда, поютъ и играютъ на <чонгури>. На берегу рѣчки, закусивъ и выпивъ, а также оставивъ тамъ все устарѣвшее приношеніе и отъ всего понемногу изъ свѣжей закуски, равно какъ и незначительное количество вина въ стаканѣ, женщины возвращаются домой.

Приводимъ пѣсню, пропѣтую на посидѣнны воалѣ болѣвшей корью крестьянки:

„Чемо (при пѣніи вставлено—да) бамбіс томара! Гесміс курса (въ литерат. обработкѣ—куршід), жу ара? Ме ром цохі (въ др. мѣстностяхъ Кут. у.—хмалі) могабаре, Меіхмаре жу ара?

„Мѣшокъ мой съ ватой! слышишь или нѣтъ (что здѣсь

происходить)? Зачѣмъ не пускаешь въ ходъ палку (въ др. мѣстн.—шашку), которую я тебѣ далъ?

Эта пѣсня сложена на случай невѣрности жены, о чемъ рассказываютъ такъ:

Жили себѣ мужъ да жена. Мужъ часто уходилъ изъ дому на заработки, а жена, оставшись одна, проводила время праздно и къ тому же водилась съ молодыми людьми, которыхъ зазывала въ свой домъ, пѣла съ ними и играла на чонгурі. Но однажды мужъ вернувшись домой, долго не уходилъ; жена, соскучившись по веселой компаніи, захотѣла удалить мужа, для чего претворилась больной и послала его въ городъ за лдомъ. На дорогѣ крестьянинъ встрѣтилъ товарища, который бывалъ свидѣтелемъ дурного поведенія его жены и теперь передалъ ему объ этомъ. Товарищъ вызвался помочь обманутому мужу и пригласилъ его зайти къ нему на обратномъ пути изъ города. Когда мужъ вернулся въ селеніе и зашелъ къ товарищу, послѣдній изложилъ ему планъ мщенія волокитамъ; они сообща приступили къ выполненію этого плана: товарищъ посадилъ мужа въ мѣшокъ, далъ ему палку и закрылъ его ватой; взвалилъ мѣшокъ на плечи, понесъ его къ измѣнницѣ. А у той веселье въ полномъ разгарѣ! Товарищъ, войдя въ домъ, приставилъ мѣшокъ къ стѣнѣ и самъ сѣлъ съ компаніей. Когда хозяйка перестала пѣть и играть на „чонгурі“, онъ попросилъ у нея инструментъ и подъ звуки его пропѣлъ вышеприведенную пѣсенку; послѣ этого мужъ выскочилъ изъ мѣшка и началъ бить палкой жену и ея фаворитовъ.

Оспа.

От. Сенаки. Оспу „патонеці“, представляютъ себѣ сидящею на катерѣ, «порі». Въ такомъ, именно, видѣ, она встрѣчается съ человѣкомъ, котораго хочетъ заполонить, и которому она объявляетъ, что прибудетъ къ нему въ гости. Человѣкъ, вернув-

шись домой, велить убрать почище въ домѣ; а когда заболѣваетъ, въ углу его помѣщенія кладутъ стебель кукурузы, „ча“, для ватера, а надъ изголовьемъ вѣшаютъ цвѣтныя вещи.

Въ домѣ, гдѣ есть оспенный больной, нужно ходить бережно, чтобы „патонцеці“ не прогнѣвалась и не уморила того, кто боленъ ею.

У оспы есть лошади, на которыхъ она ѣздитъ верхомъ. *Кулаши.*

Кукуруза, выросшая въ водѣ, составляетъ исключительную принадлежность оспы.

Умершаго отъ оспы нельзя оплакивать, а въ противномъ случаѣ она вознегодуетъ и истребитъ всѣхъ. Но (Сапиры и Кутансы) изъ боязни прогнѣвить „батонцебі“ воздерживаются отъ оплакиванія не только умершихъ отъ оспы, но и отъ кори, коклюша, дифтерита и другихъ эпидемическихъ болѣзней.

Имѣющій заболѣть оспой видитъ во снѣ или буйволовъ *Кутансы.* или татарина, или цѣлое войско, устремляющееся на него подъ предводительствомъ „чернаго человѣка“ (араба). Кому приснится „черный человѣкъ“, того ожидаетъ неизбежная смерть.

Въ помѣщеніи больного, убранномъ цвѣточными матеріями, лоскутьями и усыпанномъ цвѣтами, льютъ по угламъ подслащенное козье молоко, которое очень нравится оспѣ; но оспа любитъ также мясо козы, сердце ея и печенку—другой же говядины, равно какъ и курятины, она не терпитъ,—вотъ поэтому-то въ семьѣ, гдѣ есть оспенный больной, ѣдятъ исключительно козлятину.

Въ даръ оспѣ приготавливаютъ „гостинцы“ и обрашиваютъ курь или цыплятъ и сырыя яйца. Когда больному становится легче, берутъ вѣтку, натываютъ на нее плоды и навѣшиваютъ конфеты, а затѣмъ такую вѣтку или относятъ вмѣстѣ съ окрашенными яйцами на лугъ или втыкаютъ ее въ чужой плетень, бросая яйца тутъ-же. Въ обоихъ случаяхъ шопотомъ молятъ болѣзнь: <Уходи отъ насъ!>—и такъ же

*Амаллеба,
с. Озур. у-*

отрѣчаютъ за оспу: „Я уйду онъ вихъ“. Окрашенная птица идетъ въ пищу выздоравливающему.

*Тифлисъ,
Динцхару,
Кварели.*

Сказанное выше по отношенію къ Кутаису объ убранствѣ помѣщенія больного, о поливаніи тамъ козьимъ молокомъ и объ употребленіи въ пищу козьяго мяса и внутренностей козы, равнымъ образомъ относится и въ означеннымъ мѣстамъ Тифлисскаго и Телавскаго уѣздовъ. Здѣсь изъ всѣхъ эпидемическихъ болѣзней лишь на оспу смотрять, какъ на существо, которое нужно умилостивлять и всячески ему угождать. Изъ обрядовыхъ особенностей при оспѣ должно упомянуть слѣдующія: молещницы у больного не ползаютъ на колѣняхъ, но сопровождаютъ молитву «батонебо» двумя—тремя поклонами; въ иныхъ домахъ умаливаютъ болѣзнь при свѣтѣ «базма» (свѣтильникъ), употребляемыхъ въ количествѣ пяти и приготовляемыхъ изъ ваты и толченыхъ съ нею грецкихъ орѣховъ. По формѣ эти свѣтильники конусообразны и съ дюймовымъ діаметромъ въ основаніи; веротки, не болѣе вершка. Всѣ «базмебі» ставятъ возлѣ больного или на одномъ блюдѣ или на одномъ плоскомъ камнѣ. Какъ умаливаніе болѣзни, такъ и зажиганіе указанныхъ свѣтильниковъ бываетъ или раза два—три за весь инкубационный періодъ, или каждый вечеръ,—смотря по ходу болѣзни. При оспѣ никогда не зажигаютъ восковыхъ свѣчей изъ боязни, чтобы ангелъ оспы не обжегъ своихъ восковыхъ пальцевъ; послѣ этого онъ могъ бы разгнѣваться и усилить страданія больного. Говорять, что даже священникъ приглашенный къ оспенному больному, чтобы причастить его, не смѣетъ зажечь въ этомъ домѣ церковной свѣчи. Изъ той же предосторожности, изъ каминна не выгребаютъ золы съ горячими угольями. „Гостинцы“, принесенные хозяйкой и ея сосѣдками, отъ времени до времени, съѣдаются самимъ больнымъ и изъ дому не уносятся.

Покончивъ съ мнѣніемъ лѣченіемъ, перейдемъ къ

реальному и сообщимъ наружныя и внутреннія средства, употребляемыя при нѣкоторыхъ болѣзняхъ.

Обжогъ.

Обожженное мѣсто нужно мазать: или смѣсью яичнаго *Тифлисъ*. бѣлка съ деревяннымъ масломъ—эта мазь сушитъ больное мѣсто и предохраняетъ его отъ нагноенія;

или медомъ, посыпавъ затѣмъ кукурузной мукой—отъ *Кутаисъ*. этого боль моментально проходитъ.

Парша на головѣ.

Извѣстны три способа лѣченія парши:

1. Сжечь три чернильныхъ орѣшка и взвѣсить ихъ; приготовить такое же количество, по вѣсу, жженной шерстяной матеріи и столько же жженной синьки; все это растереть въ порошокъ и смѣшать съ варомъ („ѣісі“, смола). Полученный составъ нужно намазать на полотно (самымъ пригоднымъ по крѣпости считается бязь) и приложить его къ головѣ, остриженной до корня волосъ. Черезъ недѣлю-двѣ, когда можно ожидать, что на головѣ появились свѣжіе ростки волосъ и уже успѣли войти въ мазь, снять пластырь, дѣйствуя для того осторожно и начиная отлѣплять его отъ кожи постепенно кругомъ. Эту пытку больнымъ приходится переносить отъ трехъ до восьми разъ, все съ ледяной или двухнедѣльной передышкой; впрочемъ, говорятъ, сильная боль чувствуется только при снятіи перваго пластыря. Всякій разъ, послѣ снятія пластыря, остающійся на головѣ пушокъ срывать крѣпкой ниткой, накладывая ее на окружность плѣши и держа за оба конца по поверхности послѣдней. Лѣченіе прекращается, если замѣчаютъ, что кожа на головѣ нѣжна, и на ней нѣтъ красноты. Случаевъ излѣченія масса.

При двухъ другихъ способахъ лѣченія обритую голову,

всякій разъ предварительно вымываемую яичнымъ бѣлкомъ и отрубями, мазать каждый день слѣдующими составами. Окончивъ смазываніе, повязать голову платкомъ.

2. Взять девять гранъ жженныхъ квасцовъ, пять гранъ жженной паутины и горсточку жженного ячменя; смѣшать все это и растереть съ свѣжимъ сливочнымъ масломъ. Мазать разъ въ день.

3. Смѣшать деготь съ оси и небольшое количество соли. Мазать два раза въ день—утромъ и вечеромъ.

При употребленіи этого рода мази, если замѣтно, что голова значительно очистилась, начать ее мазать смѣсью доброкачественнаго воску съ свѣжимъ сливочнымъ масломъ, приготовленною путемъ совмѣстнаго топленія этихъ продуктовъ. Мазать два раза въ день, и въ этомъ случаѣ передъ смазываніемъ мыть голову бѣлкомъ и отрубями.

Геморой.

Дым.

По запискѣ: „Боасіліс цамалі“, средство противъ гемороя. „Орі тілі шабі, ерзі тілі шабі іамані да цалі мучі буріс чартлі, да тіцелі змарі.“

Двѣ части квасцовъ, одна часть мѣднаго купоросу, горсть сажі изъ трубы и красный уксусъ.

Кутаисъ.

Истолочъ по чайной ложечкѣ—жженныхъ квасцовъ, нежженныхъ, и мѣднаго купоросу, истереть листочекъ махорки и взять горсть сажі изъ трубы; всыпать все это въ одинъ стаканъ уксусу; смѣсь вскипятить и процѣдить въ бутылку; намочить въ этой смѣси кусочекъ ваты и мазать ею геморoidalныя шишки, дѣлая это черезъ двое сутокъ до тѣхъ поръ, пока не почувствуется облегченіе.

Верёда и нарывы.

Вырѣзать изъ тывзы двѣ длинныя и тонкія пластинки и продержатъ ихъ на солнцѣ до тѣхъ поръ, пока онѣ не за-

внудуть; затѣмъ поджарить ихъ въ свѣжемъ сливочномъ маслѣ, взятомъ въ количествѣ двухъ столовыхъ ложекъ. Отбросивъ выжатую тывву, сбить оставшееся масло въ холодномъ мѣстѣ до бѣлесоватости и достаточной густоты. Наконецъ, намазавъ этимъ масломъ круглый листъ подорожника (народн. „лаварзарѣва дедали“, литер. „мравалзарѣва“), приложить его къ больному мѣсту и сдѣлать на послѣднемъ повязку. Выполнять это каждый день по два раза, утромъ и вечеромъ, всякій разъ обмывая рану водой.

Костовдъ („чамелі“).

Взять горсть длинныхъ листьевъ подорожника (народн. „лаварзарѣва мамалі“ литер. приведено выше), обмыть ихъ и истолочь; получившимся сокомъ освѣжить рану¹ и приложить къ ней круглый листъ подорожника, смазанный масломъ, которое готовится по вышеуказанному способу; покрыть этотъ листъ слоемъ гущи отъ толченаго подорожника и забинтовать рану.

Поносъ.

Взявъ три стакана воды, всыпать туда столовую ложку сѣмянъ подорожника и кипятить это до тѣхъ поръ, пока не останется одинъ стаканъ лѣкарства. Послѣдняго давать больному каждое утро по столовой ложкѣ.

Катаральное состояніе желудка.

Страдающему желудкомъ, для совершеннаго излѣченія, дать выпить шесть стакановъ микстуры, приготовленной слѣдующимъ образомъ: натолочь хрустала и янтара, взять на де-

¹) Природа и люди на Кавказѣ и за Кавказомъ. П. Надеждина. Изъ статьи „Тысяча восемьсотъ второй годъ въ Грузіи“. Н. Дубровина: „Чтобы унять плачь неугомоннаго ребенка, нужно дать ему сокъ подорожника, разведенный въ молокѣ матери“.

вать копейку рыбьяго жиру и немного вина; смѣшать все это и вскипятить. По испражненіямъ больного заключаютъ, вышла ли изъ него болѣзнь или еще гнѣздится въ немъ. Фантазія наблюдателей надѣляетъ эскрименты человѣка, будто освободившагося отъ болѣзни, человѣческимъ ртомъ, зубами и глазами.

Заноръ.

Дымъ.

По запискѣ: „Виніціс зу муцлаз атківдес, машин захвіс марцвали (бобровая струя) да ркус кверцхі (черепашье яйцо), рубреванді (литер. рубіреванді, гумигуть, garsinta cumbogia desv—вещество ядовитое) галесе, зівівіз асві“.

Въ случаѣ заболить желудокъ, нужно всего этого натереть и дать больному внутрь съ виномъ.

По сообщенію кутанской знахарки, гумигуть входитъ въ этотъ составъ маленькой частичкой, равняющейся по величинѣ пшеничному зерну, что составляетъ не болѣе полуграна, и для послабленія желудка достаточно принять одинъ этотъ элементъ въ означенной дозѣ.

Какъ первый препаратъ изъ трехъ элементовъ, такъ и второй изъ одного выпить только одинъ разъ. А количество вина, потребное на приемъ—винный стаканчикъ.

Жаръ.

Растворить въ водѣ „Цізелі цамалі“, или „міца“ (красная земля, доставляемая изъ Константинополя), смочить въ этомъ расторгъ два куска холста и для уменьшенія жара приложить одинъ кусокъ къ головѣ, начиная со лба, а другой къ груди.

Въ послѣднее время привозъ „красной земли“ сталъ незначителенъ, а между тѣмъ спросъ на нее попрежнему большой; поэтому мелочные торговцы—фальсификаторы нерѣдко продаютъ неопытнымъ покупателямъ подъ видомъ этой земли кирпичъ.

Золотуха.

По запискѣ, въ дополненіе къ которой приведенъ аптекарскій вѣсъ составныхъ элементовъ предлагаемой микстуры, полученный нами на основаніи размѣриванія этихъ элементовъ кутаисской знахаркой:

„Сакмартивіос цамалі сасмелі ес арі“,—вотъ лѣкарственное питье отъ золотухи.

Составъ на одну бутылку:

три ставана воды; два кусочка сахара; „зхіс нарвелі“, козья желчь¹—четырнадцать гранъ;

„зафрані“, шафранъ—восемь гранъ;

„зедрі кочі“, бѣлый имбирь—одинъ скрупуль и два грана;

„квіделі кочі“, желтый имбирь—столько же;

цавзі орі кедалі да мамалі,“ двухъ родовъ мускатный орѣхъ: „женскій“ (поменьше) и „мужской“ (побольше)—обоихъ поровну, а вмѣстѣ четырнадцать гранъ;

„ціделі сандалі“, красный сандалъ—пятнадцать гранъ;

„зедрі сандалі“, бѣлый сандалъ—четырнадцать гранъ;

„шаві сандалі“, черный сандалъ—шесть гранъ;

„реванді“, ревенъ—шестнадцать гранъ;

„зіртвбіла“, солодовый корень—два скрупула и десять гранъ;

„тадлібі“, лакорица—одна драхма и шесть гранъ;

вышеупомянутая противъ жара—„ціделі цамалі“, или „міца“, красная земля—два скрупула и пятнадцать гранъ;

„ліла“, синяя краска (употребляемая красильщиками и потому называемая, „мзебріс ліла“) —одинъ гранъ;

¹) Природа и люди на Кавказѣ и за Кавказомъ. П. Надеждина. Изъ статьи „Тысяча восемьсотъ второй годъ въ Грузіи“. Н. Дубровина: У грузинъ у бабки для родильницы „въ пузырькѣ есть желчь отъ ежа, которую, по повѣрью народа, необходимо развести въ водѣ и дать выпить больной, у которой, по несчастію, умретъ ребенокъ въ утробѣ. Средство это вѣрное и испытанное: оно облегчаетъ роды“.

„оболі сакмевелі,“ бѣлый ладанъ—два скрупула и семь гранъ;

„данамастакі,“ мастика—одинъ скрупулъ и восемь гранъ;

„галбані,“ галбанъ—одинъ скрупулъ и четырнадцать гранъ;

„мурдасангі“—глетъ, обись свинца.

Кутаисская знахарка, присоединяя къ этимъ составнымъ частямъ бобровую струю, въ количествѣ шестнадцати гранъ и черепашее яйцо—полдрахмы, что составитъ немного больше половины яйца, — отвергаетъ глетъ, находя его въ микстурѣ лишнимъ; но говорить, что „мурдасангі“—хорошее средство для уничтоженія на лицѣ, путемъ смазыванія, какъ золотушной сыпи, такъ и опухоли („ціцані“); а также можетъ служить для врачеванія рожи: въ первыхъ двухъ случаяхъ нужно мазать лицо незначительнымъ растворомъ глета въ женскомъ молокѣ¹, а въ послѣднемъ растворо- ромъ его въ деревянномъ маслѣ.

Что касается микстуры отъ золотухи, та же знахарка считаетъ ее полезной и противъ опухоли ногъ; предлагаетъ принимать ее, при обою рода болѣзняхъ, каждое утро по винному стакану.

Процессъ приготовленія этой микстуры: твердые ингредиенты ея размельчаются и всыпаются въ воду; смѣсь взбалтывается и процеживается, послѣ чего совсѣмъ готова къ употребленію.

Завключимъ повѣріемъ, относящимся къ приему внутрен-нихъ средствъ.

¹) Вып. XIII. Отд. I, стран. 118, рубр. 60. С. Татевъ. Загез. у. Елисаветп. губ.: „На больной глазъ слѣдуетъ положить вату, смоченную молокомъ, взятымъ отъ женщины, имѣющей грудного ребенка женскаго пола“.

Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. Н. Дубровина: У дагестанскихъ горцевъ „глазныя болѣзни всѣхъ видовъ лѣчатъ женскимъ молокомъ, которымъ ежедневно промываютъ глаза больного“.

Когда больному подносят въ ложѣ лѣкарство и немно- *Сакара.*
го прольютъ, то оставшееся въ ней считаютъ лишеннымъ цѣ-
лебныхъ свойствъ, и больному не даютъ, а наливаютъ дру-
гую ложку того же лѣкарства.

Жертва или пожертвованіе („Самг(х)во“ или „сацїрави“).

Когда заболѣваетъ мальчикъ, берутъ барашка, три раза *Абаша.*
обносятъ его вокругъ головы больного и съ обоими отправа-
ются въ церковь. Послѣ обѣдни священникъ, въ свою очередь,
продѣлавъ съ барашкомъ то же, подходитъ съ нимъ въ иконѣ
Іоанна Крестителя; поставивъ животное на имѣющійся тутъ
столикъ, на которомъ лежатъ свѣчи, онъ вынимаетъ изъ кар-
мана деньги и кладетъ ихъ вмѣстѣ съ церковной выручкой.
Совершивъ такимъ образомъ куплю барашка и тотчасъ ото-
славъ его въ свой домъ, священникъ начинаетъ молиться о
здравіи больного. Самъ мірянинъ изъявляетъ желаніе купить
своего барашка вышеуказаннымъ способомъ; но это, въ силу
обычая, ему не дозволяется священникомъ.

Въ случаѣ чьей-либо болѣзни, у барашка обрѣзываютъ
правое ухо и обрѣзокъ привязываютъ къ правой рукѣ больно-
го у кисти, обѣщая при этомъ, если больной выздоровѣетъ,
устроить пирушку. Снятый у выздоровѣвшаго обрѣзокъ пря-
чутъ.

Заболѣетъ мужчина, обрѣзываютъ уши двумъ баранамъ, *Кутансъ.*
женщина—двумъ овцамъ; первые обрѣзки привязываютъ къ
рукѣ больного, вторые—къ рукѣ больной. Тѣхъ животныхъ или
дарятъ бѣднымъ, или пускаютъ на волю по большой дорогѣ,
вѣря, что они унесутъ съ собой болѣзнь изъ дома.

Родители, по обѣту, приводятъ выздоровѣвшее дитя въ
церковь и приносятъ сюда серебряный крестикъ, серебряную
колыбельку и такую же цѣпочку; эти дары они жертвуютъ

избранному святому и кладутъ предъ его иконой¹. Послѣ церковной службы выадоровѣвшему брѣютъ голову на паперти.

Женщины, избавившіяся отъ недуговъ, ставятъ себѣ за обѣдней на концахъ всѣхъ пальцевъ обѣихъ рукъ, а иногда вмѣстѣ съ тѣмъ и обѣихъ ногъ, свѣчи и въ такомъ видѣ пребываютъ до тѣхъ поръ, пока послѣднія не сгорятъ и не обожгутъ имъ пальцевъ. Со свѣчами, зажженными на рукахъ и на ногахъ, женщины сидятъ на полу, съ приподнятыми вверхъ колѣнами и носками, кисти же рукъ держа у колѣнъ съ наружной стороны. Выполняется такой обѣтъ какъ въ городскихъ церквахъ, такъ и въ близлежащихъ монастыряхъ, напр Моцаметскомъ.

*Цитирую,
Бергели.*

При заболѣваніяхъ выбираютъ или барана, или теленка, или пѣтуха и дѣлаютъ имъ надрѣзы—у первыхъ двухъ на ухахъ, у послѣдняго на гребнѣ или на крылѣ. Черезъ день—два идутъ въ церковь или съ намѣченной жертвой или безъ нея и, если жертвуются баранъ или теленокъ, несутъ туда горсть соли—священникъ освящаетъ ее послѣ молебна о здравіи. Когда означенныя животныя пригнаны къ церкви, имъ тамъ же даютъ освященную соль; затѣмъ рѣжутъ ихъ на паперти и, раздѣливъ на части, распредѣляютъ нѣкоторые изъ нихъ между священникомъ и церковнымъ старостой: священнику вручаются крестецъ и одна лопатка, а старостѣ—ноги, голова и шеура; изъ остального же, на погостѣ, готовятъ кушанье, которое сперва отвѣдаетъ священникъ, а потомъ ѣдятъ сосѣди—хозяева иногда только участвуютъ въ этой трапезѣ, потому что они по большей части даютъ обѣтъ не прикасаться къ пищѣ изъ жертвеннаго животнаго. Въ

¹) Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. Н. Дубровина: У дагестанскихъ горцевъ „на вѣтвяхъ деревьевъ, наклоненныхъ надъ самымъ бассейномъ, можно встрѣтить висачія модели колыбелекъ, сдѣланныхъ изъ тонкихъ прутьевъ. Колыбельки вѣшаются безплодными женщинами, желающими подарить своихъ мужей дѣтьми, въ полномъ убѣжденіи, что желаніе ихъ сбудется“.

томъ случаѣ, когда это животное было оставлено дома, хозяева, придя изъ церкви и давъ ему освященную соль, рѣжутъ его на обѣдъ для священника и сосѣдей; но на этотъ разъ не выдѣляютъ частей ни священнику, ни старостѣ. Что касается пѣтуха, то съ нимъ поступаютъ такъ: если онъ принесенъ въ церковь, его отдаютъ священнику; оставаясь дома — хозяева, возвратившись изъ храма, рѣжутъ его и готовятъ для собственнаго употребленія¹.

Грузины и армяне, собираясь вести выздоровѣвшаго въ церковь, одѣваютъ его во все бѣлое, спитое изъ калинкора или кисей, употребляемой послѣ оспы, кори, дифтерита и другихъ эпидемическихъ болѣзней. Но иногда одѣяніе бываетъ красное. Послѣ молебна выздоровѣвшаго облачаютъ въ обыкновенную одежду; прежнюю — калинкоровую отдаютъ бѣднымъ, кисейную же положивъ предъ иконой, три раза обводятъ его вокругъ храма, послѣ чего снова входятъ съ нимъ въ церковь. Здѣсь передъ тою иконой, избраннаго святого, выздоровѣвшій вмѣстѣ съ родными выковыриваетъ изъ щелей пола землю: исцѣлившемуся отъ болѣзни натираютъ этой землей глаза и даютъ ее принять съ водой. Далѣе, такъ какъ и въ

*Тифлисъ, и
с. его уѣзда
Марткопъ,
Цинцхару;
1. Телавъ и
с. его уѣзда:
Кваремъ,
Шилда,
Енисели.*

¹) Вып. XIV. Отд. I, страница 247. С. Варташенъ Нухинскаго уѣзда Елисаветпольской губ.: „Во время появленія болѣзней, варташенцы обращаются къ гадальщикамъ, которые приказываютъ принести въ тотъ или другой монастырь чернаго или бѣлаго барана, пѣтуха, поставить свѣчу въ ростъ больного, или самаго больного взять въ монастырь, чтобы онъ тамъ провелъ ночь“.

Опытъ географіи Кавказскаго края. П. П. Надеждина. Стран. 123: „У армянъ, подобно грузинамъ, вѣрятъ въ возможность исцѣленія отъ болѣзни жертвою. Больные даютъ обѣщаніе, въ случаѣ выздоровленія, пожертвовать церкви домашнихъ животныхъ, и кровь этихъ животныхъ льется непременно у стѣнъ церкви, а мясо дѣлится между священнослужителями“.

Вып. VI. Отд. I, стран. 131. С. Сарово Джеванширскаго уѣзда Елисаветп. губ.: „Выздоровѣвъ отъ чудотворной силы евангелій, больной приноситъ, въ знакъ искренней благодарности святынямъ, въ жертву жирнаго барана, мясомъ котораго пользуются нищіе, а кожа, съ нѣкоторыми жирными кусками, достается священнику“.

данномъ случаѣ пригоняють къ церкви барана или теленка и имѣють при себѣ горсть соли, приступаютъ къ принесенію въ жертву животнаго вышеописаннымъ порядкомъ; но кушанье, приготовленное изъ оставшагося мяса, предназначается нищимъ¹. Изъ Тифлиса, Марткопа и Цанцхару выздоровѣвшихъ по большой части водятъ въ грузинскую и армянскую церкви Св. Варвары, находящіяся верстахъ въ трехъ отъ ближайшаго къ Тифлису селенія Навтлугъ, а одна отъ другой на небольшомъ разстояніи; изъ Телавы, Кварели, Шильды и Енисея съ исцѣлившимися отправляются въ грузинскую церковь Св. Георгія, близкую къ Телаву и извѣстную въ народѣ подъ именемъ „Ғезрі Георгі“, потому что свѣтой на яконѣ изображенъ убѣленнымъ сѣдинами.

*Тифлисъ,
Кварели.*

Родители, въ случаѣ смерти дѣтей, даютъ обѣтъ—если у нихъ родится ребенокъ, столько-то лѣтъ одѣвать его во все бѣлое и не стричь ему волосъ, а къ концу назначеннаго срока прятти съ нимъ въ какую-либо отдаленную монастырскую церковь. Такихъ дѣтей, съ момента ихъ рожденія и до входа въ эту церковь, называютъ—сына „бері“, монахомъ, а дочь „молозаві“ монашкой. Въ наступившій срокъ родители являютъ въ церковь съ дитятей и пригоняють сюда барашка. Въ церкви послѣ молебна священникъ подстригаетъ волоса дитяти и снимаетъ съ него бѣлую одежду,—которая кладется предъ иконой. Когда подстриженнаго одѣнуть въ другое платье, и священникъ его благословить, слѣдуетъ тройное хожденіе съ нимъ вокругъ церкви, собраніе въ храмѣ родителями, для указанныхъ выше цѣлей, земли, освященіе соли, кормленіе ею барашка, закланіе животнаго и распредѣленіе его частей между священникомъ, старостой и нищими¹.

¹) Природа и люди на Кавказѣ и за Кавказомъ. II. Надеждина. Изъ статьи „Тысяча восемьсотъ второй годъ въ Грузіи. Н. Дубровина: У грузинъ несчастныя матери, у которыхъ умирають дѣти, также приобѣ-

Утопаніе и смерть.

Если утонеть человекъ—будетъ дождь.

Кутаисъ.

Утонеть въ морѣ праведный—вода его не приметъ, и *Джиганши*.
выброситъ на верхъ; утонеть грѣшный—останется на днѣ.

Передъ купаніемъ и плаваніемъ нужно выпачкаться въ *Булаши*.
грази, а иначе можешь утонуть.

Чтобы узнать мѣсто, гдѣ утонулъ человекъ, слѣдуетъ
взять вусокъ хлѣба и, положивъ въ него двугривенный, пу-
ститъ его на воду: хлѣбъ поплыветъ, но остановится надъ
тѣмъ мѣстомъ, гдѣ лежитъ утопленникъ, и станетъ вертѣться.

Когда больной начинаетъ икать, это признакъ того, что
онъ скоро умретъ.

Если человекъ умираетъ въ Рождество или на Пасху,
онъ непременно войдетъ въ рай, хотя бы былъ тяжкій грѣш-
никъ.

Погребальные обычаи и обряды.

Въ Имеретіи и Мингрелии,—какъ сообщаютъ о нихъ со-
вмѣстно и, не называя селеній и городовъ, говорятъ вообще,—
богатые родственники, узнавъ о смерти близкаго человекъ,
отправляются на погребеніе его, въ сопровожденіи нѣсколь-
кихъ всадниковъ.

[Десять конныхъ, и болѣе, провожавшіе родственниковъ
на похороны мингрельскаго царя, котораго оплакивали недѣли
двѣ и затѣмъ хоронили въ церковь, сидѣли на сѣдлахъ, обра-
щенныхъ заднею частью напередъ].

гають къ заступничеству Святого Давида: служатъ молебны и общають
посвятить новорожденнаго Святому на извѣстное число лѣтъ. Такіе по-
священные называются бери. Они носятъ бѣлую одежду и ходятъ съ
длинными, неостриженными волосами. По окончаніи срока посвященія, ре-
бенка босого вѣдутъ въ церковь. На церковной паперти священникъ об-
рѣзываетъ ему волосы и надѣваетъ цвѣтное платье. Служать молебенъ,
послѣ котораго закалываютъ быка или барана и раздаютъ его нищимъ“.

Прибывъ къ мѣсту и остановившись предъ воротами дома, всѣ сходятъ съ лошадей и, для выраженія скорби по умершемъ, приступаютъ къ исполненію „зарі“ (плачь, рыданіе): родственникъ или родственница покойнаго начинаетъ плакать и отчаянно кричать, а вслѣдъ за тѣмъ провожатые ихъ заводятъ заунывное пѣніе безъ словъ. Послѣднее, въ случаѣ пріѣзда родственникововъ безъ пѣвцовъ, исполняется такими же мѣстными. Скорбь по умершемъ выражается и другими способами. Такъ, въ домѣ на коврахъ, разостланныхъ по обѣимъ сторонамъ гроба, сидятъ „чѣріс уълебі“, тужащіе о кончинѣ покойника, родные его и родственники-мужчины и женщины. Послѣднія бываютъ съ распущенными и растрепанными волосами—опѣ плачутъ, царапаютъ свое лицо и полуобнаженную грудь и рвутъ на себѣ волосы, причитая каждое нѣчто въ родѣ слѣдующаго: „Зачѣмъ я не умерла раньше тебя... Зачѣмъ ты покинулъ (покинула) насъ... Какъ тебѣ не стыдно... Что же мы будемъ безъ тебя дѣлать?!“¹.

¹) Вып. X. Отд. I, стран. 106. С. Носири Сенаск. у. Кут. губ.: Требуется чтобъ родственники пріѣзжали на похороны по обычаю страны, т. е. „зарит“ („зари“ есть собраніе человекъ обоаго пола иногда до ста),—сопровождаящіе мужчины поютъ какіе-то заунывные звуки „вой—вой—во“ (ахъ, ахъ, ахъ), какъ во время пути, такъ и дома, пока гости или родственники умершаго не окончатъ оплакиванія“.

Вып. VI. Отд. I, стран. 188. С. Гадруть Джебранльскаго уѣзда Елисаветпольской губ.: „Въ случаѣ смерти больного, тотчасъ являются родственницы, сосѣдки, а иногда даже постороннія женщины, которыя садятся кругомъ трупа умершаго и оплакиваютъ его. При этомъ одна изъ женщинъ, болѣе свѣдущая старуха, высказываетъ въ печальныхъ пѣсняхъ лучшія достоинства покойнаго и всѣ событія его жизни, а остальныя поддерживаютъ ее довольно протяжнымъ хоромъ“.

Вып. XIV. Отд. I, стран. 250. С. Вартамень Нухинскаго уѣзда Елисаветпольской губ.: „Какъ только больной умретъ, тотчасъ собираются родственники и знакомые, обмываютъ тѣло, оплакиваютъ его... На другой день (послѣ выноса покойника въ церковь) приходятъ всѣ родственники и знакомые на литургію, послѣ которой собираются всѣ женщины, садятся вокругъ покойника и оплакиваютъ его: женщина, болѣе даровитая, громкогласно восхваляетъ дѣяніе покойнаго, а остальныя хоромъ плачутъ безъ словъ“.

Пока умершій остается въ домѣ, родные покойнаго ѣдятъ рыбную пищу, предлагая мясную постороннимъ посѣтителемъ.

Вып. X. Отд. I, стран. 78. У сванетъ: „Когда больной умереть, являются родственники, сосѣдки и, окруживъ трупъ умершаго, плачутъ. Оплакиваніе умершаго, предъ самымъ его выносомъ изъ дому, совершается мужчинами и женщинами, порознь по полу; при этомъ тѣ и другія стоятъ предъ гробомъ на колѣняхъ. Оплакиваніе женщинами состоитъ въ слѣдующемъ: одна изъ женщинъ, преимущественно та, которая имѣетъ хорошій голосъ, становится впереди всѣхъ и вачинаетъ оплакивать покойнаго, выхваляя качества его души и припоминая всѣ хорошія его дѣла; остальные женщины, рыдая, поддерживаютъ ее протяжнымъ хоромъ“.

Природа и люди на Кавказѣ и за Кавказомъ. П. Надеждина. У хевсуровъ: „Жители, узнавъ о несчастіи, постигшемъ ихъ сосѣда, приходятъ къ главѣ семейства совершить обрядъ „чиріо—дкена“, горе отъ потери и „митіреба“, при плаканіи рыданіе, изъявленіе сожалеія. Въ это время родственники умершаго сидятъ въ саклѣ небритыи, съ надвинутою на глаза шапкою, съ растегнутою рубашкою и открытою грудью. Посѣтитель становится предъ нимъ на колѣни, и оба начинаютъ плакать, вычисляя достоинства покойнаго и выражая горестное положеніе свое словами... На дворѣ вокругъ покойника, вынесеннаго сюда, чтобы не оквернять дома, сидятъ женщины, во главѣ ихъ наемныя плакальщицы. Умѣющая хорошо плакать, т. е. вычислять достоинства... опирается на саблю покойника (при оплакиваніи женщины, плакальщица держитъ палку съ кускомъ красной бязи на концѣ) и протяжнымъ голосомъ приглашаетъ умершаго принять предводительство надъ войскомъ. Тутъ остальные женщины бьютъ себя по колѣнямъ и завываютъ общимъ хоромъ. При этой сценѣ стоятъ нѣкоторые изъ мужчинъ и, закрывъ лицо шапками, вторятъ общему вою. Послѣ словъ зазывалы: „Онъ насъ не слышитъ, онъ намъ не отвѣчаетъ!... начинаются общія зазыванія, шумъ, гвалтъ“.

Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. Н. Дубровина. У чеченцевъ: „Женщины, отправляясь въ домъ умершаго, идутъ отдѣльно отъ мужчинъ и, съ приближеніемъ къ аулу, начинаютъ плакать. Плачъ этотъ производится такъ: одна изъ наиболѣе опытныхъ и краснорѣчивыхъ принимаетъ обязанность зазывалы. Ударяя себя въ лицо, то однимъ, то другимъ кулакомъ, она поетъ хвалебную пѣснь умершему, при чемъ послѣ каждаго періода ея пѣсни, сопутствовавшія ей и молчавшія женщины вскрикиваютъ всѣ въ одинъ голосъ „гададай!“ что значитъ, по чеченски, бѣда. Съ такимъ пѣніемъ женщины доходятъ до двора“.

Тамъ-же. „Осетины, вѣря, что слезы облегчаютъ участь умершаго за гробомъ собираются на оплакиваніе въ большомъ числѣ. При обрядѣ оплакиванія мужчины ударяютъ себя по лбу кулаками (что дѣлаютъ женщины во время похоронной процессіи), а по открытой бритой головѣ плетью. Женщины царапаютъ себѣ лицо ногтями, бьютъ обѣими руками по щекамъ или крестообразно по предплечьямъ, такъ что правая рука приходится на лѣвое предплечіе, а лѣвая на правое“.

Такой постъ въ это самое время соблюдаютъ и тѣ родственники умершаго, которые не явились на погребеніе¹.

Что касается погребальной процессіи, то можемъ привести относящееся сюда повѣріе:

(Старо-Сенаки, с. Сенакск. у.) „Если въ домѣ, мимо котораго совершается похоронное шествіе, отворена дверь, и ея не затворить сейчасъ—скоро изъ того дома вынесутъ покойника.

Равнымъ образомъ, вотъ какое повѣріе наблюдается у жителей г. Кутаиса и Эки, с. Сенакск. у., по возвращеніи съ погребенія: прежде чѣмъ войти въ домъ, умываютъ руки и лицо, чтобы на будущее время предотвратить несчастье въ семье².

Мужъ, надѣвъ траурное платье, сшитое изъ простого чернаго калинкору, по смерти жены, и жена—такое же по смерти мужа, избираютъ въ домѣ комнату, которая помрачнѣе, да сверхъ того въ ней завѣшиваютъ окна черными занавѣсами, и пребываютъ тамъ, можно сказать, безвыходно сорокъ дней; въ теченіе всего этого времени скорбящіе—мужъ или жена—спятъ на полу, устроивъ себѣ постель изъ соломы. На сороковой день они оставляютъ мрачную комнату, а темное платье, котораго до тѣхъ поръ не смѣли даже починаить, если-бъ и понадобилось, замѣняютъ такимъ же другимъ, иногда спшитымъ изъ шерстяной матеріи, и носятъ его до конца траура³.

¹) Вып. X Отд. I, стран. 80. У сванетъ: „Женскій полъ носить трауръ по умершемъ (у насъ о пошеніи траура ниже) и воздерживается отъ мяса въ продолженіе 1—2 дѣтъ. Мужчины тоже носятъ трауръ и не стригутъ волосъ круглый годъ, но воздерживаются отъ скоромной пищи только одну или двѣ недѣли“.

²) Вып. VI Отд. II, стран. 171. Ейскъ Кубанской области: „Предавши тѣло усопшаго землѣ, родственники его, по возвращеніи съ кладбища, имѣютъ обыкновеніе умывать руки“.

³) Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. Н. Дубровина. У чеченцевъ: „Во многихъ обществахъ вдова въ теченіе года оста-

Всѣ мужчины, по смерти родного, не стригутъ своихъ волосъ и не брѣютъ бороды: кто съ покойнымъ въ близкомъ родствѣ—по году, а дальніе—по полугоду. Вдовецъ совсѣмъ сбриваетъ волоса на головѣ, послѣ достоюжнаго поминкованія жены въ годовщину.

Существуетъ повѣріе (Сагара, с. Шароп. уѣзда): Когда кому-либо приходится надѣть трауръ, должно, во избѣжаніе этого на дальнѣйшее время и въ предупрежденіе смерти близкихъ родственниковъ, на правое плечо одежды нашить крестикъ изъ красной нитки¹.

Поминки по умершемъ, съ вышеописаннымъ оплакиваніемъ, какъ оно происходитъ въ домѣ у гроба, совершаются, кромѣ годовщины, также въ девятины и сорочины-девятый день и сороковой со дня смерти. Въ эти дни оплакиваютъ покойнаго или дома, сидя на полу,—или на кладбищѣ, вокругъ могилы, положивъ на нее его одежду. Иногда въ силу обстоятельствъ, напр. перемѣны мѣстожителства родныхъ и невозможности пріѣзда ихъ, оплакиваніе умершаго происходитъ не на томъ кладбищѣ, гдѣ онъ похороненъ, а на другомъ, вокругъ могилы какого-либо родственника, если имѣется таковая, при чемъ и здѣсь на могилу кладется одежда покойнаго.

Въ Самурзакани, верстахъ въ четырнадцать отъ Окума, есть кладбище, куда къ восьмому сентября, дню Рождества Пресвятой Богородицы, отовсюду стекается народъ на поминки. Одинъ путешественникъ, отъ котораго мы слышали это, случайно проѣзжавшій въ тотъ день мимо

ется въ одномъ и томъ же платьѣ и бѣльѣ, которое было надѣто на ней въ день смерти: это замѣняетъ трауръ. Послѣдній иногда носятъ въ теченіе двухъ и даже трехъ лѣтъ“.

¹) Вып. XIII Отд. I, стран. 116, рубр. 47. С. Татевъ Зангезурск. у. Елисаветп. губ.: „Для предохраненія дѣтей отъ пораженія молвіей, въ Страстную пятницу имъ вышиваютъ двѣтными нитками на спинѣ верхняго платья (архалука) вкругъ съ крестомъ внутри“.

означеннаго владбища, былъ приглашенъ на тривну. Здѣсь онъ встрѣтилъ много духовныхъ лицъ и возлѣ одной могилы замѣтилъ кровать, которая вся была покрыта и по спивкамъ увѣшана платьемъ, какъ ему передавали, покойнаго: сверху платья лежала шапка. На землѣ вокругъ той кровати сидѣли женщины и оплакивали умершаго, уже помянутаго предъ этимъ священниками въ заупокойной молитвѣ. По окончаніи оплакиванія начался пиръ, а вслѣдъ за тѣмъ произошла джигитовка ¹.

Подобное же оплакиваніе имѣло мѣсто въ Кутаисѣ, 11 сентября 1892 года, при чемъ предварительно надъ чучеломъ, для мнимаго погребенія его, священники совершили церковное отпѣваніе. Чучело лежало на постели, прикрытое простыней, а сверху на немъ была фотографическая карточка покойнаго. Умершій былъ мизгрелецъ, скончавшійся отъ холеры въ баракахъ, и потому немедленно свезенный въ братскую могилу; вслѣдствіе чего родные, жившіе вдали, не успѣли оплакать его во-время.

Тифлисъ.

Послѣ выноса покойника въ церковь или на владбище, выходятъ изъ дома съ какою-либо посудиною, чайной или обѣденной, и разбиваютъ ее.

¹) Вып. X. Отд. I, стран. 60. У сванетъ: „На поминкахъ живо, устраиваемыхъ для того, чтобы, въ случаѣ непоминованія послѣ смерти, душа покойнаго не стала врагомъ дома, живой покойникъ одѣвается въ чистую, лучшую одежду, ѣсть и пить, сколько можетъ. Окружающія плачутъ, воютъ, причитаютъ, рвутъ волосы, цѣлуютъ одежду живого покойника и т. д.—словомъ, продѣлываютъ все то, что и при дѣйствительномъ покойникѣ“.

Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ, Н. Дубровина. „У чеченцевъ въ домѣ умершаго, посреди двора, лежитъ постель, а на ней платье покойника. Вокругъ постели сидятъ одноаульные женщины.“

„Если во время похоронъ кто-нибудь пройдетъ мимо, то его или приглашаютъ принять участіе въ поминкахъ, или же непременно вынести ему навстрѣчу чего нибудь съѣстнаго“.

Природа и люди на Кавказѣ и за Кавказомъ, П. Надеждина. У хевсуровъ: „Ко дню похоронъ родственникомъ умершаго назначаются скачки... На годовыхъ поминкахъ возобновляютъ окончательно рыданіе и назначаютъ скачки“.

Въ гробъ кладется одна вѣнчальная свѣча.

Кварели.

Мужъ во время погребенія жены и жена на похоронахъ мужа, бывають одѣты въ то платье, которое было на нихъ подъ вѣнцомъ; въ виду этого подвѣнчное платье тщательно сохраняется.

Полумиѳическія и миѳическія существа.

„Кудіані,“ вѣдунъ или вѣдьма съ хвостомъ.

Въ Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа (Вып. IX. Отд. II, стран. 175—180) помѣщена статья г. В. Ломинадзе „О вѣдьмахъ“. Съ своей стороны и мы намѣрены коснуться того же предмета и показать, какъ простой народъ вѣритъ въ „кудіанебі“.

Подъ именемъ „кудіанебі“ извѣстны, во-первыхъ, люди обоого пола¹, имѣющіе по двѣ души, одну чистую и одну нечистую, и по два такихъ же сердца,—почему „кудіані“ и называется еще иначе „орі сулі, орі гулі“; во-вторыхъ, подъ тѣмъ же именемъ разумѣются злыя существа, состоящія каждое изъ означенныхъ—нечистой души и нечистаго сердца. „Кудіані“ въ послѣднемъ смыслѣ это сама нечистая сила², способная на все злое. Днемъ эта сила неразлучна съ чистымъ началомъ и, пребывая въ тѣлѣ человѣка, злыя дѣла творить чрезъ послѣдняго; а ночью, покинувъ свое вмѣстилище и чистую душу и сердце, предоставивъ имъ покоиться безмятежнымъ сномъ, она подвизается на поприщѣ зла сама

Симонати.

¹) По словамъ упомянутого автора, мужчинъ—„кудіанебі“ почти не бываетъ.

Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. Н. Дубровина: По мнѣнію дагестанскихъ горцевъ—колдовство распространялось исключительно на женщинъ, которыя, по несовершенству своей природы, доступны всякому дьявольскому навожденію.“

²) „Колдовство пріобрѣтается только при содѣйствіи нечистой силы, сношеніе съ которой прерываетъ всякую связь съ религіею, и потому открытая колдунья называлась смертью“.

по себѣ, превращаясь иногда въ животныхъ или въ насѣкомыхъ: тогда этотъ кудіані носится по горамъ и у воды и проныкаеть въ дома черезъ замочную скважину или черезъ щель; но послѣ ночныхъ походовъ, вернувшись въ человѣка, въ которомъ проводитъ дни, заставляеть его проснуться.

Кудіанебі, какъ духи, плодятся и множась путемъ супружества, увеличиваютъ свой родъ и чрезъ вербованіе новыхъ членовъ изъ среды людей, избирая для того дѣтей. Жертвами „кудіанебі“ становятся дѣти до двѣнадцатилѣтняго возраста, которыхъ тѣ, желая сдѣлать ихъ подобными себѣ существами, обучаютъ своимъ искусствамъ въ продолженіе трехъ-четырехъ мѣсяцевъ, производя это обученіе сперва въ домѣ, а затѣмъ подъ открытымъ небомъ. Эти искусства слѣдующія: умѣнье держаться на стѣнѣ (кудіані, бросая ребенка на стѣну, заставляеть его устоять на ней); пролѣзть чрезъ игольное ушко; ѣздить на кошкахъ и волкахъ и превращаться въ нихъ, а также въ жука, муху и другихъ насѣкомыхъ; и летать по воздуху.

[„Кудіанебі“ ѣздятъ на парѣ „сатвахелі“, виноградныхъ давленъ (Саджавахо, с. Озург. уѣзда);

на метлахъ, кошкахъ и собакахъ; превращаются въ этихъ животныхъ, а изъ насѣкомыхъ въ жука и муху; летаютъ по воздуху (Дымы, с. Кутаис. уѣзда);

превращаются въ собаку и пѣтуха (Савопадзо, с. Кут. уѣзда).]

Обученіе всѣмъ такимъ искусствамъ сопряжено съ величайшими затрудненіями, и ребенокъ всегда заявляетъ о мучительности своего положенія, но лишь слезами.

[Одна мать, проснувшись отъ плача маленькаго сына, видѣла, какъ вѣдьма тащила ребенка на дворъ черезъ щель (с. Дымы).

То обстоятельство, что двѣнадцатилѣтній мальчикъ, спавшій на одной тахтѣ съ своей опекуней, очутился затѣмъ

у дверей и тамъ былъ найденъ въ слезахъ, мѣстный колдунъ (Сацеры, с. Кут. губ.) объяснилъ тѣмъ, что за этимъ мальчикомъ являлся „кудіані“, помогшій его взять, потому что тотъ оказался для него тяжелымъ.]

Дѣтей, неспособныхъ постигнуть означенную науку, „кудіанебі“ замариваютъ и сводятъ въ могилу недѣли черезъ двѣ отъ начала ученія.

[Джиханши, с. Кут. у. Одинъ крестьянинъ, почитаемый колдуномъ, говорилъ, что онъ, какъ и подобные ему, дѣтей не воспріимчивыхъ оставляетъ въ покоѣ, не причиняя никакого вреда здоровью ихъ и не посягая на ихъ жизнь; что искусству колдовства можно научить только тѣхъ дѣтей, которыя родились подъ извѣстной планетой; что „кудіанебі“ пробуютъ обучать этому искусству дѣтей въ возрастѣ отъ двухъ до трехъ лѣтъ].

Своихъ учениковъ и ученицъ, преуспѣвшихъ въ наукѣ, „кудіанебі“ представляютъ старшей вѣдьмѣ, называемой „Рукани“, на испытаніе въ преподаваемыхъ имъ искусствахъ, послѣ чего обращаемые причисляются къ сонму „кудіанебі“¹.

Вѣдунами и вѣдьмами могутъ быть люди, начиная съ шестнадцати лѣтъ, хотя въ этомъ возрастѣ они еще не особенно сильны въ своемъ искусствѣ, а совершенными въ немъ становятся на старости,—когда ихъ можно легко узнать по слѣдующимъ признакамъ: тогда „кудіанебі“, ужасные своимъ взоромъ, не по лѣтамъ сильны въ работѣ, быстры и легки въ ходбѣ (просто парятъ надъ землей) и всегда здоровы; но на людяхъ они стараются себя показать немощными стариками и старушками,—иногда для виду, чтобы домашніе не могли узнать въ нихъ „кудіанебі“. требуютъ лѣкарствъ.

Въ ночи на Страстной—со среды на четвергъ и съ четверга на пятницу—„кудіанебі“ души проникаютъ въ дома въ

¹) „Новая вѣдьма принята (начальницею всѣхъ вѣдьмъ „Рокани“) и ее немедленно отдають старымъ вѣдьмамъ на ученье.“ В. Л.

ненавистнымъ имъ людямъ и вырываютъ у нихъ сердца¹, которыя доставляютъ своей повелительницѣ „Рокапи“ (Дыми с. Кут. у.—своему царю). „Кудіані“, вырвавъ сердце у человѣка, назначаетъ ему срокъ жизни—отъ недѣли до году; человѣкъ, проболѣвъ весь назначенный періодъ времени, умираетъ (то же и въ Сацирахъ, с. Кут. у.). Въ тѣ же ночи, и особенно въ ночь со среды на четвергъ, стараются какъ можно меньше спать, чтобы не сдѣлаться жертвою кровожадныхъ духовъ.

Вырывая сердца у людей, кудіанебѣ дѣлаютъ это какъ изъ стремленія удовлетворить своимъ злобнымъ инстинктамъ, такъ и по обязанности къ державнымъ повелителямъ, которыхъ ображеніе народа помѣщаетъ на одной и той же горѣ—Таблаквера².

Оаширы.

Въ Сацирахъ, какъ и въ Симонетахъ, всего одинъ колдунъ, старикъ, представляющій довольно рѣзкую противоположность колдунамъ другихъ мѣстностей; такъ, взятое сердце у человѣка онъ оставляетъ у себя и употребляетъ его для изготовленія средства на пагубу людей; но дѣлая людямъ зло, онъ способенъ дѣлать имъ и добро, потому что беретъ помогать тѣмъ, которымъ повредили своимъ волшебствомъ другіе „кудіанебѣ“. Хотя онъ, хвастаясь предъ людьми, и говоритъ, что никого не боится, что ничего ему не сдѣлаютъ, а главное, что самъ онъ все можетъ сдѣлать—и болѣзнь наслать, и однимъ взоромъ обратить человѣка въ „кудіані“,—однако вырывать сердца у людей не всегда ему удается: всѣ жители селенія, отъ мала до велика, ложась спать, разстегиваютъ воротъ рубахи, видя, въ этомъ единственный, но вѣрный способъ спастись отъ „кудіані“—который, замѣтивъ крестъ

¹) Вып. XIII. Отд. II, стран. 145. У Дагестанскихъ деггичъ: „Алпабъ (красная женщина), происходящая изъ рода чертей, вынимаетъ у роженицы легкія, печень и селезенку.

Вып. XIV. Отд. I, стран. 160. С. Варташевъ Нухинскаго у. Елисаветп. губ. Злой духъ (алъ) вынимаетъ у роженицы печень и сердце.

²) „Табавелы“. В. Л.

на обнаженной груди человека, не осмѣливается вынуть у него сердце.

На Страстной, въ означенныя ночи, „кудіанебі“ угрожаютъ не только жизни людей, но и источнику ихъ благосостоянія—виноградникамъ; послѣдніе не безопасны отъ нихъ и въ ночь передъ Успеніемъ, когда грозитъ опасность и цѣлости вина, на которое падки „кудіанебі“.

Пагубныя дѣянія вѣдуновъ и вѣдьмъ, прерываемыя въ часы досуга забавами (Саджевахо, с. Озург. у.), продолжаются круглый годъ, постоянно встрѣчая противодѣйствіе въ разныхъ мѣрахъ, какія люди принимаютъ для своего огражденія.

Какковы же средства обороны виноградниковъ и вина? Оборона первыхъ, замѣтимъ, бываетъ, довольно шумна.

Въ Гундаети, въ Великую среду и въ Великій четвергъ, *Гундаети. Квирилы.* жгутъ костеръ среди виноградника (Гундаети-костеръ изъ виноградныхъ лозъ; Квирилы—прыгаютъ черезъ костеръ) и обходятъ вокругъ виноградника, барабана по тазу.

Здѣсь виноградники охраняютъ въ Великій четвергъ и *Джигханши.* назанунъ Успенія, оба раза одинаковымъ способомъ. Въ вечернія сумерки въ виноградникахъ собираются мужчины: при входѣ туда или въ срединѣ виноградниковъ ставятъ маленькіе крестики, прикрѣпленные къ концамъ саженныхъ палокъ; разводятъ костры; восклицаютъ, обращаясь къ „кудіанебі“.

„Ѕувені свіѣ ѳувені чамеъ,—
Чвенсас цварі дагвіцереъ!“

Свое пейте, свое ѳшьте,—наше крестомъ осѣните!

Саджевахо, с. Озургет. у.:

„цварі аѳа! Кудіано!
Шені сві да шені чаме,—

Чвенсас цварі да $\frac{\text{ГВ.}}{\text{М}}$ іцереъ!“

Съ нами крестная сила! Вѣдьма! свое пей и свое ѣшь,—
наше крестомъ осѣни!

Затѣмъ стрѣляютъ изъ ружей, разсчитывая, если не
убить, то по крайней мѣрѣ напугать «кудіанебі»; послѣ вы-
стрѣловъ кричатъ:

„варуру, кудіанебс“!

Конецъ колдунамъ и колдуньямъ! или: Прочь, колдуни и
колдуны!

Саджавахо: послѣ выстрѣловъ: „Ух“

Дмы.

Наванунѣ Успенія стрѣляютъ во дворѣ, близъ виноград-
ника, поверхъ привязаннаго пѣтуха, положивъ ружье на ша-
ву, прикрѣпленную надъ пѣтухомъ.

*Маллаки, с.
Кут. у.*

Въ полночь съ четырнадцатаго на пятнадцатое августа
къ старымъ вѣдьмамъ являются черныя кошки. Вѣдьмы са-
дятся на нихъ и ѣдутъ къ „Рокапи“. Получивъ отъ нея бла-
гословеніе, онѣ отправляются на промисель: забираются въ
„марані“, добываютъ оттуда вино и доставляютъ его своей
властительницѣ.

Для предохраненія вина отъ такой покражи хозяева за-
ходятъ въ „марані“ днемъ, взявъ туда съ собой свѣчу, ла-
данъ, куски желѣза, жареную курицу и вина: въ „марані“
они жгутъ свѣчу, курятъ ладанъ и произносятъ слова, уже
раньше приведенныя:

„Шені сві да шені чаме,—

Чемсас (мое) цварі дамідере!

Послѣ этого къ виннымъ бочкамъ привлаживаютъ же-
лѣзо, по куску къ каждой—этимъ ляпаютъ вѣдьмъ силы, не-
обходимой для того, чтобы отерутить кранъ; затѣмъ ѣдятъ
курицу, пьютъ вино и наконецъ уходятъ изъ винаго по-
гребя.

Кулаши.

Въ ночь передъ Успеніемъ „кудіанебі“ мучатъ людей и
мажутъ имъ глаза углемъ, а (Кутансѣ) женщинамъ сверхъ
того обрѣзываютъ волоса; чтобы предохранить себя отъ та-

нихъ поворныхъ мученій, передъ наступленіемъ ночи налѣ-
пляютъ на волоса головы, мѣстами, частички воску.

Извѣстны еще нѣкоторыя мѣры, практикуемыя имеретя-
нами противъ возней „кудіанебі“ во всякое время года.

Такъ красивымъ дѣтямъ натираютъ лобъ углемъ, чтобы *Бутаисъ.*
колдунъ или колдунья не могли сглазить ихъ.

Повсемѣстно: Собираясь уходить изъ дому поздней по-
рой, намазываютъ себѣ лицо углемъ и повязываютъ лобъ бѣ-
лымъ платкомъ или полотенцемъ; при входѣ завѣдомыхъ вѣ-
дуновъ или вѣдмъ въ чей-либо домъ плюютъ, а при выходѣ
ихъ со двора бросаютъ имъ велѣдъ горящую голозню.

Дѣйствуя во вредъ людямъ непосредственно, „кудіанебі“ *Димы.*
причиняютъ имъ зло и путемъ волшебства—надъ ихъ остры-
женными ногтями, ключьями волосъ и вырѣзанными изъ бѣлья
ихъ и платья полосками; поэтому колдуны и колдуньи стара-
тельно достаютъ и ногти людей, и волоса ихъ, и тѣ полоски¹.

Посмотримъ, какъ люди отмѣчаютъ „кудіанебі“, чтобъ
потомъ остерегаться ихъ.

Въ Дымахъ—всегда, если въ домъ войдетъ незнакомая
кошка, ей отрѣзываютъ ухо, а влетитъ жуеъ, ему обрываютъ
крылья, думая, что подъ видомъ кошки или жука являются
колдунъ или колдунья, и рассчитывая встрѣтить на другой
день больного человѣка—или хромающаго, и по этимъ при-
знакамъ узнать „кудіані“. Жува иногда прямо бросаютъ въ
огонь и мученія его относятъ къ вѣдуну или къ вѣдмѣ, го-
воря: „Кудіані мучится!“ Ниже приводится сказаніе (Хони,
м. Кут. у.), на основаніи котораго можно предполагать, что
суетвѣрные люди способны бросать въ огонь и кошку.

Подвергая вѣдуновъ и вѣдмъ воображаемой пытке, ихъ *Рачинскій у.*
заставляютъ претерпѣвать и дѣйствительныя мученія. Именно: *Джизгашини.*

¹) Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. Н. Дубро-
вина. У осетинъ: „Знахарь приказываетъ секретно отрѣзать у колдуна
что-нибудь изъ платя и достать ключекъ его волосъ и съ ними уже овъ
избавляетъ человѣка отъ порчи колдовствомъ“.

отмѣчая ихъ, имъ прикладываютъ ко лбу раскаленное желѣзо, что называется по грузински „дадава“, часто и нынѣ совершаемое въ Рачинскомъ уѣздѣ, гдѣ не церемонятся и съ хилыми стариками.

Но вотъ что было съ колдунами въ Джиханши. Въ 1853 или 54 году въ окрестности случился страшный неврожай. Это приписали тому, что развелось много колдуновъ, могущихъ, по повѣрью народа, вредно вліять и на урожай. Придя къ такому заключенію, общество постановило отслужить молебенъ, на которомъ должны были присутствовать всѣ жители изъ четырехъ селеній—Джиханши, Кулаши, Іанеты, Эцери,—и было объявлено: „Кто не явится къ молебну, будетъ сочтенъ за „кудіані!“ Многие по обстоятельствамъ не явились на молебенъ. Тогда назначили день, въ который всѣ, отсутствовавшіе на молебнѣ, должны были притти къ рѣчкѣ „Губіспкалі“. Народу собралось сюда много; здѣсь были и крестьяне, и дворяне, и князья. Черезъ рѣчку перебросили двѣ деревянныя балки, на которыхъ, по одному на каждой, размѣстились двое мужчинъ. Заподозрѣнныхъ въ колдовствѣ связывали по рукамъ, обхватывавшимъ ноги выше колѣнъ, и тамъ скрѣпленнымъ у кистей; сверхъ того руки перевязывали имъ на груди у плечъ; наконецъ, къ послѣдней перевязи прикрѣпляли веревку и на ней опускали ихъ въ воду. Кто изъ опущенныхъ въ рѣчку тонулъ, тотъ признавался нечастнымъ къ колдовству, и освобождался; а кто изъ нихъ такъ или иначе держался на поверхности воды, принимался за колдуна: такому, вытащивъ его на берегъ, прикладывали къ мягкимъ частямъ тѣла раскаленную подкову. Женщины, не бывшія на молебнѣ, и явившіяся къ роковымъ балкамъ, были освобождены отъ обоого рода пытокъ¹.

¹) 176 стран. вышеозначенной статьи „о вѣдмахъ“: „Замѣченную бросаютъ въ воду, и, если она погрузится въ нее, значитъ, она не вѣдма; если же, наоборотъ, она хоть нѣсколько секундъ останется на поверхности

Сказанія о похожденияхъ вѣдьмъ въ видѣ кошекъ.

1. Въ одну семью повадилась ходить по ночамъ черная *Сакопадзо.* кошка и душила дѣтей. Хозяинъ спохватился тогда только, когда она успѣла погубить троихъ: онъ рѣшилъ застрѣлить кошку. Но всякій разъ, какъ хозяинъ собирался дать выстрѣлъ по ней, кошка исчезала, а вмѣсто нея появлялись собака или пѣтухъ, и хозяинъ опускалъ ружье. Правда, иной разъ кошка; боясь за себя и спасаясь отъ выстрѣла, убѣгала на чердакъ, но, когда хозяинъ входилъ въ избу, она спускала съ чердака и метала камни на домъ. Злосчастный человѣкъ, думая, что виною всему мѣсто, перебрался на жительство въ другой домъ. И здѣсь кошка не переставала тревожить осиротѣвшихъ родителей, являясь къ нимъ аккуратно каждую ночь. Разъ, какъ только хозяинъ улегся спать, она вошла въ домъ и расположилась подъ вороватую хозяйки. Хозяинъ, замѣтивъ опаснаго врага, тотчасъ вскочилъ на ноги, схватилъ кошку и бросилъ ее въ „дурне“, печь. Но огонь въ печи былъ слабый, и для кошки дѣло ограничилось лишь тѣмъ, что она обожгла себѣ лапки; когда хозяинъ, въ полной увѣренности, что врагъ уничтоженъ, снова легъ въ постель, кошка убѣжала. На другой день хозяинъ отправился къ сосѣдямъ поразсказать имъ о случившемся, тамъ онъ нашелъ старуху, больную руками и ногами: тутъ онъ догадался, что эта сосѣдка колдунья, являвшаяся подъ видомъ черной кошки въ его домъ.

2. Одна женщина, которою владѣла вѣдьма, всегда вы- *Хони.* брасывала изъ рта волосы, ногти, уголь и свѣчи, и чрезвычайно этимъ мучилась. Когда у нея не было силъ долѣе педти, что норѣдко случается, то, стало быть, она—вѣдьма. Чтобъ всѣ знали, что та или другая женщина—вѣдьма... раскаленнымъ желѣзомъ ей выжигаютъ слѣды на лицѣ, рукахъ и ногахъ. Въ настоящее время... въ нѣкоторыхъ глухихъ, заброшенныхъ деревняхъ и по сіе время практикуется эта безчеловѣчная мѣра“. В. Л.

реносить эти мученія, она попросила мужа, чтобы онъ ночью посторожилъ и посмотрилъ, не явится ли кто-нибудь въ ихъ домъ. Хозяинъ пригласилъ трехъ сосѣдей и сталъ съ ними караулить. Когда наступила полночь, въ домъ очутилась кошеа, которая подошла къ хозяйкѣ. Послѣдняя быстро схватила кошеу; но кошеа зажгла одѣяло и, когда караульные бросились его тушить, бѣжала.

Сказаніе изображающее неумѣлость и глупость двухъ колдуновъ.

Абаша. Въ подѣ на одинокой яблонѣ сидѣлъ мальчикъ и срывалъ яблоки. Вдругъ возлѣ дерева появился „кудіані“, съ мѣшкомъ за плечами, и попросилъ мальчика сбросить ему яблоко. Мальчикъ исполнилъ его просьбу. Тогда колдунъ говоритъ: «Яблоко не хорошо, сбрось другое!» Получивъ и это, онъ сказалъ: „Яблоко упало въ ровъ!“ Продолжая выманивать у мальчика яблоки, „кудіані“ о третьемъ яблока выразился такъ: „Упало въ грязь!“—а о четвертомъ: „въ экскременты!“ Послѣ этого онъ посоветовалъ мальчику выдвинуться на конецъ вѣтви и отсюда подать ему яблоко въ руки. Когда мальчикъ, ничего не подозрѣвавшій, подавалъ колдуну послѣднее яблоко, тотъ схватилъ мальчика и, посадивъ его въ мѣшокъ, отправился съ нимъ въ путь. По дорогѣ имъ встрѣчались, поодиночкѣ, ворона, голубь, пѣтухъ, гусь, осель и волкъ (или лисица). Всѣ они привѣтствовали колдуна и, попросившись у него въ товарищи, были приняты имъ. Шли они, шли и наконецъ пришли къ одной рѣкѣ. Тутъ волкъ взялся перевезти всѣхъ на другой берегъ: сперва онъ перевезъ пѣтуха и съѣлъ его, затѣмъ перевезъ мальчика и пустилъ его на волю; когда волкъ вернулся къ спутникамъ, „кудіані“ спросилъ его о мальчикѣ, и волкъ успокоилъ его, увѣривъ, что мальчикъ цѣлъ; далѣе постепенно хищникъ переправлялъ на другой берегъ и тамъ съѣдалъ ворону, голубя

и гуся,—а перевезенному ослу перекусилъ горло; оставивъ осла, онъ поплылъ за колдуномъ. Но послѣднему не удалось достигнуть желаннаго берега: на самой глубинѣ рѣки волкъ сбрасываетъ его съ себя и топить; утопая, „кудіані“ отчаяно кричить. Другой „кудіані“ слышитъ этотъ крикъ и бѣжитъ къ товарищу на помощь. Но пока онъ явился, собратъ его потонулъ, а волкъ, выплывъ на берегъ, уже успѣлъ подкрѣпить свои силы мясомъ осла и вдоволь наговориться со спасеннымъ имъ мальчикомъ, который вернулся къ волку. Теперь только подошелъ къ нимъ „кудіані“, узнавшій о гибели товарища, и, схвативъ мальчика, посадилъ его въ свой мѣшокъ. Неся мальчика, онъ такъ говорилъ ему: «Вотъ, приду къ дереву, изжарю тебя на вертелѣ и съѣмъ!» — «Не ѣшь меня», говоритъ мальчикъ, „лучше пойдемъ въ нашу деревню, выгонемъ отца моего и мать изъ дома, и сами поселимся въ немъ. Колдунъ послушался,—а чтобы мальчикъ могъ, указывать ему дорогу, онъ высвободилъ его голову изъ мѣшка, изъ предосторожности завязавъ послѣдній около его шеи. Когда они были въ деревнѣ и уже подошли къ дому, въ которомъ жили родители мальчика, колдунъ выпустилъ его изъ мѣшка и освобожденный мальчикъ ввелъ «кудіані» въ свой домъ. Тутъ сынъ хитро подмигнулъ отцу и матери и притворно выгналъ ихъ изъ дому. Затѣмъ, оставшись съ колдуномъ вдвоемъ, мальчикъ сказалъ ему: „Хочу сварить для тебя кашу, но ты долженъ принести воды!“ Когда вѣдунъ ушелъ, въ домъ явились гости. Мальчикъ тотчасъ рассказалъ имъ, въ чемъ дѣло; по совѣту ихъ, клонившемуся къ гибели „кудіані“, онъ забрался наверхъ и расположился тамъ надъ огнемъ. „Кудіані“ принесъ воду и на первыхъ порахъ, не видя мальчика, былъ пораженъ его исчезновеніемъ; гости указали ему бѣглеца и присовѣтовали колдуну собратъ черепки и, сложивъ ихъ столбомъ, взобраться по нимъ наверхъ и достать мальчика. Кудіани строятъ возвышеніе на огнѣ, взбира-

ется наверхъ и хватаетъ мальчика за ногу; какъ вдругъ надежная подставка рушится и колдунъ попадаетъ въ огонь, гдѣ гости добиваютъ его кинжалами.

җаці.

(Бѣсъ, демонъ, лѣшій. См. въ Словарѣ Чубинова).

Кутаисъ. Пагубное существо „җаці“ народомъ представляется въ образѣ мужчины и женщины, надѣленныхъ большими когтями и покрытыхъ съ ногъ до головы волосами—лишь кое-гдѣ на ихъ тѣлѣ замѣчаются голыя мѣста¹. җаці—женщина имѣетъ, кромѣ того, длинные волоса на головѣ, которые всегда носить распущенными. О чудовище җаці, благодаря его внѣшними и пребыванію въ лѣсу, выражаются, какъ о дикомъ челоуѣкѣ не забывая о сатанинскихъ его свойствахъ, считаютъ его потомкомъ дикарей, жившихъ нѣкогда въ огромныхъ лѣсахъ Закавказья. Живя въ лѣсу и въ водѣ, „җаці“ людямъ встрѣчается въ лѣсныхъ тущобахъ и на пустынныхъ берегахъ рѣкъ—въ весеннія, лѣтнія и осеннія ночи, преимущественно послѣ двѣнадцати часовъ. Но воображеніе народа поселяетъ это чудовище и въ мѣстахъ, обитаемыхъ людьми, гдѣ оно сидитъ будто на орѣховомъ деревѣ. Имеретинка, собираясь проходить подъ этимъ деревомъ и боясь «җаці», вырываетъ изъ головы нѣсколько волосковъ и кладетъ ихъ въ ротъ; а имеретинъ сперва перекрестится нѣсколько разъ, а потомъ уже осмѣлится пройти подъ орѣхомъ. Также опаснымъ считаютъ проходить подъ нимъ съ непокрытой головой. Къ орѣховому дереву, для спасенія отъ вредоноснаго существа—«җаці», прибываютъ желѣзную подкову. Противъ козней

¹) Вып. V. Отд. II, стр. 101. С. Баргени, Очечирскаго округа Сухумскаго военнаго отдѣла. Сказаніе о дикихъ людяхъ „очокочи“ (см. у насъ ниже): „Вдругъ къ охотнику Джвиба (расположившемуся подъ сосновымъ деревомъ на ночлегъ) подходятъ два огромныхъ волосатыхъ челоуѣка. Это были очокочи. Одинъ изъ нихъ былъ мужчина, а другой—женщина“.

«ѡаці» спасительными средствами равнымъ образомъ служатъ огонь¹, собави и волоса изъ конскаго хвоста—все это заставляетъ чудовище исчезнуть. Но оружіемъ, огнестрѣльнымъ и холоднымъ, съ нимъ ничего не подѣлаешь: чуть только «ѡаці» посмотритъ на оружіе, послѣднее перестаетъ дѣйствовать. Противоположное этому встрѣтимъ ниже, но то касается другихъ мѣстъ. Ѳаці—женщина пагубная для людей мужскаго пола тѣмъ, что, попавъ ихъ въ лѣсу или зайдя къ нимъ въ домъ, соблазняетъ ихъ и иногда доводитъ, послѣ соитія съ нею, до сумашествія, впрочемъ, обусловливаемаго похвалъбой мужинь; если же послѣдніе о томъ нижему не скажутъ, то съ ума не сойдутъ².

Человѣкъ мужчина, попавшій на встрѣчу ѡаці-женщинѣ, *Месхети, с. Кут. у.* не долженъ ни отвѣчать ей на вопросы, ни соглашаться на ея предложенія, — правда, притворно ему слѣдуетъ выражать свое согласіе, но и то лишь знаками³.

Иногда ѡаці-женщина, считаемая, какъ и въ с. Месхети, красивой, людямъ показываетъ большой или указательный палецъ, согнутыми въ ерючекъ: кто увидитъ первый палецъ, не смѣетъ о ней говорить годъ; кто увидитъ второй — полгода. *Кулаши, Сачино.*

Мужчина можетъ избавиться отъ ѡаці-женщины, ранивъ ее винжаломъ; совершивъ такой подвигъ, онъ тотчасъ долженъ отъ нея удалиться, не дожидаясь, пока она станетъ

¹) „Джвиба бросилъ въ очокочи пылающей головней, и заставилъ ихъ удалиться“.

²) Вып. VII. Отд. II, стран. 20. „Ростомъ—нартъ, осетинскій богатырь, находится въ пещерѣ и собираетъ ѣсть шашлыкы изъ оленьяго мяса. Изъ темнаго угла пещеры выходитъ къ нему клыкастая женщина. Ростомъ дѣлится съ нею шашлыками. Послѣ закуски женщина предлагаетъ богатырю остаться съ нею. Ростомъ, предчувствуя что-то нехорошее, долго отказывается. Уступивъ наконецъ ея желанію, онъ черезъ нѣсколько минутъ испускаетъ духъ.“

³) Изъ вышеупомянутаго сказанія о дикихъ людяхъ „очокочи“: „Женщина стала просить Джвибу дать ей кусочекъ оленьяго мяса. Но Джвиба зналъ, что, если кто отвѣтитъ очокочи, то непременно сойдетъ съ ума, и потому не отвѣчалъ ни слова...“

просить ранить ее вторично; удаляясь, человеку нельзя оборачиваться назад. Если бы мужчина, сдавшись на просьбу „ѡаці“, ударил ее кинжаломъ другой разъ, то первая ее рана зажила бы, и, такимъ образомъ, второй ударъ, вмѣсто вреда, принесъ бы ей пользу; а послѣ этого невозможно было бы ее убить никакимъ оружіемъ¹. Спасаетъ отъ „ѡаці“ и заклинаніе: „Именемъ св. Георгія и св. Троицы заклинаю тебя!“ — послѣ чего лѣшая исчезаетъ.

ѡаці-мужчину величаютъ лѣснымъ царемъ, а женщину — лѣсной царевной. Лѣсного царя, болѣе опаснаго для людей, представляютъ съ длинной косою волосъ и съ тремя топорами на груди, остриемъ направленными впередъ; этими топорами онъ убиваетъ людей. Лѣсная царевна, встрѣтивъ человѣка-мужчину, выставляетъ ему обѣ ладони и показываетъ на пальцахъ, на сколько лѣтъ она приглашаетъ его въ сожительство съ нею: покажетъ десять пальцевъ, значитъ приглашаетъ на десять лѣтъ; человѣкъ, не произнося въ отвѣтъ ни слова, долженъ отрицательно кивнуть головой, да и поступать такъ до тѣхъ поръ, пока „ѡаці“, постепенно уменьшая число пальцевъ на одивъ и, слѣдовательно, годы сожительства на столько же, не дойдетъ до показанія половины мизинца, что означаетъ полгода сожительства. Тутъ ужъ человеку нельзя не согласиться, а иначе лѣсная царевна убьетъ его.

Абаша.

Здѣсь „ѡаці“ носитъ названіе „очокочи“, у котораго изъ груди выдается широкая горизонтальная кость, постепенно суживающаяся и на концѣ острая. Волоса на его головѣ торчатъ щетиной, и по всему тѣлу покрытый волосами, онъ

¹) Очокочи стали просить Джвибу, ранившаго выстрѣломъ изъ ружья очокочи-мужчину, чтобы онъ выстрѣлилъ въ послѣдняго еще разъ. „Но Джвиба зналъ, что, если не выстрѣлишь еще сразу сто разъ, то очокочи послѣ второго выстрѣла, совершенно вылѣчится, поэтому не исполнилъ ихъ желанія. Очокочи удалились съ плачемъ и воемъ“.

Вып. VI. Отд. II, стран. 132. Сказка Закавказскихъ татаръ „о прекрасной царевнѣ“. Дивъ говоритъ: „Если разъ ударить меня тѣмъ мечомъ (мечъ-саморубъ), я умру, — если ударить два раза, я опять оживу“.

одѣтъ въ грязный, изорванный въ локотья, архалухъ, въ которомъ сзади есть два большихъ внутреннихъ кармана. Въ эти карманы „очокочи“ кладетъ и камни, которые онъ метаетъ въ людей, и хлѣбъ, который употребляетъ въ пищу, и деньги, которыя находитъ въ карманахъ убитыхъ имъ людей. „Очокочи“, поймавъ человѣка, держитъ его за руки и безъ умолку болтаетъ ему всякій вздоръ до тѣхъ поръ, пока не сведетъ его съ ума, послѣ чего убиваетъ его своею костью. Съвѣзъ на убитаго верхомъ, онъ хлещетъ его по щекамъ и затѣмъ обшариваетъ его карманы. Это чудовище можно убить тремя ружейными выстрѣлами; но выстрѣлишь въ него четвертый разъ, „очокочи“ оживетъ. Итакъ, мы видимъ, что „каджи“ можно уничтожить и оружіемъ, но при соблюденіи условнаго числа ружейныхъ выстрѣловъ, какъ въ данномъ мѣстѣ, и ударовъ кинжалами, какъ выше.

Сказанія ¹.

Есть въ окрестности Сухума лѣсная гора, гдѣ пребываетъ „очокочи“, имѣющій руки длиною съ версту, которыя онъ протягиваетъ въ хижину татарина, живущаго у подошвы той горы, когда длиннорукому чудовищу нужно изъ хижины достать хлѣбъ: татаринъ, сведенный съ ума болтовней „очокочи“, принужденъ кормить его.

Былъ одинъ сильный и настолько храбрый человѣкъ, что даже не боялся злыхъ духовъ. Разъ поздней порой ему случилось проѣзжать мимо рѣки, протекавшей въ лѣсу, и онъ услышалъ плачь, доносившійся до него съ берега рѣки. Богатырь остановилъ свою лошадь и издали спросилъ: „Кто тамъ, чего плачешь?“—и получивъ дерзкій отвѣтъ: „Не твое дѣло,

¹) Здѣсь мы встрѣтимъ въ некоторыхъ особенностяхъ представленія о „каджи“: Чудовище имѣетъ исполинскія руки, клыки, способно превращаться въ животныхъ, пугается одного вида оружія и, несмотря на свою громадную силу, поддается крѣпости мышцъ человѣка.

поѣзжай своей дорогой!“—соскочилъ съ лошади и быстрыми шагами направился къ тому мѣсту, откуда ему отвѣтили. Онъ увидѣлъ на берегу сидѣвшую „цаці“, которая держала въ рукахъ огромный кусокъ дерева, оторванный ею отъ ствола. Моментально обхвативъ ее своими могучими руками, онъ сдвинулъ ее, связавъ и повезъ домой. Дома связанную „каджи“ побѣдитель посадилъ посреди савли у огня. Чудовище, служа предметомъ наблюденія собравшагося народа, дико и звѣрски озиралось кругомъ. Но скоро зрѣлище прекратилось: когда ужъ было за полночь, огонь погасъ и „каджи“ исчезла.

*Персати, с.
Кут. у.*

Въ одинъ теплый лѣтній день дѣдушка съ внукомъ отправились въ дремучій лѣсъ, растущій на горѣ, называемой „Персазіс мѣа“, такъ какъ гора принадлежитъ селенію „Персазі“. Когда стало смеркаться, дѣдушкѣ захотѣлось искупаться. Вотъ и пошелъ онъ съ внукомъ къ сажалѣ. Только они раздѣлись и вошли въ воду, какъ вдругъ возлѣ нихъ появился клыкастый „каджи“ и началъ купаться съ ними. Дѣдушка, опасаясь какихъ-либо злодѣяній со стороны „каджи“, поскорѣе выскочилъ изъ воды и, схвативъ топоръ, показалъ его чудовищу. „Каджи“ бѣжалъ. Дѣдушка послѣ купанья развелъ огонь подъ деревомъ и готовился закусить. Каджи, не желая дѣдушку оставить въ покоѣ, подходилъ къ нему то въ видѣ быка, то въ видѣ оленя; а дѣдушка, догадываясь, что это за животное, всякій разъ, при приближеніи ихъ, брался за топоръ или за кинжалъ, и тѣ убѣгали. Наконецъ „каджи“ къ дѣдушкѣ подошелъ въ видѣ настоящаго человека и присѣлъ возлѣ; замѣтивъ бурдючекъ вина, а его было полпуда, онъ попросилъ у дѣдушки дать ему выпить. Дѣдушка предложилъ „каджи“ пить за здоровье, намѣреваясь упоить его: во время попойки онъ незамѣтнымъ образомъ выливалъ вино на землю; а пилъ одинъ „каджи“ и охмелѣлъ. Наступила пора спать. Гость не ушелъ и растянулся на землѣ вблизи дѣдушки и внука. „Каджи“ уже уснулъ, а дѣдушка все еще не

спитъ и думаетъ: „Проснется онъ, убьетъ меня и внука!“ Дѣдушка всталъ, поднялъ на ноги внука и придумалъ слѣдующую хитрость: на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ улегся было, положилъ топоръ остриемъ вверхъ и покрылъ его буркой, а самъ съ внукомъ влѣзъ на дерево. Каджи черезъ нѣсколько времени просыпается и набрасывается на бурку, предполагая задушить подъ ней людей, но самъ становится жертвою хитрости человѣка: топоръ вонзился въ грудь „каджи“. — чудовище взревѣло отъ сильной боли, стало метаться изъ стороны въ сторону и попало въ огонь, гдѣ и погребло. Скоро сюда прибѣжали другіе „каджи“. Въ воздухѣ пахло гарью волосъ „каджи“ и чудовища не почували человѣческаго духа; схвативъ трупъ товаряща, они удалились¹.

Одинъ женатый человѣкъ почему-то не влюбилъ своей *Мессети*. жены и, прогнавъ ее, сталъ жить одинъ. У этого человѣка были буйволы, которые однажды затерялись. Съѣвъ на лошадь, онъ отправился разыскивать ихъ и въ глухую полночь заѣхалъ въ самую чашу лѣса. Здѣсь, не въ далекомъ разстояніи, мужичку показался козленокъ. Человѣкъ поспѣшно соскочилъ на землю и погнался за нимъ; а когда, настигнувъ козленка, готовился схватить его, тотъ внезапно исчезъ, и тутъ же явился буйволенокъ. Мужичокъ догадался, что заѣхалъ въ притонъ какихъ-то духовъ, почему рѣшилъ поскорѣе убраться оттуда. Но, вернувшись къ лошади, возлѣ нея онъ увидѣлъ красивую женщину, которая сидѣла и расчесывала свои волосы. Эта встрѣча привела его еще въ большое смущеніе. Женщина была «каджи». Она начала просить человѣка, чтобы онъ взялъ ее къ себѣ. Какъ онъ ни отказывался, всетаки въ кон-

¹) „Джвиба не спалъ и дождался, когда очокочи заснули. Тогда онъ воткнулъ свой кинжалъ въ землю, остриемъ вверхъ, и покрылъ его буркой, а самъ взялъ ружье и сѣлъ за деревомъ. Въ полночь, когда проснулись очокочи, мужчина бросился на бурку, думая задушить Джвибу, но только сильно накололся. Разъяренный онъ сталъ искать Джвибу, но тотъ выстрѣлилъ въ него и сильно ранилъ его“.

цѣ концовъ принужденъ былъ исполнить ея настоятельную просьбу. «Каджи» безъ всякихъ усилій вскочила на лошадь и усѣлась повади челоуѣка. Приѣхали они домой и зажили вдвоемъ, какъ мужъ съ женой; жизнь ихъ текла мирно и согласна, хотя для челоуѣка была нѣсколько зависима: такъ, онъ ѣздилъ въ городъ для торговли лишь въ томъ случаѣ, если сожительница разрѣшала то или приказывала; а по своему усмотрѣнію не смѣлъ этого дѣлать. Зато мужичокъ всякій разъ возвращался съ торгу съ большимъ барышомъ, отчего и разбогатѣлъ. Но семейный лады скоро прекратился: челоуѣкъ прибилъ „каджи“ и прогналъ ее отъ себя; послѣдствіемъ чего было полнѣйшее его обѣдненіе.

*Сева, сел.
Рачин. у.*

Одинъ крестьянинъ въ полночь возвращался домой, и съ нимъ былъ его семилѣтній сынъ. На дорогѣ имъ встрѣтился „каджи“, одѣтый въ бурку. Чудовище допустило ихъ до воротъ дома и затѣмъ сдѣлало нападеніе на крестьянина; схвативъ нотащило его въ подвалъ, чтобы бросить въ «чурі». Но, къ счастью мужика, собаки, услышавшіе борьбу хозяина съ врагомъ, подняли лай и прибѣжали къ мѣсту происшествія: „каджи“ бѣжалъ, не успѣвъ причинить мужику никакого вреда.

Въ другой разъ тотъ же крестьянинъ везъ дрова изъ лѣсу. Дорогой арба его опрокинулась. Вдругъ подошла женщина въ бѣлой одеждѣ и подвела арбу; а когда мужичокъ тронулся въ путь, она сказала ему вслѣдъ: „Смотри же, приходи поскорѣй!“ Крестьянинъ догадался, что женщина была «каджи»,—хотя никто ея не видѣлъ, кромѣ злосчастнаго крестьянина.

Водяная (Тѣкліс алі) ¹⁾.

Жарели.

Здѣшніе жители, представляя въ своемъ воображеніи волосатаго каджи—мужчину, говорятъ также о существованіи

¹⁾ Въ подстрочномъ примѣчаніи къ „кудіані“ и „чима“ нами упомянутъ злой духъ „нал“ (алъ).

женщины, известной подъ особымъ именемъ „каджи али“ и называемый такъ потому, что она всегда и исключительно пребываетъ въ водѣ. „Цкліс али“—красива лицомъ, съ длинными распущенными волосами; но ноги ея съ вывороченными ступнями и смотряція пятками впередъ (Въ Карталиніи: «али» — красивая водяная женщина, съ длинными волосами и съ правильными ногами).—„Водяная“, всегда въ бѣлой одеждѣ человѣку встрѣчается у рѣки и манитъ его къ водѣ. Чтобы, избавиться отъ «али», нужно или показать ей иголку, или бросить на нее зажженную спичку, или сотворить молитву— послѣ всего этого «али» исчезаетъ. Но желающій залучить ее въ свой домъ, долженъ поговорить съ ней, выражаясь ея способомъ рѣчи, т. е. „наоборотъ“, напр. вм.: „нѣтъ“ употребляя: «да» и вмѣсто «да» — „нѣтъ“. При такомъ условіи „али“ пойметъ говорящаго и послѣдуетъ за нимъ. Сказываютъ:

Одна „али“, залученная такимъ образомъ въ какой-то домъ, исполняла разные хозяйственныя работы, а по окончаніи ихъ забавляла ребенка. Съ ней все время объяснялись ея способомъ выраженія, а она, понимая, чего отъ нея требуютъ, дѣла все, какъ слѣдуетъ. Но если кто-либо случайно заговаривалъ съ „али“ по-человѣчески, она становилась непонятливой, и не принималась ни за какое дѣло. Въ услуженіи она пробыла довольно долго. Подъ конецъ въ ней пробудились сатанинскіе инстинкты: она стала душить ребенка. По этому тотчасъ прибѣгли къ одному изъ вышеупомянутыхъ средствъ и заставили «али» исчезнуть.

Чім(н)ка. (Лѣшіи—словарь Чубинова).

Миѣическое существо чинку простой народъ представляетъ въ образѣ дѣтей различнаго возраста, отъ году до двѣнадцати лѣтъ. „Чинка“ на пальцахъ рукъ и ногъ имѣетъ ногти, которые можно снять и опять надѣтъ; длина ногтей—около двухъ сантимеровъ. По представленію жителей изъ боль-

шей части селеній, указываемыхъ нами ниже—это существо носить такіе длинные волоса на головѣ, что они волочатся по землѣ, а само голо. Когти и волоса „чинки“, составляя его силу, вмѣстѣ съ тѣмъ вселяютъ въ него губительный духъ злобы—безъ нихъ онъ бессиленъ, вротоекъ и смиренъ. Но и во всеоружіи своемъ «чинка» въ столкновеніяхъ съ людьми не всегда является злымъ и гибельнымъ: напротивъ того, онъ иногда бываетъ добродушнымъ и безвреднымъ, и даже зависимымъ отъ человѣка, попадая подчасъ по милости послѣдняго въ жалкое положеніе. Дѣятельность чинки на землѣ большей частью проявляется по ночамъ и обнимаетъ—по свѣдѣніямъ однихъ, девятидневный періодъ въ сентябрѣ; другихъ, двухдвѣдлѣный въ октябрѣ; третьихъ,—девятидневный, съ 28 октября по 6 ноября; а четвертые, наконецъ, удѣляя чинкѣ столько же времени и относя его появленіе къ 1 ноября, говорятъ, что Георгій Побѣдоносецъ загоняетъ «чинку въ землю 10 ноября. Октябрь и ноябрь, по преимуществу, называются чинк'иными мѣсяцами: каждый изъ нихъ есть «Чинкобісъ зве».

Приведемъ извѣстныя намъ особенности и подробности представленія о чинкѣ и, приурочивая эти свѣдѣнія къ селеніямъ, изъ послѣднихъ начнемъ съ того, въ которомъ существуетъ повѣрье о появленіи чинки въ сентябрѣ.

*Звереты, с.
Шарон. у.*

Чинка ростомъ съ четырехлѣтняго ребенка. Будучи совершенно голымъ, онъ имѣетъ козлиные рожки, козлиную бородку, а на головѣ короткіе волоса; ноги его, отъ ступни до половины голени, покрыты шерстью; ступаетъ онъ на пятки.

Когда крестятъ ребенка, «чинка» стоитъ за дверью и подслушиваетъ имя крещеннаго. А затѣмъ ежедневно въ тотъ день онъ подходитъ къ дому и оттуда вызываетъ дитя, вликая его по имени. Если ребенокъ выйдетъ на зовъ чинки, послѣдній схватываетъ его и уноситъ въ лѣсъ.

«Чинка» — съ годовалое дитя. Ночью по большей части *Абаша*. находится въ лѣсу, а днемъ пребываетъ въ водѣ, довольствуясь небольшою глубиною. Когда люди уснутъ, „чинка“ пробирается въ домъ, гдѣ бѣгаетъ по комнатамъ, садится на полъ, озирается по сторонамъ, прислушивается; услышавъ случайный стукъ, подбѣгаетъ къ дѣрямъ и царапаетъ ихъ ногтями, — послѣ вторичнаго стука чинка исчезаетъ изъ дома. Вынося схваченнаго ребенка изъ дому, онъ держитъ его подъ мышки, а на дворѣ беретъ одной рукой за шею, а другой за ногу, — и такъ относитъ къ товарищамъ въ лѣсъ; здѣсь чудовища, играя съ ребенкомъ, замучиваютъ его. Чинку можно задушить: стоитъ только, при встрѣчѣ съ нимъ, броситься на него моментально; а въ противномъ случаѣ онъ, взобравшись челоуѣку на спину, опутываетъ его своими волосами, валитъ на землю и удушаетъ.

Бабы боятся произносить слово „чинка“ и рассказывая *Ст. Сенани*. объ этомъ существѣ, выражаются о немъ такъ: „Уцмндур“ (въ словарѣ: „уцмндурі“, нечистый) или „онъ“.

„Чинка“ ростомъ съ десяти — двѣнадцатилѣтняго мальчи *Джигашши*. ка. Имѣл длинные волоса на головѣ, онъ и повсему тѣлу покрытъ волосами, но торчащими щеткой — такимъ представляютъ чинк'у и въ Губи, с. Кут. у. Чинка, пребывая на землѣ съ 28 октября по 6 ноября, проводитъ — первые три дня въ глуши лѣсовъ горныхъ мѣстъ, вторые три дня въ лѣсахъ равнинъ, а остальное время въ водѣ. Живя въ лѣсу, онъ охотится за зайцами, для ловли которыхъ имѣетъ собственныхъ собакъ, но боится послѣднихъ, если онѣ принадлежатъ людямъ.

[„Чинка“ зайцевъ ловитъ самъ, завлекая ихъ своей игрой; пойманнаго зайца не ѣстъ, а только мучитъ. Водясь въ лѣсу, онъ встрѣчается и у рѣки „Хеле“, въ которой моетъ свои длинные волоса¹. Садиры, с. Кут. у.]

¹) Вып. XIII. Отд. II, стран. 145. Изъ дагестанскихъ правовъ: „Алпабъ“ (красивая женщина), по мнѣнію лезгинъ, происходитъ изъ рода

Продолжаемъ сообщеніе изъ Джихаиши. „Чинка“, находясь въ водѣ, ловить рыбу; а завидѣвъ рыбаковъ, занимающихся тѣмъ-же, бросаетъ въ нихъ камнями съ досады, что тѣ уменьшаютъ ему уловъ. Но камни, бросаемые «чинк'ой», людямъ не причиняютъ никакого вреда, потому что пролетаютъ мимо нихъ (ниже—сказаніе о «чинк'ѣ»—камнеметателѣ).

Симонеты.

Дождь бываетъ всегда предъ появленіемъ „чинк'и“ (иногда случается и хорошая погода) и въ ночь послѣ его исчезновенія.

Сакара.

„Чинка“—съ четырехлѣтняго ребенка. Онъ склоненъ мучить людей, родившихся между 28 октября и 6 ноября, и ищетъ встрѣчи съ ними въ лѣсу; даже подходитъ къ ихъ жилищамъ и старается вызвать ихъ оттуда. „Чинка“ сперва показывается человѣку дѣвицей или великаномъ, а затѣмъ предстаетъ предъ нимъ въ настоящемъ своемъ видѣ. Встрѣченному онъ предлагаетъ вопросъ (то же въ Сацирахъ и Кулаши, сс. Кут. у.): „Гінд мікіде, ан гівідеб?“ Буквальный переводъ вопроса: «Или я на тебѣ повисну, или ты на мнѣ повиснешь?»—а смыслъ этого выраженія такой: «чинка» хочетъ взобраться человѣку на плечи, но тѣмъ не менѣе и самъ готовъ взять его на спину. Можно согласиться только на послѣднее; ибо, взявъ «чинку» на плечи, человѣкъ рисковалъ бы, не сдѣлавъ и шагу, быть задушеннымъ руками

чертей; она ростомъ съ трехлѣтнюю дѣвочку; на головѣ у нея красивые волосы, покрывающіе все ея тѣло, до пяткокъ. Алпабъ живетъ въ тѣнистыхъ лѣсахъ и зеленыхъ лугахъ, у береговъ прохладныхъ родниковъ, гдѣ она по временамъ моетъ свою красную голову хрустальною водою. Для того, чтобы Алпабъ не являлась къ родильницамъ, левгинѣ, пойманной Алпабъ, отрѣзываетъ одну изъ ея безчисленныхъ косъ или одинъ изъ пальцевъ руки“.

Тамъ же. Вып. XIV. Отд. I. стран. 260. С. Варташенъ Нухляскаго уѣзда Елисаветпольской губ.: „Одинъ варташенецъ засталъ около рѣчки злого духа „нал“ (агъ); поймавъ духа, онъ отрѣзалъ его косу и его самого хотѣлъ взять домой; но по просьбѣ бѣса, обѣщавшаго возвратитъ роженецъ сердце и печень, отпустилъ его“.

чудовища и раздавленнымъ имъ: „чинеа“, и безъ того тяжелой, усѣвшись на человѣкѣ, становится еще тяжелѣе.

Тотъ же вопросъ «чинеа» и двоякія послѣдствія встрѣчи съ лѣшимъ существуютъ и въ воображеніи жителей селеній—Сацеры и Кулаши (Бут. у.).

Когда человѣкъ сядетъ на «чинеа», послѣдній съ noise мчится въ товарищамъ. Здѣсь человѣка поятъ и кормятъ, а въ концѣ концовъ отпускаютъ домой съ мѣшкомъ мнимаго золота: человѣкъ, открывъ дома мѣшокъ, находитъ въ немъ камни или уголь.

„Чинеби“ человѣку, побывшему у нихъ въ гостяхъ, даютъ мѣшокъ золы, которая должна будто превратиться въ золото черезъ девять дней; не нужно только до истеченія этого срока заглядывать въ мѣшокъ. Въ досужее время чудовища (съ девятилѣтнихъ мальчиковъ) собираются вмѣстѣ на берегу рѣки и играютъ въ камушки, перебрасывая ихъ другъ другу.

Далѣе по сообщенію изъ Сакара: «Чинка» силенъ, но и Сакара. между людьми есть такіе силачи, что могутъ его одолѣть и убить.

Разсказываютъ про одного крестьянина изъ Сацеры, какъ Сацеры. онъ отбился отъ чинеа палкой. Что касается оружія, пригоднаго противъ лѣшаго, то такимъ можетъ считаться лишь кинжалъ, такъ какъ онъ обоюдоостръ, и чинеа, желающему спастись отъ смерти, негдѣ усѣсться на немъ; пашкой, на тупой сторонѣ которой «чинеа» можетъ спастись отъ удара, нельзя убить его; равнымъ образомъ, и ружье неэффективно: выстрѣла изъ него не раздается, ибо «чинеа» раньше того успѣваетъ плюнуть въ его стволъ. Но кромѣ кинжала, спасительнымъ средствомъ отъ чинеа служитъ огонь, котораго тотъ боится; почему путешественникъ, имѣющій при себѣ кресало и кремень, въ дорогѣ считаетъ себя безопаснымъ отъ чинеа.

Пойманнаго чіне'у (средство пойми его упомянемъ ниже въ одномъ изъ сказаній) можно сдѣлать домовитымъ и способнымъ исполнять обязанности вухарей и няньки—этимъ „чінка“ напоминаетъ «цкліс алі»—для чего у него нужно снять когти и обрѣзать немного волосъ.

[Абаша. Когти снимають съ помощью золотыхъ вещей, напр. колець; волоса подрѣзываютъ по шею, а на темени выриваютъ плѣшь.]

Какъ когти, такъ и волоса слѣдуетъ хорошенько спрятать, чтобы «чінка» не могъ найти; если же онъ отыщетъ ихъ, силы его возвратятся и онъ надѣлаетъ много зла.

Димы. „Чінка“, въ бѣломъ одѣяніи, показывается у дерева банмалы, плоды котораго срываетъ и ѣстъ; оглашаетъ воздухъ криками у родниковъ и возлѣ рѣчки „Ханістқали“.

Садмели и Хотева. с. Рачин. у.

„Чінка“ расту трехъ—четырёхлѣтняго дитяти.

Въ десяти верстахъ отъ Садмели есть скала „Кваптеара“, гдѣ онъ и пребываетъ. По ночамъ тамъ появляется огонекъ, свидѣтельствующій о выходѣ чінка'и изъ скалы.

Сказанія.

Одинъ причетникъ проходя въ лѣсу возлѣ рѣки, услышалъ дѣтскій плачь; осмотрѣвши мѣстность, онъ увидѣлъ ребенка и захотѣлъ взять его съ собой. Но по мѣрѣ того какъ причетникъ приближался къ нему, ребенокъ все болѣе и болѣе удалялся; а наконецъ мнимое дитя и совсѣмъ исчезло въ тотъ самый моментъ, когда церковникъ настигнувъ готовился его схватить. Прохожій сильно испугался, отчего и заболѣлъ,—но умеръ спустя лишь четыре года.

Митрепін. Разъ подѣ вечеръ няня съ мальчикомъ приходятъ на берегъ рѣки и видятъ купающагося чіне'у. Чудовище манитъ ребенка къ себѣ, и тотъ приближается къ нему, а „чінка“ овладѣваетъ имъ; но няня спасаетъ мальчика. Съ тѣхъ поръ послѣдній все время тоскуетъ и просится къ рѣкѣ, на то

именно, мѣсто, гдѣ произошла встрѣча съ чинк'ой. Родители долго не отпускали сына; но наконецъ, уступивъ его мольбамъ, соглашаются на это. Мальчикъ ушелъ, домой же больше не возвращался. Пастухи передавали, что они видѣли какъ „чинка“ уносилъ его въ пещеру.

Одинъ князь, ѣдучи въ колясѣхъ лѣсомъ, слышитъ, что *Зоярты.* кто-то его зоветъ; приказываетъ кучеру остановить лошадей. Скоро къ колясѣхъ подбѣгаетъ „чинка“ и, вскочивъ на козлы, садится рядомъ съ кучеромъ. Коляска тронулась. Князь начинаетъ побаиваться, чтобы „чинка“ въ пути не натворилъ бѣдъ. Желая предупредить это, онъ поспѣшно набрасываетъ на чинку шнурокъ, отъ имѣвшейся у него ладонки съ мощами, и, окончивъ путешествіе благополучно, привозитъ чудовище домой. Здѣсь князь вѣшаетъ на чинку ладонку, а шнурокъ стягиваетъ на его шею какъ можно плотнѣе. „Чинка“ въ княжескомъ домѣ остается въ услуженіи. Однажды князь съ княгиней, уходя изъ дому, поручили чинкѣхъ присмотрѣть за ихъ единственнымъ сыномъ и нагрѣть воды въ котлѣхъ. „Чинка“, оставшись съ мальчикомъ, началъ допытываться у него, не знаетъ ли онъ, гдѣ его котли. Дитя, ничего не подозрѣвая, сказалъ, что котли спрятаны на чердакѣхъ. „Чинка“ отправился туда, взялъ свои котли и, когда надѣлъ ихъ, сварилъ княжича въ котлѣхъ, а самъ исчезъ.

Чинка въ одномъ домѣ, гдѣ находился въ услуженіи, *Сакара.* исполнялъ самыя трудныя работы, а, по окончаніи ихъ, игралъ съ дѣтьми, которыхъ было трое. Разъ хозяйева приказали чинкѣхъ приготовить обѣдъ и наварить мяса. „Чинка“, будучи наединѣхъ съ дѣтьми, сталъ выспрашивать у нихъ, гдѣ спрятаны его котли и волоса. Когда двое старшихъ не захотѣли показать этого мѣста, младшій сынъ, семилѣтній, открылъ его чинкѣхъ. „Чинка“ взялъ котли и волоса и, надѣвъ первые, принялся за дѣтей: зарѣзалъ ихъ, сварилъ въ котлѣхъ вмѣсто обѣда и скрылся.

Та же фабула и въ сказаніи изъ Абаша, съ тою лишь разницею, что въ немъ дѣти чинкой сварены въ двухъ котлахъ.

*Сацери,
Симонети.*

Сказаніе о чимбѣ (съ годовалаго ребенка, появляется на двѣ недѣли въ октябрѣ), которое мы намѣрены теперь сообщить, напоминаетъ другое подобное, переданное нами уже раньше, о „вудіані“ (Абаша). Здѣсь чловѣкъ изображенъ въ положеніи „вудіані“, а чимка въ положеніи мальчика; чловѣкъ и нечистый (такимъ считается и „вудіані“) важъ бы помѣнялись ролями. Начнемъ съ того, какъ одна женщина овладѣвъ чимбой путемъ хитраго вымогательства яблокъ, посадила его въ мѣшокъ и принесла домой. Четыре дня чимбу откармливали кукурузой; а пришло воскресенье, собрались зарѣзать его на обѣдъ. Исполненіе это было поручено замужней молодой женщиной. И вотъ, когда мужъ ея и родители отправились въ церковь, чимка, зная, что хотять его зарѣзать, самъ задумалъ погубить оставшуюся хозяйку; почему обратился къ ней съ просьбой, чтобы она позволила ему обрѣзать ей волоса. Но женщина соглашалась на это подтѣмъ условіемъ, если прежде чимка пожертвуетъ своими волосами. Долго они спорили другъ съ другомъ, отказываясь каждый отъ рокового первенства, пока, наконецъ, хозяйка не уступила чимбѣ. Когда она подставила ему голову, онъ зарѣзалъ ее и разрубленную на части бросилъ въ котель, а грудныя железы положилъ на дно. Совершивъ злодѣяніе, онъ забрался на балку и сталъ тамъ дожидаться хозяевъ. Хозяйка, возвратясь изъ церкви, влинула молодицу; но отгѣта не было. Старуха заглянула въ котель и, увидѣвъ тамъ много мяса, обрадовалась; когда же она взяла ложку и начала помѣшивать ею въ котлѣ, то чимка издѣваясь сказалъ ей: „Хорошій супъ будетъ у васъ!... А посмотри-ка, что—на двѣ!“ Но на двѣ старуха увидѣла грудныя железы и, съ отчаянія всплеснувъ руками, заплакала; разрыдались и остальные, когда

узнали, въ чемъ дѣло. Старуха, успокоившись немного и догадавшись, что виновникъ невозвратимой потери—чимка, рѣшила жестоко отомстить ему. Она спросила у лѣшаго, какъ онъ взлѣзъ на балку, и получила отвѣтъ: „По сачечлебѣ“ (сачечелѣ, чесалка). Сейчасъ старуха принесла четыре чесалки и, поставивъ ихъ одну на другую на чури, полѣзла по нимъ наверхъ; но, наколовшись на ихъ зубцы, погибла. Такъ же погибли мужъ ея и зять, пытавшіеся добраться до чинки по чесалкамъ. Опустѣлый домъ достался чимкѣ.

Въ одинъ поздній вечеръ, въ первыхъ числахъ ноября, *Губи, с.
Кут. у.* какой-то старикъ 80-ти лѣтъ былъ въ лѣсной мѣстности „Сабубе“, называемой такъ потому, что она изобилуетъ совами. Вдругъ онъ слышитъ дѣтскій плачь и, осмотрѣвши мѣсто, находитъ мальчика, въ возрастѣ лѣтъ девяти, сидѣвшаго подъ деревомъ. Старикъ, предполагая, что это сынъ сосѣда, затерявшійся въ лѣсу, беретъ мальчика на руки, сажаетъ на лошадь, привязываетъ къ себѣ и везетъ домой. Едва хозяинъ въѣхалъ во дворъ, псы такъ и залились. Выходитъ изъ дому старуха и спрашиваетъ мужа, отчего собаки лаютъ. Старикъ не придалъ никакого значенія лаю собакъ и потому, не отвѣчая на вопросъ жены, прямо сообщилъ ей, что въ лѣсу нашелъ мальчика и привезъ его съ собой. Сказавъ это, онъ отвязалъ найденыша и передалъ женѣ. А та, какъ взглянула на него при огнѣ, горѣвшемъ среди савли, такъ и ахнула, узнавъ въ немъ „чинку“, щетинистаго и съ красными маленькими глазками. Старуха накинулась на старика и давай его бранить, зачѣмъ онъ привезъ лѣшаго. Но дѣлать было нечего и чинку пришлось оставить въ домѣ. Ложась спать, чудовище привязали къ лавкѣ и продержали въ такомъ положеніи всю ночь. Утромъ пришли рабочіе и, увидѣвъ привязаннаго мальчика, подтвердили, что это чимка. Затѣмъ его разсматривали собравшіяся женщины, которымъ онъ показывалъ жестама, какъ больно веревки рѣжутъ его тѣло. Чинку

отвязали,—послѣ чего женщины обратились къ нему съ вопросомъ, умѣетъ ли онъ шить. Въ отвѣтъ на это чинка показывалъ имъ руками, какъ шьютъ. Жестивулируя, лѣшій мычалъ. Наконецъ всѣ присутствовавшіе, оставивъ чинку въ саклѣ на свободѣ, вышли на крыльцо; а тотъ невидимо для всѣхъ пробрался въ садъ и началъ тамъ что-то собирать на землѣ и ѣсть. Въ это время раздается лай собакъ, и псы бросаются въ тому мѣсту, гдѣ находился чинка. Лѣшій, спасаясь отъ собакъ, изъ сада проникаетъ въ другой дворъ, а оттуда въ третій, и исчезъ.

„Квасроліа,“ „чинка“—камнеметатель.

*Зегани, сел.
Кут. уѣзда.*

Въ одну дождливую ночь послѣднихъ чиселъ октября крестьянинъ, караулившій „канаші“ (на пашнѣ) кукурузу, услышалъ звуки, доносившіеся до него съ „Тенебоули“, близлежащей и покрытой лѣсомъ горы, звуки, какъ бы отъ рубки деревьевъ, происходившей одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Затѣмъ возлѣ крестьянина стали падать камни, не нанося ему, впрочемъ, ушибовъ. Мужикъ въ своемъ умѣ рѣшилъ, что слышанное имъ—продѣлка чинки; поэтому усилилъ огонь, начертилъ на землѣ большой кругъ, провелъ въ немъ крестъ, прочелъ „Отче нашъ“ и легъ спать въ кругѣ на крестѣ. Прибѣгнувъ къ такимъ мѣрамъ, крестьянинъ остальную часть ночи проспалъ спойкойно. Хотя онъ и увѣрялъ себя, что рубка въ лѣсу не настоящая, а есть дѣло чинки, тѣмъ не менѣе въ его душу завралось подозрѣніе о покражѣ деревьевъ и, чтобы удостовѣриться въ этомъ, утромъ онъ взомелъ на гору „Тенебоули“; но не нашелъ тамъ и слѣда порубки.

Мацмацура (въ Кахетіи—с. Кварели Телавск. у., Тифл. г.; въ Карталиніи—Сомхети—с. Цинцхару Тифл. уѣзда, и въ Имеретіи—с. Садиры Кут. у.).

Урмацура (въ Имеретин—г. Кутаисъ и сс. Дымы и Джихаши Кут. уѣзда).

Мацлапуна (въ Карталини—Горійскій уѣздъ).

Подъ этимъ именемъ, собственно означающемъ приливъ крови къ головѣ, разумѣется домовой.

Мацмацура ночью влетаетъ въ домъ черезъ щель; ложится на человекъ, спящаго на спинѣ и, держа за руки, душитъ его. Онъ водится въ мельницѣ, гдѣ по его волѣ поднимаются и спускаются заставки. Приближаясь къ мельницѣ, можно слышать стукъ камней, вой и визгъ домового отъ злобы. Въ мельницѣ всегда опасно, но опаснѣе всего ночью, такъ какъ строить мельницу началъ не Богъ, а „ешмак“ (ешмаки—дьяволъ, бѣсъ). Спасительнымъ средствомъ противъ домового служить огонь, который поэтому въ мельницѣ горитъ почти всю ночь.

Способы получить желаемое.

Въ періодъ двухъ мѣсяцевъ, сентября и октября, какъ *От. Сенати*. дый день въ четыре часа утра отверзаются врата неба. Если въ это время кто-либо выскажетъ свое желаніе въ продолженіе десяти минутъ, тотъ получитъ желаемое. Одна старушка вздумала попросить у Бога долгой жизни, и Онъ далъ ей дожить до тѣхъ поръ, пока она не сдѣлалась съ мизинецъ.

Нѣкоторые удаются видѣть отверстое небо и, про- *Сакара*. никнувъ въ него взоромъ, созерцать Бога. Эти люди просятъ, и Онъ удовлетворяетъ ихъ. Одинъ человекъ попросилъ у Бога денегъ такими словами: „Бмерзо, маме самоці томара, томара-томара зед“ (2 раза).—Боже, дай шестьдесятъ мѣшковъ, *мѣшокъ на мѣшокъ* (2 раза). Но такъ какъ просящій былъ опрометчивъ и о деньгахъ не упомянулъ, то Богъ далъ ему шестьдесятъ мѣшковъ пустыхъ.

Есть трава, „юнджа“, приземистая и имѣющая три лис- *Сачино*.

точка. Найдешь на ней четвертый листочек и, срѣзавъ его золотомъ, сохранишь, — то все, чего ни пожелаешь, будетъ исполняться.

Абаша. Три листочка травы воры срѣзываютъ золотымъ кольцомъ и заворачиваютъ въ красный платокъ. Отправляясь на промыселъ, они берутъ его съ собой; подойдя къ запертой двери дома, прикладываютъ платокъ къ замку, и дверь сама отворяется.

От. Оснаки. Изъ растопленнаго человѣческаго жира воры приготовляютъ свѣчи, которыя имѣютъ ту силу, что, будучи представлены къ дверямъ, побуждаютъ ихъ раствориться, а спящихъ въ домѣ лишаютъ чуткости¹.

Заколдованныя монеты.

Чакатаури,
м. Озуръ. у. Недалеко отъ мѣстечка, по верхнему теченію рѣчки Губазаула, расположена долина Зоти. Въ двухъ верстахъ отъ этой долины, если идти вдоль рѣчки по направленію къ истоку, можно видѣть двѣ ели, а подъ ними два креста. По рассказамъ мѣстныхъ жителей, около этихъ крестовъ въ землѣ находятся какія-то старинныя монеты, которыхъ поселяне не берутъ, боясь за попытку овладѣть монетами лишиться рубль.

Преданія.

Основаніе Мартвильскаго монастыря.

Мартвилли. Тамъ, гдѣ теперь возвышается христіанскій храмъ, нѣкогда стоялъ языческій идолъ „капуниа“, сдѣланный изъ чу-

¹) Лекціи изъ Исторіи Русской Словесности покойнаго профессора Петербургскаго университета О. Э. Миллера: „Средневѣковья народныя тетрадки представляютъ намъ любопытный заговоръ на удачное воровство. Для этого надо было взять сала, вытопленнаго изъ тѣла повѣшеннаго мошенника, сдѣлать изъ него свѣчу, вставить эту свѣчу въ отрубленную руку того же мертвеца и идти съ нею на промыселъ: свойства мошенника сообщаются тому, кто идетъ съ его рукой и свѣчей изъ его сала, и онъ навѣрно успѣетъ въ задуманномъ воровствѣ“.

гуна и изображавшій челоѣна съ раскрытымъ ротомъ; жрецы на этотъ ротъ клали живыхъ дѣтей, приносимыхъ въ жертву богу. Идолъ былъ привязанъ къ дубу (мингр. чконі, груз. муха), и жрецъ, прославлявшій (мадідебелі) бога „капуніа“ у дуба, назывался „чкондарі“, какъ еще нынѣ называется христіанскій епископъ въ Мингреліи (у грузинъ „чконідделі“). По народному преданію, сохранившемуся въ грузинскихъ лѣтописяхъ и приводимому П. П. Надеждинымъ въ „Опытъ географіи Кавказскаго края“ на стран. 139: „При распредѣленіи странъ между апостолами и Богородицею для проповѣди, Иверія (Грузія) выпала на долю Богородицы; но Она не отправилась туда, а послала вмѣсто Себя Андрея Первозваннаго, съ которымъ пошелъ и Симонъ Канонитъ“. Андрей и Симонъ пришли въ с. Мартвиль, уничтожили идола „капуніа“, срубили дубъ, къ которому тотъ былъ привязанъ, и на ихъ мѣстѣ водрузили крестъ; но прошло нѣкоторое время, и тамъ воздвигся храмъ. Передаютъ, что у Андрея Первозваннаго, во время пребыванія его въ Бандзѣ, селенія Сенакск. уѣзда, украли лапоть съ лѣвой ноги¹.

Иродъ.

Жилъ нѣкогда Иродъ, царь іудейскій. Разъ онъ сказалъ: „Бога нѣтъ, я самъ Богъ!“—и построилъ высочайшую башню, которая вершиной своей чуть не касалась неба—не доходила до него только на аршинъ. Иродъ взялъ пушки, воду и забрался съ ними на самый верхъ башни. Отсюда царь началъ стрѣлять, говоря, что громъ гремитъ и сталь лить воду, увѣряя, что дождь идетъ. Наконецъ онъ взялъ ломъ и хотѣлъ пробить имъ небо, чтобы взойти къ самому Богу. Но Богъ по-

¹) Опытъ географіи Кавказскаго края. П. П. Надеждина. Стр. 138. Въ подстрочномъ примѣчаніи (изъ „Исторіи войны на Кавказѣ“. Н. Дубровина): „Одинъ изъ мингрельскихъ азнауровъ (благородныхъ) укралъ у Андрея Первозваннаго, омывшаго въ Мингреліи для евангельской проповѣди, сандаліи, во время отдыха его“.

звалъ „жубуніа“ (жучка) и повелѣлъ ему пощекотать въ носу Ирода. Жучою исполнилъ волю Божию. Иродъ сталъ чихать и, чихнувъ три раза, умеръ. Тогда Богъ ударилъ въ башню громомъ, и разрушилъ ее до основанія, а камни, изъ которыхъ она была воздвинута, разметалъ поодному во всѣ страны.

Кейсарь.

I. Христось, уходя на небо, царемъ на землѣ оставилъ благочестиваго Кейсаря. Но Кейсарь подъ конецъ царствованія началъ дѣлать дурные поступки; поэтому, когда онъ однажды вошелъ въ храмъ, церковныя двери превратились въ скалу: Кейсарь остался въ церкви, гдѣ пребываетъ и по днесъ. Наступитъ время, когда онъ освободится изъ заключенія, и будетъ царствовать надъ всѣмъ земнымъ міромъ. «Даже въ законѣ Божіемъ написано: отдайте Кейсареву Кейсарю!—объ этомъ знаютъ всѣ священники и цари».

Прикованный Амиранъ. „Маѳачулі Амірані“.

Кулаши.

Амиранъ—крестникъ I. Христа¹, однажды предложившій крестному бороться. Христось отвѣтилъ Амирану: »Прежде я на тебя наложу нитки, которыя ты долженъ разорвать, а затѣмъ уже вступлю съ тобой въ борьбу«. Амиранъ согласился на условіе. Христось воткнулъ колъ въ землю, привязалъ къ нему нитки и набросилъ ихъ на Амирапа. Этотъ дернулъ нитки, но онѣ не порвались, а напротивъ того превратились въ цѣпи. Такимъ образомъ Амиранъ былъ прикованъ. „Маѳачулі“ хочетъ освободиться отъ цѣпей и постоянно дергаетъ цѣпями, отчего колъ подымается. Когда же истекаетъ годъ, и колъ изъ земли готовъ выскочить, прилетаетъ птичка „болоранъкала“ или „кудабѣка“, синица—трясихвостка (считаемая

¹) Вып. X. Отд. III, стран. 6. Сванетская сказка „Амиранъ, Висибъ и Бадри“: „Когда пришло время крестить ребенка, тогда явился Христось; крестилъ мальчика и далъ имя ему Амиранъ“.

у мингрельцев священной) и садится на копь. Амиранъ сердится, хватается дубину и замахивается ею на птичку, но синица успѣваетъ улетѣть, а онъ дубиной ударяетъ по колу: копь опять входитъ въ землю, и Амиранъ остается прикованнымъ. ¹.

(Сачкондідо—отъ чконі діді, дубъ большой, или Сачкоиндо, *Сачи квано*. Сачонідо и, по владѣльцамъ, Сачивано). Говорятъ, что Амиранъ очень силенъ, и никто не можетъ его побороть. Однажды онъ сказалъ, что въ состояніи одолѣтьса мого Бога. Лишь только онъ произнесъ эти слова, какъ явился старикъ, сидящій на скалѣ. Богатырь, увидѣвъ старика, тотчасъ обратился къ нему съ просьбой вступить съ нимъ въ единоборство. Но старикъ съ прозрѣніемъ посмотрѣлъ на Амирана и сказалъ ему: „Стану я бороться съ такимъ молодкососомъ!... Такъ и быть, сперва испытаю твою силу, а тамъ посмотрю“... При этомъ онъ подалъ Амирану иголку и нитку, говоря: „Вдѣнь нитку въ иголку, иголку вотени въ скалу, а нитку набрось на себя; если разорвешь нитку, не сломавъ иголки, буду съ тобой бороться; не разорвешь—не буду“. Амиранъ сдѣлалъ такъ, какъ требовалъ старикъ, и потянулъ нитку; но нитка превратилась въ дѣпль, а иголка въ копь; старикъ же исчезъ. Амиранъ могъ бы дѣпль разрубить мечомъ своимъ, и освободился бы; но меча онъ касался только мизинцемъ, не имѣя возможности достать его рукою. Вотъ онъ замѣчаетъ пастуха и, подзываетъ его къ себѣ,

¹) Вып. IX. Отд. II. Стран. 179. У имеретинъ: „Царица вѣдьмъ Рокани привязана самимъ Богомъ посредствомъ желѣзной дѣпни къ длинному желѣзному шести, воткнутому въ землю... Рокани старается вырвать изъ земли желѣзный шесть и уйти... Но какъ только она доходитъ до дѣпни, вдругъ появляется трясихвостка, садится на шесть и начинаетъ вертѣть хвостомъ; а Рокани беретъ громадныхъ размѣровъ молотокъ и всю свою тяжесть попадаетъ на шесть, который снова уходитъ въ землю до самаго центра ея. Такъ Рокани мучится изъ года въ годъ, а спасенья ей нѣтъ.“

просить, чтобы онъ подалъ его мечъ. Мечъ оказывается очень тяжелымъ, и пастухъ не можетъ его поднять. Амиранъ просить пастуха привязать къ мечу поясъ и подать ему послѣдній; но и это не помогаетъ: поясъ не выдерживаетъ тяжести меча и лопається. Тогда Маѳачулѣ посылаетъ пастуха за цѣпями, говоря: „Захвати цѣпи и бѣги ко мнѣ, не оглядываясь назадъ; а въ противномъ случаѣ я сдѣлаюсь для тебя невидимъ“. При этомъ богатырь общается пастуху, въ случаѣ онъ поможетъ ему освободиться отъ оковъ, щедро его наградитъ. Пастухъ отправился домой, взялъ цѣпи и съ ними пустился бѣжать къ Амирану. Жена пастуха, увидѣвъ, что мужъ ея бѣжитъ, закричала ему вслѣдъ: „Куда ты?!“ Но онъ, не отвѣчая ей и не оглядываясь назадъ, бѣжалъ все дальше и дальше. Жена слѣдовала за нимъ по пятамъ и, когда пастухъ почти достигъ Амирана, такъ неистово вскрикнула, что тотъ обернулся назадъ и въ сердцахъ бросилъ на нее цѣпи: вмигъ Амиранъ покрылся туманомъ и исчезъ изъ глазъ пастуха¹.

У Амирана есть маленькая собачка, которая все время лижетъ цѣпь, сковывающую узника. Когда наступаетъ Великій четвергъ, цѣпь отъ лизанія собачки должна разорваться; но въ этотъ день кузнецы ударяютъ молотами по наковальнямъ, и цѣпь снова утолщается.

¹) Вып. X., Отд. II, стрл. 47. Грузинское преданіе „Амиранъ“. „Амиранъ не можетъ достать своего меча и просить крестьянина, явившагося на его зовъ: „Лягъ между мечомъ и мною, ухватись за рукоятку; я потяну за ноги, такъ, авось, и достанемъ его“. Крестьянинъ исполнилъ просьбу богатыря; но едва Амиранъ потянулъ его за ноги, онъ сталъ сильно кричать отъ боли. Сострадательный Амиранъ, отказавшись отъ такого безчеловѣчнаго способа, посылаетъ крестьянина домой за „гведи“ (упряжь быковъ, сдѣланная изъ воловьихъ кожъ) и предупреждаетъ его, что онъ долженъ нести ихъ, не заговоривъ ни съ кѣмъ. Но крестьянинъ не исполнилъ этого условія, такъ какъ выбралъ жену, мѣшавшую ему нести гведи; почему онъ, вернувшись къ Амирану, не нашелъ его: гора „Сакорніа“ скрыла его. Амиранъ сильно разсердился на женщину“.

Если Амиранъ освободится, онъ перебьетъ всѣхъ женщинъ и кузнецовъ ¹.

Антихристъ, съ виду очень красивый, будетъ имѣть *Ст. Сенаки*. стеклянные ноги и желѣзные когти. Онъ будетъ истязать людей, чтобы заставить ихъ поклоняться ему, и кого прикажетъ распилить, тотъ навѣрно попадетъ въ рай.

Багратъ.

Какой-то царь, состоя въ незаконной связи съ царицей *Зоветы*. Тамарой, прижилъ съ ней сына; желая скрыть это, онъ приказалъ кормилицѣ отнести ребенка въ лѣсъ и покинуть тамъ. Мальчикъ былъ очень красивъ и мамкѣ жаль было съ нимъ разстаться; тѣмъ не менѣе она должна была исполнить повелѣнiе царя, и снесла мальчика въ лѣсъ. Но прежде чѣмъ оставить его, мамка отрѣзала ему мизинецъ. Когда прошло три недѣли, кормилица, захотѣла узнать, что случилось съ ребенкомъ, отнесеннымъ ею въ лѣсъ. Придя туда на известное мѣсто, она увидѣла такое зрѣлище: надъ ребенкомъ стоитъ лавъ и кормить его своими сосцами; а онъ—здравъ и не-

¹) Тамъ же. Въ подстрочномъ примѣчанiи: „Кузнецы, чтобы предотвратить избiенiе ихъ Амираномъ, въ Великiй четвергъ ударяютъ молотомъ о наковальню: цѣпь утолщается, и вѣрный пещъ снова начинаетъ ее слизывать.“

Природа и люди на Кавказѣ и за Кавказомъ. П. Надеждина. „На горѣ „Ялбузъ“ (грузинское названiе Эльбруса), по преданiю грузинъ, томится узникъ на цѣпи, богатырь Амиранъ. Вѣрный пещъ лижетъ безъ усталы оковы своего господина и давно бы ихъ разорвалъ, если бы грузинскiе кузнецы ежегодно въ утро Страстнаго четверга не ударили *три раза* о наковальню. Отъ этихъ ударовъ цѣпь приобретаетъ прежнюю крѣпость, и Амирану суждено освободиться въ *день втораго пришествiя*“.

Вышеозначенный Сбор. Вып. XIII. Отд. II. Стран. 86—87. Абрскиль, абхазскiй Прометей: „Вѣрный арашъ (конь) принялся лизать цѣпь, въ которую былъ закованъ Абрскиль, чтобы утонуть ее и затѣмъ разорвать. Но, когда щенокъ (въ котораго Богомъ была превращена ослушавшаяся старуха, такъ какъ она, получивъ отъ Него повелѣнiе стеречь Абрскила, сначала только томила послѣдняго, а затѣмъ мирвоила ему) утолить свой голодъ, цѣвь, уже доведенная арашемъ до толщины шелковой нити, принимаетъ свою первоначальную толщину.“

вредимъ, только одѣяніе его изорвано. Мамка, пораженная этимъ чудомъ, побѣжала домой; а черезъ три мѣсяца снова пошла посмотрѣть на царевича и попрежнему нашла возлѣ него лань—кормилицу. Такъ и воспитался мальчишъ. Вотъ онъ выросъ и возмужалъ; молва о его красотѣ разнеслась по всему царству и дошла до царя. Царь пожелалъ видѣть красавца, котораго скоро и представили ему. Бывшая при этомъ мамка, лишь только замѣтила, что на его рукѣ не достаетъ мизинца, сейчасъ вспомнила о побочномъ сынѣ царя, брошеннымъ ею въ лѣсу на произволъ судьбы. Изъ питомца лани вышелъ впоследствии доблестный, знаменитый и богатый Ваграць.

Спящая царица и царевичъ.

Одинъ царь ведетъ войну съ татарами. Татары побѣждаютъ его и убиваютъ. Царица съ маленькимъ сыномъ куда-то скрывается, и никто не можетъ ихъ найти, не только чврги, но даже свои. Но вотъ одному крестьянину царица является во снѣ и говоритъ, что онъ найдетъ ее въ такой-то пѣркви, высѣченной въ скалѣ; но предупреждаетъ, что если онъ тронетъ ее, то произойдетъ несчастіе для всего человѣчества. Крестьянинъ на другой день отправляется искать царицу и подходитъ наконецъ къ огромной скалѣ, у подошвы которой зияетъ страшная пропасть. Къ скалѣ черезъ пропасть приставлена лѣстница; внизу лѣстницы вмѣсто ступеньки находится деревянный ящикъ, въ которомъ нѣтъ ни одного желѣзнаго гвоздя. Крестьянинъ садится въ этотъ ящикъ и путемъ какого-то особаго переворачиванія его достигаетъ вершины лѣстницы. Одному мальчику, сдѣлавшему ту же попытку удалось добраться только до половины лѣстницы, откуда онъ долженъ былъ спуститься внизъ. Сказанный мужичокъ входитъ въ церковь и попадаетъ въ золотое отдѣленіе. Здѣсь онъ видитъ царицу: лежитъ она спящая въ золотомъ гробу,

у ногъ ея и головы сидятъ двѣ живыя монахини. Отсюда, не тронувъ царицы, крестьянинъ проходитъ въ ту часть храма, которая наполнена драгоценными камнями, и наконецъ пробирается въ чугунное отдѣленіе, гдѣ замѣчаетъ огромный чурекъ. Слышитъ онъ голосъ, повелѣвающій ему взять половину этого чурека; сейчасъ вынимаетъ кинжалъ изъ ноженъ и пробуетъ имъ рѣзать чурекъ; но чурекъ оказывается очень твердымъ, и кинжалъ не дѣйствуетъ. Крестьянинъ, отказавшись отъ этого намѣренія, вкладываетъ кинжалъ въ ножны. Но вдругъ чурекъ самъ собою распадается на двѣ равныя половины, каждая вѣсомъ въ двадцать пудовъ. Мужичекъ беретъ себѣ одну половину и несетъ ее домой. Эта половина чурека въ Зовретахъ хранится еще и теперь.

Вблизи Душетъ, у г. Тифл. губ., есть озеро, окруженное трясиными, въ которомъ вода чиста и прозрачна, какъ хрусталь. Въ ясную погоду съ горы, возвышающейся неподалеку, на двѣ того озера можно видѣть золотую люльку, въ которой лежитъ сынъ спящей царицы. Люлька окружена цвѣтами и наполнена слезами матери.

Сказки.

„Оѳросѹміані“.

Въ нѣкоторомъ царствѣ жили два брата-близнецы, каждый „оѳросѹміані“, или имѣющій золотые волосы. Братьевъ нельзя было различить, такъ какъ они, помимо того, что были очень похожи другъ на друга, еще и одѣвались одинаково. Тотъ и другой имѣлъ своихъ собакъ и собственнаго коня Раши, которые также поражали полнѣйшимъ между собою сходствомъ. Разъ одинъ „оѳросѹміані“ сказалъ брату: „Я отправлюсь искать счастья, а ты въ мое отсутствіе всякое утро посматривай на свою пашку; если увидишь на ней росу, спѣши ко мнѣ на помощь“. Сказавъ это, онъ сѣлъ на своего Раши, взялъ собакъ и отправился въ путь. Ыхалъ онъ, ѣхалъ и на-

конецъ прибылъ въ одно государство. Первый, кто съ нимъ тамъ повстрѣчался, былъ картежникъ, тотчасъ предложившій ему сыграть въ карты. „Обросуміані“ согласился и проигралъ, все, что имѣлъ. Картежникъ сказалъ ему: „Давай, сыграемъ еще разъ! Если выиграешь, возьмешь назадъ то, что проигралъ; а вторично проиграешь, сдѣлаешься моимъ рабомъ.“ „Обросуміані“ не отвергъ предложенія и, оставшись на сей разъ побѣдителемъ, получилъ свое обратно. Потомъ онъ поѣхалъ въ лѣсъ и тамъ переодѣлся рабочимъ; скрывъ свою рыцарскую одежду, оружіе и животныхъ, повязалъ голову платкомъ и отправился къ царю, у котораго нанялся въ садовники. Однажды, когда онъ спалъ, платокъ упалъ съ его головы; младшая дочь царя, бывшая случайно по близости, увидѣла его волосы и плѣнилась имъ. Съ тѣхъ поръ прошелъ годъ: царь созвалъ своихъ подданныхъ, поставилъ ихъ въ два ряда, вывелъ къ нимъ своихъ трехъ дочерей и сказалъ послѣднимъ, чтобы онѣ изъ среды молодыхъ людей выбрали себѣ жениховъ. Двѣ старшія царевны избрали въ мужья красивѣйшихъ и знатнѣйшихъ подданныхъ; а младшая пожелала выйти замужъ за садовника, и за свой выборъ подверглась насмѣшкамъ со стороны сестеръ и отца. Но тѣмъ не менѣе она былъ повѣнчана съ садовникомъ, и помѣщена съ нимъ въ ветхой лачужкѣ, между тѣмъ какъ старшія сестры послѣ своей свадьбы получили прекрасныя палаты во дворцѣ. Скоро послѣ того царевны зятя задумали отправиться на охоту. Женатымъ на старшихъ царевнахъ дали прекрасныхъ лошадей и собакъ, а садовнику осла и дворovou собаку. „Обросуміані“ направился въ лѣсу къ тому мѣсту, гдѣ находились его рыцарская одежда, оружіе, лошадь и собаки. Припрятавъ тамъ осла, дворнягу и простую одежду, онъ преобразился въ прежняго рыцаря и, сѣвъ на Раши, взявъ и собакъ своихъ, выѣхалъ охотиться. Убивъ оленя, онъ расположился подъ дубомъ отдохнуть. Другимъ зятямъ ничего не удалось убить;

но они, увидѣвъ рыцаря и возлѣ него убитаго оленя, возымѣли надежду помочь своей неудачѣ и стали просить счастливаго охотника продать имъ дичь. Тотъ долго не соглашался, наконецъ сказалъ: „Я готовъ уступить вамъ оленя, но не за деньги; подставьте лишь ваши спины моей лошади, и она обохъ ударить ногою. Они изъявили свое согласіе и, выдержавъ по одному удару подкованнаго Раши, получили оленя. „Огростуміані“, оставшись одинъ, снова переодѣлся садовникомъ и, спрятавъ все свое въ лѣсу, поѣхалъ домой на ослѣ,—а вслѣдъ за нимъ потащилась и дворовая собака. Царь встрѣтилъ его вопросомъ, убилъ ли онъ что нибудь? На это „огростуміані“ отвѣтилъ, что охота для него была неудачна. Другіе же два зятя сказали царю: „Мы долго и безуспѣшно гонялись за оленемъ, пока наконецъ удалось его уложить.“ Зятья охотились на второй и на третій день, въ которые съ ними случилось то же, что произошло и въ первый день охоты. Черезъ мѣсяцъ послѣ того въ государство вторгаются турки и хотятъ его завоевать. Царь собираетъ огромное войско и раздѣляетъ его на три части: одною частью предводительствуетъ самъ, а другими двумя командуютъ его знатные зятья. Съ обѣихъ сторонъ сражаются храбро, и, пока, ни враги, ни свои не имѣютъ перевѣса. Вдругъ въ цѣлу битвы среди воюющихъ сторонъ появляется на прекрасномъ конѣ рыцарь съ распущенными золотыми волосами; онъ съ такою яростью и силою нападаетъ на турецкія дружины, что тѣ не выдерживаютъ натиска и обращаются въ бѣгство. Но побѣда рыцарю достается не даромъ: его ранятъ въ руку. Рыцарь былъ ни кто иной, какъ „огростуміані“. Царь замѣчаетъ рану на рукѣ богатыря и, подѣхавъ къ нему, собственноручно перевязываетъ ее своимъ платкомъ. „Огростуміані“, еще никѣмъ не признанный, снова пускается въ погоню за турками и на этотъ разъ разбиваетъ окончательно. Война прекратилась и царь задалъ пиръ на весь міръ. Во время пира онъ

всталъ и произнесъ тостъ за неизвѣстнаго рыцаря, избавившаго государство отъ нашествія турокъ. Взоръ царя упалъ на садовника, рука котораго была повязана царскимъ платкомъ; государь подошелъ къ мужу младшей дочери и узналъ избавителя. „Обросѣміані“ рассказалъ тестю, что какъ было, и все стало ясно и понятно. Царь сдѣлался къ нему милостивъ и отвелъ ему съ женою самое лучшее помѣщеніе во дворцѣ; а на другихъ двухъ зятьевъ разгнѣвался и, прогнавъ ихъ изъ царскаго дома, далъ имъ небольшой участокъ земли. На слѣдующій день утромъ „обросѣміані“ уѣхалъ на охоту. Онъ охотился цѣлый день, не встрѣчая никакой дичи; только въ сумерки ему попался прелестный олень, котораго онъ и убилъ. Охотникъ усѣлся подъ деревомъ, росшимъ на берегу рѣки, и сталъ жарить куски мяса на вертелѣ, короче сказать, дѣлать шашлыки (у грузинъ—шашлыкъ, „тваді“). Когда жаркое было готово, изъ воды показалась „кудіані“, старая вѣдьма съ хвостомъ, и попросила „обросѣміані“ дать ей шашлыкъ. Онъ, не отказывая ей въ этомъ, предложилъ вѣдьмѣ выйти на берегъ; но та отвѣтила, что собаки заѣдятъ ее („кудіані“ боится собакъ и, слышавъ собачій лай, убѣгаетъ), а что онъ можетъ сдѣлать ихъ безопасными для нея: пусть только свяжетъ собакъ волоскомъ, который она ему подастъ. Уже волосокъ поданъ, собаки связаны и „кудіані“ ѣстъ шашлыкъ. Съѣвъ кусокъ мяса, она и за остальные куски принялась съ большою жадностью, такъ что „обросѣміані“ грозила опасность совсѣмъ лишиться ужина; почему онъ замѣтилъ ей, что слѣдовало бы подумать и о немъ и хотя что-нибудь оставить ему. «Молчи», прорычала вѣдьма, „не то я тебя съѣмъ!“ Да такъ и вышло: покончивъ съ шашлыками, она бросилась на „обросѣміані“ и проглотила его; собаки, связанные чародѣйнымъ волосомъ, даже не пошевелились и не могли спасти своего хозяина. За хозяиномъ «кудіані» пожрала собакъ его и лошадь. Оставшійся дома „обросѣміані“,

увидѣвъ утромъ росу на своей пашкѣ, послѣшно сѣлъ на Раши и посылалъ выручать брата изъ бѣды. Сначала онъ заѣхалъ къ его тестю; царь, принимая второго „оурозуміані“ за зятя, очень обрадовался ему. На вопросъ царя: „Гдѣ собаки?“—онъ отвѣтилъ: „Потеряны!“ Златокудрый, переночевавъ во дворцѣ и взявъ съ собою царскихъ собакъ, отправился далѣе. На третій день онъ прибылъ къ тому дереву, подѣ которымъ братъ его съ собаками и Раши попали въ чрево вѣдьмы. Когда онъ въ свою очередь готовилъ ужинъ, „вудіані“ снова появилась и просила шашлыковъ... Волосокъ, поданный ему вѣдьмой противъ собакъ, онъ бросилъ въ огонь; почему, когда та вышла на берегъ, собаки, не будучи связаны волосомъ, бросились на нее и поддержали своего господина. Послѣдній приставилъ кинжалъ къ груди вѣдьмы и потребовалъ отъ нея, чтобы она высвободила изъ себя брата его, собакъ и Раши живыми; „вудіані“ повиновалась и изрыгнула всѣхъ ихъ невредимыми. Тогда оба брата накинулись на нее и, убивъ, сожгли ее. Совершивъ такой подвигъ, они сѣли на коней и поѣхали къ царю. Царь, увидѣвши ихъ вмѣстѣ, сперва не могъ рѣшить, который его зять; но недоуміе его рязсѣялось, когда на рукѣ одного изъ нихъ онъ замѣтилъ свой платокъ. Теперь совершается судьба и второго „оурозуміані“: онъ женится на племянницѣ царя. На радостяхъ царь устроилъ роскошный пиръ. Я тамъ былъ много вина пилъ, печаль оставилъ тамъ, веселье принесъ сюда¹.

¹) Сказка „Окростіані“ напоминаетъ своими частями слѣдующія двѣ сказки братьевъ Гриммъ.

Желѣзный Иванъ.

Восьмилѣтній королевичъ, съ золотыми волосами, оставляетъ Желѣзнаго Ивана и заходитъ въ одинъ большой городъ, гдѣ поступаетъ на службу при королевскомъ дворѣ и служитъ сперва поваренкомъ, а затѣмъ подмастерьемъ садовника. Онъ никогда не снимаетъ шапки съ головы и тщательно скрываетъ свои золотые волосы; но королевичъ удается ихъ замѣтить, однако она никому объ этомъ не говоритъ. Во время войны златокудрый тайно является на бранное поле на ретивомъ конѣ и, предводи-

Кобылій сынъ.

Мирелія. Въ какомъ-то царствѣ была кобыла „Ѣзрі-чакі-цхені“, которая жеребилась каждую недѣлю. Но вотъ однажды прошла недѣля, прошла и другая, прошелъ мѣсяць, прошло и пять мѣсяцевъ, а жеребенокъ все не являлся на свѣтъ. Бѣломая кобыла всякій день ожидала смерти, говоря: „Не сегодня—завтра умру“. Дни летѣли за днями, а она не умирала. Такъ дожила кобыла до девятого мѣсяца, съ наступленіемъ котораго начала слабѣть и въ концѣ мѣсяца разрѣшилась красивымъ мальчикомъ. Мальчикъ росъ не по днямъ, а по часамъ. Когда ему исполнилось пятнадцать лѣтъ, а возмужалостью онъ походилъ на тридцатилѣтняго мужчину, мать побудила его искать счастья. Она дала сыну уздечку и, посылая его къ табуну лошадей, велѣла показать ее послѣднимъ, предупредивъ его, что затѣмъ подойдетъ къ нему лошадь, которую онъ долженъ взуздать и, сѣвши на нее, отправиться въ путь. Едва мальчикъ, придя къ табуну, показалъ ему

тѣлствуя толпой своихъ воиновъ, онъ доставляетъ побѣду королю. Король устраиваетъ пиръ, чтобы узнать на немъ рыцаря, который разбилъ его враговъ. Этому рыцарю узнаютъ въ подмастерьѣ садовника, по его золотымъ волосамъ, пойманнымъ имъ золотымъ яблокамъ и нанесенной ему ранѣ. Когда же, сверхъ того, еще обнаружилось королевское происхожденіе подмастерья, то король охотно выдалъ за него свою дочь.

Два брата.

Братья—близнецы передъ разлукой дѣлятъ между собой звѣрей и втыкаютъ въ дерево ножъ, лезвіе котораго, въ случаѣ несчастья одного изъ нихъ должно покрыться ржавчиной. Спустя нѣкоторое время одинъ братъ женится на царевнѣ. Будучи на охотѣ въ заколдованномъ лѣсу, онъ сталкивается съ колдуньей: волшебный прутикъ ея превращаетъ въ камни его и сопутствовавшихъ ему звѣрей. Другой братъ видитъ заржавѣлость ножа и спѣшитъ къ несчастному брату на помощь. Онъ является къ царю и тотъ принимаетъ его за зятя. Затѣмъ онъ встрѣчаетъ въ заколдованномъ лѣсу ту же колдунью и побѣждаетъ ее. Колдунья при помощи прутика оживляетъ перваго брата и его звѣрей, послѣ чего оба брата уничтожаютъ ее совмѣстными усиліями. Когда братья возвращаются во дворецъ, затрудняются отличить между ними царскаго зятя; наконецъ царевна узнаетъ своего мужа по льву, имѣвшему на шеѣ вастежку.

уздечку, какъ лошади разбѣжались; осталась одна вляча, которая и подошла къ нему. Увидѣвъ ее, онъ огорчился и сказалъ: „На такую то влячу я долженъ сѣсть!“ Она же отвѣтила: „Еще достоинъ ли ты на мнѣ сидѣть; однако садись, я тебя испытаю!“ Мальчикъ сѣлъ на влячу, а та взвилась и полетѣла къ небу, къ которому приблизилась настолько, что всадникъ могъ быть раздавленъ. Но онъ во-время перевернулся внизъ головою и очутился у лошади подъ брюхомъ; тогда вляча спустилась къ землѣ, и мальчикъ снова сѣлъ ей на спину. Раши—такъ звалась вляча—сказалъ ему: „Да, ты хорошій малый! Теперь въ путь—слушайся меня во всемъ, что на прикажу!“ Они направились къ одному городу, на пути имъ попалось три большихъ дерева. Раши указываютъ на одно изъ нихъ и говорятъ мальчику: „Ударь по нему пашвой и сруби его!“ Тотъ срубилъ дерево, и вдругъ явился великанъ мдеви¹⁾, который хотѣлъ убить мальчика; но самъ погибъ отъ его руки. Затѣмъ побѣдитель, по приказанію Раши, срубилъ другое дерево, возлѣ котораго произошло второе столкновение съ мдеви, и тутъ увѣнчавшееся побѣдой для мальчика. Возлѣ третьяго дерева Раши приказываетъ всадни-

¹⁾ *Кутаисъ*. Великаны въ сказкахъ изображаются о двѣнадцати и двадцати пяти головахъ и имѣющими дворцы о двадцати четырехъ комнатахъ, въ которыхъ подъ замкомъ содержатся красавицы, въ каждой комнатѣ по одной.

Ко дворцу на удаломъ Раши подъѣзжаетъ царевичъ, который наконецъ перескакиваетъ черезъ ограду и прямо влетаетъ въ окно къ томящейся въ неволѣ красавицѣ, и похищаетъ ее у великана.

На Сурамѣ были великаны столь огромнаго размѣра, что могли, нагибаясь съ горы, пить воду изъ Куры. (См. „очокочи“ въ Сухумѣ).

Вудидскій уездъ. Одинъ крестьянинъ представилъ кусочекъ стеклышка дымчатаго цвѣта, длиною въ полтора сантиметра и шириною почти въ сантиметръ, говоря, что это—залекашая кровь великана „мдеви“, которая обладаетъ свойствомъ удерживать кровотеченіе изъ носу, лишь только положить ее на лобъ. Крестьянинъ прибавилъ къ этому: „Нужно остерегаться, чтобы кровь великана не запачкать свинымъ саломъ, а въ противномъ случаѣ она лишится дѣлебнаго свойства; да и самъ „мдеви“, какъ нехристь, не оскверняетъ себя пищей изъ свинины“.

ку: „Ударь меня хлыстомъ такъ, чтобы кожа сошла: тогда я подпрыгну на полвысоты дерева, а ты въ этотъ моментъ сруби его!“ Когда мальчикъ и это исполнилъ, вмгъ предъ нимъ предсталъ „Бакбакъ—мдеви“, царь великановъ и огромнѣйшій изъ всѣхъ мдевиц: лечи шириною въ сорокъ четыре локтя. Нашъ богатырекъ не струсилъ и приблизился къ Бакбаку, а этотъ закричалъ на него: „Что тебѣ нужно, моловосось?!“ Съ яростью мальчикъ бросился на великана, и въ ту минуту, когда онъ схватился съ нимъ, небо опустилось надъ землею; но мальчикъ приваснулся къ небу рукой, и оно остановилось. Борьба съ Бакбакомъ, происходившая въ промежуткѣ между небомъ и землею, длилась три дня и три ночи. На четвертый день мальчикъ одолѣлъ врага и уже вынулъ кинжалъ, чтобы заколоть его, какъ тотъ сталъ молить о пощадѣ и обѣщать свою помощь въ нуждѣ. Побѣдитель отпустилъ Бакбака; подружившись съ нимъ, онъ сѣлъ на Раши и отправился въ городъ, куда прибылъ на слѣдующій день. Тамъ онъ увидѣлъ ужасное зрѣлище: царскій дворецъ былъ обставленъ кольями, на которыхъ торчали человѣческя головы. Дѣло въ томъ, что у царя была дочь, „Мзисунахави“, т. е. никогда не видящая солнца и свѣтлая собственнымъ сяннѣемъ, которое исходитъ изъ ея лица: многіе искали ея руки и могли получить ее подѣтъмъ условіемъ, если залѣзуть на колъ со стаканомъ воды, не проливъ ея ни капли; пытавшіеся сдѣлать это, при неудачѣ, должны были лишиться головъ, которыя затѣмъ попадали на колья. Кобылій сынъ, во чтобы то ни стало, намѣренъ добиться руки царевны: вотъ онъ, руководимый наставленіями Раши, отправляется къ золотыхъ дѣлъ мастеру и заказываетъ ему вылить золотую овцу такихъ размѣровъ, чтобы онъ могъ въ ней помѣститься. Мастеръ точно исполнилъ заказъ и получилъ щедрое вознагражденіе; принявъ на храненіе Раши, съ обязательствомъ кормить его гвоздями, онъ понесъ вылитую овцу съ мальчикомъ, сидѣвшимъ внутри ея,

во дворцѣ, гдѣ, согласно просьбѣ героя, предложилъ ее въ даръ царевнѣ, и поставилъ въ ея спальнѣ возлѣ кровати. Царь, будучи доволенъ подаркомъ, сдѣланнымъ его дочери, щедро наградилъ мастера. Ровно въ полночь искатель счастья вышелъ изъ овцы и разбудилъ „Мзисунахави“; та испугалась, но онъ объяснилъ ей свой поступокъ и успокоилъ ее. „Мзисунахави“ такъ онъ пришелся по сердцу, что она дала ему чудодѣйственное кольцо, сказавъ, что онъ можетъ заморозить имъ воду въ стаканѣ. На другой день тотъ пошелъ къ царю и заявилъ, что хочетъ жениться на его дочери. Царь отвѣтилъ ему: „У насъ сто колець и нѣтъ пока головы, на сотомъ колу; думаю, что на немъ будетъ твоя.“ По повелѣнію царя, героя привели къ роковому колу и дали ему стаканъ, до краевъ наполненный водою. Онъ взялъ воду, приваснулся въ ней кольцомъ, отчего она замерзла, и полѣзъ на колъ. Когда онъ взобрался на самый верхъ, увидѣлъ вдали свою мать, и изъ глазъ его полились слезы. Такъ какъ придворнымъ показалось, что герой пролилъ воду, то рѣшили его обезглавить; но, когда онъ, сказавъ, что на землю капнули слезы, опрокинулъ стаканъ съ замерзшей въ немъ водою, чтобы доказать, что вода не могла пролиться, его въ тотъ же день повѣнчали съ царевной. Назавтра онъ собрался везти жену въ свой домъ, но царь упросилъ его оставить ему „Мзисунахави“ на три мѣсяца. Царевъ зять, согласившись на то, отправился къ своему другу „Бавбаку“. По прошествіи трехъ мѣсяцевъ къ царю явился „мдеви“, посланный зятемъ за женою. Царь не согласился отпустить дочь и, ожидая враждебныхъ дѣйствій со стороны зятя, собралъ огромное войско. „Мдеви“, воротясь домой, рассказалъ все, какъ было. Герой и „Бавбакъ“ сильно разгнѣвались и въ свою очередь составили войско изъ десяти тысячъ „мдеви“, съ которыми и пошли противъ царя. Перебивъ всѣхъ, они взяли „Мзисунахави“ и поселились во дворцѣ. Сюда была приведена и „Тѣври-чави-цхени“. Когда она забо-

дѣла и предчувствовала близкую кончину, то просила, чтобы ее похоронили, и ни въ какомъ случаѣ не бросали бы на съѣденіе волкамъ, говоря, что иначе волки размножатся и будутъ ѣсть людей. Я тамъ былъ, много вина пилъ; печаль оставилъ тамъ, веселье принесъ сюда.

Мдеви.

Абаша. Жили себѣ мужъ и жена, было у нихъ нѣхъ три сына. Когда жена снова забеременѣла, родители начали просить Бога даровать имъ сына; но Богъ не внялъ ихъ мольбамъ и далъ имъ дочь, которая оказалась „мдеви“. Въ хозяйствѣ этого семейства было четыре коровы, изъ которыхъ одной, скоро послѣ рожденія „мдеви“, не стало: ночью корову кто-то съѣлъ, а кости ея сложилъ въ одномъ мѣстѣ. Отецъ приказываетъ сыновьямъ стеречь коровъ поочередно и стрѣлять въ того, кто будетъ подходить къ животнымъ. Старшій сынъ, караулившій въ первую ночь, войдя утромъ въ домъ, сказалъ отцу, что онъ никого не видалъ; то же сообщалъ и средній сынъ, стоявшій на стражѣ во вторую ночь; а младшій во время своей очереди увидѣлъ великаншу, намѣревавшуюся схватить корову, и, выстрѣливъ въ мдеви, заставилъ ее исчезнуть. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того въ домѣ раздался плачъ ребенка; заглянули въ люльку и замѣтили, что у дѣвочки изъ правой руки текла кровь. Отцу почему-то показалось, что виноватъ въ этомъ младшій сынъ: онъ и прогналъ его изъ дома. А тотъ сѣлъ на Раши и сталъ разѣзжать по деревнямъ, живя подаваніемъ. Во время своего скитанія онъ услышалъ, что сестра его съѣла дома остальныхъ трехъ коровъ, отца, мать и двухъ братьевъ; почему рѣшилъ убить ее и, для приведенія въ исполненіе этого намѣренія, обзавелся тремя собаками, взятыми имъ изъ трехъ крестьянскихъ домовъ, по одной изъ каждаго дома. Приучивъ къ себѣ собакъ, скиталецъ отправился съ ними къ сестрѣ; но собаки

дорогой отстали от него, и онъ явился въ свой домъ беззащитнымъ. Когда онъ, привязавъ Раши въ столбу, показался сестрѣ, она начала грозить ему, что съѣсть его. „Не ѣшь меня“, говоритъ братъ, „я пожертвую для тебя лошадью!“ Сестра не тронула его и скоро отправилась въ городъ. Братъ, оставшись одинъ, принялся варить „любю“ и „ѳомі“, отъ которыхъ паръ такъ и валилъ. Когда мдеви вернулась изъ города, прибѣжали и братнія собаки. Хорамъ, Хурумъ и Гишера, какъ звались собаки, обступили своего господина, и онъ считалъ себя въ безопасности отъ мдеви. Братъ подалъ сестрѣ любю и гоми, отъ которыхъ паръ такъ и валилъ. Она схватила горсть „ѳомі“ и обожгла себѣ руку; но эта непріятность ни на минуту не оторвала ея отъ предложенныхъ яствъ, которыя она, по натурѣ, медленно двигая челюстями, ѣла основательно. Когда мдеви насытилась, братъ подалъ ей вина, котораго она выпила столько, что опьянѣла. Скоро сестра уснула, а братъ воспользовался случаемъ и натравилъ на нее собакъ, которыя загрызли ее до смерти. Ему хотѣлось еще прострѣлить сестру, но она послѣ выстрѣла ожила, что повторилось и въ другой разъ; въ третій разъ, когда собаки заѣли мдеви, братъ не выстрѣлилъ въ нее, и она не ожила. Тотъ, сдѣлавшійся теперь единственнымъ владѣльцемъ всего имущества, сталъ жить-поживать да добра наживать,—а худо проживать.

Кажанди.

Жила—была одна вдова, которая имѣла четырехъ дочерей. Разъ она отправилась къ рѣкѣ мыть бѣлье и, когда закончила со стиркой, увидѣла нѣсколько зеренъ „любю“, пльвшихъ по водѣ. Вдова поймала одно зерно и съѣла его, чрезъ это забеременѣла и спустя нѣсколько мѣсяцевъ родила сына, котораго назвала Кажанди. Зачатый отъ «любю», будучи семилѣтнимъ мальчикомъ, слылъ среди сверстниковъ а силача; овъ часто, играя съ ними въ мячъ, валилъ ихъ на

Эки.

земь. За это товарищи были на него озлоблены и всегда мстили ему тѣмъ, что называли его незаконнымъ сыномъ. Досаждая ему такъ, они довели его наконецъ до того, что онъ однажды прибѣжалъ въ своей матери, схватилъ ее за горло и началъ душить, требуя связать ему, кто онъ такой. Испуганная мать открыла снну тайну его рожденія. Кажанди, когда ему было десять лѣтъ, пришелъ въ кузнецу и заказалъ ему лукъ, вѣсомъ въ десять пудовъ, и стрѣлы, каждую въ пять пудовъ. Въ назначенный день онъ явился въ кузнецу и, найдя заказъ готовымъ, пожелалъ испробовать крѣпость стрѣлъ. Кажанди пустилъ одну изъ нихъ вверхъ и, когда стрѣла спускалась, подставилъ подъ нее лобъ; но та, ударившись объ лобъ, разломалась пополамъ. Поэтому онъ велѣлъ кузнецу сдѣлать новыя стрѣлы, каждую вѣсомъ въ десять пудовъ; новыя стрѣлы, испытанныя тѣмъ же способомъ, оказались годными. Кажанди, владѣя оружіемъ громадныхъ размѣровъ, задумалъ поискать приключеній и, простившись съ матерью, отправился въ путь. Черезъ нѣсколько дней онъ встрѣтилъ человѣка, который только и дѣлалъ, что переставлялъ горы съ мѣста на мѣсто—звался онъ „Ахметъ“. Между ними завязалось знакомство; а за обѣдомъ, который сваряетъ Ахметомъ изъ дичи, набитой богатыремъ Кажанди, они заключили между собою дружбу и поклялись быть всегда неразлучными. Друзья отправились путешествовать. На встрѣчу имъ попался человѣкъ, который въ силахъ былъ поднять одну часть земли—звали его „Боша“. Они, взявъ съ Боши клятву въ вѣрности, приняли его въ товарищи и пустились съ нимъ дальше. Вотъ пришли богатыри въ большому лѣсу и остановились: Кажанди распорядился, чтобы Боша приготовилъ обѣдъ; а самъ и Ахметъ ушли на охоту. Боша настрѣлялъ много дичи и сварилъ обѣдъ, вдругъ появился незнакомый священникъ и началъ требовать у Боша обѣдъ. Богатырь отказалъ ему, и между ними произошла

борьба, изъ которой, однако, священникъ вышелъ побѣдителемъ: онъ повалилъ Бошу на землю и связалъ ему руки веревкой, которую принесъ съ собой; а затѣмъ принялся за обѣдъ, съѣлъ его дочиста и исчезъ. Скоро возвратились съ охоты Кажанди и Ахметъ, которые, увидѣвъ связаннаго товарища, поспѣшили его освободить; Боша разсказалъ имъ о случившемся. На другой день пришла очередь Ахмета оставаться и готовить обѣдъ; когда двое другихъ охотились, съ Ахметомъ повторилось то же, что случилось въ первый день съ Бошей. На третій день остается Кажанди, Ахметъ же и Боша отправляются на охоту: эти, уходя, пытаются поднять лукъ и стрѣлы Кажанди, чтобы взять ихъ съ собою; но оружіе оказывается имъ, хотя и богатырямъ, не подъ силу, и охотники идутъ безъ него. Снова къ обѣду явился священникъ и потребовалъ все, что было наварено; Кажанди, не произнеши ни слова, хватилъ его кулакомъ по лбу такъ, что онъ замертво упалъ на землю. Ахметъ и Боша, вернувшись съ охоты и увидѣвъ своего обидчика поверженнымъ на землю и неживымъ, очень обрадовались. Но едва богатыри принялись ѣсть, какъ священникъ вскочилъ на ноги и побѣжалъ; они, забывъ объ обѣдѣ, погнались за нимъ. Изъ преслѣдующихъ Кажанди былъ впереди всѣхъ, и первый замѣтилъ большую дыру, въ которую скрылся священникъ. Ахметъ сплелъ корзину и привязалъ къ ней веревку; Кажанди сълъ въ корзину, и товарищи опустили его въ дыру. Внизу богатырь увидѣлъ большую рѣку, а у ея берега лодку, привязанную къ колышку; онъ вошелъ въ эту лодку и переправился въ ней на другую сторону рѣки. Тамъ, пройдя нѣсколько верстъ берегомъ, онъ приблизился къ большому дому, обнесенному каменной стѣной; на балконѣ дома замѣтилъ дѣвочку, которая сообщила ему, что домъ принадлежитъ умирающему священнику. Кажанди зашелъ къ нему и въ лежавшемъ на одрѣ узналъ преслѣдуемаго. Возлѣ священника стояли и пла-

вали его три дочери, одна красивѣе другой; увидѣвъ незна-
комца, онѣ обратились къ нему съ мольбой помочь ихъ отцу.
Сейчасъ Кажанди велить имъ приготовить „очинаху“ (боль-
шую и длинную вадушку, въ которой давятъ виноградъ), а
самъ отправляется на охоту; убивъ двухъ медвѣдей, добываетъ
изъ нихъ сало и растапливаетъ его. Когда священника обми-
ли и причастили, онъ взялъ его на руки, положилъ въ „очи-
наху“ и залилъ горячимъ саломъ. Покончивъ со священни-
комъ, Кажанди рѣшаетъ воспользоваться его драгоценными
вещами, а дочерей—старшую хочетъ выдать за Ахмета, сред-
нюю за Бошу, младшую же прочить себѣ въ жены. Съ до-
бычей и тремя дѣвцами онъ направляется къ тому самому
отверстію, чрезъ которое спустился внизъ. Въ висѣвшую кор-
зину Кажанди сначала посадилъ старшую поповну; затѣмъ,
когда Ахметъ и Боша, поднявъ дѣвицу наверхъ, подали кор-
зину, посадилъ въ нее среднюю поповну; послѣ нея тѣмъ же
способомъ отправилъ на верхъ драгоценности, а за четвер-
тымъ разомъ свою невѣсту. Какъ ни уговаривали его това-
рищи подняться вмѣстѣ съ своей нареченной, онъ на это ни
за что не согласился. Когда же они спустили корзину для
самого Кажанди, то онъ, не особенно довѣряя своимъ друзь-
ямъ и желая испытать ихъ преданность себѣ, положилъ въ
корзину большой камень; тѣмъ, поднявъ ее на-половину, пусти-
ли веревку, и корзина съ большимъ грохотомъ полетѣла внизъ.
Тутъ Кажанди убѣдился въ невѣрности товарищей, повнѣ
головой и пошелъ бродить по чужой сторонѣ. Вдругъ раз-
дался страшный гулъ, все закружилось—и Кажанди очутился
въ подземномъ мѣрѣ. Вдали онъ замѣтилъ маленькую избушку,
въ которой и держалъ путь; войдя въ нее, увидѣлъ старуху,
о чемъ-то горько плакавшую. Поздоровавшись съ хозяйкой,
Кажанди немного погодя попросилъ у нея вѣсть; она достала
муку и стала готовить изъ нея тѣсто, но на водѣ изъ
смерднаго источника. Странникъ, дивясь этому, спросилъ у

хозяйки: „Неужели у васъ нѣтъ лучшаго источника?“ — „Есть“, отвѣтила та, „но его стережетъ драконъ, которому за каждый „кока“ (глиняный вувшинъ) воды должно оставлять по одному человѣческому существу на съѣденіе“. „У меня“, продолжала старуха, „было четверо дѣтей, и трое изъ нихъ пожралъ драконъ; на утѣшеніе мнѣ остался одинъ сынъ“. Искатель приключенія взялъ „кока“ и пошелъ съ нимъ за водой къ роковому источнику; возлѣ него онъ встрѣтилъ дѣвицу, лѣтъ шестнадцать, сидѣвшую на землѣ и оплакивавшую свою судьбу. Горемычная была дочь царя, обреченная въ жертву дракону. Кажанди хочетъ убить дракона, чтобы отъ него спасти царевну и избавить остальныхъ людей. Въ ожиданіи чудовища богатырь положилъ голову на колѣни царевны; но, когда она расчесывала ему волосы, онъ уснулъ. Въ это время послышался ужасный шумъ, и появился драконъ. Дѣвица страшится предстоящей гибели, но и боится будить богатыря: слезы навертываются на ея глазахъ, и одна слеза попадаетъ на щеку Кажанди. Тотъ просыпается, быстро вскакиваетъ и берется за лувъ и стрѣлы. Драконъ налетѣлъ и хотѣлъ схватить царевну; но былъ пораженъ стрѣлою и палъ мертвымъ. Спасенная царевна, выразивъ безпредѣльную благодарность Кажанди, пошла счастливая во дворецъ. Царь, увидѣвъ ее приближающуюся, подумалъ, что она самовольно удалась отъ источника; поэтому приказалъ царедворцу отвести дочь туда же. Но царевна съ живостью подбѣжала къ отцу и радостно объявила ему, что она спасена какимъ-то незнакомцемъ, который убилъ дракона; а гдѣ онъ поселился, не знаетъ. Царь захотѣлъ открыть героя, для чего собралъ всѣхъ гражданъ своего государства и поставилъ ихъ во строю; а царевна должна была обходить всѣ ряды и искать въ нихъ своего избавителя. Найдя Кажанди, прибывшаго на смотръ въ сопровожденіи хозяйки, она взяла его за руку и подвела къ отцу. Царь спросилъ героя: „Чѣмъ тебя награждать?“

„Помоги, государь, возвратиться въ верхній міръ!“ — отвѣтилъ тотъ. Но помочь въ этомъ могъ царь ближайшаго государства, къ которому и направили Кажанди. Другой царь, узнавъ о нуждѣ героя, послалъ его къ «орбі» (орлу), огромной и сильной птицѣ. „Орбі“ согласился доставить Кажанди въ желанный міръ, но птицѣ нужно было класть въ ротъ, при каждомъ взмахѣ крыльями, по куску мяса. Тотчасъ житель верхняго міра пошелъ на охоту и набилъ много дичи; а въ назначенный день явился къ „орбі“ и, навъключивъ его провизіей, сѣлъ на него и полетѣлъ. Но съ тѣмъ запасомъ мяса, какой имѣлся, Кажанди добрался только до полпути; здѣсь „орбі“, ослабѣвшій отъ недостатка пищи, опустился на землю. Богатырь пошелъ въ лѣсъ, чтобы снова припасти дичи; но на бѣду ему не попалось никакого звѣря до самыхъ сумерекъ. Замѣчаетъ Кажанди одну избу и направляется къ ней, рассчитывая тамъ найти ужинъ и ночной пріютъ. Въ избѣ онъ встрѣчаетъ пять сильныхъ мужиковъ, повдоровавшихъ съ которыми, спрашиваетъ у нихъ: „Кому принадлежитъ эта изба?“ — „Царю“, отвѣчаютъ они, „а мы стережемъ здѣсь трехъ великановъ, производящихъ страшный вѣтеръ“. Кажанди проситъ стражей дать ему поѣсть; но одинъ изъ нихъ, пошаривъ въ углу, сообщаетъ пришельцу, что ничего нѣтъ. Тѣмъ не менѣе мужики берутся приготовить для него ужинъ: поручивъ гостю стеречь великановъ, они оставляютъ его въ избѣ, а сами выходятъ вонъ. Любопытство мучитъ Кажанди, и онъ снимаетъ повязку съ чури, въ которой содержатся великаны: эти съ страшнымъ шумомъ выскакиваютъ изъ „чури“, выбѣгаютъ на дворъ и поднимаютъ сильный вѣтеръ, отъ порывовъ котораго все ломается, рушится — даже въ сосѣднемъ государствѣ (самомъ слабомъ) всѣ зданія превращаются въ развалины. Скоро мужики догоняютъ великановъ, схватываютъ ихъ и отправляютъ въ прежнее заключеніе. Кажанди поужиналъ, переночевалъ; а утромъ, поблагодаривъ гостеприми-

ныхъ хозяевъ за хлѣбъ—соль и простившись съ ними, отправился на охоту. Охота была удачная, такъ какъ богатырь настрѣлялъ вдвое болѣе дичи, чѣмъ въ первый разъ. Навѣючивъ „орбі“ свѣжимъ мясомъ, онъ полетѣлъ дальше. Уже пернатому остается сдѣлать одинъ взмахъ, чтобы вынести всадника изъ извѣстной дыры; но мясо все вышло, а безъ куска дичины „орбі“ не сдѣлаетъ и замаха. Какъ тутъ быть? Кажанди рѣшается на крайнее средство и вырѣзываетъ игру изъ своей лѣвой ноги: ею кормить „орбі“, и достигаетъ на немъ верхняго міра. Чудесная птица спрашиваетъ Кажанди: „Откуда ты досталъ мясо, которое далъ мнѣ напоследокъ—оно было очень вкусно?“ Тотъ показываетъ птицѣ ногу, изъ которой лилась кровь; „орбі“ прикасается къ его ногѣ своимъ перомъ, и рана тотчасъ заживаетъ. Скиталецъ, поблагодаривъ „орбі“ за услугу, идетъ разыскивать свою невѣсту и невѣрныхъ товарищей; а птица летитъ обратно въ нижній міръ. Кажанди нашелъ невѣсту на лугу, гдѣ она пасла гусей, исполняя эту обязанность по порученію Ахмета и Боши. Послѣдніе были уже женаты на невѣстахъ, предназначенныхъ имъ богатыремъ Кажанди. Они, нисколько не думая о томъ, что товарищъ, обманутый ими, живъ и можетъ вернуться домой, безопасно проводили время въ пиррахъ; а тотъ вдругъ явился къ нимъ: вѣроломные были поражены прибытіемъ Кажанди и, упавъ къ его ногамъ, стали просить пощады—и онъ великодушно простилъ имъ. Теперь богатырь спѣшитъ къ своей матери, которой не видалъ въ продолженіе двадцати лѣтъ, и находитъ ее въ живыхъ. Старуха бросается въ объятія сына, чудесно ею рожденнаго, и покрываетъ его поцѣлуями, сынъ рассказываетъ ей о всѣхъ своихъ похиженіяхъ. Но недолго старая и слабая мать любовалась своимъ сыномъ: черезъ мѣсяць послѣ встрѣчи съ нимъ она умерла. Скоро затѣмъ Кажанди женился на своей невѣстѣ.

Передаемъ содержаніе сказокъ, болѣе или менѣе сходныхъ по формѣ со сказкой „Кажанда“.

Вып. X. Отд. III, стран. 57—61. Грузинская сказка „Судьба.“ Герой сказки Ломъ-Кацц зачатъ женщиной отъ кожицы яблока. Въ пути он дружится съ двумя людьми, изъ которыхъ одинъ, подвывая къ ногамъ жернова, догоняетъ зайца; а другой такъ осторожно подкрадывается къ гнѣзду голубя и таскаетъ свади его яйца, пробоя о зубы ихъ крѣпости что голубь не замѣчаетъ этой проделки. Товарищи останавливаются у опушки дремучаго лѣса: поочередно готовятъ нищу, когда двое другихъ охотятся. Къ остающемуся является великанъ: такъ онъ одолеваетъ и одиночекъ товарищей Ломъ-Кацц и оба раза съѣдаетъ приготовленную обѣду, но Ломъ-Кацц поражаетъ великана стрѣлой. Побѣдитель спускается въ жилище убитаго великана и находитъ тамъ цѣлѣнную красавицу, которую и беретъ съ собою. Товарищи, подвывая ее наверхъ, избавителя ея оставляютъ во рву. Отсюда обманутый герой переносится въ подземный мѣръ, гдѣ встрѣчается со старухой, сообщавшей ему о чудовищѣ гвелшани: чудовище давало воду лишь въ томъ случаѣ, если за нее жертвовали ему человѣка. Ломъ-Кацц убиваетъ гвелшани. За этотъ подвигъ подземный царь предлагаетъ герою полдарства: но послѣдній желаетъ только вернуться на бѣлый свѣтъ. Сюда героя выносятъ орлица, и онъ находитъ свою возлюбленную на свадебномъ пиру: та по принужденію выходитъ замужъ за одного изъ вѣроломныхъ товарищей Ломъ-Кацц, который за это убиваетъ измѣнника.

Вып. IX. Отд. II, стран. 192—199. С. Баянъ Елисавети. уездъ „Коровій снѣгъ.“ Коровій снѣгъ, зачатый отъ яблока, странствуетъ по свѣту и находитъ себѣ двухъ товарищей—великановъ: изъ нихъ первый шепчетъ веревки изъ песка; а второй, стоя одной ногой на одной горѣ, а другой ногой на другой, держитъ въ рукахъ двѣ горы и ударяетъ ихъ одну о другую. Товарищи—на стоянкѣ: въ густомъ лѣсу на полянѣ. Двое изъ нихъ идутъ на охоту, а третій остается варить нищу. Людоѣдъ, явившійся къ каждому изъ нихъ порознь съ требованіемъ нищи, одолеваетъ ихъ варившей Коровьяго сына; но этотъ губитъ его самого. Коровій снѣгъ проникаетъ въ подземный мѣръ и находитъ тамъ трехъ сестеръ-красавицъ бывшихъ во власти убитаго имъ людоѣда. Дѣвницъ товарищи поднимаютъ изъ ямы, а Коровьяго сына оставляютъ въ ней. Герой, странствуя въ подземномъ мѣрѣ, встрѣчается со старухой, которая жалуется ему на недостатокъ воды, происходящій отъ производа огромнаго звѣря: по временамъ ему бросали на съѣденіе по одному человѣку. Коровій снѣгъ убиваетъ этого звѣря, спасая, такимъ образомъ, и царевну; за что подземный царь готовъ отдать ему все. Но герой отказывается отъ награды и выражаетъ одно желаніе—возвратиться на землю. Царь указываетъ ему путь и птицу Синамарку. Коровій снѣгъ, навьючивъ на нее много провѣантъ, пускается въ обратный путь. Уже онъ на бѣломъ свѣтѣ и отыскиваетъ своихъ товарищей: за измѣну имъ не мститъ, но беретъ себѣ всѣхъ красавицъ.

Вып. XIV. Отд. II, стран. 128—134. Аварская сказка „Медвѣжье ухо“.

Медвѣжье ухо послѣ нѣсколькихъ подвиговъ сходится съ силачами древоносцемъ и мельникомъ. Постранствовать по землѣ, они находятъ себѣ пристанище. Когда двое отправляются на охоту, третій остается готовить пищу. Поочередно остающимся является зайчій всадникъ и требуетъ себѣ мяса: въ борьбѣ съ нимъ древоносецъ и мельникъ терпятъ неудачу; но Медвѣжье ухо одолеваетъ его и, спустившись чрезъ дыру подъ землю и проникши въ домъ зайчяго всадника, убиваетъ его. Король смѣлъ намѣренъ жениться на вдовѣ убитаго и хочетъ подняться съ ней наверхъ. Древоносецъ и мельникъ, поднявъ сокровища, добытыя Медвѣжьимъ ухомъ, и его возлюбленную, самого оставляютъ на днѣ. Герой попадаетъ въ подземное царство, гдѣ старуха рассказываетъ ему о девятиголовомъ змѣѣ, охраняющемъ бассейнъ и каждый годъ пожирающемъ по одной дѣвицѣ за отпускаемую имъ воду. Медвѣжье ухо убиваетъ змѣя. За это царь подземного царства предлагаетъ ему руку дочери и престолъ; но у того одно желаніе—вернуться въ верхній свѣтъ. По указанію царя Медвѣжье ухо находитъ орла, который и доставляетъ его на землю, за дорогу съѣвъ мясо пятидесяти буйволовъ, выпивъ воду, наполнившую шкуры этихъ буйволовъ да, сверхъ того, проглотивъ кусокъ отъ ланца Медвѣжяго уха. Могушая птица врачуетъ рану героя. Онъ отмицаетъ своимъ товарищамъ за нимѣну и женится на вдовѣ зайчяго всадника.

Вып. VI. Приложение ко второму отдѣлу, стран. 21—26. С. Вартанъ Нухинскаго уѣзда Елисаветп. губ. Удинская сказка „Рустама“:

Рустамъ брѣтается съ орѣходержателемъ, мельникомъ и водоосушителемъ. Каждый изъ нихъ по очереди остается на пристанищѣ и готовитъ плоть; а трое въ это время охотятся. У всѣхъ происходитъ единоборство съ чудовищемъ, которое, одоливъ названныхъ братьевъ Рустама, само побѣждено послѣднимъ и лишается головы. Далѣе, Рустамъ спускается подъ землю и тамъ убиваетъ четырехъ дивовъ, освобождая, такимъ образомъ, четырехъ дѣвицъ. Товарищи, поднявъ дѣвицъ наверхъ, Рустама оставляютъ въ ямѣ. Послѣ этого герой попадаетъ въ подземный міръ, гдѣ встрѣчается со старухой, рассказывающей ему о змѣѣ, которая за воду требуетъ даровъ. Рустамъ убиваетъ змѣю, когда царская дочь приноситъ ей блюдо плова. Едва герой высказалъ царю, что онъ хочетъ возвратиться въ надземный міръ, какъ царь указалъ ему на птицу, могущую помочь въ этомъ. Рустамъ навьючиваетъ птицу семью пудами мяса и семью пудами воды. Послѣдній пудъ мяса, брошенный ей Рустамомъ, пролетаетъ мимо ея рта; почему герой даетъ птицѣ часть своего бедра, которую она, однако, не ѣстъ, храня ее подъ языкомъ. Вынесши Рустама на землю, птица заживляетъ его рану. Герой приходитъ къ товарищамъ и прощаетъ имъ нимѣну. Каждый изъ четырехъ женится на своей невѣстѣ.

Вып. VII. Отд. I, стран. 130—141. Станица Боровдинская Терской области Кизлярскаго округа. „Несчастный садъ“:

Иванъ царевичъ и три молодыхъ генерала отправляются искать царскихъ дочерей. Они останавливаются у прохода въ подземное царство.

Въ часы дежурства Ивана царевича изъ этого царства вылетаютъ змѣи— о двѣнадцати, девяти и шести головахъ. Иванъ царевичъ спускается въ подземное царство, убиваетъ тѣхъ змѣевъ и освобождаетъ изъ неволи царевенъ. Генералы царевенъ поднимаютъ на верхъ, а Ивана царевича оставляютъ въ подземномъ царствѣ. Но обманутаго царевича на бѣлый свѣтъ несетъ грифъ-птица, навьюченная провѣантомъ изъ двѣнадцати бочекъ дичи и столькими же бочками воды. Въ пути мяса не хватило, почему царевичъ вырѣзываетъ свои крылья для птицы. Эта, подавшись на бѣлый свѣтъ, отхаркиваетъ крылья царевича и приращиваетъ ихъ къ его ногамъ. Царевичъ—во дворцѣ, онъ женится на одной изъ освобожденныхъ имъ царевенъ. Генераловъ по повелѣнію царя, казнятъ.

Сказки братьевъ Гриммъ.

„Подземный человѣкъ“: Три брата отправляются искать пропавшихъ принцессъ и по пути заходятъ въ большой замокъ; здѣсь происходитъ у нихъ поочередное столкновѣніе съ подземнымъ человѣкомъ, когда двое братьевъ ищутъ принцессъ. Подземный человѣкъ колотитъ старшаго и средняго братьевъ; но младшій, прозванный Иванушка-дурачекъ, его самого бьетъ, принуждая его этимъ способомъ указать мѣсто, гдѣ находятся принцессы. Иванушка-дурачекъ чрезъ колодезь спускается въ подземный міръ, гдѣ находитъ принцессъ у змѣевъ—о девяти, семи и четырехъ головахъ и освобождаетъ ихъ отъ чудовищъ. Когда двое братьевъ подняли принцессъ, и пришла очередь Иванушки-дурачка садиться въ корзину, то онъ, не довѣряя братьямъ, не любившимъ его, и желая ихъ испытать, кладетъ въ нее большой камень. Братья, поднявъ корзину до половины колодца, обрѣзываютъ веревку, и корзина съ камнемъ падаетъ на дно. Иванушку на землю выносятъ подземные человѣчки. Онъ женится на младшей принцессѣ; старшихъ же, какъ обманщиковъ, король приказываетъ повѣсить.

„Два брата“. Эта сказка сходна съ приведенной нами „Каманди“ лишь въ одномъ эпизодѣ:

Въ окрестности города былъ змѣй, которому ежегодно должны были давать на съѣденіе невинную дѣвицу,—а въ противномъ случаѣ онъ опустошилъ бы царство. Этого змѣя убиваетъ одинъ изъ братьевъ въ томъ году, когда чудовищу доставили въ жертву царевну.

„Вічі“, мальчикъ, слуга.

Кулиши.

У одной матери былъ сынъ, котораго она опредѣлила въ школу; но мальчикъ не хотѣлъ учиться—бросилъ школу, прибѣжалъ домой и попросилъ мать помѣстить въ лавкѣ. Мать согласилась и пошла съ нимъ къ купцу—еврею. Послѣдній, узнавъ о цѣли ихъ посѣщенія, обрадовался имъ и,

обратившись мальчику, спросил его: „Какъ тебя зовутъ?“ — „Рви и бросай!“ — отвѣтилъ тотъ. Однажды купецъ, уходя изъ лавки къ сосѣду, сказалъ мальчику: «Ну, Рви и бросай, я ухожу». Лишь только еврей ушелъ, мальчикъ все началъ рвать и бросать; перепортивъ товаръ, онъ сѣлъ на стулъ и началъ дожидаться хозяина. Но вотъ и купецъ вернулся и пришелъ въ ужасъ, когда въ лавкѣ увидѣлъ истребленіе; успокоившись немного, онъ спросилъ виновника: „Почему это ты сдѣлалъ?“ Мальчикъ отвѣтилъ: „Ты же самъ мнѣ сказалъ: «рви и бросай!» Еврей прибилъ его и прогналъ домой. Мать ведетъ сына къ другому еврею, который торговалъ фруктами. Этому, на вопросъ объ имени, мальчикъ сказалъ: „Меня зовутъ: «Откуси и брось!» Разъ торговцу куда-то нужно было отправиться, онъ и говорить мальчику: „Откуси и брось, я ухожу изъ лавки“. Тотъ послѣ выхода хозяина принялся за фрукты—откусить и бросить—и, такимъ образомъ, всѣ плоды сдѣлалъ негодными. Еврей, вернувшись въ лавку и увидѣвъ это, началъ волосы на себѣ рвать и плавать, браня мальчика, котораго наконецъ спросилъ: „Зачѣмъ ты такъ поступилъ?“ На это хитрый мальчикъ отвѣтилъ: «Вѣдь самъ ты мнѣ сказалъ: „откуси и брось!“ Торговецъ прогналъ его. Сынъ, придя домой, сталъ просить мать, чтобы она отдала его разбойникамъ, жившимъ за тридевять земель (или: за девять земель, или: за тремя горами). Мать взяла сына и отправилась съ нимъ къ разбойникамъ; къ нимъ мальчикъ поступилъ въ услуженіе. Тѣхъ сперва было двѣнадцать, но затѣмъ одинъ изъ нихъ умеръ, и осталось одиннадцать. Лошадь покойнаго, платье и оружіе его были сохранены. Однажды разбойники уѣхали, а оставшійся дома дѣтина, уже въ возрастѣ семнадцати лѣтъ, долженъ былъ приготовить имъ кушанье въ котлѣ. Сваривъ, что требовалось, „бічі“ нарядился въ одежду умершаго разбойника, взялъ его оружіе, сѣлъ на его коня и поскакалъ. Встрѣтивъ по дорогѣ одного старика, который

плакалъ, онъ спросилъ его о причинѣ слезъ; старикъ въ короткихъ словахъ передалъ ему, что на него напали одиннадцать разбойниковъ и ограбили его. Дѣтина, узнавъ отъ старика, по какому направленію поѣхали обидчики, погнался за ними и, настигнувъ разбойниковъ, началъ въ нихъ стрѣлять изъ ружья: разбойники испугались и убѣжали, оставивъ всю награбленную добычу. „Бічі“, овладѣвъ послѣдней, вручилъ ее старику, а самъ поспѣшно вернулся домой: скорѣе поставилъ лошадь на мѣсто, повѣсилъ оружіе, переодѣлся и началъ накрывать столъ. Немного спустя возвратились и разбойники—пріѣхали и легли отдыхать. Вотъ одинъ изъ нихъ и говорить: „Добычу отнялъ у насъ никто иной, какъ нашъ „бічі“. Когда товарищи не согласились съ нимъ, онъ предложилъ испытать слугу, говоря: „Пошлемъ его въ полночь на могилу нашего собрата, пусть сваритъ тамъ кашу; если онъ исполнитъ это, то я правъ въ своей догадкѣ.“ Предложеніе было принято, и дѣтина, по приказанію разбойниковъ, забравъ всѣ необходимыя принадлежности, ушелъ готовить кашу на могилѣ. Одинъ разбойникъ, забѣжавъ ему впередъ, улегся вблизи могилы, прикрывъ себя землей; а когда каша была готова, онъ, желая налутать слугу, протянулъ къ котлу руку, говоря: „Дай и мнѣ!“ Но дѣтина, узнавъ мнимаго мертвеца, взялъ котелъ и облилъ разбойника горячей кашей. Тотъ неистово вскрикнулъ и затѣмъ проговорилъ: „Зачѣмъ ты обжегъ меня?“ Слуга отвѣтилъ: „Я не зналъ, что это ты!..“ Послѣ такого испытанія, доказавшаго, что „бічі“ отваженъ до дерзости, разбойники рѣшили во что бы то ни стало отдѣлаться отъ него, и для этого прибѣгнули къ слѣдующему средству: одинъ изъ нихъ притворился умершимъ, и дѣтинѣ приказали сходить для него за водой жизни. Тотъ беретъ кувшинъ и уходитъ. Разбойники заранѣе радовались, думая; что онъ къ нимъ больше не вернется: мѣсто, куда они направили слугу, было ужасно, потому что всякій, кто

только приходилъ туда; погибалъ тамъ. „Бічі“, придя къ водѣ жизни, поставилъ свой кувшинъ, и вода съ большой высоты начала падать въ него каплями. Не прошло минуты, какъ падъ головой безстрашнаго дѣтина появилась женщина: она намѣревалась ударить его золотымъ хлыстомъ, который былъ у нея въ рукахъ. Но дѣтина предупредилъ это, успѣвъ раньше у нея отнять хлысть. Женщина, лишившись послѣдняго, обратилась къ „бічі“ съ такими словами: „Благодарю тебя: я была заволдована, но ты отнял хлысть, и тѣмъ освободилъ меня отъ чаръ. Всѣ тѣ, которыхъ я ударила хлыстомъ, превращались въ камни; но тѣмъ же способомъ я давала жизнь и камнямъ, возвращая людей свѣту“. Сказавъ это, женщина превратилась въ птичку, которая и улетѣла. Дѣтина началъ ударять хлыстомъ по камнямъ, и камни стали принимать человѣческій видъ. Между тѣмъ кувшинъ наполнился живою водою, и дѣтина, взявъ его, пошелъ домой. Разбойники, увидѣвъ возвращающагося слугу, перепугались пуще прежняго. А тотъ, отдавъ имъ кувшинъ съ водою, отправился къ царю, чтобы показать ему золотой хлысть. Дѣтина уже во дворцѣ; но не успѣлъ онъ предстать предъ царя, какъ одинъ купецъ придрался къ нему по поводу хлыста, говоря: „Этотъ хлысть принадлежитъ мнѣ, а тобою украденъ у меня!“ Дѣло дошло до царя, и онъ позвалъ обоихъ на судъ. „Бічі“ доказывалъ на судѣ, что хлысть собственность его, и прибавилъ, что онъ можетъ достать еще двѣнадцать такихъ же хлыстовъ, прося для того трехгодичный срокъ; „если не достану“, сказалъ онъ царю въ концѣ, „привяжи меня повѣсить“. Царь согласился дать ему три года сроку и, принявъ отъ него въ заложники одиннадцать разбойниковъ, отпустилъ его въ путь. Шелъ „бічі“, шелъ и наконецъ прибылъ въ одно государство, и явился въ столицу: столица была въ траурѣ. Когда онъ спросилъ о причинѣ траура, ему отвѣтили: „Умеръ царевичъ и къ нему каждую ночь при-

летаетъ какая-то птица и мучить его; къ его гробу, чтобы избавить царевича отъ мученія, посылаютъ кого—либо другого, обреченнаго на муку; вотъ сегодня наступила очередь одного молодого человѣка, недавно женившагося, со свадьбы котораго не прошло и трехъ дней“. Нашъ герой великодушно выразилъ готовность итти на мученіе вмѣсто новобрачнаго, о чемъ просилъ ему передать. Тотъ, узнавъ объ этомъ, очень обрадовался и хотѣлъ наградить замѣнителя; но послѣдній отказался отъ вознагражденія. Герой съ наступленіемъ ночи пришелъ къ царевичу и спрятался за гробомъ; въ полночь сюда прилетѣла огромная птица—ударилась объ полъ и превратилась въ старую женщину. Она разбудила царевича слѣдующими словами: „А, сегодня къ тебѣ никто не пришелъ; погоди же, помучу тебя сильнѣе прежняго!“ Вмигъ герой выскочилъ изъ-за гроба и грозно проговорилъ старухѣ: „Нѣтъ, его ты не помучишь: я здѣсь!“ Женщина вынула изъ-за пазухи серебряный хлыстъ и хотѣла ударить имъ дереваго; но этотъ былъ ленокъ—отъ удара уклонился и къ тому жъ схватилъ у женщины хлыстъ, послѣ чего сказалъ ей: „Ну что, будешь еще мучить царевича?... Но прошла твоя пора, и настала наша очередь—тебя помучимъ съ нимъ“. Вдругъ старуха бросилась мальчику на шею—обнимала его и благодарила за освобожденіе отъ чаръ, такъ какъ она была заколдована. Послѣ этого она превратилась въ маленькую птичку и улетѣла. А герой взялъ ожившаго царевича за руку и привелъ его, во всеобщему удивленію, къ царю. Царь радовался и благодарилъ избавителя, желая его щедро одарить; но тотъ отказался отъ даровъ и вмѣсто того просилъ царя переправить его на другой берегъ моря. На это царь долго не соглашался, не желая гибели героя: каждый увѣзжавшій на тотъ берегъ, больше не возвращался. Но царь не устоялъ предъ убѣдительною просьбой того, кто спасъ его сына, и далъ ему корабль съ десятью провожатыми. Когда судно было на сре-

динѣ моря, послышалось пріятнѣйшее пѣніе; а минуты черезъ три изъ воды у самаго корабля вынырнула прелестная женщина. Въ рукѣ она держала браслетъ, которымъ намѣрена была прикоснуться къ судну, чтобы такимъ способомъ потопить его; но герой успѣшилъ выхватить у нея браслетъ, и спасъ корабль отъ потопленія. Женщина освободилась отъ чаръ, поблагодарила за это героя, превратилась въ птичку и улетѣла. Корабль благополучно достигъ желаннаго берега, на которомъ, неподалеку отъ стоянки корабля, возвышался богатѣйшій замокъ. Герой подошелъ къ этому замку и, съ трудомъ найдя дверь, слегка пріотворилъ ее, и увидѣлъ трехъ прекрасныхъ женщинъ, которыя пили за чье-то здоровье. Одна сказала: „Много лѣтъ здравствовать тому, кто освободилъ меня отъ чаръ и избавилъ отъ тяжелой обязанности превращать людей въ камни у воды жизни!“— „Нѣтъ, нѣтъ“, перебила другая, „за здоровье того, кто избавилъ меня отъ необходимости мучить царевича!“ „Нѣтъ“, воскликнула третья, „да здравствуетъ тотъ, кто лишилъ меня возможности губить корабли“. Герой, подслушавъ эти тосты, относившіеся къ нему, смѣло вошелъ въ комнату, въ которой находились владѣтельница замка. Тѣ, узнавъ своего спасителя, бросились обнимать его. Онъ сообщилъ имъ, что явился просить у нихъ двѣнадцать золотыхъ хлыстовъ. Женщины дали ему просимые хлысты и, сверхъ того, другіе дары. Герой расстался съ чудесными женщинами и отправился къ царю. Совершивъ благополучно обратное путешествіе, онъ предсталъ предъ царя, подалъ ему обѣщанные хлысты и рассказалъ о случившемся съ нимъ. На другой день одиннадцать разбойниковъ и купецъ, несправедливо присвоившій себѣ золотой хлыстъ, были казнены; а „бичі“—герой женился на царевнѣ и по смерти царя вступилъ на престолъ. Живетъ онъ и по сю пору, имѣя много дѣтей и будучи очень счастливъ.

Кредиторъ и должникъ.

Кулиши. Жили-были два человѣка, оба очень богатые: одинъ, занимая деньги, не любилъ платить долговъ, а другой, давая займы, любилъ получать деньги свои въ срокъ. Однажды первый занялъ у второго абазъ (двугривенный), обѣщая возвратить его черезъ недѣлю; но прошла недѣля, а должникъ не уплачивалъ денегъ, почему кредиторъ самъ отправился къ нему. Тотъ, встрѣтивъ займодавца привѣтливо, рѣшилъ угостить его, почему распорядился, чтобы жена приготовила хорошій обѣдъ. За обѣдомъ толковали о томъ о семъ, и всѣмъ было весело; но въ концѣ обѣда мирный и веселый характеръ бесѣды нарушился, такъ какъ кредиторъ обратился къ хозяину съ вопросомъ: „А что же долгъ?“ На это должникъ отвѣтилъ, что у него нѣтъ денегъ—тогда какъ обѣдъ стоилъ ему болѣе десяти рублей—и просилъ гостя пожаловать за абазомъ черезъ недѣлю. Кредиторъ опять явился черезъ недѣлю, но и на этотъ разъ онъ получилъ лишь дорого стоившее угощеніе; не давъ ему денегъ, пригласили его притти за ними черезъ мѣсяць. Должникъ былъ увѣренъ, что тотъ непременно придетъ въ срокъ, и потому къ концу его заготовилъ гробъ и нанялъ дьячка; а незадолго до появленія займодавца забрался въ гробъ и легъ въ немъ, приказавъ возлѣ себя зажечь свѣчу и дьячку читать псаломъ. Кредиторъ войдя въ домъ должника, спросилъ: „Гдѣ хозяинъ?“ Ему отвѣтили, что хозяинъ умеръ, и провели посетителя въ ту комнату, гдѣ лежалъ мнимый мертвецъ. Займодавецъ началъ плакать и вопить: «Кто возвратить мнѣ двадцать копеекъ?!» Затѣмъ онъ легъ подъ гробомъ, сказавъ: „Я не оставлю его и, когда придутъ за нимъ ангелы, вытребую у него свой абазъ!“ Гробъ понесли въ церковь на ночь; кредиторъ пошелъ вслѣдъ и въ церкви улегся подъ гробомъ. Въ полночь церковныя двери растворились, и въ храмъ вошло двѣнадцать разбойниковъ, принесшихъ съ собою добычу для дѣлежа. Когда послѣдній

почти былъ оконченъ, и остановились лишь на рѣшеніи вопроса, кому должна достаться сабля,—атаманъ предложилъ отдать ее тому, кто съ одного размаха разрубитъ ею гробъ съ мертвецомъ. Сказавъ это, предводитель взялъ саблю и уже замахнулся ею надъ гробомъ, какъ вдругъ крышка гроба поднялась и изъ-подъ нея раздался неистовый крикъ должника, приказывавшаго ловить разбойниковъ; выскочилъ и кредиторъ. Разбойники подумали, что мертвецы воскресли—испугались и, оставивъ всю свою добычу въ церкви, убѣжали. Кредиторъ и должникъ, успокоившись, принялись въ свою очередь дѣлить ту добычу между собой. Разбойники, спустя нѣкоторое время послѣ бѣгства, отправили одного изъ своей шайки въ церковь посмотреть, что дѣлаютъ мертвецы. Посланный показался на порогѣ храма въ тотъ самый моментъ, когда кредиторъ, уже получивши половину добычи, потребовалъ свой абазъ: должникъ, схватилъ шапку съ головы разбойника и, бросая ее кредитору, закричалъ: „Вотъ тебѣ вмѣсто абазы!“ Разбойникъ пришелъ въ ужасъ и, прибѣжавъ къ товарищамъ; сообщилъ имъ: „Столько мертвецовъ воскресло, что для нихъ не достало нашей добычи, даже шапку отняли у меня! Навѣрно, они погонятся за нами“. Разбойники, услышавъ это, бѣжали еще дальше.

Искусственный способъ выраженія мыслей,

практикуемый, между прочимъ, прачками.

Въ грузинскихъ словахъ послѣ каждого гласнаго звука *дугаи* вставляютъ слогъ, состоящій изъ согласныхъ—*ц* или *ци* и предшествующаго имъ гласнаго; а потому конечный согласный звукъ натурального слова заключаетъ собою и передѣлку его. Примѣры.

Ѣа-ца-ци-ци, ка-джи.

Ро-цо-де-це-са-ца-ц чве-це-и вса-ца-вло-цо-бді-ці-ѣ це-

це-рѣ-ца-д хш-ті-ра-ца-д ві-ці-це-це-це-ці-ці-ѣ хо-по-ме-це
а-ца-м кве-це-бзе-це да-ца вме-це-ца-ца-ді-чі-но-по-бді-ціѣ.

Когда мы учились вмѣстѣ, то часто сиживали на этихъ
камняхъ и занимались.

Писчій матеріалъ и чернила.

Гундаети. У поселянъ особымъ писчимъ матеріаломъ служитъ ко-
ровья плечевая кость, замѣняющая имъ грифельную доску: на
этой кости дѣлають записи, которыя затѣмъ, по минованіи
въ нихъ надобности, стираются. Пишуть на ней гусинымъ
перомъ, чернила для того приготавливаютъ особымъ способомъ:
переворачиваютъ котель и въ закопченное углубленіе его два
вливаютъ немного воды; размѣшавъ копытъ, ипогда вмѣстѣ
съ уголькомъ, приставшимъ ко дну котла, получаютъ чернила.

Машурко,

преподаватель Кутаисской гимназіи.